

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

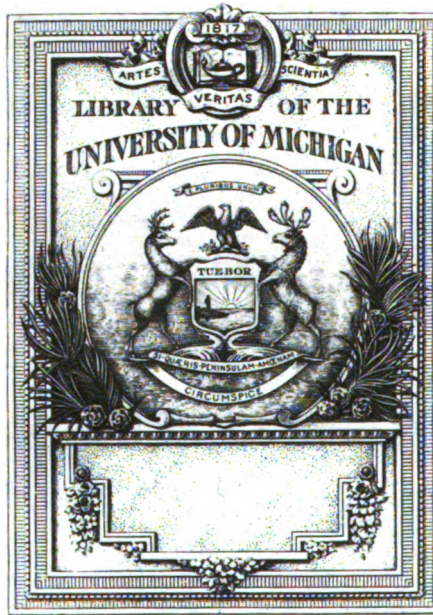
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

B 443608

DS

73

.R8

Rossiyskaja dukhovnaja missija
v Pekinie

11
625.

ТРУДЫ ЧЛЕНОВЪ

Труды...

РОССІЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССІИ

ВЪ ПЕРННЪ.

№ 13608.

ТОМЪ I.

172

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВѢДАНІЙ.

1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С Петербургъ.

12-го Декабря 1851 года.

Ценсоръ *Н. Ахматовъ.*

Fac. no. 11.
Perlatin
9-29-36
32851
4 v. in 2

jin

11-2-36

НАЧАЛО И ПЕРВЫЯ ДѢЛА
МАНЬЧЖУРСКАГО ДОМА.

НАЧАЛО И ПЕРВЫЯ ДѢЛА МАНЬЧЖУРСКАГО ДОМА.

Исторія *Маньчжурскаго дома*, двѣсти лѣтъ владычествующаго въ Китаѣ, начинается не ранѣе XVII столѣтія, и именно 1616 года, когда *Тай-цзу*, уже усвоившій себѣ понятія и правила Китайскаго двора, принялъ титулъ *Хана*, далъ названіе своему правленію, одѣлся въ желтое платье и, какъ повелитель поднебесной, говорилъ о себѣ: *чжэнь мы*. Тогда были положены твердыя основанія новому государству и первыя сѣмена тѣхъ великихъ событій, которыя возникли и развились съ необыкновенною быстротою и неисчислимыми слѣдствіями для народовъ восточной Азіи. Различныя племена, обитавшія отъ *Лю-дуна* до береговъ *Амура*, мало по малу соединились подъ вліяніемъ одной державной власти и общаго законодательства; двинутыя смѣлою, и могущественною рукою великаго основателя на поприще гражданственной и политиче-

ской жизни, они, съ живостію свѣжаго и предприимчиваго народа, вступили въ кругъ новой для нихъ дѣятельности и восторжествовали надъ трудностями, которыми сопровождается рѣзкій переходъ отъ дикой независимости — къ общественному порядку и гражданственности. Измѣненіе племенами древней своей жизни положило начало существованію *Маньчжурскаго народа*; появленіе собственнаго письма и письменности послужило основаніемъ первымъ историческимъ памятникамъ *Маньчжурскаго государства*.

Впрочемъ народъ, сдѣлавшійся съ началомъ семнадцатаго столѣтія извѣстнымъ подъ именемъ Маньчжуровъ, не былъ позднимъ и невѣдомымъ пришлецомъ въ историческомъ мірѣ.

Земля, лежащая на Сѣверо-востокъ отъ нынѣшней заставы *Шань-хай-гуань*, уже съ незапамятныхъ временъ были извѣстны Китаю. Давно въ немъ господствовала мысль, что горные хребты, наполняющіе собою сѣверозападные предѣлы сей имперіи, оканчиваются въ островахъ и дикихъ скалахъ береговъ Восточнаго океана; что на Востокъ отъ Китая — отечество великихъ государственныхъ людей. Богдоханъ (Императоръ) *Сюань-юань* — лице, принадлежащее еще къ доисторическому міру, по мифическимъ преданіямъ Китая, происходилъ изъ *Дло*, южной части Маньчжуріи. Если имѣть полную вѣру къ свидѣтельству са-

мой первой Китайской летописи, известной под именем *Шу-цзинь*, то мѣста, прилегающія къ *Мукдэню*, древней столицѣ нынѣшней династїи, были границами *Ю-чжоу* и *Инь-чжоу*, учрежденныхъ еще государемъ *Шунь*, именемъ тоже полуисторическимъ. Съ умноженіемъ народонаселенія, Китайская Имперія, постепенно распространяясь къ Востоку, во времена династїи *Чжоу*, вступила въ дѣйствительныя и уже несомнѣныя отношенія къ Маньчжурскимъ племенамъ; особенно водвореніе въ *Корей* Китайской власти и образованности должно было имѣть сильное вліяніе и на обитателей *Гириля*, соединенныхъ съ *Чоо-слинь* — Корею связями самого близкаго сосѣдства. Чѣмъ болѣе приближаемся къ позднѣйшимъ временамъ, тѣмъ яснѣе и подробнѣе становятся сказанія Китая о странахъ, лежащихъ на Северо-востокъ отъ Великой Стѣны. И наконецъ, послѣ смѣнявшихся одна за другою династїй *Ляо* и *Гинь*, изъ которыхъ первая возникла при берегахъ *Амура*, а вторая въ лѣсахъ *Гириля*, свиденія о внутреннихъ мѣстахъ и дальнихъ границахъ Маньчжурїи въ первый разъ получили опредѣленность, истину и полноту.

Племена, населившія эту обширную страну, по своей физіогномїи и организаціи, принадлежатъ къ тому многочисленному отдѣлу человѣчества, къ которому относятся почти всѣ народы Северо-восточной Азіи и

который у физиологовъ извѣстенъ подъ общимъ именемъ *Монгольскаго покольнiя*. По родовымъ чертамъ характера, привычекъ, вѣрованiй, образа жизни и по сходству языка, они составляютъ одно обширное семейство съ различными *Тунгусскими племенами*, разсѣянными на необозримомъ пространствѣ земли отъ сiянiя *Аруки* съ *Шилкою* — до устьевъ *Лены*, отъ *Байкала* и *Енисея* — до береговъ *Охотскаго моря*. По частной генеалогiи, единству историческихъ преданiй и свидѣтельствъ, по очевидному и несомнѣнному преемничеству въ жизни и народномъ развитiи, большее число племей, соединившихся нынѣ подъ общимъ именемъ *Маньчжуровъ*, принадлежитъ къ одному древнему покольнiю *Суиэнь*. Встрѣчающiяся въ Китайской исторiи племена *Восточныхъ варваровъ*: *Илоу*, *Уцзи*, *Мохэ*, *Бохай* и *Нюйчжэнь* — были названiями могущественнѣйшихъ племенъ одного и того же *Суиэньскаго народа*, въ слѣдствiе внутреннихъ или внѣшнихъ обстоятельствъ раздѣлившагося на частныя покольнiя, которыя, въ свою очередь, опять дробились на новыя подраздѣленiя и дѣлались основателями новыхъ родовъ. Частныя покольнiя, усилившись въ могущество, подчиняли своей власти прочихъ родовичей и сообщали имъ свои названiя; въ этомъ обстоятельствѣ скрывается причина, почему въ Маньчжурiи постоянно возникали какъ будто новыя, прежде не бывавшiе на-

роды и Аймаки, и почему въ исторіи рано исчезло имя: *Сушонь*.

Китай, несмотря на глубокую древность своей исторіи, въ которой сохранилъ для насъ драгоценныя свѣданія о сопредѣльныхъ съ нимъ государствахъ и владѣніяхъ, и на раннія отношенія къ Маньчжуріи, не говоритъ ни слова о какомъ-нибудь общемъ переселеніи тамошнихъ племенъ. При самомъ первомъ знакомствѣ съ этою страной онъ уже встрѣтилъ здѣсь *Сушоней* и назвалъ ихъ *туземцами Востока*. Но взглядъ на положеніе племенъ, которыя являются предъ нами на самыхъ крайнихъ предѣлахъ древняго міра, среди дремучихъ лѣсовъ и непроходимыхъ горъ, съ одной стороны — окруженныхъ моремъ (послѣднею преградой для переселенія народовъ, еще невозвысившихся до искусства господствовать надъ опасною стихіей); а съ другой — стѣсненные огромною массою непріязненныхъ *Монгольскихъ* поколѣвій и чрезвычайнымъ народонаселеніемъ Китая, постоянно стремившася глубже проникнуть во внутренность чуждой страны: сей взглядъ естественно рождаетъ мысль о какой-то отдаленной и незапамятной эпохѣ, когда племена, гонимыя силою могущественныхъ враговъ, покинули свое древнее отечество и пришли искать себѣ убѣжища на берегу Восточнаго океана.

Гдѣ была первоначальная родина бѣглецовъ? Какимъ

путемъ они достигли настоящихъ своихъ жилищъ? — вопросы, на которые можно отвѣчать не исторически-прямыми свидѣтельствами, но вѣроятными предположеніями.

Нигдѣ *Тунгусскія* племена не достигали такого высокаго политическаго значенія, народной образованности и числительнаго могущества, какъ въ гѣсахъ и горахъ нынѣшней Маньчжуріи, гдѣ до сихъ поръ потомки *Сушаней* составляютъ господствующее народонаселеніе, которое, несмотря на различные перевороты въ своей жизни, сохранило національную независимость, древній языкъ, вѣрованія и нравы. Развалины городовъ, исторія дома *Бохай*, *Гинь* и нынѣ царствующей династіи, служатъ неоспоримымъ доказательствомъ нашихъ словъ. Чѣмъ далѣе на Сѣверъ отъ вершинъ *Амура*, тѣмъ слабѣе становятся признаки *Тунгусской* жизни. Племена утрачиваютъ свою многочисленность и самостоятельность; раздѣлены между собою неизмѣримымъ пространствомъ и чуждыми народами, среди которыхъ постепенно теряютъ чистоту своего языка и родовыя черты національнаго характера; никакихъ историческихъ свидѣтельствъ и древнихъ памятниковъ, которые хотя не ясно говорили бы намъ, что въ Сибири нѣкогда процвѣтали могущественныя *Тунгусскія* владѣнія и царства, какъ то было въ Маньчжуріи. Среди различныхъ насыпей и кургановъ, встрѣчающихся на протяженіи

отъ устьевъ Волги до вершинъ Амура, *Даурскія племена*, во своей бѣдности и малочисленности, занимаютъ самое послѣднее мѣсто: доказательство, что здѣшнія племена никогда не достигали значительности и богатства.

Такое рѣзкое различіе въ положеніи одного и того же народа, по двумъ сторонамъ Яблоннаго хребта, даетъ намъ право вывести слѣдующія заключенія: что средоточіемъ Тунгусскихъ поколѣній была страна, заключающаяся въ предѣлахъ горы Чанъ-бошани (т. е. *длинная, бѣлая гора* — въ Маньчжуріи); что Тунгусы, обитающіе въ Сибири, — только разновременныя колоніи Маньчжурскихъ племенъ, постепенно распространившихся въ мѣстахъ нынѣшней Дауріи и что слѣд. самое древнее и первоначальное поколѣніе достигло гѣсовъ *Гуриля по сѣвернымъ путемъ*. Еще менѣе можно думать, чтобы оно пришло съ Сѣверо-западныхъ предѣловъ Китая; потому что Имперія сія въ первый разъ вошла въ соприкосновеніе съ Маньчжурскими племенами только на берегахъ *Ляо*. Такимъ образомъ пустынные степи Монголіи, всегда бывшія обширнымъ поприщемъ для странствующихъ народовъ, представляются единственнымъ путемъ, которымъ Тунгусы достигли береговъ *Сунари-улы* и *Хунь-тунь-цзяна*. Переселеніе это должно относиться къ весьма древнимъ временамъ, даже до полнаго завладѣнія Монголами *Гобійскою* степью; иначе переходъ цѣлаго народа,

чрезъ земли чуждыхъ и воинственныхъ поколѣній, не-
 могъ не сопровождаться кровавою борьбою, слѣдствія
 которой отразились бы въ жизни и лѣтописяхъ Китай-
 ской Имперіи, постоянно чувствовавшей ужасныя по-
 трясенія отъ подобныхъ переворотовъ. Съ другой сто-
 роны не сомѣнно, что Восточные Монголы, извѣст-
 ные въ Китайской исторіи подъ общимъ именемъ
Дунъ-ху, представляются въ самыхъ тѣсныхъ родствен-
 ныхъ отношеніяхъ съ поколѣніями Тунгусскаго прои-
 схожденія. Фактъ сей, утверждающійся на подлинныхъ
 свидѣтельствахъ древнихъ лѣтописцевъ, самымъ поло-
 жительнымъ образомъ указываетъ на смѣшеніе двухъ
 народовъ, происшедшее отъ того, что одинъ изъ нихъ
 водворился въ жилищахъ другаго. Если представимъ
 себѣ, что племена, соединившіяся нынѣ подъ родо-
 вымъ названіемъ Монголовъ, первоначально возника-
 ютъ на сѣверозападныхъ предѣлахъ песчаной степи
 называемой *Шамо*, при границахъ *Хухэнора* и подошвѣ
Алтая; что они постепенно и побѣдоносно распро-
 страняются къ Югу и Востоку; то само собою возни-
 каетъ и утверждается мнѣніе, что часть обширныхъ
 равнинъ нынѣшней Монголіи нѣкогда была занята
 Тунгусскими поколѣніями, изъ которыхъ, съ появле-
 ніемъ новыхъ могущественныхъ племенъ, — одни уда-
 лились въ лѣса и горы Маньчжуріи, другіе смѣшались
 съ своими побѣдителями, въ послѣдствіи времени.

образовавши съ ними родственное цѣлое, получившее впрочемъ, отъ сліянiя двухъ различныхъ элементовъ, нѣкоторые особенные оттѣнки. Такимъ воззрѣніемъ легко объясняется чрезвычайное тождество словъ въ языкѣ того и другаго народа; рѣшается загадочное полу-Монгольское и Тунгусское происхожденіе династiи *Ляо*, нынѣшнихъ *Солоновъ* и *Дауровъ*. Исторiя представляетъ множество примѣровъ подобныхъ превращенiй. Сами Маньчжуры, на южныхъ границахъ своихъ часто терявшіе національный характеръ подъ вліянiемъ Китая и Кореи, служатъ разительнымъ доказательствомъ, подтверждающимъ наше мнѣніе. Взглядъ на физическія свойства Монголіи и Маньчурiи можетъ объяснить, какъ легко и безъ сожалѣнiя должны были Тунгусскiя племена промѣнять пустынные равнины на дремучія лѣса и неприступныя горы страны, обшавшей имъ богатыя средства для сохраненiя жизни и независимости; — между тѣмъ глубокая древность этого, вѣроятно, перваго движенiя народовъ средней Азiи была причиною, что Китай, въ весьма раннія времена встрѣтившій *Суиэиэи* уже по ту сторону рѣки *Ляо*, назвалъ ихъ туземцами Маньчурiи.

Что касается до Маньчжурскихъ нравовъ и быта, то они неуклонно слѣдовали за развитіемъ самаго народа, и въ этомъ отношенiи образуютъ одну непрерывную лѣстницу постепеннаго усовершенствованiя и возвышенiя.

Древній Маньчжуръ, подобно Скинамъ, Готамъ и Хуннамъ, съ самаго младенчества своего учился одному искусству — владѣть конемъ и тугимъ лукомъ. Стрѣла, окрыленная орлинымъ перомъ, съ наконечникомъ, сдѣланнымъ изъ остраго и твердаго камня, была первою драгоценностію дикаря, которую онъ освящалъ молитвами къ духамъ и представлялъ въ дань Китаю, какъ самое лучшее сокровище. Сила и мѣткость стрѣлка, на значительномъ разстояніи, дѣлали это слабое орудіе смертельнымъ; а жестокой ядъ, покрывавшій остріе, наносилъ неизбѣжную гибель при самой легкой ранѣ. Спасая независимость, или гонясь за добычею, Маньчжуръ не дорожилъ своею жизнію; препятствія пути, далекое разстояніе, множество враговъ, не могли положить предѣловъ его дерзости и мщению. Сосѣдственныя владѣнія, нерѣдко испытывавшія грозную силу Маньчжурскаго лука, страшались народа, болѣе дорожившаго мужествомъ и отвагой, чѣмъ чловѣколюбіемъ и который съ суровою жизнію соединялъ и суровый характеръ, непреклонный предъ самыми священными чувствами. Стариковъ мало уважали и слеза, пролитая въ память родителей, считалась слабостію не только для мужчины, но и для женщины. Всѣ почести, которыя Маньчжуры воздавали праху усопшихъ, состояли въ томъ, что тѣла ихъ они зарывали, съ нѣсколькими, приносимыми въ жертву умер-

шemu, свиньями, въ могилу, надъ которой строили деревянный навѣсъ, для защиты покойниковъ отъ дождя. Самый бракъ, занимающій важное мѣсто въ обрядахъ всѣхъ народовъ, совершался безъ многочисленныхъ церемоній. Воткнуть пучекъ разноцвѣтныхъ перьевъ въ косу дѣвицы — значило избрать ее въ невесты; прикоснуться рукою къ персямъ ея — служило неоспоримымъ доказательствомъ заключеннаго брака. За бѣдный калымъ, каждый отецъ съ удовольствіемъ предавалъ свою дочь въ руки неограниченнаго сунруга, для котораго слова жена и раба имѣли почти одинакій смыслъ. Вся тяжесть домашнихъ занятій была нераздѣлимой долей женщины, погибавшей отъ руки своего мужа при первой молвѣ, опозорившей ея доброе имя. Часто дѣлался жертвою сунружескаго мщенія и тотъ, кто осмѣлился произнести роковое слово о чести семейства. Никто не являлся мстителемъ за пролитую кровь. Люди, не знавшіе ни письменъ, ни положительныхъ законовъ, руководившіеся въ своихъ дѣйствіяхъ примѣрами предковъ и минутными впечатлѣніями, безусловно вѣрили непогрѣшительности самовластнаго суда, какъ предопредѣленію неба.

При такомъ огрубѣніи умственныхъ и нравственныхъ силъ, и вишній бытъ Маньчжуровъ долженъ былъ представлять самую печальную картину. Для человека, у котораго радость облекалась въ грозную

форму, пѣснь была—звукомъ войны, пляска—подобіемъ битвы; для него не существовало мирныхъ наслажденій изобильной жизни. Маньчжуръ лучше желалъ искусно подражать крику дикихъ оленей, или съ нѣжной заботливостію воспитывать кречета, чѣмъ думать о благѣ и спокойствіи своего семейства. Зимой — скрывался онъ въ глубокія горныя пещеры, или своими руками дѣлалъ высокую насыпь, на днѣ которой располагалъ свое жилище; нѣсколько лѣстницъ вело во внутренность мрачнаго логовища, куда не проникалъ солнечный лучъ и свѣтъ достигалъ только дымовою трубою. Запахъ сырыхъ кожъ, только что содранныхъ съ убитыхъ звѣрей, чрезвычайная неопрятность въ домашнемъ бытѣ, странная смѣсь обитателей, гдѣ люди и животныя, жившіе вмѣстѣ, дѣлали не выносивою такую подземную жизнь; между тѣмъ Маньчжуръ, возвратившись съ утомительной, но счастливой охоты, сладко засыпалъ предъ огнемъ своего очага, или короталъ почти полугодовую ночь зимы за чашей кумыса, въ живой бесѣдѣ съ друзьями объ удаляцахъ послѣдней облавы. Только съ наступленіемъ тепла, онъ покидалъ зимнее убѣжище, и ставилъ шалашъ свой на берегу рѣки, или при опушкѣ лѣса, доколѣ, съ концемъ года, холодъ не заставлялъ его возвратиться къ прежнему пепелищу. Маньчжуръ питался сырымъ мясомъ; любилъ пить воду, настоянную золою; зимою, для за-

щиты отъ вѣтровъ, мазалъ свое тѣло свинымъ жиромъ, одѣвался въ звѣриную или рыбью кожу, на головѣ носилъ шанку, украшенную хвостами тигра; а лѣтомъ — небольшой доскутокъ прикрывалъ наготу дикаря. Нарядъ самыхъ женщинъ состоялъ въ длинномъ платьѣ, сшитомъ изъ грубаго холста.

Таковы общія черты жизни *Суиэней*, *Илоу* и даже давнихъ *Моха*, которые, дикими своими нравами, приближались къ быту прочихъ народовъ, стоявшихъ съ ними на одинакой степени умственного образованія. Впрочемъ, и въ эти времена глубокаго невѣжества и варварства, частныя свойства страны, щедро надѣленной дарами природы, сообщили племенамъ благотворное направленіе, рѣзко отдѣлившее ихъ отъ кочевыхъ народовъ — и послужившее прочнымъ основаніемъ самобытной исторіи Маньчжуровъ.

Возвышенныя равнины Монголіи, постепенно понижаясь къ Востоку, переходятъ въ Маньчурію — въ глубокія долины; напротивъ горы *Хинганскаго* хребта, составившія собою сѣверные предѣлы Китая, по ту сторону рѣки *Ляо* образуютъ изъ себя ужасные хребты, которые, раздѣлившись на множество отраслей, восточныхъ и западныхъ, на Сѣверѣ соединяются съ южными вѣтвями *Аблунцаго* хребта. Отъ такого физическаго устройства, Маньчурія, занимающая собою площадь, въ 67,500 географическихъ миль, представ-

ляется обширною Альпійскою странюю, горы которой отъ подошвы до самой вершины покрыты вѣковыми лѣсами, а долины орошены безчисленнымъ множествомъ рѣкъ и потоковъ, большею частію сливающихся въ одинъ *Амурскій* бассейнъ.

Итакъ, въ Маньчжуріи не могла во всей силѣ развиться пастушеская — кочевая жизнь, для которой нужны равнины Монголіи, поражающія путешественника своею необозримостію. Суровость климата, зависящая отъ близкаго сосѣдства съ возвышенными пустынями *Шамо*, отъ Восточныхъ горъ, преграждающихъ теченіе морскихъ вѣтровъ, и дикости страны, гдѣ малочисленное народонаселеніе не могло еще содѣйствовать къ возвышенію температуры, не благоприятствовали распространенію земледѣльчества, такъ давно извѣстнаго въ Китаѣ и Корей. Маньчжурскія племена естественно должны были подчиниться могущественному вліянію природы, которая, надѣливши ихъ дремучими лѣсами, полными сокровищъ, далеко превышавшихъ потребности людей, незнавшихъ роскоши и неумѣренныхъ желаній, сама назначала образъ жизни весьма приличный народу, стоявшему на низшей степени образованія. Дѣйствительно, начиная съ самыхъ древнихъ временъ, до послѣдней эпохи, придавшей такое высокое значеніе Маньчжуріи, всѣ обитатели этой страны, въ своемъ первобытномъ со-

стояни, являются простыми звѣрологами, и въ этомъ важномъ обстоятельствѣ скрываются причины многихъ другихъ явленій, ознаменовавшихъ исторію Маньчжурскихъ племенъ.

Если пастушеская жизнь, непременно требующая обширныхъ пажитей и постоянной перемѣны мѣстъ, по своимъ кореннымъ условіямъ противоборствуетъ всякому стремленію къ осѣдлой и общественной жизни, то опасности и труды охотническаго быта, часто превышающія силы и мужество одного человѣка, невольнo завязываютъ узелъ прочныхъ и необходимыхъ связей. Въ Маньчжуріи, гдѣ непроходимые лѣса занимали собою почти всю поверхность страны; гдѣ горныя пещеры, сокрытыя подъ навѣсомъ вѣковыхъ кедровъ, были вѣрнымъ пристанищемъ тигровъ и барсовъ, охота не могла быть ни дѣломъ произвола, ни простымъ поприщемъ удачества и отваги. Противъ безчисленнаго множества хищныхъ звѣрей должно было вооружиться такое же множество смѣлыхъ противниковъ, которые только совокупною борьбою могли сохранять и поддерживать свое существованіе. Отъ того даже дикіе и грубые *Сунань* и *Илоу* стремились къ образованію частныхъ общинъ, связывавшихся между собою узамъ родства, единствомъ нуждъ и выгодъ. Несмотря на странную форму своихъ жилищъ, они селились многочисленными деревнями, признававшими

надъ собою власть одного. Важность предводителя охоты такъ высоко цѣнилась въ глазахъ простыхъ людей, что его особа была неприкосновенна; его достоинство свято хранилось, чрезъ цѣлыя поколѣнія, въ одномъ родѣ. Впрочемъ *Суизнецъ* и *Илоу* смотрѣли на жизнь, какъ на одну непрерывную облаву; при такой односторонности быта, власть родовыхъ старшинъ опредѣлялась слишкомъ тѣсными границами. Глава охотниковъ первенствовалъ только во мракѣ лѣсовъ, и люди, составлявшіе покорную дружину его на облавѣ, возвратившись въ свой курень, снимали съ себя узы подчиненности. Горы и рѣки, раздѣлившія страну на множество мелкихъ участковъ, удаляли столкновение племенъ; разъединенные самою природою, они естественно образовали отдѣльныя общины, имѣвшія свои частныя интересы и жизнь, развивавшуюся совершенно независимо отъ обстоятельствъ, нуждъ и выгодъ цѣлаго поколѣнія. Обиліе средствъ къ удовлетворенію важнѣйшимъ потребностямъ существованія подавляли въ народѣ всякое корыстное или честолюбивое желаніе — силою оружія и храбрости создать для себя могущество и счастье. Каждая изъ сихъ частныхъ причинъ принесла въ жизнь *Суизнэй* и *Илоу* новую черту, запечатлѣвшую этотъ періодъ особеннымъ характеромъ. Селенія древнихъ Маньчжуровъ были болѣе военными колоніями, нежели мирными

жизнями людей, искавшихъ осядлости. Значеніе старшинъ получило характеръ удѣльныхъ владѣльцевъ, необходимо противившихся соединенію и слиянію частныхъ поколѣній. Воинственный духъ народа былъ простымъ слѣдствіемъ быта и занятій, но невыраженіемъ характера, отъ природы предприимчиваго и властительнаго. Оттого, несмотря на весьма рано пробудившуюся потребность къ утвержденію общественныхъ связей, *Сушъ* и *Илоу* не могли создать для себя гражданственной жизни; при полномъ сознаніи необходимости подчиниться волѣ самовластнаго правителя, они никогда не соединялись подъ жезломъ общаго вождя; при воинственномъ духѣ, оживлявшемъ всѣ племена, не были народомъ-завоевателемъ, жаждавшимъ добычи и могущества.

Впрочемъ, соединеніе родовъ и поколѣній подъ властію частныхъ старшинъ, и привычка племенъ къ постояннымъ жилищамъ (два великихъ шага на пути народнаго образованія) сдѣлались богатымъ источникомъ важныхъ событій. Охотничей дружинѣ легко было превратиться въ отрядъ воиновъ; люди, съ дѣтства привыкшіе управляться волею своего старшины, уже знакомы были съ первыми началами подчиненности и порядка; непрестанныя облавы, требовавшія совокупнаго и дружнаго дѣйствія, служили первыми опытами общихъ военныхъ движеній. Единство занятій

распространило между племенами единство правилъ и постановленій, и такимъ образомъ не замѣтно приготовило элементы общественнаго устройства; внѣшнія нападенія и борьбы заставляли частныхъ владѣльцевъ заключить между собою постоянные и сильные союзы. При первомъ обстоятельстве, угрожавшемъ спокойствію и независимости племенъ, старшины поспѣшались къ сборному мѣсту съ своими дружинами и мгновенно являлось цѣлое войско, одушевленное мужествомъ, подчиненное единству устава и власти. Солдаты, по роду вооруженія, дѣлились на сѣкироносцевъ, копѣйщиковъ и стрѣлковъ; но числу людей — на тысячи, сотни, десятки и пятки. Каждое изъ этихъ подраздѣленій имѣло своего частнаго начальника, которому, смотря по его степени и важности, вѣрялось большое или малое знамя, отдавалась честь ударами въ доску или боемъ въ барабанъ и литавры. Планъ нападенія и дѣйствій рѣшался общимъ приговоромъ вождей; предъ началомъ битвы, распоряженія объявлялись и солдатамъ, имѣвшимъ право дѣлать свои замѣчанія и подавать голоса. Съ приближеніемъ противниковъ, изъ строя отдѣлялись два человека, для обозрѣнія позиціи и силъ непріятельскаго войска. По мановенію знаменемъ отряды, расположенные лавою, бросались въ атаку; во время боя дѣйствовали въ розсыпь; въ случаѣ побѣды собирались къ своимъ знамен-

намъ и пускались въ погоню; при отступленіи шли сомкнутыми рядами. Для усиленія натиска, часто располагались на вершинѣ горы, откуда стремительнымъ потокомъ низвергались на непріятеля; въ большихъ и рѣшительныхъ сраженіяхъ прежде всего вводились въ дѣло сѣкироносцы, за ними слѣдовали копейщики, поддерживаемые стрѣлками. Потеря начальника, во время битвы, отпала казню нѣсколькихъ его подчиненныхъ. По возвращеніи изъ похода, на общемъ собраніи разбирались заслуги солдатъ и раздавались, изъ полученной добычи, награды, утверждавшіяся согласіемъ цѣлаго войска. Въ оборонительной войнѣ, строили укрѣпленія, дѣлали въ различныхъ мѣстахъ засады и сами опустошали свою страну, для лишенія непріятеля всѣхъ средствъ къ содержанію.

Не такъ ощутительно, но за то болѣе благотворно было вліяніе осѣдой жизни на судьбу и характеръ племенъ. Съ вступленіемъ подъ кровъ селянина, въ нихъ скоро пробудилась мысль, что природа даровала человѣку и другія средства къ существованію, — не одну травлю звѣрей. Земледѣліе, неразлучное съ осѣдлостію, проникло и въ лѣса *Гирина*; но особенно утвердилось оно по южнымъ предѣламъ нынѣшняго *Шанъ-цзика* (Мукдэна) и на берегахъ *Амура*. Умноженіе взаимныхъ отношеній между жителями повело къ большому разнообразію въ самомъ управленіи. Кромѣ

верховнаго вождя или *Бэйлы*, учредились другія (болѣе гражданскія) власти, заботившіяся о благѣ и нуждахъ народа, чинившія судъ и расправу между своими подчиненными. Всѣ, безъ исключенія, повиновались приговору своего мѣстнаго правителя, стоявшаго въ такой-же безусловной покорности общему главѣ. Народъ называлъ своихъ властителей именами девяти планетъ и двадцати осьми созвѣздіи. Самые почетные люди повергались предъ конемъ своего *Бэйлы*; всякой, облеченный какою-нибудь властію, явившись на судъ для защиты своей чести, пользовался исключительнымъ правомъ — сидѣть на крыльцѣ присутственной залы и выпить чашу вина. Жители раздѣлены были на участки, съ точнымъ опредѣленіемъ податей и повинностей. Посланная стрѣла, съ тремя зарубками, служила знакомъ, что настало время для взноса оброковъ, которые немедленно собирались мѣстными властями и поступали въ безусловное распоряженіе *Бэйлы*. Избытки произведеній служили предметами торговли, часто достигавшей высокой значительности. Жемчугъ, корень *жэнь-шэнь* *), кречеты и соболи считались четырьмя драгоценностями Маньчжуріи, привлекавшими къ себѣ толпы Китайскихъ купцовъ. Соприкосновеніе съ народомъ, искони знаменитымъ на Востокъ мудро-

*) Еще въ книгѣ *Ки-дань-зо-чжи* сообщается извѣстіе о торговлѣ въ Маньчжуріи этимъ корнемъ.

стію и просвѣщеніемъ, пробудило въ Маньчжурскихъ племенахъ жажду къ образованію, — и съ далекнхъ предѣловъ *Гиріи* стали являться въ столицѣ Китая приплещы съ униженною присьюбою — посвятить ихъ въ тайны письменъ и глубокой философіи *Кунъ-фу-цзы* (Конфуція).

Такъ изъ двухъ началъ, положенныхъ еще *Суньцзян* и *Илю* въ основаніе своего быта, какъ изъ добраго и живаго сѣмени, — естественно и постепенно развились условія другаго, высшаго образованія, сообщившаго странѣ новый видъ и значеніе. Мелкіе роды и поколѣнія соединились въ группы союзовъ, гдѣ скоро утратили они свои частныя права и характеръ подъ вліяніемъ общаго устройства; изъ безчисленныхъ деревень и селеній образовалось нѣсколько владѣній, сильныхъ по народонаселенію и оружію. Могущество старѣйшинъ пало предъ верховною волею главы сейма, безусловно повелѣвавшаго въ своемъ родѣ и предписывавшаго законы всѣмъ владѣльцамъ, принужденнымъ вступить въ составъ союза. Наконецъ, сосредоточеніемъ племенъ подъ единствомъ управленія, нанесенъ былъ рѣшительный ударъ прежнему варварству, — и на развалинахъ древней, дикой независимости созидалось благополучіе жизни гражданской, общественной. Первенство Бэйлы надъ родоначальниками поколѣній, власть его надъ массою всѣхъ племенъ, торжество

осѣдлой жизни надъ полукочевымъ бытомъ охотника;— эти три важныхъ процесса въ преуслѣбніи народа и составляютъ основу, характеръ и исторію втораго періода въ образованіи Маньчжурскихъ племенъ, періода Аймаковъ, весьма бѣднаго сказаніями, но весьма важнаго по своему обширному вліянію на судьбу сихъ племенъ и по непрестаннымъ ихъ возрожденіямъ.

Не трудно понять, что въ самомъ составѣ Аймаковъ, системѣ, утверждавшейся на шаткихъ основаніяхъ союзовъ, уже заключались сѣмена новаго устройства; что глава сейма, рано или поздно, долженъ былъ перейти въ прямаго вождя и соединить подъ своею властію другихъ соперниковъ, или неуспѣвшихъ развитъ своего могущества, или раздѣлившихъ свое вліяніе съ прочими членами своего союза. Поколѣнію *Сумо* предоставлена была честь, въ первый разъ даровать своему отечеству политическое значеніе и настоящую гражданственность. Сосредоточивши подъ своею властію большую часть племенъ, населявшихъ Маньчжурію, оно основало государство, извѣстное въ Китайской исторіи подъ именемъ *Бохай*, простиравшееся болѣе нежели на 5000 ли и заключавшее въ себѣ часть Кореи. Тогда деревни превратились въ города; страна раздѣлилась на 15 провинцій, съ народонаселеніемъ, восходившимъ свыше милліона семействъ, и нѣсколькими десятками тысячъ отличнаго войска. Пять сто-

лицъ, воздвигнутыхъ на разныхъ пунктахъ государства, довершая блескъ и могущество *Божайскаго* повелителя, прінявшаго титулъ Священнѣйшаго Государя. Гражданская и судебная власть сосредоточены были въ палатахъ, управлявшихся министрами; военныя дѣла зависѣли отъ особеннаго комитета генераловъ, заботившихся о состояніи и образованіи арміи. Указы Государя имѣли силу закона, и ничто не приводилось въ исполненіе безъ его утвержденія. Чиновники являлись ко двору съ золотыми и серебряными дощечками въ платьѣ, предписанномъ уставомъ церемоній. Китайскій Императоръ безспорно призналъ *Божайскаго* повелителя самовластнымъ Государемъ, и съ удовольствіемъ покровительствовалъ распространенію въ Маньчжуріи образованности Средняго царства. Сверхъ ожиданія, чуждый языкъ, идеи, литература и искусства съ такою энергическою ревностію были приняты Восточными варварами, произвели между ними такое могущественное и благотворное преобразование, что, по точнымъ свидѣтельствамъ Китайской исторіи, *Божай* было одно изъ самыхъ цвѣтущихъ государствъ на берегу Восточнаго моря, страной просвѣщенія и ученыхъ.

Домъ *Киданьскій*, мгновенно возникшій на берегахъ *Амура*, сокрушилъ счастье и самобытное существованіе Маньчжуровъ, доколе въ лицѣ *Ауды* — основателя

династiи *Гиль*, не воскресла древняя независимость ихъ и племена снова и блистательнѣе прежняго не явились уже подъ другимъ именемъ и властію. Съ паденіемъ нѣга пало и варварство, воцарившееся на развалинахъ *Бохаи*. *Нюйчжэньцы* (Мянжуры) въ одно и тоже время сражались за свою независимость, строили города и поставляли законы. Еще до завоеванiя Сѣвернаго Китая, они усвоили себѣ тамошній бытъ съ его много-различными отгѣнками. Устройство государства, управленiя и властей, этикетъ двора, обряды вѣры, правила общественной жизни и народнаго воспитанiя, — все, чѣмъ Китайская Имперiя возвышалась надъ окружающими ее владѣніями и народами, мгновенно перенесено было въ Маньчжурiю и быстро принялось на ея благословенной почвѣ. Мы уже не говоримъ о томъ времени, когда династiя *Гиль*, изъ половины Китая, Монголіи и всей Маньчжурiи, составила одну могущественную Имперiю, спорившую, по своей силѣ и образованности, съ династiею *Сунъ*, знаменитою въ лѣтописяхъ Средняго царства своимъ просвѣщеніемъ.

Продолжительная борьба съ Китаемъ за право владѣнiя Сѣверными предѣлами сей Имперiи, съ Монголами за спасенiе своего существованiя, наконецъ совершенно истощили всѣ силы и средства *Нюйчжэнь*, долженствовавшихъ въ одно и тоже время сражаться на двухъ краяхъ государства, съ двумя могущественными

врагами. Тысячи погибли въ несчастныхъ сѣчахъ съ новыми, неумолимыми завоевателями; *Нюйчжэньскій* повелитель самъ окончилъ свою жизнь, для избѣжанія позорнаго плѣна; семейство его погибло; города, облитые кровію, дымящіеся пожарами, остались въ рукахъ побѣдителей; весь Востокъ Маньчжуріи, превращенный въ одну провинцію, сдѣлался достояніемъ *Юаньской* династіи. Опустошенная изъ края въ край, утратившая большую часть народонаселенія, лишившаяся самобытности, Маньчжурія погрузилась въ прежнее, полудикое состояніе, и одніе развалины напоминали о недавнемъ величіи. Разслабленіе нравственныхъ силъ народа было такъ велико, что событія, низвергнувшія владычество Монголовъ надъ Китайскою Имперіею, не имѣли для него никакихъ благодѣтельныхъ послѣдствій. *Миньскій* домъ, возвратившій своему отечеству свободу, легко распространилъ свою власть на Восточныя племена, снова жившія отдѣльными группами, безъ единства въ управленіи, безъ силъ оружіемъ защитить отчизну отъ чужеземнаго вліянія. Почти триста лѣтъ длилось время изнеможенія, и только съ концемъ XVI столѣтія состояніе страны начало принимать болѣе опредѣленную форму и на остаткахъ *Гиньскаго* владычества стало созидаться могущество другаго дома, которому суждено было: третій періодъ въ образованіи Восточныхъ племенъ, начатый еще

Бохаем и продолженный блистательными подвигами *Нюйхэской*, период устроеннаго государства, его политической и исторической жизни, возвести до апогея народной славы и особеннаго значенія, утвердить могущество дома, котораго жизнь и судьбы также необыкновенны и чудны, какъ чудно самое преданіе о его происхожденіи. Главными источниками дальнѣйшаго нашего разсказа были *Кайю-фанъ-лю*, *Мянь-ци-бей-лю* (исторія Сѣвернаго Китая при концѣ Миньской династіи) и *Шанъ-цзи*; есть даже цѣлыя мѣста, которыя совершенно удержаны въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся у авторовъ.

На Востокъ отъ *Мукдэна* начинается *Чанъ-бо-шаньскій* хребетъ, знаменитый въ сказаніяхъ Маньчжурской исторіи. Съ незапамятныхъ временъ Восточныя племена привыкли смотрѣть съ религіознымъ благоговѣніемъ на горы, покрытыя вѣчными снѣгами, и по прихоти суевѣрія населяли дикія вершины чудесами своего воображенія. Здѣсь, на недоступной высотѣ, царство духовъ, скрывающихся отъ человѣческаго взора, и чудные пары вѣнчаютъ отдѣльную треглавою гору. На вершинѣ ея разлилось большое озеро *Тамуль*, питающее своими драгоценными водами три великихъ рѣки: *Ялу*, *Хуньхуль* и *Айсу* — три главныхъ системы водъ, орошающихъ Маньчжурію, разсыпавшихъ жемчугъ по ея берегамъ. По скату тянутся прекрасныя

рошия, какъ будто насажденныя рукою человѣка; въ нихъ обитають рѣдкіе звѣри, которые не страшатся стрѣлъ и не вредятъ человѣку. Подошву сползаваютъ дремучіе лѣса, родная почва кормя *жамъ-жамъ* — царя растѣній и кормя живни. Въ цѣни священныя для Маньчжура горы, особенно знаменита одна, извѣстная подъ именемъ *Букуруи*, внизу которой лежитъ озеро *Булжурн*. Сюда обыкновенно слетали съ неба три дѣвы: *Джунлоу*, *Чжунлоу* и *Фанлоу*, купаться въ чистыхъ струяхъ. Одинъ разъ горный духъ, превратившійся въ сороку, пролеталъ по берегу озера и бросилъ красный плодъ въ платье младшей изъ дѣвъ, которая, съ влукшеніемъ отъ небснаго дара, немедленно почувствовала беременность и, лишившись силъ воспарить на небо, осталась одна на дикой горѣ, гдѣ и родила чуднаго мальчика. При своемъ появленіи на свѣтъ, дитя уже умѣло говорить и лице его сіяло небсною красотою: «Да будетъ врозваніемъ твоимъ *Айжилъ-поро*, а имя *Букуруи Юншоу*» сказала дѣва своему сыну, когда тотъ достигъ полнаго возраста. «Небо родило тебя усмирить мятущееся царство и владычествовать имъ. Вотъ челнокъ, задишь въ него; «плыви по теченію рѣки — и достигнешь твоей страны». Съ симъ послѣднимъ словомъ дѣва поднялась на воздухъ, а дитя привела *Айжилъ-поро* къ одному мѣсту, гдѣ жили три фамиліи, враждовавшія между собою за

право первенства и владычества. Давно уже длился кровавый споръ и партіи, утомленные борьбою, давно желали мира, водворившагося между ними только съ появленіемъ чуждаго пришлеца. При первомъ взглядѣ на юношу, блиставшаго красотою и величіемъ, враги забыли свои распри, и когда онъ сказалъ: «я *Айжиль-поро*, предназначенный самимъ небомъ владычествовать и царствовать надъ вами» — три фамиліи единодушно признали его своимъ Бэйлюю. Новый вождь поселился на Восточной сторонѣ горы *Чань-бо-шань*, въ городѣ *Одорм*, и далъ своему владѣнію общее имя: *Маньчжу*. Нѣсколько поколѣній, потомки *Айжиль-поро* мирно управляли своимъ маленькимъ владѣніемъ, доколѣ одинъ изъ нихъ, несправедливыми поступками, не вооружилъ своихъ подданныхъ которые истребили весь родъ его, и только одинъ отрокъ спасся отъ общей гибели бѣгствомъ въ дикую степь, гдѣ и провелъ всю свою жизнь, скрываясь въ неизвестности. Не ранѣе, какъ уже послѣ нѣсколькихъ поколѣній, является одинъ изъ потомковъ изгнанника, хитростію заманиваетъ болѣе сорока человекъ, принадлежавшихъ къ фамиліямъ, прежде возставшимъ противъ владѣтельнаго дома, половину ихъ истребляетъ, другую лишаетъ достоянія, и наконецъ самъ поселяется въ *Хэту-ала*, болѣе нежели въ полутора тысячахъ ли отъ первой резиденціи своего рода, *Одорм*. Со времени *Чжао-цзу* (такъ назы-

вается возстановитель фамилиі *Гіоро*) рядъ наслѣдства идетъ непрерывною линіею и событія начинаютъ получать болѣе свѣтъ и достовѣрность. Внукъ *Чжао-цзу*, *Синь-цзу* былъ главою многочисленнаго семейства; пять сыновъ его построили вокругъ *Хэту-ала* пять небольшихъ городовъ, а шестой, *Цзинь-цзу*, вмѣстѣ съ властію отца наслѣдовалъ и его резиденцію; отсюда произошли извѣстные въ исторіи Маньчжуровъ *Кингута-Бэйлэ* то есть 6 владѣтелей. Изъ дѣтей *Цзинь-цзу*, особенно были знамениты: старшій сынъ *Ли-дунь*, за храбрость получившій названіе *Батуру*, (богатырь) и *Сянь-цзу* — отецъ *Тай-цзу*, дѣйствительнаго основателя Маньчжурскаго могущества и государства. *Цзинь-цзу* отличался воинственностію. Съ помощію *Лидуня*, онъ мало по халу распространилъ свое вліяніе на близъ лежавшіе аймаки, и небольшой городокъ *Хэту-ала* сдѣлался столицею его владѣнія, простиравшагося на двѣсти ли. Успѣхи эти породили зависть и вражду.

Никань-сайлань, житель города *Турун*, уговорилъ Китайскаго пограничнаго правителя, *Ли-чань-мина*, идти войною противъ *Атал* и *Агал*, владѣвшихъ городами *Гурэ* и *Шачжи*. Китайскія войска двумя дорогами провикли въ Маньчжурію и *Агай* погибъ, защищая свои стѣны. Не такъ легка была осада *Гурэ*. Крѣпость, расположенная на вершинѣ горы, по самому положенію своему, представляла много препятствій къ

покоренію; трудности еще болѣе увеличались отъ храбрости защитника. Слухъ о вторженіи Китайскихъ войскъ скоро распространился между сосѣдственными аймаками и *Цзинь-цзу*, съ отцемъ *Тай-цзу*, поспѣшилъ на спасеніе своей внуки, супруги *Ааг*. Между тѣмъ неудачная и продолжительная осада, а равно значительная потеря воиновъ, ослабили духъ Китайской арміи и *Ли-чанъ-минъ*, недовольный своимъ предпріятіемъ, уже думалъ предать *Никанъ-вайланя*, какъ главнаго виновника раздоровъ, въ руки осажденных и тѣмъ окончить свой безуспѣшный походъ. Тогда, страшась за свою жизнь, *Никанъ-вайланя* поспѣшилъ войти въ тайныя сношенія съ жителями; угрозами и обѣщаніями склонилъ ихъ къ измѣнѣ своему владѣльцу и сдать города въ руки Китайскаго военачальника; осажденные убили своего правителя, отворили ворота непріятельскимъ войскамъ, и признали совершенное подданство свое Китайской Имперіи. Но *Ли-чанъ-минъ*, раздраженный потерю своихъ солдатъ, принесъ всѣхъ жителей въ жертву своего мщенія, а *Никанъ-вайланя* убѣдилъ вождя убить *Цзинь-цзу* и *Сянь-цзу*. Этимъ несчастнымъ событіемъ оканчивается доисторическій періодъ Маньчжурской династіи, запечатлѣнный характеромъ чудесъ, покрывшихъ таинственностію — и тѣмъ малочисленные факты, которые сохранила для потомства память народа и его любовь къ своей старинѣ.

Съ гибелью двухъ старшихъ представителей Мамъч-журскаго дома, главою потрясеннаго аймака остался 16-ти лѣтній *Нурхацци*, котораго все военное могущество заключалось только въ 13-ти латникахъ, составившихъ дружину его отца. Юный возрастъ наследника не обѣщаль никакой надежды на поддержаніе и защиту владѣній, приобретенныхъ силою оружія, и малочисленные данники, по смерти завоевателя *Цзинь-цзу*, спѣшили возвратить свою древнюю независимость. Самые родственники погибшихъ владѣльцевъ, дѣти и внуки шести (Нингута) бэйлѣ, устрашенные силою и кровавымъ мщеніемъ Китая, желали одною безусловною покорностію повелѣніямъ сей Имперіи искупить свое жалкое существованіе. Такимъ образомъ, паденіе едва рождавшагося могущества, повидимому, было неизбежно и *Нурхацци*, владѣвшій нѣсколькими бѣдными хижинами городка *Хэту-ала*, окруженнаго врагами или измѣнниками, казался беззащитною жертвою честолюбія сильныхъ сосѣдовъ или подозрительной политики Китая.

Но юноша, принявшій владычество надъ остатками расхищеннаго достоянія своихъ отцевъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ лицъ, которыхъ провидѣніе нарочно вызываетъ въ бурныя времена для блага народовъ и великихъ событій. Атлетическое сложеніе, прекрасныя черты лица, взоръ полный огня и пронза-

тельности, рѣчь запечатлѣнная суровою важною и силою, благородные приемы—рано доставили безсильному сиротѣ почетное прозваніе : «*Сурэ-бэйлэ*» — мудраго Бэйлы; точно также, какъ великія дѣла и благодарность потомства украсили память его именемъ: *Тай-цзу* — верховный предокъ. Отъ природы прямой и твердый характеръ служилъ выраженіемъ воли, не знавшей ни утомленія, ни препятствій, ни страха. Никто изъ Батырей того времени не превосходилъ *Нурхаци* въ мужествѣ и отвагѣ; ничья рука, вѣрнѣе его, не пускала мѣткой стрѣлы съ тугаго лука. Народъ, хранившій въ своихъ преданіяхъ таинственное пророчество, что скоро среди Маньчжуровъ возстанетъ великій завоеватель, несмотря на своихъ повелителей, враждовавшихъ противъ *Тай-цзу*, относилъ къ нему предсказаніе, умножавшее страхъ враговъ и преданность друзей юнаго Бэйлы, привлекавшаго къ себѣ общее вниманіе своими ранними потерями и несчастьями.

Будучи десяти лѣтъ, *Нурхаци* уже лишился матери. Вторая жена *Сян-цзу*, желавшая въ своихъ дѣтяхъ видѣть единственныхъ преемниковъ власти, изгнала *Тай-цзу* изъ родительскаго дома. Лишенный отцовской любви, получивши изъ рукъ честолюбивой мачихи весьма бѣдный участокъ, вдали отъ братьевъ, *Нурхаци* мужественно несъ тяжелое иго гоненія и невзвѣстности,

докогда висящій, кровавый переворотъ, лишившій его дѣда и отца, не вручилъ ему главную власть надъ его домою, доведеннымъ до гибели и отчаянiя.

Въ эти минуты общаго недоумѣнiя и страха, 16-ти лѣтнiй юноша явилъ присутствiе духа, достойное мужа, испытаннаго несчастiями. Рукою, дрожавшею отъ сильнаго душевнаго волненiя, съ градомъ слезъ, *Тай-цзу* писалъ къ пограничнымъ правителямъ Китая грозное письмо, въ которомъ именовъ неба клялся въ непримиримой ненависти къ Имперiи, за нарушенiе всѣхъ правъ человѣчества и невинную гибель своихъ предковъ. Тонъ письма поразилъ главу Китая своею необыкновенностiю, — и правительство сiе, съ одной стороны худо понимавшее истинное положенiе дѣлъ въ *Цзян-чжоу*, съ другой не желавшее призвать на свои границы мщенiе раздраженныхъ племенъ, послѣшило отъ править посла съ извѣщенiемъ, что дворъ ничего не зналъ о недавно происшедшихъ событiяхъ, что несчастная кончина двухъ владѣтельныхъ лицъ Маньчжурскаго дома была дѣломъ ошибки и заблужденiя и что Богдоханъ готовъ искупить горестныя потери *Тай-цзу* утвержденiемъ его во всѣхъ правахъ его предшественниковъ, и въ доказательство своего высокаго участiя въ скорбяхъ злополучнаго Бэйлы, возвращаетъ ему тѣла убитыхъ предковъ, съ подарками — залогомъ дружелюбныхъ чувствъ Китая. Посланникъ

этой *Миньской* династии въ точности исполнялъ повѣленія своего правительства; но, собравши на мѣстѣ самыя подробныя свѣденія о положеніи страны, онъ съ твердостію отказалъ. *Тай-цзу* въ выдачѣ *Никань-сайманя*, — главнаго виновника всѣхъ бѣдствій, и на повторенныя требованія отвѣчалъ угрозою, что Китай въ силахъ лишить своего непокорнаго вассала всѣхъ древнихъ преимуществъ и возвести въ санъ верховнаго правителя страны—врага Маньчжурскаго дома. Слова посланника произвели такое глубокое впечатлѣніе на всѣхъ, что дѣти и внуки шести Бэйль, рѣшившіеся силою заставить *Нурхаица* подчиниться волѣ Китайскаго правительства, уже хотѣли произнести клятву подданства новому повелителю, — какъ *Тай-цзу*, понявшій всю важность роковой минуты, прекратилъ свои требованія; а Имперія, довольная наружною покорностію своего данника, оставила его пользоваться титуломъ, издававшимъ дѣйствительной власти и значенія.

Деять лѣтъ длились такія неопредѣленныя отношенія маленькаго владѣльца къ своимъ непримиримымъ врагамъ и Китаю. Печальное событіе мало по малу исчезало изъ общей памяти, и *Никань-саймань*, успокоенный бездѣйствіемъ *Тай-цзу*, смѣлъ обнаруживать свои виды на сосѣдственныя аймаки. Но юноша мужалъ въ своихъ силахъ, а вмѣстѣ съ ними росло и

чувство мщениа, овладѣшаго всею душою Бэйлы. Преданный одной печальной мысли, онъ недѣлился ни съ кѣмъ глубокими тайнами своего сердца, и только одинъ былъ наперсникомъ его чувствъ и сокровенныхъ замысловъ. Страхась найти, даже подъ кровомъ родительскаго дома, предателя или явнаго врага, *Тай-цзу* часто удалялся на соседнюю гору и здѣсь проводилъ свое время въ долгихъ бесѣдахъ съ своимъ братомъ, и эти бесѣды, всегда сопровождаемыя слезами въ память отца, были посвящены начертанію плановъ — борьбы противъ враговъ ихъ рода. Съ вступленіемъ въ 25-ти лѣтній возрастъ, *Тай-цзу* рѣшился осуществить намѣренія, давно созрѣвшія въ его душѣ.

1583 года *Нурхацзи*, съ 13-ю датчиками, неожиданно явился въ воротахъ *Туруна*, гдѣ жилъ *Никань-сайлама*. Городъ, не приготовленный къ защитѣ, немедленно призналъ надъ собою власть Маньчжурскаго Бэйлы; но *Никань-сайлама*, со всѣмъ своимъ семействомъ, успѣлъ найти спасеніе въ бѣгствѣ. Неожиданное движеніе *Тай-цзу* возбуждало опасеніе во всѣхъ сосѣдственныхъ владѣніяхъ. Аймаки, отпавшіе отъ Маньчжурскаго владычества и страшившіеся подчиниться власти человека, имѣвшаго право метить за древнюю измѣну, спѣшили принять сторону *Никань-сайлама*. Потомки шести Бэйлъ, видѣвшіе въ дѣйствіяхъ

своего родственника одну безумную борьбу против Китая, долженствовавшую окончиться совершенным истреблением ихъ дома, торжественно, въ храмѣ предковъ, поклялись умертвить безпокойнаго Бэйлу, призывавшаго на нихъ вражду Китайской Имперіи. Наемные убійцы слѣдили за всѣми движеніями *Тай-цзу*; неоднократно проникали почти въ самое жилище его; одинъ разъ, подъ самымъ окномъ, палъ отъ меча ихъ вѣрный тѣлохранитель Бэйлы и ножъ предателей уже сверкалъ надъ головою *Нурхаци*; но мужество и провидѣніе хранили жизнь человѣка, предназначеннаго для славы и подвиговъ. Самые родственники и малочисленные друзья *Тай-цзу* подвергались нападеніямъ тайныхъ враговъ, и зять его погибъ, пронзенный стрѣлою неизвѣстнаго убійцы.

Низкая вражда людей, тѣсно связанныхъ съ *Тай-цзу* узами родства и общихъ выгодъ, должна была только усилить дѣятельность предприимчиваго Бэйлы, для котораго оставалось — побѣдить или умереть. Въ такихъ обстоятельствахъ скрытность и быстрота служили единственными средствами къ спасенію. И вотъ въ то время, когда враги Маньчжурскаго владѣтеля со дня на день ожидали видѣть предъ собою одинъ трупъ тревожившаго ихъ *Тай-цзу*, — онъ, съ безстрашною горстію воиновъ, идетъ противъ городовъ *Чжао-цзя* и *Мардуль*, знаменитыхъ въ странѣ свою неприступностію. Обѣ

крѣпости расположены были на высотахъ, окруженныхъ каменными горами; одни тѣсные проходы вели къ городскимъ стѣнамъ; мѣстами должно было вырубать лѣстницы въ дикихъ скалахъ; всадники почти на себя поднимали лошадей на крутизны, гдѣ ожидали ихъ непріятельскія стрѣлы: но полные мужества, подъ прикрытіемъ длинныхъ деревянныхъ щитовъ, они побѣдили природу и враговъ.

Геройскій подвигъ *Тай-цзу* имѣлъ блистательный успѣхъ, родственники *Бэйлы*, изумленные непреклонностію его и торжествомъ, забыли вражду свою и слова соединились для блага и славы своего дома. Небольшія сосѣдственныя владѣнія, ненадѣясь выдержать борьбы съ опаснымъ врагомъ, искали случая добровольною покорностію примириться съ прежнимъ своимъ повелителемъ; а *Никанъ-сайланъ*, гонимый мщеніемъ изъ города въ городъ, скрылся въ *Олхонъ*, близъ границъ Китая; за оградю нѣсколькихъ аймаковъ, не подчинившихся вліянію *Тай-цзу*.

Удаленіе врага только расширило кругъ дѣятельности для непримиримаго *Бэйлы*. Подкрѣпленный силами нѣсколькихъ союзниковъ, онъ обошелъ или покорилъ враждебные аймаки и явился подъ стѣнами небольшого городка, гдѣ *Никанъ-сайланъ* думалъ оградиться отъ нападенія непріятелей. Бѣглець, напрасно искавшій спасенія въ своей родной странѣ, еще надѣялся найти

себѣ защиту въ предѣлахъ Китая и въ совершенномъ подданствѣ сей Имперіи; но и за рубежомъ Маньчжуріи преслѣдовало его мнѣніе *Нурхаи*. «Скажите пограничнымъ начальникамъ Китайскаго государства, чтобы они немедленно поймали и выдали мнѣ *Никань-вайлака*; въ противномъ случаѣ я иду противъ Имперіи» говорилъ *Тай-цзу* нѣсколькимъ захваченнымъ въ плѣнъ Китайцамъ — и съ этимъ наказомъ возвратилъ ихъ на границу. Какъ ни странны были угрозы ничтожнаго владыцѣ, думавшаго предписывать законы тысячелѣтней Имперіи, однакоже Китай, забывъ о своемъ великомъ величій, повиновался волѣ Бэйлы и покрылъ свою честь самымъ безславнымъ малодушіемъ. «Намъ стыдно, отвѣчали пограничные правителя, выдать человека, признавшаго подданство Имперіи, взбывшаго сѣя высокому покровительству спасеніе и честь. Придите сами и умертвите своего врага». 40 человекъ Маньчжурскихъ солдатъ вступили (1586 г.) въ чужіе предѣлы и отрубили голову *Никань-вайлаку*, которому Китайцы за ранѣе преградили всѣ пути къ дальнѣйшему бѣгству. *Миньское* правительство, кромѣ того, спѣшило поднести *Тай-цзу* пышный титулъ, съ ежегоднымъ окладомъ въ 800 ланъ серебра.

Совершеніе кроваваго суда надъ *Никань-вайлакомъ* придадо предприимчивому Бэйлэ еще болѣе твердости духа и отваги. Малодушіе Богдоханова двора

убѣдило его, что Китай, мало слѣдившій за событіями, совершавшимися внѣ Великой стѣны, далеко отъ пріятія самаго живаго участія въ Восточныхъ дѣлахъ, доколь онѣ не будутъ имѣть самыхъ близкихъ и непосредственныхъ отношеній къ существеннымъ выгодамъ Имперіи; возвращеніе же нѣсколькихъ аймаковъ подъ власть Маньчжурскаго дома показало, что немногіе аймаки, оставленные безъ помощи Китая, не въ силахъ бороться съ непоколебимою волею человека, рѣшившагося оружіемъ подчинять ихъ своему вліянію. Мудрый Байэ ясно понималъ состояніе своей родной страны и тѣ отношенія, въ которыя ставило его къ различнымъ владѣльцамъ Маньчуріи его недавнее торжество и почетное вниманіе къ нему Китая.

При *Миньской* династіи, Маньчурія состояла изъ трехъ главныхъ отдѣловъ: *Цзынь-чжоу*, *Хай-си-сай* и *Фэ-жэнь-сай*. Каждый изъ нихъ дѣлился на аймаки, управлявшіеся своими владѣльцами, которые, въ случаѣ крайней опасности, подчинялись власти одного, принимавшаго на себя достоинство верховнаго главы сойма. Аймаки, связанные между собою единствомъ союза, составляли родъ небольшихъ конфедерационныхъ областей, носившихъ общее названіе. Ихъ было четыре: *Маньчжурская*, состоявшая изъ аймаковъ *Суксусу*, *Хунмаэ*, *Ванмаэ*, *Доню* и *Чжэчэнь*; *Чань-бо-шаньская* — изъ аймаковъ *Нэйиль* и *Ялу*; *Хулуньская* — изъ айма-

ковъ *Баэ*, *Хада*, *Хайфа* и *Ула*; наконецъ область *Дунъ-хал*, дѣлившаяся на аймаки *Воцзи*, *Варка* и *Хурха*. Почти всѣ онѣ были между собою въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ по тождеству языка и единству вѣрованій, вытекавшихъ изъ общаго источника — Шаманства. Впрочемъ, несмотря на эти два существенныя основанія народной цѣлости, чрезвычайное раздробленіе аймаковъ вело къ непрерывнымъ распрямъ и взаимной ненависти племенъ. Власть главы сейма была такъ ограничена произволомъ частныхъ владѣльцевъ, что союзы болѣе существовали въ одномъ имени, нежели на дѣлѣ.

Цзянь-чжоу и *Хай-си-сэй* составляли средоточіе Маньчжурскихъ силъ и образованія. Здѣшнія племена обитали въ городахъ, воздвигнутыхъ въ цвѣтушія времена династій *Ляо* и *Гинь*; жили на почвѣ, ознаменованной великими событіями народной славы. Близость Китайской границы ставила ихъ въ непрерывныя отношенія къ сей Имперіи; дѣятельная торговля, связывавшая полуобразованныя племена съ выгодами Средняго государства, развивала въ народѣ стремленіе къ улучшенію своего быта и богатству. Земледѣліе шло объ руку съ звѣроловствомъ и совершенно изгнало пастушескую жизнь съ ея непрерывнымъ кочеваніемъ. По числу народонаселенія и городовъ, сеймъ *Хулуьскій* былъ самый могущественный въ цѣлой

Маньчжуріи; но осторожная политика Китая, страшившаяся соединенія племенъ, раздѣлила тотъ сеймъ на двѣ половины, называвшіяся Сѣвѣрною и Южною заставами, и тѣмъ въ основаніи потрясла могущество союза. Нигдѣ внутреннія неуройства не достигали такой значительности, а взаимныя распри — такого ожесточенія, какъ въ аймакахъ *Хулуньскихъ*.

Б-жэнь-сай рѣзко отличался отъ другихъ Маньчжурскихъ владѣній, и частными свойствами природы, и особенными чертами народнаго быта. Начиная съ Сѣверныхъ предѣловъ *Цзиль-чжоу* до береговъ Восточнаго океана, страна постепенно принимаетъ самый дикій и грозный видъ. Потоки, получающіе свое начало въ аймакахъ Южной Маньчжуріи, въ предѣлахъ *Воцзи, Барка* и *Хурха*, являются огромными рѣками, орошающими однѣ пустыни. Въмсто прихотливыхъ горъ съ ихъ пирамидальными вершинами, таинственными пещерами, или возвышаются дикія скалы, гдѣ живутъ одни звѣри и хищныя птицы, или тянутся дебри и обширные луга, оканчивающіеся непроходимыми болотами и топями. Прекрасныя рощи, опоясывающія *Чань-бо-шань*, смѣняются дремучими лѣсами, гдѣ подъ непроницаемымъ сводомъ вѣтвей царство вѣчнаго мрака. Часто, на разстояніи десятковъ верстъ, путешественникъ ни разу не озарится лучемъ солнца; блуждая по извилистымъ тропинкамъ, не

найдетъ себѣ надежной защиты отъ бури и зѣбры. Шалаши, наскоро сдѣланный изъ бересты — единственное пристанище для ночлега, а убитый олень — пища, посланная самимъ небомъ для спасенія скитальца. При первыхъ порывахъ вѣтра, тысячи древесныхъ вершинъ приходятъ въ движеніе; непрерывный гулъ, какъ шумъ морскихъ волнъ, несетъ по безпредѣльному лѣсу; вѣковыя изсохшія деревья падаютъ съ трескомъ, котораго страшныя перебаты еще долго вторятся эхомъ. Безчисленныя совы, визжащія *су* (родъ бѣлки) на каждомъ шагу преслѣдуютъ человѣка своимъ пронзительнымъ крикомъ и умножаютъ ужасъ дикой пустыни. Никто изъ туземцевъ, безъ жертвы духамъ, не вступаетъ въ эти мрачныя лѣса, гдѣ, по ихъ понятію, корень шаманства, отчужда онготовъ, пнеического бѣснованія, чаръ, заклинаній, магическаго бубна, званковъ, предъ которыми, если вѣрить преданію, нѣкогда повергались почти всѣ народы Средней и Сѣверо-восточной Азіи; которыя и до нынѣ приводятъ въ благоговѣйный трепетъ еще многія тамошнія полудикія племена. Отъ такой дикости мѣстъ самый климатъ получаетъ чрезвычайную суровость, несообразную съ географическимъ положеніемъ страны. Уже въ окрестностяхъ *Нинуты*, не ранѣ третьей луны (въ концѣ марта) рѣки начинаютъ мало по малу освобождаться отъ льда; но непрестанно, днемъ и ночью,

сварѣившуюся вихри еще замедляютъ наступленіе весны, и деревья еще не развиваютъ почки. Тепло продолжается не болѣе четырехъ мѣсяцевъ; въ 7-й лунѣ уже начинаются мерзлые ивни; въ 8-й выпадаютъ глубокіе снѣга; въ 9-й рѣки покрываются льдомъ; въ 10-й трескается земля отъ жестокихъ морозовъ. Немного далѣе на Востокъ отъ *Нинумы*, земледѣліе исчезаетъ; звѣроловство съ полукочевымъ скитальчествомъ преобладаетъ надъ осѣдлостію; города смѣняются жалкими деревнями, разбросанными на большомъ разстояніи одна отъ другой; племена не образуютъ сильныхъ аймаковъ, управляются властію однихъ родовыхъ старшинъ. Прямодушные и искренніе, какъ дѣти природы, они никогда не стремились къ завоеваніямъ; раздѣленные непроходимыми лѣсами, всегда были бессильны противостать оружію предприимчиваго непріятеля. Наконецъ, при берегахъ Восточнаго океана, совершенно рѣдѣетъ народоваселеніе и среди Маньчжурскихъ поколѣній являются *Хэй-цзинь* и *Феса*, племена совершенно другаго происхожденія, чуждыя по языку, несходныя въ образѣ жизни, кроткія нравами, слабыя числомъ. Кольцо въ ушахъ, раскрашенная кожа на тѣлѣ, платье изъ рыбьей шкуры, вышитой цвѣтами, пологъ и подушка изъ черныхъ соболей и лисиць, кровля устланная лебязьимъ пухомъ, — вотъ единственные предметы богатства, желаній и честолюбія при-

брежныхъ жителей Восточнаго океана. Довольные своимъ состояніемъ и дарами природы, они желали одного мира; болѣе страшились нападеній, чѣмъ сами рѣшались поднять оружіе противъ сосѣдственныхъ племенъ.

Несравненно могущественнѣе были *Орочоны*, *Дучеры*, *Дажуры* и *Соломы*, обитавшіе по ту и другую сторону Амура. На значныхъ берегахъ его, съ давнихъ временъ извѣстно было земледѣніе; существовали небольшіе города и укрѣпленія; жили племена, отличавшіяся воинственностію, сильныя числомъ и искусствомъ въ стрѣлянніи изъ лука, нѣсколько разъ предписывавшія законы всей странѣ. Но по странному стеченію обстоятельствъ, Амурскія племена слишкомъ отдѣлились отъ общей жизни Маньчжуровъ и не принимали никакого участія въ событіяхъ, совершавшихся при подошвѣ *Чанъ-бо-шанъ*. Подобно всѣмъ своимъ родовичамъ, онѣ страдали зломъ раздѣленія и междоусобій; отъ того половина ихъ воинственныхъ племенъ подчинилась власти Монголовъ; другая была безсильна произвести какой-нибудь переворотъ въ судьбахъ своей отчизны. Такимъ образомъ, въ концѣ XVI столѣтія, вся Маньчжурія представляла обширное поприще для честолюбивыхъ замысловъ завоевателя.

Тай-цзу, во время дѣйствій противъ *Никаи-сайлама* возстановившій древніе предѣлы своего владѣнія, по-

кореніемъ аймаковъ, прилежавшихъ къ берегамъ *Ялу*, соединившій подъ свою непосредственную властію весь округъ *Цзаль-чжоу*, мгновенно получилъ перевѣсъ надъ сосѣдственными владѣльцами. Границы Маньчжурскаго государства простирались до самыхъ предѣловъ Китайской Имперіи; восточный жемчугъ, корень *жэнь-шэнь* и пушные товары шли туда четырьмя заставами; въ замѣтъ приносили въ Маньчжурію золото, серебро, драгоценныя ткани, съ множествомъ другихъ предметовъ, необходимыхъ для жизни. Торговля цѣлой страны сосредоточилась въ одномъ округѣ *Цзаль-чжоу*, который выгоднымъ своимъ положеніемъ побѣдилъ соперничество другихъ аймаковъ. Богатства и силы *Тай-цзу* возрастали съ каждымъ днемъ и *Хулумскій сеймъ*, съ безпокойствомъ смотрѣвшій на каждое новое завоеваніе со стороны Маньчжурскаго Бэйлы, скоро позналъ опасность, угрожавшую независимости племенъ. Призвавши на помощь войска изъ двухъ *Чань-бо-шаньскихъ* и трехъ Монгольскихъ аймаковъ, *Хулумскіе* владѣльцы, съ соединенными силами девяти областей, въ числѣ 30,000 воиновъ, спѣшили сокрушить рождавшееся могущество Маньчжуровъ. Многочисленность враговъ дѣлала борьбу неровною и опасною; при первой вѣсти о приближеніи грознаго околченія, жители *Цзаль-чжоу* пришли въ волненіе и страхъ. Одинъ Бэйла, полагавшій всѣ свои надежды на разноплеменность

неприятелей, спокойно ожидая наступленія бури. Чтобы оживить уцѣлшій духъ своихъ воиновъ, *Тай-цзу*, въ виду малочисленной своей дружины, клялся предъ небомъ въ своей невинности и молилъ тѣни своихъ предковъ — «чтобы кони его воиновъ неспотыкались «въ бою и мечи не выпадали изъ рукъ». При горѣ *Гуху*, гдѣ *Тай-цзу*, подъ прикрытіемъ лѣса и неприступной вершины, занялъ твердую позицію, встрѣтились между собою противники. Союзною арміею предводительствовали *Влэскаго* аймака *Бэйлэ Бучжай* и *Корцунскій Мингань*. Несчастіе, поразившее въ самомъ началѣ сраженія двухъ главныхъ неприятельскихъ вождей, скоро рѣшило судьбу битвы. Соединенныя войска были разсѣяны и прогнаны; четыре тысячи неприятелей заплатили своею жизнью за неудачное нападеніе; тысячи шлемовъ и латъ, три тысячи лошадей и младшій братъ *Бэйлы* аймака *Ула*, были наградою для побѣдителей.

Первая и удачная борьба съ многочисленнымъ неприятелемъ, въ открытомъ полѣ, имѣла весьма важныя послѣдствія по тому нравственному вліянію, которое она произвела въ той и другой сторонѣ. *Тай-цзу*, увѣнчанный славою оружія, снѣвшигъ сообщить твердыя основанія своимъ завоеваніямъ и аймаку. Какъ великій законодатель, онъ рано постигъ глубокую истину, что развитіе народности есть необходимое условіе для образованія изъ мелкихъ и отдѣльныхъ аймаковъ — строй-

наго политическаго общества; что утверждению живаго языка на неизмѣнныхъ началахъ письменности есть самое вѣрное и близкое средство дать разнороднымъ племенамъ характеръ единства и самобытности. Для осуществленія великаго замысла, *Тай-цзу* обратилъ свое вниманiе на Монгольскую письменность, и, не смотря на возраженiя и предрасудки людей, неопытныхъ великихъ цѣлей, сильною волею своею облекъ звуки Маньчжурскаго языка въ формы и буквы чуждаго алфавита, измѣнивши его сообразно съ коренными условiями своего роднаго языка. Въ 1599-мъ году была обнародована по всему государству новая грамота, долженствовавшая совершенно изгнать Монгольскiй языкъ, до сихъ поръ употреблявшiйся для всѣхъ письменныхъ сношенiй. Когда положенъ былъ краеугольный камень народнаго образованiя, *Тай-цзу* употребилъ всѣ возможные мѣры къ развитiю числительныхъ силъ своего государства. По повелѣнiю Бэйлы, во всемъ владѣнiи сдѣланъ былъ розыскъ о бѣдныхъ, которые, по недостатку въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ жизни, не могли вступить въ брачныя условiя. Несмотря на скудость своихъ доходовъ, *Тай-цзу* раздѣлилъ съ своими подданными послѣднiя богатства, и многочисленныя четы, нашедшия счастье и довольство подъ кровомъ семейнаго быта, благословляли своего великодушнаго повелителя. Такiя же мудрыя

мѣры приняты были и въ отношеніи военнаго устройства. До сихъ поръ войны отправлялись въ походъ, располагались въ бою по родамъ и деревнямъ, подъ управленіемъ своихъ старшинъ; но *Тай-цзу* раздѣлилъ своихъ подданныхъ на роты и ввелъ между ними различныя достоинства и степени. Триста человекъ управлялись однимъ офицеромъ, строго отвѣчавшимъ за своихъ подчиненныхъ. Слѣдствіемъ новаго порядка было то, что войска получили устройство и дисциплину; старѣйшины утратили самостоятельность, вредившую интересамъ цѣлаго аймака; число арміи не зависѣло отъ случая и произвола частныхъ людей; власть и воля Бэйлы стали закономъ для всѣхъ.

Геній *Тай-цзу* не остановился на этихъ первыхъ основаніяхъ государственной жизни. Какъ ни благотельно было вліяніе мѣръ, введенныхъ имъ въ управленіе, однакоже онъ не въ силахъ были мгновенно создать народное величіе, а предприимчивый духъ *Тай-цзу* требовалъ огромныхъ силъ и многочисленныхъ дѣятелей. Итакъ онъ обратилъ свое вниманіе на отдаленные аймаки *Дунъ-халъ*, которые не представляли никакихъ трудностей къ завоеванію между тѣмъ какъ своимъ присоединеніемъ могли доставить Маньчжурскому Бэйлэ весьма значительное число храбрыхъ воиновъ и вѣрныхъ сподвижниковъ. Отсюда начинается непрерывный рядъ небольшихъ походовъ въ лѣса

Гирия, къ берегамъ Восточнаго океана и Амура, походовъ, не сопровождавшихся никакимъ важнымъ отягощеніемъ для народа, почти безъ кровопролитія и боя. Каждый разъ войны *Тай-цзу* приходили съ сотнями и тысячами плѣнныхъ, обремененные богатою добычею соболей и лисиць. Покоренные пользовались всѣми правами коренныхъ подданныхъ; получали обширныя земли, вступали въ роты, на равнѣ со всѣми участвовали въ наградахъ и добычѣ, отбитой у непріятеля. Соединенные съ Маньчжурами религіею, языкомъ, нравами, они легко привыкали къ новой отчизнѣ; сроднялись съ ея счастьемъ и выгодами. Молва о цвѣтущемъ состояніи переселенцевъ быстро распространялась отъ одного поколѣнія къ другому; старшины спѣшили явиться съ покорностію и данью предъ лице Маньчжурскаго Бэйлы, принимавшаго всѣхъ съ радушіемъ и почестію. *Тай-цзу* выѣзжалъ на встрѣчу далекимъ пришлецамъ, угощалъ ихъ пирами, награждалъ богатыми подарками, особенно тѣхъ, которые рѣшались остаться въ Маньчжуріи. Прельщенные ласковымъ приемомъ и воодушевленными рѣчами о томъ, какъ прежде всѣ племена, раздѣленные нынѣ несогласіемъ и ненавистію, составляли одно могущественное цѣлое, — старѣйшины одни немедленно становились въ ряды Маньчжурскихъ воиновъ, другіе торопились возвратиться въ свои дѣла,

чтобы взять свои семейства и переселиться со всеми родомъ въ новую страну. Подъ влияніемъ обаянія, они говорили всѣмъ: «*Тай-цзу* желаетъ подданства не для «завладѣнія нашими отдаленными и пустынными странами, хочетъ нашего переселенія въ свою страну не для умноженія числа своихъ рабовъ; — но чтобы соединить разрозненные члены одного родственнаго семейства, чтобы едѣвать насъ участниками своего величія, чтобы приобрести въ насъ другое крыло; для «осуществленія своихъ великихъ предназначеній». Слова такихъ радостныхъ вѣстниковъ сильно дѣйствовали и на простой народъ и на владѣльцевъ, льстившихся надеждою возвысить славу своего рода, потому что *Тай-цзу*, желавшій слить племена въ одну нераздѣльную и безразличную массу, уже положилъ начало той обширной системѣ родства, которая, при его преемникахъ, тѣсно соединила Монголію съ выгодами Китайскаго Императорскаго Дома. Владѣльцы, тѣснимые могущественнымъ врагомъ, или почувствовавшіе довольно силы и мужества дать своему аймаку независимость и самобытность, охотно признавали свое подданство Государю, который награждалъ ихъ, соединяя узамъ брака съ своими дочерьми и родственницами, который и самъ жгостиво принималъ всѣ брачныя предложенія и союзы съ дочерьми вассаловъ, который повидимому болѣе желалъ умножить число членовъ сво-

его царственного семейства, чѣмъ приобрести новыхъ данниковъ; онъ хотѣлъ управлять племенами болѣе посредствомъ родственнаго старшинства, чѣмъ силою оружія и законами побѣдителя, и, ненарушая частныхъ правъ владѣльцевъ, придавалъ еще имъ наружный блескъ почета и важности.

Не таковы были дѣйствія враговъ Маньчжурскаго Бѣгэма. Худумскіе владѣльцы, пораженные своею неудачею, свѣшили отправить въ *Цзянь-чжэу* своихъ пословъ съ просьбою о мирѣ и родственномъ союзѣ. Предложенія, совершенно соответствовавшія тайнымъ видамъ *Тши-цзу*, были приняты; но благодѣтельными слѣдствіями тишины воспользовались одни Маньчжуры, а не ихъ противники.

Первоначально главою Худумскаго сейма былъ аймакъ *Хада*, владѣлецъ котораго *Вань-хань* за услуги, оказанныя Китаю, получилъ первенство надъ *Бха*, *Хой-фа* и *Ула*. Послѣ нѣсколькихъ поколѣній, между старшею и младшею внучкою *Вань-хана* загорѣлся кровавый споръ о правѣ наслѣдства и *Бха*, завистливо смотрѣвшее на чужія владѣнія, хотѣло воспользоваться междоусобіями искателей власти. *Хада*, ослабленная внутренними волненіями, обратилась къ Китаю съ просьбою о помощи и покровительствѣ; но сія Имперія, всегда слѣдовавшая одной политикѣ — истреблять варваровъ варварами же, отказалась отъ всякаго участія

въ судьбѣ дома *Вань-хака*, несмотря на то, что *Миньскій* дворъ самъ возвысилъ *Хада* надъ другими аймаками, и что паденіе ея вело къ уничтоженію равновѣсія между племенами, а слѣдствія перевѣса одного владѣнія надъ другимъ могли быть пагубны и для самаго Китая. Получивши отказъ въ первой своей просьбѣ, жители *Хада* умоляли *Миньское* правительство, по крайней мѣрѣ позволить имъ переселиться за *Ляо-дунскую* границу подъ условіемъ совершеннаго подданства и охраненія предѣловъ Имперіи противъ другихъ Маньчжурскихъ племенъ; но это новое желаніе *Хада* казалось слишкомъ опаснымъ для Китая, страшившагося ввести враговъ на границы своихъ владѣній, — и потому было совершенно отвергнуто. Тогда *Монгэбулу*, владѣтель угнетеннаго аймака, отправилъ заложниковъ къ *Цзянь-чжоу*, и двѣ тысячи воиновъ *Тай-цзу* шли для занятія *Хада*. *Фхэ*, болѣе всего боявшееся вмѣшательства *Цзянь-чжоу*, поспѣшило примириться съ главою сейма и, въ залогъ дружбы, потребовало отъ *Монгэбулу* истребленія двухтысячнаго Маньчжурскаго отряда. При первой молвѣ о тайныхъ замыслахъ *Хада*, *Тай-цзу* отправился съ войскомъ наказать измѣнниковъ и гибель аймака была бы неизбежна, если бы Китай, недовѣрчиво смотрѣвшій на *Цзянь-чжоу*, наконецъ не принялъ участія въ *Хулуньскихъ* дѣлахъ и не противопоставилъ успѣхамъ Маньчжуровъ грознаго голоса сво-

ихъ запрещеній. Не желая рано начать споръ съ *Миньскимъ* правительствомъ, *Тай-цзу* подчинился волѣ Имперіи; но эта вынужденная покорность послужила новымъ побужденіемъ для Бэйлы — ненавидѣть Китай. Неудовольствіе *Тай-цзу* достигло высшей степени, когда *Вхэ*, по удаленіи Маньчжурскаго войска, снова открыло непріязненные дѣйствія противъ *Хада*, и когда, несмотря на протестъ *Цзянь-чжоу* противъ насильственныхъ дѣйствій *Вхэ*, Имперія — хладнокровно смотрѣла на разграбленіе аймака, только что принятаго ею подъ свое покровительство. Въ политикѣ Китая ясно выразилась вражда противъ Маньчжурскаго Бэйлы и послѣдующія обстоятельства еще неоспоримѣ доказали, что *Миньскій* дворъ вырвалъ изъ рукъ *Тай-цзу* его добычу, не изъ желанія спасти домъ *Вань-хана*, но изъ одного опасенія, возбужденнаго въ Имперіи быстрымъ развитіемъ *Цзянь-чжоу*. Когда жители *Хада*, страдавшіе двумя ужасными бѣдствіями, войною и голодомъ, снова обратились къ *Миньскому* двору съ просьбою о дозволеніи сдѣлать въ *Кай-юань* закупки хлѣбныхъ припасовъ, Китай, тайно радовавшійся злополучію племени, отказалъ въ удовлетвореніи, о которомъ молвилъ его именемъ человечества. Нетрудно угадать, къ какимъ послѣдствіямъ должна была привести такая политика: — *Хада* добровольно и навѣки присоединилась къ Маньчжурскому владѣнію; Китай утратилъ

южную заставу, а *Тай-цзу* прекратилъ свои данническія отношенія къ сей Имперіи.

Скоро *Хой-фа* и *Ула* испытали на себѣ печальную судьбу *Хада*. Увлекаемые навѣтами *Бха*, они вооружили противъ себя *Тай-цзу*, тремя походами (въ 1608 году противъ *Хой-фа* и въ 1612 и 1613 годахъ противъ *Ула*) совершенно разрушившаго оба владѣнія.

Покореніе трехъ могущественныхъ аймаковъ *Худунскаго* сейма должно было измѣнить политическое значеніе *Цзюнь-чжоу*, которому недоставало только почетнаго имени, чтобы занять приличное мѣсто среди сосѣдственныхъ государствъ. Еще въ 1607 году Монгольскіе владѣльцы, чрезъ пословъ своихъ, подносили *Тай-цзу* титулъ *Богдохана*; но въ то время могущество и власть Маньчжурскаго Бэйлы были такъ неопредѣленны и шатки, что скромный побѣдитель не хотѣлъ пользоваться именемъ, несоответствовавшимъ тогдашнему положенію дѣлъ. Но, когда послѣднія побѣды распространили предѣлы Маньчжурии отъ береговъ Восточнаго океана до степеней Монголіи, и отъ границъ Имперіи до Амура, когда вассалы и данники толпою приходили предлагать свою покорность и услуги завоевателю; и только одно *Бха*, обезсиленное паденіемъ союзныхъ аймаковъ, безнадежно боролось за свою независимость; когда пятьдесятъ тысячъ устроенной арміи готовы были, по мановенію своего

великаго вѣдѣя, бурнымъ потокомъ ринуться противъ враговъ и далеко распространить славу своего оружія; когда народъ и вельможи, одушевленные счастьемъ и подвигами своего повелителя, съ благоговѣйною признательностію, молили его, для блага отчизны и славы своего дома, принять власть и имя верховнаго главы, — *Тай-цзю* уступилъ, общимъ желаніямъ, и съ 1616 года начинается царствованіе новаго государя подъ многозначительнымъ именемъ *Тянь-минь*.

Событіе, столь важное въ исторіи Маньчжуровъ, не могло не обратить на себя вниманія *Миньскаго* двора; но тысячелѣтней политикѣ Китая, всякой иноплеменный вассалъ, провозгласившій себя независимымъ Государемъ, явно нарушалъ законы Имперіи, считавшей своею неотъемлемою принадлежностію раздавать титулы и утверждать права Князей и Хановъ. Въ то же время прибыли послы изъ *Баса* сказать Китаю: «что «изъ четырехъ *Хулуьскихъ* аймаковъ три уже покорены Маньчжурами, что они снова явились на предѣлахъ ихъ отчизны, а поработивши насъ» говорили послы «они пойдутъ и противъ Имперіи». При такихъ извѣстіяхъ *Миньскій* дворъ не могъ равнодушно смотрѣть на событія въ *Цзянь-чжоу*, и тысяча Китайскихъ солдатъ, съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, выступили на помощь *Басу*; вмѣстѣ съ тѣмъ, усилецъ былъ гарнизонъ въ *Кай-юань*, чтобы на двухъ пунктахъ противо-

ставить сильный отпоръ дальнѣйшему распространенію Маньчжурскихъ завоеваній; наконецъ отправленъ былъ нарочный посолъ объявить *Тай-цзу*, что всякое непріязненное дѣйствіе противъ *Бхэ* будетъ принято *Миньскимъ* правительствомъ за объявленіе войны самому Китаю. Итакъ одна покорность со стороны Маньчжуровъ могла подавить войну, грозившую вспыхнуть на предѣлахъ *Лло-дуна*; но Имперія, отправившая въ *Бхэ* вспомогательный корпусъ, сама нарушила трактатъ, заключенный между Китаемъ и Маньчжуріею, по которому строго воспрещался всякой переходъ за границы того и другаго государства, утвержденныя общимъ согласіемъ.

Тай-цзу поклялся дорого отплатить Китаю за вмѣшательство въ Восточныя дѣла. Отложивши на время походъ противъ *Бхэ*, изъ опасенія, что *Миньское* правительство воспользуется его отсутствіемъ для нападенія на Маньчжурскіе предѣлы, оставленные безъ всякой защиты, Ханъ рѣшился напередъ нанести совершенное пораженіе Китайской арміи, заставить Имперію заботиться о собственной безопасности, а потомъ уже, пользуясь смятеніемъ своихъ непріятелей, нанести рѣшительный ударъ послѣдному аймаку *Хулуьскаю* сейма. Два года продолжался сомнительный миръ между Китаемъ и Маньчжурами, и въ это время они готовили огромные запасы провіанта, исправляли военные

снаряды и дополняли свои роты новыми данниками изъ областей *Дунь-хал*.

Наконецъ въ началѣ лѣта 1618 года *Тай-цзу*, собравши на совѣтъ князей и вельможъ, объявилъ имъ, что семь кровавыхъ обидъ заставляютъ его поднять оружіе противъ Китая. Какія были эти обиды, вовлекавшія Маньчжурію въ опасную борьбу съ Имперією, превосходившею своихъ враговъ и числомъ войскъ и богатствомъ вещественныхъ средствъ, Ханъ объявилъ о томъ арміи и чинамъ уже предъ началомъ похода въ храмъ предковъ. Здѣсь, павши на колѣна, Ханъ вознесъ свои жалобы къ небу на несправедливые поступки *Миньскаго* двора, всегда питавшаго вражду противъ Маньчжуріи.

«Отецъ и дѣдъ мой, говорилъ *Тай-цзу*, во всю свою жизнь не смѣли былинки на границахъ Имперіи, не присвоили себѣ клочка земли; но Китай, напрасно вмѣшавшійся въ чужія дѣла, умертвилъ ихъ безвинно».

«Долгъ праведнаго воздаянія требовалъ кроваваго мщенія и только одна любовь къ миру заставила меня заключить съ Имперією трактатъ о границахъ. Послѣ взаимныхъ совѣщаній и клятвъ съ той и съ другой стороны, мы положили, чтобы каждый, кто бы онъ ни былъ, Маньчжуръ или Китаецъ, кто перейдетъ за опредѣленную границу, предавался смертной казни и каждый, кто давалъ свободу перебѣжчику, подвергался

буду; но Китай, изменивши собственной клятвѣ, послалъ свои войска за границу на помощь *Бхэ*».

«А когда я, на основаніи договора, казнилъ нѣсколькихъ подданныхъ Имперіи, которые тайно въ двухъ мѣстахъ переходили за рубежъ, для грабежа и разбоя въ нѣкоторыя владѣнія: *Миньскій* дворъ, не обращая вниманія на трактатъ, не только потребовалъ у меня отвѣта, но въ угрозу мнѣ повелѣлъ предать смерти *Фаньляна* и *Кангуру*, посланныхъ мною на границу, для объясненія дѣла».

«Съ другой стороны, владѣлецъ *Бхэ*, опираясь только на содѣйствіе Имперіи, на приходъ вспомоgetельныхъ войскъ изъ Китая, выдалъ въ Монголію свою дочь, еще прежде обѣщанную мнѣ въ слѣдствіе взаимнаго нашего договора».

«Китай высылалъ свои войска опустошать мату въ *Чайла*, *Саммара* и *Фажаса*, трехъ областяхъ, искони принадлежавшихъ *Маньчжурамъ*».

«Китай, слушая навѣты непримиримыхъ нашихъ враговъ, отверженныхъ самимъ небомъ, отправилъ ко мнѣ грамоту, полную презрительныхъ выраженій, съ дерзкимъ посломъ, нарочно старавшимся вывести меня изъ терпѣнія различными оскорбленіями».

«И прежде, не Китай ли принудилъ меня отказать-ся отъ *Хада*, когда само небо даровало мнѣ это владѣніе?... По волю Имперіи, я возвратилъ плѣнныхъ

жителей покореннаго аймака въ ихъ отчизну; *Бха*, въ нѣсколько поколовъ, воспользовалось добычею, отнятою изъ моихъ рукъ. Кто не знаетъ, что побѣждаетъ и укрѣпляется въ силахъ только государство, покровительствуемое небомъ; что нападаютъ и разрушаются только государства, свыше обреченныя на гибель? Кто можетъ воскресить убитыхъ въ сраженіи? Кто возвращаетъ добычу, приобретенную побѣдою? Пусть *Минскій* Императоръ, повелитель обширнаго государства, предназначенъ быть главою и вѣсьхъ другихъ владѣній; но что значить та постоянная вражда, которою онъ преслѣдуетъ нашъ Домъ? Прежде, аймаки *Хуньскою* сейма сами начали войну противъ меня, и небо, осудившее ихъ поступки, покрыло меня своимъ щитомъ. Нынѣ, Китай, увлеченный пристрастіемъ къ *Бха*, самъ идетъ противъ истины и справедливости, — и я не въ силахъ болѣе перенести кровавыхъ обидъ; яду мстить Имперіи оружіемъ».

«Не я виновникъ этой войны, сказалъ *Тай-цзу*, обратившись ко двѣмъ Бэйламъ и вельможамъ, — праведное мнѣніе ведетъ меня къ предѣламъ Китая, и если оружіе наше увѣнчается побѣдою; то да не будутъ подвергнуты: пльмивли грабежу, женщины зоруганію, мужъ и жена разлученію. Упорнымъ смерть, покорнымъ пощада; а каждый изъ васъ долженъ строго смотрѣть за своими солдатами».

Вечеромъ того же дня (т. е. вечеромъ 20-го числа 4-й луны 1618 года), 20-ти тысячная Маньчжурская армія, подъ предводительствомъ самаго Хана, выступила изъ *Синь-цзима* и на другой день остановилась лагеремъ въ степи *Фахунь-омо*. Неизвѣстность опаснаго предпріятія, сила Имперіи и гибельныя слѣдствія, которыя поразили бы Маньчжурію, въ случаѣ неудачи, сильно занимали *Тай-цзу*, страшившагося однимъ разомъ потерять плоды продолжительныхъ и тяжкихъ трудовъ. Оставшись въ палаткѣ только съ тремя близкими родственниками, *Тай-цзу*, послѣ глубокаго и долгаго размышленія, сказалъ своимъ спутникамъ: «читая «я *Гиньскую* исторію и вижу, что самые великіе госуда-
«дари, не смотря на непрестанныя войны и безчис-
«ленные труды, подъятые ими въ походахъ и бояхъ,
«были не въ силахъ прочно утвердить свое владычество
«надъ Имперією. Нѣтъ, я начинаю борьбу съ Китаемъ
«не изъ желанія захватить Китайскій престолъ и на-
«всегда воцариться на немъ. Гордость и всегдашняя
«вражда *Миньскаго* двора — вотъ, что заставило меня
«взяться за оружіе». Тревожное чувство Хана достигло
высшей степени, когда съ наступленіемъ ночи пошелъ
дождь, какъ будто само небо полагало преграду даль-
нѣйшему движенію Маньчжуровъ. Немедленно дано
было повелѣніе всѣмъ Бэйламъ и вождамъ явиться на
совѣтъ, и, когда они вошли въ Ханскую палатку, *Тай-цзу*

встрѣтилъ ихъ словами: «не возвратиться ли намъ домой? Дождь мѣшаетъ продолжать походъ». Сколько лѣтъ мы жили съ Китаемъ въ мирѣ, возразилъ Бэйлэ *Дай-шань*, а кончилось тѣмъ, что Китай своими несправедливыми поступками вынудилъ насъ, съ оружіемъ въ рукахъ идти на его предѣлы. Если воротимся назадъ, снова ли должны мы искать дружбы съ Имперіею, или думать о войнѣ?... Какъ оскорбить армию, готовую къ бою? И что значитъ дождь? Развѣ у нашихъ солдатъ нѣтъ плащей для себя, колчановъ для стрѣлъ, сайдаковъ для луковъ? Не промокнуть подъ такой защитой!... Этотъ дождь — предвѣстіе нашего торжества и бѣды для Китая! Враги заснули подъ шумъ падающихъ капель; не ждутъ нашего прихода, не предчувствуютъ, какъ мы нагрѣвемъ на ихъ предѣлы!» Никто не опровергалъ словъ мужественнаго Бэйлы; самъ Ханъ успокоился при видѣ воинственнаго духа, оживлявшаго вождей. Утромъ армія получила повелѣніе продолжать походъ, неуклонно слѣдуя наказу, данному для руководства полководцевъ и солдатъ въ настоящей кампаніи.

Главное содержаніе этой инструкціи, лучше всего раскрывающей состояніе тогдашней Маньчжурской стратегіи, было слѣдующее: первый долгъ вождя — неистощать собственныхъ силъ, напрасно не подвергать опасности своихъ людей. При встрѣчѣ съ многочислен-

ннѣмъ непріателемъ — скрыть большую часть своихъ воиновъ, другою приманить его къ засадѣ; тогда побѣда — несомнѣнна; если же онъ проникнетъ въ тайные замыслы и не дастся въ обманъ: то соединить свои силы, напасть на враговъ и гнаться за ними до перваго города, чтобы по пятамъ бѣгущихъ ворваться въ ворота. При встрѣчѣ съ войскомъ, превосходящимъ въ числѣ, Маньчжурскій отрядъ долженъ заблаговременно и въ порядкѣ отступать до крѣпкой позиціи; здѣсь дожидаться прихода резервовъ; и, уравнившись съ непріателемъ, переимѣнить оборонительное положеніе на наступательное. Дѣлать приступы только къ тѣмъ городамъ, о которыхъ напередъ можно быть увѣреннымъ, что они не выдержатъ штурма; напротивъ даже не приближаться къ городамъ, хорошо укрѣпленнымъ; иначе неудачный приступъ произведетъ гибельное нравственное вліяніе на солдатъ, бесполезную потерю въ людяхъ и, съ другой стороны, усилитъ духъ непріателей. Только побѣда, одержанная съ малымъ урономъ въ своихъ рядахъ; заслуживаетъ похвалу и тотъ не вождь, кто устигаетъ путь къ непріателю трупамъ своихъ воиновъ. Солдатъ, отлучившійся отъ своей роты или знамени, предается смертной казни. Всякой начальникъ, не чувствующій въ себѣ довольно силы для исполненія возлагаемаго на него порученія, долженъ о томъ предварительно объявить; иначе сотни и

тысячи будутъ жертвами его слабости или неосытности. При штурмѣ крѣпостей и городовъ, безразсудно, изъ одной отваги, прежде другихъ не бросаться на стѣны двумя или тремя человекамъ; но идти дружно, по ротамъ; послушники повелѣнія, будутъ ли ранены — не получать награды, будутъ ли убиты — не удостоится почестей. Атаку и ретираду производить по сигналамъ и командамъ.

На 12-й день Маньчжурская армія явилась подъ стѣнами пограничнаго Китайскаго города *Фу-шунь*. Еще не начиная никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, Хань отправилъ къ коменданту письмо, въ которомъ требовалъ немедленной сдачи урѣзленія. «Иду войною противъ Китая, писалъ *Тай-цзу*, за то, что оныя выслали всю мотательный отрядъ въ *Ълэ*; впрочемъ совѣтую тебѣ безъ боя покориться мнѣ. Коменданту ли какого либудь пограничнаго городка питать надежду на славное окончаніе осады и борьбы?... Въ случай твоего подданства, мои войска прямою дорогою пойдутъ впередъ; въ случай упорства, только напрасно замедлишь мои успѣхи».

«Ты человекъ умный; въ состояніи хорошо понимать обстоятельства и время; а я нуждаюсь въ людяхъ, подобныхъ тебѣ; и умѣю ими дорожить. Рука моей дочери (первая степень почестей между моими вельможими) была бы наградою такого человека, если бы

онъ заотѣлъ предложить мнѣ свои знанія и услуги. За одну покорность предлагаю тебѣ всѣ прежнія права и достоинства, власть надъ обывателями и солдатами. Ни одинъ солдатъ мой не войдетъ въ городскія ворота, чтобы не разогнать твоихъ согражданъ и тебя не сдѣлать начальникомъ пустыхъ стѣнъ».

«Будешь сражаться? Но какая нибудь стрѣла, пущенная на удачу и въ толпу, можетъ не пощадить и тебя, — а что за радость идти на смерть, когда нѣтъ средства побѣдить? Посмотри на число моихъ воиновъ : подумай, какъ ничтоженъ твой городъ, и пойми, что слова мои — не простыя угрозы, что позднее раскаяніе не принесетъ никакой пользы!... Впрочемъ, предоставляю все это дѣло на собственное твое разсмотрѣніе; только поберегись поспѣшностію или неуспѣшною запальчивостію разрушить свое счастье».

Ли-юнь-фанъ, такъ звали коменданта, не заставилъ въ другой разъ повторить себѣ угрозы. Робость овладѣла имъ при одномъ видѣ непріятельской арміи. Не желая обезчестить себя явною измѣною, онъ, по тайному условію съ Маньчжурами, позволилъ имъ овладѣть однимъ угломъ городской стѣны, и истребить гарнизонъ, хотѣвшій вступить съ непріателемъ въ кровопролитный бой. Измѣнникъ былъ милостиво принятъ Ханомъ; городъ срытъ до основанія, тысяча

семействъ уведены въ плѣнъ, а войска, высланные въ поговю за возвращавшимися Маньчжурами, были разбиты на голову, самъ же предводитель палъ на полѣ сраженія. Осенью новый набѣгъ на границы Имперіи, совершенное истребленіе десяти тысячнаго Китайскаго корпуса и покореніе города *Цинг-хэ*, крѣпостей: *Фу-ань* и *Сянь-чанъ* — доказали *Миньскому* правительству, что для смиренія Восточныхъ варваровъ нужны не слова, а оружіе.

Итакъ жребій былъ брошенъ. И вотъ причины той продолжительной и кровопролитной борьбы, которая угасла только на развалинахъ *Миньскаго* владычества, — то военное искусство и тактика, которыми горсть Маньчжуровъ распространила свои завоеванія отъ *Тараканъ* до *Формозы*, и отъ *Желтаго* моря до *Бирманскаго* королевства, *Ладака*, *Бухары* и *Алтая*; та система, съ одной стороны льстивыхъ обѣщаній, съ другой предательства и измѣны; которая, еще до покоренія Маньчжурами Китая, привлекла къ нимъ тысячи его сыновъ, тѣсно соединившихъ свои выгоды съ врагами отечества. Вся дальнѣйшая исторія борьбы между Маньчжурскимъ Ханомъ и Китайскимъ Государемъ есть непрерывное слѣдствіе семи кровавыхъ обидъ, осуществленіе правилъ, данныхъ арміи во время похода противъ *Фу-шуня* и повтореніе письма къ *Ли-юль-Факу*. *Миньскій* дворъ въ Пекинѣ не предвидѣлъ

всей опасности отъ орды полудинныхъ племенъ, болѣе двухъ столѣтій равнодушно подчинявшихся законамъ Имперіи; самъ *Тай-цзу*, робко вступавшій въ споръ съ древними своими повелителями, не могъ знать, какіе плоды принесутъ три начала, положенныя имъ въ основаніе своей борьбы противъ Китая. Нисколько не думая о завоеваніи земель въ *Ляо-дунь*, Ханъ срылъ города и крѣпости, которыхъ не желалъ и не надѣялся удержать за собою, — и спѣшилъ обратить свое оружіе противъ *Бхэ*, ближайшаго и главнаго своего врага; но грозная молва о приближеніи сильной Китайской арміи, шедшей вторгнуться въ предѣлы Маньчжуріи, продлила на нѣсколько времени существованіе послѣдняго остатка *Хулуньскаго* сейма.

Миньскій дворъ, озабоченный положеніемъ своей Восточной границы, повелѣлъ *Ляо-дунскому* губернатору *Янь-хао*, отмстить Маньчжурамъ за набѣгъ на предѣлы Имперіи. 200,000 Китайскихъ солдатъ, раздѣленныхъ на четыре корпуса, должны были четырьмя дорогами и въ одно время проникнуть во владѣнія *Тай-цзу* и соединиться подъ стѣнами *Синь-цзима*, столицы Хана. Громадность силъ, къ которымъ спѣшили присоединиться войска изъ *Бхэ* и *Кореи*, слава полководцевъ, управлявшихъ настоящимъ походомъ, служили вѣрнымъ залогомъ победы. Главнокомандующій войска *Янь-хао* былъ извѣстенъ какъ человекъ глубокаго

изучившей древнюю тактику, такъ высоко цѣнимую Китаичами; *Ду-сунъ*, предводитель средняго корпуса, давно уже приобрѣлъ себѣ имя храбраго и правдиваго генерала. Когда, до начала настоящаго похода, онъ возвращался съ своими войсками съ Западной границы, толпы народа бѣжали за повоздомъ своего любимаго генерала и разъ, тронутый общимъ участіемъ и похвалами, обнаживши свое тѣло, все покрытое ранами и язвами, онъ обратился къ зрителямъ съ словами: «что такое вашъ безграмотный *Ду-сунъ*» — толпа, взумленная множествомъ шрамовъ и струповъ, покрывавшихъ грудь стараго воина, пролила слезы и приветствовала его восторженными кликами. Не менѣе знаменитъ былъ и предводитель другаго корпуса, *Лю-тянь*, котораго необыкновенная физическая сила почти вошла въ пословицу во всей поднебесной, а опытность и страсть къ войнѣ были отличительными чертами характера. Покинувши службу, не всегда вознаграждавшую тягостные труды, *Лю-тянь* удалился въ свое *Лю-дунское* помѣстье, и тамъ, набравши роту удалцевъ, проводилъ свои дни въ ученіи доморощенныхъ солдатъ. Больше или менѣе замѣчательны были и прочіе генералы, принявшіе участіе въ настоящей войнѣ.

21-го числа второй луны, 1619 года, Китайскія войска должны были перейти за границу; но въ Пенниѣ

съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали радостныхъ извѣстій, что каждый день посылали въ армию красное знамя, для ускоренія похода.

Ду-сунъ, пылкій по характеру, презиравшій опасности и враговъ, и самъ горѣлъ желаніемъ скорѣе позвать лавры и присвоить себѣ честь всей кампаніи. Неожидансь условеннаго времени, онъ выступилъ изъ *Цинь-хэ*; каждый день совершалъ двойные переходы и еще до срока достигъ *Хунь-хэ*.

Солнце склонялось къ Западу, когда Китайскій корпусъ прибылъ къ рѣкѣ, весьма быстрой и опасной для переправы. Солдаты, утомленные продолжительнымъ маршемъ, просили отдыха и отсрочки перехода до другого дня. Генералъ не слушалъ возраженій; говорилъ, что знамена обращены на востокъ, что армія должна быстро слѣдовать за предзнаменованіемъ побѣды и свою рѣчь заключилъ повелѣніемъ — немедленно отыскать въ рѣкѣ бродъ. Вода была весьма мелка; сверхъ того найдено было нѣсколько десятковъ челноковъ, служившихъ доказательствомъ, что армія застала окрестныхъ жителей въ расплохъ. Обрадованный такими извѣстіями *Ду-сунъ*, снявши съ себя платье, первый на конѣ бросился въ воду; вся армія, послѣдовавшая примѣру вождя, въ нѣсколькихъ мѣстахъ начала переправу. Уже большая часть войскъ достигла другого берега, какъ вдругъ Мамъчжуры, заградившіе

верхнее теченіе рѣки, разрушили плотину и внезапный приливъ воды раздѣлилъ армію на двѣ половины. Тысячи погибли въ этомъ неожиданномъ потоцѣ, и трепетный холодъ пробѣжалъ даже между тѣми, которые стояли уже на сушѣ. Едва успѣли они построиться въ боевой порядокъ, какъ солнце закатилось, и густой туманъ упалъ на землю. Устрашенные своимъ положеніемъ на неизвѣстномъ берегу, среди общаго мрака, предъ лицомъ невидимыхъ враговъ, Китайцы спѣшили зажечь фонари и факелы; но свѣтъ былъ самымъ гибельнымъ предателемъ разстроенной арміи. Маньчжуры, сами прикрытые тьмою, ясно видѣли своихъ озаренныхъ непріятелей: «десять тысячъ «стрѣлъ сгустились какъ дождь, и ни одна не ударила «мимо мѣты» Китайцы еще надѣялись на свою артиллерию; но принужденные стрѣлять изъ свѣта въ мракъ, они были по ивовой рошѣ, между тѣмъ какъ непріятель, безъ ранъ и потерь, ворвался въ ряды злополучнаго войска и произвелъ ужасную сѣчу. *Ду-сунъ* погибъ, тѣло его изрублено въ куски; самая вѣстовая стрѣла полководца осталась въ рукахъ побѣдителей; плавающіе трупы и знамена покрыли рѣку и увлечены ея быстрыми волнами.

Печальное извѣстіе о судьбѣ *Ду-суна* заставило *Малла*, предводителя Сѣвернаго корпуса, также бывшаго на походѣ, остановить свои дальнѣйшія движенія и

укрѣпиться при горѣ *Шан-лянь*. Лагерь былъ обнесенъ тройнымъ валомъ; внѣ его расположены были пушки, подъ защитою конницы; сверхъ того, два десяти-тысячныхъ корнуса, подъ начальствомъ генераловъ *Пан-цзунъ-ляя* и *Гунъ-лянь-суя*, въ нѣсколькихъ ли далѣе главнаго стана, заняли крѣпкія позціи, чтобы съ разныхъ сторонъ противостать Маньчжурамъ; и снѣшить, куда призывала опасность, которая не замедлила явиться предъ ними.

Четвертый Бэйлэ съ тысячею конныхъ воиновъ ударилъ на лагерь *Гунъ-лянь-суя*, проникъ за окопы, а въ слѣдъ за конницей вошла и Маньчжурская пѣхота; тогда, соединенными силами, они обратили всѣ свои дѣйствія противъ одного угла, изрубили повозки, разрушили щиты и привели въ совершенное замѣшательство непріятельскій станъ. Въ то же время самъ *Тай-цзу* бросился на главную Китайскую армію, въ числѣ 20,000 расположившуюся при горѣ *Шан-лянь*. Ханъ уже хотѣлъ дать приказаніе своимъ войскамъ занять высоты, чтобы съ вершины горы стремительно опрокинуться на враговъ; но замѣтивши, что непріятель оставилъ окопы и готовится дать рѣшительное сраженіе, *Тай-цзу* замѣнилъ прежній свой приказъ новымъ, — снѣшиться всѣмъ и идти въ рукопашный бой. Не успѣло это распоряженіе распространиться по Маньчжурскимъ отрядамъ, какъ Китайская армія, въ

строгомъ порядкѣ, быстро двинулась впередъ. Въ эту минуту роковаго замѣшательства, Бэйлэ *Дей-мань*, сивативный знамя, бросился съ своею конницею на встрѣчу Китайскому войску; примѣру своего брата послѣдовали другіе два сына *Тай-цзю* и атака превосходной конницы, летѣвшей во весь опоръ, была такъ стремительна и ужасна, что Бэйлы прорвались сквозь весь непріятельскій строй и очутились въ тылу изумленной арміи; въ то же время солдаты шестн знаменъ, не выстроившись въ боевую линію, не слушая никакихъ приказаній, ударили на фронтъ, и войско *Ма-лама*, поражаемое съ двухъ сторонъ «разсыпалось какъ черепица и высохшая грязь». Не многіе, съ своимъ полководцемъ, успѣли уйти въ *Кай-юань*; двадцать тысячъ воиновъ изъ *Бао*, шедшіе на помощь *Мамаской* арміи, при вѣсть о бѣгствѣ *Ма-лама*, воротились съ половины дороги; такимъ образомъ два Китайскіе корпусъ были разбиты, разсыяны и уничтожены.

Впрочемъ, еще 120,000 готовы были дорого откупить *Маньчжурамъ* за гибель своихъ товарищей. Войска *Ли-лю-бо* и *Лю-шима*, каждое далеко превосходившее своимъ числомъ армію Хана, не зная ничего о недавнихъ событіяхъ, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія и неудачи, съ полнымъ надеждани на побѣду подвигались внутрь страны; но *Ань-хао*, пораженный ужасными извѣстіями, послалъ къ обоимъ генераламъ

повелѣніе — отступить къ предѣламъ Китая. *Ли-жу-бо* возвратился, а *Лю-тинъ*, уже миновавшій всѣ опасныя мѣста и уже бывшій только въ 50 ли отъ *Силь-цзима*, немогъ получить во время приказанія. Строгость и порядокъ, съ которыми шли войска, искусство стрѣльцовъ и канонеровъ, рогатки, телѣжные лагеря и собственная опытность полководца, охраняли корпусъ, оставшійся среди непріятельской страны. Сами Маньчжуры хорошо знали искусство своего противника, и потому рѣшились сперва прибѣгнуть къ обману, а послѣ уже къ бою.

Къ *Лю-тину* явился шпионъ, въ видѣ офицера *Ду-сумовой* арміи и съ вѣстовою стрѣлою погибшаго полководца. Плѣнный Китаецъ, принявшій на себя такую опасную роль, объявилъ *Лю-тину*, что *Ду-сумъ* уже подъ стѣнами *Силь-цзима* и ждетъ только немедленной помощи для нанесенія непріятелю рѣшительнаго и послѣдняго удара. «Я не конюхъ *Ду-сумовъ*», холодно сказалъ *Лю-тинъ* при видѣ стрѣлы, уязвившей его самолюбіе. «Вашъ гнѣвъ справедливъ, возразилъ гонецъ, «стрѣла посылается только къ низшимъ; но, генераль, «подчиненные не дожидаются ея прихода; при одной «молвѣ, они спѣшатъ, куда призываетъ ихъ голосъ «главнаго вождя. Стрѣла эта послана со мною только въ «доказательство критической важности обстоятельствъ, «и какъ несомнѣнный залогъ истины моихъ словъ». «Отъ чего же я не слышу вѣстовой пушки? Развѣ

«*Ду-сунь* забылъ о томъ, какъ при переходѣ чрезъ границу, на общемъ собраніи положено было: кто прежде другихъ достигнетъ непріятельской столицы, тотъ долженъ подавать сигналы пушечною пальбою»?.. «Маньчжурская земля — не то, что наше Среднее государство! Здѣсь нѣтъ маяковъ; всё извѣстія передаются чрезъ нарочныхъ, и еслибы на разстояніи 50 ли отъ города разставить пикеты и приказать имъ стрѣлять изъ пушекъ; то и тогда нельзя было бы подать вѣсти скорѣе гонца, смѣняющагося по станціямъ». *Лю-тинь* задумался, а мнимый посланникъ *Ду-суня* сдѣлалъ обычное колѣнопреклоненіе предъ полководцемъ и вышелъ изъ палатки. «Дождается вѣстовой пушки» сказалъ Маньчжурамъ возвратившійся гонецъ, и громъ пальбы раздавался въ окрестностяхъ *Синь-цзиня*.

Между тѣмъ *Лю-тинь*, въ досадѣ на то, что одному *Ду-суню* достанется слава цѣлаго похода, не замѣтилъ страннаго бѣгства гонца и далъ повелѣніе своимъ войскамъ — идти впередъ. По мѣрѣ приближенія къ непріятельской столицѣ, выстрѣлы дѣлались слышнѣе, а нетерпѣніе *Лю-тина* возрастало болѣе и болѣе. Онъ думалъ, что между *Ду-сунюмъ* и Маньчжурами завязалось жаркое дѣло и что, можетъ быть, въ сію минуту рѣшается судьба цѣлой войны и счастливый соперникъ его вѣнчается лаврами, исхищенными у него однимъ разстояніемъ. Армія шла самымъ скорымъ маршемъ;

но Китайскому генералу казалось, что движеніе ея слишкомъ медленно, и потому сперва оставленъ былъ тѣлѣжный лагерь, за нимъ брошены рогатки; наконецъ, при вступленіи на узкую дорогу, конница раздѣлена была на четыре полка, а пѣхота, вмѣстѣ съ Корейцами, далеко отстала назадъ, подѣ начальствомъ *Камъ-инъ-цзя*.

Маньчжуры только и ждали этой минуты. Четвертый Бэйлэ явился съ своею конницею на высотахъ *Абудам*, гдѣ отдыхалъ отрядъ самаго *Лю-тила*, и съ крикомъ и стрѣлами напалъ на изумленного непріятеля. Въ то же время Бэйлэ *Дай-шань*, съ распущенными знаменами *Ду-сула* и многочисленнымъ войскомъ, одѣтымъ въ платье Китайскихъ солдатъ, приближался съ противоположной стороны къ обманутому *Лю-тику* и ударилъ на него съ тыла. Пораженіе было неизбежно; самъ полководецъ погибъ; его солдаты или захвачены въ плѣнъ или истреблены, и даже пѣхота, успѣвшая занять выгодное мѣсто, была разбита и разсыяна, а 5,000 Корейцевъ сдались Маньчжурамъ.

Такъ кончился первый походъ Китайской арміи противъ Маньчжурин, походъ, отъ котораго весьма много ожидали дворъ и государство. 50 тысячъ Маньчжуровъ сокрушили непріятеля, въ пять разъ превосходившаго ихъ числомъ, съ небольшимъ урономъ въ своихъ рядахъ устлали поля трупами враговъ, получивъ

ли въ добычу верблюдовъ, лошадей, латъ, пушекъ, багажа и всякихъ военныхъ снарядовъ до нѣсколькихъ сотъ тысячъ штукъ. Въ теченіе одного мѣсяца — кампанія была совершенно окончена; ни одного вооруженнаго Китайца не осталось въ предѣлахъ *Цзян-часоу*, а въ слѣдующей лунѣ побѣдители, въ свою очередь, внесли оружіе въ границы Имперіи — и *Ма-минь* съ изумленіемъ увидѣлъ Маньчуровъ подъ стѣнами *Кай-юаня*, куда скрылись остатки двухъ сотъ тысячной арміи. Городъ былъ взятъ; три дня вонны Хана пересчитывали плѣнниковъ и за наступленіемъ жаровъ возвратились въ свою столицу; осенью того же года — покорили *Бисэ* и въ цѣлой Маньчуріи не осталось ни одного аймака, признававшаго надъ собою Китайское владычество.

Имперія не могла повѣрить своему несчастію. Главнокомандующаго, съ нарочнымъ курьеромъ и въ цѣпяхъ, вытребовали ко двору, гдѣ долженъ былъ начаться надъ нимъ самый жестокій и несправедливый судъ. Враги успѣли увѣрить правительство, что всѣ бѣдствія похода были злоумышленнымъ дѣломъ *Янь-хао* и *Ли-жу-бо*, завидовавшихъ *Ду-суну*. Явились люди, которые говорили, что при самомъ переходѣ за границу *Ли-жу-бо* съ хитрою улыбкою сказалъ *Ду-суну*; «Вамъ «предоставляемъ всю славу войны»; что *Ду-сунъ*, доврчивый по природѣ, съ удовольствіемъ принялъ такое

предложеніе и горѣлъ желаніемъ осуществить его на дѣлѣ, а между тѣмъ *Янъ-хао* и *Ли-жу-бо* надѣялись простодушнаго генерала подкупленными проводниками, которые должны были навести его на гибельную засаду, и дали тайное извѣстіе Маньчжурамъ о всѣхъ движеніяхъ *Ду-суна*, особенно страшнаго для непріятелей; что отступленіе *Ли-жу-бо* не было слѣдствіемъ приказанія, даннаго по случаю разбитія средняго корпуса, но такая же хитрость людей, рѣшившихся вмѣстѣ съ *Ду-суномъ* погубить и *Лю-мина*, затмѣвавшаго ихъ своими талантами и счастіемъ; что, еще до начала кампаніи, *Ли-жу-бо* получилъ отъ *Янъ-хао* это повелѣніе, для приведенія его въ исполненіе, при первомъ удобномъ случаѣ. Оправданія подсудимыхъ не были приняты и, по приговору враждебной партіи, *Янъ-хао* и *Ли-жу-бо*, должны были жизнью заплатить за жизнь *Ду-суна* и *Лю-мина*.

Преемникомъ несчастнаго главнокомандующаго былъ назначенъ *Сюнь-минъ-би*, человекъ съ рѣдкими дарованіями, твердымъ характеромъ и тою опытностію, которой требовало опасное положеніе дѣлъ на Восточной границѣ. Побѣды Маньчжуровъ распространили страхъ по всему *Лло-дуну*; народъ и солдаты бѣжали изъ городовъ и крѣпостей; на пространствахъ нѣсколькихъ сотъ ли не видно было человѣческаго слѣда и общая молва, какъ въ Пекинѣ такъ и во

всемъ Китаѣ, родила печальное убѣжденіе, что «потеря *Лю-дуна* неизбежна».

Сюнь-минь-би, прибывши къ мѣсту своего назначенія, первымъ долгомъ своимъ поставилъ призвать бѣжавшихъ и переселившихся, сдѣлать войскамъ самый строгій разборъ, а главное обратить войну наступательную въ оборонительную. Собравши 180,000 воиновъ онъ раздѣлилъ ихъ по городамъ и заставамъ: *Ай-лянъ*, *Цзинь-хэ*, *Фу-шунь*, *Чай-хэ*, *Самъ-ча* и *Чжэнь-цзянъ*. Каждое изъ этихъ укрѣпленій должно было собственными силами обороняться противъ непріятеля малочисленнаго и требовать помощи отъ другихъ, если могущество враговъ угрожало неизбежною опасностію; изъ самыхъ отборныхъ солдатъ образованы были летучіе отряды для того, чтобы, пользуясь оплошностію противниковъ, истреблять ихъ отдѣльные патрули, снимать пикеты и тревожить земледѣльцевъ и пастуховъ. Отряды должны были смѣняться по очереди, выходить въ поле только при благоприятныхъ обстоятельствахъ. Такая охранныя система принесла покоійствіе и миръ въ страну, прежде полную унынія и страха. *Тай-цзу*, бѣдный осадными орудіями, не рѣшался идти на покореніе городовъ, защищаемыхъ многочисленными гарнизонами; непріятель не выходилъ въ чистое поле, гдѣ съ полнымъ успѣхомъ могла бы дѣйствовать конница, составлявшая главную силу *Маньч-*

журовъ, а постоянная осторожность Китайцевъ препятствовала безнаказанно грабить предѣлы Имперіи. — Больше года царствовала тишина и, можетъ быть, она надолго остановила бы успѣхи *Тай-цзю*, еслибы Китай самъ не разрушилъ своей защиты.

При дворѣ съ неудовольствіемъ смотрѣли на видимое бездѣйствіе главнокомандующаго, и низкія интриги, погубившія *Янь-хао* грозили его преемнику. Былъ сдѣланъ докладъ Китайскому Государю о странности распоряженій *Лю-дунскаго* губернатора, и Государственный Страпчій, никогда не видавшій непріятеля, не знавшій, что такое война, осмѣлся представить дѣйствія опытнаго полководца въ самомъ преискусномъ видѣ. Оскорбленный *Сюнь-минь-би* написалъ рѣзкое оправданіе всѣхъ своихъ дѣйствій, отказался отъ всѣхъ должностей, отослалъ къ Государю знаки своего достоинства и власти, и какъ подсудимый сѣлъ на рогожу, въ ожиданіи воли правительства. Рѣшеніе скоро послѣдовало; *Сюнь-минь-би* отставленъ и его мѣсто занялъ *Юань-инь-тай*. Скоро одно неожиданное обстоятельство доказало двору всю бѣдственную важность его ошибочныхъ дѣйствій:

Среди Восточныхъ Монгольскихъ аймаковъ открылся жестокой голодъ; множество народа, вступивши въ Китайскія границы, просило хлѣба и принятія въ

подданство. *Юань-инь-тай* доказывалъ, что если не будетъ исполнено желаніе пришлецевъ, то они немедленно отдадутся въ руки враговъ Имперіи, и на основаніи такихъ соображеній, принялъ Монголовъ подъ свое покровительство и поселилъ ихъ въ двухъ главныхъ городахъ *Ало-дуна: Ало-янь* и *Шень-янь*. Мѣра, принятая главнокомандующимъ, подверглась общему порицанію; говорили, что принятіе въ подданство было сдѣлано безъ всякаго различія; что вѣрно въ томѣ этихъ нидкихъ кроются инюны, подосланные Маньчжурами, и что слѣдовательно всего безопаснѣе возвратитъ ихъ на прежнія жилища. *Юань-инь-тай* не обратилъ вниманія на возраженія, но пришлецы скоро отбили у жителей дома, женъ и дочерей; народъ негодовалъ и на самаго главнокомандующаго и на правительство, дозволившее возвратиться грабителямъ въ мирныя жилища гражданъ. Тайные приверженцы Маньчжуровъ старались всѣми мѣрами раздуть искры общихъ неудовольствій, такъ что, мало по малу, въ обоихъ городахъ образовалась весьма значительная партія въ пользу Хана, умѣншаго своими дѣйствіями и обещаніями пріобрѣсти расположеніе и угнѣтенныхъ Китайцевъ и безчинствовавшихъ Монголовъ. Когда, такимъ образомъ, умы жителей были предуготовлены къ измѣнѣ, *Тай-чзу*, весной 1621-го года, явился подъ стѣнами *Шень-яня*.

Маньчжурская армія разбила свой станъ въ 7 ли отъ города, который въ нѣсколько рядовъ обнесень былъ каналами и рвами, огражденъ тыномъ, батареями, щитами, телѣжными лагерями, и защищался 70,000 воиновъ, расположенныхъ внутри и вѣкъ стѣнъ. Оборона производилась съ самою строгою дисциплиною и взятіе *Шэнь-яна* стоило бы неприятелю чрезвычайныхъ потерь, еслибы случай и измѣна не помогли осаждавшимъ. Одинъ разъ пьяный комендантъ города, *Хэ-ши-сянъ*, завидѣвъ нѣсколько Маньчжурскихъ отрядовъ, далеко отдѣлившись отъ главной своей арміи. *Хэ-ши-сянъ* захотѣлось истребить удальцевъ, повидимому вовсе не думавшихъ о нападеніи; тысячи всадниковъ казалось достаточно для совершенія предпріятія и комендантъ, оставивши городъ, вѣреннѣйшій его защитѣ, поскакалъ въ погоню за отрядами. При видѣ несущагося неприятеля, Маньчжуры все подавались назадъ, доколѣ не привели Китайскаго генерала къ засадѣ. Тогда *Хэ-ши-сянъ*, въ свою очередь, принужденъ былъ отступать и сражаться; уже онъ достигъ самаго города и спасеніе было несомнѣннымъ, какъ Монголы, предавнныя Хану, разрушили мосты и комендантъ, получившій 14 ранъ, палъ при воротахъ *Шэнь-яна*, который, съ потерю главнаго своего защитника, легко перешелъ въ руки Маньчжуровъ. Городъ былъ уже во власти *Тай-цзу*, когда

пробылъ новый корпусъ на помощь осажденнымъ. Не смотря на свою малочисленность и поздній приходъ, Китайцы рѣшились дать сраженіе — и закипѣлъ бой, небывалый отъ самаго начала военныхъ дѣйствій, по лѣвую сторону рѣки *Лю*. Окруженные въ нѣсколько рядовъ своими врагами, они дрались на смерть; но мужество должно было уступить числу — и побѣдоносныя Маньчжуры достигли *Лю-ля*, гдѣ находился самъ главнокомандующій.

Юань-миз-тай, собравши изъ всѣхъ ближайшихъ городовъ гарнизоны и войска, надѣялся дать сильный отпоръ приблизившемуся Хану, доколѣ первая неудачная битва, въ открытомъ полѣ, не заставила Китайскаго полководца возвратиться подъ прикрытіе городскихъ стѣнъ, скоро также оказавшихся ненадежными противъ мужества и оружія враговъ. Послѣ кровопролитной осады, гдѣ съ той и другой стороны тысячи заплатили жизнью за свою неустрашимость, на одномъ углу городской стѣны водружено знамя *Тай-цзю*. При видѣ этого символа побѣды, жители пришли въ страшное волненіе; вредъ глазами своихъ воиновъ, еще съ ожесточеніемъ дравшихся на стѣнахъ и улицахъ, готовились къ великолѣпной встрѣчѣ Маньчжурскаго Хана. Цѣлую ночь длилась страшная сѣча; кто искалъ смерти, тотъ погибъ; кто искалъ спасенія, тотъ бѣжалъ. *Юань-миз-тай* смѣгъ себя на одной башнѣ, и съ разсвѣтомъ

весь городъ былъ во власти Маньчжуровъ. Утромъ дома были увѣшены красными шелковыми матеріями; разряженныя женщины стояли въ воротахъ своихъ жилищъ; мушны, съ курящимися благовонными свѣчами и триумфальною колесницею, вышли на встрѣчу *Тай-цзу*, который, въ сопровожденіи своей арміи, торжественно въѣхалъ въ покоренный *Лло-ля*, при громкихъ привѣтственныхъ крикахъ народа: «*Вань-кми, Вань-суй*!» Слѣдствіемъ завоеванія главнаго города въ *Лло-дуль* было то, что всѣ лежавшія на Востокѣ отъ рѣки *Лло-хэ* крѣпости, остроги, станціи, лагеря, 5 округовъ и наконецъ свыше 70 большихъ и малыхъ городовъ, одинъ за другимъ, пали въ ноги побѣдителей.

Хану не хотѣлось разстаться съ такимъ множествомъ приобрѣтеній. Рѣшившись прочно утвердить свое владычество въ новопокоренной странѣ, *Тай-цзу* собралъ всѣхъ своихъ Бэйлѣ и генераловъ на совѣтъ, для рѣшенія общими силами вопроса о томъ: должны ли Маньчжуры возвратиться домой, или навсегда переселиться въ *Лло-ля*? — Совѣтники Хана не предавались честолюбивымъ мечтамъ; любовь къ родицѣ влекла ихъ подъ кровь своихъ семействъ, и единодушнымъ отвѣтомъ былъ крикъ: «домой!» — «Какъ! возразилъ *Тай-цзу*: оставить землю полную городовъ и народа, откуда такъ легко идти войною и на Китай, и на

Монголію, и на Корею; оставить для того, чтобы снова обогреть ее своею кровью? Нѣтъ! Само небо даровало мнѣ эту страну — и я поселиюсь въ ней!» — «Воля Хапа законъ для насъ» отвѣчали Бэйлы, и перенесеніе столицы въ *Лло-ля* было рѣшено.

Непрестанныя потери, близкое сосѣдство Маньчжуровъ наконецъ заставили *Миньскій* дворъ вспомнить о человѣкѣ, нѣкогда такъ несправедливо удаленномъ отъ важнаго поста. Китайскій Императоръ, повелѣвъ разжаловать людей, навѣтами и пристрастнымъ судомъ содѣйствовавшихъ паденію *Сюнь-тинъ-би*, одобрилъ дѣйствія низвергнутаго генерала, и предложилъ ему снова занять мѣсто, обратившее на себя вниманіе цѣлой Имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство признало необходимою, учредить три новыхъ губернаторства, въ городахъ: *Данъ-чжоу*, *Лай-чжоу* и *Гуанъ-кинъ*; подчинить ихъ власти *Цзынь-лю*, долженствовавшаго утвердить свою квартиру въ *Шанъ-хай-гуанъ*; а до прибытія главнокомандующаго къ мѣсту назначенія, управление Восточными дѣлами ввѣрить *Ванъ-хуа-чжэню*, губернатору *Гуанъ-кина*.

Какъ ни спѣшили *Сюнь-тинъ-би* скорѣе явиться въ *Лло-дуя*; но онъ не могъ предупредить расперженій своего временнаго намѣстника, который основавъ шесть лагерей по берегамъ *Лло-хэ* и разослалъ большую часть арміи по городамъ: *Сы-кинъ*, *Чжэнь-у*, *Лю-хэ*, и

Нань-шань. Главнокомандующему не нравился планъ, раздроблявшій военныя силы. «Въ настоящее время, говорилъ *Сюнь-тинь-би*, болѣе всего должно защищать *Гуань-нинь*. Учрежденіе лагерей только ослабляю армию. Если Маньчжуры сдѣлаютъ внезапный набѣгъ, тайно перейдутъ черезъ *Лю-хэ* и разобьютъ только одинъ какой нибудь лагерь; то изъ всѣхъ другихъ солдаты сами обратятся въ бѣгство. По моему мнѣнію, должно учредить при берегахъ разѣздные патрули, ходить дозоромъ попеременно, для скрытія числа ихъ; отъ рѣки до *Гуань-нина* устроить маяки и при нихъ пикеты, для немедленной передачи извѣстій; а главную армию сосредоточить въ *Гуань-нинь*, и здѣсь, подъ защитою глубокихъ рвовъ и высокихъ валовъ, ожидать непріятеля». Но губернаторъ самъ имѣлъ притязанія на стратегическую опытность; къ тому же, прежнія непріятныя отношенія къ *Сюнь-тинь-би*, желаніе поддержать свой планъ и природное упрямство вооружили *Вань-хуа-чжэня* противъ всѣхъ мѣръ и предложеній главнокомандующаго. Даже губернатору казалось, что совершенно ненужно заботиться о морскихъ силахъ въ *Дэнъ-чжоу* и *Лай-чжоу*, ибо на островѣ *Индао* живетъ Китайскій генералъ *Мао-сынъ-лунь*; не зачѣмъ трудиться надъ наборомъ солдатъ, заготовленіемъ ремонта, латъ и военныхъ снарядовъ, — есть вспомога- тельный корпусъ изъ 40,000 Чахарскихъ Монголовъ;

напрасно запасать провіантъ для людей, кормъ для скота, — у жителей *Лю* есть крупа и ведра, полныя воды и вина; излишнія были бы хлопоты искать проводниковъ, — у Маньчжурскаго Хаѳа живетъ *Ли-юнь-фанъ*: онъ посвѣтитъ выѣти на встрѣчу Китайскимъ войскамъ, укажетъ имъ вѣрный и ближайшій путь къ славѣ и добычѣ; даже не должно поправлять городовъ и крѣпостей, — непріятель, въ *Лю-ля* и *Шюнь-ля*, много настроилъ новыхъ. Тщетно *Сюнь-тинъ-би* всѣми мѣрами старался доказать своему противнику, какъ опасно вѣрить преданности жителей *Лю*, какъ еще хуже того, возложить всѣ свои надежды и спасеніе на помощь Монголовъ, или основывать свои планы и успѣхи на содѣйствіи измѣнника *Ли-юнь-фана*; что въ самомъ *Гуанъ-ки* много непріятельскихъ шпионовъ и что, наконецъ, нельзя же не привести въ исправное положеніе рвы, валы, лагери, города, и не защищать ихъ съ самою неусыпною осторожностію. «Что много разсуждать? вскричалъ губернаторъ: пусть только дадутъ мнѣ 60,000 корпусъ, я я смету непріятеля съ лица земли, разрушу города его до основанія». Послѣ такого разногласія въ мнѣніяхъ, дѣло было перенесено въ Пекинъ, на рѣшеніе самого правительства.

Къ несчастію Имперіи и *Сюнь-тинъ-би*, въ Китайской столицѣ хорошо знали его строгій и прямодушный характеръ; при дворѣ было много людей, которые

чувствовали себя неправыми предъ *Ляо-дунскимъ* главнокомандующимъ; внезапная милость Императора, вызвавшая изъ частной жизни несправедливо осужденнаго полководца, страшила виновныхъ любимцевъ и временщиковъ; председатель военной палаты, *Чжэн-тай-минъ*, человекъ, отъ котораго главнымъ образомъ зависѣло рѣшеніе вопроса, былъ на сторонѣ губернатора; самому сыну неба (Богдохану) нравилась воинственная отвага *Ванъ-хуа-чжэня*: и большинство голосовъ было на сторонѣ людей, вполне увѣренныхъ, что великая Китайская нація создана для войны наступательной. Слѣдствіемъ такого воззрѣнія на положеніе дѣлъ въ *Ляо-дунѣ* было то, что у *Ванъ-хоа-чжэня* находилась подъ командою 140,000 армія, а у *Сюнь-тай-би* ни одного солдата, за то имя главнокомандующаго.

Въ непродолжительномъ времени открылся губернатору случай доказать (предъ Китаемъ) мудрость своихъ распоряженій. Зимой 1621 года Маньчжуры перешли рѣку; прибрежные жители, бѣжавшіе при видѣ враговъ, разнесли повсюду страшную молву о нашествіи многочисленнаго непріятеля. *Ванъ-хуа-чжэнь*, вѣрившій всѣ свои войска любимцу своему *Сунъ-дэ-гуну*, просившему, чтобы дарованъ былъ ему этотъ случай покрыть свое имя безсмертною славой и заслугами, приказалъ этому генералу идти на помощь

крѣпости *Сы-инка*, осажденной Ханомъ. Гарнизоны всѣхъ ближайшихъ городовъ должны были соединиться съ главною Китайскою арміею, скоро встрѣтившеюся съ Маньчжурами. При самомъ началѣ сраженія, *Сунъ-дэ-тунъ* первый обратился въ бѣгство, за нимъ разсѣялись войска изъ *Чжэнь-су* и *Лю-юна*, а *Лю-чжой-чи*, одолевъ вѣрно исполнявній свой долгъ, погибъ во время боя. Маньчжуры сами не вѣрили своей побѣдѣ; страшась обмана и засады, они не двигались впередъ, доколѣ *Сунъ-дэ-тунъ*, трепетавшій отвѣта предъ правительствомъ, не вошелъ въ тайныя сношенія съ *Тай-чзу* и не убѣдилъ его въ дѣйствительности неожиданнаго торжества. Китайскій генералъ захотѣлъ оказать еще другую услугу своимъ новымъ друзьямъ; онъ распустилъ ложный слухъ, что Маньчжуры уже въ близи *Гуанъ-инна*. Жители подняли ужасную тревогу; никто не хотѣлъ изслѣдовать справедливости молвы; самъ *Ванъ-хуа-чжэнь*, повелитель 140,000 арміи, не знавшій истиннаго положенія дѣлъ, ускакалъ изъ города, сопровождаемый только двумя слугами, бѣжавшими за своимъ господиномъ пѣшкомъ. При рѣкѣ *Да-минъ-хэ* бѣглецы встрѣтились съ *Сюнь-тинъ-би*, который, при извѣстіи о вторженіи Маньчжуровъ, собралъ изъ окрестностей нѣсколько тысячъ войска и спѣшилъ съ ними къ театру войны. *Ванъ-хуа-чжэнь* съ отчаяніемъ и горькими слезами объявилъ своему

противнику объ ужасномъ несчастіи, постигшемъ армию. Главнокомандующій, выслушавъ печальныйъ разсказъ, посоветовалъ генералу скорѣе бѣжать въ *Шан-хай-гуань*, а для безопасности и прикрытія съ тыла, велѣлъ пятитысячному корпусу проводить губернатора до самой Великой Стѣны; между тѣмъ самъ отправился впередъ, сжегъ все, что могло унизжить добычу неприятеля, и наконецъ, охраняя нѣсколько десятковъ тысячъ народа, доведеннаго до крайности, удался въ *Шан-хай-гуань*.

Уже спустя два дня послѣ бѣгства *Вань-хун-чжэня*, Маньчжуры вступили въ *Гуань-линь*, такъ дорого стоившій Китайскому правительству и такъ легко доставшійся неприятелю. *Цзинь-чжюу*, *Да-линь-хэ*, *Сло-линь-хэ*, *Сунь-шань*, *Синь-шань*, *Ю-шунь*, *Цинь-шунь*, всего болѣе 40 городовъ и крѣпостей, безъ боя сдались Маньчжурамъ, которые, опустошивъ страну до самаго *Чжунь-цзо-со*, возвратились въ *Ляо-лян*, обремененные безчисленною добычею. Чиновники, солдаты и народъ, жившіе по западную сторону рѣки, переселены были съ имуществомъ и семействами на Восточный берегъ и поступили въ число подданныхъ Хана. Набѣгъ, нанесшій Китаю такіа ужасныя и невознаградимыя потери, всего продолжался только два мѣсяца, — и этого краткаго времени достаточно было, чтобы покрыть пепломъ и развалинами страну, насе-

ленную губернаторами, генералами, войсками; гдѣ на каждомъ шагу возвышались крѣпости, города, лагеря, маяки и валы; гдѣ каждый клочекъ земли былъ изрѣзанъ каналами и рвами, обнесенъ тыномъ и сторожился пикетами!

Маньчжурскій дворъ ужаснулся при вѣсти о внезапныхъ бѣдствіяхъ, поразившихъ *Лло-дунк*. Какъ прежде, такъ и нынѣ, сперва началось слѣдствіе о причинахъ новыхъ потерь; потомъ уже стали думать о средствахъ къ собственной защитѣ. *Сюль-тилъ-би* и *Ванъ-хуа-чжэнъ* были преданы строжайшему суду; но такъ какъ люди, разсматривавшіе настоящее дѣло, были тѣже самые, кои недавно и такъ охотно раздѣляли мнѣніе губернатора: то естественно, что вся тяжесть приговора пала на одного главнокомандующаго, которому суждено было въ другой разъ испытать надешіе, еще оскорбительнѣйшее прежняго. Опасное мѣсто *Лло-дунскую Цзинъ-лю* *) представлено было *Ванъ-цзай-цзиню*; но дворъ, страшившійся уже за спокойствіе самой губерніи *Часили*, повелѣлъ и *Ванъ-сянъ-цзиню*, губернатору въ *Цэнъ-часоу*, соединенными силами съ главнокомандующимъ дѣйствовать противъ Маньчжуровъ.

Ванъ-сянъ-цзинъ предложилъ правительству, какъ са-

*) *Цзинъ-лю* или главнокомандующій. Такъ называется у Китайцевъ генералъ, которому во время войны правительство возлагаетъ власть надъ войсками, съ неограниченными правами принимать всѣ мѣры, какия онъ признаетъ нужными.

ное вѣрное и легкое средство остановить успѣхи враговъ, — динцганн и торговлю привалеть на свою сторону Чахаровъ-Монголовъ и изъ нихъ образовать оплотъ для границъ Имперіи. Между тѣмъ *Ванъ-цзай-цзинь* считалъ необходимымъ оставить весь *Лю-дунъ* на жертву Маньчжурамъ, и заботиться только о спасеніи городовъ, лежащихъ уже въ предѣлахъ Великой Стѣны; съ этою цѣлью, онъ совѣтовалъ правительству основать, въ 4 ли отъ *Шанъ-вай-гуаня*, новый городъ, поселить въ немъ 40,000 гарнизона и быть спокойнымъ зрителемъ, какъ непріятель станетъ селиться на коренныхъ и древнихъ владѣніяхъ Китая. Какъ ни великъ былъ страхъ *Миньскаго* правительства; однакоже дворъ не могъ равнодушно принять такого предложенія; и министръ *Сунъ-чэнъ-цзунъ* самъ неспросилъ себя у Императора разрѣшеніе отправиться въ *Шанъ-хан-гуань*, для принятія новыхъ и болѣе выгодныхъ мѣръ къ защитѣ мѣста, требовавшаго скорой и дѣтельной помощи. Планы *Ванъ-цзай-цзиня* были отвергнуты; самъ онъ отставленъ отъ должности; а его мѣсто предоставлено министру, который доказалъ равную опытность въ дѣлахъ мира и войны.

Прежде всего *Сунъ-чэнъ-цзунъ* рѣшилъ: непременно защищать мѣста, лежація по ту сторону заставы; *Гуанъ-шиль* и *Цзю-хуа-дао* сдѣлать отпорными пунктами противъ всѣхъ нападеній Маньчжуровъ; въ слѣдъ

за тѣмъ выгнавъ Монголовъ, подъ предлогомъ охраны и помощи Китаю занявшихъ всѣ города и крѣпости, находившіеся на западъ отъ *Нинъ-юаня*; приказалъ губернатору *Юань-чунъ-хуаню* поселиться въ этомъ городѣ и управлять мѣстами, лежащими ввѣ *Шанъ-хай-гуаня*, на пространствѣ 200 ли; поселилъ сильныя гарнизоны въ городахъ *Цзинь-чжоу*, *Да-минъ-хэ*, *Сло-минъ-хэ*, *Сунъ-шань*, *Синь-шань*; *Ю-туя* и возвратилъ почти всѣ древнія владѣнія Китая на западномъ берегу *Лю*. Однимъ словомъ, *Сунъ-чжэнь-чжэнь*, въ теченіе четырехлѣтняго своего пребыванія въ *Шанъ-хай-гуань*, возобновилъ и возвратилъ нѣсколько десятковъ городовъ и крѣпостей, образовалъ 110,000 армію, благоразуміемъ и заботливостію сократилъ расходы правительства на 680,000 лянъ серебра (около 1,360,000 руб. сѣр.) несмотря на то, что въ то же время приготовилъ пшеницу, ячмень, военныхъ снарядовъ, луковъ, стрѣлъ, пушекъ, пулеметовъ и большихъ щитовъ — нѣсколько милліоновъ штукъ, и открылъ земленатѣшество на протяженіи пяти тысячъ десятинъ (цинъ) отъ самаго *Нинъ-юаня* до *Чжэнь-сюнь-чжэня*. Пограничныя мѣста снова наслаждались давно-желаннымъ миромъ; жители толпами стекались въ возстановленные города, и правительству оставалось только осыпать наградами человека, который своею глубокою опытностію и неутомимыми трудами оживлялъ страну, испытавшую всѣ ужасы опустошенія.

Но въ это время *Миньскій* дворъ страдалъ тѣмъ ужаснымъ зломъ, которое такъ обыкновенно у Восточныхъ повелителей. Въ лицѣ Богдохана управлялъ поднебесною *Державою* евнухъ *Вэй-чжунъ-сянъ*; такой человѣкъ не могъ равнодушно смотрѣть на истинныя заслуги. Собственная безопасность и желаніе прочно утвердить свое владычество требовали, чтобы всѣ важнѣйшіе посты въ цѣломъ *Китаѣ* находились въ рукахъ его клеркетовъ. Итакъ завистливому евнуху необходимо было унижить славу и заслуги министра. *Гао-ди* отправленъ былъ смѣнить *Сунъ-чонъ-цзуня* и, въ угоду своему достойному покровителю, началъ свое управленіе тѣмъ, что разрушилъ всѣ плоды многолѣтнихъ и кровавыхъ трудовъ своего предшественника. Новый главнокомандующій рѣшилъ, что не нужно защищать городовъ, лежащихъ внѣ заставы, и потому *Цанъ-чжюу*, *Ю-тунъ*, *Да-минъ-хэ*, *Сло-минъ-хэ*, *Сунъ-шанъ*, *Синъ-шанъ*, были оставлены; болѣе 100,000 мѣшковъ крупы брошено, а войска уведены въ *Шанъ-хай-гуанъ*, даже положено было отказаться отъ *Нинъ-юаня* и *Цанъ-туна*; но *Цанъ-ши-дао* и *Юанъ-чунъ-хуанъ* рѣшились лучше умереть подъ стѣнами своихъ городовъ, чѣмъ оставить ихъ въ добычу врагамъ.

Маньчжуры, занятыя перенесеніемъ своей столицы въ *Шанъ-янъ*, въ теченіе 4 лѣтъ не предпринимали ничего важнаго противъ *Китайской Имперіи*; притомъ

же они не хотѣли вступать въ споръ съ такимъ опаснымъ противникомъ, каковъ былъ *Сунъ-чанъ-цаунъ*. Но когда распоряженія новаго главнокомандующаго сами открывали широкій путь къ распространенію завоеваній, *Тей-цау* снова взялся за оружіе, и 1626 года подошелъ къ стѣнамъ *Нинъ-юаня*. Защитникомъ города былъ *Юань-чунъ-хуань*, положившій — умереть или побѣдить. Написавши собственною кровью воззваніе къ солдатамъ и офицерамъ, разбѣаннымъ въ окрестности, онъ приглашалъ ихъ оставить открытыя мѣста, соединиться всѣмъ подъ защитою крѣпкаго города и мужественно сразиться за славу отчизны. Сюда же пришелъ войска, занимавшія *Цанъ-тунъ*, и значительный отрядъ изъ *Шанъ-хай-гуаня*; такимъ образомъ *Нинъ-юань* наполнился сильнымъ гарнизономъ. Строгія мѣры команданта, внимательно слѣдившаго за всѣми, кто возбуждалъ подозрѣніе на счетъ своихъ чувствъ и замысловъ, пресѣкли въ зародышѣ попытки измѣны и шпіонства; а Европейскія пушки, въ первый разъ появившіяся въ *Ляо-дунѣ*, нанесли Маньчжурамъ такой жестокой уронъ, что они принуждены были отказаться отъ приступа и осады.

Раздѣсодованному Хану хотѣлось покрыть свои неудачи какимъ нибудь блистательнымъ дѣломъ; съ этою цѣлью онъ обратился противъ *Ню-хуа-дао*, гдѣ было складочное мѣсто припасовъ для всѣхъ Китайскихъ

войскъ, находившихся внѣ *Шан-хай-гуаня*. Успѣхъ превзошелъ ожиданія. Два лагеря съ 40,000 солдатъ были разбиты; двѣ тысячи неприятельскихъ судовъ сожжены и, захвативши въ добычу нѣсколько вавей мѣшковъ крупы, Ханъ возвратился въ свою столицу.

Этотъ походъ противъ Китая — былъ послѣднимъ въ жизни *Тай-цзу*. Лѣта, непрестанные труды и заботы взнурили его мощную природу. Еще за мѣсяцъ до своей кончины, *Тай-цзу*, кажется уже предчувствовавшій близкую смерть, собралъ къ себѣ бэйлѣ и вельможъ и, прощаясь съ ними на вѣки, просилъ ихъ не мѣнять трудовъ и тягостей дѣятельной жизни на нѣгу роскоши, хранить между собою миръ и согласие; не щисъ о народѣ какъ о любимыхъ дѣтяхъ. «Небо, говоришь престарѣлый Ханъ, видѣло страданія нашей отчизны и послало меня принять на себя ея печали, и я забылъ о себѣ, взялъ тяжелое бремя и далъ жизнь государству. Боюсь только, что вы не знаете всей горечи заботъ и трудовъ, подъятыхъ мною для общаго блага, боюсь чтобы вы, предавшись наслажденіямъ, не удручили моего народа... Во всю свою жизнь, во всѣхъ своихъ дѣлахъ, я хранилъ самую строгую справедливость; не лишалъ награды и враговъ, если они были достойны ея; не освобождалъ отъ наказанія и родныхъ, если они были виновны, и небо, всегда милостиво взирающее на дѣла мои, даровало мнѣ

Лло-дунг. Великіе вы не сохраните въ сердцахъ особую правды и чести, не будете дѣлать различія между истинною и лажью, не пойдете путемъ закона и долга, — небо лишитъ васъ своего благоволенія, крайняго мѣня во всякое время!»

1626 года, 21 Сентября скончался *Тай-цзу* на 67 году бурной своей жизни, отъ начала до конца посвященной сластію и славѣ своего отечества. Народъ почтилъ память своего великаго государя искренними и горячими слезами, завѣщавши и будущимъ родамъ благоговѣнное поклоненіе праку усопшаго. До нынѣ потомки Хана, обладающіе исполнскою Итайскою Имперією, окруженные роскошью и величіемъ многочисленнаго двора, съ смиреніемъ и признательностію приходятъ на могилу бывшаго сироты, изгнанника изъ родительскаго дома, обитавшаго въ жалкой хижинѣ *Хану-ала*. — Самые враги и люди, не принадлежавшіе къ числу Маньчжуровъ, приняли участіе въ ихъ потерѣ. Китай отпрывилъ посольство совершить возліаніе на гробъ *Тай-цзу*; Монгольскіе князья, нывіе сами явились отдать послѣдній долгъ скончавшемуся Хану; другіе прислали дружескія грамоты въ утѣшеніе скорбящимъ Бэйламы въ народу. «И Чжакарасартинъ»^{*)}

^{*)} Чжакарасартинъ. Тамъ назывался, во Вудайстоникъ книгѣхъ, первымъ Государемъ, царствовавшимъ на Чжабудунѣхъ, въ началѣ настоящаго по нывію ихъ ирожденія.

(писалъ Кориннскій *Тай-цзу*) Царь Чшамбудина, владыка четырехъ странъ, обладатель семи драгоцѣнностей, — в онъ не переходитъ за черту опредѣленныхъ ему лѣтъ; и бѣлый левъ, символъ крѣпости и могущества, обитатель горъ Гиммалая, умираетъ, когда пробьетъ для него урочный часъ; и всѣ сокровища глубокихъ морей не въ силахъ искупить *Назарачжу*, (царя драконовъ) отъ послѣдней минуты, потому что все сотворенное должно разрушиться, и все полученное начало должно имѣть конецъ. — Такъ и покойный Маньчжурскій Ханъ, изъ ничего родившій величье, соединившій подъ своею властію большія и малыя области, прыжками тигра пробѣгавшій свои и чужія владѣнія, — в онъ долженъ былъ имѣть предѣлъ, положенный ему самимъ небомъ. Но кто во время жизни былъ столько силенъ чтобы изъ себя создать могущество, тотъ не умретъ и по смерти. Духъ его проявится въ слѣдующихъ перерожденіяхъ!»

Тай-цзу не назначилъ себѣ преемника; но еще за четыре года до своей кончины, вѣтряя управленіе государственными дѣлами восьми Бэйламъ, онъ сказалъ имъ: «Управляйте государствомъ общими силами и всѣ, но подъ главнымъ именемъ одного. Кто болѣе другихъ явится достойнымъ верховнаго владычества, тотъ и будетъ послѣ меня Ханомъ.» Личныя заслуги и дарованія, народное мнѣніе и особенная любовь

Тай-цзу, давно возвысали надъ всѣми четвертаго Бэйлэ *Абахал*, котораго съ рѣдкимъ единодушіемъ и самоотверженіемъ и возвели брата на престолъ отца. Первымъ дѣломъ новаго повелителя было произнести предъ всѣми торжественный обѣтъ: идти по стопамъ великаго своего родителя; уважать старшихъ и милловать младшихъ своихъ братьевъ; сообразоваться съ правдою и закономъ; въ дѣлахъ хранить безпристрастіе; пролить благодѣянія и счастье на народъ.» И если, говорилъ *Абахай*, я нарушу свои клятвы: то да казнить меня небо.» Бэйлы и вельможи преклонили колѣна предъ своимъ повелителемъ и съ 6 февраля 1627 года началось правленіе *Тань-цунь*, государя, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ *Тай-цзунь*.

Новое царствованіе въ полномъ смыслѣ было продолженіемъ прежняго, съ тѣмъ различіемъ, что начала, положенныя и утвержденныя *Тай-цзу*, при его преемникѣ получили большую силу и размѣръ. Если основатель Маньчжурской династіи долженъ былъ прежде всего обратить вниманіе на сосредоточеніе однородныхъ племенъ подъ сѣнію общихъ законовъ и власти; то *Абахай*, наследовавшему прочно-устроенное дѣло, оставалось распространить свое вліяніе на владѣнія, окружавшія Маньчурію. Борьба съ Китаемъ, поглотившая всю дѣятельность *Тай-цзу*, не позволяла ему принять живаго участія во всемъ,

что выходило изъ круга главныхъ предначертаній; во теперь, когда побѣды Хаана заставили Имперію думать только о защитѣ собственныхъ границъ, когда Китай, отправившій посланника для принесенія жертвъ на гробъ умершаго своего врага, хотя и неискренно, однакоже самъ подавалъ руку мира, — теперь настало время пользоваться обстоятельствами, открывавшими широкій путь къ новымъ приобрѣтеніямъ, влиянію и могуществу. Двѣ страны особенно должны были обратить на себя вниманіе Маньчжуровъ.

Начиная съ береговъ *Шонки-улы* до границъ *Туркестана*, и отъ Великой Стѣны до подошвы *Алтая*, тянется необозримая полоса земли, бѣдной по своимъ произведеніямъ, не обмытою по своей исторіи. Племена, населяющія эту страну, не строятъ городовъ и деревень, не знаютъ домовъ и постоянныхъ жилищъ, не занимаются земледѣліемъ, обитаютъ въ тѣсныхъ и низкихъ юртахъ, кочуя съ своими стадами по мѣстамъ богатымъ водою и пажитами. Непрестанное скитальчество, точно также какъ и одиобразіе степей, были причиною того, что исторія, въ опредѣленіи границъ различныхъ поколѣній, не могла руководиться другимъ признакомъ, кромѣ положенія ихъ къ великой пустынѣ, известной въ Китаѣ подъ именемъ песчаной степи *Ша-мо* или *Хань-хай*. Такъ при династіи *Хань*, Дамъ *Хунновъ* дѣлился на правый

и лѣвый, во времена *Хоу-халъ* и послѣ явились сѣверные и южные *Шань-юи*, *Дунъ-ху* и *Си-ху*, восточные и западные *Тую*; внутренніе и внѣшніе *Хойхоры*; но всѣ эти племена, въ теченіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ заключавшіе и расторгавшіе между собою союзы, упадавшіе и возраставшіе въ своемъ числѣ и могуществѣ, — получали начало и оканчивали свое существованіе въ предѣлахъ аймаковъ *Шамо*. — Династія *Танъ* послѣ покоренія земель, принадлежавшихъ *Тую*, хотѣла ввести гражданственность въ эту дикую страну, заведеніемъ городовъ и уѣздовъ; въ то время дворъ думалъ, что его могущество достигло высшей степени; но обстоятельства скоро доказали его безсиліе управлять инородцами. Династіи *Лю* и *Гинъ* основали среднюю и западную столицы; впрочемъ власть и вліяніе этихъ двухъ домовъ простирались не далѣе восточныхъ и западныхъ *Хи*, не касаясь мѣстъ, лежавшихъ на сѣверѣ *Шамо*. Только *Юаньскій* домъ, возникшій на берегахъ *Толы* и *Керулунн* и мгновенно покорившій своему владычеству Китай, основалъ на югѣ *Шамо* округа: *Да-пинъ*, *Шанъ-цзюнь*, *Сикъ-хэ*, *Да-тунъ*, на сѣверѣ *Хоринъ*, гдѣ сосредоточено было управленіе всѣми мѣстами, лежавшими внѣ Великой Стѣны; а западный край и *Хухэкоръ* раздѣлены были между вновь поставленными князьями и зятями императорскими. Тогда въ первый разъ явилось

различіе между древними и новыми границами *Жузовъ*, и племена получали общее названіе Монголовъ, до сихъ поръ удержанное народами, несмотря на перемѣны случившіяся въ его политической жизни.

Мильскій Домъ, сокрушившій владычество Монголовъ въ Китаѣ, прогналъ ихъ на Сѣверъ *Шамо*; но жажда добычи снова привлекла кочевыя племена на южные предѣлы великой степи; съ ихъ приходомъ, открылась на границахъ Китайской Имперіи волненія, продолжавшіяся до новаго переворота въ ея судьбѣ. Впрочемъ могущество и вліяніе царствовавшего тамъ дома упадало съ каждымъ днемъ. Многочисленные потомки *Чингиса*, пользуясь безсиліемъ главы, стремились только къ своимъ частнымъ интересамъ, и къ началу XVII столѣтія изъ нѣкогда грозной Имперіи образовалось нѣсколько независимыхъ Аймаковъ. Четыре *Ойратскихъ* поколѣнія, занимавшія весь Западъ Монголіи и *Хухэноръ*, совершенно отдѣлились отъ общей жизни своихъ единоплеменниковъ и *Гуми-ханъ*, непрестанно умножавшій число своихъ подданныхъ, еще только полагалъ начало новому могуществу, уже послѣ проявившемуся въ борьбѣ *Чжунгаровъ* съ Имперією. На сѣверѣ *Халхасскіе* Ханы увлеклись вліяніемъ Буддизма, разсуждали о преимуществахъ желтаго и краснаго закона, и рѣшеніе этого труднаго вопроса находили только въ воспламеняющемъ вдохно-

веніи кумыса. Востокъ весь раздробился на мелкіе аймаки, не имѣвшіе никакого особеннаго значенія ни по своей числительной силѣ, ни по вліянію на составъ и дѣла цѣлой Монголіи. Сами представители господствующей линіи, послѣ различныхъ перемѣнъ въ своей жизни и владѣніяхъ, должны были ограничиться именемъ и пространствомъ аймака *Чахаровъ*, кочуя на границѣ Имперіи, вдоль Великой Стѣны. Конечно орда еще страшна была для Китая и брала съ него тяжелую дань за безопасность предѣловъ; воля Хана простиралась еще на *Ордосъ* и *Тумоть*, и самые Восточные аймаки, бѣдные народонаселеніемъ и средствами, несовершенно отказались отъ повиновенія своему родовому главѣ; но мѣры, принятыя Чахарами къ утвержденію колеблющагося владычества, и появленіе опасныхъ соперниковъ въ лицѣ Маньчжуровъ, грозили неизбежными перемѣнами въ судьбѣ разслабѣвшей Монголіи.

Лидань, послѣдній Ханъ изъ дома *Чингисова*, хотѣлъ возстановить древнія права своего рода; но, опираясь на законности своихъ желаній, онъ требовалъ не союза, а безусловной покорности. Владѣльцы аймаковъ, уже привыкшіе руководиться однимъ своимъ произволомъ, не могли легко и добровольно отказаться отъ новаго своего положенія, доставившаго имъ независимость. Такимъ образомъ борьба была

неизбѣжна, и Ханъ, принявшійся за оружіе, желалъ достигнуть войною не одного утвержденія своего верховнаго вліянія надъ прочими владѣніями, но истребленія ослужныхъ вассаловъ, осмѣлавшихся бороться съ своимъ повелителемъ. Слѣдствіемъ такой политики было то, что аймаки, ожесточенные самовластіемъ и непрестанными притѣсненіями со стороны *Чахаровъ*, готовы были или погибнуть, защищая свою независимость, или признать чужое владычество; чтобы избѣгнуть подданства ненавистному имъ Хану.

Въ эти критическія минуты Китай, уже встревоженный непрестаннымъ возрастаніемъ Маньчжурскаго могущества, предложилъ *Линданю* серебро и золото, съ тѣмъ, чтобы онъ составилъ съ этою Имперіею союзъ противъ новыхъ завоевателей. Чахарскій Ханъ отправилъ къ *Тай-цзу* грозное письмо, начинавшееся весьма странною надписью: «Верховный Владыка четырехъ сотъ тысячъ, обладатель Монголіи, *Батуръ-Чингисъ-Ханъ* посылаетъ грамоту къ Маньчжурскому Хану, повелителю тридцати тысячъ Поморянъ». За тѣмъ *Линдань* требовалъ, чтобы *Тай-цзу* не нарушалъ спокойствія на вѣдѣлахъ Имперіи, принятыхъ имъ подъ свою защиту и покровительство.

«Знаю, отвѣчалъ *Тай-цзу*, что въ то время, когда основатель *Мицискаго* дома овладѣлъ Пекиномъ, изъ четырехъ милліоновъ Монголовъ 600,000 спаслось

бѣгствомъ въ свои степи; десять тысячъ изъ нихъ поселились въ *Ордосъ*; десять тысячъ въ *Тумань*, десять тысячъ въ аймакаль: *Асунь*, *Ионсибу* и *Карцинь*; всѣ они образовали отдѣльныя владѣнія и живутъ по своимъ законамъ. Остаются еще тридцать тысячъ; но и тѣ, развѣ всѣ находятся подъ твоєю властію?»

«Ты пишешь: «неосаждай *Гуань-мыа!* я взялъ за него окупъ; если пойдешь покорять этотъ городъ, я вспомню твои успѣхамъ; что встрѣча наша на одной и тойже дорогѣ будетъ нить нить самая «вагубныя послѣдствія».

«Но что будетъ худаго, если мы общими силами ударимъ на Имперію? И какъ ты могъ сказать такія злыя рѣчи, вступаясь за Китай, государство, совершенно чуждое намъ?»

«Два раза ходилъ ты войскою противъ Имперіи; а какія получилъ добычи, покоришь какой знаменитый городъ? — При какомъ мѣстѣ разбилъ ты сильную армию? Какими чрезвычайными подарками жаловалъ тебя *Миньскій* дворъ?... Только страхъ, наведенный на Китайцевъ моимъ оружіемъ и побѣдами, заставилъ Императора какъ волюстить тебѣ ничтожною поживою. Нѣтъ, еслибы ты написалъ: соединишь свои сердца и силы, войдемъ войскою противъ Китая; то это была бы рѣчь мудраго человѣка!»

Обладатель Монголіи *Батуръ-Чингисъ-Ханъ* не ожи-

далъ такого отвѣта, и Маньчжурскій посланникъ запла-
тилъ жизнью за письмо своего Хана. *Тай-цзу* не имѣлъ
времени мстить *Линдаю*; но кровь и оскорбленіе по-
ложили начало непримиримой враждѣ между тѣмъ и
другимъ владѣніемъ — и Бѣйлы Восточныхъ аймаковъ,
видѣвшіе въ Маньчжурахъ вѣрную защиту противъ
замысловъ и нападений Чахаровъ, спѣшили вступать
въ родственные союзы съ *Тай-цзу*, льстили ему титу-
лами, дружбою и подданствомъ. Смерть Маньчжурскаго
Хана повергла въ недоумѣніе Монгольскихъ князей на
счетъ видовъ и дѣйствій его преемника; боясь,
быть оставленными на волю *Линдая*, заставляла ихъ
тѣснѣе соединиться съ сильными сосѣдами, и *Корциль-
скій Тай-цзи*, игравшій болѣе значительную роль меж-
ду другими владѣльцами, отправилъ письмо къ Маньч-
журскимъ Бѣйламъ, въ которомъ увѣрялъ въ своемъ
дружественномъ отношеніи къ ихъ великому государ-
ству и въ своихъ надеждахъ, что духъ почившаго Хана
не умретъ въ его высокомъ наслѣдникѣ; въ то же
время разные Монгольскіе владѣльцы, лично явившіе-
ся поклониться праху *Тай-цзу*, не пропустили случая
выразить предъ новымъ повелителемъ Маньчжуровъ
чувства своей преданности и покорности.

Тай-цзунъ рѣшился воспользоваться благопріятными
минутами, и титулъ Хана послужилъ наградою для
Корцильскаго Тай-цзи; вскорѣ за тѣмъ былъ высланъ

значительный корпусъ — сдѣлать нападеніе на Чахарскіе предѣлы. Обѣ эти мѣры увѣнчались блистательнымъ успѣхомъ. Князья Восточныхъ аймаковъ сами вели войновъ *Тай-цзун* противъ непримиримаго врага; вступивши однажды въ военный союзъ съ побѣдоноснымъ Маньчжурскимъ Ханомъ, они не смѣли ни оставить его знамена, ни противиться вліянію и диктаторскому тону своего покровителя, который такъ искусно и крѣпко опуталъ ихъ сѣтями своихъ глубоко рассчитанныхъ дѣйствій, что не далѣе 1629 года введенъ былъ Маньчжурскій военный уставъ въ аймакахъ: *Корциль, Аохань, Наймань, Халха, Карциль* и въ другихъ, и почти вся Восточная Монголія навсегда соединила судьбу свою съ исторіею и жизнью Маньчжурскаго дома.

Другимъ государствомъ, совершенно подчинившимся волю *Тай-цзун*, была *Корея*, границы которой начинаются отъ береговъ *Я-лу-цзун* и оканчиваются въ волнахъ Желтаго моря, омывающихъ ее съ трехъ сторонъ. Начало этого государства относится къ весьма давнимъ временамъ и, по сказаніямъ туземныхъ писателей, нѣзъ отечество испытало много веремѣнъ въ своей жизни. Самая первая династія, носившая названіе *Тань-цзюнь*, единодержавно господствовала въ цѣлой странѣ, до прихода *Ци-цзы*, которому *У-сань*, Китайскій Государь изъ дома *Чаоу*, отдалъ Корею въ

ленное владѣніе; тогда князья *Тань-цзюнь*, изгнавшае
 изъ своей столицы, бывшей въ *Пи-жаань*, скрылась въ
Бо-ю; это была первая *Чоо-сламь*. *Ци-цзы* принесъ въ
 новое свое отечество Китайское образованіе и устрой-
 ство; донынѣ близъ города *Ан-пин-фу* существуютъ
 остатки водоорошаемыхъ полей, заведенныхъ въ этой
 странѣ родоначальникомъ новаго дома. Послѣ сорока
 одного поколѣнія, смѣнявшихся въ теченіе періода
 отъ начала до конца династїи *Чжоу*, новый выходецъ
 изъ Китая, *Вэй-мань*, подчинилъ своей власти Корею,
 и съ паденїемъ дома *Ци-цзы* кончилась вторая *Чоо-сламь*.
Вэй-мань основалъ свою резиденцію въ городѣ *Вань-
 слянь-чэнъ* и возстановилъ въ своемъ государствѣ языкъ,
 обычаевъ и нравы Средняго Имперїи; но внукъ
 его *Ю-цзюй* былъ свергнутъ государемъ *У-ди* изъ
 династїи *Хань*, *Вань-слянь* превращенъ въ область *Лэ-
 лань*, и это событіе прекратило существованіе третьей
 и послѣдней *Чоо-сламь*. Каждая изъ нихъ имѣла сто-
 лицу въ *Пи-жаань*. Послѣ того явились *Сань-хань*,
Синь-ю, *Гао-цзюй-м*, *Бо-цзи*, раздѣлившіе страну на
 нѣсколько частныхъ владѣній, враждовавшихъ между
 собою за право первенства и независимость; но нако-
 нецъ *Гунь-и* положилъ начало новому дому и далъ
 названіе государствѣ *Гао-м*, имя, которымъ Кореяны
 до сихъ поръ называютъ свое отечество. Несмотря
 на эти политическіе перевороты, во всё времяа тер-

гемля, единство образованія и вѣрованій тѣсно соединили Корею съ Китаемъ, къ которому она хранила почти такія же отношенія, какъ колонія къ своей метрополіи. Послѣ паденія владычества Монголовъ, Имперія не утратила своей власти и вліянія на древнюю даяншу; а борьба Миньскаго дома съ Маньчжурами была новымъ доказательствомъ преданности Корейцевъ къ Имперіи.

Корея рано угадала въ своихъ сосѣдахъ опасныхъ враговъ, и потому пользовалась всѣми случаями положить предѣлы развитію новаго государства. Когда войска *Тай-цзу* проникли до самаго Восточнаго моря, Корейцы вступили съ ними въ борьбу за аймакъ *Варка*, и нужно было посредничество Миньскаго правительства, чтобы первый споръ не дошелъ до рѣшительной войны. По волю Имперіи, Корейцы уступили Маньчжурямъ; но во время несчастнаго похода *Янь-хао* противъ *Син-цзиня*, 20,000 корпусъ ихъ присоединился къ Китайскимъ войскамъ, дабы общими силами отпять общему врагу. Мы уже знаемъ слѣдствія этой войны, равно какъ и то, что 5,000 Корейцевъ положили оружіе къ ногамъ побѣдителей. Торжествующій *Тай-цзу* хотѣлъ показать свое великодушіе къ враждебному сосѣду, безъ причины вторгнувшемуся въ предѣлы Маньчуріи; нѣсколько плѣнныхъ были возвращены въ свою отчизну, съ дружелюбнымъ письмомъ

къ нхъ королю, которому *Тай-цзу* охотно проталъ несправедливость войны, напоминая о древнихъ союзахъ, связывавшихъ оба государства, и наконецъ предлагалъ ему сдѣлать окончательный выборъ между Маньчжурією и Китаемъ; для большей же силы своихъ словъ, Ханъ прибѣгнулъ къ ложной молвѣ, будто Императоръ хочетъ отдать нхъ древнія владѣнія въ удѣлъ своимъ дѣтямъ, и именемъ общей опасности убѣждалъ дружно и мужественно возстать противъ насильственной политики Имперіи. Король не отвѣчалъ на мирную грамоту Хана. Обидное молчаніе уже само собою рѣшало, какія должны были вѣчаться отношенія между двумя государствами; несмотря на то, *Тай-цзу* еще не рѣшался прибѣгнуть къ оружію. Но когда *Мао-зынъ-луи* поселился на одномъ изъ острововъ, принадлежавшихъ королевству, чтобы постоянно тревожить границы Маньчжуровъ и нхъ едва утвердившееся владычество въ *Лло-дуи*, когда Корея, снабжавшая хлѣбомъ и оружіемъ Китайскаго генерала, образовала съ нимъ два сторожевыхъ пункта противъ всѣхъ предпріятій неугомиаго Хана; когда одна она не хотѣла отправить своихъ пословъ для принесенія жертвъ въ честь скончавшагося *Тай-цзу*: тогда Маньчжурамъ не оставалось никакой надежды на миръ, и *Тай-цзунъ* въ первый же мѣсяцъ своего царствованія отправилъ своихъ братьевъ «наказать» неврагелъ.

Маньчжуры начали свои победы поражениемъ *Мао-синь-луна* при *Ть-шани*; въ слѣдъ за тѣмъ покорили города *И-чжоу*, *Динь-чжоу*, *Хань-шань*, вырѣзали изъ нихъ нѣсколько десятковъ тысячъ жителей и солдатъ, сожгли болѣе милліона мѣшковъ хлѣба, перешли черезъ *Цинь-цзоань-цзюнь*, взяли *Ань-ши*, заняли *Пинг-оань*, оставленный гарнизономъ и жителями, переправились черезъ *Да-жунь-цзюнь*, овладѣли *Чжунь-ло* и на другой мѣсяцъ своего похода были уже при *Хуань-чжоу*.

Все государство затрепетало отъ успѣховъ Маньчжурскаго оружія. Корейскій король *Ли-цзунь* обратился съ просьбою о помощи къ Имперіи; но искусныя движенія *Тай-цзюна* отвлекли вниманіе и силы Китая; а между тѣмъ Маньчжуры грозили самой столицѣ, и король, не видѣвшій спасенія на сушѣ, бѣжалъ съ своими женами, дѣтьми и всѣмъ дворомъ на островъ *Цзюнь-хуа-дао*, покинувши на жертву врагамъ города и народъ, двинувшіеся управленія и защиты. Оставалось побѣдителямъ сдѣлать еще одинъ рѣшительный шагъ, и паденіе Кореи было неизбежно; но они страшались слишкомъ углубляться во внутрь непріятельской страны, когда ихъ собственные предѣлы лишены были крѣпкой защиты и прикрытія. Китай и Чахары могли воспользоваться отсутствіемъ большей половины военныхъ силъ Маньчжуріи и разгромить ее прежде, не-

желе побѣдители успѣли бы возвратиться для спасенія отчизны. Самъ *Тай-цзунъ* писалъ къ своимъ Бѣйламъ, чтобы они съ осторожностію подвигались впередъ и не шли на явную опасность, которая могла окончиться гибельнымъ потрясеніемъ цѣлаго государства. И такъ Бѣйлы, послѣ общаго совѣщанія, рѣшили обнародовать прокламацію, что они пришли не для покоренія страны, но для совершенія мести за прежнія обиды и для заключенія мира.

Въ непродолжительномъ времени, въ лагерь побѣдителей явились Корейцы умолять Бѣйгъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о дарованіи тишины раззоренному народу. «Государь нашъ, говорилъ посланникъ, сознается въ своихъ винахъ и искупить ихъ всеми сокровищами, какія только можетъ собрать въ своемъ опустошенномъ государствѣ. Послѣ того, какъ приходъ вашихъ войскъ заставилъ короля бросить столицу и искать спасенія на морѣ, — богатства нашихъ городовъ и селъ разсыпались и погибли въ смутахъ страха и переселеній.» Послѣ взаимныхъ совѣщаній, общимъ рѣшеніемъ положено было отправить Маньчжурцамъ полномочнаго къ Корейскому государю для личныхъ переговоровъ. *Лю-синъ-цзу*, принявшій на себя это важное порученіе, явился на *Цанъ-хуа-дао*, и былъ представленъ *Ли-цзуну*.

Долго стоялъ Маньчжурскій посланникъ предъ ко-

ролемъ и ждалъ привѣтствія и поклона; но *Ли-цзунъ* недѣлалъ никакихъ движеній и неговорилъ ни слова. «Не истуканъ ли ты, сбитый въ глинны?» — наконецъ сказалъ *Лю-синъ-цзу*, обратившись съ этимъ вопросомъ къ *Ли-цзуну*. «Я въ траурѣ и оплакиваю смерть моей матери,» едва могъ проговорить *Ли-цзунъ*; пораженный такими словами.

«Вотъ плоды вашей гордости! продолжалъ посланникъ; народъ гибнетъ безъ правосудія, солдаты падаютъ подъ непріятельскимъ мечемъ! Впрочемъ въ вышшній день можешь однимъ разомъ положить конецъ всѣмъ неустройствамъ. Если хочешь мира, посылай скорѣе своего сына и брата произнести клятвенный договоръ; а между тѣмъ самъ опредѣли, какую будешь доставлять намъ ежегодную дань.» — «Но, возразилъ король, въ книгѣ *Чуль-цзю* говорится: позоръ падеть на голову того, кто заключить миръ съ непріятелемъ подъ стѣнами своего города. — Если есть въ васъ чувство справедливости и великодушія, напередъ удалитесь съ войсками, потомъ уже будемъ говорить о мирѣ. — Искусно сказано, замѣтилъ посланникъ; днемъ воздѣше, днемъ болѣе страданій для твоего народа; и вечеръ спасетъ ли утро? Не за себя говорю, а за твоихъ подданныхъ. Посылай скорѣе своего брата, нечего медлить.» — Несчастный *Ли-цзунъ* долженъ былъ покориться своей судьбѣ и *Ли-цзю*, братъ его,

явился въ Маньчжурскомъ лагерѣ съ дарами и покорностью.

Уже оставалось только произнести торжественную клятву предъ небомъ, и миръ долженъ былъ даровать тишину потрясенной Корей, какъ одинъ изъ Бэйль, Амилъ, не довольный раннимъ заключеніемъ трактата, поразилъ своихъ товарищей страннымъ протестомъ, что онъ во всю свою жизнь мечталъ о томъ, какъ бы увидѣть дворцы Китайскаго Императора и Корейскаго короля, и что теперь, когда Маньчжуры почти достигли уже воротъ столицы, — онъ не возвратится домой, не осуществивши своего всегдашняго желанія. «Пойдемъ впередъ, тамъ будемъ вести переговоры», повторялъ Амилъ, на всѣ возраженія Бэйль, которые, отчаявшись побѣдить упрямство своего товарища, рѣшились тайно отъ него довершить начавшіеся переговоры. Дѣла были приведены къ концу, армія готовилась выступить въ обратный походъ, — одинъ Амилъ, оскорбленный дѣйствіями Бэйль, не думалъ о мирѣ и какъ человекъ, не участвовавшій въ трактатѣ, поклялся грабить и разрушать все, что встрѣтится ему на пути. Слова его не были пустою угрозою, и какъ ни странно было поведеніе генерала, однако же король принужденъ былъ заключить новый отдѣльный договоръ съ Амиломъ.

Корейскій Государь призналъ себя младшимъ бра-

томъ въ отношеніи къ Маньчжурскому Хану; обязался ежегодно осенью и зимою представлять дань, принять гарнизоны въ два пограничные свои города и открыть взаимную торговлю. Таковы были главные слѣдствія похода Маньчжуровъ противъ Кореи, продолжавшагося не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Восточная граница была обезпечена отъ вторженія непріятелей; а счастливое окончаніе войны увеличило требованія Маньчжуровъ и неспровергло надежды Имперіи на миръ.

Мы уже говорили, что Китай, по случаю кончины *Тей-цзу*, отправилъ въ Маньчжурію посольство; въ составъ его былъ и одинъ Лама, долженствовавшій силою Буддизма подѣйствовать на душу новаго Хана. *Тей-цзунгъ*, рѣшившійся предпринять походъ противъ Кореи, съ удовольствіемъ видѣлъ готовность Имперіи къ миролюбивымъ предложеніямъ и, желая выиграть время для выношенія своихъ замысловъ, спѣшилъ завязать переговоры, чтобы удалить *Миньскій* дворъ отъ участія въ Восточной войнѣ. Съ этою цѣлю, по отъѣздѣ Китайскихъ посланниковъ, Ханъ отправилъ дружественное письмо къ *Ало-дусному* губернатору, *Юань-чунъ-жуаню*; но, далекій отъ дѣйствительнаго заключенія мира съ Имперіею, Ханъ предложилъ ей такіа неумѣренныя условія, что взаимные споры и уступки, съ той и другой стороны, должны были замедлить

исполненіе дѣла на долгое время. Начиная свое грамоту повтореніемъ давнихъ семи обидъ, *Тай-цзунъ* требовалъ, чтобы Китай, въ удовлетвореніе за прежнія свои несправедливости и за добровольное предложеніе дружескаго трактата, заплатилъ Маньчжурамъ: сто тысячъ лянъ золота, миллионъ лянъ серебра, миллионъ кусковъ шелковыхъ матерій, и десять миллионъ кусковъ полотна. Ханъ обѣщался, по заключеніи договора, ежегодно представлять Императору — десять жемчужинъ, тысячу соболей и тысячу корней *жэнь-шоля*; а отъ Имперіи требовалъ, чтобы она прислала Маньчжурамъ десять тысячъ лянъ золота, сто тысячъ лянъ серебра, сто тысячъ кусковъ шелковыхъ тканей и триста тысячъ кусковъ полотна.

Какъ ни велики были требованія *Тай-цзуна*; но губернаторъ, самъ нуждавшійся въ перемиріи, не хотѣлъ рѣшительнымъ отказомъ сократить срокъ взаимнаго бездѣйствія. Войска, находившіяся за стѣнами *Шань-хай-гуаня*, всегда терпѣли чрезвычайныя затрудненія въ полученіи провіанта, который, по неудобству путей сообщенія, не могъ достигать до арміи въ назначенное время и въ необходимомъ количествѣ. Для устраненія этого важнаго препятствія, еще *Сунь-чэнь-цзунъ* основалъ въ *Цзынь-чжоу*, *Чжунъ-тунъ*, *Да-минъ-тэ* и другихъ мѣстахъ, военныя поселенія, долженствовавшія снабжать лѣббомъ вѣнные гарнизоны. Но со

временъ *Гао-ди*, отказавшагося отъ защиты *Лю-дунскихъ* городовъ, труды мудраго министра были разрушены и до самаго *Нинг-юаня* небыло проведено границы. *Юань-чунг-хуань*, считавшій необходимымъ возстановить планъ *Сунь-чэнь-цзуня*, тайно приступилъ къ поправкѣ и укрѣпленію оставшихся городовъ; и чтобы безпрятственно осуществить свои намѣренія, отвѣчалъ *Тай-цзуню* на неумѣренныя предложенія — мирными, но такими же неумѣренными требованіями.

Губернаторъ извинился, что обиды, на которыя жалуется *Тай-цзунь*, слишкомъ давни и напрасно поднимать ихъ «изъ подъ глубины девяти колодезѣвъ»; что Маньчжуры, истребившіе *Хада*, *Фхэ*, опустошившіе весь *Лю-дунь*, гдѣ неосталось даже старухи, которая не бѣжала бы отъ непріятельскаго меча, не со всѣмъ правы предъ Китаемъ, и уже слишкомъ далеко простерли границы своего мщенія и завоеваній; въ заключеніе же своего письма, совѣтовалъ Хану возвратить Китаю всѣ его древнія владѣнія; тогда Имперія съ радостію заключитъ миръ съ своимъ близкимъ сосѣдомъ, но безъ тѣхъ унижительныхъ и ужасныхъ условій, какихъ желалъ бы *Тай-цзунь*.

Къ письму губернатора было приложено посланіе отъ прежняго посланника Ламы, который, со всѣмъ краснорѣчіемъ проповѣдника, старался доказать непреклонному Хану, какъ богопротивная; страсть къ

завоевалия и побѣданъ, какъ гремѣть угрозы жельный законъ противъ проволовнцевъ и нарушителей мира, какъ легко отказаться отъ возмущающихъ помысловъ и незаконныхъ желаній, по слову великаго учителя Будды: «безиредѣльно море бѣдствій, но стоимъ только оторвать свою голову — и увидишь берегъ», и сколько онъ, Лама, исполнилъ желаній, чтобы голосъ истины смягчилъ милосердіемъ и любовью сердце Хана. Такимъ образомъ между Китаемъ и Маньчжурію завязалась переписка, которую та и другая сторона старалась продать какъ можно болѣе, не отступая отъ главныхъ притязаній и не дѣлая рѣшительнаго шага къ окончанію дѣла.

Тай-цзунъ отвѣчалъ губернатору и Ламѣ огромными посланіями, которыя, главнымъ образомъ, были слѣдующаго содержанія: «когда, послѣ покоренія *Гуань-нича*, Бэйлы и генералы просили у *Тай-цзу* позволенія проникнуть въ самый *Шань-хай-гуань*, тогда мудрый родитель мой, основываясь на примѣрахъ и сказаніяхъ древней исторіи (какъ династіи *Ляо*, *Гинь* и *Юань*, оставившія свою родную землю, забыли нравы и обычаи своихъ отцевъ), желалъ только чрезъ опредѣленіе границъ, по которымъ все лежавшее на Западъ отъ *Шань-хай-гуаня*, принадлежало бы Китаю, а мѣста, лежація на Востокъ отъ *Ляо*, оставались во владѣніи Маньчжуровъ, чтобы Китай и Маньчжурія составляли

два отдѣльныхъ, самобытныхъ и независимыхъ одно отъ другаго государства; — потому великій отецъ мой, недумавшій опаривать у Императора владычества надъ поднебесной, запретилъ своимъ войскамъ идти къ заставѣ. Съ благоговѣниемъ повинуюсь священной волѣ покойнаго Хана, но никогда не откажусь отъ завоеваній, дарованныхъ самимъ небомъ моему родителю. Впрочемъ, для прекращенія всякихъ споровъ и движимый любовью къ миру, соглашаюсь, чтобы, во всѣхъ грамотахъ и бумагахъ, имя Китайскаго Императора писалось выше моего одною буквою, съ тѣмъ однако же условіемъ, чтобы имена всѣхъ нашихъ правителей и вельможъ писались одною степенью ниже меня. Даже я готовъ, если Китай такъ обидѣлъ, сбавить половину той цѣны, за которую Имперія должна бы лунить настоящей миръ; брать за свои ежегодные дары, сколько утвердитъ *Миньскій* дворъ. Итакъ, писалъ *Тай-цзунъ* Ламъ, тебѣ остается — совѣтъ, преподаанный мнѣ, повторить предъ Китайскимъ Императоромъ; скажи ему: обрати свою голову къ справедливости, и миръ настанетъ для твоихъ владѣній».

Уступки, сдѣланныя Ханомъ, подавали Имперіи надежду, что твердая и гордая политика Китая наонецъ мало по малу смиритъ нехитрыхъ Маньчжуровъ и что можетъ быть *Ляо-дунскія* дѣла придуть, безъ жестокаго кровопролитія, къ желанному концу; но

когда *Тай-цаунь* получилъ извѣстіе, что *Юань-чунь-луань* занимается укрѣпленіемъ городовъ и границы, когда походъ въ Корею ознаменовался самымъ блестящимъ успѣхомъ, — Хайъ разразился грозными упреками противъ Китайскаго генерала за то, что онъ словами мира прикрылъ дѣла вражды, и съ торжественною торжественностію спрашивалъ своего протавника: «не можетъ ли случиться, что небо снова увѣщаетъ Хана побѣдами, отдастъ ему Певинъ и что Маньчжуры, покровительствуемые свыше, заставятъ Императора бѣжать въ *Нанкинъ*?»

Почти въ слѣдъ за писемомъ, *Тай-цаунь* и самъ былъ уже на предѣлахъ Имперіи. 1627 года, въ іюнь мѣсяцѣ, Маньчжуры приблизились къ *Де-минь-хэ*, гарнизонъ бѣжалъ въ *Цзинь-чжоу*, съ печальнымъ извѣстіемъ о потерѣ города и съ просьбою взять его подъ защиту крѣпкихъ стѣнъ. Но комендантъ, *Чжао-шуй-цзо*, помнявшій несчастныя событія при *Хунь-хэ* и *Шань-лянь*, не принялъ бѣглецовъ; ту же участь испытали и двѣ тысячи Китайскихъ солдатъ, непріятелемъ добровольно возвращенныхъ изъ различныхъ покоренныхъ мѣстъ; даже послы, еще разъ приходившіе для мирныхъ переговоровъ, не были впущены въ городъ. Скоро явились подъ *Цзинь-чжоу* и сами Маньчжуры; захватили одинъ уголокъ городской стѣны, но были прогнаны и принуждены расположиться лагеремъ въ

5 ли отъ города. Не надѣясь легко овладѣть такимъ укрѣпленнымъ мѣстомъ, *Тай-цзунъ* перенесъ свои дѣйствія на *Нилъ-юанъ*, гдѣ находились Китайскіе резервы.

Юанъ-чунъ-суанъ защищалъ городъ изнутри; *Мань-гуй* и *Ю-ши-лу* охраняли его извнѣ, расположившись въ лагерѣ, огражденномъ телѣгами, рвами и батареями.

Маньчжурѣ сдѣлали ложное отступленіе, съ цѣлію выманить непріателя въ открытое поле; но Китайцы не вышли изъ окоповъ. Осторожность непріателя заставила Бэйля *Дай-шаня* и *Амуса* просить Хана — оставить осаду, грозившую отчаянною борьбою съ противниками многочисленными и опытными. Въмѣсто отвѣта, *Тай-цзунъ* приказалъ своей свитѣ одѣться въ латы, взять щиты, и самъ поспѣвалъ къ Китайскому лагерю; вся армія съ крикомъ бросилась въ слѣдъ за своимъ повелителемъ, врѣзалась въ непріательскіе ряды и завязался ожесточенный, рукопашный бой. Нѣсколько Бэйль было ранено и, не смотря на то, они продолжали сражаться; *Мань-гуй* также былъ раненъ, но не поддавался назадъ; уронъ съ той и другой стороны былъ одинаковъ и чрезвычайный; рвы и каналы наполнились тѣлами убитыхъ. Наконецъ Маньчжурѣ должны были возвратиться къ осадѣ *Цзинь-чэосу*, доколѣ неудачныя попытки, потеря въ людяхъ и наступившіе

жары не заставили *Тай-цзуня* отправиться домой, удовольствовавшись разрушеніемъ только двухъ городовъ: *Да-минь-хэ* и *Сло-минь-хэ*.

Отъ начала борьбы между Имперіею и Маньчжуріею за *Лло-дуна* до сихъ поръ, Китайскія войска обыкновенно, при первомъ натискѣ непріятельской конницы, обращались въ бѣгство, не смѣя думать о сопротивленіи и защитѣ городовъ; одинъ *Юань-чунь-хуань* съ честію выдержалъ споръ въ открытомъ полѣ и на стѣнахъ. Такой подвигъ былъ слишкомъ великъ для тогдашняго времени, и *Вэй-чжунь-сянь*, низвергнувшій *Сунь-чэн-цзуня*, былъ не въ силахъ простить генералу его славы и побѣдъ. Клеветы евнуха старались ослабить при дворѣ вліяніе успѣховъ *Юань-чунь-хуаня*; даже наши справедливымъ обвинять его за то, что онъ не пошелъ на помощь *Цзинь-чжоу*, города совершенно не имѣвшего нужды въ пособіи. Генералъ понялъ, что ему нужно удалиться съ своего поста и вышелъ въ отставку, а посланный на его мѣсто, *Вань-чжон-чэнъ*, положилъ снова оставить *Цзинь-чжоу* и защищать одинъ *Вилъ-юань*.

Не смотря на недавніе опыты, ясно доказавшіе, какъ странно и не умѣстно это добровольное отреченіе отъ древней своей собственности, правительство утвердило новый планъ, который окончился бы немедленною потерею всего *Лло-дуна*, если бы востествое новаго

Китайскаго Императора не положило предѣловъ владѣтельству и жизни еявуза *Вэй-чжунь-сяня*. *Хуэй-цзунь*, злѣшнѣтый своими несчастіями въ исторіи *Миньскаго* дома, обратилъ съ признательностію свое вниманіе на *Юань-чунь-суаня* и возвелъ его въ главнокомандующіе Восточной арміи, и этотъ полководецъ рѣшилъ защищать *Лю-дунь*, силами этой же страны и произведеніями ея содержать здѣшнія войска; первымъ сѣлотомъ противъ непріятеля — сѣнать города и крѣпости, вторымъ — бой въ открытомъ полѣ, третьимъ и самымъ послѣднимъ — миръ.

Появленіе въ *Лю-дунь* мужественнаго защитника *Нинь-юаня* произвело сильное впечатлѣніе на Маньчжуровъ, которые хорошо знали виновника своихъ недавнихъ неудачъ и потерь, и съ безпокойствомъ смотрѣли на распоряженія неваго главнокомандующаго; даже, когда *Юань-чунь-суань* снова открылъ переговоры, *Тай-цзунь*, искренно желавшій мира для утвержденія собственныхъ владѣній, отказывался отъ императорскаго титула, соглашался довольствоваться однимъ именемъ Хана, получить государственную печать изъ рукъ повелителя Поднебесной, однимъ словомъ почти рѣшался снова стать въ ряды вассаловъ Имперіи, съ тѣмъ, чтобы только удержать за собою всѣ земли, лежавшія на восточномъ берегу *Лю*. *Миньскій* дворъ, думавшій, что для него уже настало время торжества,

требовал покорности и, какъ побѣдитель, хотѣлъ заключить миръ на условіяхъ одной своей воли. Переговоры кончились тѣмъ, что *Тай-цзунъ* далъ въ душѣ своей обѣтъ сокрушить надменность Имперіи и, какими ни было бы средствами, погубить *Юань-чунъ-хуанъ*, котораго считалъ для себя единственнымъ опаснымъ соперникомъ.

1629 года объявленъ былъ походъ уже не противъ *Лю-дунъ*, опустошеннаго восточными набѣгами, но противъ самой Имперіи, принадлежавшей къ себѣ Маньчжуровъ надеждою на безчисленныя союзы и на славный миръ подъ стѣнами Пекина. Многочисленная армія, подъ начальствомъ самаго Хана, вступила въ восточные аймаки Монголіи, чтобы, съ помощію здѣшнихъ проводниковъ, миновать опасный *Шанъ-хай-гуанъ* и другою какою нибудь заставою проникнуть за Великую Стѣну. Планъ *Тай-цзунъ*: оставить Манчжурію безъ всякой защиты, когда на границахъ ея стоялъ многочисленный непріятельскій корпусъ подъ командою предприимчиваго и опытнаго полководца; пройти пустою и безводною степью, гдѣ *Чажары* грозили на каждомъ шагѣ засадою и нападеніемъ; вторгнуться въ страну наполненную милліонами враговъ, которые, по всей вѣроятности, стануть драться съ ожесточеніемъ за спасеніе своей отчизны, домовъ и семействъ, и сами, прикрытые крѣпкими городами, сильною армі-

армію, будуть владѣть всіми средствами, отрубать Маньчжурскій обратный путь, между тѣмъ какъ *Ляо-дунскій* главнокомандующій могъ безпрепятственно покрыть пепломъ и трупами все пространство отъ *Ляо-ся* до *Чань-башань*: такой планъ изумилъ самыхъ отважныхъ Бойгъ дерзостію и предприятія. Когда *Тай-цзунъ* достигъ уже *Харамотоля* въ *Корчмискомъ* аймакѣ, *Байлы Дай-сань* и *Маньмутай* вечеромъ явились въ палатку *Хана*, чтобы отклонить его отъ продолженія похода, представляя отдаленность пути, утомленіе лошадей, недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и на концѣ свои сильныя опасенія, что неприятель совершенно окружитъ Маньчжуровъ, далеко проникнувшихъ за чужой рубежъ и не допуститъ никого изъ нихъ увидѣть родные лѣса. Жаркій споръ длился за полночь и *Ханъ*, раздраженный противорѣчіемъ *Байгъ*, заставилъ ихъ прекратить всѣ возраженія, словами. «Теперь уже поздно разсуждать; нужно было говорить ранѣе; а въ настоящее время остается только дѣйствовать!» — На другой день утромъ армія снова была на походѣ въ Китай; въ октябрѣ мѣсяцѣ прорвалась сквозь Великую Стѣну, взяла *Цаюнь-хуачань*, и напредъ все впередъ, громила *Пекинъ*. Во всѣхъ окрестныхъ городахъ и селеніяхъ обнаружена была прокламация, въ которой *Тай-цзунъ* нечислялъ древнія и новыя обиды, нанесенныя *Миньскими* пра-

нительствомъ Маньчжурскому дому, оправдывалъ свои враждебныя дѣйствія противъ Китая и убивалъ жителей добровольно присоединиться къ сторонѣ людей, покровительствуемыхъ небомъ.

«Не я (объявляя Ханъ) а вашъ императоръ и вельможи, презирающіе войною, немилосердые къ народу, отвергли миръ. Они желали войны — и она пришла, но такъ ли легка, какъ они думали?—Дарую жизнь всѣмъ, чиновникамъ, ученымъ, народу и солдатамъ, которые добровольно покорятся моей волѣ, и смерть всякому, кто будетъ сражаться или только возьмется за оружіе. Они погибнуть не отъ моего меча: ихъ собственный повелитель обрекъ ихъ на гибель!»

«Вашъ дворъ говоритъ: Маньчжурія маленькое государство; можно ли допустить, чтобы Ханъ назывался императоромъ? Но династїи *Ляо*, *Гинь*, *Юань*, въ началѣ господствовали надъ небольшими владѣніями; а въ силахъ ли быль Китай отнять у нихъ императорское достоинство? Самъ *Тай-цзу* (предокъ) *Миньскаго* дома былъ не болѣе какъ Хэшанъ (монахъ). Кто постигаетъ законы неба, которое одно только возводитъ ничтожныхъ и низлагаетъ сильныхъ? Небо сказало мнѣ: будь императоромъ. Событія докажутъ въ силахъ ли низложить меня Китай?»

Миньское правительство такъ было поражено неожиданною дерзостію Маньчжуровъ, что вмѣсто предпа-

армія Юань-чунг-суанго, внося огонь и мечь въ предѣлы беззащитнаго Шан-ля, сдѣлало призвать знаменитаго генерала — со всею арміею, на помощь столицѣ (Пекину), для спасенія которой дворъ считалъ недостаточными силы многочисленной гвардіи и войскъ, могшихъ придти изъ окрестныхъ мѣстъ и губерній. Ляо-дунскій главнокомандующій, вмѣстѣ съ генералами Шу-да-шоу и Хо-хо-цанго, совершая каждый день двойные переходы, прибылъ въ столицѣ, еще до открытія противъ нее Маньчжурами военныхъ дѣйствій, и принялъ начальство надъ всеми охранными войсками. Тай-цзунъ расположился лагеремъ близъ заѣздища; Юань-чунг-суанъ за воротами Шанъ. Такимъ образомъ, не далѣе 20 ли отъ Пекина и небагѣе какъ на протяженіи 40 ли, сосредоточился военный театръ, на которомъ должна была разыгратъся судьба многолюдной столицы и двора, трепетавшихъ за свою участь и честь. Немедленно, послѣ встрѣчи двухъ многочисленныхъ армій, дано было кровопролитное сраженіе, съ равнымъ урономъ для той и другой стороны и безъ всякаго видимаго перевѣса; несмотря на то, оно имѣло весьма важныя послѣдствія для Китайскаго полководца.

Во время битвы, Маньчжуры захватили въ плѣнъ одного придворнаго евнуха, человека, пользовавшагося довѣріемъ Императора. Брошенный безъ всякаго

присмотра, среди солдатъ, не обращавшихъ на него никакого вниманія, шпіонскъ, обдумывая средства тайно сѣкаться изъ неприятельскаго стана, услышалъ подъ себя таинственный разговоръ, на Китайскомъ языкѣ, двухъ лицъ, изъ которыхъ одно поздравляло другое съ приходомъ *Юань-чунъ-хуаня*, какъ съ самымъ радостнымъ событіемъ для Маньчжуровъ. На возраженіе своего товарища, что появленіе такого страшнаго врага, каковъ *Ллодунскій* главнокомандующій, и его многочисленной арміи должно имѣть самыя пагубныя слѣдствія, первый отвѣчалъ положительно, что *Юань-чунъ-хуань* давно уже на ихъ сторонѣ — и походъ противъ Пекина рѣшенъ былъ съ общаго согласія, что иначе ихъ дома уже были бы въ огнѣ, а жены носили бы Китайцамъ воду; что онъ самъ видѣлъ гонцевъ, тайно присланныхъ отъ *Ллодунскаго* главнокомандующаго немедленно послѣ его прихода подъ столицу; что они введены были въ Ханскую ставку и возвратились въ свой лагерь, только послѣ долгихъ переговоровъ съ Ханомъ; что даже нынѣшнее сраженіе было дано для вида, дабы не возбудить подозрѣнія въ неприятеляхъ, и что, какъ онъ достоверно знаетъ, скоро знамя Хава будетъ развѣваться на Пекинскихъ башняхъ. Езвухъ, овладѣвшій такою важною тайною, горѣлъ нетерпѣніемъ скорѣе возвратитъ себѣ свободу; его желаніе исполнилось. На другой день, онъ уже повторялъ предъ

самимъ Императоромъ ужасную иверету на великаго полководца, которую произвели Маньчжурскіе солдаты по настоянію *Тай-цзуня*, искавшаго гибели *Юань-чунь-хуаня*.

Миньскій дворъ онѣмѣлъ отъ изумленія и ужаса. Теперь казалось всѣмъ понятнымъ, какимъ образомъ Маньчжуры могли рѣшиться на такое отчаянное предпріятіе, каковъ былъ походъ ихъ противъ Пекина. Въ то же время припомнили, что *Ляо-дунскій* главнокомандующій убилъ *Мао-сынъ-луна*, оказавшаго такъ много важныхъ услугъ государству; причиною такого насильственнаго поступка всѣ считали давнюю измену *Юань-чунь-хуаня*, его опасеніе, чтобы храбрый и проницательный генералъ не постигъ и не разрушилъ злодѣйскихъ замысловъ; однимъ словомъ, предательство главнокомандующаго сдѣлалось общимъ убѣжденіемъ; не знали только средствъ, какъ схватить опаснаго врага. Наконецъ къ *Юань-чунь-хуаню* прискакалъ гонецъ, съ повелѣніемъ отъ Императора немедленно прибыть въ столицу, для важныхъ совѣщаній. Генералъ, не подозрѣвавшій опасности, безъ всякой свиты, явился во дворецъ, гдѣ въ то же время надѣли на него оковы. По доносу евнуха осудили на смертную казнь полководца, хранившаго своими талантами честь и счастье Имперіи. На одной изъ Пекинскихъ улицъ совершился кровавый судъ и разъяренная чернь разо-

рава на части трунъ покойнаго генерала, котораго и по смерти несправедливые современники, въ своихъ сказаніяхъ, пятали позоромъ измѣны, довелъ Маньчжуры, точнымъ раскрытіемъ всего дѣла, не освободили памяти великаго человѣка отъ ложныхъ укоромъ.

Вѣсть о злополучномъ жребіи главнокомандующаго взволновала всю *Ляо-дунскую* армію. *Хэ-кэ-сань* и *Цзуда-моу*, страшившіеся за свою безопасность, ушли съ войсками за *Шань-хай-гуань*. Такимъ образомъ Богдоханъ, обманутый ложною молвою, самъ являлъ себя храбрыхъ защитниковъ. Оборону столицы дворъ вѣрнулъ *Мань-чжоу*, *Да-тунскому* генералу; а для занятія мѣста *Ляо-дунскаго* главнокомандующаго, снова вызванъ былъ низвергнутый прежде *Сунь-чжэн-цзунъ* и отправленъ въ *Шань-хай-гуань*.

Мань-чжунь, командовавшій 40,000 пѣхоты, расположился за *Юнь-динь-мыньскими* воротами Пекина, въ лагерь, въ нѣсколько рядовъ обнесенномъ тыномъ, пушками и окруженномъ каналомъ. Обнадеженный крѣпостію занятой позиціи, генералъ слишкомъ былъ увѣренъ въ своей безопасности, не думая, чтобы непріятель рѣшился атаковать его въ окопахъ. Между тѣмъ Маньчжуры, одѣвшись въ платье, похожее на костюмъ Китайскихъ солдатъ, съ такими же знаменами и штандартами, вечеромъ приблизились къ лагерю *Мань-чжу*, который принялъ ихъ за одинъ изъ вспомогательныхъ

корпусовъ, тогда наводившихъ окрестности столицы. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, Маньчжуры ворвались въ окопы, разсѣли непріятельскую армію, убили *Мань-туя*, захватили въ плѣнъ двухъ генераловъ и торжествовали побѣду у воротъ самаго Пекина.

Новое несчастіе повергло дворъ въ гибельное недоумѣніе, кому ввѣрить защиту столицы, почти уже доведенной до послѣдней крайности. Одинъ изъ ученыхъ сановниковъ доложилъ Императору, что въ городѣ живетъ скиталецъ монахъ, по имени *Цзя-фу*, — человекъ, который подъ смиренными платьемъ отшельника таитъ богатырское сердце и великіе военные таланты. Правительство такъ радо было этому открытію, что безызвѣстный ученикъ Будды, простой сборщикъ милостыни возведенъ былъ въ достоинство генерала; съ повелѣніемъ немедленно устроить древнія военные колесницы, для скорѣйшаго истребленія враговъ. Въ то же время другой ученый, *Лю-чжи-луи*, получилъ должность предсѣдателя военной палаты и вѣрученіе начертать планъ для продолженія военныхъ дѣйствій и защиты Пекина.

Оба эти странныя распоряженія *Миньскаго* правительства дають самое лучшее понятіе о томъ ужасномъ положеніи, въ которое повержены были дворъ и столица успѣхами Маньчжуровъ. Опасность еще болѣе возрасла, когда *Цзя-фу* и *Лю-чжи-луи*, въ первый

разъ въ своей жизни явившіеся на военномъ поприщѣ, были разбиты и погубли; съ ними исчезали и послѣднія надежды на спасеніе. Большая половина войскъ, вызванныхъ изъ разныхъ мѣстъ для защиты Пекина, была истреблена или разсѣяна; другія войска были еще далеки отъ столицы; притомъ же непрестанныя потери произвели губительное вліяніе на армію и народъ, а въ случаѣ правильной осады, многолюдный городъ, не снабженный припасами, не въ силахъ былъ долго сопротивляться упорному неприятелю.

Но *Тай-цзунь* самъ опасаясь долго оставаться вдали отъ своихъ владѣній, послѣ того, какъ *Сунь-чжун-цзунь* и *Цзю-да-шоу* ушли въ *Шань-хай-гуань*; богатая добыча изъ покоренныхъ окрестныхъ городовъ, гибель *Юань-чунь-хуаня* и страхъ Китайскаго Императора — удовлетворяли главнымъ желаніямъ Маньчжурскаго Хана, который, повелѣвши разбросать у Пекинскихъ воротъ письма о мирѣ, предпринялъ обратный походъ. Въ февралѣ 1630 года Маньчжуры, на пути въ свое отечество, покорили *Юнь-тинь-фу*, *Цянь-ань*, *Луань-чжюу* и, послѣ неудачной попытки овладѣть городомъ *Чань-ли*, *Тай-цзунь* удалился въ *Муждань*, оставивши Бэйлэ *Цзир-калана* съ десятью тысячами воиновъ въ *Юнь-тинь-фу* и небольшіе отряды въ городахъ *Цянь-ань*, *Луань-чжюу* и *Цзюнь-хуа*, куда скоро посланъ былъ и Бэйлэ *Аминь* съ 5,000 солдатъ, для усиленія гарнизона.

Распоряженія Хана ясно доказывали его твердое желаніе овладѣть крѣпкими пунктами, въ предѣлахъ Великой Стѣны, чтобы имѣть возможность во всякое время предписать законы Пекину. *Миньскій* дворъ, едва избавившійся отъ опасности, немогъ не видѣть, къ чему клонятся замыслы *Тай-цзуна*, и 200,000 армія, подъ начальствомъ *Ма-ши-луна*, отправлена была на выручку городовъ, занятыхъ непріятелемъ; въ то же время *Сунь-чэнь-цзунъ* получилъ повелѣніе дѣйствовать съ Востока на Маньчжуровъ, оставшихся внутри заставы и которымъ, такимъ образомъ, съ двухъ сторонъ грозило неизбежное истребленіе. Китайцы, воспользовавшись отступленіемъ главной непріятельской арміи, прежде всего приступили къ *Луань-чжоу*. Каждый солдатъ ихъ долженъ былъ срубить по одному новому дереву, которыми мгновенно сровняли ровъ, облежавшій стѣну, а батарейный огонь разрушилъ амбразуры. Тогда Маньчжуры сдѣлали отчаянную вылазку, разорвали безчисленные ряды осаждавшихъ и ушли, оставивши въ рукахъ непріятеля одинъ опустошенный городъ. Бэйлэ Амихъ, узнавшій о чрезвычайныхъ силахъ Китайской арміи, не осмѣлился идти на помощь *Луань-чжоу*; но остановился въ *Юнь-пиль-фу*, куда были переведены всѣ жители и гарнизонъ изъ *Цам-алл*. Впрочемъ скоро, истребивши въ городѣ всѣхъ Китайцевъ, солдатъ, мирныхъ гражданъ, даже при-

знавших Маньчжурское подданство, ночью бѣжалъ онъ изъ *Юк-пиль-фу*, давши повелѣніе и гарнизону *Цзунь-хуа* возвратиться въ свои предѣлы. Отступление исполнено было съ такою поспѣшностію и безпорядкомъ, что непріятель, настигнувъ Маньчжурскій аррьергардъ, нанесъ ему жестокій уронъ. Раздраженный потерей одного изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній своего Пекинскаго похода и неосторожными дѣйствіями Бэйла *Амилы*, Ханъ предалъ своего брата строжайшему суду и заключилъ подъ крѣпкую стражу.

Настоящее несчастіе, прежняя неудачная осада *Чан-м*, гдѣ соединенныя силы всей Маньчжурской арміи, лично предводительствуемой *Тай-цзунгомъ*, послѣ неоднократныхъ приступовъ и великаго урона въ людяхъ, не могли овладѣть городомъ, — котораго защита состояла только въ малочисленномъ гарнизонѣ и нѣсколькихъ пушкахъ, — доказали Хану, какое важное значеніе имѣетъ артиллерія въ военномъ дѣлѣ: в 1631 года, въ первый разъ у Маньчжуровъ были отлиты пушки; а осенью того же года, *Тай-цзунгъ* отправился противъ *Да-минь-хэ*, испытать силу своего нововведенія.

Сунг-чэнь-цзунгъ, послѣ возвращенія подъ владычество Имперіи четырехъ городовъ, лежавшихъ внутри заставы, хотѣлъ и Восточную границу привести въ ея древніе предѣлы. Согласно съ своимъ предположеніемъ, онъ считалъ необходимымъ прежде всего воз-

становить и укрѣпить *Да-михъ-хэ*; между тѣмъ *Цю-хэ-цзя*, губернатору этого города, казалось нужнымъ немедленно возобновить и *Ю-жунь*. Къ несчастію *Сунъ-чэнъ-цзуня*, *Лянъ-тинъ-дукъ*, прежній предсѣдатель военной палаты былъ отставленъ отъ своей должности, а преемникъ его, совершенно ниспровергнувшій всѣ распоряженія своего предшественника, доказывалъ, что постройка городовъ нисколько не служитъ къ безопасности Имперіи, — и въ слѣдствіе такихъ соображеній, давно было повелѣніе возвратить въ гарнизона *Да-михъ-хэ* 14,000 солдатъ во внутрь *Шанъ-хай-гуаня*, а оставшимся 10,000 стоять на стражѣ противъ Маньчжуровъ. *Сунъ-чэнъ-цзунь*, опасавшійся, что уменьшенныхъ силъ будетъ недостаточно для отпора непріятеля, предлагалъ совершенно отказаться отъ города, а находившійся здѣсь огромный запасъ хлѣба раздать войскамъ, чтобы не дать помощи и богатой добычи врагамъ; но *Цю-хэ-цзя* въ другой разъ не повиновался волѣ главнокомандующаго.

Когда, въ 8 лунѣ, *Тай-цзунь* приблизился къ Китайской границѣ, въ то время прошла только половина мѣсяца отъ начатія работъ въ томъ и другомъ городѣ, и когда Маньчжуры окружили съ четырехъ сторонъ *Да-михъ-хэ*, въ то время стѣны выведены были только до амбразуръ.

Цю-хэ-цзя, вмѣстѣ съ генералами *У-сянь* и *Сунъ-вэй*,

перешелъ чрезъ *Сло-минъ-хэ* и ждалъ нападенія Хана. *Тай-цзунъ*, раздѣлившій армию на двѣ половины, по-двинулся впередъ; но, видя, что неприятель занялъ весьма выгодное положеніе, отступилъ, выжидая того времени, когда противники разойдутся по лагерямъ и потеряютъ единство. Въ четвертую стражу Китайцы перешли чрезъ *Да-минъ-хэ* и расположились при проходѣ *Чанъ-шанъ-коу*, въ пятнадцать ли отъ города. *Тай-цзунъ* спѣшилъ завязать жаркое дѣло; но неприятель устоялъ въ позиціи. Тогда Ханъ, выбравши изъ всего войска охотниковъ и смѣльчаковъ, самъ повелъ ихъ противъ лагеря *Сунъ-сэл*, несмотря на жестокий огонь и картечи, которыми поражала ихъ Китайская артиллерія. Въслѣдъ за тѣмъ, лѣвое крыло, уклонившееся отъ выстрѣловъ, подвинулось за правымъ флангомъ, уже атаковавшимъ неприятеля; но *Сунъ-сэл* дрался на смерть и Маньчжуръ, съ жестокимъ урономъ въ передовыхъ рядахъ, должны были отказаться отъ своего предпріятія. Не сокрушенный потерями и неудачею — *Тай-цзунъ* перемѣнилъ планъ своихъ дѣйствій, приказавши лѣвому флангу ударить на лагерь *У-сяна*. Пушки и огненные стрѣлы Маньчжуровъ произвели разстройство въ Китайскихъ рядахъ; жестокий вѣтеръ несъ облака дыма, и пламя охватило лагерь съ четырехъ сторонъ; неприятель дрогнулъ и побѣжалъ. Въ то же время правое крыло, одушевленное успѣхами

своихъ товарищей, еще разъ съ ожесточеніемъ бросилась на ставъ *Сунъ-вэл*; до самаго вечера длилась кровавая битва; наконецъ Китайскія войска были совершенно поражены и даже бѣжавшіе попались на засаду и погибли. Тогда крѣпость *Да-минъ-хэ* осталась безъ помощи и глѣба. Въ 10-й лунѣ, жители принуждены были питаться человѣческимъ мясомъ и падалюю; изъ трехъ частей народонаселенія, простиравшагося до 30,000 человекъ, осталась въ живыхъ только одна. Дважды, осажденные услышали близъ стѣнъ своего города жестокую пальбу и вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣли, какъ густая облака быстро неслись съ юга; гарнизонъ не сомнѣвался, что пришло вспомогательное войско и въ радости вышелъ на вылазку, чтобы съ двухъ сторонъ ударить на Маньчжуровъ. Скоро узналъ онъ свою ошибку подъ мечемъ непріателя, который, воспользовавшись легковѣріемъ своихъ противниковъ, жестоко ударилъ на нихъ, и съ великимъ урономъ заставилъ спасаться бѣгствомъ въ беззащитный городъ. Гибельный обманъ лишилъ осажденных всякой надежды на спасеніе, и когда дѣйствительно пришелъ на выручку *Да-минъ-хэ* 40-тысячный корпусъ, жители, страшившіеся новой ошибки, не подали помощи своимъ и уже поздно догадались, что предъ ихъ глазами были разбиты и прогнаны спасители города, который наконецъ долженъ былъ предать свою судьбу волѣ Хана.

Паденіє *Да-линь-хэ* было вмістѣ и паденіємъ главнокомандующаго. При дворѣ обвинили *Сунь-чэнъ-цзуня* въ томъ, что онъ напрасною постройкою города погубивъ армію, своими потерями нанесть безчестіе могуществу Китая. Главнокомандующій жаловался на *Цю-хэ-цзя*, неповиновеніе и ошибки котораго были причиною такихъ гибельныхъ слѣдствій, и просился въ отставку. Дворъ безъ сожалѣнія исполнилъ такое желаніе.

Такимъ образомъ силы и защита *Ало-дуна* снова были сокрушены оружіемъ Маньчжуровъ. Одно *Цзинь-чжоу* оставалось непобѣдимымъ. Крѣпкія стѣны, многочисленный гарнизонъ, нѣсколько разъ спасали этотъ городъ отъ власти Хана; однакже возможность защититься еще не давала средствъ къ предпріятію другихъ болѣе рѣшительныхъ мѣръ. *Тай-цзунь* не страшился непріятеля, довольствовавнагося только собственною безопасностію, и, предоставивши Китаичамъ полную свободу сидѣть за высокими валами, самъ предпринялъ новый походъ, увеличившій славу Маньчжурскаго оружія и имени.

Лундань, въ надеждѣ на непрестанную борьбу Имперіи съ *Тай-цзуномъ*, думалъ воспользоваться этимъ случаемъ для возстановленія своего утраченнаго вліянія на сосѣдственные Монгольскіе аймаки. Въ 1631 году Чахары напали на *Ару-корцинь*, принадлежавшій *Далай-*

чужуру, уже признавшему Маньчжурское подданство: таких непрязненных дѣйствій достаточно было, чтобы вызвать *Тай-цзун* въ Монголію.

Собравши многочисленное войско, въ слѣдующемъ году Ханъ перешелъ *Хималскій* хребетъ и далъ повелѣніе Монгольскимъ князьямъ явиться съ своими войсками къ мѣсту дѣйствій. Настоящій походъ не столько важенъ по своимъ слѣдствіямъ, сколько по тому чрезвычайному вліянію Маньчжуровъ на Монгольскихъ чжасаковъ, которое выразилось въ ихъ безусловной покорности повелѣніямъ *Тай-цзун*. Каждый день приходилъ въ станъ его Монгольскіе князья и владѣльцы съ предложеніемъ своихъ услугъ и оружія. *Тай-цзун* угощалъ вассаловъ пирами; многостовно давалъ имъ свои похвалы или наставленія; училъ военному порядку и законамъ; винилъ Китай за его презрительную и оскорбительную политику; увѣрялъ всѣхъ въ своихъ миролюбивыхъ чувствахъ и своемъ искреннемъ желаніи управлять Имперіею по законамъ неба и справедливости. Каждый день являлись гонцы съ радостными извѣстіями, что *Чахары* бѣгутъ, не смѣя ни разу вступить въ борьбу съ Маньчжурскими войсками; что въ страхъ они покинули родныя кочевья, разсѣялись по Китайскимъ границамъ и уклонились далеко на Западъ, откуда вѣрно изгонить ихъ одно появленіе непобѣдливой Маньчжурской арміи. До самаго *Гуй-хуа*

чана *Тай-цзун* дошелъ не обнажая меча, какъ будто совершалъ путешествіе по собственнымъ владѣніямъ. Здѣсь Ханъ рѣшился прекратить погоню за безслѣдными бѣглецами, и отправить значительный корпусъ на границы Китая къ *Дай-му*.

Неожиданный приходъ Маньчжуровъ такъ изумилъ здѣшняго губернатора, что, по первому требованію, онъ поспѣшилъ выдать Чахарскихъ бѣглецовъ генераламъ *Тай-цзун*, который объявлялъ, что Монголія некогда была владѣніемъ *Чингисъ-хана*, въ послѣдствіи времени стала добычею *Чахаровъ*, наконецъ сдѣлалась достояніемъ Маньчжурскаго дома, и что Китаю неприлично удерживать подъ своею властію чужихъ подданныхъ. Готовность Китайскаго правителя повиноваться волю Хана подала *Тай-цзуну* мысль сдѣлать губернатору другое болѣе важное предложеніе.

Еще со временъ правленія *Тянь-ци* 1621 — 1627, Губернаторъ *Цзи-чжю*, *Ванъ-сян-цян*, считавшій необходимымъ приобрѣсти расположеніе Монголовъ, убѣдилъ Китайское правительство, сверхъ ежемѣсячнаго жалованья по старому и новому окладу, платить имъ еще за промѣнъ лошадей, такъ что сумма годовыхъ расходовъ на Монголовъ простиралась свыше 1.000,000 лянъ серебра (около 2 мил. руб. сер.). Торговлю лошадьми производили потомки *Шунъ-и-сана Амды*, которые каждый годъ представляли Китаю до

52,000 лошадей, за что и получали отъ двора 320,000 лянъ серебра (640,000 р. сер.). Въ послѣднія времена, Чахары, загнавшіе потомковъ *Шуми-и-сама*, обязались охранять Китайскія границы отъ вторженія другихъ Монгольскихъ поколѣній на прежнихъ условіяхъ, но съ тѣмъ договоромъ, что если они, по случаю голоднаго года или другихъ несчастій, не въ состояніи будутъ представить лошадей для промѣна, Китай долженъ заплатить имъ половину установленной цѣны. *Дай-тунскій* губернаторъ сильно возставалъ противъ такой мѣры своего правительства, утверждая, что Чахары, аймакъ весьма ничтожный по своему могуществу, еще менѣе предприимчивый и способный для какихъ либо важныхъ дѣлъ; что странно ежегодно тратить милліоны лянъ серебра для спасенія толпы голодныхъ разбойниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изложилъ 14 причинъ къ истребленію Чахаровъ и 14 средствъ къ осуществленію такого предпріятія. *Вань-сянь-цань*, надѣявшійся пособіемъ Монголовъ сокрушить возрастающее могущество Маньчжуровъ, завелъ жестокой споръ съ *Да-тунскимъ* губернаторомъ и слѣдствіемъ этой безконечной тяжбы было то, что Китай по прежнему платилъ дань кочевымъ ордамъ.

Теперь *Тай-цзунъ*, послѣ обращенія въ бѣгство *Лин-даня*, отправилъ къ Китайскимъ пограничнымъ начальникамъ письмо, въ которомъ говорилъ: «Я слышалъ,

что Имперія ежегодно платитъ Чахарамъ болѣе миллиона лянъ серебра; не лучше ли вамъ заключить договоръ со мною вмѣсто того, чтобы тратить такія деньги на бесполезныхъ людей? Я уступаю первенство вашему государству: за то и вы должны считать меня выше Чахаровъ». *Да-тунскій* губернаторъ, *Шэнь-ци*, опасавшійся нападенія Маньчжуровъ на городъ, вѣренный его защитѣ, не спрашивая разрѣшенія своего правительства, рѣшился принять предложеніе Хана и надъ кровью бѣлой лошади и черной коровы заключить былъ договоръ: производить конную торговлю въ городъ *Чжань-цзя-коу* (Калганъ) на прежнихъ условіяхъ; за что Маньчжуры обязывались казнить смертію всякаго Монгола, находящагося въ ихъ подданствѣ; за грабежъ, произведенный на Китайской границѣ; съ своей стороны *Шэнь-ци* обѣщавъ устроить въ *Ляо-дунѣ* миръ между Имперіею и Ханомъ. Какъ въ страненъ былъ поступокъ *Датунскаго* губернатора, однакоже *Тай-цзунъ*, по возвращеніи въ *Мукдэнъ*, потребовалъ отъ Китайскаго правительства немедленнаго заключенія дружественнаго трактата между обоими государствами и даже отправилъ прямо на имя Богдохана письмо, заключавшееся слѣдующими словами: «Я желаю мира, чтобы получать ежегодно изъ Китая подарки, безъ помѣхи тѣшиться облавою и общео тишиною».

Миньскій дворъ съ негодованіемъ отвергнулъ трактатъ, заключенный лицомъ, не имѣвшимъ никакого полномочія, не знавшимъ истинныхъ видовъ правительства и вѣсколько не дорожившимъ честию Имперіи. Самъ *Шань-ци* былъ преданъ оуду за то, что своимъ дерзкимъ и неблагоразумнымъ поступкомъ только увеличилъ притязанія непріятелей и умножилъ преграды къ заключенію мира, сдѣлавшароса столь необходимымъ для блага государства, которому грозила новая и близкая опасность.

Еще прежде настоящихъ событій, въ двухъ западныхъ провинціяхъ Китая, *Шань-си* и *Синь-си*, явились шайки разбойниковъ, внезапно возмутившихъ общее спокойствіе. Постоянные неврожан и страшный голодъ быстро увеличивали число мятежной толпы; притѣсненія и корыстолюбіе мѣстныхъ властей, выведшихъ изъ терпѣнія обѣднѣвшій и обремененный тяжелыми налогами народъ, распространяли противъ правительства общій ропотъ между жителями, тайно покровительствовавшими успѣхамъ тѣхъ шайекъ. Если регулярная войска и легко одерживали побѣды надъ вестройною толпою; то съ другой стороны разбойники, пораженные въ одномъ мѣстѣ, разсыпались по всѣмъ окрестностямъ, скоро находили новыхъ и многочисленнѣйшихъ сообщниковъ, такъ что каждая побѣда, одержанная мѣстнымъ правительствомъ, только раз-

сѣвала искры, повсюду распространявшія пожаръ; между тѣмъ какое нибудь мгновенное торжество нарождало при Пекинскомъ дворѣ, не знавшемъ истиннаго положенія дѣлъ, то гибельное презрѣнiе къ неприятелю, которое довело *Миньскій* домъ до совершеннаго паденiя.

Когда въ 1629 году Маньчжуры явились подъ стѣнами самаго Пекина, дворъ, трепетавшій за свою участь, далъ повелѣнiе пяти генераламъ, занимавшимъ посты въ пяти важныхъ городахъ *Янь-суй*, *Гу-юань*, *Гань-су*, *Лянь-тао*, *Нинь-ся*, идти на спасенiе Богдохана. Съ удаленiемъ войскъ, сила упомянутыхъ разбойниковъ, утвердившихся въ западномъ краѣ государства, оставленнаго безъ гарнизоновъ и защиты, достигла такого могущества, что только многочисленныя армiи достаточны были для успокоенiя взволнованной области *Шань-си*. Въ то же время и *Гань-жу-ци*, губернаторъ области *Сань-си*, долженъ былъ съ 5,000 корпусомъ солдатъ отправиться на помощь столицѣ. По прибытiи его къ Пекину, военная палата повелѣла *Гань-жу-ци* охранять *Тунь-чэсоу*, на другой день отправила его на защиту *Чань-нинь-чэсоу*, на третiй приказала ему стеречь *Лянь-сянъ*. Солдаты, въ теченiе трехъ сутокъ не получивше провiанта, мучимые голодомъ, стали грабить жителей и покидать сѣвѣные припасы. Дворъ обвинилъ губернатора въ неумѣньи

управлять своими подчиненными; а между тѣмъ солдаты, раздраженные начальствомъ и страшившіеся слѣдствія и допросовъ, разсѣлились, бѣжали въ свою родную *Самъ-си* и положили тамъ начало страшному могуществу мятежниковъ. Такимъ образомъ, Востокъ и Западъ въ одно время возстали противъ общаго спокойствія, и у *Миньскаго Дома* уже не было средствъ усмирить поднебесное государство.

Пламя, охватившее собою отдаленныя области Китая, скоро явилось вблизи самаго двора, почти на границахъ губерній *Чжи-ли*. *Кунъ-ю-дэ* и *Ганъ-чжунъ-минъ*, управлявшие войсками *Данъ-чжоу*, весьма важнаго прибрежнаго города, гдѣ сосредоточены были значительныя силы для дѣйствій противъ Маньчжуровъ съ моря, произвели бунтъ, провозгласили себя неограниченными полководцами и пригласили въ свой союзъ *Шанъ-кэ-си*, генерала, командовавшаго войсками на островѣ *Гуанъ-лу*. Многочисленная армія, посланная противъ мятежниковъ, окружила *Данъ-чжоу*; но *Кунъ-ю-дэ* и *Ганъ-чжунъ-минъ*, не надѣявшіеся получить прощенія отъ Императора, пошли на вылазку, прорвались сквозь густыя ряды осаждавшихъ, сѣли на суда и приплыли въ Маньчжурію. Прямѣру ихъ послѣдовалъ и *Шанъ-кэ-си*, который, забравши солдатъ и островитянъ въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ семействъ, явился къ *Тай-цзуну*, съ просьбою о принятіи ихъ

въ подданство. Ханъ осыпалъ бѣглецевъ необыкновенными почестями и клялся, что они никогда не раскаются въ своемъ поступкѣ. Ново пріобрѣтенные подданные были такъ значительны въ своемъ числѣ, что образовали изъ себя два сильныхъ корпуса, извѣстные въ составѣ Маньчжурской арміи подъ именемъ: *Учжэнь-Чоха*, по Китайски: *Хань-цзюнь*.

Настоящія событія въ первый разъ ясно раскрыли *Тай-цзуну*, какъ шатко видимое могущество Имперіи, какъ велико вліяніе Маньчжурскихъ завоеваній на умы Китайцевъ, когда цѣлыя тысячи ихъ спѣшили укрыться отъ преслѣдованій своего правительства подъ сѣнію чуждаго для нихъ государя, и какъ легко нанести *Миньскому* дому послѣдніе и рѣшительные удары. Отказъ Китая подтвердить мирный договоръ снова открывалъ обширное поприще для военныхъ дѣйствій— и *Тай-цзунъ*, хорошо понимавшій ходъ современныхъ происшествій, предложилъ своимъ Бэйламъ и вельможамъ вопросъ о томъ: противъ кого нати напередъ войною, противъ Китая или противъ Чахаровъ и Кореи, снова обнаружившей непріязненные чувства къ Маньчжурамъ? Всѣ единодушно представляли Хану, что опасный врагъ для нихъ — Китай, что если только наблюдать за *Цзинь-чжоу* и *Нинъ-юанемъ*, лежащими внѣ заставы, то это значитъ исполнять свой планъ только по немногу и отчасти; но, если окольными

путями проникнуть въ самое сердце сего государства, овладѣть его внутренними городами и областями, то это значить однимъ ударомъ сразить Китай и покорить всѣ вѣншія владѣнія, признающія себя вассалами *Миньскаю* дома. Итакъ на этомъ собраніи въ первый разъ была обрисована идея той исполинской Имперіи, которою владѣетъ настоящая Маньчжурская династія, и въ первый разъ неопредѣленная мысль—царствовать надъ Китаемъ озаряется яснымъ сознаниемъ возможности ея исполненія, подчиняется плану и расчетамъ. Отсюда начинается рядъ непрерывныхъ вторженій въ предѣлы *Поднебесной*, съ цѣлю постепенно сокрушать ея независимость и послѣднее могущество.

1634 года *Тай-цзунь* далъ повелѣніе своимъ войскамъ четырьмя дорогами проникнуть за Великую Стѣну и опустошить окрестности Пекина. Предпріятіе исполнилось съ успѣхомъ. Маньчжурь, въ августѣ мѣсяцѣ выступившіе въ походъ, въ Октябрѣ уже возвратились домой, обремененные добычею, собранною ими въ виду многочисленной Китайской арміи, не смѣвшей вступить въ рѣшительный бой съ непріятельскою конницею. Несмотря на свое бездѣйствіе, *Миньскіе* полководцы обольщали свое правительство ложными донесеніями, въ которыхъ увѣряли Богдохана, что непобѣдимое мужество арміи заставило Маньчжурь съ урономъ и страхомъ скрыться въ свои

дремучіе лѣса. *Цао-вынь-чжао* оканчивалъ донесеніе о своихъ побѣдахъ, словами: «Нельзя исчислить, сколько погибло непріятелей отъ мѣткихъ выстрѣловъ нашей артиллеріи, поколебавшей все небо своими громомъ; не подношу двору непріятельскихъ головъ; мы не собирали ихъ за безчисленнымъ множествомъ; довольствуюсь только, въ знакъ торжества, представить одно знамя, которое и повергаю къ ногамъ *сына неба*». — Быстрота вторженія и удаленія Маньчжуровъ, видимо, подтверждала справедливость донесеній, и *Миньскій* дворъ готовъ былъ опочить на лаврахъ, какъ *Тай-цзунъ*, получившій въ свои руки списокъ съ реляціи Китайскаго генерала, новымъ и грознымъ письмомъ разрушилъ минутное очарованіе двора. Ханъ жалѣлъ о горестномъ положеніи повелителя поднебесной, окруженнаго безсовѣстными вельможами, которые ежечасно и грубо пользуются легковѣріемъ своего повелителя, рубятъ головы бритымъ Китайцамъ, чтобы сказать, сколько непріятельскихъ головъ пало отъ лѣзвія ихъ побѣдоноснаго меча, и увѣрялъ, что одно желаніе мира и состраданіе къ бѣдственному невѣднію *сына неба* заставили Хана сообщить Императору истинныя свѣденія о ходѣ борьбы между Китаемъ и Маньчжурами. *Миньскій* дворъ не отвѣчалъ на горькія истины, высказанныя *Тай-цзуномъ*, и въ слѣдующемъ году войска Хана снова явились въ предѣлахъ Великой Стѣны.

Бэйлэ *Дорюнь* проникнулъ въ Китай чрезъ заставу *Нинъ-у-гуань*, ограбилъ города *Дай-чжоу*, *Синь-чжоу*, *Инь-чжоу* и *Чунь-чжоу*, положилъ на мѣстѣ свыше шести тысячъ Китайскихъ солдатъ, захватилъ въ плѣнъ много людей, а въ добычу скота до 76,000 головъ, и возвратился къ Хану съ подаркомъ, умножившимъ значеніе и важность Маньчжурскаго вождя.

Еще въ прошедшемъ 1634 году, *Тай-цзунь* ходилъ войною противъ Чахаровъ и почти совершенно завоевалъ этотъ аймакъ, давно утратившій свое могущество. *Линдань*, оставленный своими чжасаками и подданными, принужденъ былъ бѣжать въ *Хухэ-норь*, гдѣ и скончался въ урочищѣ *Да-цао-тань*. Съ смертію *Линдаля* совершенно пала независимость и Ханское достоинство потомковъ *Юаньской* династіи, а большая часть Чахаровъ признала надъ собою владычество Маньчжуровъ. Но, съ удаленіемъ *Тай-цзуна* въ свои предѣлы, *Эчжэ*, сынъ *Линдаля*, возвратился на древнія кочевья и собралъ подъ свою власть людей, еще хранившихъ преданность къ его дому. Эта новая попытка, возстановить самобытность Чахарскаго аймака, не укрылась отъ вниманія *Тай-цзуна*, который, отправивши *Дорюня* противъ Китая, повелѣлъ этому Бэйлэ прежде всего довершить судьбу покореннаго аймака, а потомъ внести оружіе въ предѣлы Имперіи. *Дорюню* предоставлена была честь, вмѣстѣ съ Китайскими плѣн-

никами, представить Хану побѣжденнаго *Эчжэ*, со всѣми его подданными, и даже государственную печать Имперіи, которую унесли съ собою изъ Китая изгнанные потомки *Хубилая*.

Маньчжуры съ восторгомъ привѣтствовали символъ владычества надъ поднебесною Имперіею; народъ, солдаты и вельможи открыто говорили, что пріобрѣтеніе печати есть прямое повелѣніе неба Маньчжурамъ наследовать могущество *Юаньскаго* дома. Немедленно Бэйлы и высшіе государственные чины, соединившись съ различными Монгольскими князьями, явившимися съ ежегодною данью, обратились къ Хану съ просьбою принять новый титулъ, достойный славы великаго дома. *Тай-цзунъ*, прежде, въ угоду Китаю, нѣсколько разъ отказывавшійся отъ имени Императора, нынѣ и самъ желалъ утвердить за собою достоинство, самовластно принятое *Тай-цзу* и не признанное общимъ согласіемъ сосѣдственныхъ владѣній. «Посоветуйтесь объ этомъ дѣлѣ съ младшимъ моимъ братомъ, Корейскимъ королемъ, отвѣчалъ Ханъ на лестное предложеніе своихъ вассаловъ и подданныхъ, и въ слѣдствіе такой воли *Тай-цзуна*, Маньчжурскіе и Монгольскіе князья, каждый лично отъ себя, отправили къ *Ли-цзуну* письма, съ просьбою принять живое участіе въ общемъ желаніи цѣлаго государства и прислать отъ себя депутатовъ для поднесенія Хану адреса.

1636 года, мая 5 дня, *Тай-цзунь*, сопровождаемый Монгольскими 49 князьями изъ 26 аймаковъ, Маньчжурскими Бэйлами, военными и гражданскими чинами, корпусами осьми знаменъ, отправился въ храмъ неба испросить свыше благословенія на новое достоинство и принести великую жертву за благо народа. Освятивши свои чувства и замыслы религіею и молитвами, Ханъ возсѣлъ на золотомъ престолѣ, принялъ государственную большую печать и титулъ *Любвеобильнаго, Милосердаго Императора*, и далъ названіе своей династіи *Дай-цинъ*, своему правленію *Чунъ-дэ*. При оглушительныхъ звукахъ трубъ и раковинъ, при единодушныхъ крикахъ «царствуй на вѣки, къ общему счастью» все собраніе девять разъ било челомъ предъ новымъ Императоромъ, которому суждено было даровать Китаю новую династію, до сихъ поръ удержавшую имя, завѣщанное ей великимъ основателемъ. *Тай-цзунь*, признательный къ заслугамъ своихъ сподвижниковъ на ратномъ полѣ и въ управленіи дѣлами государства, спѣшилъ осыпать ихъ наградами и милостями, и въ первый разъ при Маньчжурскомъ дворѣ явилось достоинство *Вановъ*, степень, ставившая Бэйгъ на ряду съ Государями данническихъ владѣній и послужившая основаніемъ той несмѣнной аристократіи, которой, вопреки вѣковымъ узаконеніямъ Китая, предоставлено, въ осьми домахъ, право : старшему въ каждомъ изъ

этихъ домовъ наследовать достоинство князя первой степени, во всѣхъ колѣнахъ, какого права не имѣютъ самые ближайшіе члены царствующей линіи.

Новому правленію должно было начать тѣмъ же, чѣмъ ознаменовалось и первое вступленіе *Тай-цзуна* на престолъ. Корея, принужденная въ 1627 году заключить миръ на условіяхъ побѣдителя, не могла забыть своего утѣшенія, а ложная надежда на силы Китая и его раннее или позднее торжество надъ горстію Маньчжуровъ, побудила *Ли-цзуня* къ нарушенію трактата, заключеннаго почти подъ мечемъ непріятеля. Когда въ 1631 году *Тай-цзунъ* отправилъ въ Корею посланника съ просьбою о содѣйствіи морскими силами къ покоренію острововъ въ *Лло-дунскомъ* заливѣ, занятыхъ *Мишскими* войсками, *Ли-цзунъ*, три дня не допуская посланника на аудіенцію, наконецъ объявилъ Хану, что Китай — отецъ Кореи и потому она не можетъ помогать людямъ, возставшимъ противъ ея метрополіи. Молчаніе, съ которымъ *Тай-цзунъ* перенесъ этотъ непріязненный отвѣтъ, увеличило смѣлость короля, который рѣшился уменьшить число вещей, представляемыхъ нинъ въ дань Маньчжурскому двору и предложить ему — совершенно прекратить взаимныя посольства между тѣмъ и другимъ государствомъ. Грозное письмо *Тай-цзуна* заставило Корею подчиниться условіямъ трактата, но не подавило враждеб-

ныхъ чувствъ, одушевлявшихъ *Ли-цзуня* противъ Маньчжуріи. Пѣнники, возвращенные Ханомъ, были преданы смертной казни за то, что позволили обезоружить себя неприятелю и не искупили жизнью честь отечества. Всѣ Китайскіе перебѣжчики, скрывавшіеся въ Корею въ мѣсть, покоренныхъ Маньчжурами въ *Лю-дуинь*, передавались пограничнымъ начальникамъ Имперіи; точно также Корейскія суда, крейсировавшія на водахъ залива, перехватывали островитянъ и Китайцевъ, плившихъ въ Маньчжурію съ желаніемъ вступить въ подданство Хана, и возвращали ихъ *Миньскому* правительству. Когда *Гэмъ-чжунъ-минь* и *Шанъ-ка-си*, съ единоземцами въ числѣ 20,000 человекъ удалившіеся изъ Китая, во время пути своего въ Маньчжурію отправили въ Корею посольство съ просьбою, чтобы на основаніи братскаго мира, заключеннаго между Ханомъ и королемъ, оказано было имъ пособіе въ хлѣбныхъ припасахъ, Корейцы выслали эту помощь не ранѣе, какъ когда уже бѣглецы достигли *Мукдэна*. Въ слѣдъ за тѣмъ *Ли-цзунь*, несмотря на многократныя требованія *Тай-цзуня*, отказалъ ему въ выдачѣ перебѣжчиковъ изъ *Хой-нина* и прежняго аймака *Ула* и, оспаривая права Маньчжурскаго владычества надъ аймакомъ *Варка*, на всѣ доказательства Хана, что *Варканцы* искони составляли родовое владѣніе *Нюй-чжэнэй*, король отвѣчалъ *Тай-цзуню* совѣтомъ — внима-

тельнѣе прочитатъ исторію династій *Ляо* и *Гинь*. Подобную участь испытали предложенія Маньчжурскаго двора Корей о томъ, чтобы она приняла посредничество въ заключеніи мирнаго договора между Китаемъ и Ханомъ.

Согласно съ трактатомъ 1627 года, Корейскій король долженъ былъ признавать себя, въ отношеніи къ Маньчжурскому Государю, только младшимъ братомъ; несмотря на то, во всѣхъ дипломатическихъ дѣлахъ сохранялось почти совершенное равенство между тѣмъ и другимъ владѣніемъ. Маньчжуры на Корейскія посольства отвѣчали своими; по случаю кончины какого нибудь лица изъ членовъ королевской фамиліи, отправляли они нарочнаго посланника для совершенія жертвъ надъ прахомъ умершаго. Каждая сторона, при взаимной перепискѣ, употребляла имя своего сосѣда не иначе, какъ съ прибавкою слова «почетное государство», между тѣмъ какъ о себѣ говорила съ унижительнымъ эпитетомъ «ничтожное владѣніе». Сами государи въ письмахъ своихъ, для соблюденія равенства и вѣжливости, прилагали къ своимъ особамъ одинъ титулъ «бездарный»; даже дань, доставляемая Корейцами, не носила на себѣ оскорбительнаго имени «дань» но называлась «ежегодными тканями». Несмотря однако на скромную и благоразумную политику Маньчжуровъ, Корея считала обиднымъ для своего достоин-

ства — равенство съ едва образовавшеюся ордою, и *Ли-цзунь* 1634 года отправилъ къ Хану посланника съ предложеніями, чтобы Маньчжурія отказалась отъ своихъ требованій касательно выдачи перебѣжчиковъ, прекратила взаимную торговлю и предписала своимъ посланникамъ при королевскомъ дворѣ занимать мѣсто ниже Корейскихъ вельможъ. *Тай-цзунь*, оскорбленный желаніями *Ли-цзуна*, отвергнувъ дань, представленную Кореею, и задержалъ при своемъ дворѣ посланника, надѣясь, что такая строгая мѣра смиритъ короля; но дѣло о поднесеніи Хану Императорскаго титула наконецъ раскрыло замыслы и чувства Корейскаго Государя.

Инултай, отправленный въ Корею съ письмами Маньчжурскихъ и Монгольскихъ Бэйлѣ, не былъ допущенъ на аудіенцію къ *Ли-цзуну*; вмѣсто свиданія съ самимъ королемъ, посланнику предложено было явиться для переговоровъ къ первому министру и объявить ему цѣль своего пріѣзда; квартира *Инултая* была окружена стражею, и въ государствѣ обнародовано повелѣніе готовиться къ войнѣ. Посланникъ, узнавши враждебные замыслы Корейскаго правительства, тайно бѣжалъ изъ столицы, и нарочный отрядъ долженъ былъ гнаться за *Инултаемъ*, чтобы вручить ему отвѣтныя грамоты на письма Бэйлѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить пограничнымъ Корейскимъ начальникамъ строжайшее повелѣніе короля — немедленно

привести въ самое крѣпкое положеніе предѣлы государства. *Инултаю* удалось захватить въ свои руки одно изъ этихъ тайныхъ повелѣній *Ли-цзуня*, который торжественно объявлялъ, что миръ, заключенный съ Маньчжурами, былъ дѣломъ самой несчастной успѣшности и что теперь настало время разорвать договоръ, оскорбляющій честь ихъ отечества.

Впрочемъ *Корея*, не желавшая принять на себя обвиненія въ нарушеніи трактата и сама, добровольно, начать опасной борьбы съ Маньчжурами, по прежнему отправила посольство къ Хану, для представленія даней и обычнаго поздравленія съ новымъ годомъ; но посланнику даны были такія инструкціи, которыя непременно должны были оскорбить *Тай-цзуня* и привести его къ разрушенію мира. Когда Маньчжурскіе и Монгольскіе князья, во время торжественной церемоніи принятія *Тай-цзуномъ* почетнаго титула, пали на колѣна и восторженными криками единодушно привѣтствовали Императора, одинъ Корейскій посланникъ отказался поздравить Хана съ новымъ достоинствомъ. Оскорбленіе, нанесенное тѣмъ Хану въ присутствіи цѣлаго двора, наконецъ заставило *Тай-цзуня* потребовать у Корейскаго правительства строгаго отчета во всѣхъ его дѣйствіяхъ и заложниковъ въ доказательство миролюбивыхъ чувствъ и покорности короля. Письмо Императора оставлено было безъ отвѣта. Тогда,

Маньчжурь рѣшились мстить оружіемъ за обиду, нанесенную ихъ повелителю; а чтобы воспрепятствовать Китаю подать какую нибудь помощь Корей, положено было напередъ сдѣлать набѣгъ на Имперію.

Согласно съ такимъ назначеніемъ, *Ацзинэ* проникнулъ чрезъ *Ду-ши-коу* въ *Чжуннэйскую* равнину, взялъ *Чанъ-тинъ-чжоу*, подошелъ къ стѣнамъ самаго Пекина, прошелъ *Бао-динъ-фу*, покорилъ 12 городовъ, одержалъ побѣду въ 56 сраженіяхъ и сшибкахъ и безнаказанно возвратился въ свои предѣлы, потому что *Миньскій* главнокомандующій *Чжанъ-фынъ-и* и губернаторъ *Лянъ-тинъ-дунъ*, не смѣявше отрѣзать неприятелю обратнаго пути, сидѣли въ *Тунъ-чжоу*, заперши городскія ворота, и каждый день поглощали огромные приемы ревеня, ища смерти для спасенія отъ суда и позора. Счастливое исполненіе перваго предпріятія ускорило судьбу Кореи.

1636 года, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, *Тай-цзунъ* объявилъ въ храмѣ неба и предковъ преступленія *Ли-цзунка*; въ декабрѣ явились Монгольскіе князья съ войсками, для соединенія съ Маньчжурскою арміею, которая, въ томъ же году и въ числѣ ста тысячъ человекъ, вторгнулась въ Корею. *Жуй-цинъ-ванъ Доргонъ*, *Бэйлэ Хоуэ*, предводители лѣваго крыла, выступили изъ *Куанъ-дяня* на *Чанъ-шанъ-коу*; *Цинъ-ванъ Дони*, съ полутаратысячью солдатъ изъ передоваго корпуса, шелъ прямо на не-

пріятельскую столицу, подкрѣпляемый трехтысячнымъ авангардомъ Бэйлы *Юто*; остальными войсками командовалъ самъ *Тай-цзунъ*, который, послѣ переправы чрезъ *Чжэнь-цзянь*, прошелъ *Го-шань-чэнъ*, покорилъ *Дэнь-чжоу*, *Ань-чжоу* и достигъ *Линь-цзинь-цзянъ*, протекающаго только востановившись отъ самой столицы, уже приведенной въ волненіе и страхъ.

Еще до приближенія самаго Хана, *Мафута*, изъ корпуса *Дони*, съ 300 человекъ отправился впередъ, для полученія вѣстей, гдѣ скрывается *Ли-цзунъ*. Маньчжуры, въ видѣ каравана странствующихъ купцевъ, шли только ночью и проселочными дорогами, безпрепятственно совершили свое путешествіе и не ранѣе, какъ почти подъ стѣнами самой столицы, встрѣтились съ непріятельскимъ отрядомъ, истребили его до одного человека и немедленно явились къ воротамъ города, неприготовленнаго къ такому событію. Корейцы, думавшіе, что въ слѣдъ за этою горстію удалецъ явится и вся Маньчжурская армія, желали переговорами выиграть время для спасенія своего Государя.

Къ предводителю небольшого отряда явились депутаты, подъ начальствомъ одного изъ высшихъ сановниковъ, — спросить Маньчжуровъ о причинѣ ихъ прихода. «Я имѣю повелѣніе переговорить съ королемъ» отвѣчалъ *Мафута*. «Если такъ, возразили депутаты, то мы должны исполнить всѣ обряды, усвоенные сану

посланника» и роскошный пиръ, подъ стѣнами неприятельской столицы, былъ первымъ торжествомъ отважнаго воина. Въ то время, когда враги старались побѣдить другъ друга взаимными вѣжливостями и миролюбивыми чувствами, въ городѣ поднялась всеобщая тревога отъ самаго посѣшнаго переселенія двора. Жены, дѣти и важнѣйшіе сановники *Ли-цзун* бѣжали на *Цзянь-хуа-дао*; самъ Государь скрылся въ *Нань-хань-шань*, самое укрѣпленное мѣсто въ цѣлой Корей. Чрезвычайное движеніе въ столицѣ немогло укрыться отъ *Мафуты*, который скоро понялъ причину общаго смятенія и пустился въ погоню за королемъ. Только изумленію и чрезвычайному замѣшательству Корейцевъ можно приписать то странное обстоятельство, что никому не представилась мысль обезоружить малочисленный отрядъ, осмѣлившійся такъ далеко проникнуть во внутрь неприятельской страны.

Столица; оставленная своимъ повелителемъ, не могла противиться Маньчжурскимъ войскамъ — и знамя Кана водружено надъ опустѣлыми дворцами *Ли-цзун*. Вѣстію объ этой важной потерѣ потрясены были такъ сильно надежды короля на неприступность *Нань-хань-шаня*, что онъ рѣшился предпринять другое бѣгство въ самый южный край своего государства, въ увѣренности, что отдаленность и трудность пути останавятъ успѣхи неприятелей; но при самомъ началѣ своего поспѣшна-

го путешествія, *Ли-цзунъ* упалъ съ лошади и жестокая боль, слѣдствіе ушиба, заставила короля возвратиться въ прежнее убѣжище. Еще не успѣли возстановиться разстроенныя силы *Ли-цзуна*, какъ Маньчжурскіе военныя отряды, одинъ за другимъ, приблизились къ стѣнамъ *Нань-хань-шаня* — и Государь, окруженный непріятелями, не могъ сдѣлать новой попытки къ своему спасенію.

Городъ, гдѣ неожиданно война застигла Корейскаго повелителя, несмотря на искусственныя и природныя укрѣпленія, не могъ дать вѣрной защиты многочисленнымъ жителямъ и гарнизону. При самомъ началѣ осады, въ *Нань-хань-шань* оказалась скудость въ свѣстныхъ припасахъ, такъ что солдаты должны были получать одну порцію на двоихъ. Еще ощутительнѣе былъ недостатокъ въ водѣ, послѣ того какъ непріятель пресѣкъ осажденнымъ путь къ четыремъ источникамъ, наиболѣе снабжавшимъ городъ водою. Надежды на приходъ вспомогательныхъ войскъ изъ другихъ областей совершенно были разрушены послѣ жестокаго пораженія, нанесеннаго тремъ арміямъ, шедшимъ на выручку своего Государя; притомъ же многочисленныя отряды непріятелей разбѣялись по всей странѣ и каждый шагъ ихъ ознаменованъ былъ побѣдами и опустошеніемъ; солдаты или гибли въ неравной борьбѣ, или при одномъ видѣ враговъ, бросали

оружіе, сдавали города и крѣпости, безусловно вѣривъ свою судьбу волю побѣдителей. Двѣ неудачныхъ вылазки, дорого стоившія осажденнымъ, ясно доказали *Ли-цзуну*, что онъ плѣнникъ Маньчжуровъ, которыхъ силы и мужество особенно возрасли съ приходомъ *Тай-цзуну*, расположившагося лагеремъ недалеко отъ *Нань-хань-шаня*, а прибытіе Маньчжурской артиллеріи погасило въ Корейцахъ послѣднюю надежду на продолжительность осады и утомленіе непріятеля. И такъ рѣшено было искать спасенія въ новыхъ средствахъ: въ покорности и переговорахъ.

Предъ лице *Тай-цзуну* предстали послы короля съ униженною просьбою даровать милость бѣдствующему ихъ Государю; вмѣстѣ съ тѣмъ они представили Маньчжурскому Хану собственноручное письмо *Ли-цзуну*, который умолялъ Императора «покрыть великодушнымъ забвеніемъ неблагодарныя поступки своего младшаго брата». Слова депутатовъ и письмо *Ли-цзуну* остались безъ отвѣта. Черезъ десять дней, король отправилъ другихъ пословъ, объявить побѣдителямъ «что его силы разсыпались, мысли изсякли, что онъ съ протянутою шеєю и занесенною ногою, ожидаетъ милостиваго слова». «Хотите жить — выходите изъ города и покоритесь; хотите драться — выходите изъ города и дайте сраженіе» отвѣчалъ *Тай-цзунъ*. Такія лаконическія слова, нисколько не опредѣлявшія судьбы осаж-

денныхъ, заставили *Ли-цзуня* обратиться къ Хану съ новыми мольбами. «Подлинно, писалъ еще разъ король, въ оцѣпняющемъ холодѣ осени таятся залогъ живительной весенней теплоты; въ повелѣніи Вашего Величества — явиться въ станъ — кроется глубина небеснаго милосердія... Но войска еще окружаютъ мое убѣжище; пора гнѣва не миновалась. Буду ли защищать свои стѣны, покину ли ограду, — тамъ и здѣсь ожидаетъ меня одна участь — смерть... Итакъ погибну, взирая только издали на знамя дракона. Древніе поклонялись сыну неба со стѣнъ своего города, чтобы только не нарушить долга покорности. Можетъ быть Императоръ, какъ небо и земля, одушевленный одною готовностію питать все существующее, ниспослетъ защиту, жизнь и милость бѣдному государству». *Тай-цзунъ* увѣрялъ своимъ словомъ, даровать *Ли-цзуню* жизнь и пощаду, оставить его по прежнему повелителемъ своего владѣнія, если только король явится въ станъ новаго Императора и произнесетъ предъ нимъ раскаяніе въ своихъ винахъ.

Корейскому Государю трудно было согласиться на предложеніе, унижающее высокое достоинство его. Явиться плѣнникомъ въ непріятельскій станъ, получить жизнь и царство изъ рукъ врага, когда оставалось еще — оружіе, чтобы дорого отмстить за свои бѣдствія и оскорбленія, нѣсколько крушы,

чтобы продлить свою защиту; когда все королевское семейство было свободно и, съ гибелію самаго *Ли-цзуня*, государству не грозила опасность потерять законныхъ обладателей престола; когда, сегодня или завтра, придуть вспомогательныя войска изъ Китая, уже давно знавшаго о бѣдственномъ состояніи Кореи, рѣшиться на такой поступокъ, — значило добровольно предать свое имя позору, а *Ли-цзунъ* хотѣлъ испытать чашу несчастій до послѣдней капли. И такъ переговоры должны были смѣниться военными дѣйствіями.

Но Имперія, занятая собственною безопасностію, не въ силахъ была подать значительнаго пособія древней своей союзницѣ; нѣсколько Китайскихъ судовъ, отправленныхъ къ берегамъ Кореи, были задержаны противными вѣтрами и не смѣли пуститься въ открытое море. Маньчжуры разгадали тайныя чувства короля, и мгновенно сооруженная небольшая флотилія поплыла къ *Цзянь-хуа-дао*, сдѣлала высадку на островъ, разбила здѣшнія войска и взяла въ плѣнъ супругу Корейскаго Государя, съ двумя сыновьями и всѣми лицами, принадлежавшими къ владѣтельному семейству, а равно одного министра съ множествомъ другихъ лицъ, занимавшихъ важныя мѣста въ государствѣ.

Тай-цзунъ извѣстилъ осажденныхъ о новомъ своемъ торжествѣ, грозными словами: «если король еще будетъ медлить изъявленіемъ своей покорности; то пусть

совершить поминальныя жертвы по своему семейству. Но *Ли-цзунь* отказался явиться въ непріятельскій станъ.

Твердость несчастнаго Государя изумила самихъ Маньчжуровъ. Хану базалось, что для заключенія мира, лучше избрать кроткія мѣры, чѣмъ рѣшительный бой, грозившій ужасными потерями той и другой сторонѣ. И такъ, 12-го февраля 1637 года отправлено было письмо къ осажденнымъ, въ которомъ — *Тай-цзунь* подробно излагалъ условія, на какихъ онъ согласенъ даровать миръ королю. «Ты хочешь сохранить честь своего государства; но и я не откажусь отъ повелѣнія, однажды произнесеннаго мною. Желаю, утвержденіемъ вѣчныхъ постановленій, даровать тебѣ, всѣмъ будущимъ поколѣніямъ, преемникамъ твоимъ и подданнымъ, миръ, безопасность и правду. А ты, для того чтобы изгладить всѣ прежнія своя вины и достойно возблагодарить меня за мои милости, — долженъ отказаться отъ Китайскаго календаря и на мѣсто его принять Маньчжурскій; отправить ко мнѣ въ заложники старшаго и втораго сыновей твоихъ, вмѣстѣ съ дѣтьми или младшими братьями важнѣйшихъ твоихъ сановниковъ; — въ исполненіи обрядовъ поклоненія и представленія ко двору неуклонно слѣдовать Китайскому церемоніалу; въ случаѣ похода моего противъ Имперіи, къ назначенному сроку и мѣсту высылать свои морскія и сухопутныя войска, конницу и пѣло-

ту; содѣйствовать къ заключенію взаимныхъ браковъ и родства между подданными нашихъ государствъ, какъ вельможами, такъ и простолюдинами. Я позволяю поправлять старые города, но отнюдь не строить новыхъ; повелѣваю — пословъ изъ *Варка* отсылать въ Маньчжурію и запретить своимъ подданнымъ всякую торговлю съ этимъ аймакомъ; а за то, что я снова дарю тебѣ жизнь, предоставляю въ твою власть достояніе твоихъ отцевъ и возвращаю все прибрѣтенное моимъ оружіемъ, — ты, дѣти, внуки и всѣ потомки твои должны хранить ненарушимо настоящій договоръ; только на такомъ условіи существованіе Кореи — продлится на вѣки». Почти въ слѣдъ за письмомъ отправлены были обратно одинъ евнухъ и одинъ родственникъ *Ли-цзуна* возвѣститъ королю, что семейство его цѣло и невредимо, пользуется покровительствомъ великодушнаго побѣдителя, который повелѣлъ оказывать своимъ плѣнницамъ и плѣнникамъ всѣ почести и уваженіе, должныя ихъ высокому сану. Благородный поступокъ *Тай-цзуна* и крайнее положеніе города и государства заставили короля покориться необходимости.

14-го февраля произошло свиданіе между обоими Государями. На восточномъ берегу *Хань-цзяна*, въ урочищѣ *Сань-тянь-ду*, раскинута была желтая палатка, куда скоро прибылъ *Тай-цзунъ*, окруженный блестящею

свитою Вановъ и Бэйль, сопровождаемый всадниками и пѣхотою, выстроившеюся въ двѣ линіи внизу Императорскаго шатра, стоявшаго на значительномъ возвышеніи. Знамена, зонты, музыка, безчисленные ряды воиновъ, все было соединено, чтобы придать особенную торжественность начинавшейся церемоніи.

Едва *Тай-цзунъ* возсѣлъ на приготовленномъ для него престолѣ, — отворились ворота *Нань-хань-шаня* и изъ города показалась печальная процессія Корейскаго короля. *Ли-цзунъ*, облеченный во всѣ одежды своего высокаго сана, держа въ рукахъ *Миьскую* печать и жалованную грамоту на королевское достоинство, со свитою важнѣйшихъ своихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, медленно и пѣшкомъ приближался къ Ханской ставкѣ. Пять ли должно было пройти *Ли-цзуну* и только за полверсты до палатки нѣсколько чиновниковъ встрѣтили побѣжденнаго Государя. Съ приближеніемъ *Ли-цзуна* къ Маньчжурскимъ рядамъ, Императоръ всталъ съ своего престола и совершилъ девятикратное поклоненіе небу; примѣру его послѣдовалъ и король; но по окончаніи священнаго обряда, *Тай-цзунъ* занялъ прежнее мѣсто, а *Ли-цзунъ*, со всею своею свитою, палъ на колѣни и съ преклоненною головою, обратившись къ Маньчжурскимъ вельможамъ, молилъ ихъ упросить Великаго Императора, чтобы онъ, по необыкновенной милости своей, простилъ виновному

королю — его тысячи преступлений, не лишил его жизни и достойна отцевъ, положилъ предѣлы своему мщенію и пролилъ радость на погибающій народъ. «Отнынѣ, говорилъ плѣнникъ, обновлю свое сердце и дѣла, а дѣти и внуки мои во вѣки не забудутъ великаго благодѣлія».

«Корейскій король, отвѣчалъ *Тай-цзунъ* съ своего престола, пришелъ къ намъ сознаться въ прежнихъ своихъ винахъ — и мы прощаемъ его. Пусть наслаждается жизнію и руководится во всѣхъ своихъ поступкахъ — только мысляю о справедливости и благодарнымъ воспоминаніемъ о нашемъ великодушіи!» — «Милости священнѣйшаго повелителя пребудутъ не забвенными» сказалъ *Ли-цзунъ*, снова преклонившій колѣна предъ своимъ побѣдителемъ.

И такъ вражда между Маньчуріею и Кореею была погашена; жизнь и миръ дарованы были потрясенному государству. Но еще оставалось опредѣлить одинъ важный пунктъ о томъ, какое значеніе долженъ былъ имѣть Корейскій король при дворѣ Маньчжурскаго Хана, среди Вановъ и Бэйль, сейчасъ бывшихъ зрителями горестнаго униженія повелителя Кореи? Самъ *Ли-цзунъ*, еще стоявшій за чертою солдатъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта на вопросъ, немедленно предложенный для разрѣшенія Императору. Слова, которыми Ханъ окончательно рѣшилъ судьбу

своего плѣнника, достойны исторіи и *Тай-цзуна* «Покорять лучше милостію, чѣмъ страхомъ; потому повѣлѣваю воздавать Корейскому королю всѣ почести и уваженіе, должныя повелителю иностраннаго государства».

Съ этой минуты кончилось тяжелое испытаніе *Ли-цзуна*. Государю, возстановленному во всѣхъ своихъ правахъ, предложено было мѣсто рядомъ съ *Тай-цзуномъ*, который угощалъ по-царски своего высокаго посылителя. По окончаніи стола, когда настало время той и другой сторонѣ возвратиться къ своимъ мѣстамъ, въ Ханскую палатку вошли жены, наложницы и дѣти *Ли-цзуна*, съ семействами важнѣйшихъ Корейскихъ сановниковъ — и пали на колѣна предъ Императоромъ. *Тай-цзунъ* возвратилъ сіи драгоценныя залогіи своимъ гостямъ, и *Ли-цзунъ*, мужественно перенесшій всѣ тревоги бѣдственнаго дня, немогъ удержаться отъ слезъ при неожиданной встрѣчѣ со всѣмъ, что такъ дорого было для его сердца. «Государь, сказалъ онъ при общемъ рыданіи своей свиты, въ одинъ разъ ты излилъ на насъ всѣ твои милости; но прости гнѣвъ твой только на день, и мы давно были бы прахомъ и пепломъ!»

Такимъ торжественнымъ явленіемъ заключена была драматическая Корейская война. 16-го февраля Маньчжуры предприняли обратный походъ и 7 апрѣля

достигли *Мукдэя*. Первымъ дѣломъ побѣдителя было явиться въ храмъ неба и, только послѣ благодарственной жертвы тѣнямъ предковъ за счастливое окончаніе войны, *Тай-цзунъ* возвратился во дворецъ, гдѣ ожидали его данники изъ *Ордоса*. Самымъ главнымъ плодомъ настоящаго похода было то, что Корея, совершенно отдѣлившись отъ *Миньскаго* дома, тѣсно соединилась съ новою покровительствующею державою и доселѣ, болѣе двухъ сотъ лѣтъ, неизмѣнно хранитъ данническія отношенія къ Маньчжурскому престолу; Китай утратилъ послѣднихъ своихъ союзниковъ, а слава побѣды распространила имя *Тай-цзуна* такъ далеко, что даже *Гунн-ханъ* съ предѣловъ *Хухэнора* отправилъ посольство засвидѣтельствовать предъ новымъ Императоромъ чувства преданности и покорности отъ повелителя *Элютовъ* (Калмыковъ.)

Борьба Маньчжуровъ съ Кореею даровала Китаю нѣсколько мѣсяцевъ, свободныхъ отъ вторженія. Должно было думать, что Имперія воспользуется этимъ временемъ для укрѣпленія своихъ границъ, уже нѣсколько разъ испытывавшихъ на себѣ силу Маньчжурскаго оружія; но, какъ будто сама судьба влекла *Миньскій* домъ къ неизбѣжному паденію, и въ минуты критической опасности странная бездѣйственность усыпила Имперію, уже стоявшую на краю гибели. Когда, на другой годъ послѣ инокоренія Кореи, Маньчжуры

подъ начальствомъ *Дорюкя* приблизились къ Великой Стѣнѣ, чтобы чрезъ заставы *Цань-цзы-ли* и *Цинь-шань-гуань* спуститься въ *Чжилійскую* долину, они нашли эти важныя мѣста почти безъ защиты. Не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, опустошая окрестности, Маньчжуры прошли въ разстояніи 20-ти ли отъ Пекина до самаго *Чжо-чжоу*, гдѣ, раздѣлившись на восемь корпусовъ, предприняли дальнѣйшій походъ на Югъ. Часть шла по направленію горъ, огибающихъ Пекинскую долину, другая по теченію *Юнь-хэ*, прочія двигались шестью дорогами между рѣкою и горами.

Миньскій дворъ спѣшилъ противопоставить непріятелю сильную армію подъ начальствомъ главнокомандующаго *Лу-сянь-шэна*, человека, который дѣйствительно могъ жестоко отмстить Маньчжурамъ за ихъ отважную предприимчивость. Но Китайское правительство, умѣвшее угадать дарованіе, не умѣло имъ воспользоваться.

Янь-цы-чань, предсѣдатель военной палаты, отъ котораго зависѣли всѣ важнѣйшія распоряженія по арміи, поссорился съ главнокомандующимъ. Слѣдствіемъ вражды двухъ лицъ, рѣшавшихъ судьбу настоящей войны, было то, что почти всѣ войска ввѣрены были *Гао-ци-цяну*, а *Лу-сянь-шэнь* долженъ былъ ограничиться только 20,000 корпусомъ, изъ котораго, въ послѣдствіи времени, почти половина отдѣлена была другому

генералу — *Чэнь-синь-цзя*. Главнокомандующій, утратившій вліяніе на прочія войска, при ограниченности собственныхъ силъ, не могъ предпринять никакихъ рѣшительныхъ мѣръ; однакоже *Лу-сянь-шэнъ* выступилъ къ *Бао-динь-фу*, нагнавъ непріятеля и далъ при *Цинь-ду* сраженіе, гдѣ уронъ съ той и другой стороны былъ весьма значителенъ и равенъ. Несмотря на большую потерю въ людяхъ, Китайскій генералъ еще подвинулся впередъ къ *Янь-лу*; но половина отряда, уstraшенная своею малочисленностію, бросила знамена и разсѣялась. Не болѣе какъ съ 5,000 человекъ онъ долженъ былъ еще разъ встрѣтиться съ непріятельскою арміею, далеко превосходившею числомъ своихъ противниковъ. Маньчжурѣ въ нѣсколько рядовъ окружили *Лу-сянь-шэна*, цѣлыхъ два дня отчаянно боролся за свое спасеніе; когда не стало ни пороха, ни стрѣлъ, главнокомандующій самъ бросился въ рукопашный бой и нашелъ геройскую смерть подъ мечами враговъ, между тѣмъ какъ *Гао-ци-цянъ*, шедшій со всѣми войсками въ томъ же самомъ направленіи и въ разстояніи только пятидесяти ли, не подалъ помощи своему товарищу.

Съ кончиною *Лу-сянь-шэна* торжеству Маньчжуровъ уже не грозило болѣе никакой опасности. Раззоривши *Чжэнь-динъ*, *Гуань-пинъ*, *Шунь-дэ* и *Да-минъ*, они вступили въ предѣлы *Шань-дуна*, гдѣ неудачныя рас-

поряженія Китайскаго правительства снова открывали неприятелю широкій путь къ побѣдамъ. *Ян-цы-чанъ* думалъ, что Маньчжуры, непокоривши *Дэ-чжоу*, не осмѣлятся идти далѣе на Югъ; въ слѣдствіе такихъ соображеній, въ одномъ городѣ собраны были войска цѣлой области, съ строжайшимъ предписаніемъ не отлучаться ни на шагъ отъ своего поста. Но неприятель, послѣ покоренія *Лиль-цинъ-чжоу* и переправы чрезъ *Юнь-хэ*, обратился прямо на *Цзи-наль*, которая, будучи неприготовлена къ защитѣ, немедленно сдалась; а новый главнокомандующій *Лю-юй-лянъ*, вмѣстѣ съ *Чанъ-силь-цзя* и всѣми войсками, пришедшими изъ разныхъ мѣстъ на помощь Богдохану, довольствовался тѣмъ, что шелъ по пятамъ Маньчжуровъ. Каковъ былъ духъ и дѣйствія Китайскихъ полководцевъ, можно судить о томъ изъ одного факта, особенно замѣчательнаго въ настоящей войнѣ. Когда, во второй лунѣ слѣдующаго года, неприятель на обратномъ пути своемъ достигъ *Танъ-цзина*, въ то время рѣка *Юнь-хэ* была въ полномъ разливѣ и представляла большія затрудненія для переправы арміи, обремененной огромнымъ обозомъ и добычею. Нѣсколько офицеровъ предлагали своимъ вождямъ, воспользоваться такимъ выгоднымъ для нихъ обстоятельствомъ и отрѣзать неприятелю возвращеніе на Сѣверъ. Но три корпусныхъ генерала, стоявшіе съ своими войсками при берегахъ

рѣки, только смотрѣли другъ на друга, охотно отказываясь отъ чести разбить Маньчжуровъ. *Доргонь*, проникнувшій болѣе нежели на тысячу ли южнѣе Пекина, взволновавшій губерніи *Чжи-ли*, *Шань-дунъ* и часть *Сань-си*, послѣ покоренія 58 Китайскихъ городовъ, съ добычею, состоявшею свыше нежели изъ 450,000 плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ и *Дэ-сань*, ближайшій родственникъ *Миньскаго* Императора, безопасно возвратился въ свое отечество.

Такой блистательный успѣхъ, естественно, долженъ былъ воодушевить *Тай-цзуна* къ новымъ предпріятіямъ. Ханъ былъ увѣренъ, что до покоренія городовъ, лежавшихъ внѣ заставы *Шань-хай-гуань*, составлявшей самую крѣпкую опору для Китая и самую трудную преграду для Маньчжуровъ, всѣ дѣйствія противъ Имперіи должны ограничиться одними опустошительными набѣгами, нисколько не утверждающими владычества надъ мѣстами, находящимися внутри Великой Стѣны; что прежній планъ болѣе отваженъ, чѣмъ основанъ на прочныхъ и вѣрныхъ началахъ, и что слѣдовательно, для совершеннаго потрясенія своихъ противниковъ, необходимо окончательное завоеваніе *Лю-дуна*, который долженъ служить самымъ ближайшимъ и необходимымъ путемъ въ нѣдра Имперіи. Въ слѣдствіе такого убѣжденія, въ 1641 году *Тай-цзунъ* отправилъ *Доргона* для покоренія *Цзинь-чжоу*, съ непремѣннымъ

повелѣніемъ, во чтобы ни стало, овладѣть этимъ городомъ.

Распоряженія *Дорюна* такъ были неудачны и медленны, что Ханъ, раздраженный неуспѣшностію осады, смѣнилъ своего полководца, назначивши на его мѣсто *Цзиралала*, который, окруживши городъ валами, скоро привелъ его въ критическое положеніе. Осажденнымъ должно было отправить въ Пекинъ извѣстіе о настоящихъ намѣреніяхъ Маньчжуровъ; и *Цзу-да-шоу*, комендантъ города, изобразивши въ яркихъ чертахъ опасность, какой подвергалась Имперія съ окончательною потерею *Лю-дуна*, требовалъ самой значительной и немедленной помощи. Дворъ, вполне сознававшій важность настоящихъ обстоятельствъ, рѣшился еще разъ собрать всѣ свои силы, чтобы вступить еще разъ въ послѣдній кровавый споръ за честь и существованіе.

Хунъ-чэнъ-чоу, губернаторъ округовъ *Цзи* и *Лю*, съ 130,000 арміею, раздѣленною на восемь корпусовъ, съ полнымъ ремонтомъ и хлѣбнымъ запасомъ на цѣлый годъ, въ маѣ мѣсяцѣ выступилъ изъ *Нинъ-юаня* на спасеніе *Цзинъ-чжоу*. Тревожимый печальными опытами прошедшихъ битвъ, *Цзу-да-шоу* отправилъ нарочнаго гонца къ главнокомандующему объявить, что *Цзинъ-чжоу* еще довольно долго можетъ противиться непріятелю и что потому онъ проситъ *Хунъ-чэнъ-чоу*,

не вдаваясь въ опасную поспѣшность, подвигаться впередъ съ самыми строгими предосторожностями и подъ прикрытіемъ тѣлѣжныхъ лагерей. По совѣту *Цзю-да-шоу*, главнокомандующій положилъ, подъ сильнымъ прикрытіемъ переслать провіантъ первоначально въ *Синъ-шань*, потомъ въ *Сунъ-шань*, отсюда же препроводить въ *Цзинь-чжоу*; на всей операціонной линіи разставить лагери и сражаться только для защиты. Но предсѣдателя военной палаты *Чэнь-синъ-цзя* страшило опасеніе, что отъ продолжительности военныхъ дѣйствій скоро истощатся хлѣбные запасы, и потому онъ отправилъ въ армию одного своего чиновника, по имени *Чжанъ-жо-ци*, съ наказомъ представить *Хунъ-чэнъ-чоу*, какъ необходимое, скорѣйшее окончаніе настоящаго похода.

Явленіе этого человѣка повело къ умноженію несчастій Имперія. По общему правилу, господствующему въ Китаѣ, лице, отправленное отъ правительства съ нарочными повелѣніями, пользуется особеннымъ полномочіемъ, поставляющимъ его, нѣкоторымъ образомъ, выше мѣстныхъ властей. *Чжанъ-жо-ци* казалось, что теперь настало для него время изумить весь свѣтъ своими необыкновенными талантами, для которыхъ до сихъ поръ еще не открывалось достойнаго поприща. Съ самаго прибытія къ войскамъ, онъ постарался распространить свое вліяніе на генераловъ

и солдатъ, подчинить тѣхъ и другихъ своимъ планамъ. Непрестанные гонцы летали изъ *Ляо-дуна* въ Пекинъ съ вымышленными извѣстіями объ ежедневныхъ сраженіяхъ и побѣдахъ; въ концѣ каждой реляціи, *Чжанъ-жо-ци* выражалъ свое неудовольствіе на излишнюю медленность главнокомандующаго, который гибельною своею мнительностію теряетъ время и случай покрыть Китайское оружіе безсмертною славою. Изъ Пекина отвѣчали выговорами и побужденіями *Хунъ-чэнъ-чоу*, который, выведенный изъ терпѣнія непрерывными повтореніями съ той и другой стороны, отказался отъ первоначальнаго плана и, оставивши провіантъ въ *Нинъ-юань*, *Синъ-шани*, и при *Би-цзя-гань*, вѣ *Та-шани*, отправился впередъ; за нимъ послѣдовали и другія войска. По достиженіи *Сунъ-шани*, конница расположилась передъ городомъ, пѣхота 7-ю лагерями при *Жу-фынь-гань*. Здѣсь *Хунъ-чэнъ-чоу* долженъ былъ встрѣтиться съ Маньчжурами, которые преградили ему главную дорогу отъ горъ до моря, пресѣкли доставку припасовъ изъ *Синъ-шани*, и, отдѣливши часть своихъ силъ, для истребленія солдатъ, охранявшихъ провіантъ при *Та-шани*, завладѣли всѣмъ хлѣбомъ въ *Би-цзя-гань*. Первая важная потеря произвела сильное впечатлѣніе на Китайскую армію, которая уже начала страшиться за свою безопасность, и пѣхота, оставившая 7 лагерей, расположилась позади *Сунъ-шани*;

впрочемъ новая позиція нисколько не обезпечивала судьбы войска, имѣвшаго съ собою провіанта только на пять дней. Маньчжурамъ хорошо извѣстно было положеніе противниковъ и *Тай-цзунъ*, предполагавшій, что непріятель немедленно отступитъ, послалъ значительный корпусъ снимать засады при мѣстахъ *Та-шань*, *Синь-шань* и *Сю-милъ-тэ*; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ усилилъ гарнизонъ, охранявшій хлѣбъ при *Бя-цзя-шань*, и самъ, занявши главную дорогу, ожидалъ движенія Китайской арміи.

Въ самомъ дѣлѣ, на вторую ночь *У-сань-цзи*, съ пятью другими корпусными генералами постоянно сѣвнялся въ арьергардѣ, въ строгемъ порядкѣ началъ отступление; но когда дошла очередь до генерала *Ванъ-ю* занять первые ряды, солдаты его бросились бѣжать; примѣру ихъ послѣдовали и другія войска, какъ бы оспаривая другъ у друга, кто прежде достигнетъ *Синь-шани*. Главная Маньчжурская армія поражала бѣглецевъ съ тыла; засада преградила имъ путь. Китайскіе солдаты, покрывшіе собою огороды и поля, то отступали, то дрались, доколѣ наконецъ, при ужасномъ безпорядкѣ и уровнѣ, корпуса шести генераловъ не скрылись въ *Синь-шани*, а *Цао-бянь-цзю* вмѣстѣ съ *Хунъ-чэнъ-чоу* въ *Сунъ-шани*; послѣдніе, будучи стѣснены со всѣхъ сторонъ Маньчжурами, пять разъ дѣлали отчаянныя усилія разорвать осадную линію, но безъ

успѣха. Однажды *Цао-блян-цзю* ворвался въ самый непріятельскій лагерь, но былъ раненъ и принужденъ спастись бѣгствомъ.

Тай-цзунъ, увѣренный, что Китайскія войска, запершіяся въ *Синъ-шани*, предпримуть новое отступленіе, послалъ самыхъ отважныхъ солдатъ засѣсть при *Гао-цзю* и крѣпости *Самарци*; эти отряды, занявшіе опасныя мѣста, выждавши появленія непріятеля, довершили истребленіе Китайской арміи. *Ванъ-пу* и *У-санъ-цуй* спасли только самихъ себя; *Чжанъ-жо-ци*, въ рыбацкѣй лодкѣ, возвратился моремъ. Во время пораженій, слѣдовавшихъ одно за другимъ, Китайцы потеряли болѣе 53,780 человекъ, оставивши Маньчжурамъ въ добычу верблюдовъ, лошадей, латъ, огнестрѣльныхъ и другихъ орудій нѣсколько десятковъ тысячъ штукъ. Отъ *Синъ-шани* до *Та-шани*, на всемъ протяженіи, валялись тѣла убитыхъ и раненыхъ; а трупы потонувшихъ въ морѣ, по словамъ Маньчжурскихъ историковъ, носились на поверхности волнъ, какъ стаи дикихъ гусей. Въ слѣдующемъ году рѣшилась судьба и *Сунъ-шани*, гдѣ еще мужественно защищался *Хунъ-чэнъ-чоу*. *Ся-чэнъ-дэ*, одинъ изъ генераловъ, принадлежавшихъ къ корпусу главнокомандующаго, отправилъ своего сына въ лагерь осаждающихъ, съ торжественнымъ обѣщаніемъ возмутить гарнизонъ въ пользу Маньчжуровъ; предложеніе было принято; измѣна совершилась удачно.

Хунг-чэнь-чоу суждено было украсить собою триумфъ Тай-цауна, рѣшившаго на поляхъ Сунг-шангъ участь Имперіи. Цзинь-чжоу, цѣлый годъ удачно выдерживавшая осаду, сама отворила свои ворота побѣдителю; а Та-шангъ и Сунг-шангъ взяты были въ непродолжительномъ времени.

Послѣ такихъ жестокихъ потерь, Китаю оставалось только прибѣгнуть къ великодушію побѣдителя. Богдоханъ гадалъ въ Фынь-сянь-дянь о томъ, какъ поступить ему въ такихъ кричическихъ обстоятельствахъ, и духи возвѣстия сыну неба, что должно приступить къ немедленнымъ переговорамъ. Итакъ Маньчжурскій дворъ, столько разъ отвергавшій всѣ предложенія Маньчжуровъ, отправилъ въ Цзинь-чжоу своихъ повѣренныхъ для заключенія дружескаго трактата между двумя враждующими государствами. Но усвоенный въ Китаѣ при Китайскомъ дворѣ этикетъ воспрещалъ сыну неба визитъ до просьбы о мирѣ; притомъ же думалъ, что Маньчжуры, полудикаіе варвары, не въ состояніи будутъ понять всей тонкости дипломатическихъ сношеній Средняго государства; такимъ образомъ нашл достаточнымъ отправить полномочныхъ съ однимъ неопредѣленнымъ повелѣніемъ, даннымъ на имя предсѣдателя военной палаты Чань-самъ-цзя, который будто бы докладывалъ Императору, что Маньчжуры, утомленные продолжительною войною, наконецъ жадаютъ насла-

даться спокойствіемъ прочнаго мира. Весь этотъ дипломатическій увазь состоялъ въ слѣдующихъ не многихъ словахъ: «Изъ доклада военной палаты мы увидѣли, что въ *Шэнь-лянъ* дѣйствительно существуетъ мысль о прекращеніи враждебныхъ дѣйствій и дарованіи народу тишины. Недостаточность донесеній прежнихъ губернаторовъ не позволяла намъ вѣрить искренности такого намѣренія. Но, послѣ неоднократныхъ представленій палаты, что знаки расположенія и чистосердечія съ нашей стороны непременно приведутъ къ покорности отдаленные народы, — мы, руководимые высокимъ милосердіемъ верховнаго неба и желаніемъ возвратить подъ нашу державу древнее достоиніе, приобрѣтенное правосудіемъ и кротостію нашихъ предковъ, наконецъ виспосылаемъ повелѣніе валадѣ исполнить настоящее дѣло, обнародовать въ *Шэнь-лянъ* нашу волю и представить на наше разсмотрѣніе всѣ вѣрныя извѣстія о дальнѣйшемъ ходѣ событій». Съ такимъ полномочіемъ явились Китайскіе посланники на Манчжурскую границу». Что это значитъ? «спросилъ *Тай-цзунъ*, прочитавши кредитивныя грамоты посланниковъ, «письмо прислано на мое имя, а между тѣмъ оно не болѣе, какъ указъ, данныйъ председателю военной палаты *Чень-силь-цзю*. Если это вѣрующая грамота, то при ней вѣтъ Императорской печати; притомъ же подобнаго рода выраженія: «приведутъ къ покорности

отдаленные народы, возвратить подъ нашу державу древнее достоиніе» — только оскорбляютъ достоинство нашего государства. «Не такъ заключаютъ миръ!» сказалъ Ханъ, и съ этимъ неприятнымъ отвѣтомъ послы должны были возвратиться въ Пекинъ.

Такая неудача заставила *Миньскій* дворъ отправить другое посольство, уже отъ имени Китайскаго Императора и уже съ самыми положительными предложеніями мира. Въ этотъ разъ Ханъ милостиво принялъ Китайскихъ повѣренныхъ, и даже въ собственноручномъ письмѣ изложилъ Императору условія трактата. «Милостію неба, мы, наследовавши престолъ послѣ родителя нашего *Тай-цзу*, распространили предѣлы нашего государства отъ Сѣверо-восточнаго моря до Сѣверозападнаго. И племена, живущія на собакахъ и оленяхъ, и ловцы черныхъ соборей и лисицъ, и люди, не сѣющие хлѣба, питающіеся только мясомъ звѣрей и рыбъ, и аймаки *Элжоса*, и айманы, обитающіе при берегахъ *Оноя*, и владѣнія *Юаньскаго* дома и *Корея*, всѣ соединились подъ нашею высокою державою, и всѣ, князья, вельможи и народъ, единодушно поднесли вамъ почетный титулъ и нашему правленію имя *Чунь-дэ*. Неоднократныя вторженія въ предѣлы Имперіи, покореніе городовъ и крѣпостей, пораженіе армій, доказали самому Китаю, что нѣтъ у него ни одной твердыни, которая

могла бы противостать силѣ нашего оружія. Итакъ, если мы заключаемъ миръ, то въ этомъ случаѣ руководимся однимъ искреннимъ нашимъ желаніемъ даровать покой и благоденствіе милліонамъ людей, и если Императору угодно постановить прочный договоръ, то онъ будетъ состоять изъ слѣдующихъ условій: отнынѣ должны быть преданы забвенію всѣ прежнія неудовольствія, прекратиться всякіе споры о первенствѣ того или другаго государства; посланники имѣть личный доступъ къ повелителямъ обѣихъ державъ, и отказъ въ аудіенціи будетъ считаться признакомъ излишней гордости и нарушеніемъ трактата; отправлять нарочныя посольства по случаю особенно радостныхъ или печальныхъ событій при томъ и другомъ дворѣ. Китай обязывается ежегодно присылать Маньчжуріи 10,000 ланъ золота, милліонъ ланъ серебра, за что она, съ своей стороны, доставитъ Китаю тысячу фунтовъ корня *жэмъ-шэнь* и тысячу собольихъ шкуръ. Взаимныя перебѣжки возвращаются своимъ владѣтелямъ, границею владѣній Китайской Имперіи постановляется хребетъ, лежащій между *Нинъ-юанемъ* и *Шуанъ-пу*, а Маньчжурскихъ, — гора *Та-шанъ*, а *Лянь-шанъ* будетъ считаться нейтральною землею. Всѣ переходы за положенную черту подвергаются слѣдствію и суду; рыбныя промыслы, плаваніе по заливу должны строго сообразоваться съ раздѣломъ владѣній на

сушѣ и непростирается далѣе постановленныхъ предѣловъ; наконецъ должна открыться взаимная торговля между обоими государствами. Итакъ, если будете согласны принять настоящія условія, то или мы сами назначимъ другъ другу личное свиданіе и утвердимъ клятвою договоръ, или отправимъ высшихъ своихъ сановниковъ для исполненія священнаго обряда. Если же предложенія мои будутъ отвергнуты; то отнынѣ прекращаются всякія посольства и переговоры — и не я буду виновю, что милліоны сдѣлаются жертвами войны!»

Китайскій Императоръ, озабоченный ужасными внутренними волненіями, возмутившими всю поднебесную, искренно желалъ мира съ Маньчжурами, для поддержанія уже потрясеннаго могущества. Но начавшіеся переговоры, первоначально бывшіе государственною тайною, получили общую гласность. Между людьми, не принадлежавшими ко двору, обнаружился явный ропоть противъ намѣренія, принятаго правительствомъ. Неудовольствіе отразилось и въ областяхъ, откуда каждый день летѣли доклады, чтобы отклонить Императора отъ мира, долженствовавшаго покрыть честь небесной державы неизгладимымъ и вѣчнымъ стыдомъ. Ученые политики всего Китая, многочисленными ссылками на великихъ мудрецовъ, на примѣры сѣдой древности, старались доказать правительству, какъ опасно

вѣрить искренности иноплеменниковъ и какъ виновный министръ, осмѣлившійся оскорбить величье своего повелителя предложеніемъ мира съ презрѣнными варварами. Общее мнѣніе огласило *Чэнь-синь-цзя* единственнымъ виновникомъ такого унижительнаго проекта и требовало подвергнуть его строжайшему суду. Слѣдствіемъ этихъ докладовъ было то, что *Чэнь-синь-цзя* низверженъ былъ съ своего мѣста, переговоры прекращены.

Маньчжуры, выведенные изъ терпѣнія молчаніемъ Китая, снова готовились къ войнѣ. Общее желаніе, овладѣть потрясенною Имперіею, достигло такой силы, что генералы *Тай-цзун* сами умоляли своего повелителя послать ихъ на Срединное государство. «Миръ полезенъ Китаю — не намъ» докладывалъ Хану одинъ изъ его высшихъ сановниковъ. «Китай воспользуется тишиною, чтобы тайно приготовить къ войнѣ; между тѣмъ какъ мы, привыкнувши къ миру, забудемъ военныя доблести и труды. Если обширность и многолюдство Китая приводятъ насъ въ недоумѣніе; то должно вспомнить, что мятежники возстали на четырехъ предѣлахъ Имперіи, что Китай сталъ государствомъ, пожирающимъ самаго себя. Стоитъ только пресѣчь подвозъ хлѣба изъ *Тянь-цзиня*, каменнаго угля изъ западныхъ горъ, и Пекинъ будетъ у нашихъ ногъ. Прежде всего завладѣемъ *Шань-хай-гуанемъ*, тогда сами

собою шадутъ города, лежащіе за заставою. Вотъ способъ паразитъ самое сердце и сдавить горло неприятеля!»!

Въ подбрѣ 1642 года *Тай-цзунъ* опять отправилъ войска опустошать Китай. Маньчжуры раздѣлились на два крыла; лѣвое вступило въ предѣлы Имперіи при *Цзѣ-шань* черезъ проломъ, сдѣланный ими въ Великой Стѣнѣ; правое проникло чрезъ *Янь-мынь-гуанъ* и *Хуанъ-ли-коу*. Оба корпуса соединились въ *Цзи-кжоу*, дошли до *Янь-кжоу* въ *Шань-дуньской* губерніи и возвратились уже лѣтомъ 1643 года. Во время настоящаго вторженія, Маньчжуры покорили 3 области, 18 округовъ, 67 уѣздовъ; обратили въ бѣгство *Мильскаго* князя *Лу-сама*, захватили въ плѣнъ и добычу 369,000 человекъ, 550,000 штукъ скота, съ множествомъ золота, серебра, жемчуга, шелковыхъ матерій и другихъ цѣнныхъ вещей. Отъ вступленія въ предѣлы Имперіи, зимою, Маньчжуры не снимали съ себя лѣтъ, не разсѣдывали лошадей до самаго апрѣля 1643 года и прибытія своего въ *Цзюй-кжоу*, гдѣ въ первый разъ дали себѣ отдыхъ. Въ то время горы покрылись весеннею травою и побѣдители, прельщенные картинами, напоминавшими ихъ родную страну, своротивши недалеко отъ главной дороги, спокойно расположились пасти своихъ коней. Мѣста, гдѣ Маньчжуры такъ привольно зачехвали, прежде кипѣвшія жизнію и наро-

домъ, теперь были безлюдны. По дорогѣ, соединяющей Сѣверъ съ Югомъ Имперіи, не произошло ни одного человѣка, который увидѣлъ бы мирныя занятія своихъ страшныхъ враговъ, такъ что Китайцы, изумленные внезапною потерей изъ глазъ непріятеля, уже думали, что онъ былъ далеко за Великою Стѣною. Изумленіе и страхъ достигли высшей степени, когда Маньчжуры, возвращаясь съ Юга, снова явились подъ *Тань-цзинемъ*. Начиная съ этого города до *Чжо-чжоу* и моста *Лу-юу-цзо*, на протяженіи 300 ли, непрерывною линіею тянулись верблюды и повозки, обремененныя пожитками и добычею; болѣе 20 дней переправлялся сей огромный обозъ чрезъ мостъ, лежащій въ виду самаго Пекина, и недалеко отъ *Тунь-чжоу*, гдѣ собраны были подъ начальствомъ министра *Чжоу-ля-жу* всѣ войска, пришедшія на помощь Богдохану. Главнокомандующій сидѣлъ за крѣпкими стѣнами и посылалъ въ столицу извѣстія о своихъ побѣдахъ. Маньчжуры сами возвращались домой: Китайскимъ генераламъ казалось опаснымъ и ненужнымъ торопить непріятеля къ поспѣшному удаленію за границу.

Только съ уходомъ Маньчжуровъ, дворъ обнаружилъ живую дѣятельность для огражденія своей безопасности. Начиная съ *Шань-хай-гуаня* до Пекина и его окрестностей, на протяженіи лишь тысячи ли, поставлены были 4 генераль-губернатора, 6 губер-

наторовъ, в корпусныхъ начальниковъ, долженствовавшихъ защищать только Сѣверо-восточные предѣлы губерніи *Чжи-ли*. Генералы и войска были разбросаны, какъ звѣзды на небѣ и шапки на доскѣ, — и между тѣмъ ни одинъ изъ нихъ не управлялъ теченіемъ дѣлъ. Надъ всею громадною массою силъ возвышался евнухъ, самовластно управлявшій арміею и полководцами. Грозный судъ именовъ Богдохана безъ милости каралъ виновныхъ и невинныхъ. Генералъ-губернаторы *Чжао-гуань-бянь* и *Фань-чжи-вынь* и министръ *Чжоу-ань-жу*, одинъ за другимъ, пали подъ ножомъ палача. Чрезвычайныя усилія Китайскаго правительства истощили послѣднія средства сего государства. Въ концѣ правленія *Вань-ли* (около 1615 года) расходы на содержаніе армій въ *Дло* ежегодно простирались только до 6.600,000, но послѣ половины правленія *Чунь-чжэнь*, (около 1635 года) они возрасли до 16.600,000 ланъ серебра, то есть большая часть суммъ, опредѣленныхъ на военные расходы въ цѣлой Имперіи, издерживалась только въ мѣстахъ, лежащихъ на востокъ отъ *Шань-хай-гуаня*. Между тѣмъ внутри самаго Китая поднялись сотни тысячъ мятежниковъ, предъ которыми сокрушалось все могущество Богдоханскихъ войскъ, падали крѣпкіе города, преклонялись цѣлыя области. Такимъ образомъ одновременно на Востокъ и Западъ была ниспровергнута власть правительства. Пекинскій

дворъ раздѣлился на партіи, съ ожесточеніемъ преслѣдовавшія одна другую; измѣна оружала самаго Богдохана, отъ котораго тщательно скрывалось бѣдственное положеніе государства. Бѣольшая часть вельможъ совѣтовали повелителю поднебесной примириться съ шайками мятежниковъ и подавить въ себѣ всякую мысль о какомъ нибудь договорѣ съ Маньчжурами; а Маньчжуры, отъ перваго князя до послѣдняго солдата, всѣ горѣли желаніемъ — разбить свои шатры въ самомъ сердцѣ Имперіи. Но *Тай-цзунъ* еще медлилъ нанести послѣдній ударъ Китаю, выжидая того времени, когда поднебесная, истощенная собственными волненіями, сама падеть подъ бременемъ безначалія и междоусобій, — событіе, совершившееся уже въ царствованіе новаго Государя *Ши-цзу*.

10-го сентября 1643 года скончался *Тай-цзунъ* и заключилъ своею смертію первый періодъ исторіи Маньчжуровъ. Ровно черезъ годъ послѣ кончины Хана, преемникъ его перенесъ свою столицу въ Пекинъ, и этимъ важнымъ событіемъ началъ новую страницу въ лѣтовисяхъ своей династіи и народа.

Какой великій шагъ, и въ теченіе только двухъ царствованій, совершила Маньчжурія, — этотъ бѣдный аймакъ, простиравшійся не болѣе какъ на двѣсти ли, и потомъ разросшійся въ могущественное государство, охватившее своимъ вліяніемъ Китай, Корею, Монго-

лію до предѣловъ Тибета и Хухэнора! И какое неиз-
 мѣримое разстояніе между маленькимъ *Нурхаци* и *Тай-*
цзуюмъ, предъ которымъ самъ сынъ неба нисходитъ
 до просьбы о мирѣ, преклоняетъ колѣна владѣтель
 Кореи съ мольбою о пощадѣ, бьютъ челомъ, какъ
 вассалы и данники, Монгольскіе князья и Ханы, ко-
 торому даже изъ Тибета два главныхъ представителя
 Буддизма, Далай Лама и Баньчэнь эрдэни, шлютъ свои
 благословенія и воззванія — быть покровителемъ *жел-*
таю закона!

О ПРОИСХОЖДЕНИИ РОДОНАЧАЛЬНИКА

НЫНѢ ЦАРСТВУЮЩЕЙ ВЪ КИТАѢ

ДИНАСТІИ ЦИНЪ

И ИМЕНИ НАРОДА МАНЬЧЖУ.

—

Кто былъ родоначальникомъ дома *Цинъ* и откуда произошло имя народа *Маньчжу*? — Оба эти вопроса занимаютъ первое мѣсто въ исторіи династїи, нынѣ царствующей въ Китаѣ; но несмотря на свою важность, раннюю извѣстность, труды и изысканія Европейскихъ ученыхъ, до сихъ поръ еще не приведены къ надлежащей ясности и рѣшенію. Маньчжуры отвѣчаютъ на нихъ сагою, которая гласитъ, что родоначальникомъ дома *Цинъ* *) былъ сынъ небесной дѣвы, свыше получившій себѣ прозваніе *Айжинъ Гиоро* и самъ нарекъшій свой народъ именемъ *Маньчжу*. Какъ ни мало рѣшаетъ задачу такое преданіе: однакоже

*) Такъ называется домъ *Маньчжу* съ 1636 года, когда Государь *Тай-чзунъ* переименовалъ свое государство *Маньчжу* — въ государство *Дай-цинъ*.

оно драгоценно, какъ единственное положительное свидѣтельство о нашемъ вопросѣ; и сколько ни покрыто туманомъ мифическихъ чудесъ, суевѣрія и фантазій, — нельзя еще сказать, чтобы критика и исторія не могли приблизить насъ къ истинѣ и разгадкѣ. Путь, которымъ мы пойдѣмъ къ нашей цѣли, по самому естественному порядку, долженъ начаться разборомъ самой саги въ ея происхожденіи, составныхъ элементахъ и приложеніи къ заданнымъ вопросамъ.

По свидѣтельству *Ца-цзю-тунъ-чжи* и *Кайю-фанъ-лю*, двухъ важныхъ историческихъ сочиненій, обнаруженныхъ самимъ Маньчжурскимъ правительствомъ, преданіе объ *Айжиль-норо*, хранившееся только въ устахъ народа, въ первый разъ сдѣлалось письменнымъ въ 1636 году, когда составлено было на Маньчжурскомъ, Китайскомъ и Монгольскомъ языкахъ жизнеописаніе Государя *Тай-цзу*. Изъ одного мѣста, встрѣчающагося въ *Кайю-фанъ-лю*, мы видимъ, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя подробности преданія были извѣстны и самому *Тай-цзу*. Въ разсказѣ о походѣ Маньчжуровъ въ 1612 году противъ *Бучжаньта* Бэйлы — владѣтеля аймака *Ула*, приводятся слѣдующія слова *Тай-цзу* своему непокорному родственнику. «Я потомокъ *Айжиль-норо*, человека божественнаго происхожденія; нашъ домъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководился волею неба и законами высшей справедливости; за то,

въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, ближніе и дальніе съ почтеніемъ признавали надъ собою наше владычество и искони не бывало, чтобы кому нибудь нанесено было оскорбленіе. Ты можешь не знать исторіи ста поколѣній; но ужели не извѣстны тебѣ и событія, простирающіяся не далѣе десяти родовъ»? Итакъ, если нельзя точно опредѣлить, когда именно предаіе получило свое начало, то очевидно по крайней мѣрѣ то, что оно не восходитъ выше десяти родовъ, считая *Тай-цзю*; и если вышеприведенныя нами свидѣтельства *Па-ци-тунъ-чжи* и *Кайю-фанъ-лю* нѣсколько не рѣшаютъ, въ какомъ видѣ первоначально существовало преданіе, — по крайней мѣрѣ, по ихъ словамъ, оно достигло окончательнаго развитія не позже 2 года *Чунъ-дэ*: 1637 года.

Послѣдній выводъ могъ бы играть весьма важную роль въ рѣшеніи нашей задачи, если бы онъ самъ утверждался на несомнѣнныхъ началахъ. *Па-ци-тунъ-чжи* и *Кайю-фанъ-лю*, въ подтвержденіе своихъ словъ, ссылаются на *Ши-лу* *), т. е. частную исторію нынѣ царствующаго въ Китаѣ дома, исторію, которую пишетъ сама же династія для славы своей въ потомствѣ и которую она хранитъ отъ современниковъ, какъ государственную тайну. При всемъ доврѣніи къ

*) См. *Па-ци-тунъ-чжи*, глав. 1 листъ 7 *Кайю-фанъ-лю* гл. 1 л. 38 на оборотѣ и 59. (въ Маньч. пер.).

искренности Маньчжурскаго летописцевъ, можно еще желать новыхъ доказательствъ, въ пользу нѣкоторыхъ мѣстныхъ мѣстъ, весьма тѣсно связанныхъ съ интересами царствующаго тамъ дома. Итакъ, чтобы найти этотъ необходимый критерій *pro* или *contra*, мы обратимся къ исторіи обнаруженія саги и, слѣдя за нею шагъ за шагомъ, наконецъ дойдемъ до заключеній, основанныхъ уже не на безусловной вѣрѣ.

Въ 1708 году, въ правленіе *Канъ-си*, по собственному повелѣнію китайскаго императора, изданъ былъ въ Пекинѣ аналогическій Маньчжурскій словарь, извѣстный подъ названіемъ: *Маньчжу тзунъ-и булаку битхэ*. Здѣсь въ опредѣленіи слова *Маньчжу* сказано: «*Тай-цзу* происходилъ изъ фамиліи *Гіоро*, получившей свое начало при горѣ *Чанъ-бо-шань*, которая простирается въ вышину на двѣсти, въ окружность на тысячу ли. На вершинѣ ея находится озеро *Тамунъ*, заключающее въ своихъ берегахъ 80 ли; при подошвѣ берутъ начало свое три рѣки *Ялу*, *Хунтунъ* и *Айху*. *Айжинъ-поро* поселился на восточной сторонѣ *Чанъ-бо-шань*, въ степи *Омохой*, городѣ *Одомъ*, усмиривъ мятежи вдалѣ государству названіе *Маньчжу*. Въ послѣдствіи времени, резиденція перенесена была въ *Хэту-ала*, вышнній *Видэнь*, (по кятійски *Синъ-цзинъ*).

Спустя 30 лѣтъ послѣ изданія Словаря, вышло въ

свѣтъ *Па-ци-тунъ-чжи*. — описаніе: осьми знаменъ, составленное еще по повелѣнію Императора: знаменія *Юнъ-чжэнъ* и обнародованное не ранѣе 4 года правленія *Цянъ-лунъ*: (1739). Сочиненіе, предположившее своею цѣлію показать происхожденіе, развѣдкі и устройство Маньчжурскаго народа, необходимо должно было начать свое повѣствованіе сагою объ *Айрханы-поро*. «На восточной сторонѣ горы Чанъ-бо-шань (говорится въ *Па-ци-тунъ-чжи* возвышается гора *Бу-курм*; у подошвы ея лежитъ озеро *Бултурм*. Давно до нашихъ временъ преданіе, что однажды небесная дѣва спустилась на берега озера, вкусила отъ красныхъ плодовъ и родила чуднаго сына. Младенецъ, явившійся на свѣтъ по волѣ самого Неба, при самомъ рожденіи умѣлъ уже говорить, во всѣхъ чертахъ своихъ проявлялъ свое необыкновенное происхожденіе, а когда достигъ полнаго возраста, обѣгавъ на голку и припавъ на ней къ одной престоли, куда туземцы приходили за водою. Въ окрестности этого мѣста жили три шамани, враждовавшія за право владычества надъ государствомъ; каждый день кивали жаркіи битвы между соперниками, но споръ не приходилъ къ концу. Случилось, что одинъ изъ нихъ стирался на преставѣ за водою, увидѣвъ тамъ чуднаго странника и, возвратившись домой, связавъ враждовавшимъ браслате свои распри, къ вамъ явился, человекъ

дивнаго происхожденія и думается мнѣ, что небо не напрасно произвело его на свѣтъ. Когда жители, собравшіеся на берегъ взглянуть на странника, спросили его : кто онъ? — Сынъ небесной дѣвы, отвѣчалъ пришлецъ; моя фамилія *Айжиль-лоро*, мое имя *Букуру Гюмонь*, мое назначеніе положить конецъ вашимъ раздорамъ! — Да это необыкновенный человекъ, сказали изумленные жители; отнесли его на рукахъ къ себѣ въ жилище, сѣлали между собою совѣтъ на которомъ положено было : прекратитъ всякія распри о владычествѣ надъ государствомъ, поставить царемъ чуднаго пришлеца, и вслѣдъ за тѣмъ немедленно предложили ему дѣвицу въ супруги и титулъ Бэйлы. Съ этой минуты исчезли раздоры. *Айжиль-лоро* поселился на степи *Омохой*, въ городѣ *Одоли* и далъ своему государству названіе *Маньчжу*. Въ послѣдствіи времени, *Чжао-цзу* завладѣлъ *Хэтуала* при *Улань-Хада*, и сюда перенесъ свою резиденцію, въ 1500 лѣтъ отъ *Одоли*».

Прошло еще слишкомъ 30 лѣтъ, и правительство издало *Маньчжу-юань-лю-као*, сочиненіе, исключительно посвященное рѣшенію вопроса о происхожденіи и древнемъ бытѣ Маньчжурскихъ племенъ; почти въ слѣдъ за этимъ критическимъ розысканіемъ въ 1791 году, вышла и *Кайю-фань-лю* — исторія о началѣ Маньчжурскаго государства. Въ томъ и другомъ сочиненіи изложе-

на, и почти въ однихъ и тѣхъ же словахъ, сага объ *Айжиль-иоро*, но весьма много отличающаяся отъ саги, приведенной въ *Па-ци-тунь-чжи*. Для избѣжанія повтореній, мы укажемъ здѣсь только на тѣ мѣста, которыми позднѣйшій разсказъ разнится отъ предшествовавшихъ.

«Есть преданіе, говоритъ *Мамъ-чжу-юань-лю-каа*, что три небесныхъ дѣвы, старшая *Энгулянъ*, средняя *Чжэнгулянъ*, младшая *Фе-ку-лянъ*, спустившіяся на берега *Буцхури*, купались въ его водахъ. Въ то время пролетавшая надъ озеромъ дивная сойка бросила находившійся у нее въ клювъ красный плодъ на платье младшей изъ дѣвъ. Она вкусила отъ небеснаго дара и мгновенно почувствовала беременность.» — «Тогда (прибавляетъ *Кайю-фань-лю*) *Фэкулянъ* сказала: я отяжелѣла и уже не могу болѣе воспарить на небо. — Духамъ ли страшиться чегонибудь? Видно небу угодно даровать тебѣ сына; сверши свое дѣло и возвращайся къ намъ! — отвѣчали дѣвы, сдѣлали прощальный поклонъ и ушли... Когда подросло чудное дитя, мать объяснила ему исторію его рожденія; дала маленькую лодку и сказала: да будетъ тебѣ прозваніе *Айжиль-иоро*; а имя *Буцхури Юншонъ*! Небо родило Тебя усмирить матущееся царство, и такъ иди управлять имъ! Плыви по теченію рѣки — и ты достигнешь предназначенной тебѣ страны. — Эти слова

были послѣднимъ завѣщаніемъ дѣвы. Она взлетѣла на небо, а *Айжиль-иеро* пустился куда влекла его судьба. — Дальнѣйшій ходъ разсказа совершенно одинъ и тотъ же во всѣхъ трехъ сочиненіяхъ, съ тѣмъ только различіемъ, что *Кайю-фанъ-лю* и въ изложеніи событій, слѣдовавшихъ послѣ водворенія *Айжиль-иеро* въ *Одоли*, сохраняетъ еще тонъ и характеръ свѣта, чего нѣтъ ни въ *Паца-тукъ-чжю*, ни въ *Манъ-чжу-юанъ-лю-као*.

По *Кайю-фанъ-лю*, спустя нѣсколько поколѣній, смѣнявшихся послѣ *Айжиль-иеро*, въ государствѣ снова открылись неурядица; подданные возстали противъ господствовавшего дома, истребили всѣхъ родственниковъ владѣтельской фамиліи и только одинъ отрокъ успѣлъ отъ неминуемой гибели скрыться въ дикую степь. Уже погоня настигала бѣглеца, какъ вдругъ налетѣвшія чудныя сороки засѣли на голову мальчика, и мятежники, обманутые такимъ явленіемъ, рѣшили, что вдали предъ ними видѣется простой невѣ и возвратились безъ успѣха. Чудно спасшійся отрокъ до конца своей жизни скрывался въ неизвестности и не рабѣ, какъ послѣ нѣсколькихъ поколѣній, является *Чжао-цзю*, одинъ изъ потомковъ бѣглеца, наказываетъ болѣе 40 человекъ, принадлежавшихъ къ фамиліямъ, нѣкогда возставшимъ противъ законной власти, и утверждаетъ свою резиденцію въ 1,500 лн. отъ того

міста, гдѣ постигла така несчастная судьба предковъ его. Здѣсь мы оканчиваемъ исторію обнародованія саги, потому что всѣ позднѣйшіе писатели, говоря о происхожденіи Маньчжурской династии, только повторяютъ слова своихъ предшественниковъ, не умножая ихъ сказаній ни объясненіями, ни новыми мислами.

Если обратимъ вниманіе на данныя, къ которымъ привело насъ настоящее обозрѣніе, то немалю предложимъ себѣ вопросы: отъ чего, по мѣрѣ удаленія отъ времени событій, сказанія объ Айхисин-цзоро болѣе и болѣе теряютъ простоту, пострепенно закрѣпляя ее ложнымъ блескомъ мнѣнческихъ чудесъ? Если преданіе еще въ 1636 году сдѣлалось уже достоивіемъ исторіи, то почему въ каждомъ новомъ сочиненіи, гдѣ только приводится сага, она получаетъ новыя отгѣнки и подробности? Если всѣ историческіе и мифическіе элементы преданія давно уже существовали и были готовы, то почему, или лучше для чего, по сага, которая, какъ преданіе, взятое изъ устъ народа, могла быть совершенно извѣстною для всѣхъ, обнародывается съ такою видимою постепенностію, какъ будто правительство желало мало-по-малу приготовить умы къ принятію за истину чуднаго начала и возстановленія фамиліи Цзоро? По нашему мнѣнію, на всѣ эти вопросы можно удовлетворительно отвѣ-

тять только тѣмъ, что сага первоначально не существовала въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется въ позднѣйшихъ историческихъ сочиненіяхъ Маньчжурской династїи, что мнѣнскій элементъ преданія не есть произвольное созданіе народной фантазіи, во слѣдствіе постепенно развившейся въ потомкахъ *Айжинь-поро* необходимости или самолюбиваго желанія — возвысить таинственное происхожденіе своего родоначальника; что постоянное возрастаніе саги есть произведеніе обстоятельствъ и идей, современныхъ ея обнародованію.

Мы уже говорили, что самое первое печатное свидѣтельство объ *Айжинь-поро* помѣщено въ Словарь, при составленіи котораго свѣрялось каждое слово съ письменными памятниками, исторією и показаніями старожиловъ. Краткость, простота и совершенное отсутствіе въ сказаніи всего чудеснаго, всѣ эти важныя условія даютъ свидѣтельству Словаря право на первенство, не по одному времени, но и по историческому значенію. Покореніе Китая было еще такъ свѣжо, кровавый судъ надъ Китайскою партією въ лицѣ *У-сань-гуя* — такъ недавень, что торжествующему новому императору изъ Маньчжуровъ не было нужды и не приходило на мысль дѣйствовать на толпу мишурнымъ величіемъ мнѣнскаго происхожденія; отъ того въ Словарь *Айжинь-поро* является са-

мигъ обыкновенный человѣкъ. Но вторая половина шестидесятилѣтняго правленія *Канг-си* даровала Китаю глубокий, внутренний миръ; народъ, забывшій старыя раны, освободился отъ ужаснаго впечатлѣннн, произведеннаго на него первыми завоеваніями Маньчжуровъ; побѣдоносное поколѣніе давно снѣнилось, а его преемники сами побѣды были духомъ китайскихъ нравовъ и жизни; при самомъ дворѣ, съ началомъ правленія *Юн-чжэна*, 1723 года открылась ожесточенная борьба сего Богдохана съ его братьями; въ арміи всѣ Маньчжурскія знаменитости подавлены были славой китайскаго генерала *Го-чжунъ-ци*, обратившаго на себя вниманіе всего государства, а крутой и суровый характеръ новаго повелителя Китая порождалъ во многихъ желаніе переменъ. При такихъ обстоятельствахъ, весьма невыгодныхъ для покорителей Китая, родился вопросъ: кто же Маньчжуры, такъ сильно охватившіе своимъ владычествомъ эту имперію? И вскорѣ во всемъ государствѣ стали появляться сочиненія, направленные противъ новой династїи и особы самого Богдохана. Китайцы говорили, писали и печатали, «что Маньчжуры варвары, дикари, не заслуживаютъ человѣческаго имени; что они случайно завладѣли празднымъ престоломъ, не принадлежавшимъ имъ ни по какимъ правамъ»; а нѣкоторые даже обратились къ *Го-чжунъ-ци* съ прямыми

теченіи 10-лѣтъ поучали Китай, что хотя Маньчжуры являлись въ странѣ варваровъ и мрака; однакоже такое темное происхожденіе не безслѣднѣ великой династїи, потому что и *Шунь* — знаменитый государь древняго Китая, происходилъ отъ восточныхъ индупижевинокъ, а *Вимъ-сань*, основатель династїи *Чжоу*, отъ западныхъ, что предки династїи *Цинь*, хотя и не упрямляли поднебесною, однакоже почтеніе и выше какого нибудь деревенскаго старосты или отшельника. Для подтвержденія такихъ поученій необходимо было преобразить и самого родоначальника своего *Айжиль-перо*, изъ простаго смертнаго представить его сыномъ духовъ или неба, облечь всѣми красами народной мифологіи — и вотъ идея о божественномъ происхожденіи *Гіоро*, высказанная императоромъ еще въ общихъ и неопредѣленныхъ чертахъ, въ *Па-ци-тунъ-чжи*, является уже сагою, съ поэтическимъ описаніемъ горы *Чанъ-бо-шань*, съ озеромъ и дѣвою. Скоро Маньчжурамъ показалось, что для матери *Айжиль-перо* мало простаго имени: небесная дѣва, в *Гао-цзунъ*, Государь правленія *Цинь-лунъ*, въ знаменитомъ своемъ стихотвореніи «*Мукданъ и Фучжурунъ*» придадъ своей прародительницѣ титулъ божественной дѣвы, младшей сестры неба. Черезъ 30 лѣтъ и вся сага, помѣщенная въ *Па-ци-тунъ-чжи*, сдѣлалась слѣшкомъ обыкновенною и простою; въ *Манъ-чжунъ-юань-*

лю-кае, вмѣсто одной дѣвы, десять играющей безъименную и кѣмую роль, выходить на сцену уже три съ именемъ, рѣчами и мимомъ о сороцѣ; мать Айжымъ-норо, прежде исчезавшая не извѣстно куда, теперь улетаетъ на небо. Наконецъ въ *Кайю-фанъ-лю* развита вторая часть саги, чудное спасеніе фамиліи Гюро, и, въ подтвержденіе древности преданія, къ словамъ Государя *Тай-цзу*, о родоначальникѣ Маньчжудскаго дома, прибавлено названіе божественнаго *) Тогда

*) Мы не считаемъ словъ *Тай-цзу* совершенно вымышленными и познѣйшаго происхожденія; напротивъ, признаемъ весьма естественнымъ, что *Тай-цзу*, въ упрекъ непокорному *Бэйлю*, сослался на *Айжымъ-норо*, въ доказательство своего происхожденія отъ владѣтельнаго дома и упомянулъ о десяти родахъ въ подтвержденіе, что его родословная весьма недавняя и слѣдовательно *Бучжанъ-май* самъ могъ хорошо знать законность притязаній *Тай-цзу* на повиновеніе окрестныхъ владѣльцевъ. Точно также, согласно съ *Вэй-Юаньли*, авторомъ *Шенъ-у-цзи*, однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и критическихъ позднѣйшихъ писателей Китая, принимаемъ указаніе на 10 родовъ — единственнымъ, вѣрнымъ и историческимъ средствомъ къ определенію времени явленія *Айжымъ-нора*. Не можно ли повѣрить, чтобы *Тай-цзу*, еще въ то время бывший ничтожнымъ владѣльцемъ, — сталъ хвалиться происхожденіемъ отъ божественнаго предка? И передъ кѣмъ? — Передъ своимъ зятѣмъ, которому, по словамъ самого же *Тай-цзу*, извѣстна вся исторія дома *Гюро*: «Въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, ближніе и дальніе съ прочтеніемъ признавали надъ собою наше владычество» такія слова вѣдличны потому что *Гао-цзуну*, воссѣдавшему на престолѣ Китайской Имперіи, а не *Тай-цзу*, которому отецъ я дѣды погребли отъ насѣтовъ *Шанъ-сайла*, который получалъ въ наслѣдство только *Хэу-али* и 14 латниковъ, между тѣмъ какъ всѣ другіе айманы и города сѣложились отъ юнго *Бэйли*; который самъ едва еще спасся отъ ношей наемныхъ убійцъ и котораго его же собственные родственники хотѣли принудить къ подданству и прислать врагу его дома. Совершенно въ другомъ положеніи, чѣмъ *Тай-цзу*, былъ *Тай-цзунъ*, когда онъ стоялъ съ побѣдоносными своими войсками подъ стѣнами Пекина; но *Тай-цзунъ* на возраженія *Миньскаго* правительства, что такой ничтожный и независимый владѣлецъ, каковъ Ханъ не можетъ носить на себѣ Императорскаго титула, отвѣчалъ только, что домогатели императору *Ляо*, *Гимъ*, *Юань* въ началѣ были небольшими владѣльцами наслѣственными айманами; что самъ *Тай-цзу* *Миньскаго* дома былъ больше какъ

Гао-цзунгъ съ торжествомъ объявилъ поднебесной (Китаю), что начало Маньчжурскаго дома также таинственно и необыкновенно, какъ начало самыхъ внаменитыхъ Китайскихъ династій, окруженныхъ всегда сверхъ-естественными и невѣроятными преданіями. Верховное мѣтвіе Богдохана скрѣпило сагу вечатію непреложности, и съ сихъ поръ преданіе вошло въ рядъ вѣчныхъ Маньчжурскихъ истинъ, не развиваемыхъ и не сокращающихся.

Самый разборъ главныхъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ саги, приведетъ насъ къ тому же заключенію, что преданіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно находится въ *Кайю-фангъ-мо*, есть сводъ различныхъ мифическихъ идей, Маньчжурскихъ и Китайскихъ, направленныхъ къ одной цѣли возвысить происхожденіе царствующаго тамъ дома, и наконецъ, что оно во многомъ носитъ на себѣ слѣды недавняго происхожденія.

Айжиль-норо слодить съ горы *Чанъ-бо-шань*, Маньчжурскаго Олимпа, средоточія жизненной силы, тво-

отшельникъ и что никто не предписалъ законовъ небу, которое одно только возводитъ издохлыхъ и излагаетъ сланныхъ, *Тай-цзунгъ* не сдѣлалъ на свое божественное происхожденіе, хотя это и было бы совершенно въ духѣ Китайцевъ, которые почти каждую свою династію слодать съ небесъ. Если мифъ о чудесномъ рожденіи *Айжиль-норо* былъ извѣстенъ и даже внесенъ въ исторію еще во времена *Тай-цзунга*; то почему мы не встрѣчаемъ въ упомянутомъ словарѣ никакого намека на такое важное сказаніе? Въ немъ описаны и гора *Чанъ-бо-шань* и племена, вошедшія въ составъ Маньчжурскаго государства; ужели не нашлись бы мѣста для одного слова — божественный *Норо*?

рящей гонимъ, героевъ и великихъ людей. Китайцы давно знали о необыкновенномъ уваженіи, какое питали Восточныя племена къ чудной горѣ, которую по словамъ исторіи *Бэй-ши*, они называли царскою и царственною, которую, какъ говорится въ исторіи *Вэй-шу*, переходили не иначе, какъ со всѣми признаками благоговѣнія и страха. Государя династіи *Гми* (царствовавшей въ сѣверномъ Китаѣ съ 1115 по 1234 годъ по Р. Х.) учредили жертвоприношенія духу горы *Чань-бо-шань*, какъ великому покровителю ихъ отечества. Географія, изданная при династіи *Юань*, въ первый разъ пронесла по всей поднебесной молву, что гора *Чань-бо-шань* простирается на 200 ли въ вышину и на тысячу ли въ длину; что на вершинѣ горы бездонное озеро, занимающее собою пространство въ 80 ли и что его водами питаются три великія рѣки: *Яу*, *Хуншунц* и *Айху*. *Миньскій* Императоръ правленія *Юнь-лэ*, во время похода своего въ Монголію, съ изумленіемъ разсказывалъ своимъ приближеннымъ, что въ странѣ *Нюйчжонь* есть гора *Чань-бо-шань*, на которой вода, деревья, трава, тигры, медвѣди—все бѣлаго цвѣта; отъ чего она и называется длинною бѣлою горою *). Итакъ спрашивается, есть ли въ цѣлой Маньчжуріи другое какое нибудь мѣсто, также знаменитое

*) См. *Бэй-чжэнь-лу*.

какъ *Чань-бо-шань*, откуда бы прилично и со славою могъ явиться великій основатель Маньчжурскаго дома? Сага говоритъ, что *Айжиль-норо* родился при горѣ *Букури* и озерѣ *Булхури*; но Маньчжуры сами не знаютъ, гдѣ эти священныя мѣста ихъ первой славы. Ни на одной картѣ, ни въ какомъ географическомъ описаніи не опредѣлено положеніе *Букури* и *Булхури*. Когда въ 1677 году, въ правленіе *Кань-си*, отправленъ былъ *Умунэ* для принесенія жертвы горѣ *Чань-бо-шань*: только крикъ журавлей привелъ Императорскаго посланца къ подошвѣ ея; а *Букури* и *Булхури*, какъ недостижимое эльдорадо, навсегда сокрылись отъ чело-вѣческаго взора. Такъ извѣстна въ Маньчжуріи колыбель нынѣшней династіи! Очевидно, что приходъ *Айжиль-норо* съ вершинъ *Чань-бо-шань*—есть мнѣ, и только городъ *Одолж* есть исторически и географически извѣстное мѣсто перваго явленія фамилии *Гіоро*.

Мы не говоримъ уже о томъ, какъ необходимо было основателю Маньчжурскаго дома родиться отъ небесной дѣвы; — у Китайцевъ всѣ великіе люди по мужеской линіи не принадлежать человѣческому роду. Скажемъ только, что мнѣ о птицахъ, являющихся живое участіе въ дѣленіи на свѣтъ основателей династій, весьма не новъ въ Китаѣ; что весь рассказъ о трехъ дѣвахъ и чудной сорокѣ перенесенъ Маньчжурами въ свою исторію: изъ древнихъ лѣтописей Сре-

динной Имперіи. Раскрываемъ исторію *Ши-цзи* — и вотъ что читаемъ на 1 листѣ 5-й главы: «*Нюй-сю*, мать основателя дома *Ци*, занималась тканьемъ, какъ вдругъ ласточка уронила къ ней яйцо, *Нюй-сю*, его съѣла и родила *Да-ль*». Открываемъ четвертую главу и здѣсь историкъ *Сы-ма-цянъ* сообщаетъ такой же анекдотъ. «Однажды (говоритъ онъ) *Цзянь-ди*, мать *Ци*, основателя дома *Шанъ*, вмѣстѣ съ другими двумя дѣвщами отправилась на озеро купаться, и здѣсь увидѣла, что ласточка уронила предъ ними яйцо; *Цзянь-ди* взяла его, съѣла, почувствовала беременность и родила *Ци*». Самъ Императоръ правленія *Цянъ-лунъ*, въ указѣ своемъ по случаю изданія книги *Мань-чжунъ-юань-лю-као*, гдѣ въ первый разъ помѣщенъ былъ мифъ о трехъ дѣвахъ и сорокѣ, признался, что начало дома *Шанъ* и начало дома *Гіоро* имѣютъ между собою удивительное сходство.

Не знаемъ, что значать и откуда взяты имена трехъ дѣвъ. Извѣстный Ориенталистъ Клапротъ *), въ извлеченіи своемъ изъ *Дунъ-хуа-лу*, вмѣсто *Эньгулэнъ*, *Чжэнгулэнъ* и *Фэкулэнъ* пишетъ *Эньгурунъ*, *Чжэнгурунъ* и *Фэгурунъ*, то есть конечные слоги *гулэнъ* и *кулэнъ* онъ принимаетъ за Маньчжурское слово *гурунъ* государство, и такимъ образомъ переводить: государство *Энь*, госу-

*) *Memoires relatifs à l'Asie. tom. 1 p. 140.*

дарство *Чжэнь* и государство *Фэ*. Безъ сомнѣнiя, основанiемъ для такого чтенiя была мысль, что Китайцы, не имѣя въ своемъ языкѣ знаковъ для выраженiя чистаго звука буквы *p*, замѣняютъ ихъ знаками звука *л*; но мы должны замѣтить, что это основанiе, весьма приложимое въ другихъ случаяхъ, не имѣетъ мѣста въ настоящемъ. Въ Маньчжурскомъ текстѣ сочиненiя *Кайю-фань-лю* имена двѣ пишутся сходно съ Китайскимъ, то есть *Энгулянъ*, *Чжэньгулянъ*, *Фекулэмъ*. Разсматривая составъ именъ, нельзя не убѣдиться, что дѣйствительно конечныя слога *гулянъ* и *кулянъ* принадлежатъ къ одному и тому же корню; что начальныя буквы *нхъ* *и* *к* измѣнились въ слѣдствiе разности предшествующихъ слоговъ, изъ которыхъ *эмъ* и *чжэнь* требовали мягкаго *гулянъ*, а грубое *фэ* превратило: въ твердое *к*. Единство во всѣхъ трехъ именахъ послѣднихъ слоговъ и разность начальныхъ не должны ли привести къ заключенiю, что *гулянъ* составляетъ общую фамилiю двѣхъ; а *эмъ*, *чжэнь* и *фэ* частное имя каждой? По крайней мѣрѣ, всѣ эти три слова, не имѣющiя никакого значенiя на Маньчжурскомъ языкѣ, невольнo указываютъ на Китайское происхожденiе; потому что въ древнемъ Маньчжурскомъ языкѣ нѣтъ ни одного слова, которое начиналось бы слогомъ *чжэнь* *)

*) Въ самомъ древнемъ Маньчжурскомъ словарь: *Дэй-цзинь-чжэнь-шу* приведены только два слова, которыя начинаются слогомъ *Чжэнь*, и тѣ Китайскаго происхожденiя.

Сюда же относится и *Канюнь*, приданное въ имени *Айжинь-поро*, потому что оно застроено Маньчжурскому языку и очевидно образовалось изъ Китайскаго *Юнь-шунь*. Такое неумѣстное внимательство Китайскаго языка въ Маньчжурскую сагу не покажется для насъ страннымъ, если припомнимъ, что небесныя дѣвы, какъ будто читавшія въ древней классической книгѣ Китая: *Ли-чан* главу о вѣшностяхъ, разстываясь съ *Факулань*, раскланиваются по Китайски, или, что *Айжинь-поро*, являясь изъ трехъ фамиліицъ, начинаетъ свою рѣчь объявленіемъ прозванія, какъ это дѣлаютъ Китайцы, а не имени, какъ это слѣдовало бы корейному Маньчжурѣ. Въ этихъ обилкахъ, не смотря на ихъ маловажность, весьма ясно отразилось позднее происхожденіе саги, потому что онѣ напоминаютъ то время, когда побѣдители Китая, подавленные неотражимымъ вліяніемъ новой для нихъ жизни, утратили свой характеръ и забыли древніе обычаи.

Труднѣе, чѣмъ самой мнѣ о рожденіи *Айжинь-поро*, объяснить и опредѣлить историческое происхожденіе разсказа о водвореніи Маньчжурскаго дома въ городъ *Одоли*. Какъ воззрѣть, чтобы люди, каждый день проливавшіе свою кровь за право владычества, добровольно отказались отъ предмета своихъ исканій, въ пользу неизвѣстнаго пришлеца, котораго весь авторитетъ основывался на одномъ имени *Айжинь-поро* и

баснѣ о небесной дѣвѣ? Правда, въ *Кайго-фанъ-лю* говорится, что жители изумлены были необыкновеннымъ видомъ странника, что они нашли его сидящимъ въ положеніи Будды (сидѣлъ неподвижно, говорить Кайго-фанъ-лю); но такое объясненіе можетъ имѣть мѣсто въ области поэзіи, а не исторіи. Или надобно допустить, что весь этотъ рассказъ имѣетъ такую же цѣну, какъ сага о первомъ Тибетскомъ Государѣ, которому достаточно было указать на небо и сказать, что онъ сынъ *Тэри*, чтобы его немедленно возвели на престолъ, или что *Айжинь-гиро* самымъ именемъ своимъ уже высказывалъ свои, хотя теперь еще и непонятныя для насъ, права на владычество. По крайней мѣрѣ ясно, что въ сказаніи объ изгнаніи и возстановленіи фамиліи *Гиро* снова является мифическій элементъ и снова напоминаетъ, въ главной идеѣ своей, Китайскія преданія, и именно чудное спасеніе родоначальника дома *Чжоу* отъ неизбежной смерти *).

Такимъ образомъ, большая часть того, чѣмъ позднѣйшіе историки дополнили и украсили повѣсть объ *Айжинь-гиро*, оказывается мифическимъ: гдѣ истина или искажена, или подавлена, или даже совершенно

*) Тамъ и здѣсь играютъ главную роль птицы; для спасенія *Чжао-цзу* отъ непріятелей, налетѣли сороки и скрыли его подъ своими крыльями; для спасенія родоначальника дома *Чжоу*, выброшеннаго на ледъ, налетѣли птицы, обвили его своими крыльями и защитили отъ гибельнаго вліянія холода.

вытѣснена чуждыми идеями, несродными ни мѣсту, ни лицамъ саги; при всемъ томъ, было бы излишнимъ скептицизмомъ совершенно отвергать историческое значеніе ея. Почти всякое государство въ Азіи начинается свою родословную съ боговъ и героевъ; но странно было бы допустить и согласиться, чтобы народъ, сохранившій хотя темное представленіе о своемъ происхожденіи и началѣ, рѣшился отказаться отъ своихъ отцевъ и предковъ, отъ своей священной старины въ пользу фантастическихъ событій и существъ, которыя, даже въ его собственныхъ глазахъ, останутся одними призраками мечты. Время, протекшее между началомъ фамиліи *Гіоро* и явленіемъ письменности у Маньчжуровъ, не могло быть такъ отдаленно, чтобы преданію нельзя было сохранить хотя нѣсколько фактовъ изъ ранней жизни народа и царствующаго дома. По нашему мнѣнію, нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ правдивости саги тамъ, гдѣ она не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго, либо хотя сколько нибудь подтверждается современными событіями или постановками свидѣтельствами.

Такъ, согласно съ преданіемъ, мы признаемъ *Ай-жиль-гіоро* лицомъ историческимъ. Вся Маньчжурская династія, до сихъ поръ сохранившая прозваніе *Гіоро*, служитъ неоспоримымъ опроверженіемъ всякихъ сомнѣній. Изъ описанія родовъ, вошедшихъ въ составъ

В знаменъ, мы знаемъ, что фамилія *Гіоро* еще во времена *Тай-цзу* была уже многочисленна, жила въ мѣстахъ *Мукэ*, *Бхэ*, *Гемуху*, *Хинтань*, *Саргу*, *Ала*, *Хада*, *Ванцинъ* и другихъ, и что всѣ эти разрозненные члены одного семейства снова соединились въ одно цѣлое, когда Маньчжурскій домъ восторжествовалъ надъ другими племенами. На Сѣверовостокъ отъ *Мук-дэля*, изъ предѣловъ *Гириня*, течетъ рѣчка *Гіоро* и впадаетъ въ рѣку *Дай-цинъ*, — странное сочетаніе двухъ именъ, такъ важныхъ въ исторіи нынѣшней династіи Китая. На Югозападъ отъ *Нингуты*, въ 4 ли отъ развалинъ *Шань-цзина*, древней столицы дома *Гинь*, донинѣ существуетъ небольшое укрѣпленіе, которое носить на себѣ названіе «старого города *Гіоро*». Близость послѣдняго мѣста къ *Одоли* подтверждаетъ сказаніе саги о водвореніи родоначальника Маньчжурскаго дома въ этомъ городѣ, лежащемъ отъ *Нингуты* въ 330 ли. Аміотъ, Абель Ремюза, и Платъ *) неправильно причисляютъ *Одоли* къ городамъ *Амурской* области, между тѣмъ какъ, по управленію, *Одоли* принадлежитъ къ *Синь-цинскому* округу; по своему мѣстоположенію находится въ центрѣ коренныхъ *Нюичжэньскихъ* владѣній, именно въ предѣлахъ древняго *Цзяньчжоу*, по словамъ *Юаньской* географіи, лежавшаго на

*) *Elôge de la ville de Moukden.* p. 327. *Rem. Rech.* 1 p. 14 *Völ. der Mand.* p. 230.

Югъ отъ верхней столицы династїи *Гинь*, котораго имя у *Миньскихъ* писателей употреблялось или какъ общее названіе всей страны, начиная съ *Гирина* до предѣловъ *Ляо-дуна*, или какъ названіе одного только ближайшаго округа, граничившаго съ рѣкою *Ляо-хэ*. Такимъ образомъ и *Хэту-ала*, куда въ послѣдствіи перенесъ свою резиденцію *Чжао-цзу*, и *Одоли*, гдѣ первоначально жили предки нынѣшней *Маньчжурской* династїи, будутъ оба принадлежать къ *Цзянь-чжоу*, станемъ ли принимать это слово въ обширномъ или тѣсномъ его значеніи.

Къ какому времени должно отнести рожденіе *Айжиль-иоро*? Клапротъ отвѣчаетъ: а) къ послѣдней половинѣ 13 или началу 14-го вѣка; но какъ это рѣшеніе такъ неопредѣленно и притомъ высказано какъ простая догадка, безъ всякихъ доказательствъ, то мы и проходимъ его молчаніемъ. Абель Ремюза полагаетъ, б) что водвореніе *Айжиль-иоро* въ *Одоли* не восходитъ ранѣе 1520 года, то есть случилось за 39 лѣтъ до *Тай-цзу*: но мы исторически знаемъ, что между *Чжао-цзу* и *Тай-цзу* смѣнилось шесть поколѣній, которыхъ существованіе не подвержено ни какому сомнѣнію. Ужели для смѣны этихъ шести поколѣній достаточно такого краткаго періода, каковы 40 лѣтъ? Мы не говоримъ

а) Chrest. Préf. p. 4.

б) Rech. 1 p. 17.

уже о поколѣніяхъ, предшествовавшихъ *Чжао-цзу*. По мнѣнію Плата, в) вопросъ долженъ остаться неразрѣшимымъ, потому что слова преданія: «нѣ-скольکو поколѣній» не сообщаютъ намъ никакихъ опредѣленныхъ данныхъ; но намъ кажется, что нѣтъ никакого основанія не вѣрить ясному свидѣтельству книги *Кайо-фанъ-лю*, въ которой прямо говорится, что отъ *Тай-цзу* до *Айжинь-поро* прошло неболѣе десяти родовъ. Китайскіе писатели принимаютъ такое показаніе и, основываясь на немъ, авторъ *Шань-су-цзи* относитъ рожденіе *Айжинь-поро* къ послѣднимъ временамъ династій *Лю* и *Гинь*, то есть по крайней мѣрѣ къ 1201 году, въ которомъ пала западная династія *Лю*, а черезъ 33 года палъ и домъ *Гинь*.

При всемъ нашемъ уваженіи къ уму и глубокимъ историческимъ познаніямъ автора, мы однакоже сомнѣваемся, чтобы въ то время, когда еще существовала династія *Гинь*, въ самомъ центрѣ коренныхъ ея владѣній, недалѣе какъ въ 200 ли отъ столицы, могло образоваться новое независимое поколѣніе и новый домъ; чтобы Монголы, съ такою жестокостію сокрушившіе владычество *Нюйжэнэй*, предоставили племенамъ полную свободу — жить подъ властію собственнаго повелителя. Когда, по свидѣтельству *Юаньской*

») Vbl. p. 238.

географіи, въ предѣлахъ *Гиньской* столицы жилъ Монгольскій темникъ, когда въ вынѣшней *Нингутъ* и *Одо-ми* были водворены Монгольскіе гарнизоны и народъ, хотя по прежнему въ частной своей жизни повиновался своимъ старшинамъ, но покинулъ города, скитался по селамъ, промышлялъ одною звѣриною охотою и не занимался торговлею: въ такое время немогло быть даже идея объ образованіи какого нибудь независимаго аймака. Все предположеніе утверждается только на средней пропорціи лѣтъ, которыхъ, если принять въ расчетъ только періодъ, протекшій отъ 1201 — 1559 годъ, придется болѣе 35 лѣтъ на каждого изъ главныхъ представителей дома *Гіоро* — теорія, совершенно не приложимая къ жизни одной фамиліи. Такъ, начиная съ 1-го года правленія *Шунь-чжи*, 1644, по 25-й правленія Дао-гуана 1845, въ теченіи 200 лѣтъ на Китайскомъ престолѣ смѣнилось только пять Государей; между тѣмъ при династіи *Минь*, въ продолженіе такого же періода, съ 1368 года по 1568, царствовало 12 Государей; при династіи *Юань* 9 въ теченіи 87 лѣтъ. Изъ таблицы поколѣній, предшествовавшихъ *Тай-цзу*, мы видимъ, что послѣ *Чжао-цзу* наследовалъ его правнукъ, что самъ *Тай-цзу* былъ преемникомъ дѣда, и если припомнимъ сказаніе саги объ истребленіи фамиліи *Гіоро*, то всѣ эти данныя убѣдятъ насъ, что періодъ, прошедшій въ теченіе 10 родовъ, не могъ

быть слишкомъ продолжительнымъ. Намъ кажется, что въ рѣшеніи нашего вопроса, лучше обратиться къ другому вѣроятному началу, къ теоріи о бракахъ.

Извѣстно, что, по Китайскимъ и Маньчжурскимъ законамъ, достигнувшій шестнадцатилѣтняго возраста считается уже совершеннолѣтнимъ; слѣдовательно уже можетъ принять на себя обязанности семейной жизни. Равняя женитьба также обыкновенна между Маньчжурами, какъ и между Китайцами. Всѣ Государя нынѣшней династіи вступали въ бракъ не позже 17 лѣтъ и каждый изъ нихъ считалъ обязанностію приискать супругу для своего сына, когда исполнялись ему законныя лѣта. Чтò такой обычай существовалъ и въ Маньчжуріи, это доказываетъ *Чжао-цзу*, передавшій свою власть правнуку; фактъ, возможный только при раннихъ бракахъ. Итакъ, если предположить, что каждый изъ десяти представителей фамиліи *Гіоро* по крайней мѣрѣ на 20 лѣтнемъ возрастѣ былъ уже главою семейства и новаго поколѣнія; то періодъ, предшествовавшій *Тай-цзу*, будетъ заключаться въ предѣлахъ 200 лѣтъ, рожденіе *Айжинь-поро* относится къ концу *Юаньской* династіи, его явленіе въ *Одом* къ началу *Миньскаго* дома. Допустимъ на время, что наше предположеніе близко къ истинѣ и продолжимъ изслѣдованіе.

Сага и всѣ Маньчжурскіе историки единодушно утверждаютъ, что родоначальникъ нынѣшней династіи

назывался *Айжинь-поро*. Нѣтъ никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы объяснить слово *Гіоро*, по крайней мѣрѣ очевидно, что *Айжинь* тождественно съ фамильнымъ прозваніемъ *Нюйчжэньскаго* дома, царствовавшаго въ Сѣверномъ Китаѣ съ 1115 по 1234 годъ подъ Китайскимъ именемъ *Гинь* и подъ своимъ народнымъ нынѣшнимъ Маньчжурскимъ названіемъ : *Айжинь*. Такое тождество двухъ династій въ мѣстѣ явленія и именахъ, даже съ перваго взгляда, не можетъ назваться простою случайностію. Въ Китаѣ, Монголіи и Маньчуріи свято хранятся родовыя прозванія и отъ самыхъ отдаленныхъ предковъ переходятъ неизмѣнными къ самымъ позднѣйшимъ потомкамъ. Такое уваженіе къ фамиліи своего дома въ Китаѣ утверждается на религіозныхъ вѣрованіяхъ народа и желаніи cadaго доказать древность своего дома; въ остальныхъ же двухъ государствахъ на коренныхъ началахъ управленія. По свидѣтельству Китайскихъ историковъ, въ Маньчуріи всегда существовало одно право, право рода и дома; вся власть сосредоточивалась въ рукахъ старѣйшинъ; сами основатели домовъ *Бо-хай* и *Нюй-чжэнь* были наследственными главами своихъ поколѣній. Итакъ, кто изъ людей, принадлежавшихъ къ господствующему дому, добровольно отказался бы отъ имени, съ которымъ сопряжены такіа права? Мы знаемъ, что даже у *Сунэнэй*, въ теченіе

болѣе нежели тысячи лѣтъ, сохранялось преемство главныхъ родовъ *)); что при началѣ дома *Гинь* родственники *Нюйчжэньскихъ* Бэйлѣ, въ отличіе отъ другихъ низшихъ родовъ, носили титулъ *Лань-цзюнь* (благородный господинъ) и самые знаменитые люди въ аймакѣ преклонялись предъ простымъ однофамильцемъ Бэйлы. Сама Маньчжурская династія, воцарившись въ Китаѣ, почла священною обязанностію составить генеалогическія таблицы всѣхъ родовъ, вошедшихъ въ составъ 8 знаменъ; и несмотря на то, что этотъ трудъ былъ совершенъ почти черезъ сто лѣтъ послѣ водворенія Маньчжуровъ въ Китаѣ, потомки самыхъ незначительныхъ фамилій могли сказать правительству, въ какихъ мѣстахъ жили ихъ предки, въ какое время признали надъ собою власть *Тай-цзу*. Итакъ естественно заключить, что присоединеніе къ *Гіоро* слова *Айжинь* не было произвольною выдумкою или пустымъ украшеніемъ; что этотъ эпитетъ Маньчжурскаго родоначальника указывалъ на его близкія отношенія къ дому *Гинь*, и здѣсь, можетъ быть, скрывается объясненіе той загадочной покорности, которую показали три фамиліи при имени *Айжинь-поро*. До какой степени основательны прежде сдѣланное нами предположеніе и настоящій выводъ, — мы докажемъ это историческими свидѣтельствами,

*) См. Мань-чжу-юань-лю-као.

которыя объяснять намъ и другія темныя мѣста саги.

При концѣ *Миньской* династїи издана была одна историческая книга подъ названіемъ: *Бо-у-дэнь-хой*, сочиненіе *Хуанъ-дао-чжоу*, человѣка весьма знаменитаго въ свое время. Авторъ преимущественно занимался событіями временъ правленія *Вань-ли* съ 1583 по 1620 годъ; но такъ какъ съ этого же правленія начинаются и первыя дѣйствія Тай-цзу противъ Китая, то по этому случаю *Хуанъ-дао-чжоу* посвятилъ одну главу на изслѣдованіе о Маньчжурской области *Цзянь-чжоу*. Къ сожалѣнію, это весьма важное сочиненіе въ настоящее время сдѣлалось такою рѣдкостію, что мы не могли имѣть его подъ руками и должны ограничиться только нѣсколькими отрывками, приведенными въ *Кайо-фанъ-лю*. Вотъ что говоритъ *Хуанъ-дао-чжоу*: «*Цзянь-чжоу* — другой аймакъ Дома *Гинь* — при династїи *Юань* управлялся темникомъ; при нынѣшней былъ раздѣленъ на три части, на собственное *Цзянь-чжоу*, *Хай-си* и *Ъ-жэнь*; впрочемъ, не смотря на раздробленіе, *Цзянь-чжоу*, занимавшее самый центръ страны, господствовало надъ другими аймаками и было неприступно по своему положенію. Въ 1 годъ правленія *Юнь-лэ* 1403 года, старшина сейма *Ъ-жэнь* представлялся ко двору; въ слѣдъ за тѣмъ *Цзянь-чжоу* и *Хай-си* признали свою зависимость. Тогда они раздѣлены

были болѣе нежели на двѣсти округовъ, подчиненныхъ одному комиссару; всѣ управляшіе старшины, начиная съ *ду-ду* и нисходя до *Чжэнь-фу*, получили отъ Китайскаго двора чины; вмѣстѣ съ симъ постановлено было, чтобы изъ *Цзянь-чжоу* и *Хай-си* ежегодно, въ 10-й лунѣ, доставлялась дань; такому правилу не подлежало одно *Ъ-жэнь*, для котораго, за отдаленностью мѣста, не назначено было срока. Въ началѣ правленія *Чжэнь-тунъ* 1436 года семь фамилій аймака *Ъ-жэнь* убили *Цзянь-чжоускаго ду-ду*; тогда младшій братъ и старшій сынъ убитаго бѣжали въ Корею, потеряли свои печати, а между тѣмъ второй сынъ наследовалъ въ управленіи *Цзянь-чжоу*. По возвращеніи же старшаго сына, *Миньское* правительство отдѣлило отъ *Цзянь-чжоу* еще правый округъ, дало обомъ братьямъ печати, повелѣвши каждому владѣть своимъ участкомъ.» — Какъ ни кратко сказаніе *Хуань-дао-чжоу*, но оно проливаетъ свѣтъ на сагу.

Мы уже выше замѣтили, что подъ именемъ *Цзянь-чжоу* разумѣются именно тѣ мѣста, гдѣ водворился *Анжунь-поро*, и куда въ послѣдствіи переселились его потомки, и что слѣдовательно родъ, господствовавшій въ *Цзянь-чжоу*, былъ собственно маньчжурскій Домъ; теперь, для устраненія всякихъ возраженій и сомнѣній, укажемъ на основанія, на которыхъ утверждается наше замѣчаніе. Въ книгѣ *Мань-чжу-юань*

лю-као говорится: «Первымъ мѣстомъ явленія настоящей династїи былъ городъ *Одоли*, или *Одо-лян* у писателей династїи *Юань*, и *Одоли* или *Одолунь* у *Миньскихъ*; когда же Домъ нашъ утвердилъ свое владычество въ предѣлахъ *Бо-хайскаго Цзянь-чжоу* — *Миньскіе* писатели дали нашему государству новое названіе *Цзянь-чжоу*.» По свидѣтельству книги *Минь-ци-бэй-лю*, *Тай-цзу* въ бумагахъ, посланной имъ въ Китайскій пограничный городъ *Цинъ-хэ* съ мирными предложеніями, придавъ себѣ титулъ *Хана* государства *Цзянь-чжоу*. Наконецъ, что самъ *Хуань-дао-чжоу* подъ *Цзянь-чжоу* разумѣлъ собственно *Маньчжуровъ*, это доказывается тѣмъ, что въ дальнѣйшемъ разсказѣ своемъ онъ излагаетъ исторію *Цзинь-цзу* и *Тай-цзу*. Итакъ нѣтъ сомнѣнія, что сага и *Хуань-дао-чжоу* говорятъ объ одномъ и томъ же предметѣ, и слѣдовательно мы имѣемъ право объяснять и повѣрять преданіе свидѣтельствомъ *Миньскаго* историка.

Если сравнимъ оба свидѣтельства, то откроется:

1) что предки *Маньчжурскаго* Дома были *Цзянь-чжоускіе ду-ду*. Что значило это достоинство и могли ли вѣскольکو лицъ въ одно и тоже время, въ одномъ и томъ же аймакѣ, пользоваться этимъ титуломъ? На оба эти вопроса исторія сохранила намъ весьма ясный отвѣтъ. Когда *Тай-цзу* потребовалъ у *Миньскаго* посланника выдачи *Никань-вайланя*, какъ главнаго виновника смер-

ти *Цзинь-цзу* и *Сянь-цзу*; то посланникъ сказалъ: «Наше правительство прислало тебѣ дипломъ на званіе *ду-ду*; если же и послѣ того, ты останешься еще недовольнымъ, то мы возведемъ въ Маньчжурскіе государи *Никань-Вай-ланя*» — значить *ду-ду* былъ главнымъ повелителемъ *Цзянь-чжоу* и слѣдовательно — тоже что у Маньчжуровъ *Бэйлэ*. Изъ книги *Дунь-хуа-лу* мы знаемъ, что не одинъ *Тай-цзу*, но и *Синь-цзу* и *Чжао-цзу* были *ду-ду*, — новое доказательство, что преданіе и *Хуань-дао-чжоу* говорятъ совершенно объ однихъ и тѣхъ же лицахъ.

2) Что *Айжинь-поро*, какъ глава и основатель аймака, не могъ существовать ранѣе правленія *Хунь-ву*, между 1368 и 1398 годами, потому что только съ началомъ *Миньской* династіи пало въ Маньчжуріи Монгольское владычество и племена возвратили себѣ права древней аймачной жизни, управляясь своими родовыми старшинами и по кореннымъ законамъ своей страны. *Ду-ду*, а слѣдовательно и всѣ владѣльцы, обязаны были своимъ значеніемъ и политическимъ существованіемъ только *Миньскому* двору, который рѣшился даровать имъ власть и утвердить ихъ права; такимъ образомъ всякое предположеніе, что *Айжинь-поро* водворился въ *Одому* ранѣе паденія *Юаньской* династіи — будетъ или совершеннымъ анахронизмомъ, или должно испровергнуть всѣ свидѣтель-

ства объ историческомъ существованіи основателя Маньчжурскаго государства.

3) Три фамиліи, къ которымъ явился *Айжиль-иоро*, должны быть фамиліи трехъ главныхъ аймаковъ Маньчжуріи, изъ которыхъ каждая хотѣла присвоить себѣ первенство, но съ появленіемъ *Айжиль-иоро* признаніе его своимъ общимъ главою *). Такое объясненіе основывается на томъ, что по словамъ саги — три фамиліи, признавшія *Гіоро* своимъ главою, составили собою подданныхъ новаго государя, слѣдовательно онѣ же и произвели возмущеніе, окончившееся истребленіемъ и изгнаніемъ воцарившагося дома, а по *Хуань-дао-чжоу Цзянь-чжоуской ду-ду* погибъ въ аймакѣ *Ъ-жэнь*. Такое ясное свидѣтельство прямо опредѣляетъ, какъ должно понимать темныя и общія выраженія саги, что же касается до мнѣнія, будто три фамиліи или *Сань-симъ*, по Маньчжурски *Илань-хала*, составляли особенное Маньчжурское поколѣніе и обитали, по мнѣнію Дюгальда а) Клапрота б) и Плата в),

*) Нельзя думать, чтобы *Айжиль-иоро* пользовался какими нибудь большими правами, чѣмъ глава сейма; а исторія Маньчжуровъ представляетъ множество примѣровъ, что начальники сеймовъ были весьма ограничены въ своей власти.

а) Du Hald tom. IV pag. 16.

б) Chrest. viij

в) Völk. p. 234.

начиная почти отъ впаденія рѣки *Хурхи* въ *Сунари-ула* до слиянія послѣдней съ *Амуромъ*, то мы замѣтимъ, что поколѣнiе *Сань-синъ* существуетъ, скитается, переселяется съ сѣвера на югъ, отъ *Амура* къ *Нингутъ*, словомъ: совершаетъ всѣ необходимыя операціи, приличныя бродячимъ племенамъ — только въ Европейскихъ описанiяхъ, исторiяхъ и картахъ Маньчжурiи. Въ поименномъ спискѣ племенъ г), вошедшихъ въ составъ Маньчжурскаго народа, мы не встрѣчаемъ этого неизвѣстнаго поколѣнiя; самый городъ *Сань-синъ* существуетъ весьма недавно, именно съ 54-го года правленiя *Канъ-си*, 1715 года *).

4) Что возстановитель фамиліи *Гиоро* и есть тотъ старшій сынъ убитаго *ду-ду*, возвратившійся въ *Цзянь-чжоу*, о которомъ рассказываетъ *Хуанъ-дао-чжоу*. Противъ такого заключенiя безъ сомнѣнiя намъ возразятъ, что между словами саги и *Хуанъ-дао-чжоу* есть весьма рѣзкое разногласіе. Первая говоритъ, что изъ всей фамиліи *Гиоро* спасся только одинъ отрокъ и что не ранѣе, какъ уже послѣ нѣсколькихъ поколѣнiй, явился *Чжао-цзу* и возстановилъ права своего Дома; между тѣмъ какъ по словамъ Китай-

г) Кому любопытно будетъ узнать имена этихъ племенъ, тотъ можетъ справиться въ обстоятельномъ описанiи Маньчжурскаго народа въ примѣчанiи ст. 180 Кларг. Меш. томъ, 1 pag. 233 — Plath. p. 449.

*) См. Географію Маньчжурiи *Шанъ-цанъ-тунь-чжид* 31 гл. 60 л.

скаго историка, сынъ *ду-ду* спасается не одинъ и есть непосредственный наслѣдникъ убитаго владѣльца. Мы скажемъ, преданіе оказало уже важную услугу, если въ немъ сохранилась хотя часть истины; — дѣло критики отсѣчь отъ него все ложное и чуждое, и много нужно проникательности, чтобы видѣть, изъ какихъ источниковъ сага взяла свои сказанія. По словамъ ея, отрокъ бѣжитъ въ дикую степь; всю жизнь скрывается въ пустынь и между тѣмъ у пустышника является, неизвѣстно откуда, потомство, цѣлыя поколѣнія; люди, истребившіе фамилію *Гіоро*, давно сошли въ могилу; но правнукъ бѣглеца, родившійся и жившій въ стени, хорошо знаетъ своихъ наслѣдственныхъ враговъ; какимъ то чудомъ встрѣчаетъ ихъ за 1,500 ли отъ родины; владѣетъ непостижимыми средствами наказать потомковъ мятежниковъ, водвориться въ чуждомъ мѣстѣ и основать здѣсь государство. Сага не объясняетъ всѣхъ этихъ загадокъ: иначе *Тянь-минь* (воля неба) превратилось бы въ повседневную исторію, въ обыкновенный случай; неговорить и о спасеніи другихъ лицъ, принадлежавшихъ къ владѣтельному дому; тогда утратилось бы величіе картины, на которой рисуется одна таинственная фигура бѣглеца.

По свидѣтельству саги, отъ *Айжинь-иорб* до переворота въ судьбѣ его потомковъ прошло нѣсколько поколѣній, и отъ переворота до появленія *Чжао-цзу*

также смѣнилось нѣсколько поколѣній. И такъ если, въ томъ и другомъ случаѣ, подъ неопредѣленнымъ выраженіемъ «нѣсколько поколѣній» разумѣть только четыре, то отъ *Айжинь-поро* до *Чжао-цзу* пройдетъ восемь; къ нимъ должно присоединить еще шесть историческихъ поколѣній, предшествовавшихъ *Тай-цзу*; слѣдовательно по преданію вся генеалогическая линія Маньчжурскаго дома до *Тай-цзу* будетъ заключаться въ 14 поколѣніяхъ: очевидное противорѣчіе историческому свидѣтельству книги *Кайго-фанъ-лю*. При томъ же точныя свѣденія, какія *Чжао-цзу* имѣлъ о врагахъ своего дома, кровавый судъ надъ ними, не прямо ли намѣкаютъ на то, что изгнаніе и возстановленіе фамиліи *Гіоро* были событіями, весьма близко слѣдовавшими одно за другимъ; что вражда, одушевлявшая объ партіи, была еще свѣжа и могла угаснуть только въ крови противниковъ, и что слѣдовательно послѣднія «нѣсколько поколѣній» саги должны быть отсѣчены вмѣстѣ съ мифомъ о чудной сорокѣ, спасающей *Чжао-цзу*. По *Кайго-фанъ-лю*, отъ основателя до возстановителя фамиліи *Гіоро* должно смѣниться только четыре поколѣнія. *Хуанъ-дао-чжоу* говоритъ, что *Цзянь-чжоускій* владѣлецъ былъ убитъ въ 1-й годъ правленія *Чжэнъ-тунъ* (1436), то есть черезъ 67 лѣтъ послѣ воцаренія *Миньской* династіи; такимъ образомъ, и по *Хуанъ-дао-чжоу*, до *Айжинь-поро* не могло пройти болѣе двухъ

родовъ — и 4-й послѣ него есть тотъ самый, при которомъ совершился переворотъ въ жизни Маньчжурскаго Дома. И такъ тождество лицъ, какъ убитыхъ такъ и переселившихся, несомнѣнно. По Маньчжурскимъ писателямъ, *Чжао-цзу* первый переселился въ *Хэтуала* за 1,500 лн отъ древней резиденціи своего рода; и по *Хуань-дао-чжэу* *), возвратившійся старшій сынъ первый водворился въ новоучрежденномъ правомъ округѣ, слѣдовательно не тамъ, гдѣ жили его предки; между тѣмъ въ географіи *Шань-цзинь-тунъ-чжи* **) есть замѣчаніе, что *Хэту-ала*, гдѣ *Чжао-цзу* основалъ свою столицу, и есть то самое мѣсто, которое называлось правымъ округомъ *Цзянь-чжэу*. У Маньчжурскихъ историковъ находимъ указаніе также и на то, что *Цзянь-чжэу* дѣлилось на двѣ части, на собственно Маньчжурскую, состоявшую изъ аймаковъ *Суксуху*, *Хунь-хэ*, *Ванянь-донго* и *Чжэчэнь*, и *Чань-бо-шаньскую* — изъ аймаковъ *Нэйльнь* и *Ялу*.

Съ опредѣленіемъ главныхъ пунктовъ саги, ея времени, мѣста и лицъ, легко рѣшается вопросъ и о томъ, кто былъ *Айжинь-иоро*. По *Хуань-дао-чжэу*: — *Цзянь-чжэу* было аймакомъ *Гиньской* династіи, управлялось своимъ родовымъ *ду-ду*; и такъ, по наслѣд-

*) *Хуань-дао-чжэу* говоритъ, что отъ лѣваго округа отдѣленъ былъ правый; значитъ: послѣдній и есть новообразовавшійся, между тѣмъ какъ первый представляется уже нѣющимъ повелителя.

**) См. гл. 100 листъ 1.

ственному праву, коренному закону въ управленіи Восточныхъ племенъ, родоначальникъ Маньчжурскаго Дома, воцарившійся въ *Цзюль-чжоу*, долженъ принадлежать къ фамиліи *Гимьской* династіи. По сагъ, *Айсинь-поро* явился къ тремъ фамиліямъ какъ прищецъ; и такъ онъ долженъ быть потомкомъ *Гимьскаго* дома, возвратившимся въ отчизну послѣ кроваваго переворота, низвергнувшаго владычество *Нюй-чжэнэй* въ Китаѣ

Мы знаемъ, что домъ *Чингиса*, не смотря на всѣ потрясенія и перемѣны въ своей судьбѣ, не утратилъ ни своего существованія, ни своей власти въ коренныхъ своихъ аймакахъ — и почти всѣ нынѣшніе Ханы, Князья и Чжасаки Монголіи принадлежать къ обширной семьѣ великаго завоевателя. Потомки дома *Сукэ*, не смотря на ожесточеніе, съ которымъ преслѣдовали ихъ Монголы, пережили паденіе своихъ непримиримыхъ враговъ, болѣе нежели двухъ сотъ лѣтнее существованіе *Маньской* династіи и наконецъ новое завоеваніе и опустошеніе Китая — уже Маньчжурами. Ужели только многочисленной фамиліи дома *Гимь* суждено было безъ остатка погибнуть? Но нѣкоторые изъ родственниковъ этой фамиліи, еще до совершеннаго паденія *Нюй-чжэнэй*, принуждены были вступить въ Монгольскую службу; другіе захвачены въ плѣнъ и уведены въ Монголію; даже двѣ супруги

послѣдняго *Гиньскаго* Государя переселены были въ *Хоринь*; всѣ эти лица должны были избѣгнуть пораженія. Ужели съ изгнаніемъ Монголовъ изъ Китая, когда враги *Нюйчжэнэй* должны были заботиться только о своей безопасности, ни одинъ изъ плѣнниковъ не могъ бѣжать въ свою отчизну, также освободившуюся отъ ига? — 87 лѣтъ, протекшихъ отъ начала дома *Юань* до начала дома *Минь*, періодъ весьма непродолжительный — и нельзя думать, чтобы въ такое короткое время потомки *Гиньской* династіи могли совершенно забыть о своемъ высокомъ происхожденіи; чтобы Маньчжурскія племена потеряли любовь и преданность къ дому, возвеличившему ихъ отечество, и съ радостію не приняли спасшуюся отрасль своихъ природныхъ и законныхъ повелителей; а имя Маньчжурскаго родоначальника, время, мѣсто и обстоятельства его появленія, прямо говорятъ, что *Айжми-поро* былъ — спасшійся потомокъ династіи *Гинь*.

Возраженія, какія обыкновенно дѣлаются противъ такого заключенія, главнымъ образомъ опираются на письмо *Тай-цзуна* къ *Цзу-до-шоу*, защищавшему *Даминь-хэ*. Начавши свое письмо исчисленіемъ, сколько разъ Маньчжуры предлагали Китаю заключить взаимный договоръ, *Тай-цзунъ* продолжаетъ: «Ваше правительство руководится въ своей политикѣ событіями *Сунской* династіи и не шлетъ къ намъ отвѣта. Но

Минскій домъ не родня *Сунскому*, а я не родственникъ династїи *Гинь*. То было время, а нынѣ другое!» *) Смыслъ этихъ словъ весьма простъ и ясенъ, болѣе дипломатическій, чѣмъ генеалогическій. *Сунскій* Императоръ, правленія *Сюань-хэ*, въ 1120 году заключилъ договоръ съ *Нюй-чжэнями*, по которому Китай обязался платить имъ ежегодную дань, съ тѣмъ условїемъ, чтобы *Нюй-чжэни* соединились съ Имперїею для выручки всѣхъ сѣверныхъ областей Китая, захваченныхъ домою *Лю*. Но, при исполненїи плана, Китайскія войска бѣжали съ позоромъ, а *Агуда*, Владѣтель *Нюй-чжэньскій*, безъ всякой помощи своихъ союзниковъ, изгналъ *Киданей* за предѣлы Великой стѣны; тогда, утверждаясь на правѣ завоеванія, онъ отказался возвратить имперїи отнятыя области и этотъ поступокъ, весьма естественный со стороны побѣдителей, былъ началомъ непримиримой ненависти между тѣмъ и другимъ дворомъ. Китайскій Императоръ упрекалъ *Нюй-чжэней* въ вѣроломномъ присвоенїи чужой собственности, а Китайская исторїя обвинила своего повелителя въ излишней довѣрчивости къ варварамъ. Въ Исторїи *Тунъ-цзянь-ганъ-му*, послѣ разсказа о союзѣ, который былъ заключенъ *Сунскимъ* дворомъ съ Монголами уже противъ *Нюй-чжэней*,

*) См. Кайго-фанъ-лю, 18. гл.

сдѣлаю слѣдующее замѣчаніе : « Договоръ, заключенный въ правленіе *Сюань-хэ*, уже долженъ былъ показать правительству, сколь вѣроломны варвары и сколь опасно съ ними сближаться, но, не смотря на то, дворъ рѣшился на новый трактатъ и военный союзъ. » Этимъ урокомъ воспользовался *Миньскій* домъ, видѣвшій въ Маньчжурахъ и Ханѣ новыхъ *Нюй-чжэнси* и *Агуду*. На всѣ дружескія предложенія сосѣдственнаго двора Китай отвѣчалъ упорнымъ молчаніемъ въ *Тай-цзунъ*, чтобы разрушить непріязненное предубѣжденіе Имперіи, устранить всякое воспоминаніе о давней враждѣ двухъ правительствъ, долженъ былъ сказать : « Домъ *Миньскій* не родня *Сунскому*, а я не родственникъ династіи *Гинь*. То было время, а нынѣ другое! »

Послѣ такого замѣчанія, мы считаемъ излишними всякія объясненія о томъ, какъ должно понимать слова *Тай-цзуна*, тѣмъ болѣе, что ни Китай не повѣрилъ такому простодушному признанію Хана, ни сами Маньчжуры, въ рѣшеніи вопроса о своемъ происхожденіи, совершенно не думали отречься отъ родства съ *Нюй-чжэнли*. Императоръ правленія *Цянь-лунъ*, царствовавшій съ 1736 по 1795 годъ, въ повелѣніи своемъ объ изданіи *Мань-чжу-юань-лю-као* говоритъ : « Основатель дома *Гинь* происходилъ изъ Аймака *Вамлянъ*, занимавшаго собрую земли отъ горы *Чалъ-*

бо-шань до рѣки *Амура*; наша династія получила свое начало въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ явился домъ *Гинь*, — и весьма ограниченъ взглядъ тѣхъ людей, которые, изъ чрезмѣрнаго уваженія къ нашей династіи, говорятъ: хотя оба дома возникли на востокъ, однакоже не принадлежатъ къ одному и тому же роду. Уже то, что нашъ домъ получалъ себѣ фамилію *Айжунь-поро*, а династія *Гинь* называлась *Айжунь*, служатъ доказательствомъ, что мы одного и того же происхожденія съ династіею *Гинь*.» — Въ подтвержденіе же того, что оба дома были не родственными только фамиліями, но что одинъ изъ нихъ былъ родоначальникомъ другаго — мы приведемъ два положительныя и ясныя свидѣтельства, которыя считаемъ окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса. *Цзи-лю-ци*, еще въ 10 году правленія *Кань-си*, въ 1671 году написавшій исторію сѣвернаго Китая при концѣ *Миньской* династіи, начинаетъ свое сказаніе словами: «44-й годъ правленія *Вань-ли*, 1616, есть первый правленія *Тянь-минь* дайцинской династіи — время, съ котораго Маньчурія стала признавать Китай только южнымъ дворомъ, *Тай-цзу* началъ носить желтое платье и говорить о себѣ *Часонь*: Мы. Впрочемъ династія, еще по прежнему, называлась *Хоу-минь* и уже въ послѣдствіи она перемѣнила это имя на *Дай-цинъ*. — «Другое свидѣтельство мы находимъ у *Санань-сэцэна*, ко-

торый, приступая къ изложенію дѣлъ нынѣшней династїи Китая, говоритъ : около того времени родился *Багадурь-тайцзу*, потомокъ древняго Маньчжурскаго *Амань-Хана*....

И такъ мы имѣемъ полное право сказать, что *Айжинь Гиоро* былъ одинъ изъ потомковъ династїи *Гиль*, и что Маньчжурскій домъ есть только возрожденіе и продолженіе *Нюйчжэньскаго*.

Рѣшеніе перваго вопроса уже само собою опредѣляетъ, какъ должны мы смотрѣть и на происхожденіе слова *Мань-чжу*. Если *Айжинь-иоро* былъ основателемъ Маньчжурскаго дома и Государства, то всего естественнѣе думать, что отъ него же получило свое начало и названіе *Маньчжу*. Но такъ какъ сага не объясняетъ намъ значенія этого слова, а мнѣнія ориенталистовъ, занимавшихся настоящею задачею, весьма разногласны между собою; то мы снова должны идти путемъ критики и изслѣдованій, чтобы приблизиться къ истинѣ и разгадкѣ. Впрочемъ мы не будемъ говорить ни о городѣ *Маньчжу*, а) ни о *Маньчжу-Хань*, б) ни о *Махачуди*; в) всѣ эти гипотезы, основанныя на одной этимологїи, погибли при самомъ своемъ рожденїи и даже не пережили славы своихъ

а) Atlas Sin. preff. p. 19.

б) Bentink. p. 50.

в) Lang. Alph. Man. p. 3.

авторовъ. Болѣе заслуживаютъ вниманія и разбора мнѣнія двухъ знаменитыхъ оріенталистовъ, Клапрота и Шмидта, которыя носятъ на себѣ характеръ видимой вѣроятности и истины.

Клапротъ, г) въ своемъ разсужденіи о языкѣ и письмѣ Уйгуровъ, говоритъ: *Айжинь-поро*, поселившись въ городѣ *Одорм*, расположенномъ въ степи *Омохой*, на восточной сторонѣ горы *Чанъ-бо-шанъ*, далъ всей этой окрестности почетное китайское названіе: *Мань-чжу*, *Мань-чжоу*, то есть «населенная страна;» въ подтвержденіе такого толкованія, Клапротъ ссылается на книгу *Па-ци-тунъ-чжи*, въ которой будто бы находится такое объясненіе. Когда Абель Ремюза, въ *Recherches sur les langues Tartares*, представилъ свои возраженія противъ иностраннаго происхожденія слова *Маньчжу* и прямо замѣтилъ, что объясненіе *Па-ци-тунъ-чжи* должно относиться къ Китайскимъ знакамъ *Мань-чжоу*, которые, по его мнѣнію, только звукоподражаніе коренному *Мань-чжу*; утратившему для насъ свое первоначальное значеніе. — Клапротъ, въ своей *Chrestomatie Mandchou*, повторилъ свою гипотезу уже съ слѣдующимъ объясненіемъ: «*Айжинь-поро*, избранный тремя фамиліями и другими племенами въ повелители, далъ новому на-

г) См. Ab. Rémus. Rech. t. 1. p. 19:

роду, соединившемуся подъ его державою, имя *Маньчжоу* 滿州, или лучше *Мань-чжу*. Значеніе его неизвѣстно. Если судить по Китайскимъ знакамъ, оно означаетъ весьма населенную провинцію, и вѣроятно это слово Китайскаго происхожденія; потому что Татарскія орды нѣкогда любили присвоить себѣ названія, приходившія къ нимъ изъ Китая, страны, всегда славившейся просвѣщеніемъ.

И такъ главное основаніе гипотезы г. Клапрота — свидѣтельство *Па-ци-тунь-чжи*; но во всемъ этомъ обширномъ твореніи, заключающемъ въ себѣ 250 главъ, нѣтъ и намека на Китайское происхожденіе слова *Маньчжу*. Откуда же г. Клапротъ почерпнулъ и свою гипотезу, и свое свидѣтельство? Изъ *Па-ци-тунь-чжи*, но не въ ея оригиналѣ, а въ Русскомъ переводѣ Леонтьева и Россохина, изданномъ еще въ 1784 году, подъ названіемъ: *Обстоятельное описаніе происхожденія и состоянія Маньчжурскаго народа и войска.*

Въ примѣчаніяхъ, которыми переводчики дополнили свой трудъ, подъ словомъ *Одоли* мы находимъ слѣдующее предположеніе Россохина о происхожденіи слова *Маньчжу*: «Праотець Маньчжурскихъ Хановъ, усмиривъ мятежь между тремя фамиліями, первое владѣнію своему положилъ основаніе и со всѣми своими сообщниками назвался *Мань-чжу*; а что сіе слово *Мань-чжу* значить, того нигдѣ, ни въ Маньчжур-

симвъ, ни въ Китайскихъ книгахъ не истолковано; но если толковать его по китайскимъ характерамъ, то знаменуетъ: наполнены страны свѣта. А повеже сію слова не токмо не свойственны Маньчжурскому языку, но и ни какого на ихъ языкѣ не можно пронавестъ знаменованія; то не безъ основанія думать должно, что *Мань-чжу* выдуманно отъ тѣхъ Китайцевъ, конхъ первые владѣльцы Маньчжурскіе привлекли обманамъ на свою сторону, тѣмъ больше, что страна *Ляо-дунь* изъ древнѣйшихъ лѣтъ наполнена Китайцами, да и обычай — при основаніи новаго правительства или царства давать титулъ своему владѣнцю — есть самый древній, китайскій, и проч».

Кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что Клапротъ принялъ догадку Русскаго автора за Маньчжурскій текстъ и давнее, чужое мнѣніе о томъ, какъ Татарскія орды любили украшаться титулами и именами, приходившими къ нимъ изъ Китая, приписалъ себѣ. Если династіи *Ляо*, *Гинь*, *Юань* и привяли Китайскіе титулы, то уже тогда, когда стали простираеть свои виды на Китайскую Имперію, и сверхъ того они сами нарекали себѣ почетныя имена, а не получали ихъ отъ Китая. Не думаемъ, чтобы *Айжинь-поро* «давшій своему народу имя *Мань-чжоу*» — уже хотѣлъ спорить съ сыномъ неба о владычествѣ надъ под-

небесною, и рѣшительно отвергаемъ мысль, чтобы Китай самъ далъ названіе Маньчжурамъ, потому что этой догадки нельзя подтвердить никакимъ историческимъ свидѣтельствомъ, между тѣмъ какъ она противорѣчитъ другимъ, яснымъ указаніямъ на происхожденіе слова *Мань-чжу*. — Впрочемъ, гипотеза въ томъ видѣ, въ какомъ она находится у Русскаго автора, хотя и не опирается ни на какой несомнительной цитатѣ, однако же такъ вѣроподобна въ своей основной идеѣ, и такъ близка къ исторіи, что мы остановились бы на такомъ рѣшеніи, еслибы вопросъ нашъ принадлежалъ къ числу задачъ, для которыхъ существуютъ только однѣ догадки.

Совершенно въ другую страну переносить насъ предположеніе Шмидта, который еще въ своихъ *Forschungen* задалъ вопросъ: «не происходитъ ли слово *Мань-чжу* отъ Санскритскаго слова *Маньчжуири* и слѣдовательно не Буддизмъ ли былъ источникомъ, откуда нынѣшніе повелители Китая заняли свое названіе?....» Въ самомъ дѣлѣ, изъ свидѣтельства книгъ *Вай-фанъ-ванъ-гунъ-бло-чжуанъ* мы знаемъ, что въ 7-мъ году *Чунь-дэ* (1642) *Далай-лама*, *Баньчэнь-эрдэни*, *Цзанба* и *Гуши-Ханъ* отправили въ *Мукдэнъ* общее посольство, для поднесенія Маньчжурскому Хану дани и адреса съ титуломъ *Маньчжуири-да-жуань-ди*. Сочинители книгъ: *Кайю-фанъ-лю* и *Маньчжу-юань-*

лю-као замѣчаютъ, что съ того времени Тибетцы, во всѣхъ поздравительныхъ докладахъ, ежегодно присылаемыхъ ко двору, по нынѣ придаютъ Китайскому Императору титулъ, поднесенный *Тай-цзуну*. Самъ *Гао-цзунъ*, въ своемъ стихотвореніи, гдѣ воспѣваетъ онъ начало Маньчжурскаго дома, говоритъ: «На востокѣ явился *Маньчжури-да-хуанъ-ди*,» — и въ Маньчжурскомъ переводѣ Буддійской книги, подъ названіемъ: «42 главы изреченій Будды», сказано, что переводъ сдѣланъ по повелѣнію *Маньчжури-хуанъ-ди*. И такъ не справедливо ли заключеніе, что Маньчжуры обязаны своимъ именемъ Буддизму и санскритскому языку? Отвѣчаемъ — нѣтъ!

По всѣмъ Китайскимъ извѣстіямъ, самыя первыя сношенія Тибета съ Маньчжуріею начинаются только съ 1637 года; между тѣмъ въ бумагахъ, грамотахъ и актахъ, дошедшихъ до насъ еще отъ временъ *Тай-цзу*, мы уже встрѣчаемъ названія: Маньчжурское государство, Маньчжурскій народъ, Маньчжурскій языкъ. Намъ скажутъ, что мы знаемъ эти памятники не въ оригинальномъ ихъ видѣ, но въ позднѣйшихъ изданіяхъ правительства, и кто поручится, что встрѣчающееся въ нихъ слово *Маньчжу* не новѣйшаго происхожденія?... Но можно ли допустить, чтобы народъ, образовавшій уже государство, называвшій своихъ повелителей Императорами, создавшій себѣ пись-

менность, — былъ скопищемъ бродягъ, невѣдшихъ даже общаго имени? *Тай-цзу*, въ отвѣтномъ письмѣ своемъ къ Монголо-Чахарскому Хану, жалуется, что Ханъ назвалъ себя государемъ 400,000 Монголовъ, а ему даетъ титулъ повелителя только 30,000 прибрежныхъ Маньчжуровъ, — доказательство, что слово *Мань-чжу* было известно и Монголамъ. Съ другой стороны, если допустить, что *Мань-чжу-юань-лю-као* и *Кайю-фань-лю*, рассказомъ своимъ о поднесеніи Тибетцами титула *Мань-чжу-шри*, указываютъ на источникъ, откуда образовалось имя народа *Мань-чжу*; то какъ объяснить противорѣчащее свидѣтельство сихъ обоихъ сочиненій о томъ, что *Ай-жиль-поро* далъ государству имя *Мань-чжу*? — Обратимся къ текстамъ, чтобы рѣшить всѣ недоумѣнія.

Въ *Мань-чжу-юань-лю-као* говорится: «*Ай-жиль-поро*, поселившись въ *Одому*, далъ государству названіе *Мань-чжу* — вотъ самое первое начало нашего дома. Изслѣдывая наши письменные памятники, мы видимъ, что *Мань-чжу* 滿洲 первоначально писалось Китайскими знаками 滿珠, которые оба читаются подъ равнымъ удареніемъ. Когда наша династія озарила своею славою Востокъ, Тибетцы въ ежегодныхъ докладахъ своихъ стали употреблять титулъ: *Маньчжу-шри-да-хуань-ди*». — Въ *Фань-и-минь-и-цзи* говорится «*Мань-чжу* 曼珠 значить благовѣщій. Мань-

чжу-шири **曼珠師利大皇帝** пишется еще и **曼殊室利大救王**. Въ Буддійскихъ каноническихъ книгахъ есть изреченіе: Учителемъ *Шакъ-ямунки* былъ Будда *Вайрочана*, а учителемъ Вайрочаны былъ *Да-шэнъ-маньчжушири* **大聖曼殊室利**.

Въ томъ и другомъ начертаніи знаки **殊** и **珠** **室** и **師**, имѣютъ одинаковое произношеніе (первыя читаются *чжу*, послѣдніе *ши*). Вотъ истинный источникъ, откуда въ то время заняли великій титулъ».

Свидѣтельство *Мань-чжу-юань-лю-као* ясно опредѣляетъ точку воззрѣнія на предметъ, то есть не должно смѣшивать два совершенно различныхъ и разновременныхъ факта: начало имени народа или государства *Маньчжу*, и происхожденіе новаго титула Маньчжурскихъ Императоровъ. *Маньчжу*, какъ имя государства, прежде писалось **滿珠** нынѣ **滿洲**, а какъ титулъ Императорскій **曼珠** первое получило начало отъ *Айжинь-поро*; второе занято у Тибетцевъ, которые, въ свою очередь, взяли его изъ Буддизма, съ имени *Маньчжу-шири* **མཎ་ཇུ་ཤི་རི་ཤི་ཤི་ཤི་**. Въ *Кай-го-фань-лю* мы находимъ и объясненіе, почему Тибетцы придали Китайскимъ Императорамъ такой титулъ: потому, говоритъ она, что *Мань-чжу-ши-ри* — созвучно съ *Мань-чжу-сэрэ*; такимъ образомъ, какъ говорится въ *Вань-цунь-бло-чжуань*, если смотрѣть на смыслъ слова, то

оно будетъ значить *Бодисатву-маньчжуири*, если же только на звуки и соединить ихъ между собою, то будетъ только *Маньчжу-сэрэ* то есть Маньчжурскій *) Императоръ. Очевидно что весь этотъ титулъ — остроумная игра словъ, которою Тибетцы съ одной стороны льстили Императору, величая его именемъ Бодисатва, признаваемого олицетвореніемъ мудрости Будды; съ другой придавали ему самое обыкновенное и простое имя.

Откуда же произошло названіе народа *Мань-чжу*?— Въ *Маньчжу-юань-лю-као* говорится : *Маньчжу* не есть названіе какой нибудь страны, но аймака, и нынѣшнее начертаніе этого слова 滿洲 Мань-чжоу неправильно, именно потому, что 洲 чжоу заключаетъ въ себѣ идею мѣста. И такъ, гипотеза о происхожденіи слова Маньчжу 滿珠 отъ Мань-чжоу 滿洲 падаеть сама собою. Если же *Маньчжу* есть имя аймака, а аймаки, какъ извѣстно, большею частію получаютъ себѣ названія отъ главныхъ родовъ, которые, въ свою очередь, удерживаютъ за собою имя, фамилію или даже прозвища своихъ основателей; то естественно думать, что подобнымъ же образомъ явилось

*) Что Маньчжурское слово *Сэрэ* въ настоящемъ случаѣ имѣетъ только одно значеніе, именно замѣняетъ для несклоняемаго слова *Маньчжу* членъ родительнаго падежа и такимъ образомъ сообщаетъ ему качество прилагательнаго, это доказывается тѣмъ, что въ Китайскомъ языкѣ слово *Сэрэ* замѣнено частицею.

и имя Маньчжу. Дѣйствительно, *Гао-цзунъ* говоритъ, что въ первыя времена его династіи подданные или подвластные не назывались *Маньчжу*, а *Чжушэнь* (рабами), и уже въ послѣдствіи даровано было имъ право именоваться *Маньчжу*; такимъ образомъ, наше предположеніе оправдалось сямъ историческимъ свидѣтельствомъ Императора правленія Цянь-лунъ, котораго слова ведутъ къ прямому заключенію, что *Маньчжу* — первоначально было только именемъ господствовавшаго рода, и слѣдовательно аймакъ и государство получили себѣ такое названіе именно потому, что основатель усилившейся фамиліи самъ носилъ прозваніе *Маньчжу*. Но спрашивается: существовало ли это имя прежде явленія *Айжинь-горо*, и почему онъ, кромѣ извѣстныхъ намъ его фамиліи и имени, назывался еще и *Маньчжу*? — объяснить эти оба вопроса, отъ которыхъ зависятъ и рѣшеніе нашей задачи, — по нашему мнѣнію, можно только изъ лѣтописей Кореи и Китая, двухъ государствъ, которыя непосредственно могли и даже должны были наблюдать за жизнію сосѣдственныхъ съ ними племенъ. Корейская исторія — еще зарытый кладъ, и ея богатства не извѣстны; а у Китайскихъ писателей мы находимъ слѣдующія извѣстія. У поколѣнія *Мохэ*, говорится въ исторіи *Бэй-ши*, главный правитель называется *Да-мо-фу-мань-чу*; у южныхъ *Ши-вэй*, замѣ-

часть *Ма-дуань-минь*, онъ называется *Мо-бу-мань-чу* и значитъ тоже, что *чжань* 長 (старшина, глава аймака или рода). Тотъ же авторъ сообщаетъ, что у сѣверныхъ *Ши-вэй* глава аймака носитъ титулъ *Цинь-мо-хэ-чу*; въ описаніи же поколѣнія *Улохоу*, *Ма-дуань-минь* прибавляетъ, что въ немъ есть наслѣдственные *Мо-фу*.

Если о всѣхъ этихъ названіяхъ будемъ судить только на основаніи тѣхъ авторовъ, у которыхъ мы нашли ихъ; то увидимъ: во 1) что эти имена *древнія*, такъ напримѣръ названіе *Да-мо-фу-мань-чу* еще въ V и VI вѣкахъ было имъ извѣстно; во 2) *общія*, потому что *Мохэ* и *Шивэй*, у которыхъ мы встрѣчаемъ эти названія, обнимали собою самыя многочисленныя и могущественныя племена Маньчжуріи; въ 3) *заключаютъ въ себѣ идею власти*, потому что означаютъ или главу аймака, или старѣйшину.

Если же обратимъ вниманіе на самый составъ именъ, то увидимъ: 1) что въ словахъ *Да-мо-фу-мань-чу* находятся почти всѣ элементы трехъ послѣдующихъ названій, хотя одно изъ нихъ, *Мо-хэ-чу*, весьма много пострадало отъ Китайскихъ писателей; 2) что *Да* есть Маньчжурское 大 и значитъ главный, старшій; *Мо-фу* 莫 Маньчжурское *Мафа* дѣдъ, предокъ; *Мань-чу* тождественно съ *Маньчжу*. — Совершенно согласно съ нашимъ толкованіемъ говорится въ книгѣ *Мань-*

чжу-юань-мо-као, въ замѣчаніи на свидѣтельство Исторіи *Бэй-ши*. «На нашемъ языкѣ (то есть Маньчжурскомъ) (говоритъ она) высшій или старшій называются *да* или *Сакда-мафа*, когда говорится въ почтительномъ тонѣ (въ смыслѣ *Господииз*); такимъ образомъ *да-мо-фу* будетъ ничто иное, какъ *да-мафа*; что же касается до *Маньчу*, то оно сходно съ *Мань-чжу*».

Что значило *Маньчу*, это объясняется изъ текста Исторіи *Бэй-ши*, которая *Да-мо-фу-мань-чу* переводятъ словомъ: главный начальникъ. По объясненному нами смыслу словъ *да-мафа*, и по свойству Маньчжурскаго языка, въ которомъ предикаты, будутъ ли они выражены именемъ прилагательнымъ или формою родительнаго падежа, предшествуютъ имени, къ которому они относятся, — уже можно видѣть, что выраженіе Китайскаго писателя «главный» должно соответствовать словамъ *да-мо-фу*, и что слѣдовательно *Мань-чу* значило начальникъ. Точно такой же смыслъ имѣло и слово *Маньчжу*, какъ это видно изъ свидѣтельства *Гао-цзуня*, Государя правленія *Цзэнь-луня*, который противопоставляетъ имени *Мань-чжу* — названіе *Чжуншэнь* рабъ; такимъ образомъ становится яснымъ, почему *Айжунь-поро* носилъ титулъ *Маньчжу*, отъ котораго получилъ себѣ имя народъ нынѣ господствующій въ Китаѣ, и который въ V и VI вѣкахъ былъ уже извѣстенъ Китаю.

И такъ, на основаніи вышеприведенныхъ свидѣтельствъ Китайской Исторіи, мы въ правѣ заключить: 1) что нынѣ царствующая въ Китаѣ Маньчжурская династія происходитъ отъ потомковъ *Нюй-чжэньскаго* дома, въ XII и XIII вѣкахъ Христіанской эры владѣвшаго сѣвернымъ Китаемъ подъ именемъ династіи *Айжиль*, по Китайски *Гиль*, и 2) что господствующій нынѣ въ Китаѣ Маньчжурскій народъ получилъ свое имя отъ титула, который съ давнихъ временъ принадлежалъ владѣтелямъ страны, нынѣ называемой Маньчжурією.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ
НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ БИТАЯ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ КИТАЯ.

Изумительна многочисленность Китайскаго народа, въ теченіе столькихъ вѣковъ имѣвшаго важное политическое значеніе и теперь еще имѣющаго вліяніе на міръ. Сличая цыфру поверхности земли, на которой гнѣздится, подобно муравейнику, это племя, оградившее мнимую свою безопасность великою стѣною, съ данными цыфрами числа обитателей, невольно изумляешься множеству послѣднихъ. Чувство это тѣмъ болѣе доступно, если принять во вниманіе и сильныя препятствія, долженствовавшія полагать неодолимую преграду быстрому умноженію народной массы. Нельзя сказать, что страна, занимаемая симъ народомъ, въ физическомъ отношеніи имѣетъ важные недостатки сравнительно съ другими: бесплодіе почвы, вредный климатъ и тому подобныя. Но извѣстно всякому просвѣщенному мысли-

телю, что народъ, въ общей сложности, множится только при достаточныхъ средствахъ къ существованію и упроченію благосостоянія, что средства народнаго продовольствія главнымъ образомъ зависятъ отъ производительности земли, которая, и при самыхъ большихъ успѣхахъ наукъ и промышленности, помогающихъ человѣку извлекать большія выгоды изъ нея, наконецъ имѣетъ предѣлъ, за который ничто не можетъ ее подвинуть; что торговля и произведенія искусствъ могутъ только на время замѣнить произведенія земли, и не въ силахъ отвратить недостатокъ продовольствія и нищету, коль скоро послѣдуетъ быстрое умноженіе народонаселенія, находящагося въ однихъ и тѣхъ же предѣлахъ. Между тѣмъ въ Китаѣ, несмотря на то, что всякой клочекъ земли, намѣстахъ неприступныхъ и повидимому неудобныхъ, давно уже трудолюбіемъ и нуждою жителей распханъ и доставляетъ имъ средства жизни, — количество способной къ обработыванію земли, при ограниченномъ географическомъ пространствѣ, во всѣхъ направленіяхъ перерѣзанномъ хребтами горъ, слишкомъ несоразмѣрно съ количествомъ народонаселенія. По этой причинѣ, — хотя миллионы рукъ снискиваютъ себѣ средства жизни добываніемъ предметовъ необходимости и роскоши: металловъ, каменнаго угля, чая и прочаго; хотя внутренняя тор-

говля (отчасти и внѣшняя) сего государства развита до крайнихъ предѣловъ, — бѣдность и нищета, при всеобщей наклонности къ воздержности, въ ужасномъ видѣ тяготѣютъ надъ симъ государствомъ. Но при такой нищетѣ, при всей несоразмѣрности пространства годныхъ для хлѣбопашества земель съ чрезмѣрнымъ множествомъ обитателей, — съ каждымъ днемъ масса народа умножается и возрастаетъ въ своемъ числѣ.

Европеецъ, посѣтившій приморскіе города Китая, всегда изумлялся многолюдству оныхъ. Впечатлѣніе это перешло въ Европу и любопытные изслѣдователи желали рѣшить и съ точностію опредѣлить: до чего простирается весь итогъ Китайскаго народонаселенія; но, при всѣхъ усиліяхъ и стараніи ихъ, рѣшеніе сего вопроса всегда было неудовлетворительно. Одни, къ которымъ принадлежатъ всѣ путешественники, ошибались потому что за источникъ для своихъ извѣстій принимали мутную воду — рассказы маклеровъ, факторовъ и толмачей — людей, съ которыми только они и могли свести дружбу и знакомство въ приморскихъ городахъ Китая; но эти люди, при своемъ невѣжествѣ и необразованности (даже Китайской), больше думаютъ о томъ, какъ-бы лучше нажитья отъ любопытныхъ Европейскихъ посѣтителей, чѣмъ о народонаселеніи своего отечества, тѣмъ болѣе что этимъ

вопросомъ и въ самомъ Китаѣ мало занимаются даже ученые труженики. Другіе въ рѣшеніи сего вопроса не имѣли успѣха потому, что могли приобрести или только часть официальныхъ документовъ, или таблицы народонаселенія только въ известную эпоху и на основаніи ихъ дѣлали выкладки по началамъ и принципамъ науки, образовавшейся въ Европѣ изъ быта и состоянія только новыхъ Европейскихъ государствъ. Безъ сомнѣнія успѣхъ ихъ былъ бы вѣрнѣе, если бы они имѣли подъ руками лучшихъ Китайскихъ авторовъ и полные официальные документы.

Во Франціи, г. Біо основательно занялся было этимъ предметомъ; по превосходному Китайскому сочиненію: *Вынъ-сянь-тунъ-као* представилъ ходъ народонаселенія Китая съ древнихъ временъ до начала нынѣ царствующей въ Китаѣ династіи *Цинъ*. Къ сожалѣнію, краткость и неполнота въ текстѣ Китайскаго автора, недостаточныя знанія переводчика въ Китайскомъ языкѣ и литературѣ, и неимѣніе другихъ Китайскихъ сочиненій, особенно о временахъ послѣ XIII вѣка, поставляли г. Біо въ затрудненіе на каждой строкѣ и привели его къ ложному заключенію, будто въ означенномъ сочиненіи предложены итоги только податныхъ душъ, а не всего народонаселенія, и отъ того онъ, сбившись на первомъ шагѣ, надѣлалъ своихъ расчисленій и выкладокъ, и по нимъ

населенъ Китай. Впрочемъ изслѣдованіе его, не смотря на ошибочность заключенія, которую я покажу въ своемъ мѣстѣ, заслуживаетъ вниманія. Оно основано на лучшемъ сочиненіи Китайскаго автора, пользовавшагося, для собранія свѣденій, государственною Исторіею своего отечества. Притомъ и самый планъ, заимствованный г. Біо у Китайскаго писателя, есть самый лучший, потому что, при Историческомъ обзорѣни народонаселенія Китая, лѣтописи протекшихъ вѣковъ ясно покажутъ намъ, что и въ древнія времена населенность Китая была гораздо значительнѣе, чѣмъ другихъ народовъ въ первые періоды гражданственности, что настоящее состояніе его имѣло зародышъ въ прошедшемъ; покажутъ намъ, до какой степени числа нынѣшняго народонаселенія имѣютъ силу достовѣрности. Съ такою цѣлію я мы, по примѣру Китайскихъ писателей, предприняли исторически обзорѣть ходъ народонаселенія Китая, показать его числительность во всѣ вѣка, возрастаніе и упадокъ и причины такого обратнаго отношенія *)).

*) Источники, которые послужили основаніемъ сей статьи суть:

1, Нянъ-сань-ши 23 исторіи династій, царствовавшихъ въ Китаѣ.

2, Вынь-сянь-тунъ-као, сочиненіе знаменитаго Китайскаго писателя XIII вѣка, *Ма-дуанъ-лмля*.

3, Сюй-вынь-свиъ-тунъ-као, продолженіе того же сочиненія ученымъ комитетомъ при настоящей *Цинь-ской* династіи, доведенное до конца *Минь-ской* династіи.

4, Хуанъ-чао-вынь-сянь-тунъ-као. Дальнѣйшее продолженіе того же сочиненія, касающееся времени и исторіи настоящей династіи.

Мы намѣрены обозрѣть народонаселеніе *Китай*, страны, которая съ сѣверо-востока, сѣвера и частію сѣверо-запада ограждена великою стѣною, съ востока и юга омывается моремъ, а съ запада замыкается Индѣйскими и Тангутскими племенами, то есть оканчивается губерніями *Сы-чуань*, *Юнь-нань* и *Гуань-си*. Безъ сомнѣнія страна сія не всегда была въ такихъ обширныхъ предѣлахъ, особенно въ первыя времена основанія государства и развитія благоустройства его; но исторически извѣстно, что по крайней мѣрѣ за 200 слишкомъ лѣтъ до Р. Х. страна эта составляла уже одно могущественное государство, котораго предѣлы не очень многимъ разнились съ послѣдующимъ, собственно называемымъ Китаемъ. Династїи: *Хань*, *Суй*, *Тань*, *Юань*, *Минь*, въ царствованіе которыхъ Китай былъ въ самыхъ обширныхъ предѣлахъ, владѣли почти такимъ же пространствомъ земли внутри великой стѣны, какое находится и при настоящей династїи *Цинь*.

Подобное показаніе границъ Китая, при разныхъ

5, Туиъ-дзянь, сочиненіе *Ду-ю*—автора IX вѣка съ подобными же двумя продолженіями оного.

6, Хуанъ-чао-цзянь-ши-вынь-дзянь. Собраніе трактатовъ объ разныхъ предметахъ, писанныхъ учеными и государственными людьми при настоящей Маньчжурской династїи.

Примѣчаніе. Сочиненія сіи послужили источниками и для статьи о поземельной собственности въ Китаѣ.

династіяхъ и въ различные періоды, повело бы насъ въ слишкомъ долгія отступленія отъ избраннаго нами предмета, между тѣмъ какъ опущеніе этого не можетъ произвести особеннаго вліянія на повышеніе и пониженіе итоговъ народонаселенія, потому что западныя области нынѣшняго Китая, въ которыхъ преимущественно и происходила, при сильныхъ династіяхъ, перестановка границъ государства, издавна и до сего времени гораздо менѣе были населены сравнительно съ восточными, и что инородческія тамошнія племена доселѣ еще не вполне зависятъ отъ правительства и слѣдовательно не подлежатъ переписи. Всѣ племена и народы, обитавшіе за великою стѣною и даже внутри ея, — вообще всѣ такъ называемыя внѣшнія владѣнія и инородцы не входятъ въ кругъ нашего обзорѣнія, потому что сіи народы, хотя въ разное время и принадлежали Китаю, состояли только на правахъ зависимости, а не въ совершенномъ подданствѣ; отъ того Китайское правительство, не имѣя силы и власти располагать означенными народами по своей волѣ, облагать податью и употреблять на казенную службу, не считало нужнымъ да и не могло звать число ихъ, и не сохранило въ своей Исторіи свѣденій о населенности этихъ странъ.

Такимъ образомъ предметомъ нашего обзорѣнія будетъ преимущественно народъ Китайскаго пле-

мени, какъ самаго многочисленнѣйшаго. Въ теченіе двухъ-тысячелѣтняго, достовѣрно-историческаго существованія Китая, множество заграничныхъ племенъ силою вторгались въ это государство и, сдѣлавшись повелителями изнуреннаго Китая, навсегда основывали здѣсь свое жительство. Народъ дикій, необразованный, съ приходомъ въ страну, стоящую на высшей степени гражданственности, скоро оставалъ свои отечественные нравы, обычай; чрезъ нѣсколько колѣнъ забывалъ свой родной языкъ, и наконецъ уже ничѣмъ не отличался отъ туземцевъ и совершенно сливался съ Китайцами. Такимъ образомъ проходили десятки, сотня лѣтъ, и заграничные пришлецы испытывали участь побѣжденнаго ими народа: — дѣлались подданными или новыхъ кочевыхъ завоевателей, или въ свою очередь рабами Китайцевъ. Если они по приходѣ въ Китай и составляли какой нибудь отдѣльный классъ; то, съ потерю власти надъ Китайцами, эта особенность скоро исчезала. Они, не желая спокойствіе и удобство осѣдой жизни промѣнять на суровыя кочевья, навсегда оставались съ покореннымъ прежде народомъ, съ которымъ уже такъ сроднились по образу жизни и языку, и своею массою увеличивали только число Китайскаго племени. И такъ предметомъ нашего обозрѣнія будетъ собственно Китай и преимущественно Китаискій народъ.

Китайскіе писатели, говоря о народонаселеніи своего государства, вообще начинаютъ съ весьма древнихъ временъ и полагаютъ, что въ 2275 году до Р. Х. когда Юй, основатель первой въ Китаѣ династіи Ся, окончилъ осушеніе страны отъ великаго наводненія, распредѣлилъ пашни и подати, — тогда уже населеніе Китая простиралось до 13.553,923 душъ, и что по смерти Государя Шунь, (2205 г. до Р. Х.), когда этотъ Юй принималъ престолъ отъ собравшихся удѣльныхъ князей, послѣднихъ было болѣе 10,000. Число сихъ удѣловъ въ послѣдствіи времени убавлялось съ каждымъ новымъ царствующимъ домою : чѣмъ были ближе времена къ эпохамъ, въ которыя жили историки, и слѣдовательно чѣмъ правдоподобнѣе становились историческія извѣстія, тѣмъ болѣе это число сокращалось. При началѣ второй династіи Шанъ (въ 1766) удѣловъ было только 3000, а когда (1122) домъ Чжоу утвердился на престолѣ Имперіи, въ это время вѣрныхъ вассаловъ считалось только 1773; въ такой же пропорціи уменьшалось и народонаселеніе.

Съ утвержденіемъ третьей династіи Чжоу на престолѣ Имперіи положено прочное основаніе гражданскаго устройства. Все вниманіе государей этого дома, правительственныхъ лицъ и мудрецовъ устремлено было къ тому, чтобы утвердить спокойствіе и благоденствіе государства: всѣ заняты были политикою, то

есть мѣрами и правилами, которыя могли бы составить счастье цѣлаго народа. Въ это время правительство пришло къ той мысли, что гдѣ численность, тамъ и сила, слѣдовательно многочисленность населенія государства можетъ открыть ему возможность располагать большими доходами и людьми на свои службы. Почему оно ясно сознало необходимость знать народъ, его численность, бытъ и состояніе, имущество, — знать его во всѣхъ отношеніяхъ; отъ того перепись народа въ первый разъ, при сей только династіи, получила важное значеніе. Съ такою цѣлію были учреждены особенные чиновники, которые ежегодно обязаны были повѣрять число народа, различать возрастъ и лѣта каждаго, имущество и прочее, какъ въ Среднемъ царствѣ, такъ и въ удѣлахъ.

По постановленію этой династіи, въ перепись уже вносились дѣти, у которыхъ начинали падать молочные зубы, и имена обоюга пола писались на доскахъ, отъ чего и нынѣшнія ихъ ревизскія сказки называются *банъ-цзи*, то есть списки на доскахъ. Для удобнѣйшаго и точнѣйшаго исполненія этого дѣла опредѣлены были многіе чиновники, изъ коихъ каждый завѣдывалъ только извѣстною частію, отдѣльнымъ классомъ народа. Названія этихъ должностей сохранились въ классическихъ книгахъ и слѣдовательно подобное учрежденіе не подвержено сомнѣнію, если только безъ

ограниченія принимать цѣлость и неповрежденность этихъ книгъ. Всеобщая народная перепись производилась черезъ каждые три года и сверхъ того земскіе начальники, всегда при началѣ года, повѣряли число ввѣреннаго ихъ управленію народа, такъ что къ концу года поступала ко двору списки всего народонаселенія государства. Списки эти, во время жертвоприношенія небу въ зимній поворотъ, представлялись Государемъ небу, въ знакъ того, что онъ, какъ сынъ и намѣстникъ его, обязывается пешись объ этомъ народъ, ввѣренномъ верховнымъ существомъ его управленію *).

Такія постановленія касательно переписи народа, сдѣланныя династією Чжоу, послужили образцомъ и правиломъ для послѣдующихъ поколѣній. Какъ они приводимы были въ исполненіе? Какія проистекли отъ нихъ слѣдствія? Какъ значительно было народонаселеніе Китая въ то время? Положительныхъ отвѣтовъ на эти вопросы не осталось въ исторіи. Можно думать, что упомянутыя постановленія произвели самое благотѣльное вліяніе на гражданское устройство, и

*) Религіозный обычай этотъ имѣлъ силу свою при всѣхъ династіяхъ. И нынѣшняя Манчжурская династія слѣдуетъ тому же обыкновенію съ небольшимъ исключеніемъ, именно: при восшествіи на престолъ новаго Государя, когда онъ совершаетъ жертвоприношеніе на жертвенн къ неба въ знакъ извѣщенія о своемъ вступленіи на престолъ, и въ продолженіе царствованія этого Государя это повторяется нѣсколько разъ, смотря по обстоятельствамъ.

начала всеобщаго образованія, положеннымъ этою династією, очень успѣшно дѣйствовали на размноженіе народа. По окончаніи войны за престолъ съ прежнею династією, въ государствѣ настало глубокое спокойствіе, такъ что *У-ванъ*, первый изъ этого дома Государь, могъ сказать: «я однажды только надѣлъ военное платье и поднебесная воспріяла спокойствіе; теперь, опустивъ полы платья до земли и сложа руды, управляю государствомъ». И это мирное состояніе государства продолжалось болѣе 350 лѣтъ. Очевидно, при такихъ обстоятельствахъ народонаселеніе должно было возвыситься и, если вѣрить позднѣйшимъ историкамъ, предположительно впрочемъ вычислившимъ населенность Китая въ эти счастливыя времена, оно въ XI вѣкѣ представляло 13.704,923 души.

Но съ половины династіи *Чжоу*, съ того времени, какъ *Пинъ-ванъ* (770 — 719), тѣснямый Западными инопордцями *Си-жунъ*, принужденъ былъ перенести свой дворъ на Востокъ въ *Ло* *), и въ слѣдствіе бывшихъ до него безпорядковъ по управленію, государство стало клониться къ упадку. Это стало обнаруживаться и на числѣ народа, такъ что въ 685 году за предѣлами 500 *ли* уже небыло подданныхъ «сына неба» и въ такой же соотвѣтственности понизилось и народонаселеніе. Въ томъ же году, «начиная съ дѣтей

*) Имя *Ло-лянь-сянь* въ губерніи *Хэ-нань*.

Государя до послѣдняго подданнаго» всего считаютъ только 11.941,923 души. Такимъ образомъ, чрезъ 430 слишкомъ лѣтъ, уменьшеніе оказалось въ 1.763,000 душъ.

Наступаетъ періодъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ : весна и осень (*Чунь-цю*), и наноситъ еще сильнѣйшій ударъ народонаселенію. Удѣльные князья, забывъ обязанности свои къ главѣ Имперіи, вступили между собою въ кровопролитную войну; предводительствуя цѣлыми арміями, переходили изъ одной области въ другую, не дорожили ни засыянными пашнями, ни жизнью беззащитнаго народа. Такое состояніе государства продолжалось 242 года, въ которые 52 удѣла кончили свое существованіе и погибло великое множество жителей. Послѣ такого потрясенія государства, *Чжоускіе* Государя уже ни какъ немогли возвратить прежней своей власти и силы. Удѣльные князья, усилившись въ періодъ *весны* и *осени*, получили сильное вліяніе на судьбу своего повелителя; избраніе и поддержаніе его на престолѣ зависѣло отъ воли сильнѣйшаго, и онъ, нося одно только названіе главы Имперіи, не могъ положить конца раздорамъ и кровопролитнымъ войнамъ между своими вассалами. Такимъ образомъ кровопролитіе, окончившееся въ 480 году, при безсиліи князей, снова началось еще съ большимъ ожесточеніемъ. Удѣльные князья притворно поддер-

живали главу Имперіи, а тайно старались захватить въ свои руки это достоинство; почему всё цѣли и намѣренія каждого направлены были къ тому, чтобы склонить болѣе народа въ свое подданство, и каждый старался отрѣзать часть владѣній у другаго. Цѣлыя области или удѣлы воевали другъ противъ друга, десятитысячныя арміи приводимы были въ движеніе, не было пощады ни полямъ, ни жизни народа. Ожесточеніе было таково, что послѣ одного сраженія отрѣзано было болѣе 240,000 головъ. Это ожесточеніе еще болѣе усилилось, когда всё удѣлы превратились въ 7-мь царствъ, когда владѣтели ихъ, почитая уже болѣе ненужнымъ поддерживать главу Имперіи изъ потомковъ *Чжоускаго* дома, открыто боролись между собою за верховный престолъ въ теченіи 33 лѣтъ (255 — 222); когда весь Китай взволновался и всякой мушьяна былъ уже солдатъ; когда, если вѣрять полководцамъ *Су-цинъ* и *Чжанъ-и*, дѣлавшимъ счетъ народу, въ 7 означенныхъ царствахъ было 5.000,000 ратниковъ, а всего народонаселенія болѣе 10.000,000.

Государь династіи *Цинь Ши-хуанъ-ди* положилъ конецъ періоду, извѣстному въ исторіи подъ именемъ *браней царствъ (Чжанъ-го)*. Удѣльные князья или кончили свою жизнь, или вступили въ разрядъ обыкновенныхъ подданныхъ, и ихъ владѣнія сдѣлались

собственностію государства и самодержца, потому что *Ши-хуань-ди* уничтожилъ феодальную систему управленія, бывшую источникомъ долговременныхъ кровопролитій. Переходъ отъ удѣловъ къ единодержавію, по свидѣтельству исторіи, стоилъ государству трети народонаселенія всего Китая тогдашняго времени. Къ этому присоединились неудовольствія и ропотъ, возбуждаемые бродячими мнимо учеными грамотѣями на новый порядокъ вещей, ропотъ, переходившій въ бунты, для утишенія которыхъ требовалось принести много жертвъ. Кромѣ того государство было обезпоковаемо извнѣ усилившимися тогда Гуннами.

Ши-хуань-ди для того, чтобы преградить имъ путь въ предѣлы Китая, предпринялъ построеніе великой стѣны, на что потребовалось болѣе 400,000 взрослыхъ мушкетъ; югъ требовалъ крѣпкой охранительной линіи, куда и собрано до 500,000 солдатъ; охранная стража Государева дворца и кладбища состояла изъ 700,000 солдатъ. При этомъ Государь, во плану министра *Шань-ля*, не совсѣмъ справедливо заслужившаго проклятіе въ потомствѣ, установлены тяжкія повинности. Въмѣсто того, чтобы посредствомъ общественной работы воздѣлывать опредѣленный на Государя участокъ земли, всѣ поля обложены десятиннымъ взносомъ въ казну сырыхъ произведеній, а касательно служебной повинности введено ежемѣсячное

перемѣщеніе изъ одного мѣста въ другое: одинъ мѣсяць въ областныхъ городахъ, другой въ уѣздныхъ, третій въ столицѣ; одинъ годъ на военныхъ поселеніяхъ, другой въ работахъ на казну, и тѣмъ служебная повинность увеличилась противъ прежняго въ 30 разъ. Такъ какъ къ сей повинности обязаны были всѣ, не исключая даже дѣтей министра, которые должны были прослужить опредѣленный срокъ на пограничныхъ караулахъ: то позволено было недостаточнымъ лицамъ откупаться отъ такой обязанности взносомъ въ казну 300 мѣдныхъ монетъ. Но бѣдные, не въ состояніи будучи заплатить такую по тогдашнему времени значительную сумму, отправлялись на свой пость; отсюда черезъ мѣсяць ѣхали въ другое мѣсто и на другую службу, такъ что большая часть времени проходила въ однихъ переѣздахъ; наконецъ они принуждены были наниматься за другихъ и тѣмъ свискивать себѣ пропитаніе, оставляя на произволъ судьбы свои семейства. Почему нисколько не удивительно, когда говорить исторія, что трупы цѣлыми рядами лежали по дорогамъ.

Съ смертію *Ши-хуанъ-ди* рушилось зданіе, воздвигнутое его геніемъ и мощною волею; поднялись возмущенія и изъ уничтоженныхъ удѣловъ снова возникъ удѣлъ *Чу*, вступившій въ борьбу съ наследниками *Ши-хуанъ-ди* за свои права и независимость (въ 209).

Безчеловѣчіе и жестокость, съ которыми провадилась эта борьба, были такъ велики, что въ одинъ разъ «зарыто было въ ямы болѣе 200,000 воиновъ; въ сраженіи около города *Пынь-чэнъ* *) запружена была рѣка трупами». Наконецъ, при такихъ смутныхъ обстоятельствахъ, усиливается одинъ деревенскій старшина и основываетъ удѣль *Хань*, которому удалось захватить утомленную кровопролитіями Имперію въ свою власть (202). Такой подвигъ доставилъ знаменитость дому *Хань*, царствовавшему со славою, но не безъ сильныхъ кровопролитій. Утвердиться на престолѣ Имперіи, — основателю сей новой династіи стоило милліона однихъ убитыхъ и раненыхъ, такъ что изъ 10.000,000 душъ, составлявшихъ народонаселеніе Китая во время семи царствій, не стало трехъ частей.

Съ основанія государства до воцаренія *Ханьской* династіи у позднѣйшихъ Китайскихъ историковъ означены четыре итога для народонаселенія Китая, въ четыре же различныя эпохи сумма средняго количества жителей восходитъ выше 10.000,000. Этотъ итогъ показанъ г. Біо **) еще не очень увеличеннымъ и онъ, по своимъ собственнымъ, ни на чемъ неоснованнымъ соображеніямъ, вопреки всемъ Китай-

*) Въ нынѣшней губерніи Цзянь-су, въ области Сюй-чжоу-фу.

**) Journal Asiatique, tome. 1 1836. Memoire sur la population de la Chine...

скими писателями, возвысилъ его почти вдвое. Древняя историческая книга *Шу-цзинь* представляетъ вамъ страну, гдѣ начала развиваться оскѣдность и благоустройство государства, дикою, поросшею дремучими, непроходимыми лѣсами, такъ что, для разчистки мѣста подъ пашни, требовалось вырубать лѣса на протяженіи цѣлой страны. При третьей династіи *Чжоу*, когда государство стало уже самостоятельнымъ, тольکو половина, едва ли не треть нынѣшняго Китая была обитаема, и эта часть неравно была населена. Народонаселеніе скоплялось около рѣкъ и земледѣліе, при всѣхъ неудобносполнимыхъ распоряженіяхъ, шло не очень успѣшно, какъ видно изъ *Минь-цзы*. Но и эти населенныя мѣста представляли деревеньки, разбросанныя на далекомъ разстояніи другъ отъ друга. По замѣчанію *Гуань-цзы*, пастухи стадъ жили врозь, на разстояніи десяти *ли* вокругъ не было жителей и каждая деревня по распредѣленію содержала только 8 семействъ. Самые удѣлы, по свидѣтельству *Минь-цзы*, были не обширны: удѣлъ *Шань*, смѣнявшій династію *Ся*, заключалъ только десять квадратныхъ *ли*, а удѣлъ *Чжоу*, уничтожившій династію *Шань*, только семь *ли*. По всему видно, что деревни и города стали умножаться тольکو со времени династіи *Чжоу* и то: тольکو съ той эпохи, когда дворъ перенесенъ былъ на Востокъ, въ *Ло-янъ*, нынѣшнюю *Хэ-наньскую* губернію. Весь югъ

былъ обитаемъ дикими независимыми племенами. Теперь гдѣ помѣстить эти 10,000 уѣзловъ, если допустить это число, какъ историческое данное, а не въ значеніи собирательномъ — въ смыслѣ множества, по свойственнымъ Китайскому языку оборотамъ рѣчи, или какъ число семействъ и главныхъ родовъ, изъ коихъ составилось государство? Откуда взять такую массу народа? Извѣстно, что государство разширилось во всѣ стороны на значительныя протяженія, только со времени династии *Цинь* въ III вѣкѣ до Р. Х. Между тѣмъ позднѣйшіе писатели временъ около Рождества Христова, основываясь на лоскуткахъ, какими-то чудесами уцѣлѣвшихъ отъ времени и всеобщаго истребленія историческихъ книгъ при *Ши-хуань-ди*, вычислили количество жителей при первыхъ трехъ династіяхъ.

Два основанія представлялись Китайскимъ писателямъ достаточными для рѣшенія задачи численности народа въ счастливыя времена при Государяхъ *Яо*, *Шунь*, прославленныхъ *Кун-фу-цзы* и его учениками, какъ эпоха высшаго гражданскаго устройства. Эти основанія суть: земскій распорядокъ управленія и пахатныя земли. Первое могло бы подтвердить предлагаемую задачу, если бы въ древнихъ книгахъ означено было, сколько въ то время находилось главныхъ областей, къ коимъ низшія инстанціи относились, какъ

къ своему центру. Если принять число 9 главных областей, учрежденных князем Юй, тогда народонаселение будет незначительно въ XIII вѣкѣ: не болѣе 100,000 семействъ и по самой болѣе мѣрѣ миллионъ душъ. Выкладка по пахатнымъ землямъ ничего не можетъ доказывать, потому что класическія книги лишь показываютъ сколько на душу давалось десятинъ, а полнаго количества обрабатываемой земли нѣтъ, для опредѣленія котораго нужно взять произвольно допущенное число душъ.

Замѣчательно, что въ XIII и XI вѣкахъ до Р. Х. число жителей почти одно и то же, болѣе 13,000,000, и разность между ними заключается въ немногомъ — въ 150,000; значитъ: только такимъ ничтожнымъ количествомъ возрасло народонаселение въ теченіи тысячи сльшкомъ лѣтъ; самыя дробн въ первыхъ трехъ итогахъ однѣ и тѣже (923). Все это доказываетъ, что данныя или основанія, принятыя историками для вычисленія, были однѣ и тѣже, слѣдовательно произвольны. Безъ сомнѣнія, народонаселение при династіи Чжоу должно было быть уже довольно значительно, если принять во вниманіе народонаселение Китая, оказавшееся по переписи, сдѣланной при Ханьской династіи, чрезъ 200 лѣтъ впрочемъ послѣ утверженія ея на престолѣ и по распространеніи предѣловъ государства; но можно съ увѣрен-

ностію полагать, что въ XVIII вѣкѣ, при началѣ образованія государства, народонаселеніе не могло стоять такъ высоко, какъ значитъ у позднѣйшихъ писателей.

Съ утвержденіемъ *Ханьскаго* дома на престолѣ Имперіи, государство, утомленное кровопролитіями въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, воспріяло спокойствіе, особенно при Государяхъ, все вниманіе обращавшихъ на внутреннее устройство, распространеніе просвѣщенія, и чуждыхъ военнымъ предпріятіямъ. Всѣ почти преобразованія, сдѣланныя *Циньскими* Государемъ *Ши-Хуань-ди*, возбуждавшія повсюду ропотъ и кончившіяся паденіемъ его дома, при династіи *Хань* напротивъ были усвоены и получили настоящій ходъ. Откунь, или взносъ монетою за слѣдовавшую очередь на службу, подалъ идею установить постоянный поголовный налогъ или подушную подать, и тѣмъ избавить народъ отъ обязанности являться на службу, которой отправленіе требовало менѣе времени, чѣмъ самая явка, то есть время, проведенное въ дорогѣ. Между тѣмъ, при началѣ этой династіи бѣдность и нищета такъ были всеобщы, что первый Государь изъ этого дома, чтобы доставить какія нибудь средства къ пропитанію бѣдному классу народа, позволилъ ему продавать или закладывать собственныхъ дѣтей или самихъ себя въ рабство. Постановленіе это положило начало *набагъ*, до сего времени существующей въ Китаѣ и терпимой

правительствомъ. При такомъ состояніи нельзя уже было думать о брачномъ союзѣ, когда и для одного лица не доставало пропитанія; отъ того, какъ всюду замѣчено, размноженіе народа нисколько не подвигалось впередъ и повсюду замѣчался ощутительный недостатокъ въ людяхъ, произведенный прежними опустошительными войнами. Почему правительство въ 189 г. до Р. Х. принуждено было обложить двѣиць, съ 15 до 30 лѣтъ невышедшихъ замужъ, тяжелою невою или повинностію, въ пять разъ большею противъ взрослоу мущины; такому валогу не подвергались даже рабы и купцы, платившіе только двойную подать противъ полновозрастныхъ поселянъ. Чтобы отвратить нищету и бѣдность, тяготѣвшую надъ народомъ, и тѣмъ болѣе способствовать его благоденствію и спокойному размноженію, правительство уменьшило подушную подать до третьей части, то есть изъ трехъ частей дозволило платить только одну, а поземельный налогъ до 30-й части, то есть изъ 30 человекъ вносили поземельную подать только одинъ.

Спокойствіе государства и такія льготы, данныя народу, распространили повсюду довольство и значительно подняли итогъ народонаселенія. Правда, съ 140 года до Р. Х. Государемъ *У-ди* предприняты были войны съ заграничными народами, каковы *Жуны* и особенно усилившіеся тогда *Гуны*. Войны сіи, див-

шіяся въ теченіи 50 слишкомъ лѣтъ, стоили большихъ пожертвованій: государство лишилось безчисленнаго множества народа, а народъ прежняго довольства. Хотя этимъ предпріятіемъ Китай распространилъ предѣлы свои и отодвинулъ непріятелей отъ границъ, но эти пріобрѣтенія не вознаградили вполне потерь, понесенныхъ государствомъ. Преемники *У-ди* оставили военные предпріятія, народъ съ особеннымъ стараніемъ и спокойно принялся за земледѣліе, мало по малу стало возвышаться народонаселеніе государства и во 2-мъ году по Р. Х. итогъ его простирался до такого количества, какого до сего времени и въ остальное время существованія этой династіи не было. Этотъ итогъ: 12.233,062 семейства и 59.594,978 душъ! Такимъ образомъ въ самую счастливую эпоху при западной династіи *Хань* народонаселеніе Китая возвысилось до великой такой значительности, а отношеніе числа душъ къ семействамъ круглымъ счетомъ по 48 или почти по 49 душъ на 10 семействъ ясно доказываетъ благоприятствующія размноженію народа обстоятельства того времени.

Скоро исчезло спокойствіе и благоденствіе, которымъ такъ долго наслаждалось государство. Въ 5-мъ году по Р. Х. явился человекъ съ планами на престолъ: это министръ *Ванъ-манъ*, который въ 9-мъ году, (по

Р. X.) достигъ своей цѣли. Такое престолахнищичество произвело на 15 лѣтъ во всемъ государствѣ смятенія, которыя скоро смѣнились новыми, поднятыми мятежниками, извѣстными подъ именемъ *краснобромыхъ*. Смятенія и бунты, продолжавшіеся по всему государству 16 лѣтъ, были столь опустошительны для народонаселенія, что, по свидѣтельству исторіи, изъ 10 частей осталось только двѣ, много три, и что послѣ возстановленія *Ханьскаю* дома, когда война прекратилась и государство наслаждалось спокойствіемъ, кромѣ впрочемъ землетрясенія въ 46 г. по Р. X., произведшаго всюду ужаснѣйшія опустошенія, чрезъ 32 года послѣ тѣхъ переворотовъ, въ 57 году во всемъ государствѣ считалось только : 4.276,634 семейства и 21.007,820 душъ. Такимъ образомъ народонаселеніе упало до третьей части сравнительно съ итогомъ, какой представила перепись 2-го года христіанской эры.

Такой чувствительный упадокъ народонаселенія побудилъ правительство принять мѣры, которыя могли бы возстановить прежнюю численность народа и способствовать размноженію его. Съ этою цѣлію очень часто оно прощало народу подати, избавляло отъ повинностей, и въ особенности семейнымъ людямъ оказывало вспомошествованіе; такъ въ 85 г. по Р. X. постановлено : каждой женщинѣ, носящей подвязку въ послѣднемъ предѣлѣ беременности, выдавать изъ казны

по три мѣшка пшена, а мужа ея избавлять на одинъ годъ отъ подушной подати. При такой заботливости правительства и при томъ глубокомъ спокойствіи, которымъ наслаждалось государство непрерывно въ теченіи ста лѣтъ послѣ переворотовъ, происходившихъ въ первой четверти Христіанской эры, народонаселеніе стало умножаться и это приращеніе шло даже очень быстро. Всѣ переписи, которыя по постановленію этой династіи (Восточной Хань) погодовно производились въ самый годъ кончины Государей, представляли самые отрадныя результаты — постоянное приращеніе народа, и въ 157 году итогъ всего народонаселенія состоялъ изъ 10.677,960 семействъ и 56.486,856 душъ *).

Послѣ продолжительнаго спокойствія въ государствѣ и счастливой эпохи для увеличенія народонаселенія, снова запыхала междоусобная война, которую въ 184 году произвели мятежники, извѣстные подъ именемъ *желтыхъ комаковъ*. Бунтовщики сіи опустошили столицы, сожгли дворцы, принудили Государя удалиться изъ одной области въ другую и наконецъ совсѣмъ переселиться

* Въ исторіи династіи *Хоу-хань* значится: 16.070,906 семействъ и 80.066,856 душъ; но позднѣйшіе писатели, на основаніи одного историческаго свидѣтельства, что въ счастливую эпоху для народонаселенія при этой династіи въ 10 семействахъ считалось 32 души, исправили итоги, показанные въ исторіи, въ которыхъ замѣчалась несообразность числа душъ съ числомъ семействъ, именно: на одно семейство приходится только по три души. Въ текстѣ предложены исправленные итоги.

на западъ; опустошеніе и истребленіе повсюду представляло ужасное зрѣлище: трупы въ безчисленномъ множествѣ валялись по дорогамъ и полямъ безъ погребенія; по свидѣтельству исторіи, въ нынѣшней губерніи *Шань-си* метлами мели отрубленные пальцы. Недовольствуясь тѣмъ, мятежники призывали къ себѣ на помощь заграничныя кочевыя племена, которыя еще съ большею свирѣпостію грабили, убивали жителей и всюду оставляли слѣды своего посѣщенія. Въ теченіи 30 слишкомъ лѣтъ происходили такія смуты на всемъ протяженіи государства; отъ того народъ не могъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ, земледѣліе остановилось, голодъ сдѣлался всеобщимъ и принудялъ народъ, покинувъ свои жилища, разсѣяться для снисканія пищи. Между тѣмъ правительство, обременяло остальной народъ тяжкими налогами; — всѣ сіи обстоятельства до того уменьшили народонаселеніе государства, что изъ десяти частей въ спискахъ значилось только двѣ, и ускорили паденіе *Ханьской* династіи.

Три основателя домовъ: *У*, *Вэй*, *Шу*, пользуясь такимъ разстройствомъ государства, успѣли захватить себѣ часть онаго и на развалинахъ *Ханьской* Имперіи утвердить *троецарствіе*. Но такъ какъ всякой изъ нихъ хотѣлъ владѣть не извѣстною только частію, но цѣлымъ Китаемъ — быть Государемъ такой же обширной

Имперія, какою владѣлъ домъ Хань: то междоусобная война еще длилась слишкомъ 60 лѣтъ и имѣла пагубное вліяніе на народонаселеніе Китая. Каждое изъ этихъ государствъ старалось пріобрѣсти болѣе народа, которымъ могло бы располагать для своихъ цѣлей съ болѣею надеждою на успѣхъ въ междоусобной войнѣ, и большими государственными доходами, которые могли возрасти только при числительномъ перевѣсѣ народонаселенія сравнительно съ неприятельскими государствами. Но долговременное кровопролитіе уменьшало число народа вѣрпакаго и здороваго, который преимущественно могъ соотвѣтствовать видамъ правительства; притомъ въ это бурное время множество народа скрывалось и бродило изъ мѣста въ мѣсто для избѣжанія тягостныхъ налоговъ. При такомъ чувствительномъ недостаткѣ въ людяхъ, правительства царствъ Шу и У принуждены были отправлять суда на смежныя съ материкомъ острова для того, чтобы брать въ плѣнъ тамошнихъ жителей и привозить на твердую землю для обработыванія полей или употребленія на службу. При всемъ томъ народонаселеніе Китая, при такихъ кровопролитіяхъ и смутахъ, еще далеко было отъ той степени, на которой оно стояло даже въ злосчастное время при династіи Хань. Дѣйствительно, по сохранившимся спискамъ, составленнымъ тремя правительствами въ разное время между 221 и

240 годами Христіанской эры, общій итогъ народонаселенія Китая во время утвержденія *троецарствія* показываетъ только: 1.473,433 семейства и 7.672,881 душу, считая въ семь итогъ мужчинъ и женщинъ всякаго класса народа, чиновниковъ и простолюдиновъ.

Надобно впрочемъ замѣтить, что, несмотря на на какія государственныя неурюстройства и междоусобія, дѣйствительное народонаселеніе тогдашней эпохи должно было бы показывать большій итогъ. Незначительность его объясняется смятеніями государства, при которыхъ была не возможна правильная перепись народа, принужденнаго внутренними безпокойствами покинуть свои жилища и для собственной безопасности, снисканія пропитанія, и для избѣжанія налоговъ и податей бродить изъ одного мѣста въ другое. Мысль эта подтверждается послѣдующими обстоятельствами. Когда домъ *Цзинь* въ 280 году соединялъ весь Китай подъ одну державу и когда бѣглецы, послѣ дарованнаго имъ прощенія, возвратились на прежнее жительство, — списки тогдашняго народонаселенія государства представляли 2.459,804 семейства и 16.163,863 души. Слѣдовательно вдвое болѣе чѣмъ сколько значилось въ періодъ *троецарствія*.

Цѣлость Китая, какъ Имперіи, и спокойствіе государства, возстановленныя домою *Цзинь*, не очень долго

существовали. Черезъ 25 лѣтъ, въ 305 году, уже образовалось два независимыхъ отъ *Цзиньскаго* дома царства внутри Имперіи. Примѣръ этотъ подалъ поводъ и другимъ потомкамъ прежнихъ царскихъ домовъ или заграничнымъ кочевымъ племенамъ отваживаться, съ оружіемъ въ рукахъ, отыскивать себѣ владѣнія и подданныхъ внутри Китайской Имперіи, такъ что въ остальное время существованія дома *Цзинь* (305 — 419), въ Китаѣ образовалось 16 независимыхъ царствъ. Исторія этого 114-лѣтняго періода представляетъ долгій рядъ смятеній и междоусобныхъ войнъ. *Цзиньскій* домъ, истощенный борьбою съ такимъ многоцарствіемъ, въ 420 году принужденъ былъ передать престолъ своему полководцу, положившему основаніе дому *Сунь*, который также не могъ возстановить прежней цѣлости Имперіи; ибо въ это время Монгольскій домъ *Вэй* (Тоба), чрезъ уничтоженіе 16 царствъ, овладѣлъ всѣмъ сѣверомъ Китая и такимъ образомъ въ 440 году Имперія управлялась двумя династіями. Но такъ какъ оба сіи дома стремились къ обладанію цѣлымъ Китаемъ, то подданные сѣверной и южной династій не видали спокойствія и облегченія, война не утихала, большіе расходы требовали соотвѣтственныхъ доходовъ, и потому на народъ наложены еще тягчайшія повинности и подати, особенно въ южномъ государствѣ *Сунь*.

Вообще въ періодъ многоцарствія IV и V вѣковъ

Христіанской эры тягостные двойные налоги, обременительныя службы на казну, жестокость правителей мелкихъ царствъ, лѣность, безпечность а иногда и самовольство чиновниковъ — все это нравственнo и физически угнетало народъ. Правда, Государя сего времени издали много превосходныхъ постановленій, которыя, бывъ усвоены позднѣйшими династіями, во время мира составили счастье подданныхъ; но въ эпоху, когда раны, нанесенныя государству долговременными кровопролитіями, были очень глубоки и народъ не имѣлъ опредѣленнаго и постояннаго жительствова, самыя мудрыя постановленія не могли спасти народа отъ тогдашнихъ бѣдствій: при всеобщихъ злоупотребленіяхъ законы скоро теряли свою силу. При такомъ положеніи дѣлъ, всеобщая нищета и бѣдность породили такое бродяжничество, какого до того времени не было въ Китаѣ, не смотря ни на какіе политическіе перевороты. Низшій податной классъ народа, чтобы спасти свою жизнь отъ военныхъ смуть, чтобы избавиться слишкомъ обременительныхъ налоговъ, похищавшихъ труды и достояніе его, а нѣкоторые очень вѣроятно по привычкѣ къ праздности и худымъ наклонностямъ, покидали казенныя пашни, собственный домъ и родину и бродили изъ мѣста въ мѣсто, снискивая себѣ пропитаніе всякими средствами.

Такимъ положеніемъ и крайнею бѣдностію низшаго класса, а равно и слабостію правительствъ, воспользовались съ великою выгодною для себя сильные и богатые дома. Улучивъ разные случаи, во время политическихъ перемѣнъ, пріобрѣсти множество земли, они предлагали бѣдному бродячему классу народа брать у нихъ земли въ аренду за половинный противъ казеннаго оброкъ. Народъ, изнуренный казенными повинностями, съ радостію принималъ такія предложенія отъ богачей; а нѣкоторые, для снисканія пропитанія, приставали къ сильнымъ и богатымъ домамъ въ качествѣ слугъ. Злоупотребленіе распространилось въ такой силѣ, что въ одномъ богатомъ домѣ можно было насчитать сто семействъ, а въ нѣкоторыхъ даже до тысячи; такимъ образомъ весь этотъ народъ, прикрываемый богатыми домами отъ поисковъ правительства, избѣгалъ переписи и государственныхъ налоговъ.

Правительство, послѣ произведенной переписи получивъ свѣдѣнія, что многія семейства оставили свое жительство и скрылись, чтобы пресѣчь это зло, возложило всѣ повинности бѣглецовъ на родственниковъ и сосѣдей ихъ, оставшихся на мѣстѣ жительства и хотя съ трудомъ еще приносившихъ пользу государству. Мѣра сія, принятая вѣроятно съ тою цѣлію, чтобы заставить родственниковъ и сосѣдей помогать правительству въ отыскиваніи бѣглецовъ, — произвела

слѣдствія совершенно неожиданныя. Поселяне, и безъ того обремененные налогами за себя и свои семейства, теперь будучи обязаны вносить двойную подать за себя и за бѣглецовъ, противъ воли покидали свое жительство и слѣдовали примѣру своихъ давно скрывшихся родственниковъ и сосѣдей.

Такое положеніе самой значительной части народа и внутреннія войны почти въ теченіи двухъ столѣтій не могли не уменьшить народонаселенія Китая. Переписи, сдѣланныя въ разное время IV, V и частію VI вѣковъ Христіанской эры правительствами малыхъ династій, кратковременно царствовавшихъ, частію погибли во время переворотовъ государства, а частію хотя и уцѣлѣли отъ истребленія, но изъ нихъ нельзя вывести заключенія касательно народонаселенія цѣлаго Китая той эпохи, и нельзя сказать положительно, до какого количества упала численность его жителей. Даже соединеніе Китая подъ одну державу новою династією *Суй* не можетъ вполне рѣшить этой задачи: въ 581 году династією *Чжоу* было передано основателю *Суйскаго* дома 3.599,604 семейства и 9.009,604 души, а въ 589 году, послѣ покоренія царства *Чань*, списки покореннаго народа показывали 500,000 семействъ *). Такимъ образомъ въ эпоху

*) А душъ должно полагать по три на одно семейство, итого на 500,000 должно считать 1.500,000 душъ.

соединенія Китая подъ одну державу итогъ народонаселенія его заключался въ 4.099,604 семействахъ и около 11.000,000 душъ.

Единодержавіе положило конецъ всѣмъ смятеніямъ и войнамъ, колебавшимъ государство въ теченіи двухъ съ половиною столѣтій, повсемѣстный миръ и спокойствіе настали для Китая; но числимость народонаселенія его стояла еще очень низко сравнительно съ тѣмъ, какъ было за 500 слишкомъ лѣтъ при династіи Хань. Правительство скоро постигло истинную причину такой чрезвычайной убыли народа. Первая и самая важная причина состояла въ чрезвычайно обременительныхъ налогахъ, кои неизбежны были при многоцарствіи, когда одинъ домъ былъ въ постоянной враждѣ и войнѣ съ другимъ, налогахъ, побудившихъ податной классъ народа оставлять свою родину, домъ, имущество, для избѣжанія переписей и податей; такое скитальничество породило всеобщую бѣдность и препятствовало спокойному размноженію народа. Второю причиною было усиленіе частныхъ богатыхъ домовъ, которые открыли у себя пристанодержательство для скитальцевъ и, обязывая ихъ обрабатывать свои поля за извѣстный оброкъ, нерѣдко поступали съ ними жестоко и притѣснительно; почему ни для бѣдныхъ, ни для правительства не было ни какой пользы; первое,

состоя въ совершенной зависимости у своихъ земле-
хозяевъ и лишившись прежней своей недвижимой соб-
ственности, не могли поправить своего состоянія, а
послѣднее не получало законныхъ податей.

При такомъ положеніи дѣлъ *Гао-цзюнь* — министръ
Суйскаго дома предложилъ мѣры для уничтоженія
бродяжничества, вкравшагося при раздѣльныхъ и без-
сильныхъ правительствахъ. Онъ отправилъ чиновни-
ковъ составить вѣрную перепись народа, въ которую
новелѣно непременно внести всѣхъ тѣхъ, кои скры-
вались въ богатыхъ домахъ; за малѣйшую погрѣш-
ность — пропускъ или намѣренное укрывательство
душъ — подвергалъ строгой отвѣтственности, какъ
посланныхъ для ревизіи чиновниковъ, такъ и при-
станодержателей, а открывшему пропущеннаго чело-
вѣка позволялось употребить его на казенную службу
вмѣсто себя. Чтобы въ послѣдствіи не подать опять по-
вода народу къ бродяжничеству, *Гао-цзюнь* облегчилъ
подати и повинности, а кромѣ того учредилъ постановле-
нія, доставившія народу спокойствіе, довольство и изоб-
иліе и заслужившія особенное вниманіе и подража-
ніе въ послѣдующихъ вѣкахъ. Бѣдные скитальцы, вне-
сенные въ списки, всѣ возвратились на прежнее житель-
ство; народъ, при легкихъ налогахъ, спокойно занимаясь
земледѣіемъ и другими промыслами, почувствовалъ
во всемъ облегченіе, довольство и росъ въ числѣ; отъ

того народонаселеніе, чрезъ 18 лѣтъ послѣ утвержденія *Суйскаго* дома на престолѣ всей Китайской Имперіи, возвысилось до двойнаго количества семействъ противъ 589 года. Переписи, произведенныя по новымъ постановленіямъ, представляли отрадныя результаты и показали великое достоинство принятыхъ мѣръ; исторія сохранила намъ результаты переписи 606 года, произведенной съ особенною строгостію и стараніемъ; по ней оказалось: 8.907,536 семействъ и 46.019,956 душъ. Это самый большой итогъ населенія Китая въ VII вѣкѣ, и послѣ паденія *Ханьской* династіи.

Но столь высокая численность народонаселенія Китая, послѣ быстрого возвышенія, быстро и упала. Въ 605 году вступилъ на престолъ *Янь-ди*, и тотчасъ предприняты огромныя работы: построеніе столицы въ *Ло* *), на чтѣ ежемѣсячно требовалось до 2.000,000 рабочихъ; соединеніе рѣки *Ло-шуй* съ *Хуань-хэ* (*Желтою*) и *Хуай*; проводъ рѣки *Цинь-хэ* для соединенія съ *Желтою* же рѣкою, постройка великой стѣны отъ востока къ западу на 1,000 ли, на всѣ сіи работы собрано еще болѣе 1.000,000 народу; за недостаткомъ мужчинъ, употребляли въ сіи работы и женщинъ, изъ всего этого количества померло болѣе

*) *Ло-лянь* въ губерніи *Хо-нань*.

половины. Вскорѣ открытъ былъ походъ въ *Хутаноръ* противъ *Тогонскаго* королевства, гдѣ погубило изъ 10 частей арміи — три; три раза предпринимался былъ походъ противъ восточныхъ иноплеменъ, и всего употреблено войска болѣе 1.000,000, а состоявшихъ при обозахъ было вдвое болѣе. Такія предпріятія требовали большихъ расходовъ, для покрытія которыхъ собрана была подать за нѣсколько лѣтъ впередъ. Народъ, приведенный въ крайность такими безвременными и обременительными сборами и частыми требованіями на казенныя работы, снова разсѣялся и сталъ жить бродяжнически; снова возвратилась прежняя нищета и бѣдность; отъ того въ государствѣ вскорѣ изъ 10 челоуѣкъ только одинъ жилъ честнымъ образомъ, а прочіе девять доставали себѣ пропитаніе воровствомъ, грабежемъ и разбоемъ. Такимъ разстройствомъ государства воспользовались сильные князья, потомки прежнихъ династій и главнокомандующіе войска; снова явились покушенія основать новыя династіи, поднялись мятежи, породившіе кровопролитныя междоусобія внутри Имперіи. Народъ, для избѣжанія опасностей отъ такихъ смятеній, такъ разбѣжался, что когда палъ *Суйскій* домъ, и новая династія *Танъ*, послѣ истребленія всѣхъ притязателей на независимое царство, утвердилась на престолахъ всей Имперіи, то могла

внести въ списки только третью часть — 3.000,000 семействъ.

Не смотря на то, что съ водаренія *Таньской* династїи предпринятыя войны противъ заграничныхъ племенъ, жителей Туркистана, *Кореи*, коихъ плѣнными пополнено населеніе по рѣкамъ *Цзунь* и *Хуай*, и противъ другихъ народовъ, обитавшихъ внѣ великой стѣны, кончались успѣшно и доставили случай распространить предѣлы Имперїи и подчинить ей нѣсколько милліоновъ народа; не смотря на это, числительность населенія Китая въ первой половинѣ VII вѣка была еще очень далека отъ той степени, на которой она стояла при *Суйской* династїи.

Правительство было очень озабочено чрезвычайною несообразностію пространства земель съ малочисленностію даннаго населенія. Для облегченія средствъ къ пропитанію народа, установлена была опредѣленная цѣна на всѣ предметы; къ тому же нѣсколько лѣтъ сряду былъ повсемѣстный урожай и жизненные припасы продавались по самой низкой цѣнѣ. При такихъ счастливыхъ обстоятельствахъ и довольствѣ, народонаселеніе стало значительно возвышаться въ своемъ итогѣ. Но въ 682 году въ столичной области большіе дожди произвели великій голодъ и цѣна на хлѣбъ возвысилась до 100 процентовъ; къ этому присоединились болѣзни и всеобщее повѣтріе, по-

хитившія великое множество народа. Однако же народонаселение умножалось и приближалось къ итогу династїи *Суй*. Перепись, произведенная при Императрицѣ *У-тай-хоу*, представила 6.356,141 семействъ, что вдвое болѣе противъ того, сколько значилось при началѣ этой династїи.

Между тѣмъ злоупотребленія чиновниковъ, достигшія крайняго предѣла; опустошенія, произведенныя саранчею во многихъ областяхъ Имперїи, подали поводъ народу къ бродяжничеству. Для пресѣченія столь великаго зла, постановлены особые чиновники для надзора за поселянами и земледѣльемъ; всѣмъ властямъ вмѣнено въ обязанность увѣщевать бродячїй классъ народа оставаться на постоянное жительство; а въ случаѣ, если эти временные жители не возвратятся на прежнія мѣста къ определенному сроку, оставлять и приписывать ихъ тамъ, гдѣ застало ихъ окончаніе срока. На пустопорожнія мѣста вызванъ народъ изъ другихъ областей съ предоставленіемъ ему льготы — легкихъ повинностей въ теченїи шести лѣтъ; вообще работы на казну сокращены тремя днями въ мѣсяцъ; поземельная подать значительно понижена; строжайше запрещено чиновникамъ, завѣдывающимъ хлѣбными магазинами, самовольно расходовать хлѣбъ, для того, чтобы въ случаѣ неурожая помочь народу и воспрепятствовать возвыше-

нію цѣны на жизненныя потребности. Такія распоряженія вскорѣ увѣнчались желаемымъ успѣхомъ: жизненные припасы опять повсюду стали очень дешевы и дороговизна на всѣ предметы исчезла во всемъ государствѣ; сверхъ того въ самый дальній путь за нѣсколько тысячъ *ли* не нужно было запасаться оружіемъ; такъ было мирно и спокойно повсюду.

При такомъ народномъ довольствѣ и спокойствіи государства, народонаселеніе его постоянно возвышалось. Въ 742 году значилось 8.348,395 семействъ и 45.311,272 души; а въ 755, не смотря на ужаснѣйшія опустошенія, произведенныя (754) разлитіемъ горныхъ потоковъ въ обѣихъ столичныхъ областяхъ *Шань-си* и *Хэ-нань*, когда дома и стѣны цѣлыми кварталами были разрушены, когда жители этихъ областей кромѣ того гибли и отъ ужаснѣйшаго голода, распространившагося въ слѣдствіе чрезвычайной дороговизны,—не смотря на это, перепись, составленная въ этомъ году, представляла 8.914,709 семействъ и 52.909,309 душъ. Это самый большой итогъ, до котораго только могла достигнуть числимость народонаселенія Китая при *Таньской* династіи.

Впрочемъ, такъ какъ бѣглецы и бродяги умножались съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе и не поступали въ списки: то, принимая во вниманіе неизбѣжныя при такомъ состояніи народа значительныя опущенія и

пропуски душъ и семействъ, необходимо должно увеличить итогъ населенія, и справедливо можно полагать народонаселеніе этой эпохи по крайней мѣрѣ въ 75.400,000 душъ; но это будетъ вычисленіе, для котораго положительныхъ историческихъ данныхъ нѣтъ.

Послѣ такого счастливаго періода народонаселенія *Таньской* Имперіи, наступило время перелома, послѣ котораго оно при этой династіи стало уменьшаться и никогда уже не могло возвыситься до прежняго количества. Въ томъ же 755 году *Ань-лу-шань*, генералъ-губернаторъ сѣверовосточныхъ провинцій и предводитель 150-тысячной арміи, стоявшей противъ *Ки-дань*, поднялъ бунтъ противъ правительства. Происшедшія отъ того смятенія оставили глубокія раны въ государствѣ и причинили гибель миллионамъ людей. Народъ, при такихъ междоусобіяхъ, снова нашелъ случай, для избѣжанія повинностей, безнаказанно оставлять свое жительство и бродить изъ мѣста въ мѣсто; изъ этого бродячаго класса образовались разбойничьи шайки. Вскорѣ послѣ того началась 150-лѣтняя борьба съ Тибетскимъ государствомъ. Война эта производилась бѣльшею частію на западныхъ предѣлахъ Имперіи и сопровождалась значительными потерями для Китая не только многочисленнаго войска, но и цѣлыхъ областей. Число солдатъ въ цѣломъ государствѣ увеличено противъ

прежняго до одной трети — всего было 830,000, которые всё жили и содержались на счетъ поселянъ; государственные доходы далеко не покрывали издержекъ, увеличивавшихся съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Народъ, видя слабость правительства, смѣлѣе отваживался скрываться отъ податей, и бродяжничество вошло во всеобщее обыкновеніе, не смотря на постановленіе правительства лишать убѣжавшихъ съ мѣста жительства имущества движимаго и недвижимаго, если только они не возвратятся на родину къ опредѣленному сроку. Отъ того списки народонаселенія скоро понизились въ своихъ итогахъ; по переписи, произведенной въ 780 году нарочно отправленными дворомъ вельможами, оказалось только 3.805,076 семействъ.

При такомъ маломъ количествѣ внесеннаго въ списки народа, трудно было ограничиться обыкновенными не слишкомъ обременительными сборами, тѣмъ болѣе, что еще въ 760 году, съ пониженіемъ итога народонаселенія, уменьшилось число податныхъ душъ. По сей причинѣ правительство, для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, вынужденнымъ нашлось удвоить прежніе налоги, измѣнивъ и прежнюю систему податей и повинностей. Эта мѣра и усилившіяся злоупотребленія чиновниковъ, которые, по выраженію лѣтописей, изсушали озера, не думая о

томъ, что и рыбы не станеть, — повели къ всеобщей нищетѣ, и бродяжничество еще болѣе усилилось, такъ что въ нныхъ областяхъ осталась только половина жителей а въ другихъ и того менѣе. Чтобы остановить бродяжничество, правительство постановило возвращать собственность бѣглецамъ, послѣ двухлѣтняго отсутствія возвратившимся на прежнее жительство; а до времени ихъ возвращенія, повелѣно вносить за нихъ подать родственникамъ и сосѣдямъ. Такою мѣрою нѣсколько приостановлено бродяжничество, потому что семейства и лица, обязанныя вносить подать за бѣглыхъ, помогали правительству отыскивать ихъ убѣжища и возвращать къ своему долгу. Равно, для пополненія народонаселенія, положена преграда сильно распространившемуся буддизму, котораго послѣдователи, — одни по набожности, другіе для избѣжанія государственныхъ повинностей, — дѣлались монахами; почему въ 845 возвращено въ міряне болѣе 265,000 душъ обоего пола. Впрочемъ, всѣ старанія правительства возвысить численность народонаселенія увѣнчались маловажными успѣхами. Оно въ теченіи 150 лѣтъ — остальнаго времени смутнаго существованія этой династіи, когда государство бѣдствовало отъ внутреннихъ и внѣшнихъ войнъ, цылавшихъ на всѣхъ четырехъ сторонахъ, отъ неурожаевъ и худаго управленія, постоянно представляло весьма незна-

чительные итоги: отъ 2 до 5 милліоновъ семействъ; слѣдовательно къ концу этой династіи число семействъ уменьшилось до трехъ слишкомъ милліоновъ.

Таньская династія, приведенная въ совершенное безсиліе, кончила свое почти трех-вѣковое существованіе въ 907 году. Съ паденіемъ ея снова уничтожилась и цѣлость политическаго существованія Китая. Новая династія *Лиань* не въ силахъ была утвердить свою власть надъ всею Имперіею, которою думалъ овладѣть основатель этого дома, умертвившій своего Государя; снова Китай раздробился на части между разными правительствами, снова открылась обширная дорога для кочевыхъ завоевателей во внутрь Имперіи. Въ теченіе 53 лѣтъ пять династій смѣнили одна другую; между тѣмъ въ то же время десять домовъ отдѣльно и независимо владѣли своими удѣлами, по случаю и незаслуженно приобретенными.

Во все это время пылала междоусобная война, похитившая безчисленное множество народа, но не сохранилось никакихъ списковъ населенности тогдашняго времени. Въ 960 году престолъ достался *Суньскому* дому; но и онъ, во все долговременное свое существованіе, не могъ соединить раздробленныхъ частей Имперіи въ одно цѣлое политическое тѣло; потому что *Кидань* на сѣверовостокѣ, а *Тангутскій* домъ *Ся* въ Ордошѣ, уже составляли сильныя государства въ то время, ког-

да *Суньскій* домъ боролся на югъ съ мелкими владѣтелями за цѣлость Имперіи.

Два государства сіи, возникшія при концѣ *Таньской* династіи, когда Правительство занято было преимущественно западомъ и внутренними смятеніями, и усилившіяся во время пяти династій (908 — 960), по мѣрѣ возрастанія своего могущества, подавались внутрь великой стѣны; съ каждымъ годомъ они приобрѣтали цѣлыя области Китая и увеличивали число своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ всѣ сѣверовосточныя и сѣверныя провинціи *Чжи-ли*, *Шань-дунъ* и *Сань-си* достались во власть *Киданей*; а *Шань-си*, *Гань-су*, часть *Сань-си* и даже *Хэ-нань* дому *Ся*. При такомъ состояніи, пространство Имперіи значительно сократилось въ своихъ предѣлахъ и слѣдовательно населенность Китая при *Суньской* династіи должна стоять ниже того количества жителей, какое было при *Таньской*.

Суньскій домъ, послѣ уничтоженія мелкихъ владѣній на югъ въ 997 году, по своимъ народнымъ спискамъ считалъ только 4.132,576 семействъ. Послѣ того на время все стихло въ государствѣ; народонаселеніе стало мало по малу размножаться при заботливости правительства о благосостояніи народа, особенно когда оно приняло мѣры къ огражденію личности подданныхъ.

Мы видѣли, что послѣ паденія *Ханьскаго* дома, ког-

да Имперія раздробилась на нѣсколько частей, — тягостные налоги принудили жителей бродить изъ мѣста въ мѣсто и брать земли въ аренду у частныхъ владѣльцевъ. Бродяжничество сіе существовало при всѣхъ династіяхъ; постановленія и мѣры, принимаемыя въ разное время, не въ состояніи были совершенно искоренить его. Кромѣ того, что означенный классъ народа, нанимая земли у частныхъ владѣльцевъ, оставлялъ казенныя, которыя не приносили никакой пользы правительству; но, постояннымъ бродяжничествомъ доведенный до крайней нищеты, онъ нерѣдко принужденъ былъ богатымъ домамъ закладывать своихъ дѣтей или младшихъ родственниковъ, и даже самихъ себя. Кабала эта дѣлала челоуѣка совершенно потеряннымъ и лишала его всякой возможности приобрести собственность и чрезъ то составить довольство и счастье своей жизни и семейства. Между тѣмъ бродяжничество и кабала, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, вошли между народомъ въ такое обыкновеніе и такъ слились съ нравами жителей, что правительства никакими мѣрами не могли остановить этого потока.

Султскій домъ предпринялъ другими средствами облегчить участь скитальцевъ и бѣдняковъ. Зная, что возвращеніе на прежнее жительство для бѣдныхъ не очень легко, а для казны обременительно, правитель-

ство сдѣлало распоряженія, которыя клонились къ тому, чтобы воспрепятствовать частому переселенію народа изъ одного мѣста въ другое. Съ этою цѣлю оно вмѣнило въ обязанность земскимъ начальникамъ увѣщевать бѣдный бродячій классъ людей оставаться на всегдашнее жительство въ его округѣ, и тотъ изъ чиновниковъ, который большее количество временныхъ жителей водворялъ въ своемъ округѣ, имѣлъ право на большія награды. Чтобы бѣдные и вообще временные жители, въ крайнихъ обстоятельствахъ, не кабелили себя на-вѣчно или временно своему хозяину и такимъ образомъ не дѣлались рабами, правительство опредѣлило наказаніе всѣмъ, которые вздумали бы приобрѣтать себѣ всегдашнихъ слугъ посредствомъ кабалы; а за тѣхъ, которые по причинѣ крайней бѣдности давно уже заложили себя, выдавало выкупъ хозяевамъ.

Мѣры сіи увеличили число податнаго народа и возвысили народонаселеніе государства. Въ 1021 считалось 8.677,677 семействъ и 19.930,320 душъ; въ 1080 возвысилось уже до двойнаго содержанія — 14.852,684 семействъ и 33.303,889 душъ; а въ 1102 году населенность *Сунгскаго* государства состояла изъ такого количества, какого уже не было въ послѣдніе періоды существованія этой династіи: итогъ сей заключается въ 20.019,050 семействахъ и 43.820,769 душахъ.

Къ сожалѣнію, плутовство и обманъ были очень знакомы *Сунъскимъ* чиновникамъ. Хотя правительство поставило въ обязанность земскимъ властямъ стараться о водвореніи бродячаго класса народа въ своемъ округѣ и опредѣлило награды, соотвѣтствующія количеству водворенныхъ семействъ; но чиновники другимъ образомъ привели въ исполненіе благодѣтельное намереніе правительства. вмѣсто того, чтобы останавливать бродячій только классъ народа и способствовать довольству и спокойствію пришельцевъ, чиновники заботились только объ увеличеніи итога семействъ или домовъ въ своемъ вѣдомствѣ и тѣмъ открыть себѣ путь къ повышенію и милостямъ правительства. Съ этою цѣлію они раздѣляли дома, имѣвшіе въ семействѣ нѣсколько душъ мужскаго пола, не позволяли двумъ взрослымъ братьямъ жить вмѣстѣ и составлять одно семейство; отъ такого повсемѣстнаго злоупотребленія естественно увеличивалось число семействъ, но число душъ было не значительно по отношенію къ количеству домовъ, потому что дѣйствительно существующее число душъ нельзя замѣнить вымышленнымъ, иначе съ возвышеніемъ количества душъ должно прибавиться количество податей и число народа, способнаго нести государственныя службы. Всѣ переписи, произведенныя при *Сунъской* династіи, носятъ на себѣ отпечатокъ такого злоупотребленія тогдаш-

нихъ земскихъ властей. По всѣмъ историческимъ даннымъ количество душъ относится къ числу семействъ какъ 2: 1 и слѣдовательно на одно семейство приходилось только по двѣ души, иногда слишкомъ, но никогда не приходилось по три; почему только списки душъ имѣють официальную достовѣрность, на противъ итоги семействъ не заслуживаютъ никакого вниманія *).

Выше сказано было, что при династїи *Сунъ* народонаселеніе никогда не было такъ велико, какъ въ 1102 году; но съ этого времени стало клониться къ упадку.

*) Эта странность въ переписяхъ *Суньской* династїи, замѣченная г. Біо, повела его къ ложнымъ и страннымъ предположеніямъ. Не принявъ во вниманіе того, что Китай при *Суньской* династїи значительно сократился въ своихъ предѣлахъ, сравнительно съ предшествовавшими великими династїями, слѣдовательно въ такой же соотвѣтственности уменьшилось число жителей, и не появъ замѣчанїя Китайскаго автора касательно выше изложеннаго нами злоупотребленїя чиновниковъ, г. Біо сталъ дѣлать вычисленїя полнаго количества жителей; а означенное у Китайскихъ писателей принявъ за итогъ податныхъ душъ. Между тѣмъ, въ переписи 1080 года, выставленной во всей подробности у *Ма-дуань-линя* (которымъ и пользовался г. Біо) ясно означено число семействъ и душъ постоянныхъ жителей и временныхъ, каждаго отдѣльно; а въ слѣдъ за тѣмъ показано число недѣльных, подлежащихъ казеннымъ повинностямъ. Противъ такихъ данныхъ, не имѣя другаго основанїя, странно было бы возставать. Сверхъ того, въ подтвержденїе своей мысли, г. Біо приволнѣтъ перепись 1290 года, когда весь Китай соединенъ былъ Монголами подъ одну державу. Очевидно, перепись сія должна представлять значительнѣйшїй итогъ народонаселенїя противъ *Суньскаго* дома, владѣвшаго половиною Китая. Если соединить показанные итоги народонаселенїя *Суньскаго* дома, владѣвшаго югомъ Китая, и династїи *Гинь*, покорившей подъ свою власть весь сѣверъ; то народонаселенїе въ этомъ вѣкѣ царствованїя двухъ династїй составляетъ даже значительнѣйшее количество противъ того, какое значилось въ 1290 году — въ эпоху соединенїя Китая подъ одну державу. Вообще г. Біо нигдѣ въ своемъ изслѣдованїи не отступалъ такъ отъ истины и не дѣлалъ такихъ произвольныхъ догадокъ, какъ при обозрѣнїи народонаселенїя династїи *Сунъ*.

Причина такого уменьшенія народа должна заключаться въ тогдашнихъ обстоятельствахъ государства. Два вѣдшія государства *Кидань* и *Ся*, покоривъ многія области внутри великой стѣны, были очень опасны для *Суньскаго* дома. Обстоятельство это, чрезвычайно безпокоившее Китайскую династію, побуждало правительство не пренебрегать никакими средствами для того, чтобы вытѣснить ихъ за предѣлы великой стѣны. Еще въ 979 году *Суньское* правительство начало предпринимать войны то съ Ордосскимъ ханствомъ *Ся*, то съ сѣвернымъ дворомъ Китая *Киданями*. Цѣлыя сотни тысячъ приводимы были въ движеніе, и такую же массою солдаты гибли отъ меча непріятельскаго; пораженіе слѣдовало за пораженіемъ. Каждая война почти всегда оканчивалась потерей многочисленнаго войска, уступкою цѣлыхъ областей и, что еще хуже, «безчестіемъ» для *Суньскаго* дома представлять этимъ государствамъ ежегодную, довольно тягостную дань, извѣстную подъ пристойнымъ и смягченнымъ названіемъ подарковъ. Естественно, такія неудачи и униженія для *Суньскаго* дома побуждали его выискивать всѣ возможные случаи, при которыхъ бы можно было возратить потери чувствительныя для государства и смыть пятно униженія, нанесеннаго варварами. Слѣдуя ложному направленію вѣка и той мысли, что святость договоровъ въ отношеніи къ иностран-

нымъ государствамъ не существуетъ для Китайской Имперіи, *Суньское* правительство очень часто, и почти всегда первое, нарушало только что заключенный мирный договоръ съ сими государствами, и подобная несправедливость всегда сопровождалась новыми потерями для Китая.

Тунгусы — *Нюйчжэнь* возстали противъ *Киданей*, и *Суньскій* домъ, желая сдѣлать ихъ орудіемъ своей политики — истреблять варваровъ варварами — тайво заключилъ договоръ съ ними противъ *Киданей*. Но такъ какъ, при исполненіи договора, Китайцы не сдѣлали ничего противъ общихъ враговъ, то Тунгусы, понявъ коварство *Суньскаго* дома, по праву побѣдителей не только не возвратили ему земель внутри великой стѣны, напротивъ, изгнавъ *Киданей* изъ сѣвернаго Китая, отрѣзали значительную часть владѣній у *Суньскаго* дома. Китайское правительство снова предпріяло войну за собственныя владѣнія; но и здѣсь также было несчастливо: два государя отвезены плѣнниками на рѣку *Амуръ*, многія области вновь отошли къ Тунгусамъ, и въ этой крайности *Суньскій* домъ принужденъ былъ заключить еще поноснѣйшій миръ для своей фамиліи — признать себя вассалами *Гиньской* династіи и ежегодно представлять дань, а не подарки.

Такія войны, веденныя Китаемъ почти непрерывно въ XI и XII вѣкахъ, оставили глубокія раны

въ государствѣ. Народонаселеніе его чрезвычайно уменьшилось : не только гибли солдаты въ полвомѣцѣ лѣтъ, чрезъ что останавливалось размноженіе его; но жители цѣлыхъ областей гибли отъ опустошительныхъ дѣйствій войны, или по договору отходили къ новому правительству, слѣдовательно были потеряны для *Суньскаго* дома. Снова предписано земскимъ начальникамъ употреблять все стараніе на то, чтобы возвысить численность населенія и отыскивать избѣгавшихъ переписи, и обѣщаны награды за эти заслуги. Наконецъ постановлено : земскимъ начальникамъ, вновь пріѣхавшимъ на должность, составлять списокъ народа, ввѣряемаго ихъ управленію, и за печатію хранить до окончанія срока, послѣ котораго, при передачѣ должности новому лицу, также обязанному тотчасъ по пріѣздѣ произвести новую перепись, сличать обѣ переписи и по числу народа судить о заслугахъ перваго. Страхъ подпасты ответственности, или потерять случай къ новышемію, побуждалъ чиновниковъ вносить малолѣтнихъ въ списки полновозрастныхъ — способныхъ нести казенныя повинности, и брать за нихъ подать; этимъ они довели народъ до того, что простолюдины стали лишаться жизни собственныхъ дѣтей, лишь бы избавиться отъ платежа новыхъ податей. Правительство, узнавъ объ этомъ, положило выдавать бѣднымъ, послѣ

рожденія младенца, денежное вспомошествованіе (4000 мѣдныхъ монетъ), разумѣется, деньги сіи шли въ руки чиновниковъ, а имѣвшіе право на помощь бѣдствовали по прежнему и въ этой крайности продолжали дѣтубійство. Къ тому присоединились заразы, повѣтрія, наводненія или засухи въ юговосточныхъ провинціяхъ. Бѣдствія сіи довели народъ до такой крайности, что изъ 10 частей двѣ или три частію обратились въ монашество, другіе сдѣлались солдатами, но большая часть разбойниками. При такихъ несчастныхъ обстоятельствахъ государства, народонаселеніе уменьшилось до половины противъ того, сколько значилось въ переписи 1102 года. Въ 1160 произведенная перепись показывала только: 11.375,733 семейства и 19.229,008 душъ *).

При такомъ упадкѣ народонаселенія въ южномъ Китаѣ, сѣверный, находившійся во власти Тунгусовъ, своею населенностію бралъ значительный перевѣсъ надъ числомъ жителей *Сунъскаго* дома. Всѣ обстоятельства благоприятствовали подданнымъ династіи *Гинь*: постоянныя удачи въ войнѣ, менѣе гибельной своими слѣдствіями для побѣдителей; благоденствіе и довольство народное, обитавшія въ Тунгусскомъ царствѣ; постановленія правительства, уничтожавшія всѣ препятствія къ размноженію народа. Предшественники

*) Эта перепись еще яснѣе показываетъ злоупотребленія тогдашнихъ чиновниковъ; по ней и двухъ душъ не приходится на одно семейство.

Тунгусовъ на престолахъ сѣвернаго Китая — *Киданцы* чрезвычайно предались буддѣйской религiи, и по набожности приносили великія пожертвованiя храмамъ и монастырямъ этой вѣры; Государя и богатые знаменитые дома, кромѣ дорогихъ привошенiй деньгами и вещами, приписывали къ монастырямъ поселянъ, обязанныхъ къ двойной подати — одну часть взносить въ казну, а другую въ монастырь, такъ что нѣкоторые изъ монастырей считали въ своемъ владѣнiи до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ душъ. При такомъ богатомъ состоянiи монастырей, естественно множество народа покидало свои дома и вступало въ монашеское братство, тѣмъ болѣе, что этимъ переходомъ изъ міра человекъ отрѣшался и отъ мірскихъ отношенiй — избавлялся отъ казенныхъ податей и повинностей. Тунгусы, послѣ покоренiя сѣвернаго Китая, рѣшились уничтожить это обыкновенiе: имѣнiя всѣ отобраны въ казну, исключая немногихъ монастырей, которые могли представить жалованную грамоту на обладанiе крестьянами — грамоту, данную только государями Киданскими; всѣ монахи, не имѣвшіе грамоты, утверждавшей ихъ въ семъ званiи, возвращены въ міряне, и сверхъ того запрещено кому бы то ни было вступать въ это сословіе безъ предварительнаго разрѣшенiя начальства. Такія распоряженiя и счастливыя обстоятельства государства произве-

ли самое благодѣтельное вліяніе на народонаселеніе Тунгусской Имперіи, совершенно противоположное состоянію населенности въ южномъ Китаѣ. Такъ въ 1193 году у *Суньскаго* дома считалось : 12.302,873 семейства и 27.845,085 душъ , а у *Тунгусской* династіи въ 1195 было : 7.223,400 семействъ и 48.490,400 душъ *). Такимъ образомъ народонаселеніе Китая, состоявшаго подъ двумя державами, въ исходѣ XII вѣка простиралось до 76.335,485 душъ.

Съ этого времени — 1195 года — исторія показываетъ обратное отношеніе между населеніемъ того и другаго государства. Неурожаи и другія бѣдствія все еще тяготѣли надъ южнымъ Китаемъ. Жители, доведенные до крайности этими бѣдствіями и обременительными налогами, почитали единственнымъ средствомъ къ спасенію сдѣлавшееся обыкновеннымъ дѣтубійство , или выбрасываніе дѣтей изъ дома. Хотя *Суньское* правительство и издавало повелѣнія собирать выброшенныхъ дѣтей и воспитывать на казенный счетъ, хотя и заведены были хлѣбные магазины, изъ которыхъ бы преимущественно выдавать вспомошествованіе бѣднымъ, неимѣющимъ средствъ къ пропитанію своего семейства; но столь благодѣтельное

*) Въ этотъ итогъ должно считать и жителей Маньчжуріи; по числу народа въ кочевыхъ аймакахъ, состоявшихъ на правахъ зависимости, не входятъ въ этотъ счетъ.

учрежденіе не исполнялось. Оно доставляло пользу только чиновникамъ, а бѣдные, имѣвшіе право на эту помощь, не видали ни какой помощи къ пропитанію, отъ чего дѣтоубійство, по прежнему, было въ обыкновении между бѣднымъ классомъ народа, котораго число было очень велико. Для прекращенія злоупотребленій чиновниковъ, наконецъ приняты самыя строгія мѣры; постановлено : такимъ бѣднякамъ прощать казенныя подати и избавлять отъ повинностей; волостнымъ главамъ вѣнено въ обязанность доносить начальству о тѣхъ семействахъ, которыя чрезвычайно нуждаются въ пропитаніи, а тѣмъ, которые примутъ выброшенное дитя, повелѣно выдавать изъ казны на его содержаніе. Такими средствами множество народа обращено къ осѣдлой жизни. Чиновники обязаны убѣждать бродячій классъ народа оставаться на постоянное жительство; сверхъ того предписано земскимъ властямъ заботиться о пропитаніи бѣдныхъ беременныхъ женщинъ.

Такія распоряженія, несмотря на предшествовавшія бѣдствія, похитившія значительную часть народа, скоро увѣнчались желаемымъ успѣхомъ : народонаселеніе южнаго государства стало возвышаться. Между тѣмъ въ сѣверномъ Китаѣ оно стало упадать. Неизвѣстны причины такого упадка : бѣдствія ли государства, или короткое знакомство простыхъ Туи-

гусскихъ чиновниковъ съ утонченностію злоупотребленій и испорченностію нравовъ въ южномъ царствѣ, произвели пониженіе въ итогахъ народонаселенія; только въ эпоху возстанія Монголовъ, въ сѣверномъ Китаѣ считалось тремя милліонами душъ менѣе противъ прежняго, тогда какъ у *Суньскаю* дома оказалось приращеніе почти въ милліонъ. Такъ въ 1207 году въ *Тунгусскомъ* царствѣ было 7.684,838 семействъ и 45.816,079 душъ, а въ *Суньскомъ* въ 1223 считалось 12.670,801 семейство и 28.920,085 душъ. Сложивъ въ одно обѣ данныя, сумма народонаселенія Китая въ первой четверти XIII вѣка составитъ 74.136,164 души.

1207 годъ — эпоха возстанія *Чингисъ-Хана* противъ Тунгусовъ — былъ эпохою, съ которой династія *Гимъ* начала быстрыми шагами клониться къ упадку, а съ тѣмъ вмѣстѣ стало уменьшаться и народонаселеніе государства. Кромѣ внѣшнихъ непріятелей — Монголовъ, производившихъ войну самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, полищавшихъ одну область за другою и тѣмъ сокращавшихъ число подданныхъ Тунгусской династіи — были и внутренніе, которые причиняли еще большій вредъ жителямъ. Сѣверныя провинціи преимущественно требовали сильной защиты противъ стремительнаго вторженія Монголовъ; для чего вызвана большая часть войскъ изъ другихъ областей. Пе-

реводъ этихъ войскъ для туземцевъ былъ страшнѣе самыхъ внѣшнихъ враговъ : проходившія войска всюду оставляли слѣды своего посѣщенія, производили грабежи и ужасныя опустошенія, какъ бы въ непріятельской землѣ. Народъ, уже встревоженный прибавкою податей по случаю войны, при такомъ насиліи отъ своихъ соотечественниковъ покидалъ дома, имущество и бѣжалъ въ скрытныя и безопасныя мѣста. Бродяжничество снова возымѣло свою силу, такъ что въ иныхъ округахъ изъ 10 частей только одна, и вѣроятно самая бѣднѣйшая, оставалась на своей родинѣ проводить жизнь между надеждою и страхомъ; а около столицы — Пекина, гдѣ скопилось самое большое и зажиточное населеніе, въ одинъ разъ, по случаю прихода войскъ, разбѣжалось народа до милліона душъ.

Со времени переселенія двора на югъ (1213) все взоры обратились на *Хэ-нань* и туда устремился народъ; губернія *Чжи-ли* оставлена была или въ добычу непріятелямъ или собственной судьбѣ; отъ того водворилась нищета и крайняя бѣдность, такъ что вся страна опустѣла. При такомъ положеніи дѣлъ, число податныхъ душъ значительно сократилось, и слѣдовательно правительству въ такое критическое время не доставало доходовъ, далеко не покрывавшихъ чрезмѣрныхъ издержекъ. Чтобы поправить это обстоятель-

ство, оно сдѣлало измѣненіе въ монетной системѣ, скоро оказавшейся неудобною; перемены слѣдовали за переменами, что привело народъ въ недоумѣніе и внушило недовѣрчивость къ правительству; почему, для поправленія финансовъ, прибѣгли еще къ большому возвышенію податей и налоговъ. Такія мѣры еще болѣе заставили народъ искать спасенія въ одномъ бѣгствѣ, и бродяжничество сдѣлалось всеобщимъ при взаимномъ вспомошествованіи и укрывательствѣ другъ друга, тѣмъ болѣе, что къ чрезмѣрнымъ налогамъ присоединились неурожаи и голодъ въ самой Хэ-нань — житницѣ государства. Правительство, чтобы расположить къ себѣ народъ и извлечь для себя пользу, столь важную въ бѣдственныхъ обстоятельствахъ государства, повелѣло выдать бѣднымъ пищу и одежду, прощало имъ подати за одинъ годъ, обѣщало возвратить бѣглымъ собственность, если они явятся на прежнее жительство прежде окончанія назначеннаго срока. Когда все это не принесло ожидаемыхъ слѣдствій, положено наказаніе всѣмъ, которые не возвратятся на жительство къ опредѣленному времени, а пока, до возвращенія бѣглецовъ, оставшимся на мѣстѣ жительства вносить за нихъ подати. Распоряженіемъ этимъ правительство еще болѣе отдавало отъ себя народъ; никто уже не смѣлъ возвратиться на родину страшась двойныхъ податей — за себя и за другихъ. Наконецъ изъ опасенія смятенія

отмѣнены строгія мѣры; но и этимъ правительство не могло пріостановить бродяжничества. Когда Монголы, которые впрочемъ и сами наводили ужась на побѣжденный народъ своими лютыми и безчеловѣчными поступками, въ 1234 году совершенно покорили своей власти весь сѣверный Китай, находившійся подъ державою *Тунгусской* династїи; то въ 36 дорогахъ или областяхъ могли внести въ списки только 4.754,975 душъ.

Суньскій домъ и послѣ паденія *Тунгусскаго* царства продолжилъ еще на нѣсколько лѣтъ сомнительное свое существованіе въ сосѣдствѣ съ такимъ сильнымъ государствомъ, каковы были въ то время Монголы. Такое шаткое положеніе южнаго двора требовало чрезвычайныхъ пожертвованій: увеличилась потребность въ большемъ противъ прежняго количествѣ людей, обязанныхъ нести личную службу, или въ работахъ на казну, или въ лагеряхъ; государственные доходы, далеко не покрывавшіе издержекъ, не имѣли другаго вѣрнаго источника для своего пополненія, кромѣ возвышенія и увеличенія податей и налоговъ. Коль скоро эта мѣра приводима была въ исполненіе, народъ, изнуренный прежними тяжкими взносами въ казну, по обыкновенію, покидалъ дома и земли и разбѣгался; почему оставались безъ пользы для правительства и тѣ земли, которыя прежде приносили вѣрный доходъ. Бродяжничество распространилось

повсюду, какъ и предъ концомъ сѣверной династїи *Гинь*; къ этому присоединилось нерасположеніе къ правительству народа, потерявшаго вѣру въ правосудіе. Казенныя службы несли одни только бѣдные, а богатые въ такое опасное время почли за лучшее разными происками и подкупами взбавить себя отъ всякихъ повинностей и заниматься торговыми предпрїятїями, въ такія несчастныя времена приносявшими самыя вѣрныя и большія выгоды; отъ того бѣдный классъ народа, образовавъ шайки, сталъ искать средствъ къ своему существованію въ грабежѣ и разбоѣ. Бѣдность и нищета тяготѣли надъ большею частію жителей, такъ что даже въ урожайныя годы, когда цѣны на хлѣбъ были очень низки, народъ скорбѣлъ о томъ, какъ достать ему одинъ гарнецъ пшена. Особенно въ юговосточныхъ провинціяхъ *Минь* и *Чжэ*, то есть нынѣшнихъ губерніяхъ *Фу-цзянь* и *Чжэ-цзянь*, гдѣ въ эту эпоху умноженіе народонаселенія достигло конечнаго своего предѣла, гдѣ, по выраженію Китайскихъ писателей, плечо сходилось съ плечомъ и рукавъ терся объ рукавъ, гдѣ потребности жителей давно уже превышали силы и производительность страны, почитавшейся вертепомъ подлаго и развращеннѣйшаго народа — въ этихъ областяхъ народъ проводилъ самую горестную и бѣдственную жизнь. Между тѣмъ провинція *Цзинь* и *Чу*—

ныиѣшнія *Ху-бэй* и *Ху-нань*, потеряли свою силу и значительность народонаселенія со времени внутреннихъ войнъ въ періодъ *Троецарствія* (220 — 280); отъ такой малочисленности жителей правительство лишалось выгодъ, которыя могла приносить страна, способная къ земледѣлю — основъ благосостоянія государства. Несчастное положеніе государства, и крайняя нищета, тяготѣвшая надъ областями, гдѣ народонаселеніе умножилось не соразмѣрно съ производительностію земли, убѣдили наконецъ Китайское правительство и мудрецовъ, «что сила государства не всегда зависитъ отъ многочисленности народа, что излишнее населеніе, несоразмѣрное съ произведеніями страны и средствами продовольствія, умножая классъ негодяевъ и нищихъ, составляетъ бремени для общества и есть внутренній врагъ государства.»

Къ тому же при концѣ *Суньской* династіи большая часть полей принадлежала частнымъ владѣльцамъ, обработывавшимъ ихъ чужими руками, тогда какъ способные воздѣлывать землю не имѣли этой собственности и лишь дорогими пожертвованіями могли волучать ее въ аренду отъ богатыхъ и жестокихъ владѣтелей. Припасы и необходимыя потребности жизни чрезвычайно поднялись въ цѣнѣ: инья стали дороже противъ прежняго въ три или пять разъ, а земли и дома въ десять кратъ; подати до того воз-

высились, что народъ изъ трехъ частей едва могъ вносить одну. При такихъ трудностяхъ для народа, очевидно бѣдные, снискавшіе только насущный хлѣбъ, не могли обзаводиться семействомъ; отъ того многіе стали вести безбрачную жизнь; отъ того народонаселеніе не могло не только возвышаться въ своемъ числѣ, но даже удерживаться на прежней степени.

Въ послѣднее время существованія *Суньскаго* дома переписи показывали чрезвычайный упадокъ числа жителей, сравнительно съ прежними временами; такъ что по докладу палаты финансовъ въ 1264 народонаселеніе южнаго Китая оказалось только въ 5.696.989 семействъ и 13.026.532 души. Черезъ 16 лѣтъ послѣ сего *Суньскій* домъ кончилъ свое существованіе; Монголы овладѣли его государствомъ въ 1280 году и такимъ образомъ Китай, въ теченіи почти четырехъ вѣковъ раздѣленный на части, снова соединился подъ одну державу *Юаньскаго* дома.

До XIII вѣка Китайская Имперія никогда не была такъ обширна въ своихъ предѣлахъ, какъ при династіи, основанной Чингисъ-Ханомъ. Но эта обширность Имперіи не имѣла впрочемъ вліянія на повышеніе итога народонаселенія при Монголахъ, потому что всѣ внѣшнія, на правахъ зависимости состоявшія владѣнія, весь аймачный, раздѣленный между разными владѣтелями народъ, однимъ словомъ

жители странъ, находившихся внѣ великой стѣны, не вносились въ одни списки съ народомъ, обитавшимъ внутри оной — жителями собственно Китая. Число народа во внѣшнихъ владѣніяхъ или не было извѣстно и самому тогдашнему правительству, или потеряно для исторіи. Впрочемъ и самый Китай при *Юаньской* династіи получилъ большее единство, и обитатели его тѣснѣе были связаны съ правительствомъ, чѣмъ въ прежнія времена. При *Таньской* династіи правительство еще не могло свободно и совершенно располагать народомъ провинцій *Юнь-нань*, *Сы-чуань*, *Гань-су*, *Ху-бэй*, *Лу-нань* и *Ляо-дунь*; но при Монгольской династіи жители этихъ губерній совершенно подчинены были волѣ его, возносили подати, исполняли повинности на ряду съ прочими обитателями Китая.

Такой перевѣсъ и сила *Юаньскаго* правительства должны были усилить народонаселеніе Китая сравнительно съ прежними вѣками. Царствованіе *Хубилая*, послѣ соединенія Китая подъ одну державу, почитается самою блистательною эпохою владычества *Юаньскаго* дома; перепись, произведенная при немъ въ 1290 году, показываетъ значительную населенность тогдашняго Китая. Но смуты и внутреннія неурядица при концѣ династій *Гинь* и *Сунь*, въ разное время уничтоженныхъ Монголами, заставили великое множество народа разсѣяться и вести

бродяжническую жизнь; жестокие и безчеловечные поступки Монголовъ при покореніи Китая еще болѣе побудили народъ скрываться отъ новыхъ повелителей. При прежнихъ династіяхъ вошло въ обычай у народа, изнуреннаго тяжкими налогами и во время смятеній искавшаго безопасности, устраивать такіе дома, которые удобно было бы передвигать съ одного мѣста на другое, то есть жить на судахъ. При *Юаньской* это стало неизбѣжною необходимостію и получило какъ бы законную силу: множество народа строило суда на рѣкахъ и озерахъ и въ этихъ подвижныхъ домахъ основывало свое жительство со всѣмъ семействомъ, а нѣкоторые удалялись въ непроходимыя горы и тамъ селились. Весь этотъ народъ такимъ образомъ избѣгалъ строгаго надзора начальства и никогда не былъ внесенъ въ списки.

Къ тому же Монгольская династія распространила въ Китаѣ систему рабства между покоренными Китайцами. Государя на основаніи степныхъ обычаевъ, въ Монголіи имѣвшихъ силу закона, жаловали своимъ родственникамъ обоюга пола, женамъ и наложницамъ, князьямъ и заслуженнымъ людямъ, множество народа въ домашніе рабы, и эта раздача производилась довольно щедро, такъ что въ 1281 году, послѣ покоренія провинціи *Цзянь-нань*, пожаловано было 16 князьямъ отъ 10,000 до 100,000 семействъ каждому; а 36 за-

служенымъ вельможамъ отъ 40,000 до 100,000 семействъ каждому, смотря по заслугамъ. Весь этотъ народъ, если не состоялъ въ числѣ домашнихъ слугъ своего господина, обязанъ былъ платить ему известный оброкъ. Какъ по новости такого распоряженія, такъ и по обременительности его, число бѣглыхъ и бродягъ еще болѣе увеличилось въ государствѣ.

Не смотря на строгіе указы, предававшіе казни и конфискаціи имѣнія всѣхъ тѣхъ, которые станутъ покидать прежнее жительство, не смотря на старанія чиновниковъ, коимъ положено наказаніе за уменьшеніе народа, убѣдить бродягъ возвратиться на родину или приписываться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они имѣютъ временное жительство, — не смотря на все это, великое множество народа проводило жизнь въ бродяжничествѣ и чрезъ то избѣгало внесенія въ списки. Такимъ образомъ перепись 1290 года обнимаетъ только 13.196,206 семействъ и 58.834,711 душъ; въ этотъ итогъ не вошли жившіе въ горахъ, по рѣкамъ и озерамъ на судахъ.

Послѣдующіе Государя Юаньскаго дома много прилагали заботливости о народѣ, и своими благодѣтельными распоряженіями и вниманіемъ къ земледѣлію и шелководству, запрещеніемъ продавать своихъ дѣтей въ рабство или кабалить, лишеніемъ монастырей приписанныхъ къ нимъ крестьянъ — много способство-

вали размноженію населенія и довольству народа. Въ исторіи вездѣ говорится, что народонаселеніе прибавилось въ такое-то время, при такомъ-то Государѣ, но не показывается ни общаго итога жителей, ни количества приращенія; почему должно, и съ довольною вѣроятностію можно думать, что народонаселеніе при *Юаньской* династіи, во время самаго высшаго возрастанія и при счастливыхъ обстоятельствахъ, милліонами десятыю и даже двадцатыю превышало то количество, какое оказалось по переписи 1290 года.

Основаніе для такого предположенія можно найти: 1) въ географіи Китая того времени, приложенной къ исторіи *Юаньской* династіи, гдѣ помѣщено подробное исчисленіе народа въ областяхъ и округахъ, отдѣльно въ каждомъ. По этому историческому памятнику, несмотря на то, что затеряны списки многихъ областей и округовъ и даже цѣлыхъ шести губерній: *Юнь-нань*, *Гуанъ-дунъ*, *Фу-цзянь*, *Чжэ-цзянь*, *Цзянь-нань*, *Шань-дунъ*, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показано только число семействъ, а опущено число душъ или означено число только податныхъ душъ, — несмотря на все это, общій итогъ представляетъ большее противъ прежняго количество; по этой географіи значитсѣ: 13.689,294 семейства и 59.908,969 душъ. 2) Въ томъ, что послѣ всѣхъ внутреннихъ смятеній при концѣ *Юаньской* ди-

настія и воцареніи *Миньской*, народонаселеніе въ 1381 году только нѣсколькими десятками тысячъ было ниже того количества, какое означено въ географіи. Кромѣ сего, если принять во вниманіе народонаселеніе Китая при династіяхъ *Гинь* и *Сунь*, смѣненныхъ Монгольской, въ 76 слишкомъ милліоновъ, раздѣленныхъ между двумя правительствами; то во время соединенія Китая подъ *Юаньскою* державою на означенное количество должно быть приращеніе.

Время вступленія на престолъ *Тогокь-тамура* (1333) составляетъ эпоху, съ которой начались страданія народа. Почти ежегодно являлись естественныя бѣдствія, наносившія гибель народу; засуха или наводненіе, нашествіе саранчи повсюду распространяли голодъ, сопровождавшійся моровою язвою и землетрясеніями; эти несчастія похитили значительную часть народонаселенія. При такихъ бѣдствіяхъ народъ разсѣялся для свисканія себѣ пропитанія какими бы то нибыло средствами; изъ бродягъ скоро образовались шайки разбойниковъ и грабителей, силою достававшихъ себѣ вужное. Несмотря на льготы, оказанныя правительствомъ — прощеніе нѣкоторыхъ повинностей, бродяжничество и волненіе народа не утихало и разбойничьи шайки приняла грозный видъ: губерніи *Хэ-нань*, *Гуань-дунь*, *Сы-чуань*, *Ху-нань*, *Ху-бэй*, *Шань-дунь* и даже южная часть *Чжи-ли* подняли знамя бунта и наполни-

лись мятежниками. Смятенія сія еще болѣе увеличались, когда въ 1351 году большіе прорывы *Желтой рѣки* потребовали на поправку множество народа, который собранъ былъ изъ разныхъ губерній на эту казенную повинность, и когда многіе, оставивъ работы, разбѣжались и образовали особенныя шайки или присоединились къ существовавшимъ уже. Предводители скопищъ до того усилились, что у нихъ образовались цѣлыя арміи; увлеченные успѣхомъ они начали объявлять себя или владѣтельными князьями, или Императорами. Примѣромъ ихъ привлечено было много и другихъ соискателей, и потому между предводителями этихъ полчищъ возгорѣлась кровопролитная война. Войска Монгольскаго правительства, «отъ изнѣженности и испорченности нравовъ» потерявшія прежнюю храбрость, дѣйствовали неудачно даже противъ отдѣльныхъ партій мятежниковъ. Кровопролитное междоусобіе длилось нѣсколько лѣтъ; наконецъ *Чжу юань-чжанъ* восторжествовалъ надъ своими соперниками на югѣ, успѣлъ занять оставленный Монголами престолъ Имперіи и положилъ начало новой династіи *Минь*. Этотъ 30 лѣтній періодъ, въ который весь Китай сдѣлался театромъ непрерывныхъ кровопролитій, былъ самый пагубный для народонаселенія Китая.

Съ того времени, какъ Монголы удалились въ свое отечество, настала тишина и спокойствіе внутри Китая,

управляемаго новою династією *Минь*, хотя пограничныя безпокойства и войны еще очень долго длились. Первый Государь *Миньскаго* дома снова подтвердилъ древній обычай — ежегодно во время жертвоприношенія небу въ зимній поворотъ полагать списокъ народонаселенія цѣлаго государства у подножія жертвенника и, по окончаніи жертвоприношенія, хранить его въ южной столицѣ (*Нань-цзинъ* извѣстный Нанкинъ), въ особо устроенномъ для того залѣ. Для чего опредѣлено было производить перепись народа ежегодно; а чрезъ десять лѣтъ повѣрять число народа, означеннаго въ ежегодныхъ переписяхъ, или производить всеобщую ревизію. При началѣ *Миньской* династіи, несмотря на внутреннія войны и потрясенія государства при концѣ *Юаньскаго* дома, народонаселеніе Китая представляло довольно значительную численность; по переписи, произведенной въ 1381 году, оказалось 10.654,362 семейства и 59.873,305 душъ.

Между тѣмъ Монголы и изъ-за великой стѣны не отлагали своего намѣренія возвратити престолъ Китая. Чтобы остановить всѣ ихъ попытки — вторгнуться внутрь великой стѣны и когда нибудь достигнуть своей цѣли, *Миньскій* домъ долженъ былъ предпринять великія усилія и сдѣлать чрезвычайныя пожертванія. Не только нужно было возобновить или вновь продолжить великую стѣну на всемъ протяженіи, на-

чиная отъ восточнаго моря до предѣловъ Хухэнора — для какого предпріятія потребовались милліоны рукъ, не только нужно было укрѣпить этотъ мнимый оплотъ противъ вторженій кочевыхъ завоевателей сильными гарнизонами, которые для укомплектованія требовали болѣе милліона людей; но еще необходимо было предпринять походы внутрь Монголіи на сѣверъ, гдѣ была главная ставка Монгольскаго Хана. Походы сіи не всегда увѣнчивались успѣхомъ, стотысячныя арміи гибли въ песчаныхъ степяхъ. А между тѣмъ, въ продолженіи почти двухъ съ половиною столѣтій, пограничныя мѣста рѣдко видѣли спокойствіе; набѣги и вторженія Монголовъ въ какую нибудь заставу производили ужасное опустошеніе въ ближайшихъ городахъ и селеніяхъ. По свидѣтельству исторіи, послѣ сраженія въ Калганской долинѣ, 500-тысячная армія исчезла частію въ битвѣ, а частію уведена была въ плѣнъ въ Монголію вмѣстѣ съ своимъ Государемъ.

Для того, чтобы содержать въ исправности границу и съ успѣхомъ противодѣйствовать частымъ вторженіямъ Монголовъ, съ самаго воцаренія *Миньскаю* дома учреждены военныя поселенія по всему протяженію великой стѣны. Солдаты обязаны были въ мирное время обрабатывать землю частію на себя, частію на казну; а въ случаѣ вторженія непріятелей, выступать

на защиту — нести настоящую военную службу. Такая двойная повинность для военнопленных была очень обременительна и особенно становилась невыносимой от главных начальников, которые, бывъ назначаемы дворомъ, большею частію пріѣзжали изъ столицы съ ничтожными свѣденіями въ военномъ дѣлѣ, съ незнаемъ мѣстности и положеніи обстоятельствъ; они только производили безпорядокъ и измѣненіе въ прежнихъ учрежденіяхъ и обременяли подчиненныхъ распоряженіями, приносящими государству и солдатамъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. При такой тягостной службѣ, солдаты начали объявлять себя умершими, или убѣгать отъ своего поста внутрь государства, гдѣ вступали въ монастыри, или дѣлались слугами въ богатыхъ домахъ, которые могли защитить ихъ отъ поисковъ начальства; а многіе рѣшились снискивать себѣ пропитаніе собственными силами, посредствомъ грабежа и разбоя. Этотъ бѣглый классъ народа подалъ пагубный примѣръ всѣмъ, которые подлежали казеннымъ повинностямъ. Бродяжничество, какъ и при прежнихъ династіяхъ, распространилось всюду, особенно въ губерніяхъ *Сы-чуань*, *Гуанъ-дунъ* и *Хэ-нань*; цѣлыми сотнями тысячъ возвращали на прежнее жительство или приписывали тамъ, гдѣ были отысканы, такъ что *Хэ-наньскій* губернаторъ въ одинъ разъ болѣе 110,000 семействъ водворилъ на постоянное жительство; а въ

1471 году также въ одинъ разъ возвращено на родину болѣе 1.400,000 бѣглыхъ, но изъ нихъ впрочемъ изъ 10 частей погибло семь въ дорогѣ.

При такомъ бродяжничествѣ, производимыя переписи не могли быть отчетливо вѣрны. Правда, народонаселеніе Китая при *Миньской* династїи нѣсколько возвысилось противъ того, сколько значилось въ переписяхъ прежнихъ династїй; но съ другой стороны переписи, произведенныя въ разное время при *Миньской* династїи, по взаимномъ сличенїи между собою, показываютъ мгновенное повышеніе и упадокъ народонаселенія. Для доказательства, всѣ переписи предлагаются здѣсь въ одной общей таблицѣ.

Христ. годы.	Число семействъ.	Число душъ.	Христ. годы.	Число семействъ.	Число душъ.
1381.	10.654.362	59.873.305	1466.	9.202.718	60.653.724
1393.	10.652.870	60.545.812	1486.		65.442.680
1402.	10.626.779	56.301.026	1487.		50.207.134
1403.	11.415.829	66.598.337	1491.	9.113.446	53.281.158
1404.	9.685.020	50.950.470	1504.		60.105.835
1411.	9.533.692	51.446.834	1505.	12.972.974	
1412.	10.992.436	65.377.630	1506.	9.151.773	46.802.005
1413.	9.684.916	50.950.245	1513.		63.300.000
1454.	9.466.288	54.338.476	1522.	9.721.652	60.861.273
1462.	9.385.012	56.370.250	1578.	10.621.436	60.692.856
1463.	9.107.205	60.479.330			

Изъ этой таблицы ясно можно видѣть, что народонаселеніе Китая при *Миньской* династїи постоянно колебалось между 50 и 66 милліонами душъ. Самая

высшая точка, до которой оно возвысилось, — это итог переписи 1403 года, по которой оказалось: 66.598,337 душ; а самый большой упадокъ его представляла перепись 1506 года, именно 46.802,005 душъ.

Надобно замѣтить, что эти данныя показывают совершенно противныя слѣдствія тѣхъ причинъ, которыя при прежнихъ династіяхъ имѣли самое сильное вліяніе на числительность народа. При *Миньской* династіи все шло наоборотъ: во время счастливаго положенія государства, когда внутри царствовали тишина и глубокой миръ, и не было естественныхъ бѣдствій, причиняющихъ гибель народу, народонаселеніе упадало въ своемъ числѣ; напротивъ, во время войны и бѣдствій показано возрастающимъ. Такъ въ 1381 году, бунтъ, произведенный *Чэнъ-юанемъ*, породилъ убійства и бродяжничество въ такой же силѣ, какъ при концѣ *Суйской* династіи; между тѣмъ чрезъ 20 лѣтъ послѣ сего, когда народъ наслаждался спокойствіемъ и сталъ размножаться, въ 1402 году, убавилось 3.572,279 душъ противъ переписи 1381 года. Послѣ трехлѣтней кровопролитной войны между дядею и племянникомъ за престолъ (1399 — 1402), когда войскамъ небыло отдыха и губерніи, чрезъ которыя шель *Пекинскій* князь, были ужасно опустошены за вѣрность законному Государю, народонаселеніе однако противъ прежняго возвысилось 10.297,311 душами

(по переписи 1403 года); а въ слѣдующемъ 1404 году опять уменьшилось противъ 1402 года 5.350,556 душами. Въ 1412-мъ опять прибавилось 13.930,796 душъ, а въ 1413-мъ, когда включенъ былъ *Аль-маньскій* народъ въ число жителей Китая, напротивъ убавилось на 14.427,386 душъ. По переписи 1486 года народонаселеніе стояло 15.235,546 душами выше противъ слѣдующаго 1487. Въ 1506 году убавилось противъ 1504-го 13.303,785 душъ. Послѣ этого года во всѣхъ губерніяхъ происходили смятенія и возмущенія въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, между тѣмъ въ 1513 году уже оказалось приращеніе народа въ 17.000,000 душъ. Странность такая совершенно уничтожаетъ всякое довѣріе къ переписямъ народа, произведеннымъ при *Миньской* династїи, и Китайскіе писатели причиною такой несообразности въ возрастаніи и уменьшеніи народонаселенія полагаютъ то, что чиновники производили перепись народа и повѣряли прежніе списки не съ большою точностію и строгимъ вниманіемъ къ своей обязанности.

Послѣдніе 24 года существованія *Миньскаго* дома были самыя гибельныя для народонаселенія Китая. Съ одной стороны, на сѣверовостокѣ оскорбленные притѣсненіями *Тунгусы* стали производить нападенія на *Чжи-ли*, опустошали города и деревни, покорили цѣлую область — древнее владѣніе Китая — *Ляо-дунь*

своей власти; съ другой, на западъ внутри Имперіи поднялись собственные подданные противъ своихъ соотечественниковъ и Государя. Голодъ въ губерніи *Шахъ-си* произвелъ бродяжничество и грабительство, которыя сначала были незначительны; но въ послѣдствіи число разбойниковъ стало увеличиваться и предводители ихъ, образовавъ изъ бѣднаго празднаго народа цѣлыя арміи, выступили изъ опустошенной ими губерніи въ другія, представлявшія большія выгоды ихъ хищничеству. Губерніи *Хэ-нань*, *Самъ-си*, *Цзянь-нань*, *Шань-дунъ*, *Ху-чанъ*, *Сы-чанъ* вдругъ наполнились мятежниками, которые причинили большій вредъ государству и гибель народу, чѣмъ *Тунгусы* на сѣверо-востокѣ. Во всѣхъ мѣстахъ, куда они ни приходили, не только имущество жителей подвергалось конфискаціи, но ими же ограбленные часто принуждены были, для снисканія пропитанія, вступать въ ихъ сообщество. Мятежники находили удовольствіе мучить и самымъ варварскимъ образомъ умерщвлять беззащитный народъ; въ порывѣ звѣрскаго изступленія они не рѣдко предавали совершенному истребленію жителей цѣлыхъ городовъ.

Притомъ въ Китаѣ издавна существуетъ особое понятіе касательно изъявленія вѣрности къ престолу — понятіе, по которому народъ, при крайнемъ положеніи Государя и отечества, ничего не предпринимаетъ

къ вспомошествованію, а только предавшись въ волю судьбы, сложа руки, дожидается натяжниковъ или неприятелей, и при первомъ ихъ появленіи умерщвляетъ себя вмѣстѣ съ семействомъ, полагая въ этомъ выраженіе своей вѣрности Государю. Мнѣніе это существуетъ не только между слабымъ и беззащитнымъ народомъ, но даже между защитниками государства — военачальниками, которые вмѣсто того, чтобы съ честью окончить жизнь свою за престолъ на полѣ битвы, часто, не давъ сраженія, умерщвляютъ себя и тѣмъ ускоряютъ потерю крѣпости и гибель войска. Въ слѣдствіе такого ложнаго понятія множество народа, при государственныхъ переворотахъ, лишало себя жизни нерѣдко даже и тогда, когда не предстояло никакой необходимости прибѣгать къ такимъ отчаяннымъ мѣрамъ, когда неприятель, нападаая на одни только войска, и не думалъ касаться жизни мирнаго и беззащитнаго гражданина; между тѣмъ какъ сохранивъ жизнь, можно бы въ послѣдствіи на дѣлѣ показать благородныя чувствованія и свою приверженность къ царствующему дому.

Такъ и во время потрясеній государства, при концѣ *Миньской* династїи, многія тысячи народа дѣлались жертвою ложнаго убѣжденія и, что еще хуже, убивали собственныхъ малолѣтнихъ дѣтей, которые не могли обращать на себя вниманія буйныхъ мя-

тежниковъ. Народъ погибалъ отъ жестокости бунтовщиковъ, которыхъ число Китайскіе писатели полагаютъ по меньшей мѣрѣ до милліона, и отъ собственнаго заблужденія. Истребленіе это и гибель народа были всеобщі: большія улицы, перекрестки — мѣста, куда отовсюду стекалось великое множество народа, теперь сдѣлались также пусты, какъ и самыя отдаленныя закоулки. Наконецъ мятежники приняли положительный планъ и опредѣленную цѣль для своихъ дѣйствій: предводитель отъявленныхъ головорѣзовъ *Ли-цзы-чэнъ* дерзнулъ посягнуть на похищеніе престола. Съ этою цѣлю вся масса ихъ двинулась на сѣверъ и по трупамъ многочисленныхъ гражданъ подступила къ стѣнамъ Пекина, который измѣннически отворилъ ворота предъ мятежниками. *Миньскій* Государь самоубійствомъ прекратилъ жизнь свою, и на его тронѣ возсѣлъ *Ли-цзы-чэнъ* въ началѣ 1644 года.

Въ началѣ того же злополучнаго для Китая 1644 года *Тунусы*, образовавшіе уже сильное государство *Мань-чжу*, послѣ долговременной борьбы съ Китаемъ за свою независимость и продолжительнаго ожиданія заключить мирный договоръ съ надменнымъ и въ несчастіи *Миньскимъ* правительствомъ на правахъ равенства державъ, двинулись съ своею арміею къ Пекину, чтобы оружіемъ придать вѣсу своимъ требованіямъ и положить конецъ долговременной войнѣ на гра-

ницахъ. Между тѣмъ несчастныя перемены въ Китайскомъ правительствѣ, дошедши до свѣденія Маньчжуровъ, совершенно измѣнили политику и намѣренія ихъ, особенно когда передавшіеся на ихъ сторону Китайскіе чиновники и главнокомандующій восточнымъ корпусомъ *У-сань-гуй* побуждали ихъ идти противъ хищника престола и покорить своей власти Имперію. Въ скоромъ времени взятъ былъ Маньчурами Пекинъ, куда Государь поспѣшилъ переѣхать съ своимъ дворомъ; армія двинулась преслѣдовать бѣжавшаго *Ли-цзы-чэна*. Народъ, который въ теченіи 20 лѣтъ не видалъ спокойствія отъ своихъ соотечественниковъ, который всякой день страшился за свою жизнь и собственность, народъ, не смотря на ненависть и презрѣніе, которыя вообще питаютъ Китайцы къ племенамъ заграничнымъ, очень расположенъ былъ признать подданство новому и чужеземному правительству. Смуты и мятежи, бывшіе при концѣ *Миньской* династіи, расположили его къ тому и вѣроятно покореніе Китая Маньчурами, послѣ истребленія *Ли-цзы-чэна*, скоро бы пришло къ концу, если бы не являлись потомки прежняго дома съ своими притязаніями на престолъ и не поставляли народа въ сомнѣніе, какому правительству покориться; отъ того завоеваніе Китая во всемъ его пространствѣ длилось почти 18 лѣтъ. Въ этотъ 40-лѣтній періодъ — съ того времени, какъ подня-

лись мятежи, раздиравшіе Китай при концѣ *Мианьской* династїи, до совершеннаго покоренїя его Маньчжурами — погубило народа безчисленное множество; ибо весь этотъ переворотъ и сопряженные съ нимъ бѣдствїя происходили на всемъ протяженїи государства и совершились большею частїю въ центрѣ Имперїи, гдѣ съ давнихъ временъ народонаселенїе было самое многочисленное.

Съ самаго вступленїя Маньчжуровъ въ предѣлы Китая обращено было вниманїе на составленїе списковъ народа, куда разумѣется сначала вносили только покорившихся. Съ этою цѣлю вскорѣ введено было въ покоренныхъ мѣстахъ волостное управленїе: надъ десятью домами поставленъ десятникъ, надъ десятью десятками сотникъ, а десять сотенъ составили волость, которою завѣдывалъ волостной голова. Каждый домъ долженъ былъ приклепывать на воротахъ ежегодно отъ мѣстнаго начальства выдаваемую таблицу, на которой обитатели дома должны были означать имя и прозванїе главы семейства, число душъ обоюга пола, занятїе и промыселъ, отъѣздъ и возвращенїе, переселенїе изъ одного мѣста въ другое, или перемѣщенїе съ одной квартиры на другую. Волостной голова, кромѣ другихъ обязанностей, вмѣстѣ съ сотниками и десятниками, долженъ былъ производить перепись въ вѣдомствѣ его состоящаго народа ежегодно; а въ пять лѣтъ однажды

Земскіе начальники округовъ и уѣздовъ, на основаніи постановленій *Минскаго* правительства, должны были посылать изъ своего правленія людей для общей ревизіи народа, состоящаго въ нихъ управленіи.

При началѣ Маньчжурскаго владычества въ Китаѣ — особенное вниманіе было обращено на тотъ классъ народа, который могъ приносить пользу правительству взносомъ податей и повинностей, однимъ словомъ: народъ съ полными тѣлесными силами отъ 16 до 60 лѣтъ. Земское начальство особенно заботилось только о полновозрастныхъ, съ должною внимательностію вело списки того класса и прилагало особенное стараніе объ увеличеніи числа его. Но и этотъ классъ въ началѣ былъ не значителенъ сравнительно съ огромною массою цѣлаго народонаселенія Китая.

Народъ еще чуждался новаго правительства и въ слѣдствіе военныхъ дѣйствій, происходившихъ если не во всей Имперіи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, многіе находили предлогъ въ случаѣ укрываться отъ взоровъ начальства. Чувствуя всю невыгоду отъ такого укрывательства и ясно понимая, что означенное въ спискахъ число народа далеко не достаетъ до цѣлаго населенія Китая, правительство положило давать отмѣтки въ послужныхъ спискахъ земскимъ начальникамъ, въ послѣдствіи даже высшимъ властямъ губер-

шія, какъ-то : правителю области, прокурору, председателю казенной палаты, губернатору и генерал-губернатору, если въ представленныхъ ими спискахъ окажется приращеніе народа, способнаго нести казенныя повинности. При всѣхъ такихъ поощреніяхъ число душъ, внесенныхъ въ списки спустя 17 лѣтъ отъ водворенія Маньчжуровъ, могло въ 1661 году только возвыситься до 20.968,609 душъ.

Съ тогоже года настало спокойствіе государства и народонаселеніе должно бы возвышаться, по крайней мѣрѣ, при поощреніяхъ начальникамъ и правителямъ; списки податныхъ душъ должны бы представлять большій итогъ сравнительно съ переписью 1661 года, если бы чрезъ 12 лѣтъ послѣ сего не произошли въ государствѣ новыя разстройства, которыя лишили Китай спокойствія, только что водворившагося, и не произвели пагубнаго вліянія на народную массу.

Въ 1673 году *У-сам-гун* поднялъ бунтъ противъ Маньчжуровъ. По плану, заранѣе и искусно обдуманному, мятежъ этотъ совершенно отличался отъ тѣхъ бунтовъ, которые прежде поднимали атаманы разбойниковъ, и война начата была въ самомъ центрѣ Китая. Слава *У-сам-гуна*, какъ искуснаго полководца, и его происхожденіе изъ Китайцевъ, все это сильно подѣйствовало на умы и расположеніе народа; вскорѣ всѣ южныя и западныя провинціи покорились осно-

вателю новой династїи, и только пять сѣверныхъ губерній остались вѣрными Маньчжурамъ. Усмиреніе сего мятежа продолжалось семь лѣтъ и въ это смутное время были опустошены цѣлыя губерніи, особенно *Юнь-нань*, *Гуй-чжоу*, *Гуанг-си*, и *Сы-чуань*; пашни запусѣли, множество народа или погибло отъ той и другой арміи, или покинувъ свои жилища разсѣялось.

Отъ того, послѣ водворенія спокойствія, число податныхъ душъ нисколько не прибавлялось и только чрезъ 30 лѣтъ послѣ этого потрясенія государства — когда жители многихъ областей, прежде избавленные отъ казенныхъ повинностей, внесены были въ число податнаго народа, когда обширная губернія *Сы-чуань* населена была добровольными переселенцами изъ другихъ многочисленныхъ мѣстъ, — тогда только оказалось приращеніе въ итогъ податныхъ душъ. Въ 1711 году считалось 24.621,334 души.

Всѣ старанія правительства умножить число податныхъ душъ увѣнчалось маловажными успѣхами. По мѣрѣ распространенія спокойствія и довольства въ государствѣ, возрастала численность населенія его; между тѣмъ, несмотря на большія переселенія народа изъ тѣсныхъ областей въ обширную *Сы-чуань*, отношеніе существенныхъ средствъ для жизни далеко отстояло отъ чрезмѣрнаго народонаселенія; основаніе бла-

годенствія и довольства народнаго — земледѣіе не вмѣло количества пахотныхъ земель достаточнаго для продовольствія и занятія главнаго класса народа. Народъ съ каждымъ днемъ умножался, между тѣмъ количества земель нисколько не прибавлялось. Почему, при такой недостаточности земель, если бы обложить весь народъ податью, очевидно возникли бы укрывательства и бродяжничество, существовавшія въ Китаѣ при всѣхъ династіяхъ; а эти праздна бродячія толпы всегда производили разбой, переходившіе въ мятежъ и междоусобную войну, обыкновенно оканчивавшіеся паденіемъ династій. По всей вѣроятности, соображенія, выведенныя изъ вѣковаго опыта, побудили правительство оказать народу дотогѣ неслыханную въ Китаѣ милость. Въ 1712 году изданъ милостивыѣ указъ, которымъ число податныхъ душъ 1711 года принимается на всегда за постоянное и опредѣленное количество людей, подлежащихъ казеннымъ повинностямъ, а остальной народъ, сколько бы его ни народилось, навсегда свободенъ отъ податей.

Впрочемъ, такимъ опредѣленіемъ числа податныхъ душъ не уничтожалась необходимость знать полное и дѣйствительно существующее народонаселеніе государства. Для представленія небу и отсылки въ приказъ исторіи списковъ народа и для разныхъ государственныхъ соображеній требовалось знать коли-

чество народа, приращеніе и убыль его; а потому, по прежнему, вмѣнено въ обязанность волостнымъ головамъ ежегодно составлять списки народа для уѣзднаго или окружнаго правленія, отъ котораго они зависятъ. Уѣздное или окружное правленіе, сложивъ число жителей всѣхъ волостей въ общемъ итогѣ народонаселенія цѣлаго уѣзда или округа, представляетъ областному правленію, изъ котораго общій итогъ народонаселенія всей области отсылается въ казенную палату; отсюда вѣдомость народонаселенія всей губерніи чрезъ губернатора или генералъ-губернатора препровождается въ палату финансовъ. Министерство, соединивъ въ одну общую вѣдомость народонаселенію всего государства, въ концѣ года представляетъ Государю на разсмотрѣніе.

Такъ какъ указомъ 1712 года навсегда опредѣлено число податныхъ душъ и въ слѣдствіе того отмѣнены награды чиновникамъ за увеличеніе числа податнаго народа, оказавшіяся уже ненужными: то возникли тѣ злоупотребленія въ народной переписи, которыя едва ли не продолжаютъ и до настоящаго времени. Чиновники и правители областей, которые изъ всего стараются извлекать собственныя выгоды, не видя въ строгомъ надзорѣ за точнымъ исполненіемъ переписи вѣрнннго ихъ управленію народа никакой для себя пользы, и думая, что вѣрная пере-

пись не доставить ни какихъ выгодъ самому правительству, совершенно пренебрегли этимъ дѣломъ, оставили его на волю своимъ подчиненнымъ и часто повторяемые указы принимали за «пустыя, для украшенія рѣчи служащія слова». Такая небрежность побудила правительство обратить строгое вниманіе на дѣло сіе и съ вступленія на престолъ (1736) Государя правленія *Циль-лунъ* изданы многія и полныя постановленія касательно производства народной переписи. Подтверждено волостнымъ главамъ самымъ вѣрнымъ образомъ ежегодно составлять списокъ народа своей волости и представлять въ уѣздное или окружное правленіе, которое въ 5 лѣтъ однажды должно посылать отъ себя людей для повѣрки дѣйствительно существующаго числа жителей съ означеннымъ въ свискахъ, поданныхъ въ разное время волостными главами. По постановленію, въ волостной списокъ могутъ быть внесены только тѣ лица, которые въ томъ мѣстѣ имѣютъ домъ, собственную землю, или кладбище; временные жители: рабочій, мастеровой, промышленный и торговый классъ народа, безъ сихъ условій, не могутъ быть внесены въ мѣстные списки и переселенецъ, не имѣющій такой собственности, только чрезъ 20 лѣтъ можетъ быть включенъ въ число туземцевъ. Въ волостныхъ свискахъ значатся чиновники, которые вышли изъ простолюди-

новъ, а не изъ военнаго званія, и сколько бы ни было колѣнъ съ того времени, какъ первый изъ ихъ рода возвысился до этого званія, они все должны вписываться на мѣстѣ своей родины; почему разжалованный или оставившій должность, по какимъ нибудь обстоятельствамъ и по случаю траура, не можетъ проживать въ другомъ мѣстѣ, а обязанъ непременно возвратиться въ мѣсто своего происхожденія. Для людей военнаго сословія знамена, къ которымъ они принадлежатъ по службѣ или происхожденію, составляютъ корень и родину. Всякій даже гражданскій чиновникъ, гдѣ бы ни находился на службѣ, всегда черезъ свое начальство даетъ извѣстіе въ свое родовое знамя о числѣ своего семейства, приращеніи и уменьшеніи его, куда и возвращается послѣ отставки и во время траура. Находящіеся постоянно при знамени чиновники и солдаты немедленно доносятъ своему ротному начальнику о приращеніи и уменьшеніи членовъ семейства; а въ пять лѣтъ однажды унтеръ-офицеры, по приказанію начальника роты, повѣряютъ число душъ обоюго пола, находящихся въ ротѣ. Составленный ими списокъ представляется начальнику знамени, который отсылаетъ въ военную палату списокъ состоящаго въ его вѣдомствѣ народа. Вотъ два мѣста, гдѣ вписывается народъ всего государства! Всѣ жители городовъ, всѣ сословія от-

носятся къ тому или къ другому, и ни для кого вѣтъ особенныхъ исключеній. Кромѣ сего губернаторы и генералъ-губернаторы должны ежегодно вытребовать отъ своихъ подчиненныхъ земскихъ начальниковъ списки народонаселенія подвѣдомственнаго имъ округа или уѣзда, и представлять прямо Государю въ общемъ итогѣ число народа, ввѣреннаго ихъ управленію, для того, чтобы послѣ сличить съ ревизскими сказками, представляемыми палатѣ финансовъ.

Изъ всѣхъ списковъ народа, составленныхъ на основаніи вышеизложенныхъ постановленій, и представленныхъ правительству съ 1736 до 1812 года, обнародовано только девять, именно :

Христіанск. годы.	Число душъ оказавшихся по переписи.	Христіанск. годы.	Число душъ оказавшихся по переписи.
1749.	177.495.339	1776.	268.238.181
1757.	190.348.328	1780.	277.548.431
1761.	201.013.344	1783.	284.033.785
1767.	209.839.547	1812.	361.693.179
1771.	214.647.251		

Въ эти итоги не вошли всѣ лица, принадлежащія къ военному сословію по службѣ или происхожденію, и всѣ инородческія племена, обитающія внутри Китая.

Иностранцы *Мло, Ли, Яо, И*, издавна обитая въ горахъ, до сего времени сохранили свои суровые нравы и, при всѣхъ стараніяхъ правительства совершенно подчинить ихъ своей власти, они доселѣ удержали свою независимость; отъ того мѣстные ближайшіе чиновники никогда, при всѣхъ династіяхъ, не могли собрать полныхъ и подробныхъ свѣденій о численности сихъ враждебныхъ племенъ. Впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ, ближайшіе къ Китайскимъ городамъ и селеніямъ, давно уже измѣнили своимъ кореннымъ обычаямъ и вступили въ совершенное подданство, и число ихъ внесено въ общій итогъ народонаселенія Китая. Народонаселеніе Монголіи, Туркистана, Тангута и другихъ племенъ, управляемыхъ своими родовыми владѣтелями, исчисляется особенно и представляется въ палату внѣшнихъ сношеній и слѣдовательно также не входитъ въ число народа, котораго списки находятся въ палатѣ финансовъ.

Изъ предложенныхъ выше итоговъ народонаселенія Китая видно, какъ высоко стоитъ оно при настоящей *Циньской* династіи сравнительно съ прежними временами. По послѣднему официально обнародованному въ 1812 году итогу оно возвысилось почти въ шесть разъ противъ народонаселенія счастливой эпохи *Миньской* династіи. Правда, нынѣшнимъ правительствомъ сдѣланное опредѣленіе извѣстнаго числа податныхъ

душъ, существующее на однихъ правахъ болѣе столѣтій, уничтожило тѣ причины, которыя при прежнихъ династіяхъ побуждали народъ бродить изъ мѣста въ мѣсто и скрываться отъ переписчиковъ, для избѣжанія повинностей, тогда какъ въ настоящее время каждый спокойно можетъ позволить внести свое имя въ ревизію, не опасаясь, что съ него потребуютъ нодати. Милостивое постановленіе это доставило народу и другую выгоду — свободу по своему желанію заниматься такимъ промысломъ, который чуждъ всякой платы правительству, и слѣдовательно открылась возможность, всѣ свои средства употреблять на продовольствіе себя и своего семейства, почему довольство стало гораздо доступнѣе бѣднякамъ, трудами рукъ своихъ списывающимъ только одно пропитаніе. Кромѣ сего, при настоящей династіи, при чрезмѣрномъ народонаселеніи, естественно развилась внутренняя промышленность и торговля въ большемъ противъ прежняго размѣрѣ, которыя доставляютъ вѣрное пропитаніе милліонамъ жителей; особенно внѣшняя торговля никогда въ Китаѣ не была такъ обширна, какъ при Маньчжурскомъ правительствѣ, открывшемъ свои порты и заставы для иностранныхъ государствъ. Позволеніе это приноситъ важныя выгоды Китаю, гдѣ народонаселеніе далеко превышаетъ производительность земли, гдѣ земледѣліе, при такомъ многолюдствѣ,

не имѣть для себя соотвѣтственнаго количества па-шенъ. Очевидно всѣ эти причины очень могли и могутъ способствовать пропитанію и довольству народа и слѣдовательно размноженію его, нисколько не останавливаясь, могло подвигаться впередъ. Но съ другой стороны, не смотря на довѣріе къ документамъ правительства, можно изъяснить нѣкоторыя сомнѣнія на счетъ огромнаго числа жителей, оффиціально обвародованнаго и предложить такія возраженія, которыя вытекають: 1) изъ историческаго хода размноженія Китайскаго народа; 2) изъ тѣхъ злоупотребленій, которыя существуютъ въ Китаѣ при производствѣ народной переписи, злоупотребленій, или усматриваемыхъ изъ другихъ также оффиціальныхъ документовъ, или давно уже высказанныхъ самими Китайцами — людьми должностными — въ своихъ сочиненіяхъ и докладахъ подаваемыхъ Государю.

Еще во 2-мъ году по Р. Х. населеніе Китая считалось въ 59 милліоновъ. Прошли столѣтія, и народонаселеніе въ счастливые періоды постоянно колебалось около сего числа: *Таньская* династія не считывала и того количества; во 2-мъ тысячелѣтіи, у *Суньской* и *Гиньской* вмѣстѣ, значилось 76 милліоновъ; смѣнившая ихъ династія *Юань*, положила, имѣла 80 милліоновъ; при *Миньской* только уже 66 милліоновъ. Такимъ образомъ, въ теченіи 1.400 лѣтъ,

народонаселеніе очень не многимъ возвысилось. Является Маньчжурская династія и, чрезъ 105 лѣтъ отъ воцаренія и чрезъ 350 лѣтъ послѣ самаго высшаго приращенія народа при *Миньской* династїи, — въ 1749 году Китай уже населенъ 177 милліонами! Правда, никогда Китай не былъ такъ обширенъ въ своихъ предѣлахъ, какъ при настоящей династїи; никогда такъ долго не наслаждался онъ глубокимъ спокойствіемъ и миромъ, какъ при Маньчжурскомъ правительствѣ, при которомъ только и было два происшествія, которыя своими пагубными слѣдствіями могли имѣть вліяніе на пониженіе численности народа — это бунты *У-сань-гуя* и сектаторовъ «блага ненюфара» (*бай-лянъ-цзю*). Съ другой стороны надобно обратить вниманіе на то потрясеніе государства при концѣ *Миньскаго* дома, когда, въ теченіе 20 слишкомъ лѣтъ, на всемъ протяженіи Китая свирѣпствовали мятежники, варварски истреблявшіе своихъ мирныхъ соотечественниковъ; на тотъ переворотъ, который доставилъ престолъ Маньчжурамъ, утвердившимся въ Китаѣ не безъ большихъ кровопролитій; на усмиреніе *У-сань-гуя*: все сіе совершилось и происходило внутри Китая, котораго жители были главными дѣйствующими лицами въ этой драмѣ. Когда эта буря пронеслась надъ Китаемъ, когда все стихло, все пришло въ обыкно-

венный порядокъ, чрезъ 70 лѣтъ вдругъ нарастаетъ 141 миллионъ, (какъ будто для одного Китая и бываетъ подобное приращеніе). Народъ множитъ ся въ общей сложности только при достаточномъ и соразмѣрномъ его возрастанію продовольствія, которое главнымъ образомъ получается отъ земледѣлія. Но, по официальнымъ документамъ, Китай въ настоящую эпоху имѣетъ пахотныхъ земель : 792.037,852 полосы (му.). Слѣдовательно на каждую душу, по официальному итогу народонаселенія 1812 года, приходится только по двѣ полосы, а по итогу 1842 года менѣе того. Каждая полоса, при самомъ счастливомъ урожаѣ, даетъ риса два мѣшка, а другаго хлѣба не болѣе одного мѣшка, который содержитъ въ себѣ 4 сѣ небольшихъ пуда. И такъ, принявъ за среднее число самаго счастливаго урожая полтора мѣшка на полосу земли, — мы увидимъ, что Китаецъ довольствуется 6 пудами хлѣба въ годъ. Привозъ хлѣба изъ за-границы весьма незначителенъ. Правда, въ Китаѣ обитаетъ страшная нищета, охватившая многочисленный классъ народа, и бѣдный, по недостатку продовольствія, долженъ изыскивать многоразличныя средства для своего пропитанія, замѣняетъ хлѣбъ кореньями дикихъ травъ, почками и листьями деревьевъ, какъ напримѣръ вяза, который въ глазахъ самаго Китайскаго

правительства считается однимъ изъ средствъ народнаго продовольствія обращаетъ, и для себя въ пищу все нечистое и вредное. Но такое продовольствіе не питаетъ людей, а сокращаетъ ихъ жизнь и слѣдовательно содѣйствуетъ уменьшенію народонаселенія, а не возрастанію его. Притомъ, въ прежнія времена естественныя бѣдствія : неурожай, засуха, наводненіе и разныя болѣзни, всегда оканчивались значительнымъ упадкомъ народонаселенія; при Маньчжурской династии напротивъ, не смотря на неоднократное повтореніе такихъ же бѣдствій, столь гибельныхъ для жизни народа, число народонаселенія нисколько не понижалось и нынѣ съ каждымъ годомъ все идетъ быстро къ своему возрастанію. Населеніе Китая въ настоящее время изумительно своимъ огромнымъ количествомъ — оно почти вдвое болѣе противъ переписи, обнародованной въ 1749 году. Очевидно, что или предшествовавшія династии, по крайнѣй мѣрѣ во второмъ тысячелѣтіи по Р. Х., никогда не имѣли вѣрнаго счисленія народа; или, при такой несообразности народонаселенія Китайскаго съ историческимъ ходомъ, невольно должно думать, что переписи, въ настоящее время производящіяся въ Китаѣ, оставлены на волю составителей и не заслуживаютъ полнаго довѣрія.

Никто безъ сомнѣнія не можетъ такъ хорошо знать числа жителей извѣстнаго мѣста, какъ волостные на-

чальница : волостной глава, сотники и десятники, которымъ и поручается переносъ народа; но съ другой стороны эта мѣра имѣетъ свои неудобства и не можетъ вести къ дознанію вѣрнаго числа жителей. Несоразмѣрность количества земель съ многочисленностію народонаселенія, и вообще недостатокъ средствъ къ существованію, заставляетъ по крайней мѣрѣ треть народонаселенія покидать свою родину для снисканія пропитанія посредствомъ работы въ большихъ торговыхъ и промышленныхъ мѣстахъ, гдѣ многочисленныя предпріятія требуютъ чужихъ рукъ; или, при собственныхъ средствахъ, для умноженія своего состоянія пускаться въ торговые предпріятія, въ большемъ или маломъ размѣрѣ, — такой промыселъ есть самый обширный въ Китаѣ и достигъ полнаго развитія. Но, по постановленію правительства, всѣ эти лица, гдѣ бы ни находились по своимъ промысламъ, и какъ бы далеко ни были отъ своей родины, нигдѣ не могутъ быть приписаны, исключая нѣкоторыхъ случаевъ, выше изложенныхъ. Какимъ же образомъ оставшіеся на мѣстѣ члены семейства и волостные начальники могутъ знать объ ихъ существованіи? — Правда, не смотря на трудности сообщенія въ Китаѣ, отсутствующій можетъ сношаться съ своимъ семействомъ; но это возможно только для людей зажиточныхъ, каковы купцы. Количество такого рода лю-

дей далеко уступаетъ числу народа, удалившагося на чужбину единственно для снисканія пропитанія трудами рукъ своихъ и приобрѣтенія незначительнаго вспомошествованія оставленному семейству. Нѣсколь-ко лѣтъ очень легко проходятъ безъ всякой вѣсти другъ о другѣ. Между тѣмъ наступаетъ время переписи, и волостные старосты, опасаясь отвѣтственности предъ земскими начальниками за уменьшеніе состоящаго подъ ихъ надзоромъ народа, списываютъ съ воротныхъ таблицъ означенное въ нихъ число обитателей дома, нисколько не справляясь о дѣйствительномъ существованіи ихъ; а когда наступитъ время повѣрки или общей ревизіи, положенной закономъ чрезъ пять лѣтъ; то посылаемые отъ земскаго правленія люди для производствъ ея, всегда бываютъ изъ писарей, которые думаютъ не о приобрѣтеніи вѣрнаго числа жителей, а объ облегченіи себя въ этомъ трудѣ и собственной выгодѣ. Отъ того чрезвычайное множество временныхъ жителей, каковы промышленники, для своихъ видовъ и расчетовъ, находятъ случай и возможность вписаться въ двухъ и болѣе мѣстахъ. Противъ такого злоупотребленія направлены многіе указы.

Списки народа, поступившіе въ уѣздное или окружное правленіе, не подвергаются строгому разсмотрѣнію, потому что главный начальникъ уѣзда самъ не имѣетъ

никакихъ данныхъ для того, чтобы сказать, въ какомъ мѣстѣ жителей больше или меньше; самъ онъ не имѣетъ свободнаго времени для личной повѣрки нѣсколькихъ деревень; притомъ выѣздъ его, по мѣстнымъ обычаямъ, не можетъ произойти безъ принятаго и усвоеннаго обыкновеніемъ церемоніальнаго кортежа; этотъ выѣздъ можетъ причинить только разореніе и тягость для народа, котораго ропотъ можетъ окончиться большими беспорядками. Почему всегда производство ревизіи поручается этому зловредному и можно сказать особенному въ Китаѣ сословію — писарямъ, которые при этомъ случаѣ думаютъ не о счисленіи народа, но о безошибочномъ счетѣ и повѣркѣ денегъ, которыми владѣютъ крестьяне и о томъ, какъ бы войти въ нимъ въ долю. Притѣсненія и придирки, дѣлаемые ими народу, бываютъ безчисленныя, такъ что правительство нерѣдко, единственно для избавленія народа отъ этихъ притѣсненій, отмѣняло общую ревизію, положенную закономъ въ 5 лѣтъ однажды; каковая повѣрка отмѣнялась также и потому, что не приносила никакой пользы и на указы объ ней смотрѣли какъ на «пустыя слова». Правители областей, губернаторы и генералъ-губернаторы еще меньше имѣютъ средствъ узнать достовѣрное число народа, потому что они должны дѣйствовать чрезъ

земскихъ начальниковъ, слѣдовательно заставлятъ ихъ повѣрять самихъ себя, почему всѣ высшіе начальники губерніи «потакаютъ земскимъ чиновникамъ и «сами внимательно не пересматриваютъ подаваемыхъ имъ списковъ народа.»

При такой небрежности высшихъ властей, земскіе начальники безъ всякаго толка и соображенія прибавляли число душъ въ новыхъ спискахъ, нисколько не сличая съ прежними, такъ что въ 1775 году Государь, самъ пересматривая представленные генералъ-губернаторами списки варода и сличая ихъ съ прежними, замѣтилъ чрезвычайную небрежность и невнимательность къ этому дѣлу: въ нѣкоторыхъ уѣздахъ оказалось приращеніе народа не болѣе 5, 6, 8, и 20 человекъ въ цѣломъ уѣздѣ! Почему послѣдовалъ указъ самымъ вѣрнымъ образомъ и съ должною внимательностію произвести поголовную перепись; но это повелѣніе исполнено было особеннымъ образомъ. Замѣчаніе Государя касательно ничтожнаго приращенія научило чиновниковъ большей осторожности; но они обратились къ другому способу составленія переписи — стали увеличивать число душъ и показывать постоянное возрастаніе ввѣреннаго управленію ихъ народа.

Притомъ, въ разное время случавшіяся бѣдствія: наводненія, засуха, неурожай и пр. требовали отъ

правительства вспоможенія народу. Чиновники и здѣсь, для своей корысти, какъ бы становились въ одинъ рядъ съ немущими пропитанія, — показывали число нуждающагося въ пособіи народа гораздо въ большемъ количествѣ, нежели сколько значилось въ поданныхъ за годъ предъ симъ спискахъ всего народонаселенія уѣзда. Правительство, хотя и замѣчало такое мгновенное приращеніе жителей какаго нибудь уѣзда, но старалось только о томъ какъ бы скорѣе подать помощь требующимъ ее, оставляя повѣрку до другаго удобнѣйшаго времени. Между тѣмъ чиновники, для прикрытія своего преступленія и обмана, въ слѣдующемъ году это прибавленное число мнимо существующихъ жителей вносили въ списки народонаселенія своего вѣдомства, какъ дѣйствительно существующее приращеніе, и такимъ образомъ приращеніе это все шло далѣе и далѣе *). Наконецъ приращеніе народонаселенія дошло уже до предѣловъ невѣроятности и списки, пріобрѣтенные мною изъ Палаты Финансовъ за 1841 и 1842 года показываютъ, до чего въ настоящее время простирается небрежность и отсутствіе всякаго вниманія къ вѣрному счисленію народа. По этимъ спискамъ итогъ всего народонаселенія восходитъ :

*) См. Хуанъ-чао-цзинъ-ши-вынь-бянь сочин. изд. въ 1824.

тъ 1841 до 178.634,089 семействъ и 413.457,311 душъ *)

1842 — 179.554,967 — — 414.686,994 — — **)

Изъ итоговъ сихъ видно, что и въ настоящее время существуютъ тѣ же злоупотребленія, какія были въ Китаѣ за нѣсколько сотъ лѣтъ при *Суньской* династии; и нынѣ переписи народа доведены чиновниками до того, что двѣ только души приходится на одно семейство. Гдѣ и при какихъ несчастныхъ обстоятельствахъ можетъ существовать такая несообразность? Мужъ и жена составляютъ два лица, гдѣ же помѣстить дѣтей? Извѣстно, что въ Китаѣ ранняя женитьба во всеобщемъ обыкновеніи. Очевидно, что чиновники, при составленіи списковъ народа, пишутъ и прибавляютъ на обумъ, воображая, что приращеніе одного семейства также легко и скоро совершается, какъ и приращеніе одной души. Правда, этотъ итогъ народонаселенія не обнародованъ официально и потому достовѣрность его можетъ подвергаться сомнѣнію; но за его вѣрность можетъ ручаться сличеніе сравнительнаго приращенія народа въ промежутокъ отъ одной переписи до другой, кои обнародованы правительствомъ. Такъ въ теченіи 26

*) Въ это число не входятъ всѣ люди военнаго званія и жители всѣхъ вѣнскихъ владѣній.

**) Въ это число также не входятъ военные и вѣнские и сверхъ сего жители острова *Тай-ванъ* (Формозы), *Динь-хай*, *Чжэнь-хай* и *И-сянь*, гдѣ, вѣроятно по случаю войны съ Англичанами, не возможно было провести переписи.

лѣтъ, послѣ переписи 1757 года до 1783, оказалось приращеніе въ 93.685,457 душъ — но три слишкомъ милліона на годъ; *) послѣ 1782 до 1812 — въ теченіе 29 лѣтъ народонаселеніе умножилось на 77.659,394 душъ — только по два слишкомъ милліона на годъ: **) отъ послѣдней, правительствомъ обнародованной переписи 1812 года протекло 30 лѣтъ, и въ 1842 году приращеніе народа восходитъ только до 53.993,815 душъ — круглымъ счетомъ по 1.799,797 душъ на годъ, не смотря на то, что въ этотъ промежутокъ было болѣе производительныхъ силъ, чѣмъ до 1812 года, и слѣдовательно должно быть большее приращеніе. Между тѣмъ, имѣющіяся данныя напротивъ показываютъ упадокъ.

Если обратиться къ спискамъ людей военнаго вѣдомства, то они представляютъ совершенно противныя данныя и отличные результаты. Списки народа военнаго вѣдомства — какъ солдатъ такъ и чиновниковъ — военныхъ или принадлежащихъ къ этому сословію по своему происхожденію, составляются съ должною вѣрностію и строгимъ вниманіемъ, такъ что тотчасъ, послѣ приращенія или уменьшенія какого-нибудь семейства, дается извѣстіе ротному на-

*) Именно 3.603,287 душъ.

**) Именно 2.677,914 душъ.

чальнику, который въ то же время отмѣчаетъ это въ спискахъ. Причина такой внимательности къ составленію списковъ военнаго народа заключается въ томъ, что онъ всегда живетъ на счетъ правительства. Не говоря уже о жалованьѣ солдатамъ и подросткамъ, всѣ лица какъ мужскаго, такъ и женскаго пола, получаютъ особенныя вспомошествованія, напр. по случаю брака или похоронъ; почему пріобрѣтенные мною изъ военной палаты списки за 1843 годъ не показываютъ того несоразмѣрнаго отношенія числа душъ къ числу семействъ, какое оказалось въ спискахъ палаты финансовъ. По симъ спискамъ народъ, состоящій въ военномъ вѣдомствѣ, начиная съ унтеръ-офицера и ниже*), составляетъ 723.965 семействъ, въ коихъ обоюго пола 2.912,196 душъ; значить, на одно семейство приходится по четыре слишкомъ души. При томъ между военными людьми не замѣчается того быстрого и мгновеннаго приращенія, какое находятъ земскіе начальники между подчиненнымъ имъ народомъ.

Далѣе, въ спискахъ палаты финансовъ подробно означено народонаселеніе каждой губерніи порознь. По этой росписи, въ губерніи Чжи-ли въ 1842 значится 36.879,838 душъ. Есть данныя для числа го-

*) Число семействъ и душъ чиновническихъ домовъ не входитъ сюда за невѣдѣніемъ данныхъ.

родовъ и деревень *), находящихся въ этой губерніи, по которымъ значится:

главныхъ окружныхъ городовъ	6
окружныхъ городовъ	16
уѣздныхъ — —	121
крѣпость	1 **)
въ зависимости ихъ состоящихъ большихъ селеній и малыхъ деревень	39.687
	<hr/>
	итого 39.831.

И такъ на каждое мѣсто, гдѣ обитаетъ народъ, приходится круглымъ счетомъ по 926 душъ. Правда такое количество ничтожно для городовъ и большихъ торговыхъ селеній; но надобно замѣтить, что въ Китаѣ деревни расположены совершенно иначе, чѣмъ въ другихъ государствахъ: Китайцы располагаются жильемъ какъ можно ближе къ своей пашнѣ. Большая часть Китайскихъ деревень, по крайней мѣрѣ въ *Чжи-лиской* губерніи, заключаетъ въ себѣ по нѣскольку десятковъ семействъ, а очень многія по сту семействъ, которыя, по Китайскому же счету, должны или могутъ содержать въ себѣ только 500 душъ. Большія селенія и города, не говоря уже о многолюднѣйшей столицѣ, ***) чрезвычайно населены;

*) См. Цзи-фу-и-цанъ-ту.

**) Правленіе области помѣщается въ какомъ нибудь уѣздномъ городѣ.

***) См. въ концѣ особую таблицу населенія Китайской столицы — Пекина.

но съ другой стороны надобно обратить вниманіе на то, что не всѣ жители ихъ суть туземцы, которые имѣютъ право вписываться въ этихъ мѣстахъ. Самая значительная, промышленная часть народа большею частію изъ другихъ областей, гдѣ они и значатся въ спискахъ. Для доказательства, довольно упомянуть о жителяхъ губерніи *Сань-си*, разсѣявшихся для своихъ промысловъ не только въ *Чжи-ли*, но и по всей Имперіи.

Въ заключеніе и подтвержденіе вышесказаннаго можно привести нѣкоторыя мѣста изъ докладовъ и мѣмѳой, поданныхъ въ прошломъ впрочемъ столѣтіи Государю въ разное время и собранныхъ въ сочиненіи *Хуанъ-чао-цзинъ-ши-вынь-бянь*. «Знать число народа весьма не легко. Вообще полагаютъ 8 душъ на одно семейство; а если сіе повѣрить, то получится приблизительное и на предположеніяхъ только основанное приращеніе народа. Только можно узнать, что народъ весьма размножился, но повѣрка количества приращенія его неудобноисполнима; повѣришь — и вдругъ снова являются злоупотребленія. Великое множество народа живетъ по деревнямъ и заголустьямъ. Если приказать всѣмъ жителямъ съ женами и дѣтьми явиться въ уѣздное правленіе для переписи; то это будетъ невыносимо для народа. Если посылать мѣстнымъ начальникамъ самимъ отправ-

«лжаться по деревнямъ и селеніямъ и повѣрять число
«обитателей каждаго дома; то это будетъ тягостно для
«чиновниковъ. Правители округовъ и уѣздовъ не успѣ-
«вають оканчивать судныхъ дѣлъ и сбора податей,
«и не имѣють ни одного свободнаго дня, въ кото-
«рый бы они могли на досугѣ заняться переписью
«народа; самый трудолюбивый и умный правитель
«не въ силахъ повѣрять числа своего народа; отъ то-
«го всѣ земскіе начальники смотрѣли на указы о пе-
«реписи народа, какъ на «пустыя слова». Черезъ
«пять лѣтъ производимая повѣрка числа жителей такъ
«же не очень легка. Если не оставить на прежнемъ
«основаніи ежегодной переписи, производимой волю-
«стными старшинами, то невозможно, чтобы она была
«нѣсколько лѣтъ сряду въ одинаковой исправности.
«Купцы — народъ, не имѣющій постояннаго житель-
«ства, который то пріѣзжаетъ, то уѣзжаетъ; бродя-
«чій классъ народа, — ремесленники, которые то
«сходятся, то разсѣваются, — такихъ людей не такъ
«легко и возможно переписать съ должною точностію
«и подробностію. Такимъ образомъ по прежнему по-
«сылають писарей для повѣрки народонаселенія и
«этимъ дѣло оканчивается. Между тѣмъ сіи послан-
«ные, пользуясь такимъ случаемъ, стараются только
«удовлетворить своему ненасытному корыстолюбію
«и производять только безпорядки важныя: они

«силою врываются въ дома, заводят небывалыя дѣла и придирки; при производствѣ переписи съ каждаго дома требуютъ уплаты издержекъ на пищу, бумагу, писчія кисти, дорожные расходы, и преспокойно сидятъ въ домѣ, пока не удовлетворятъ ихъ требованію. Притомъ посланный писарь нерѣдко свою обязанность — повѣрить число народа въ извѣстномъ мѣстѣ — перепродаетъ другому лицу», которое старается вдвойнѣ вознаграждать себя и сверхъ того менѣе опасается взысканія за ошибки и злоупотребленія въ этомъ дѣлѣ, нежели тотъ, который былъ посланъ начальствомъ. Вообще при производствѣ переписи писаря соображаютъ такъ: мѣсто отдаленное, страна обширная, народа множество, начальникъ не можетъ повѣрить ошибокъ и не имѣетъ никакого основанія указать подлинно вѣрное число народа. По такимъ соображеніямъ, они по собственному произволу прибавляютъ и опускаютъ, дѣлаютъ изъ малаго количества большое, — все это плоды ихъ рукъ, и съ такою небрежностію оканчивается сіе важное дѣло. Почти также, по однимъ предположеніямъ и догадкамъ, составляется общій списокъ народонаселенія всего государства для представленія Государю. Вообще переписи народа не достаточно основательны, бесполезны для правительства и наконецъ число на-

«рода вовсе не вѣрно; а между тѣмъ какіе употребляются труды и расходы, и какія тягости и обременіе падаютъ на народъ»!

И такъ вотъ въ какомъ видѣ находятся оффиціальныя документы народонаселенія въ Китаѣ! Другихъ помогающихъ разрѣшенію сей задачи документовъ въ Китаѣ не находится. Тамъ не ведутъ отдѣльныхъ метрикъ рожденій и смертности. Авторъ сей статьи поставилъ себѣ непремѣннымъ правиломъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о Китаѣ писать по достовѣрнымъ источникамъ и оффиціальнымъ документамъ, и быть точнымъ передавателемъ того, что говорятъ сами Китайцы, и потому, не желая вводить читателя въ заблужденіе своими выводами, какъ обыкновенно доселѣ дѣлали по этому предмету Европейскіе ученые, представляетъ любопытному читателю самому сдѣлать свое заключеніе о народонаселеніи Китая изъ предложенныхъ здѣсь документовъ, по началамъ науки, которая недавно явилась въ Европѣ, и которая, какъ наука, никогда не существовала въ Китаѣ.

**ПЕРЕЧЕНЬ ИТОГОВЪ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ КИТАЯ ПРИ РАЗНЫХЪ
ДИНАСТИЯХЪ ОТЪ 2 ГОДА ПО Р. Х. ДО 1578, СОСТАВЛЕННАЯ
НА ОСНОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПОКАЗАНИЙ.**

Название династій	Хр. годы	Число семействъ	Число душъ.	Название династій	Хр. год.	Число семействъ	Число душъ.		
Хань	2	12.233.062	59.594.978	Цзинь или Гинь	1063	12.462.317	26.421.651		
	57	4.279.634	21.007.820		1066	12.917.221	29.092.185		
	75	5.860.173	34.123.021		1075	15.664.529	23.807.165		
	88	7.456.784	43.356.367		1080	14.852.684	33.303.889		
	105	9.237.112	53.256.229		1091	18.635.093	41.492.311		
	125	9.647.838	48.690.789		1099	19.715.555	43.411.606		
	144	9.946.919	49.730.550		1102	20.019.050	43.620.789		
	145	9.937.680	49.524.183		1160	11.375.733	19.229.008		
	146	9.348.227	47.566.772		1166	12.335.430	25.378.684		
	157	10.677.960	56.426.856		1193	12.302.873	27.845.085		
	Сань-го или Трое- царствіе.	220—242	1.363.000		7.632.881	1223	12.670.801	28.320.085	
	Цзинь	280	2.459.801		16.163.863	1264	5.696.989	13.026.532	
	Суй	380	3.390.000		9.009.604	Цзинь	1187	6.789.449	14.705.086
	606	8.907.536	46.019.936		1190	6.939.000	45.447.900		
Тань	627	3.000.000	"	1195	7.223.400	48.490.400			
	650	3.800.000	"	1207	7.684.838	45.816.079			
	705	6.356.141	"	Юань	1290	13.196.266	58.834.710		
	726	7.069.565	"	1330	13.400.699	"			
	732	7.861.236	45.431.263	Минь	1381	10.654.362	39.872.305		
	742	8.348.395	45.311.272	1393	10.652.870	60.545.812			
	754	9.069.154	"	1402	10.626.779	56.301.026			
	755	8.919.309	52.919.309	1407	11.415.829	66.598.337			
	756	8.018.701	"	1404	9.685.020	50.950.470			
	760	1.933.174	16.990.386	1411	9.533.692	31.446.834			
	764	2.933.125	"	1412	10.922.436	65.377.630			
	780	3.405.076	"	1413	9.684.916	50.950.244			
	806—820	2.473.963	"	1434	9.466.288	51.338.476			
	821—824	3.944.595	"	1462	9.385.012	56.370.250			
	825—826	3.978.983	"	1463	9.107.205	60.479.330			
	839	4.996.753	"	1466	9.202.718	60.653.724			
	841—846	4.955.151	"	1488	"	65.442.680			
Сунь.	976	3.090.504	"	1487	"	50.207.134			
	997	4.132.576	"	1491	9.113.446	53.281.159			
	1021	8.677.677	19.930.320	1504	"	60.105.835			
	1029	10.162.689	26.054.238	1505	12.972.974	"			
	1048	10.723.695	21.830.064	1506	9.151.773	46.802.005			
				1513	"	63.300.000			
				1522	9.721.652	66.861.273			
				1578	10.621.436	60.692.856			

ТАБЛИЦА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ ПЕКИНА СЪ ЕГО ОКРЕСТНОСТЯМИ, ДВУМЯ ПРИПИСАННЫМИ КЪ НЕМУ УЪЗДАМИ ДА-СИЦЪ И ВАНЬ-ПИНЪ, СОСТАВЛЕННАЯ ПОЛИЦЕЙСКИМЪ ВЪДОМСТВОМЪ ВЪ 1845 И 1846 ГОДАХЪ.

Населеннос-ть Пеккина безъ окрестностей и приписанныхъ уѣздовъ по списку 1845 года.			Населенность Пеккина съ окрестностями и двумя уѣздами по спискамъ полиціи 1846 года.		
Наименованіе званій жителей.	Число семейс.	Число душъ.	Наименованіе званій и состояній жителей.	Число семейс.	Число душъ.
Чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ штатныхъ и ожидающихъ вакансій	26.486	75.752	Чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ изъ Маньчжуровъ, Монголовъ и Китайцевъ штатныхъ	15.866	74.615
Солдатъ гвардейскихъ и полицейскихъ	125.340	348.652	Чиновниковъ сверхъ штатныхъ, ожидающихъ вакансій ¹⁾	23.703	101.126
Простолюдиновъ и монаховъ	191.586	577.564	Солдатъ 8 гвардейскихъ корпусовъ, изъ Маньчжуровъ Монголовъ и Китайцевъ	76.584	168.631
Туркистанцевъ; издавна поселившихся	19.369	89.188	Полицейскихъ солдатъ вѣль Китайцевъ ²⁾	35.642	65.763
Торгующихъ и ремесленниковъ	186.986	337.658	Простолюдиновъ природныхъ жителей двухъ уѣздовъ	138.570	269.860
			Простолюдиновъ изъ другихъ губерній, приписавшихся изъ двухъ уѣздовъ	112.861	208.963
			Монаховъ и монахинь двухъ вѣрь Буддѣйской и Даоской	—	10.704
			Туркистанцевъ издавна поселившихся	32.469	148.984
			Торгующихъ, разныхъ промышленниковъ и ремесленниковъ	359.394	1.349.650
			Временныхъ жителей, не имеющихъ постоянного жительства и занятія	—	155.863
Итого	549.773	1.648.814	Итого	795.092	2.553.159

Примѣчаніе 1. Въ итогъ чиновническихъ семействъ и душъ входятъ и всѣ находящіеся на службѣ въ другихъ мѣстахъ Имперіи, но по происхожденію своему изъ Пекина вписанные на роднѣ.

Примѣчаніе 2. Въ итогъ 1845 года солдатскихъ семействъ и душъ больше противъ 1846 года. Это объясняется тѣмъ, что въ первомъ вывѣченъ семейства и души чиновниковъ, происшедшихъ изъ военнаго сословія, гдѣ они всегда и вписываются какъ на своей роднѣ, несмотря на то, что по званію и настоящей должности не принадлежатъ къ военному званію; а во второмъ спискѣ—чиновники отдѣлены отъ солдатъ; отъ того въ немъ число чиновниковъ болѣе противъ перваго списка.

ТАБЛИЦА УМЕРШИХЪ ВЪ ПЕКИНѢ — СТОЛИЧНОМЪ ГОРОДѢ
БЕЗЪ ЕГО ПРЕДМѢСТІЙ И ДВУХЪ ПРИПИСАННЫХЪ УѢЗДОВЪ, —
ВЪ ТЕЧЕНІИ 1845 ГОДА, СОСТАВЛЕННАЯ ПО ЕЖЕДНЕВНЫМЪ
ЗАПИСЯМЪ ПОЛИЦІИ.

Число лунъ или мѣсяцевъ.	Число умер- шихъ лицъ обоого пола въ теченіе мѣсяца.	
въ 1 лунѣ.	3.962	<p><i>Примѣчаніе 1.</i> Наибольшая смертность въ IX лунѣ—переходномъ времени отъ жаровъ къ холоду.</p> <p><i>Примѣчаніе 2.</i> Полагая въ Пекинѣ жителей 1,648,814 душъ, а умершихъ 39,438 душъ,—значитъ почти 42-й человѣкъ умираетъ.</p> <p><i>Примѣчаніе 3.</i> Притомъ въ это счисленіе и перепись умершихъ душъ не входятъ младенцы, которые, какъ неудобовающіеся, по китайскимъ обычаямъ, церемональнаго погребенія, не вносятся въ списки полиціи, которой дается знать о всякомъ только возрастномъ умершемъ лицѣ и которая, послѣ справокъ и осмотра, выдаетъ билетъ на пропускъ гроба за городскіе ворота. Умершіе же младенцы, безъ уведомленія полиціи, выносятся на роловые кладбища за городъ или отдаются, особенно бѣдными жителями, на общественныя тѣлеги, которыя ежедневно утромъ проходятъ по большимъ городскимъ улицамъ, и на нихъ тѣла младенцевъ—въ гробахъ или какихъ нибудь оберткахъ—свозятся на общественное кладбище для младенцевъ за городъ.</p>
2 —	3.851	
3 —	3.002	
4 —	2.565	
5 —	3.705	
6 —	2.333	
7 —	2.721	
8 —	3.571	
9 —	5.129	
10 —	2.469	
11 —	3.577	
12 —	2.563	
Итого	39.438	

**СПОСОБЪ
ПРИГОТОВЛЕНІЯ ТУШИ.**

СПОСОБЪ ПРИГОТОВЛЕНІЯ ТУШИ.

Книжка, изъ которой мы заимствуемъ этотъ способъ, написана въ 1398 году, человѣкомъ (Шэнь-цзи-сунь), который самъ занимался дѣланіемъ туши около 30 лѣтъ. Въ 40 годъ правленія Цянь-Лунь (1775) она разсмотрѣна особою комиссіею и вошла въ составъ собранія книгъ, извѣстнаго подъ именемъ *Сы-ку-цзоань-шу*. Въ Китаѣ въ разныя времена явилось въ свѣтъ и много другихъ книгъ по этому предмету; но тѣ изъ нихъ, какія до сихъ поръ мы имѣли случай разсматривать, всѣ говорятъ въ пользу принятаго нами автора, и, кажется, вполне подтверждаютъ слова его, что «всѣ писатели разныхъ наставленій о дѣланіи туши сами не занимались этимъ дѣломъ, а писали со словъ другихъ: и потому книжки ихъ только красно написаны, но не представляютъ ручательства въ своей достовѣрности». И очень естественно, что случайныя открытія и усовершенствованія, какія посчастливилось кому нибудь сдѣлать по этой части,

строго держатся въ секретѣ; а напротивъ сочинители подобныхъ книгъ обыкновенно стараются украшать ихъ именами людей, пріобрѣтшихъ извѣстность на этомъ поприщѣ. «Я, говоритъ нашъ авторъ, перепробовалъ всѣ способы, предлагаемые въ этого рода сочиненіяхъ; но чѣмъ болѣе употреблялъ разныхъ (выхваляемыхъ въ нихъ) веществъ, тѣмъ хуже выходила тушь. Наконецъ, когда, по совѣту одного знаменитаго фабриканта туши, бросилъ всѣ эти вещества а только хорошенько перемѣшалъ сажу съ клеемъ, распарилъ эту смѣсь и перемялъ — тушь вышла черная и блестящая, словно глазки у ребенка! — Это было въ началѣ правленія *Хунъ-ву* (въ 1370 годахъ). Съ того времени и донынѣ я продолжалъ дѣлать тушь по этому способу, и она, по отзывамъ знатоковъ, имѣла всѣ качества древней туши... Въ послѣдствіи я еще узналъ способъ приготовленія туши отъ одного *хэшиана*, и теперь, соединивши тотъ и другой вмѣстѣ, не хвалюсь, чтобы предлагаемое мною описаніе было лучше другихъ, писавшихъ объ этомъ прежде меня, но думаю, что сдѣланная по моему способу тушь близко подойдетъ къ древней.»

Къ этому болѣе мы ничего не можемъ прибавить: коммиссія, разсматривавшая эту книжку, основала свое мнѣніе на этихъ же словахъ автора, но очевидно, что лучший судья въ подобныхъ дѣлахъ есть опытъ.

Масло для добыванія сажи.

1. Въ древности дѣлали тушь изъ сосновой сажи, но нынѣ для этого добываютъ сажу изъ разныхъ маслъ и въ особенности изъ масла *Тунъ-ю*. Разумѣется, что для этого годится и всякое другое масло, и дѣйствительно и употребляютъ одни — масло конопляное, кунжутное, другіе — деревянное, капустное, и т. д. «Только — замѣчаетъ Авторъ — изъ масла тунъ-ю и сажи получается больше, и тушь выходитъ черная, блестящая, которая день отодня все болѣе чернѣетъ: Напротивъ изъ всякаго другаго масла и сажи добывается менѣе, и тушь бываетъ блѣдная, тусклая, даже чѣмъ далѣе лежитъ, тѣмъ становится блѣднѣе съ каждымъ днемъ» *).

Нѣкоторые совѣтуютъ масло прежде жженія приготовить извѣстнымъ образомъ; т. е. мочить въ немъ полмѣсяца и болѣе разныя вещества, каковы: красный сандалъ, абрикосовыя ядра, *Anchusa tinctoria*, и нѣкоторыя другія. Но этотъ способъ, по словамъ автора, обыкновенно передается отъ одного другому, но никѣмъ не приводится въ исполненіе и въ его книгѣ помѣщается только для полноты. Притомъ же

*) У насъ недавно задумали выбивать масло изъ еловыхъ шишекъ и, кажется, еще не придумали употребленія для него. По всѣмъ вѣроятностямъ сажа изъ этого масла должна быть хороша для дѣланія туши, и можетъ быть оно въ этомъ отношеніи не уступитъ Китайскому тунъ-ю.

многія изъ этихъ веществъ входятъ въ составъ туши, какъ увидимъ послѣ, другимъ, болѣе естественнымъ образомъ.

Приборъ для жженія масла.

2. Для жженія масла нужно прежде всего запастись нѣкоторыми необходимыми сосудами; таковы суть: 1, круглый глиняный тазъ, или лотокъ съ прямостоящими краями. Внутренній поперечникъ его полагается мѣрою въ 21 дюймъ, глубина въ $3\frac{1}{2}$ д. и толщина краевъ въ 1 дюймъ. На одной сторонѣ близъ dna нужно просверлить дыру величиною въ палецъ и придѣлать къ ней пробку. Само собою разумѣется, что для большей удобности не мѣшаетъ сдѣлать подъ этотъ тазъ деревянную подставку немного пониже стола. 2, круглая труба, — родъ глиняной бездонной кружки, такой высоты, чтобы — когда поставится внутри таза—была равна съ его краями. Внутренній поперечникъ ея долженъ быть въ 6 дюймовъ, съ краями 8 д. Нижній край долженъ быть не ровень, но съ выемками на подобіе ножекъ, для того, чтобы вода, наливаемая въ тазъ, свободно проходила и внутрь ея. 3, нѣсколько плосекъ для масла. Это не глубокая блюдечка въ $4\frac{1}{2}$ д. въ поперечникѣ. дѣлаемая обыкновенно изъ песчанистой глины; при обжиганіи, песокъ расплавляется и отъ этого ояѣ по-

крываются некоторымъ родомъ глазури и не вбираютъ въ себя масла. Наконецъ 4, крышки для собранія сажи. Онѣ дѣлаются изъ самой тонкой глины и внутренняя поверхность ихъ еще прежде обжиганія выглаживается какъ можно ровнѣе. Форма дается имъ — полушарія съ длинною на выпуклой части рукояткою. Въ поперечникѣ онѣ должны быть 7 д., 3 съ краями, высоту въ $2\frac{1}{2}$ д. длина рукоятки около 3 дюймовъ.

Все это устанавливается слѣдующимъ образомъ: Внутри таза ставится по срединѣ такъ называемая труба, въ нее одна плшка и вокругъ шесть другихъ, въ равномъ разстояніи другъ отъ друга. Но прежде подъ плшки подкладываются небольшіе кирпичики, такой толщины, чтобы верхній край плшки былъ ниже краевъ таза линіи на три. Если плшки будутъ поставлены слишкомъ низко, то дымъ будетъ выходить наружу и потому много пропадетъ сажи; если же слишкомъ высоко, то огонь можетъ доставать до сажи и повредить ея добротѣ. По срединѣ каждой плшки ставится маленькій треножникъ изъ проволоки для поддержанія свѣтильни. Въ плшки наливается масло, а въ тазъ холодная вода почти до краевъ плшекъ и, по зажженіи свѣтиленъ, накладываются крышки, такъ чтобы центръ каждой приходился противъ центра соответствующей ей плшки. Авторъ совѣ-

туеть смазывать края крышек имбирнымъ сокомъ. вѣроятно для того, чтобы онѣ лучше пристали къ соприкосновеннымъ частямъ, и все это зданіе получило болѣе твердости.

Вмѣсто таза можно употребить корыто въ 14 д. шириною и произвольной длины. Въ такомъ случаѣ во всю длину его, по срединѣ, придѣлывается пере-
кладина, и крышки кладутся въ два ряда по длинѣ корыта, одною стороною на эту перекладину, а другою на край корыта.

Свѣтильни.

3. Свѣтильни у Китайцевъ вообще дѣлаются изъ сердцевины одного растенія, которое по этому и называется у нихъ *ламповымъ растеніемъ* — *дэнь-цао*. Для добыванія сажи авторъ совѣтуетъ готовить свѣтильни такимъ образомъ. Отобравши сердцевинъ *дэнь-цао* довольно толстыхъ и плотныхъ, желтоватаго цвѣта, надобно обрѣзать ихъ длиною въ 9 дюймовъ и, сложивши по 12 въ одинъ пучокъ, связать одинъ конецъ и раскатывать на доскѣ до тѣхъ поръ пока образуется изъ всего круглая, ровная палочка; тогда связать и другой конецъ. Приготовивши такимъ образомъ достаточное количество свѣтиленъ, надобно поварить ихъ немного въ отварѣ изъ краснаго сандала и, высушивши, хранить для употребленія, защищая отъ пыли и сырости.

Жженіе масла, добываніе и сѣяніе сажы.

4. Жженіе масла производится въ тихую погоду и въ особой комнатѣ, которой окна и двери должны быть плотно затворены, чтобы воздухъ внутри имѣлъ какъ можно менѣе движенія. Черезъ каждый часъ а) снимаются крышки одна за другою и сажа сметается перомъ въ небольшія посудыны, въ которыхъ и оставляется на цѣлые сутки, и потомъ уже ссыпается въ одно мѣсто. Надобно имѣть въ запасѣ нѣсколько лишнихъ крышекъ, чтобы, снявши одну, тотчасъ на мѣсто ея поставить другую б). Нужно всячески остерегаться, чтобы въ сажу не попало масла, или какойнибудь другой нечистоты; равно если бы случилось что сажа въ какойнибудь плоскѣ загорѣлась, то ее не должно мѣшать съ хорошею. Воду въ тазу надобно по-чаще охлаждать, подбавляя свѣжей и выпуская нагрѣвшуюся по немногу чрезъ сдѣланное внизу отверстіе. Однакоже не должно этого дѣлать вдругъ, потому что въ такомъ случаѣ произойдетъ сильное теченіе воздуха и сажа будетъ разсѣваться в).

а) Чѣмъ чаще это дѣлается, тѣмъ лучше. Если слишкомъ долго не собирать сажу, то она *устарѣетъ*, т. е. потеряетъ свой черный блестящій видъ и приметъ рыжеватый.

б) Въ это же время поправляется свѣтлѣнья и снимается нагаръ.

в) Гораздо легче этого можно достигнуть, если сдѣлать отверстіе не у дна таза, но на полдюйма ниже верхняго края (т. е. на такой высотѣ, до которой должна доходить вода въ тазу) и холодную воду подбавлять по-немногу посредствомъ длинной воронки, доходящей до дна таза; а теплая сама собою будетъ въ то же время вытекать чрезъ отверстіе.

Среднимъ числомъ изъ ста частей масла получается сажи восемь частей. Но если въ каждую плошку положить мѣлко истолченныхъ три или четыре зерна Кротона (*Croton tyglium* по Морр.), то это количество нѣсколько увеличится.

Передъ тѣмъ, какъ дѣлать тушь, сажу нужно просѣять. Чтобы во время этого дѣйствія сажа не разлеталась, можно употреблять высокую кадочку, покрытую холстомъ, подъ который проходить рука сѣющего.

Чернила.

5. Кромѣ сажи, въ составъ туши входятъ еще чернила, составляемые изъ разныхъ красильныхъ веществъ. Сколько можно видѣть изъ показанія нашего автора, вещества эти суть слѣдующія.

1) Гранатовая корка.

2) Цянь пи, т. е. кора дерева цинь (неизвѣстнаго въ Пекинѣ), вѣроятно имѣющая одни свойства съ гранатовою коркою.

3—4 Красный сандалъ и *Anchusa tinctoria*.

5—6 Желѣзный и мѣдный купоросъ.

7—10 Гуммигутъ, киноваръ, драконова кровь и листовое золото.

11 Мускусъ.

12 Яичный бѣлокъ.

13 *Ву-тоу*.

Къ сожалѣнію онъ не даетъ подробнаго наставленія, а) въ какой пропорціи и какъ употребляютъ всѣ эти вещи; видно только, что вещества № 1—6 варятся и въ процеженный отваръ ихъ прибавляются въ порошокъ означенныя № 7—10. Въ этомъ отношеніи кажется господствуетъ чистый, ни на чемъ не основанный произволъ: каждый фабрикантъ прибавляетъ то, что ему вздумается, и въ такомъ количествѣ, сколько найдется подъ руками, не зная ни свойствъ положеннаго вещества, ни дѣйствія его на другія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, приведемъ разсужденія нашего автора. «Чернилы», говоритъ онъ, «употребляются не только для того, чтобы тушь имѣла надлежащій цвѣтъ, отличный блескъ и запахъ, но преимущественно для того, чтобы она могла сохраняться долгое время, чтобы клей отъ давности не испортился, цвѣтъ не измѣнился, плотность всегда равнялась рогу носорога и камню, словомъ, чтобы тушь, по тонкости и плотности, способна была принять и сохранить самыя тонкіе рисунки формы. Вотъ для чего употребляются разныя вещества съ самыхъ давнихъ временъ. Но изъ числа этихъ веществъ нѣкоторыя дѣйствительно имѣютъ приписы-

а) Другія сочиненія объ этомъ предметѣ, какія удалось намъ найти, считаютъ эти чернила совершенно лишними и говорятъ объ нихъ только мимоходомъ.

аемыя имъ хорошія качества, а другія вовсе не со-
отвѣтствуютъ цѣли, для которой употребляются, и
потому нужно знать дѣйствіе каждаго порознь. И
такъ: желѣзный и мѣдный купоросъ портятъ тушь,
мускусъ и яичный бѣлокъ притягиваютъ сырость,
гранатовая корка и гуммигутъ *уменьшаютъ* черноту,
напротивъ *цинк-ш* не даетъ измѣняться цвѣту туши
на бумагѣ, *ву-тоу* не позволяетъ ослабѣвать силѣ
клея, *Anchusa*, сандалъ, драконова кровь, киноварь и
листовое золото усиливаетъ черноту. Для этой же
цѣли служить и клей, но если его прибавить больше
надлежащаго, то тушь дѣлается слишкомъ липкою и
даже цвѣтъ становится не такъ черенъ. Сверхъ того
многіе кладутъ въ составъ разныя душистыя вещи,
чтобы заглушить запахъ сажи; но они не понима-
ютъ, что душистыя вещи вообще вредятъ чернотѣ
туши, да притомъ, во время варенія, и запахъ весь
улетаетъ. Вообще надобно замѣтить, что никакіе
составы не придадутъ достоинства туши; для этого
требуется, во первыхъ, чистая сажа, во вторыхъ, луч-
шаго качества клей, и наконецъ приготовленноѣ тѣсто
надобно толочь какъ можно долѣе».

Клей.

6. Клей есть одинъ изъ главныхъ элементовъ, вхо-
дящихъ въ составъ туши. Обыкновенно употребляютъ

въ смѣся клей мяздринный съ рыбьимъ, полагая 1 часть послѣдняго а) на девять частей перваго. Если рыбьяго клею употреблено будетъ больше, то тушь дѣлается слишкомъ вязкою, не годною для письма. Но первоначально и тотъ и другой клей растворяется отдѣльно. Авторъ совѣтуетъ дѣлать это такимъ образомъ: рыбій клей мочить цѣлые сутки въ холодной водѣ и когда совершенно разбухнетъ, то примѣшать къ нему на каждую унцію по 5 кротоновыхъ зеренъ мелко-истолченныхъ, и, завернувши плотно въ пальмовыя листья, положить въ горячую воду и дать вскипѣть разъ десять; за тѣмъ, вынувши, растереть въ ступкѣ, прибавляя по немногу описанныхъ выше чернилъ. Мяздринный клей достаточно размочить въ холодной водѣ и растереть въ ступкѣ съ прибавкою чернилъ. Наконецъ тотъ и другой клей смѣшать вмѣстѣ въ показанной пропорціи, прибавить побольше чернилъ, поварить на легкомъ огнѣ, чтобы получилась совершенно однородная жидкость, и процѣдить сквозь полотноце. Отъ надлежащаго приготовленія клея много зависитъ доброта туши, и потому на этотъ предметъ нужно преимущественно обратить вниманіе.

а) Въ Китаѣ, приготовляя рыбій клей, не отдѣляютъ наружной перепонки пузыря, и потому, если брать хорошій клей, то и эта пропорція будетъ велика.

На *десять* частей сажи въ зимніе мѣсяцы нужно клею $4\frac{1}{2}$, и чернилъ 10 частей; весною и осенью— клею $5\frac{1}{2}$, и чернилъ $9\frac{1}{2}$, а лѣтомъ клею 6, чернилъ 9 частей. Вообще зимою нужно *меньше* клею и побольше воды, а лѣтомъ наоборотъ. Если тушь готовится изъ сосновой сажи, то на одинъ фунтъ сажи полагается $\frac{1}{2}$ ф. клею и $\frac{1}{2}$ фунта чернилъ. Если клей хорошъ, то можно положить его и меньше показанной пропорціи; въ такомъ случаѣ тушь выдетъ гораздо чернѣе и блестящѣе; но ее должно употреблять поскорѣе, потому что со временемъ она поблекнетъ. А чтобы тушь нѣсколько лѣтъ не потеряла своего цвѣта, для этого нужно употреблять клей, сдѣланный за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, именно, если на 10 унцій сажи изъ *тукъ-ю* взять $4\frac{1}{2}$ унц. мяздриннаго и $\frac{1}{2}$ унц. рыбьяго стараго клею, а вмѣсто чернилъ сдѣлать отваръ только изъ $\frac{1}{2}$ унцій *цинъ-пи* и $\frac{1}{2}$ унцій краснаго сандалу, и приготовить тушь, какъ показано будетъ ниже, то она не только со временемъ не потеряетъ своей доброты, но годъ отъ году будетъ еще улучшаться. «Уменя есть тушь—говорить авторъ—, сдѣланная по этому способу *Ву-ю-ляномъ*, лѣтъ 50 или 60 тому назадъ, и до сихъ поръ нисколько не измѣнившаяся.»

Составленіе тѣста туши.

7. Въ продажѣ есть два рода туши : одна назы-

вается тушью *съ горячимъ*, а другая—тушью *съ холоднымъ клеемъ*. Эти названія могутъ привести къ тому заключенію, что въ одномъ случаѣ употребляется растворъ клея горячей, а въ другомъ холодный, и дать такимъ образомъ ложное понятіе о различіи между тѣмъ и другимъ родомъ туши. Тушь перваго рода готовится такъ: когда клей достаточно разварится, то прибавляютъ къ нему понемногу опредѣленное количество чернилъ, не снимая съ огня; потомъ всю эту жидкость вливаютъ въ сажу, всю массу хорошо переминаютъ и, пока еще не остыла, раскладываютъ въ формы. Тушь другаго разбора дѣлается еще проще: разваривши клей, вливаютъ въ приготовленное количество чернилъ и, несмотря на то, хорошо ли или худо соединились обѣ жидкости, чисты ли онѣ или нѣтъ, прибавляютъ сажу, мѣшаютъ и раскладываютъ въ формы. Не нужно и говорить, какъ не совершенна будетъ тушь этаго рода: но и такъ называемая тушь съ горячимъ клеемъ далеко уступаетъ хорошей. Мы уже сказали, что для доброты туши недостаточно однихъ хорошихъ матеріаловъ, а нужно еще соединить эти матеріалы надлежащимъ образомъ и приготовить такимъ образомъ тѣсто толочъ и колотить какъ можно долѣе. Теперь мы займемся этимъ предметомъ.

Надобно отвѣсить 1 фунтъ чистой сажы въ бѣлую

фаянсовую чашку и, наливая черезъ цѣдилку подогрѣтыхъ чернилъ, смѣшанныхъ съ клеемъ, тотчасъ растирать руками, чтобы вся масса скаталась въ небольшіе шарики, на подобіе мѣлкой дроби; потомъ смѣсить ее въ одинъ кусокъ и, завернувши въ холстину, распаривать. Если за разъ дѣйствовать надъ большимъ количествомъ массы, то трудно будетъ хорошенько смѣшать ее, и потому лучше всю сажу развѣсить и каждый фунтъ ея мѣсить отдѣльно. Для паренія употребляется довольно обыкновенный въ китайской кухнѣ приборъ. Это—родъ небольшого лукошка, или рѣшета, въ которомъ, вмѣсто обыкновенной сѣтки, въ нижней части сдѣлана рѣшетка изъ прутьевъ или дощечекъ. Оно ставится въ котель съ водою такъ, чтобы вода не доходила до рѣшетки, и накрывается крышкою, связанною изъ прутьевъ или изъ соломы. Когда вода въ котлѣ закипитъ, то пары проникаютъ вещь, положенную на рѣшетку, и такимъ образомъ распариваютъ ее. Въ это-то *паровое* лукошко нужно положить приготовленное, какъ сказано выше, тѣсто туши и дать водѣ вскипѣть разъ десять и болѣе, пока внутри не послышится шумъ, какъбы отъ дождя, производимый каплями, падающими съ крышки. Тогда вынуть тѣсто изъ холстины, вложить въ каменную ступку и толочь деревянными пестами какъ можно скорѣе. Еще лучше будетъ, если

раздѣлить тѣсто на двѣ половины и попеременно одну распаривать, а другую толочь, пока наконецъ получится совершенно однородная, мягкая масса. Предполагая, что два человѣка дѣйствуютъ постоянно двумя пестами, на это потребуется времени около четырехъ часовъ. Если тѣсто пристаётъ къ пестамъ, то нужно прибавить немного чернилъ, но вообще должно стараться прибавлять ихъ какъ можно меньше. Когда тѣсто совершенно поспѣетъ, то, вынувши изъ ступки тотчасъ, пока еще горячо, раскатать его въ длинную палку, которую, завернувши въ мокрую холстину, положить въ теплую печь на минуту, чтобы согрѣлась, но не успѣла высохнуть, и вынувши разрѣзать на малые кусочки. Если хочется имѣть палочки туши опредѣленнаго вѣса, то теперь же должно развѣсить эти кусочки, примѣняясь къ тому, что 1, 4 унц. тѣста даетъ въ послѣдствіи почти ровно 1 унцію сухой туши. Всѣ эти кусочки тотчасъ же должно положить въ глиняную чашку и, покрывши мокрою холстиною, поставить въ горячую воду.

8. Нужно снабдить нѣсколько человѣкъ желѣзными щипцами и молотками. Каждый изъ нихъ беретъ щипцами одинъ кусокъ тѣста изъ чашки, и бьетъ молоткомъ на каменной или желѣзной ровной плитѣ, обмакивая отъ времени до времени въ чернила, пока оно опять сдѣлается мягко какъ воскъ. Для этого

требуется отъ 500 до 600 ударовъ. Каждый кусокъ затѣмъ передается главному работнику, который раскатываетъ его, прибавляетъ какихъ нибудь душистыхъ вещей и вытискиваетъ въ форму. Все это надобно дѣлать поскорѣе, чтобы тѣсто не простыло: потому что холодному тѣсту трудно дать опредѣленную форму, и внутри непременно будутъ трещины. По вынутіи изъ формы каждая палочка легонько завертывается въ пропускную бумагу и сушится въ золѣ; впрочемъ небольшія палочки можно и не завертывать. Зола употребляется выщелоченная и хорошо высушенная. Обыкновенно насыпается слой золы толщиной въ вершокъ, на него кладутся палочки туши одна подлѣ другой и засыпаются подобнымъ же слоемъ золы; на нихъ, если палочки туши не велики, можно разложить такимъ же образомъ другой и третій рядъ. Палочки вѣсомъ въ 1 и 2 золотника, смотря по погодѣ, совершенно высыхаютъ въ одинъ или два дня. Но для большихъ палочекъ требуется отъ 5 до 6 дней; при чемъ золу должно перемѣнять каждый день, смѣшивая пополамъ ту, въ которой сушилась тушь, и слѣдовательно отсырѣвшую, съ совершенно сухою. Надобно остерегаться, чтобы не всѣмъ просохшую тушь вдругъ не охватило сухимъ воздухомъ: отъ этого она вся можетъ истрескаться.

9. Вынувши тушь изъ золы, надобно обтереть каж-

дую палочку мягкою щеточкою и просушить два два въ тѣни, въ закрытомъ отъ вѣтра мѣстѣ; а потомъ, обтерши еще разъ, положить два на два въ такое мѣсто, гдѣ вѣтеръ продуваетъ. Затѣмъ, обмакивая жесткую щетку въ воскъ, вылощить до свѣтла. Когда тушь хорошо высохла, то лощится отъ тренія даже просто щеткою; напротивъ туши еще сырой щетка сообщаетъ матъ. Палочки безъ всякихъ рисунковъ, если обмыть водою и выгладить гладиломъ, получаютъ лоскъ такой, будто покрыты лакомъ.

10. Формы для оттискиванія палочекъ туши обыкновенно дѣлаютъ изъ плотнаго дерева, и верхняя часть ихъ нажимается посредствомъ рычага. Мы не станемъ заниматься здѣсь исчисленіемъ разныхъ видовъ ихъ, ни представленіемъ средствъ отпечатывать на сырой туши всѣ линіи и морщины руки. Выпишемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о испытаніи доброты туши : «Растирая тушь, должно держать палочку перпендикулярно къ плиткѣ, и тереть медленно : потому что отъ скорого тренія образуется пѣна и растворъ будетъ негоденъ для употребленія. Хорошая тушь должна быть тверда и едва уступать тренію, а не расплываться, подобно глиня. Каждый разъ должно растирать туши столько, сколько предполагается употребить за одинъ разъ : иначе, кромѣ того, что въ растворъ можетъ попасть пыль, и самый клей, вхо-

двѣтъ въ составъ туши, въ растворенномъ видѣ скоро теряетъ свою силу и растворъ туши дѣлается похожимъ на грязь. Тушь перваго разбора на бумагѣ блеститъ съ коричневымъ отливомъ. Если блескъ совершенно черный, то такого рода тушь считается нѣсколько ниже. Еще ниже та, которая имѣетъ блескъ съ голубоватымъ отливомъ. Наконецъ тушь самой низкой руки—вовсе безъ блеска. Вообще неотъемлемыя качества туши—двѣтъ и блескъ; недостатокъ того или другаго лишаетъ ее всей цѣны. Притомъ главное условіе: чтобы эти качества сохранялись долгое время. Въ числѣ дошедшей до насъ древней туши есть много такой, которая имѣетъ отличный двѣтъ, но безъ блеска: это признакъ, что она испортилась отъ сырости, и слѣдственно уже потеряла свою цѣну. Хорошая тушь (на бумагѣ) темна, и не образуетъ тонкой блестящей кожицы на поверхности, но блеститъ, такъ сказать, до дна, точь въ точь какъ глазки у ребенка! При растираніи туши должно на плитку налить нѣсколько капель воды, а не обмакивать палочки въ воду, иначе она послѣ растрескается».

КИТАЙСКІЯ БЪЛИЛА И РУМЯНЫ.

а) *Бълила.*

У насъ обыкновенно хвалятъ китайскія бѣлила, въ томъ отношеніи, что онѣ, при отличной бѣлизнѣ, ни сколько не вредны. Эти бѣлила суть не что иное, какъ крахмалъ изъ сарацинскаго пшена. Вотъ какъ онѣ дѣлаются. Берутъ бѣлаго обточеннаго сарацинскаго пшена, моютъ его до тѣхъ поръ, пока вода станетъ стекать совершенно чистою, и потомъ, ссыпавши въ особую кадку, наливаютъ чистою водою и оставляютъ въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока окажутся признаки начала гніенія. Въ жаркое время для этого достаточно 20 дней, но въ холодное требуется даже мѣсяца два и болѣе. Вообще если хочется получить бѣлила лучшей доброты, то лучше дать пшену мокнуть нѣсколько дней лишннихъ. Когда явственно будетъ слышенъ гнилой запахъ, то, сливши прежнюю воду, перемываютъ размокшее пшено въ чистой водѣ, перемѣняя ее по чаще до тѣхъ поръ, пока нисколько

не останется кислаго запаха, и наконецъ растраиваютъ. Въ большихъ производствахъ это дѣлается посредствомъ жернововъ, для чего къ нижнему жернову придѣлывается кругомъ высокая закраина, и съ одной стороны желобокъ. Въ отверстіе верхняго жернова кладется размоченное сказаннымъ образомъ и промытое пшено и по чаше подливается по немногу чистой воды; по желобку стекаетъ бѣлая жидкость, которая пропускается сквозь сито, и остатки опять мелются. Если же дѣло производится въ небольшомъ количествѣ, то пшено растирается въ лохани. Полученную по размятіи пшена бѣлую жидкость—смѣсь крахмала съ водою,—процѣдивши сквозь сито, сливаютъ въ лохани, чтобы отстоялась, причемъ отъ времени до времени легонько помѣшиваютъ, чтобы крахмалъ упалъ на дно лохани, а не садился на стѣнки. Когда вода совершенно освѣтлится, то, сливши ее, осадокъ накрываютъ сложенной въ нѣсколько разъ холстиною, насыпаютъ слой отрубей и поверхъ ихъ негашеной извести. Известь нужно перемѣнять до тѣхъ поръ, пока она болѣе не станетъ уже втягивать въ себя влаги изъ крахмала. Изъ каждой полученной такимъ образомъ плитки крахмала выбирается тотъ, который находится въ самой срединѣ и отличается особенною бѣлизною и нѣжностію, а находящійся по краямъ откладывается отдѣльно и составляетъ сѣръ

воняже. И тотъ и другой окончательно просушивается на солнцѣ.

По этому способу готовится крахмалъ изъ разныхъ видовъ сарацинскаго пшена, пшеницы, ячмени и другихъ хлѣбныхъ зеренъ, и потому, частію отъ различія матеріаловъ, частію отъ большей или меньшей тщательности въ приготовленіи, есть множество отличій крахмала, изъ которыхъ каждое имѣетъ особое назначеніе. Лучшій крахмалъ употребляется женщинами для притиранія. Чтобы сообщить этимъ бѣлкамъ запахъ, къ нимъ обыкновенно примѣшивается какой нибудь душистый порошокъ (большею частію гвоздика, иногда въ смѣси съ корицею), или спрыскиваются онѣ душистою водою.

б. Румяны.

Румяны добываются изъ сѣфора (*Carthamus tinctorius*) почти такимъ же образомъ, какъ и у насъ добывается краска изъ этого растенія. Промывши цвѣты въ холодной водѣ, обливаютъ ихъ щелокомъ изъ золы разныхъ растеній, преимущественно изъ полыни. Краска выдетъ гораздо ярче, если употребить щелокъ не слишкомъ крѣпкій. По этому совѣтуютъ наливать на золу горячую воду два раза и сливать для другаго какого нибудь употребленія, а для смачиванія цвѣтовъ употреблять уже третій щелокъ. Когда цвѣты

достаточно размокнуть, то кладутся въ холстинный мѣшокъ и выжимаются; въ полученную жидкость прибавляется немного какой нибудь кислоты. Обыкновенно употребляютъ для этого сокъ, выжатый изъ гранатъ, а за неимѣніемъ ихъ, уксусъ, или даже закисшую воду, въ которой варился рисъ. Для осажденія краски, прибавляютъ немного описанныхъ выше бѣлилъ, или крахмалу, и размѣшавши хорошенько, оставляютъ жидкость въ покоѣ на ночь; на другой день отстоявшаяся свѣтлая вода тихонько сливается, а осѣвшая на дно краска просушивается въ тѣни.

Краска эта употребляется, въ смѣси съ бѣлилами, вмѣсто румянъ, прибавляется въ жирную помаду для губъ и употребляется живописцами вмѣсто кармина.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ БУДДЫ.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ БУДДЫ.

Въ предлагаемомъ здѣсь очеркѣ жизни Будды мы не намѣрены повторять басней, рассказываемыхъ во всѣхъ біографіяхъ его; поэтому подробности о появленіи Будды въ Индіи и обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его, заимствованы нами не столько изъ спеціальныхъ жизнеописаній Шакьямуни, сколько изъ другихъ сочиненій, не такъ подозрительныхъ, и преимущественно изъ Винай, или Кодекса нравственныхъ и общежительныхъ постановленій Буддизма; не намѣрены также критически излагать существующія у Буддистовъ преданія и сказанія объ основателѣ ихъ религіи и философіи. Мы представляемъ здѣсь одни факты, казавшіеся намъ болѣе достовѣрными и болѣе близкими къ истинѣ. Фактовъ, относящихся лично да Будды, не много; чтобы пополнить этотъ недостатокъ, мы заимствовали изъ буддійскихъ сочиненій и помѣстили въ жизнеописаніи Будды свѣденія о современномъ ему политическомъ и нравственномъ состояніи Индіи и внѣшнихъ событіяхъ, среди которыхъ

протекла жизнь его. Считаемъ нелишнимъ замѣтить, что источниками при составленіи біографіи Будды были для насъ исключительно сочиненія Индѣйскихъ Буддистовъ, существующія въ Китайскомъ переводѣ. Въ заключеніе, чтобы не писать послѣ особаго примѣчанія, намъ остается сказать слова два о принятой нами хронологіи. Послѣ сличенія разнорѣчащихъ мнѣній о времени появленія Будды въ Индіи, встрѣчающихся въ сочиненіяхъ самихъ Индѣйскихъ Буддистовъ, мы имѣемъ основаніе думать, что лѣтосчисленіе, полагающее рожденіе Будды за 600 слишкомъ лѣтъ до Р. Х., ближе другихъ къ истинѣ; но пока мы должны ограничиться однимъ этимъ замѣчаніемъ; потому что изложеніе данныхъ, на которыхъ мы основываемъ свое мнѣніе, требуетъ особой статьи.

Въ половинѣ седьмого вѣка до Р. Х., въ Сѣверной Индіи, на востокъ отъ нынѣшняго Ауда, при подошвѣ Гималайскаго Хребта и вѣроятно въ верховьяхъ рѣки Гадаки, существовало владѣніе Капилавасту. Оно населено было племенемъ Шакья, потомками Икшвакулы, Государя, царствовавшего въ городѣ Потакакъ; дѣти Икшвакулы, въ слѣдствіе семейныхъ неудовольствій, принуждены были покинуть отечественный городъ и удалились на сѣверъ. Поселившись у южнаго склона Гималайскихъ горъ, они мало по малу образовали значительное народонаселеніе и управля-

лись стариннѣмъ въ племени родомъ, домоу Готами. Глава племени, или Государь, жилъ въ Капилавасту, городъ, отъ котораго въ настоящее время не осталось никакихъ слѣдовъ; потому что еще при жизни Будды онъ былъ разрушенъ и жители его разсѣяны. Въ со-сѣдствѣ съ племенемъ Шакья на западъ и югъ прости-рались владѣнія Государей Шравасты, въ нынѣшнемъ Аудъ. Общее наименованіе страны, отъ вершины Ганга до Бенареса, было Косала. Шравастійскіе Го-судары, распространивъ власть свою далеко за пре-дѣлы Ауда, называли себя властителями всей Косалы и тѣмъ самымъ включали въ границы своихъ владѣній и Капилавасту, со всѣми его мелкими удѣльными кня-жествами. Все низовье Ганга, отъ Бенареса до Бен-гала, принадлежало богатой и обширной Магадъ, сто-лицею которой былъ городъ Рачжагриха, ниже ны-нѣшней Патны. Считаемо не лишнимъ замѣтить, что Шравасты лежалъ отъ Капилавасту на западъ въ 250, Бенаресъ на юго-западъ въ 480, а Рачжагриха на юго-востокъ въ 1,100 верстахъ.

Въ то время въ Капилавасту царствовалъ Соддодана, послѣдній потомокъ Икшвакулы въ прямой линіи. Онъ былъ главою многочисленнаго семейства; изъ сыновей его извѣстны двое: Сиддарта, рожденный отъ Махамая, и Нанда, отъ Готами. Братья Государя владѣли осо-быми удѣльными княжествами и хотя признавали

старшаго брата своимъ главою, однакоже не зависѣли отъ него въ управленіи доставшимся имъ удѣлами. Кстати замѣтить, что по обычаю тѣхъ временъ, въ случаяхъ когда недостаточно было князей изъ владѣтельнаго дома, или по одной доброй волѣ Государя, удѣлы отдаваемы были въ управленіе Брахманамъ, составлявшимъ уже и въ тѣ времена могущественную касту и занимавшимъ должности министровъ, правителей, жрецовъ и духовныхъ руководителей. Съ правомъ жизни и смерти и властію собирать подать со вѣрренныхъ имъ селеній, князья и Брахманы жили независимыми владѣльцами; Брахманы того времени отличались образованностію и просвѣщеніемъ, и философскія школы Индіи имѣли своими основателями большею частію Брахмановъ.

Сиддарта предназначался отцемъ своимъ въ наследники престола. Съ этою цѣлью ему дано было самое лучшее воспитаніе, какое возможно было въ тѣ времена. Соддодана еще заранѣе отдѣлилъ ему часть своихъ владѣній, окружилъ его блистательнымъ дворомъ и женилъ на дочери одного удѣльнаго князя, тоже изъ племени Шакья. Такъ прожилъ Сиддарта до двадцатаго года своей жизни; но едва онъ переступилъ этотъ возрастъ, какъ вдругъ, къ общему изумленію и горести Соддоданы, покинулъ отеческій кровъ, и пропалъ безъ вѣсти. Всѣ поиски были напрасны;

узнали только по слухамъ, что онъ удалился за восточную границу Косалы и въ рубищѣ отшельника бродилъ изъ одного мѣста въ другое, ища себѣ духовнаго руководителя. Не оставалось никакого сомнѣнія, что Сиддарта рѣшился покинуть суету міра и промѣнить блистательное положеніе въ свѣтѣ на смиренное званіе благочестиваго отшельника. Что же заставило молодаго князя принять такое необыкновенное для его возраста и происхожденія рѣшеніе, — на это Буддискія преданія отвѣчаютъ не совсѣмъ удовлетворительно. Если вѣрить имъ : «будучи одаренъ отъ природы душою мягкою и воспримчивою, и сочувствуя горестной долѣ, на какую осужденъ человѣкъ, подъ тягостнымъ закономъ смерти, болѣзней, старости и житейскихъ страданій, Сиддарта увлекся печальнымъ настроеніемъ своихъ мыслей, и по примѣру другихъ мудрецовъ, покидавшихъ міръ по тѣмъ же самымъ побужденіямъ, рѣшился искать себѣ успокоенія въ уединеніи, и спасенія отъ бѣдствій въ отшельнической жизни». Не отнимая у Сиддарты этихъ нравственныхъ побужденій, мы находимъ однакоже болѣе вѣроятное объясненіе его поступка въ тогдашнемъ политическомъ положеніи племени Шакья. Владѣніе Капила-васту было одною изъ тѣхъ свободныхъ областей и вольныхъ городовъ Мадьядеша, или Срединной страны, какъ назывался въ то время весь бассейнъ Ганга,—

которые населены были особыми племенами и родами, не утратили еще своей независимости, имѣли Государей изъ своего рода, или представляли родъ олигархическаго правленія; но эти мелкія владѣнія были не болѣе, какъ остатки древняго союза, уцѣлѣвшіе до времени Соддоданы; по географическому своему положенію, они включались, или въ Магаду, или въ Косалу, — двѣ страны, раздѣлявшія Мадьядешу на восточную и западную части. Усиленіе двухъ домовъ, царствовавшихъ въ Рачжагрихъ и Шравасты, дало Государямъ этихъ городовъ, вмѣстѣ съ политическимъ вѣсомъ въ Магадѣ и Косалѣ, и возможность *окружить* свои владѣнія и мало по малу подчинять своей власти независимыя области и города, находившіяся въ той и другой странѣ. Оба двора имѣли одинаковую цѣль — устройство одной общей Монархіи въ Мадьядешу и можетъ быть во всей Индіи. Между тѣмъ, какъ Государя Рачжагрихи дѣйствовали на востокъ и именовали себя властителями всей Магады, на западѣ, Шравастійскіе Государя нечувствительно пріобрѣтали смѣжныя съ Аудомъ земли. Они стѣснили владѣнія Капилавасту и поставили ихъ между границею Косалы съ запада и юго-запада, откуда въ случаѣ нужды войска ихъ черезъ два дня могли явиться подъ стѣнами Капилавасту, и пустынями, простиравшимися отъ этого города на востокъ, до Кушинагары, гдѣ разбойничало

кровожадное племя Кирата. Шравастійскіе Государи охотились на поляхъ, принадлежавшихъ Шакья, какъ на своихъ земляхъ. Прасэначжита, наслѣдовавшій отцу своему Брахмадаттѣ на престолѣ Косалы, заставилъ Шакья выдать за себя дѣвицу изъ ихъ племени и нарушить тѣмъ завѣтъ, издавна хранившійся между потомками Ишвакулы, не выдавать дѣвицъ изъ своего племени въ замужство за людей чуждаго рода, и также не брать себѣ женъ изъ чужаго племени. Шакья предвидѣли свой упадокъ и чувствовали свое безсиліе; они гордились своимъ высокимъ происхожденіемъ изъ касты Кшатрія; домъ Готамы считалъ себя династіею солнца; но не смотря на то, должны были съ покорностію уступать требованіямъ Шравастійскихъ владѣтелей, которые не могли похвалиться своими предками и происходили изъ низкой касты. Не имѣя средствъ поддержать права народной самостоятельности, Шакья могли только питать глубокое чувство ненависти къ дому Брахмадаты. Когда Прасэначжита вступилъ съ ними въ родственныя связи, негодованіе ихъ не имѣло границъ; это обстоятельство они считали униженіемъ благороднаго ихъ происхожденія, и можетъ быть видѣли въ поступкѣ Шравастійскаго Государя замыслы, рѣшавшіе будущность ихъ владѣній. Въ такихъ обстоятельствахъ, наслѣдникъ Сододаны отказался отъ своихъ правъ и надежды возвратить прежнія времена

независимости своего отечества. Бѣгство Сиддарты совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда Прасэначита потребовалъ отъ Шакья дѣвцу вѣхъ племени. Въ безмолвіи пустынноческой жизни, онъ хотѣлъ скрыть страданія своей души.

Отшельничество было, въ его время, въ большомъ уваженіи. Какъ слѣдствіе глубокаго разочарованія въ дѣйствительныхъ благахъ настоящей жизни, оно еще болѣе укоренялось частыми и общественными бѣдствіями и условіями самаго климата Индіи, и находило сочувствіе въ народѣ. Къ этому присоединялась всеобщая вѣра Индѣйцевъ въ законъ перерожденій, по которому человекъ осужденъ на многотрудное переселеніе изъ одного класса существъ въ другой. Страданія и освобожденіе отъ нихъ были двѣ идеи, проникавшія всѣ классы общества, занимавшія головы анахоретовъ и господствовавшія въ системахъ философскихъ; онѣ цѣликомъ перешли и въ Буддизмъ; имъ не вѣрила одна только Эпикурейская школа Локаятика. Люди, проникнутые идеею вождѣльнаго освобожденія отъ вліяній на душу всего чувственнаго, разрывали связи съ обществомъ и своимъ семействомъ и, вдали отъ житейскихъ волненій, надѣялись суровою жизнію заблаговременно упрочить за собою блаженство будущей жизни въ перерожденіяхъ, или глубокимъ и безмятежнымъ размышленіемъ разга-

дать тайну существованія міра и человѣка. Нерѣдко сами Государи Индіи, на склонѣ своей жизни, слагали съ себя царственный санъ, и, возложивъ его на наслѣдниковъ престола, проводили остатокъ дней своихъ въ благочестивыхъ размышленіяхъ, въ тишинѣ загородныхъ садовъ и рощъ. Званіе отшельника было священнымъ и неприкосновеннымъ въ глазахъ народа; пропитаніе его зависѣло большею частію отъ добротныхъ подаваній поселянъ, или отъ щедрости вельможъ и Государей, которые съ своей стороны тоже покровительствовали анахоретамъ. При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, разнообразныя роды пустынниковъ умножились по всей Индіи; они населяли роскошныя берега Ганга, банановыя рощи и горныя ущелья; одни изъ нихъ были произвольные труженики, налагавшіе на себя всевозможныя истязанія; другіе созерцатели, искавшіе покоя въ бездѣйствіи тѣла и духа, или погружавшіеся въ созерцанія; иные скитальцы, бродившіе по деревнямъ и жившіе подаваніями жителей. Впрочемъ замѣчательно, что родичи Шакьямуни, сколько намъ извѣстно, менѣе всѣхъ благопріятствовали отшельнической жизни; въ окрестностяхъ Капилавасту было нѣсколько отшельниковъ; но цинизмъ и истощенная наружность ихъ возбуждали въ Соддоданѣ одно отвращеніе къ роду ихъ жизни, и самыя знаменитые пустынники не удо-

стоивалсь отъ Шакья никакого уваженія. «Нельзя и требовать этого уваженія,» говорилъ въ послѣдствіи времени самъ Будда, «отъ потомковъ Кшатрія, благороднаго и высокаго рода». Главный притонъ отшельниковъ былъ въ Магадѣ, и преимущественно въ восточной ея части. Бимбасара, вступившій на престолъ послѣ отца своего Махападмы, былъ могущественнымъ Государемъ тѣхъ временъ въ Индіи, и Магада, находившаяся подъ его властію, самою цвѣтущею и богатою странюю. Владѣнія его простирались отъ Бенгала и Брахмапутры до Бенареса; съ юга отдѣлялись отъ Дакшины, или нынѣшняго Декана, горами Малая, или Виндья; на сѣверѣ ограничивались Гималайскимъ хребтомъ. Какъ Государь просвѣщенный и дальновидный, Бимбасара открылъ въ своихъ владѣніяхъ пріютъ мудрецамъ и пустынноикамъ, которые не замедлили воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ и со всѣхъ концовъ Индіи начали стекаться въ Рачжагриху; здѣсь философы разныхъ школъ и отшельники разныхъ родовъ находили вѣрное пропитаніе, безбѣдную жизнь и терпимость мнѣній. Ученые люди были при дворѣ Бимбасары; окрѣстности столицы и особенно ущелья и пещеры горы Гридракуты населены были отшельниками; въ лѣсахъ, простиравшихся отъ столицы на югъ и юго-востокъ до города Гайи, развалины котораго нынѣ извѣстны подъ име-

немъ Будда-Гайи, и по берегамъ Ниравчжаны, обитали *пустынники-созерцатели*; изъ нихъ особенно извѣстны были Удракорама и Аратакалама; еще далѣе на берегу рѣки жилъ Урувалва-Кашьяпа, огнепоклонникъ, столь прославившійся строгостію своей жизни, что ежегодно совершались изъ Рачжагрихи путешествія, на поклоненіе знаменитому анахорету.

Поклянувъ свою отчизну, Сиддарта не имѣлъ опредѣленной цѣли и намѣренія избрать для себя тотъ, а не другой родъ жизни отшельниковъ. Всѣ обстоятельства доказываютъ, что онъ сначала вовсе не обращалъ вниманія на различіе и даже враждебныя отношенія, существовавшія между пустынниками, и что единственнымъ желаніемъ его было присоединиться къ первымъ отшельникамъ, какіе ему встрѣтятся. Такимъ образомъ, когда дошла до него молва о Гридракутскихъ труженникахъ, онъ немедленно отправился къ столицѣ Магады, миновалъ Кошамби, нынѣшній Аллахабадъ, и Бенаресь, и въ скоромъ времени вступилъ въ избранное имъ общество произвольныхъ труженниковъ; подъ руководствомъ ихъ, онъ усердно принялся изнуять свое тѣло жестокими и странными средствами; судя по жару, съ какимъ молодой врачьяка, (такъ называли въ то время людей, покидавшихъ міръ съ душеспасительною цѣлью), — подвизался въ труженничествѣ, можно думать, что идея

страданій, болѣе или менѣе безотчетная, преслѣдовала его, и что онъ подражалъ изувѣрному самоотверженію своихъ наставниковъ, не только въ чаяніи блаженныхъ воздаяній и будущихъ наслажденій, сколько въ надеждѣ пріобрѣсти совершенное безстрастіе и навыкъ терпѣливо переносить самыя тяжкіе труды и испытанія. Но когда свобода и время дали Сиддартъ возможность спокойно обсудить принятый имъ образъ жизни, жаръ къ труженичеству охладѣлъ въ немъ; онъ не видалъ уже пользы въ обычаяхъ тружениковъ лежать на колючихъ растѣніяхъ, натираться золою, цѣлые дни стоять подъ солнечнымъ жаромъ, и въ другихъ насильственныхъ средствахъ, которыя, изсушая въ душѣ источникъ живыхъ чувствъ, не искореняли тщеславія и не согласовались съ потребностями ума, болѣе или менѣе просвѣщеннаго. Сиддарта утвердился въ печальномъ взглядѣ на міръ и на явленія, совершающіяся въ немъ; обстоятельства и время укоренили въ немъ глубокое убѣжденіе во всеобщихъ страданіяхъ; но онъ напрасно искалъ у тружениковъ дѣйствительныхъ средствъ къ освобожденію отъ этихъ страданій. Поэтому онъ рѣшился разстаться съ Гридракутскими отшельниками и искать для себя наставниковъ, болѣе знакомыхъ съ духовною жизнію. Онъ перепелъ къ Удракорамѣ и Аратакаламѣ.

Эти пустынники, какъ мы сказали выше, были

созерцатели; они принадлежали къ классу тѣхъ подвижниковъ индѣйскихъ, которые, для самоусовершенія, пренебрегали правилами дѣятельной жизни и весь трудъ подвижничества полагали въ навѣкъ къ твердому и безмятежному покою души; безстрастіе, одно изъ важныхъ началъ индѣйской аскетики, было цѣлью ихъ усилій. Какъ скоро Сиддарта вступилъ въ общество этихъ созерцателей, спокойный образъ жизни ихъ такъ понравился ему, что онъ рѣшился остаться съ ними на долгое время. У нихъ онъ бралъ уроки въ созерцательной жизни и посвященъ былъ во всѣ тайны ея; подъ ихъ руководствомъ онъ проходилъ степени символической лѣстницы самопогруженій, которыя должны были постепенно умирять его душу, очищать ее отъ волненій чувствъ и мыслей, предохранять отъ вліянія вѣшнихъ впечатлѣній и водворить въ ней на-всегда непоколебимый покой. Цѣлые дни онъ проводилъ въ бездѣйствіи, погружаясь съ наслажденіемъ въ мечтательный міръ, и такъ навѣкъ къ этому занятію, что оно сдѣлалось любимымъ во всю его жизнь до самой смерти. «Однакоже, говорятъ его біографы, «онъ остался недоволенъ началами, на которыхъ основывалась система созерцанія Удрако-рамы и Аратакаламы; ему казалось невозможнымъ, чтобы, восходя по степенямъ его, душа созерцающаго оставалась неизмѣнною, и въ самыхъ выпреннихъ

самопогруженіяхъ, когда прекращается всякая дѣятельность и всякое движеніе въ душѣ, я также существовало. «Поэтому», прибавляютъ тѣже біографы, «Сиддарта разстался и съ созерцателями, какъ разстался съ труженниками, и уже одинъ, безъ постороннихъ примѣровъ и наставленій, совершилъ трудъ предварительнаго подвижничества». Дѣйствительно, несуществованіе я, какъ индивидуальнаго, такъ и всеобщаго, было, какъ увидимъ послѣ, однимъ изъ основныхъ началъ ученія Будды; но это *Буддѣйское* мнѣніе было слѣдствіемъ взгляда его на все существующее, какъ подлежащее закону рожденія, измѣненія и уничтоженія. Будда перенесъ въ свою аскетику почти всю систему созерцанія своихъ наставниковъ, онъ отвергнулъ только убѣжденіе ихъ, что самая высшая степень созерцанія есть состояніе полнаго и конечнаго освобожденія, отъ вліяній на душу всего чувственнаго, то есть нирваны. Пристрастіе его къ созерцацію доказываетъ, что онъ не такъ скоро, какъ рассказываютъ Буддисты, оставилъ пустынниковъ-созерцателей. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ Гривракуту протекло уже шесть лѣтъ, и вѣроятно большую часть этого времени онъ провелъ сначала съ Аратакаламой, а потомъ съ Удракорамой. Послѣдній изъ нихъ былъ самымъ извѣстнымъ созерцателемъ того времени; онъ оставилъ послѣ себя сочиненіе, въ которомъ изложена была его

философія. Однакоже Сиддартта не былъ удовлетворенъ наставленіями ученаго Удракорамы и въ послѣдствіи времени не упускалъ случая открывать своимъ ученикамъ недостатки его системы. Несогласіе въ философскихъ взглядахъ, а можетъ быть и смерть Удракорамы, которую, по неопредѣленности Буддійскихъ сказаній, можно отнести къ этому времени, заставили Сиддартту снова начать скитальческую жизнь; онъ переселился къ окрестностямъ Гайи и рѣшилъ жить одинъ, безъ руководителей. «Здѣсь», говорятъ его жизнеописатели, «въ бесѣдѣ съ самимъ собою и усиленнымъ размышленіемъ онъ нашелъ наконецъ рѣшеніе своихъ сомнѣній и вопросовъ, котораго напрасно искалъ у тогдашнихъ пустынныхъ; умъ его прояснился и постигъ дѣйствительное значеніе предметовъ и явленій, разгадалъ тайну страданій, удручающихъ человѣка и нашелъ вѣрныя средства къ освобожденію отъ нихъ». Другими словами, онъ составилъ собственный и самостоятельный взглядъ, какъ философія, такъ и аскетики, и образовалъ новое ученіе, которое отличалось отъ существовавшихъ въ его время системъ. Съ этого времени, когда Сиддартта изъ ученика сдѣлался самостоятельнымъ мыслителемъ, онъ принимается у Буддійскихъ писателей общее названіе Будды и оставляетъ его за собою навсегда. Имя Будды усвоено было у Индѣйцевъ только тѣмъ лицамъ, которыя

отличались практическими и теоретическими познаниями, строгостию жизни и даромъ краснорѣчія. Восторженные поклонники Шакьямуни, величая своего вѣрочителя Буддой, совмѣщаютъ въ понятіи этого наименованія всѣ нравственныя, умственныя и даже физическія совершенства, какія только возможны для чело-вѣка. Разумѣется, самъ Будда думалъ о себѣ не столь восторженно и высоко; однакоже онъ находилъ въ себѣ всѣ признаки мудреца, то есть Будды. Будучи глубоко убѣжденъ въ *вѣрности и основательности* своихъ началъ, обдуманыхъ на свободѣ и въ тишинѣ уединенія, и считая свои открытія въ области философіи и нравственности свѣтлыми истинами, которыя должны ниспровергнуть предрасудки, суевѣріе, изувѣрство и заблужденія ума, господствовавшія, по мнѣнію Будды, въ школахъ другихъ философовъ и отшельниковъ, онъ ставилъ себя на стень единственнаго и общаго руководителя въ духовной жизни и мудраго наставника въ изысканіи истинъ. Прозелитизмъ не былъ въ его характерѣ; однакоже послѣдующія обстоятельства доказываютъ, что онъ не чуждъ былъ вѣры въ свое призваніе. Такъ онъ мечталъ, по крайней мѣрѣ, при самомъ вступленіи своемъ въ общественную жизнь, когда опытность не успѣла охладить его юношескаго жара. Не желая погребсти въ пустынь вмѣстѣ съ собою и свои новыя идеи, онъ рѣшился

появиться въ покинутомъ имъ свѣтѣ и распространить свое ученіе. Съ этою цѣлю Будда оставилъ окрестности Гайи и отправился къ западной границѣ Магады, намѣреваясь, вѣроятно, посѣтить свой отечественный городъ. Но расчетъ его не былъ вѣренъ; одинъ, безъ послѣдователей и безъ извѣстности, онъ не могъ ожидать успѣха на томъ поприщѣ, на которомъ въ его время подвизалось столько аскетовъ, людей опытныхъ, окруженныхъ толпою учениковъ и высоко уважаемыхъ въ народѣ. Въ Бенаресѣ Будда встрѣтилъ нѣсколько своихъ родичей и на нихъ хотѣлъ испытать дѣйствительность своего ученія и краснорѣчія; опытъ былъ самый неудачный; Щакьяпутра то есть члены фамиліи *Щакья* встрѣтили его насмѣшками и не скрыли своего презрѣнія къ учительской важности, съ какою онъ раскрывалъ имъ свои аскетическіе взгляды; они укоряли его въ непостоянствѣ и легкомысліи, съ какимъ онъ перемѣнялъ нѣсколько разъ родъ жизни, переходя отъ однихъ пустынниковъ къ другимъ, и доказали ему, что, въ настоящемъ положеніи, онъ не имѣетъ еще необходимаго авторитета въ дѣлѣ проповѣди, ни опытности мудреца, какимъ онъ хотѣлъ явиться передъ ними. Такое неудачное начало общественной жизни Будды заставило его обратить вниманіе на шаткость своего положенія и на условія, при которыхъ онъ могъ бы подѣйствовать на обществен-

ное мнѣніе; самымъ вѣрнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли находилъ онъ то, чтобы стать во главѣ многихъ послѣдователей и имѣть на своей сторонѣ толпу сподвижниковъ. Будда и рѣшился такъ сдѣлать думая, что, если бы ему удалось привлечь на свою сторону какого нибудь анахорета, пользовавшагося уваженіемъ въ народѣ, то авторитетъ и вліяніе его въ обществѣ были бы упрочены. Будда зналъ, что самый знаменитый анахоретъ въ то время былъ Урувилва Кашьяпа и отважился на трудное предпріятіе привлечь на свою сторону этого вліятельнаго человѣка. И такъ онъ воротился изъ Бенареса къ городу Гайи, на берега Ниранъчжаны, гдѣ, какъ мы сказали выше, жилъ Кашьяпа.

Мы имѣли уже случай замѣтить, что Урувилва Кашьяпа былъ огнепоклонникъ; но изъ этого еще нельзя заключать, что онъ слѣдовалъ религіи Зороастра, если считать эту религію чуждою Индіи; судя по народности, какою пользовался Урувилва Кашьяпа, надобно думать, что онъ былъ или изъ числа Шивантовъ, поклонявшихся огню, какъ символу Шивы, или разрушительной силы, или послѣдователемъ Улуки, основателя философской школы, извѣстной въ послѣдствіи времени подъ именемъ Вайшешики, въ ученіи котораго огонь былъ самымъ могущественнымъ дѣтелемъ въ цѣломъ мірозданіи. Обожаніе огня соединя-

лось съ обожаніемъ небесныхъ свѣтилъ. Каждый день, съ восходомъ солнца, огнепоклонникъ поклонялся восходящему свѣтилу; въ извѣстные часы дня закалялъ животныхъ въ жертву огню и жегъ благовонія, ночью разводилъ на жертвенникахъ огонь и зажигалъ лампы; можно впрочемъ догадываться, что огонь хранимъ былъ неугасимымъ. Въ такихъ занятіяхъ проводилъ жизнь Урувилва-Кашьяпа, у него было цѣлое общество учениковъ и два младшіе брата Гайя-Кашьяпа и Нати-Кашьяпа; послѣдніе жили отдѣльно отъ старшаго брата, также на берегахъ Нираньчжаны; оба они имѣли по нѣскольку учениковъ и также поклонялись огню, но Урувилва имѣлъ надъ ними власть семейнаго главы и авторитетъ учителя. Такимъ образомъ, онъ первенствовалъ среди Нираньчжанскихъ огнепоклонниковъ.

Имѣя въ виду обращеніе Урувилва-Кашьяпы, Будда, разумѣется, не желалъ поступить въ число его учениковъ, а хотѣлъ быть у него гостемъ, или сосѣдомъ; поэтому, когда онъ прибылъ сюда, старый анахоретъ съ перваго свиданія съ нимъ замѣтилъ, что имѣетъ дѣло не съ ученикомъ, принялъ его холодно и совѣтовалъ ему искать себѣ пристанища гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ; не смотря однакоже на такую недовѣрчивость хозяина, Будда настоялъ на своемъ и поселился въ одной запустѣлой пещерѣ, вблизи жилищъ

огнепоклонниковъ. Съ сихъ поръ началась у него борьба съ религіозными и личными предубѣжденіями Урувилвы; цѣлыхъ шесть лѣтъ онъ продолжалъ ее неутомимо, не обращая вниманія ни на какія препятствія, дѣйствуя однакоже съ большою осторожностію. Прежде всего онъ постарался пріобрѣсти расположеніе и довѣренность Урувилвы, оказывая ему услуги и знаки вниманія. Онъ удѣлялъ ему лучшую часть изъ подаваній, какія удавалось ему набирать въ окрестныхъ дѣревняхъ, приносилъ ему въ подарокъ рѣдкіе плоды, которые онъ доставалъ въ лѣсахъ, благодаря обезьянамъ, кидавшимъ въ него ими съ вершины деревьевъ, и протеръ свою угодливость до того, что разводилъ огонь на жертвенникахъ, при поклоненіяхъ Урувилвы. Во время ежегодныхъ посѣщеній Урувилвы набожными пилигримами, Будда уходилъ на другой берегъ рѣки и скрывался тамъ до тѣхъ поръ, пока не оставалось у Урувилвы ни одного посѣтителя, не считая себя въ правѣ, какъ онъ самъ увѣрялъ Урувилву, имѣть участіе въ почтеніи пилигримовъ и въ приносимыхъ имъ дарахъ, которые должны принадлежать только ему, Урувилвѣ; но на самомъ дѣлѣ Будда уходилъ на это время изъ опасенія, чтобы посторонніе не сочли его ученикомъ Урувилвы, замѣтивъ его въ обществѣ этого анахорета. Подобнымъ поведеніемъ Будда мало по малу пріобрѣлъ дружбу Урувилвы, который началъ

платить за вниманіе вниманіемъ; онъ оказалъ Буддѣ важную услугу, спасши его жизнь отъ очевидной опасности. Будда имѣлъ обыкновеніе часто переходить на другой берегъ Ниранъчжаны, гдѣ пропадалъ на нѣсколько времени, бродя по деревнямъ за милостыней, или углубляясь въ уединенныя мѣста. Въ одно изъ такихъ путешествій Будды, рѣка отъ сильныхъ дождей выступила изъ береговъ, и то мѣсто, гдѣ онъ переходилъ ее въ бродъ, сдѣлалось непроходимымъ. На возвратномъ пути, бурная ночь застала Будду когда онъ подошелъ къ берегу рѣки; однакоже онъ смѣло вступилъ въ воду, но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ быстрина рѣки увлекла его и понесла внизъ вмѣстѣ съ мутными волнами. Въ это самое время Урувилва, опасаясь за своего друга, дожидаясь его возврата, какъ вдругъ услышалъ крикъ на рѣкѣ и узналъ голосъ Будды; онъ тотчасъ собралъ своихъ учениковъ и бросился съ ними къ рѣкѣ для спасенія утопающаго. Черезъ нѣсколько времени Будда былъ вынесенъ на берегъ и спасенъ отъ явной смерти. Этотъ случай, кажется, еще тѣснѣе сблизилъ Урувилву съ Буддой. По мѣрѣ того, какъ Будда приобрѣталъ вліяніе на Урувилву, онъ старался разрушать въ немъ прежнія убѣжденія и въ бесѣдахъ съ нимъ доказывалъ ему неосновательность суевѣрныхъ обрядовъ, какимъ слѣдовали огнепоклонники, предлагая въ замѣнъ того свои

взгляды и свою нравственность, — взгляды, по его словамъ, самые естественные, и нравственность самую простую и чистую. Впрочемъ подробности объ успѣхахъ Будды въ дѣлѣ обращенія Урувилвы почти вовсе неизвѣстны; извѣстно только то, что Будда достигъ наконецъ своей цѣли: убѣдилъ Урувилву оставить прежнія вѣрованія и сдѣлаться ревностнымъ поборникомъ ученія своего. Жертвоприношенія были прекращены и жертвенные сосуды брошены въ Нираньяжану. Ученики Урувилвы безпрекословно послѣдовали примѣру своего учителя и безъ ропота оставили прежній образъ жизни. Черезъ нѣсколько времени братья Урувилвы, Гайя и Нати, узнавъ объ этомъ событіи, поспѣшили присоединиться къ новому обществу, въ полной увѣренности, что, если бы новый образъ мыслей и поведенія не былъ лучше прежняго, старшій братъ ихъ никогда не рѣшился бы принять его. Итакъ они признали Будду своимъ главою, еще не зная хорошо духа его ученія. Число членовъ, составившихъ общество послѣдователей Будды, простиралось за нѣсколько сотъ.

Положеніе Будды было таково, что не могло оставаться тайною внѣ круга его послѣдователей. Давно уже знали, что одинъ Шакьяпутра, сынъ Соддоданы, сдѣлался отшельникомъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ подвизался, или собиралъ подаянія, онъ былъ извѣстенъ

подъ именемъ Шрамана Готамы, то есть подвижника изъ дома Готамы; онъ и самъ называлъ себя Шраманомъ и носилъ это названіе до самой смерти. Когда Будда перешелъ къ Урувилвѣ и подчинялъ его своему вліянію, въ окрестныхъ селеніяхъ говорили, что Урувилва приобрьлъ себѣ новаго ученика изъ касты Кшатрія. Будда опровергъ этотъ слухъ, явившись во главѣ многочисленнаго общества, но подалъ поводъ къ другимъ слухамъ, болѣе важнымъ. Въ народѣ распространилась молва, что на востокѣ явился членъ племени Шакья, царскаго происхожденія, во главѣ нѣсколькихъ сотъ приверженцевъ, и будто онъ намѣренъ мало по малу приобрѣсти санъ Чакравартина Золотого колеса. Это имя по давнишнимъ преданіямъ напоминало народу Монарха всей Индіи и блаженныя времена единодержавной власти, когда не было распрей и вражды между мелкими владѣтелями, и когда народъ не боялся ихъ притѣсненій и не терпѣлъ бѣдствій отъ войны, но, находясь подъ скипетромъ одного царя, наслаждался всѣми выгодами единодержавнаго государства. Слухъ о намѣреніяхъ, приписываемыхъ Буддѣ, дошелъ и до Рачжагрихскаго двора и возбудилъ между приближенными Бимбасары нѣкоторыя опасенія; но Бимбасара не вѣрилъ народнымъ толкамъ, считалъ Будду простымъ отшельникомъ и не предполагалъ въ головѣ его никакихъ политическихъ замысловъ. При-

бытіе къ Рачжагрихъ Будды рѣшило сомнѣнія, возникшія на счетъ его. Между тѣмъ какъ о немъ дѣлали предположенія, онъ намѣревался разстаться на всегда со скрытымъ образомъ жизни, какой онъ велъ до сихъ поръ, и переселиться въ такое мѣсто, гдѣ его общество могло бы наслаждаться безбѣднымъ существованіемъ; столица Магады представляла ему эти выгоды; кромѣ множества другихъ соображеній, рѣшавшихъ этотъ выборъ, Будда, навѣрно, имѣлъ кромѣ того въ виду нечаяннымъ и произвольнымъ приходомъ въ Рачжагриху опровергнуть распространившіеся на счетъ его ложные слухи. Итакъ онъ съ новонабраннымъ братствомъ двинулся съ береговъ Ниранъчжаны и перешелъ къ Рачжагрихъ. По обыкновенію, онъ поселился въ окрестностяхъ столицы, въ пригорь Гридракуты, и въ сосѣдствѣ съ тружениками, прежними своими сподвижниками. Первымъ дѣломъ его, по прибытіи сюда, было оправдаться въ мнимыхъ политическихъ замыслахъ. Онъ объявилъ публично, что житейскія мысли давно уже оставили его, и что мірская слава не есть удѣлъ отшельника. Бимбасара, убѣжденный въ невинности Будды, оказалъ ему явные знаки своего вниманія и покровительства, обласкалъ его и обѣщалъ ему и его обществу вѣрное пособіе на все то время, пока онъ будетъ оставаться у столицы Магады. Благорасположеніе Государя имѣло для Будды

счастливыя послѣдствія. Нашлись люди, которые позаботились доставить пріютъ обществу Шрамановъ, — дѣло, считавшееся въ тѣ времена богоугоднымъ и душеспасительнымъ. Будда, сказали мы, поселился въ Гридракутѣ. Она замѣтна была въ цѣпи горъ, окружавшихъ Рачжагриху со всѣхъ сторонъ, своими пятью вершинами, на которыхъ витали орлы, отчего она и получила названіе Гридракуты (гридра — орелъ и кута, или куча — вершина). Въ крутыхъ скатахъ ея существовало нѣсколько пещеръ, куда укрывались отшельники отъ непогодъ и шума общественной жизни. Гридракута была недалеко отъ города (въ осьми верстахъ на сѣверовостокъ); но окрестности ея были дики и пустынны; и хотя Будда предпочиталъ эту пустыню другимъ мѣстамъ, болѣе оживленнымъ, многочисленное братство его требовало однакоже пристанища болѣе удобнаго. Одинъ Рачжагрихскій вельможа, по имени Каланда, пособилъ Буддѣ пристроить его послѣдователей. Онъ предложилъ къ ихъ услугамъ свой загородный садъ, или бамбуковую рощу, называвшуюся, по имени владѣльца, Каландакою и отстоявшую отъ города не болѣе, какъ въ верстѣ на сѣверъ. Каланда отдалъ было этотъ садъ отшельникамъ изъ секты Ниргранта; но, когда замѣтилъ благосклонное вниманіе Государя къ Буддѣ, заставилъ ихъ отказаться отъ этого дара и передалъ его во владѣніе Буддѣ.

Будда не замедлилъ поселиться въ Каландакѣ и нашелъ въ немъ готовыя и удобныя помѣщенія для себя и для своего братства.

Съ такими благопріятными предзнаменованіями Будда началъ свою публичную жизнь. Любопытно было бы слѣдить за дальнѣйшими событіями ея, за успѣхами Будды въ распространеніи его ученія, его борьбою съ другими школами Индіи, путешествіями по Индіи, и другими обстоятельствами, которыя, будучи рассказаны въ порядкѣ времени и связи, могли бы служить лучшею историческою характеристиккою жизни Будды; но обо всемъ этомъ буддійскіе писатели не позаботились, или не имѣли средствъ сохранить отчетливыя сказанія. Всѣ спеціальныя жизнеописанія Будды и біографическіе отрывки, встрѣчающіеся въ другихъ сочиненіяхъ буддійскихъ, описавъ подробности жизни Будды до того времени, когда онъ перешелъ въ Рачжагриху съ своимъ братствомъ, прекращаютъ на этомъ мѣстѣ нить своего разсказа и переходятъ къ описанію послѣднихъ годовъ жизни Будды. Будда скончался осмидесяти лѣтъ отъ роду; ему было за тридцать лѣтъ, когда онъ обратилъ Урувилву; слѣдовательно до послѣдняго десятилѣтія его жизни, ознаменованнаго важными событіями, простирается почти сорокалѣтній періодъ, составляющій самую важную часть жизни Будды, но упущенный его біогра-

фами. За недостаткомъ историческихъ фактовъ для пополненія этого промежутка, намъ остается предложить здѣсь рядъ замѣчаній объ образѣ жизни, принятомъ Буддой со времени поселенія у Рачжагрихи, объ общежительныхъ правилахъ, установленныхъ имъ въ своемъ братствѣ, и объ его общественныхъ отношеніяхъ. Затѣмъ будутъ описаны обстоятельство, предшествовавшія его кончинѣ.

Будда былъ Шраманъ; такъ онъ называлъ самъ себя и такъ называли его и другіе. Означая вообще всякаго подвижника, усервшающагося въ строгой *аскетической* жизни, это имя не указывало ни на какой особый родъ отшельниковъ; но когда Будда усвоилъ его роду своей жизни, съ тѣхъ поръ оно сдѣлалось исключительнымъ наименованіемъ всякаго Буддиста. Значеніе званія Шрамана и отличіе его отъ другихъ званій объясняется у буддистовъ исторически. Въ давнія времена, говоритъ одна Судра, описывающая происхожденіе индѣйскихъ кастъ, — были примѣры, что нѣкоторые изъ членовъ общества, въ слѣдствіе ли домашнихъ несчастій, или по особому настроенію души, покидали житейскія заботы, слагали съ себя обязательства семейной жизни и удалялись въ пустынные мѣста. Поселившись въ горахъ или лѣсахъ, они строили изъ растений и древесныхъ вѣтвей шалаши и проводили въ нихъ жизнь

спокойную и беззаботную, посвящая большую часть времени размышленію. О запасахъ для своего пропитанія она не заботились; если они нуждались въ чемъ нибудь, то раннимъ утромъ, или позднимъ вечеромъ, они отправлялись въ ближнія деревни и, получивъ отъ доброхотныхъ подателей все нужное для себя, пищу, или одежду, снова возвращались въ свои убъжища. Неукоризненное поведеніе этихъ отшельниковъ, ихъ безстрастіе и удаленіе отъ міра, исполненнаго недобрыхъ дѣлъ, заслужило имъ отъ народа названіе Брахмановъ, т. е. чистыхъ. Съ сихъ поръ начался особый классъ людей, составившихъ касту Брахмановъ. Съ теченіемъ времени, многіе изъ касты брахмановъ утратили первобытную простоту и чистоту поведенія; имъ наскучило жить въ уединеніи и заниматься размышленіемъ и они промѣняли пустынно-ческую жизнь на бродячую; скитаясь по деревнямъ, они вызывались жителямъ ихъ дѣлать чары и совершать заклинанія, и такимъ образомъ питались на счетъ суевѣрія народа, который называлъ ихъ своими наставниками. Такой родъ жизни скоро испортилъ нравственность этихъ отшельниковъ и совершенно ослабилъ строгость ихъ правилъ. Наконецъ, въ послѣднія времена, возникъ еще особый родъ анахоретовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Шрамановъ.

Шраманы также отрекаются отъ міра, но вмѣстѣ съ

тѣмъ даютъ обѣтъ вѣчнаго отшельничества и въ знакъ презрѣнія къ условіямъ свѣта обриваютъ себѣ голову и бороду; подобно другимъ анахоретамъ, они удаляются отъ шума человѣческихъ жилищъ и проводятъ жизнь въ усердномъ самоусовершеніи, но не составляютъ никакой особой касты; званіе Шрамана доступно для Кшатрія и Брахмана также точно, какъ для Вайшья и Шудры.

Судя по приведенному нами отрывку, Брахманы первые основали анахоретическій родъ жизни, или лучше сказать отшельники были Брахманы; однакоже во времена Будды существовалъ многочисленный классъ труженниковъ, которые не могутъ быть ни первобытными Брахманами, ни скитающимися отшельниками; притомъ неизвѣстно, принадлежали ли труженники къ кастѣ брахмановъ. И такъ подъ именемъ Шрамановъ, въ помянутомъ отрывкѣ, надобно разумѣть всѣхъ тѣхъ, которые вели подвижническую жизнь не по обязанности своей касты, и слѣдовали *аскетическимъ* и философскимъ началамъ, отступавшимъ отъ колен брахманскихъ преданій; но такъ какъ тутъ всякій понималъ подвижничество по своему, Будда, по духу своего ученія, хотѣлъ очистить его отъ брахманскихъ предубѣжденій и суевѣрія другихъ отшельниковъ. Какъ своимъ ученіемъ онъ хотѣлъ поставить оплотъ скептицизму и легковѣрію, такъ въ жизни

практической онъ старался установить строгость правилъ вмѣстѣ съ простотою образа жизни. Онъ придавалъ этому особенную важность. Званіе Шрамана должно было выражаться во внѣшнемъ поведеніи.

Когда Будда сталъ во главѣ значительнаго числа послѣдователей, онъ установилъ образъ ихъ жизни, согласный его видамъ, частію своимъ примѣромъ, частію устными наставленіями. Общество Шрамановъ, устроенное имъ, называлось Сангой, т. е. собраніемъ, или братствомъ. Каждый членъ братства назывался бикшу, т. е. нищій; потому что первый и главный обѣтъ, провозносимый вновь поступавшимъ въ братство, былъ обѣтъ бѣдности и неимѣнія собственности. Званіе Бикшу не только не было позорнымъ отъ того, что онъ долженъ былъ поддерживать свою жизнь подаваніями другихъ, но, соединясь со званіемъ отшельника, было предметомъ глубокаго уваженія въ народѣ; въ тѣ времена даже былъ споръ о томъ: что душеспасительнѣе и важнѣе: подавать ли милостыню, или принимать ее?—Совершенное равенство отшельниковъ господствовало въ братствѣ Будды; единственные признаки чиноначалія, существовавшего между членами его, заключались въ отношеніяхъ младшаго къ старшему, не по лѣтамъ, а по времени вступленія въ братство. Кшатрія или Брахманъ, принявшій обѣты Бикшу послѣ Вайшья, долж-

ны были во всемъ и вездѣ уступать послѣдному первенство.

Негодую на изувѣрство и суевѣріе, господствовавшее въ нравахъ труженниковъ, Будда не хотѣлъ подражать всѣмъ странностямъ ихъ и разнообразнымъ видамъ произвольныхъ истязаній или необычайному роду жизни ихъ, который привлекалъ на нихъ взоры и вмѣстѣ съ тѣмъ почтительное удивленіе народа, но худо скрывалъ тайное тщеславіе и нужду въ пропитаніи, руководившія ихъ поступками. Онъ поставилъ для Бикшу правиломъ вести себя со всѣмъ должнымъ приличіемъ и строгостію, не нарушая обѣта бѣдности, такъ чтобы наружность Шрамана соответствовала важному и серьезному настроенію его размышлений. Никакія постороннія впечатлѣнія не должны были разстраивать, или развлекать его; выраженіе лица долженствовало быть постоянно спокойнымъ, станъ — прямымъ, походка медленною, приемы — съ достоинствомъ. У каждаго Бикшу должно быть платье, которое могло покрывать все тѣло его; образцемъ этой одежды былъ охотничій плащъ, какой носилъ Будда со времени бѣгства изъ Капилавасту. Бикшу часто шивали ее изъ старыхъ и брошенныхъ лоскутьевъ, находимыхъ близъ селеній; но каждый лоскутокъ они чистили и вымывали для того, чтобы

шитое изъ нихъ платье, при всей скудости матеріаловъ, было чисто и опрятно.

У Будды было много покровителей и Данапати, т. е. людей, обязавшихся доставлять ему и его братству средства къ существованію; потому ли, что Будда, по своему происхожденію, имѣлъ легкій доступъ къ лицамъ, занимавшимъ высшія ступени общества, или по тому, что онъ обыкновенно прежде всего старался пріобрѣсти расположеніе этихъ высшихъ лицъ, — большая часть его Данапати были изъ Рачжей мѣстныхъ владѣній, правителей городовъ, вельможъ и богачей. Они дарили Буддѣ свои загородныя дачи или сады, и строили жилища для помѣщенія его братства. Эти дачи, переходя во владѣніе Будды, назывались Сангарами, т. е. садами братства, — названіе, оставшееся навсегда за общежительными убѣжищами буддійскихъ отшельниковъ. Сангарамы были въ городовъ и селеній; потому что Будда считалъ жизнь въ нихъ, среди постоянного шума и развлеченій, несогласною съ спокойствіемъ духа и глубокими размышленіями, какихъ требовало званіе Шрамана, и поставилъ неизмѣннымъ правиломъ никогда не имѣть пріюта въ городахъ или селеніяхъ, исключая временнаго пребыванія въ нихъ для сбора подаяній, или на званыхъ обѣдахъ.

Пропитаніе Бикшу зависѣло отъ ежедневнаго сбора

милостыни. Раннимъ утромъ, Будда выходилъ изъ Сангарамы, окруженный толпою своихъ учениковъ, и отправлялся съ ними за дневною пищею въ городъ, или селеніе. При входѣ въ него Бикшу расходились въ разныя стороны, каждый съ своею патрою, или нищенскою чашею. Правило и примѣръ Будды требовали, чтобы во время сбора подаяній, Бикшу не забывали сохранять достоинство своего званія, ничѣмъ не развлекаясь и ничему не удивляясь. Отказъ въ подаяніи они принимали съ такимъ же безстрастіемъ, какъ и богатую милостыню, и просили подаяній, какъ у богатаго, такъ и у бѣднаго семейства, по порядку домовъ. По обычаю тогдашняго времени, они просили милостыни, не произнося просьбъ и подавая хозяевамъ свои чаши; хозяева наполняли эти чаши варенымъ рисомъ и возвращали ихъ просителямъ, или подавали имъ какіе нибудь другіе припасы. Получивъ подаваніе, Будда обыкновенно произносилъ благословеніе на домъ милостынодавца, желалъ ему и семьѣ его счастья, довольства и здоровья, и весьма часто говорилъ о пользѣ милостыни. Къ полдню, Бикшу возвращались въ Сангараму съ запасомъ набранныхъ подаяній; одна часть ихъ, — такъ покрайней мѣрѣ требовало правило, — удѣлялась голоднымъ бѣднякамъ если они встрѣчались; другую относили въ пустое мѣсто для дикихъ звѣрей и хищныхъ птицъ; осталь-

ное служило обѣдомъ для братства. Пища раздѣлялась между Бикшу по ровну. Остальное время дня Будда посвящалъ на бесѣды съ своими приближенными, или, — что было всего чаще, уходилъ въ уединенное мѣсто, въ пещеру, или подъ дерево, и здѣсь на свободѣ предавался любимому занятію своему, — созерцанію, сидя съ поджатыми ногами и приведя свой ставъ въ неподвижное положеніе. Такъ проходилъ каждый день нищенской жизни Будды, когда онъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ братствомъ. Бикшу не должны были имѣть въ запасѣ, не только пищи, но также и одежды; у кого изъ нихъ случалась нужда въ ней, тотъ шелъ собирать матеріалы для нея въ селеніе; если нужны были ему новыя сандалии, или нитки на починку ветхого платья, онъ опять шелъ за ними въ селеніе. Однимъ словомъ, Бикшу, каждый день своей жизни, долженъ былъ зависѣть отъ добротныхъ подацій.

Годъ у Индѣйцевъ раздѣлялся на три времени: зиму, лѣто и осень. Зимой, Будда большею частію жилъ въ обществѣ своихъ учениковъ и на одномъ мѣстѣ, чаще всего близъ Рачжагрихи и Шравасты. Съ наступленіемъ лѣта, когда въ Мадыдешѣ начинались, какъ и нынѣ, періодическіе дожди, Гангъ и другія рѣки выступали изъ береговъ и сообщенія между городами и селеніями дѣлались чрезвычайно трудными, Будда

распускалъ Бикшу въ разныя мѣста на лѣтнее жительство, для того, чтобы избѣжать скудности и недостатка въ пропитаніи для многочисленнаго его общества, и чтобы облегчить милостынодавцевъ, которые сами жили лѣтомъ заранѣе приготовленными припасами. Каждый Бикшу выбиралъ для себя какую нибудь деревню, и, поселившись близъ нея, цѣлые четыре мѣсяца проводилъ въ этомъ уединеніи, не видясь съ своими собратіями. Будда также уединялся на это время, иногда вмѣстѣ съ однимъ ученикомъ. По истеченіи четырехмѣсячнаго уединенія, называемаго лѣтнимъ сиддніемъ, Бикшу снова собирались въ одно мѣсто, куда приходилъ и Будда. Всякій изъ нихъ спѣшилъ рассказать о своихъ успѣхахъ въ духовномъ самоусовершеніи, во время одинокой жизни, посвященной созерцанію, или просилъ у Будды разрѣшенія трудныхъ вопросовъ по части нравственности, или созерцательнаго ученія. Въ осеннее время, начинавшееся съ окончаніемъ лѣтняго сидднія, братство Будды расходилось партіями бродить по Магадѣ и Косалѣ. Будда всего чаще посѣщалъ Шравасту, въ окрестностяхъ котораго у него былъ дарственный садъ, Чжетаванія; ходилъ также къ разнымъ городамъ Магады, Косалы, Мадурѣ и Учжжаяни и даже въ Андру, находившуюся въ срединѣ южной Индіи, и Калингу, занимавшую часть Коромандельскаго берега; но не болѣе трехъ или

четырёхъ разъ посѣщалъ свой отечественный, но не гостепріимный городъ Капилавасту.

Кстати сказать здѣсь нѣсколько словъ о путешествіяхъ Будды въ дальнія и за-индѣйскія страны. Ни по образу и роду жизни Будды, ни по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ появленіе, подвиги и смерть его, ни по древнимъ преданіямъ, нельзя заключать, чтобы онъ переступалъ границы собственной Индіи изъ прозелитизма, или по другимъ какимъ нибудь причинамъ. О восточной части древней Индіи у буддійскихъ писателей ничего не говорится долгое время и послѣ Будды; изъ государствъ южной Индіи о немногихъ упоминается въ древнихъ буддійскихъ сочиненіяхъ; а изъ острововъ южнаго моря, Цѣйлонъ, съ котораго въ послѣдствіи времени Буддизмъ распространился на другіе острова и даже въ Сіамъ и Бирманъ, во времена Будды обнаруживалъ признаки еще только начинающейся образованности. Гималаи служилъ естественною границею Индіи съ сѣвера; за этимъ хребтомъ горъ воображеніе и темныя преданія Индѣйцевъ помѣщали баснословныя и чудесныя страны, огражденныя отъ любопытства путешественниковъ дикими горами. Западъ и сѣверозападъ отъ Индіи всего болѣе извѣстны были у древнихъ буддистовъ; въ сочиненіяхъ ихъ упоминаются Паньчала (Пенджабъ), Махачина (Персія), Капана (Кашмиръ и Кабулъ), Бахлика,

народъ, населявшій страны отъ Балка на сѣверъ, и наконецъ Кусатана (Хотанъ), но всѣ эти имена странъ и городовъ сдѣлались извѣстными для буддистовъ уже во второмъ вѣкѣ по смерти Будды, а нѣкоторыя и позже; въ сказаніяхъ о временахъ болѣе отдаленныхъ нѣтъ никакой возможности открыть признаки сношеній древнихъ Индѣйцевъ съ заграничными странами на западѣ и сѣверозападѣ. Существующія нынѣ у буддистовъ преданія о странствованіяхъ Будды въ такія государства, которыя образовались уже послѣ него, къ народамъ, появившимся въ позднѣйшія времена, суть не больше, какъ умышленные рассказы Индѣйскихъ буддистовъ, желавшихъ польстить тѣмъ народамъ, или туземныхъ прозелитовъ, которые хотѣли почитать свое отечество посѣщеніемъ Будды. Подобныя преданія доводили Будду до подошвы Алтая. По увѣренію безпристрастныхъ буддѣйскихъ писателей, Будда, исключая посѣщеній Шравасти и другихъ городовъ Индіи, почти всю жизнь свою провелъ въ Магадѣ, потому, прибавляютъ они, что эта богатая и счастливая страна, въ его время, была убѣжищемъ для жителей другихъ странъ, опустошаемыхъ язвою, голодомъ, или войною.

Скитаясь по Индіи значительную часть года, Будда, какъ по всему видно, не увлекался духомъ распространенія своего ученія; скорѣе можно думать, что .

онъ слѣдовалъ только своему навыку къ страннической жизни, или не желалъ для своего общества ослѣдствія, которая могла вредить простотѣ и строгости установленнаго имъ рода жизни; можетъ быть также, что перемѣна мѣстъ часто вынуждаема была обстоятельствами, о которыхъ не дошло до насъ свѣденій. Не смотря однакоже на скромность и осторожность Будды въ проповѣданіи своего ученія и правилъ, духовное общество его съ теченіемъ времени значительно увеличилось. По общему увѣренію буддійскихъ писателей, число Бикшу простиралось за тысячу. Причины такого приращенія учениковъ Будды легко объяснить. Будда пользовался покровительствомъ многихъ знаменитыхъ лицъ того времени и предлагалъ въ своемъ братствѣ безопасный и безбѣдный пріютъ для несчастливцевъ и бѣдняковъ; людямъ, желавшимъ разрѣшить занимавшіе ихъ философскіе вопросы, онъ предлагалъ свои метафизическіе взгляды и анализъ существованія; кто искалъ строгихъ и чистыхъ правилъ практической жизни, находилъ ихъ въ наставленіяхъ и примѣрѣ Будды. Такимъ образомъ Будда пріобрѣлъ себѣ весьма много людей, извѣстныхъ по своему уму, образованію, или неукоризненному поведенію. Изъ нихъ особенно замѣчательны были: Махакашьяпа, пользовавшійся предпочтительнымъ уваженіемъ Будды за свой суровый аскетизмъ;

Субуты, метафизикъ; Монгальяма, отличавшійся историческими познаніями и совершенствами въ созерданіи; и наконецъ, Шарипутра, самый ученый, и какъ говорятъ буддисты, самый краснорѣчивый истолкователь идей Будды; имя Шарипутры и его трактаты, переходившіе по преданію, въ послѣдующія времена произвели между буддистами не мало споровъ; въ сочиненіяхъ его находили даже ересь. Однакоже при жизни Будды онъ былъ въ большомъ почетѣ у всего братства, хотя, присоединившись къ Буддѣ, онъ долгое время сохранялъ свѣтское званіе; нерѣдко онъ вступалъ за Будду въ споры съ послѣдователями другихъ школъ Индіи, и даже заступалъ его мѣсто въ поученіи Бикшу.

Урувилва Кашьяпа, Махакашьяпа, Монгальяма и Шарипутра присоединились къ Буддѣ, каждый имѣя своихъ учениковъ; поэтому прямыхъ и непосредственныхъ послѣдователей его сначала было весьма мало. Уже въ одно изъ своихъ посѣщеній Капилавасту, онъ приобрѣлъ себѣ новыхъ учениковъ изъ своихъ соотечей. Судя по разсказу буддійскихъ писателей, Буддѣ оставалось только произносить: Сугата! (добро пожаловать); этимъ словомъ Будда принималъ и утверждалъ въ званіи Бикшу (новопоступавшихъ) Шакьяпутръ, которые наперерывъ спѣшили принять обѣты отшельничества; эту страсть къ отшельничеству,

овладѣвшую вдругъ соотчичами Будды, не иначе можно объяснить, какъ разстроеннымъ и близкимъ къ совершенному разрушенію состояніемъ племени Шакья, о которомъ мы уже говорили. Но при этомъ мы должны сдѣлать два замѣчанія; первое о томъ, что, вопреки рассказамъ буддистовъ, подобное событіе могло совершиться только уже по смерти Соддоданы, который неблагопріятствовалъ отшельничеству и просилъ Будду не принимать въ общество Бикшу молодыхъ Шакья, не получившихъ позволенія на то отъ своихъ родителей; второе о томъ, что въ то время были обстоятельства, о которыхъ не дошло до насъ свѣденіе; потому что не всѣ Шакья, принявшіе обѣты Бикшу, добровольно согласились на такую важную перемѣну въ образѣ жизни; нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались Бикшу по жребію, другіе насильно. Будда усердно содѣйствовалъ обращенію своихъ соотчичей въ Шраманы: Всѣ двоюродные его братья вступили въ его общество, за исключеніемъ одного Маханамы, который противостоялъ всѣмъ убѣжденіямъ и остался при своемъ княжескомъ достоинствѣ. Будда насильно заставилъ вступить въ общество Бикшу роднаго своего брата Нанду. Нанда былъ сынъ Соддоданы и Прачжапати, старшей сестры матери Будды, Маханамы. Онъ принужденъ былъ покинуть молодую жену, и, страдая отъ разлуки съ нею, нѣсколько разъ пы-

тался бѣжать изъ братства Будды, но всякій разъ неумолимый Будда возвращалъ его назадъ. Изъ двоюродныхъ братьевъ Будды болѣе другихъ извѣстны Девадатта, прославившійся ненавистью къ Буддѣ; о немъ мы еще будемъ имѣть случай говорить; и Ананда, братъ Девадатты, любимый ученикъ Будды, не расстававшійся съ своимъ наставникомъ до самой его смерти, однакоже не отличавшійся строгою нравственностію; по причинѣ соблазнительнаго поведенія его, буддисты послѣдующихъ временъ, когда хотѣли представить рѣчь Будды противъ проступковъ, поводомъ къ тому весьма часто выставляли Ананду.

Примѣръ молодыхъ князей, сдѣлавшихся Бикшу, подѣйствовалъ и на женщинъ. Прачжапати, иначе называемая Готами, замѣнившая для Будды мать, когда Махамая скончалась черезъ нѣсколько дней послѣ родовъ, пожелала оставить міръ и вести жизнь подобно своему питомцу. Она была основательницею общества Бикшунн. Бикшунн жили отдѣльно отъ Бикшу, но въ образѣ жизни нисколько не отличались отъ нихъ. Бикшунн было не много, и, какъ можно думать, всѣ онѣ происходили изъ племени Шакья. Кромѣ Прачжапати, изъ Бикшунн болѣе другихъ извѣстна Утбала, отличавшаяся краснорѣчіемъ. Она вступила въ состязаніе съ однимъ Брахманомъ, принадлежавшимъ къ школѣ Локаятки, и удачными сравненіями доказала

ему безсмертіе души. Однакоже не всё смотрѣли благопріятно на учрежденіе званія Бикшунн, потому что положеніе женщины въ Индѣйскомъ обществѣ было унижено, и считалось незаконнымъ допускать слабыя существа въ сонмъ подавжниковъ. Другихъ примѣровъ подобнаго общества въ Индіи не было, если не считать за Бикшунн Югини, волшебницъ, чтившихъ Шиву и неизвѣстно съ какого времени появившихся въ Индіи. Въ послѣдующія времена, когда буддѣйскія общества далеко уклонились отъ первобытной простоты и чистоты нравовъ, строгіе буддисты приписали этотъ упадокъ ихъ учрежденію общества Бикшунн.

Буддисты напрасно стараются изобразить жизнь Будды блистательными красками; множество фактовъ и указаній, неумышленно помѣщенныхъ въ ихъ сочиненіяхъ, свидѣтельствуютъ, что она полна была тревогъ и досадъ; можно сказать даже, что только личный характеръ его и покровительство высокихъ особъ ограждали его честь и безопасность. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что у него было много враговъ и завистниковъ. Однакоже, такъ какъ буддисты не сохранили подробностей объ этой темной сторонѣ жизни Будды, вѣроятно изъ уваженія къ его памяти, мы принуждены довольствоваться только однимъ категорическимъ свѣденіемъ, что враги его много причинили ему

безнокойствъ, и обратить вниманіе на предметъ болѣе важный, именно на то, чѣмъ онъ поставилъ себя во враждебныя отношенія къ другимъ, и кто были самыми неустойчивыми антагонистами его; правда ли, что онъ возставалъ противъ раздѣленія по кастамъ, и до какой степени важна была политическая роль его въ сравненіи съ званіемъ мудреца, желавшаго искоренить заблужденія ума и суевѣрія? Рѣшенія этихъ вопросовъ надобно искать не въ возгласахъ Брахмановъ, а въ буддійскихъ источникахъ, которые объясняютъ намъ взгляды Будды на устройство общества и то, чѣмъ онъ особенно былъ занятъ.

Будда не принималъ на себя роли политическаго преобразователя; напротивъ все доказываетъ, что онъ смотрѣлъ на устройство современнаго ему общества, укрѣпленное вѣками, какъ на естественный порядокъ вещей. Раздѣленіе по кастамъ также было, какъ говорить онъ, законнымъ. Понятіе его объ этомъ предметѣ весьма хорошо изложено въ Сутрѣ о происхожденіи кастъ. Восходя «къ первобытному состоянію рода человѣческаго, къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда плодотворная земля, безъ трудовъ и усилій человѣка, приносила ему плоды и хлѣбъ», далѣе говорится въ Сутрѣ: «Небрежность и алчность людей ослабила естественную растительность земли и до того наконецъ истощила производительныя ея силы, что заставила

нихъ самихъ трудятся и работать для своего пропитанія. Люди стали заниматься земледѣліемъ. Отъ этого произошло раздѣленіе обрабатываемой земли на участки между земледѣльцами; каждый изъ нихъ приобрѣлъ поземельную собственность. Однакоже это раздѣленіе полей не для всѣхъ было источникомъ довольства и безопасности; на ряду съ трудолюбіемъ и прилежаніемъ явилась лѣнь; лѣнь произвела недостатокъ, бѣдность, голодъ; съ сихъ поръ между земледѣльцами возникла распри, жалобы, похищенія. Благо-разуміе заставило наконецъ искать дѣйствительнаго средства для пресѣченія зла; согласились просить самаго умнаго, опытнаго и сильнаго человѣка разбирать тяжбы, защищать праваго, наказывать виновнаго, изгонять изъ общества злодѣевъ и своею властью и мудростью обезпечить народное благоденствіе. Такъ какъ слѣдовало обезпечить содержаніе избраннаго главы, то каждый владѣлецъ поля отвелъ въ принадлежащей ему землѣ особый участокъ, произведенія котораго онъ обязанъ былъ доставлять избранному главу, который такимъ образомъ владѣлъ извѣстнымъ участкомъ во всѣхъ поляхъ, отчего его привыкли называть Кшатрія, то есть владѣтелемъ полей (кшатра — поле). Въ послѣдствіи времени высокое положеніе Кшатрія въ обществѣ, его власть, санъ и доблести приобрѣли ему названіе Рачжи, то есть блистательнаго

(раджа — лучь). По мѣръ того, какъ число людей возрастало, новыя потребности образовали новыя сословія Вайшья и Шудра, то есть промышленниковъ, купцевъ, художниковъ и ремесленниковъ; между тѣмъ, какъ нѣкоторые люди, пораженные несчастіями, или склонные болѣе къ духовнымъ размышленіямъ, чѣмъ къ гражданской и семейной жизни, бѣжали въ пустыни и составили особый классъ анахоретовъ, извѣстныхъ подъ почетнымъ именемъ Брахмановъ, то есть чистыхъ».

Объясняя такимъ образомъ происхожденіе кастъ, Будда естественно ставилъ касту Кшатрія выше другихъ сословій и существенно необходимою въ благоустроенномъ государствѣ. Въ подтвержденіе своего взгляда, онъ ссылался на самыя Брахманскія преданія. Извѣстенъ стихъ, приписываемый самому Брамъ: «Каста Кшатрія высоко почтенна среди людей и возносится выше прочихъ кастъ; украшенная доблестями и умомъ, она уважается на небѣ и землѣ». Что касается до Брахмановъ, мы уже видѣли, какъ тѣсно Будда ограничивалъ важность и значеніе ихъ касты. Брахманъ былъ достоинъ уваженія, какъ скоро онъ сохранялъ первобытную чистоту нравовъ и удаленіе отъ свѣта. Такое ограниченіе притязаній Брахмановъ не могло остаться безъ возраженія съ ихъ стороны. Нѣсколько обличительныхъ рѣчей Будды противъ преду-

бъжденій Брахмановъ можно считать отвѣтами его на полемическія ихъ выходки. Брахманы не только поставляли свою касту выше другихъ кастъ, но, по приписываемому себѣ происхожденію, считали своимъ удѣломъ нравственную чистоту. Посягательству Брахмановъ на исключительное превосходство съ духовной стороны Будда противопоставилъ опроверженіе происхожденія ихъ отъ Брамы, такъ, что Брахманы, териважность своей касты въ историческомъ происхожденіи, какое назначилъ имъ Будда, ни чего не выигравали и для своего духовнаго значенія.

«Брахманы, говоритъ Будда, величаютъ свою касту достойною почтенія и ставятъ ее выше другихъ кастъ. Нашъ родъ, говорятъ они, чистъ, другіе и черны и темны. Мы приходимъ отъ Брамы; мы рожденіе устъ его; оттого чисты въ настоящемъ и будущемъ вѣкѣ. Что касается до меня, я Бикшу, и у меня нѣтъ касты, нѣтъ и непреклоннаго самолюбія и гордости Брахмановъ; это обычай свѣта, а не мой. Въ мірѣ для всѣхъ одинъ законъ: за прегрѣшенія — грозное возмездіе, за добродѣтель блаженное воздаяніе. Если бы этотъ законъ миновалъ Брахмановъ; если бы они избавлены были бѣдственныхъ слѣдствій прегрѣшеній и имъ только предоставлены были блаженныя воздаянія; въ такомъ только случаѣ они въ правѣ были бы гордиться своею кастою. Но законъ воздаяній неизбѣжно

распространяется на всѣхъ, безъ исключенія. Не доброе оплачивается не добрымъ, и черное чернымъ, такъ точно, какъ за чистымъ слѣдуетъ чистое и за бѣлымъ бѣлое. Посмотрите на Брахмановъ: они жевятся, наживаютъ дѣтей, однимъ словомъ, ни чѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ смертныхъ; и при всемъ томъ величаютъ себя чистыми. Нѣтъ, не таковы ученики мои. Мое ученіе лучше, потому что истинно».

Впрочемъ не надобно представлять себѣ, будто Будда считалъ своимъ призваніемъ преслѣдовать предубѣжденія Брахмановъ. Ни почему нельзя думать, чтобы онъ считалъ чрезвычайно важными ихъ притязанія, или чтобы они постоянно тревожили Будду нападеніями, или преслѣдованіемъ. Дѣло въ томъ, что въ его время Брахманы не составляли цѣльнаго и устроеннаго общества, которое могло бы единодушно защищать свои интересы. Одни изъ нихъ занимали почетныя мѣста въ обществѣ и, увлекаясь духомъ честолюбія или наслаждаясь удовольствіями, мало обращали вниманія на приписываемое себѣ происхожденіе изъ устъ Брамь; нѣкоторые изъ нихъ были друзьями и Дампати Будды. Другіе составляли свои философскія системы и уклонялись отъ Брахманскихъ преданій. Были изъ нихъ и такіе, которыхъ самъ Будда уважалъ за строгую и неукоризненную жизнь. Брахманы, имѣвшіе поводъ вступить въ борьбу съ Буддой, были

тѣ отшельники, которыхъ Будда называлъ бродячими и уклонившимися отъ первоначальнаго своего рода жизни. Они назывались Шраваками; это слово собственно означаетъ слушателя и весьма часто встрѣчается и у буддистовъ; но у послѣднихъ такъ называется всякій внимавшій наставленіямъ Будды. Шраваки Брахмановъ имѣли особенное значеніе. Изъ трехъ направлений, или общихъ школъ, раздѣлявшихъ во времена Будды ученый міръ, то есть школы философской, школы созерцательной и школы преданій, они принадлежали къ послѣдней, то есть безусловно вѣрили и слѣдовали тому, чему учило ихъ письменное или устное преданіе; это преданіе заключалось для нихъ въ Ведахъ; оттого они назывались также изучающими, или чтущими Веды *). Изъ нихъ Шраваки почерпали понятія о мірѣ и человѣкѣ и заимствовали баснословныя сказанія о міротвореніи и происхожденіи существъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предубѣжденія къ пользу касты Брахмановъ. Но во времена Будды Шраваки большею частию ограничивались изученіемъ въ Ведахъ только тѣхъ предметовъ, которые имѣли связь съ вѣрованіями и суевѣрными привычками народа; таковы были: гаданіе и астрологія. По роду

*) По древнимъ сказаніямъ Буддйскимъ, Вездъ было только три. Кстати замѣтить, что здѣсь дѣло идетъ не о школъ Веданта, которая имѣетъ поодѣе, но крайней мѣрѣ въ буддйскихъ сочиненіяхъ.

своей жизни и необходимости питаться на счет народа, они были соперниками Будды и имѣли всѣ причины негодовать на его обличенія, которыя, опровергая происхождение ихъ отъ Брами, могли отнять у нихъ и хлѣбъ.

Унасъ, когда дѣло идетъ о переворотахъ, какіе хотѣлъ произвести Будда въ религіи Индѣйцевъ его времени, обыкновенно упоминаютъ религіозные обряды и особенно кровавыя жертвы, какъ такую статью, на которую Будда обратилъ преимущественное вниманіе. Это преданіе требуетъ нѣкоторыхъ замѣчаній. Дѣйствительно, Будда отвергъ всѣ обряды Индѣйскихъ религій, какъ не дѣйствительные и не нужные, потому что онъ всѣ средства къ самоусовершенію сосредоточилъ въ чисто нравственной дѣятельности человѣка. Что касается до кровавыхъ жертвъ, Будда возставалъ противъ обыкновенія приносить въ жертву животныхъ потому что, по его ученію, всякое убійство есть одно изъ самыхъ важныхъ преступленій, и что зло, заключающееся въ убійствѣ, въ десять разъ отплатится убійцѣ. Однакоже Будда рѣдко упоминаетъ объ этихъ жертвахъ, и помѣщаетъ ихъ на ряду съ другими обрядами; это равнодушіе Будды не иначе можно объяснить, какъ только тѣмъ, что жертвоприношенія животныхъ не были повсемѣстны въ Индіи. Дѣйствительно буддѣйскія сказанія іположительно подтверждаютъ эту

мысль. Дѣло идетъ о Мадьядешѣ. Въ странахъ, гоморятъ онѣ, лежащихъ на правомъ (южномъ) берегу Ганга, льется кровь закалаемыхъ животныхъ, между тѣмъ какъ на лѣвомъ (сѣверномъ) благочестіе народа выражается въ простомъ поклоненіи небеснымъ духамъ, милостыни и другихъ добрыхъ дѣлахъ. Можно думать, что въ южной Индіи господствовала религія Махешвары (Шивы), а на сѣверѣ ея религія Вишну, хотя этого послѣдняго названія, ни имени Нараяны (тогоже Вишну) мы не встрѣтили ни однажды въ буддійскихъ сочиненіяхъ, сколько нибудь древнихъ. Жрецами въ кровавой религіи Шивы были также Брахманы.

Въ буддійскихъ сочиненіяхъ часто упоминаются шесть учителей или шесть сектаторовъ, въ качествѣ постоянныхъ антагонистовъ Будды. Это были философы, оспаривавшіе у Будды теоретическія начала ученія его. Нѣкоторые изъ нихъ, если не всѣ, были извѣстны при дворахъ тогдашнихъ Государей и пользовались ихъ вниманіемъ. Большая часть ихъ принадлежала къ школѣ Локаяттики, другіе имѣли свои мнѣнія, которыя трудно приписать какой нибудь школѣ. Тѣ и другіе вооружились противъ ученія Будды; Локаяттики, — защищая самослучайность отъ ударовъ, какіе наносилъ ей Будда ученіемъ о причинахъ; другіе философы, возставая на положеніе Будды, отвергавшее существованіе самостоятельной и неизмѣнной души въ

человѣкъ, или въ мірѣ. Были и другіе пункты, въ которыхъ Будда разногласилъ съ современною Индѣйскою философіею; но самослучайность и существованіе Я были такіа положенія, на которыя онъ нападалъ сильно и постоянно; существованіе Я преимущественно возбуждало діалектику Будды. Нѣтъ сомнѣнія, что въ спорахъ о послѣднемъ пунктѣ, ратоборцами были не только Ниргранта, признававшіе неизмѣнную душу, подъ именемъ Чживы, то есть живаго, но также и Брахманы, утверждавшіе творчество праотца Браммы, или пантеистическую идею вездѣсущаго Шивы; послѣдователи Капилы, допускавшіе дуализмъ духа и матеріи и неизмѣнную, но не дѣйствующую душу; и послѣдователи Уллуки, допускавшіе неизмѣнную и дѣйствующую душу. Однакоже двѣ послѣднія школы не упоминаются въ спорахъ Будды; вѣроятно потому, что философія Капилы и Уллуки еще не была приведена въ ту полную систему, въ какой вышла она изъ рукъ Паньчашики, система Капилы подъ именемъ Санкья, философія Уллуки подъ именемъ Вайшешики. Будда долженъ былъ часто встрѣчаться въ резиденціи Государа въ Рачжагрикѣ съ послѣдователями всѣхъ этихъ школъ; по рассказамъ буддистовъ онъ вступалъ въ состязаніе съ ними часто при стеченіи народа и иногда въ присутствіи самаго Государа; къ сожалѣнію, изъ басней, какія рассказываютъ буддисты при этихъ

случаяхъ, нѣтъ никакой возможности извлечь достовѣрныхъ подробностей о диспутахъ между Буддой и его антагонистами.

Труженики были самые дѣятельные и самые ненавидимые Буддѣ враги его. Ни противъ кого онъ не вооружался съ такою горечью и негодованіемъ, какъ на этотъ классъ отшельниковъ. Труженики часто называются общимъ именемъ Ниргранта, хотя не совсѣмъ точно. Замѣчательная, но малоизвѣстная школа Ниргранта, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, отличалась тѣмъ, что привела въ одну систему разные способы самоусовершенія, которые могли существовать и независимо одинъ отъ другаго, — какъ дѣйствительно и было. Для достиженія возжеленной цѣли избавленія и освобожденія, существовали три способа: просвѣщеніе ума, созерцаніе и труженичество. Соединивъ эти три рода дѣятельности въ одну систему, Ниргранта установила полный курсъ подвижнической жизни; вступающій въ нее долженъ былъ начать съ труженичества, и провести нѣсколько лѣтъ въ произвольныхъ истязаніяхъ, для искорененія чувственныхъ инстинктовъ; за тѣмъ онъ упражнялся въ глубокомъ и спокойномъ созерцаніи, которое должно было замкнуть его душу для вѣшнихъ впечатлѣній и приучить ее къ безстрастію; и наконецъ размышлялъ объ истинныхъ и просвѣщалъ свой умъ. Будда, какъ мы видѣли, про-

шелъ всѣ эти степени; онѣ остались даже и въ его наставленіяхъ, съ тѣмъ впрочемъ различіемъ, что труженничество у него замѣнено храненіемъ нравственныхъ заповѣдей и соблюденіемъ строгихъ правилъ наружнаго поведенія. Надобно полагать, что труженники составляли въ Ниргрантѣ самый обширный классъ, когда предпочтительно передъ другими носятъ у буддистовъ названіе цѣлой школы, или что названіе Ниргранта давалось въ общемъ и буквальномъ значеніи свободныхъ отъ житейскаго (безъ оковъ) всѣмъ вообще труженникамъ. Какъ бы то ни было, они не составляли секты однородной; они различались между собою и происхожденіемъ, и вѣрованіями, и родомъ труженнической жизни. Будда весьма хорошо былъ знакомъ съ труженниками, потому что нѣсколько времени жилъ въ ихъ обществѣ, изучилъ ихъ навыки и узналъ тайныя побужденія, скрывавшіяся подъ оболочкою измученнаго вида. Они не могли простить ему презрѣнія, съ какимъ онъ оставилъ образъ ихъ жизни, и не упустили случая платить ему за то насмѣшками и обидами. Съ своей стороны, Будда отвѣчалъ обличеніями и не щадилъ позорныхъ названій для характеристики ихъ поведенія. Мы приведемъ здѣсь одну изъ судръ, направленныхъ противъ труженниковъ; въ ней соединены почти всѣ роды ихъ.

Дѣйствіе происходитъ близъ Рачжагрихи, въ саду,

принадлежавшемъ одной богатой женщинѣ. Толпа труженниковъ, вмѣстѣ съ учителемъ своимъ, по имени Наградой, наслаждается въ тѣни деревь прохладою. Собравшись вмѣстѣ, они ведутъ громкій и оживленный разговоръ; толкуютъ о политикѣ, министрахъ и народныхъ дѣлахъ; рассказываютъ о сраженіяхъ, колесницахъ, лошадяхъ и прогулкахъ по садамъ; судятъ о женщинахъ, одеждѣ, кушаньѣ, вкусныхъ черепахахъ и тому подобныхъ предметахъ. Во время ихъ бесѣды подходитъ къ нимъ Сантана, житель Рачжагрия и почитатель Будды. Послѣ взаимныхъ вѣжливостей, Сантана замѣчаетъ имъ, какъ неприличны для ихъ званія подобныя разговоры и при этомъ случаѣ хвалить Будду за его неукоризненное поведение и мудрость. «Откуда намъ знать, возражаютъ ему отшельники, о мудрости твоего Шрамана Готамы, когда онъ больше любитъ молчать, чѣмъ говорить съ посторонними людьми? Онъ такъ привыкъ къ уединенной жизни, что похожъ на подслѣповатую корову, которая видитъ только траву. При всемъ томъ, онъ величаетъ себя великимъ мудрецомъ, грозитъ поразить однимъ своимъ словомъ всѣхъ своихъ противниковъ и сдѣлать ихъ безгласными, подобно черепахамъ, и не совѣтуетъ никому задѣвать его, иначе не найдетъ безопаснаго мѣста отъ его стрѣлъ. Пусть придетъ онъ сюда; мы поздравимъ его съ новымъ названіемъ подслѣповатой

коровы; да вотъ онъ и самъ!» «Смотрите же, замѣтьте Нягрода, не вставать съ мѣста и не здороваться съ нимъ. Пусть сядетъ, какъ хочеть». Дѣйствительно, Будда шелъ въ этотъ же садъ освѣжиться, послѣ продолжительнаго созерцанія въ пещерѣ Гридракуты. Когда онъ подошелъ къ толпѣ труженниковъ, они забыли свой уговоръ и, приподнявшись съ своихъ коверовъ, привѣтствовали его обычными словами: Добро пожаловать, Готама; добро пожаловать Шрамана! Давно мы не видались съ тобою. Что привело тебя сюда? Сядь съ нами и побесѣдуй». Будда вѣжливо принимаетъ приглашеніе, разстилаетъ свой коверъ и садится на него. Нягрода лукаво заводитъ рѣчь объ ученіи Будды и проситъ его объяснить свои начала. «Не спрашивай меня объ этомъ, отвѣчаетъ ему Будда; мое ученіе глубоко и обширно; вамъ не подь силу понять его. Что касается до вашихъ правилъ, я знаю ихъ весьма хорошо и въ состояніи оцѣнить ихъ». Нягрода замѣчаетъ Буддѣ, что имъ желательно знать мнѣніе его о правилахъ ихъ жизни. «Всѣ ваши правила, говоритъ имъ Будда, низки и смѣшны. Иной изъ васъ ходитъ нагой, прикрывая себя только руками; иной не станетъ ѣсть изъ кувшина, или съ блюда; не сядетъ за столъ между двумя собесѣдниками, между двумя ножами, или двумя блюдами; иной не сядетъ за общій столъ и не приметъ подаванія въ томъ домѣ, гдѣ есть

беременная женщина, гдѣ замѣтитъ много мухъ, или встрѣтитъ собаку. Иной не терпитъ никакихъ приглашеній и ѣсть только до тѣхъ поръ, пока молчать. Иной не ѣсть изъ двухъ сосудовъ; глотаешь пищу, не разжевавъ ее, и на седьмомъ глоткѣ перестаетъ ѣсть и не позволяетъ прибавлять себѣ пищи болѣе семи разъ. Иной ѣсть однажды въ день, въ два, три дня, и даже въ цѣлую недѣлю. Иной питается однѣми овощами, отваромъ риса, коровьямъ, или оленьямъ, пометомъ, древесными корнями, вѣтвями, листьями, лѣсными плодами, или зернами. Иной носить платье, накинувъ его только на плечи, или прикрываетъ себя мохомъ, древесною корою, растеніями, или оленью кожей, распускаетъ свои волосы, или надѣваетъ на нихъ волосяную повязку. Иной носить одежду печали; постоянно держать руки вверхъ, не садится на скамьи и рогожки, или постоянно сидитъ въ положеніи животныхъ; брѣетъ себѣ голову и оставляетъ бороду и усы. Иной лежитъ нагимъ на колючихъ растеніяхъ, или коровьемъ пометѣ. Иной каждый день, или каждую недѣлю, по три раза совершаетъ омовеніе. Не стану исчислять другихъ подобныхъ средствъ, которыми вы мучите и изнуряете себя. Я спрашиваю тебя, Няграда: Чисты ли такія правила и образъ жизни?» «Безъ всякаго сомнѣнія, чисты», отвѣчаетъ Няграда. «А я, возражаетъ ему Будда, раскрою передъ тобою не-

чистоту, скрывающуюся въ нихъ. Чего ожидаете вы, произвольные труженики, за свои тяжкіе труды? Ожидаете отъ мірянъ подаяній и уваженія, и когда достигнете этой цѣли, крѣпко пристращаетесь къ удобствамъ временной жизни, не хотите разстаться съ ними, да и не знаете и средствъ къ тому. Едва вы увидите издали посѣтителей, какъ тотчасъ садитесь и показываете видъ, будто васъ застали въ глубокомъ размышленіи, но, разставшись съ ними, снова дѣлаете, что хотите, прогуливаетесь, или покоитесь на свободѣ. Заведутъ ли при васъ умную рѣчь, вы никогда не захотите одобрить, или подтвердить ее; спросятъ ли васъ о чемъ нибудь, вы отвѣчаете презрительнымъ молчаніемъ. Но какъ скоро вы замѣтите уваженіе мірянъ къ Шраманамъ, или Брахманамъ, у васъ начинаются возгласы и укоризны: «зачѣмъ, кричите вы, уважать Шрамановъ! Стоять ли они того!» Если вы увидите, что Шраманъ ѣсть плоды отъ вторичнаго посѣва, осыпаете его ругательствами. Когда вамъ подають грубую пищу, вы, даже и не отвѣдывая, отдаете ее другимъ; а всякое вкусное кушанье оставляете у себя. Предаваясь порокамъ и страстямъ, вы однакоже надѣваете личину скромности. Нѣтъ, не таково истинное подвижничество. Труженичество тогда только полезно, когда подъ нимъ не кроются своекорыстные виды».

Между тѣмъ, какъ Будда подвизался съ внѣшними своими антагонистами, въ его обществѣ возникли несогласія и расколы, стоявшіе для него всей полемикой и насмѣшекъ внѣшнихъ его враговъ. Молодые Бикшунъ Шакья вмесливъ съ собою въ братство Будды духъ раздора и не совсѣмъ строгія правила; имъ трудно было привыкнуть къ нищенской жизни и не различію кастъ между отшельниками, — чѣмъ отличалось общество Будды, и потому Будда не разъ жалѣлъ о приобрѣтеніи такихъ непослушныхъ учениковъ. Всѣхъ болѣе безпокойствъ причинилъ ему Девадатта, двоюродный братъ его. Это былъ человѣкъ замѣчательный не потому только, что былъ врагомъ Будды, но также по самостоятельному и вліятельному характеру. Буддійскіе писатели, не щадившіе самыхъ черныхъ красокъ въ портретѣ Девадатты, отдають однакоже справедливость его обширному и образованному уму и необыкновенной строгости жизни. Все зло, какое онъ сдѣлалъ, они приписываютъ глубокой страсти честолюбія, руководившей всѣми его поступками. Когда Будда бѣжалъ изъ Канвавасту, Девадатта предлагалъ Ячжадарѣ свою руку и сердце, надѣясь заступитъ мѣсто наслѣдника престола, однакоже бесполезно; его заставляли поступить въ общество Бикшунъ. Съ сизъ поръ онъ сдѣлался самымъ опаснымъ врагомъ Будды. Переселившись вмѣстѣ съ нимъ къ Рачжагрихѣ, Дева-

датта въ скоромъ времени приобрѣлъ себѣ сильнаго покровителя и даже друга въ лицѣ Ачжатаасатру, сына и наследника Бимбасары, лѣтя воиствоениому его духу, и сдѣлался совмѣстникомъ Будды. Послѣдній имѣлъ однакоже покровителя еще сильнѣе, самаго Бимбасару. Девадаттѣ хотѣлось, во чтобы то ни стало, стать во главѣ общества Бикшу, или по крайней мѣрѣ имѣть такое же вліяніе и пользоваться такимъ же уваженіемъ, какъ и Будда. Онъ составилъ въ братствѣ партію, состоявшую изъ нѣсколькихъ Бикшу, болѣе или менѣе образованныхъ и приверженныхъ къ нему, и часто склонялъ и переводилъ на свою сторону и другихъ учениковъ Будды; но, при посредствѣ Шарипутры, дѣйствовавшаго въ пользу Будды, перебѣжчики снова возвращались къ Буддѣ, и попытки Девадатты съ этой стороны не удавались. Нѣсколько разъ братья мирились и потомъ снова расходились съ враждебными чувствами.

Нѣтъ нужды разсказывать подробности преслѣдованія, какому Будда подвергся со стороны Девадатты. Приврастные буддійскіе писатели, по обыкновенію, преувеличиваютъ ихъ жестокость. Такъ, наприимѣръ, Девадатта, въ порывѣ гнѣва, бросилъ въ Будду камень. Біографамъ Будды это обстоятельство показалось слишкомъ обыкновеннымъ; поэтому они и составили исторію гораздо интереснѣе. Девадатта, по ихъ

разсказу, нанялъ нѣсколько сотъ плотниковъ и приказалъ имъ сдѣлать катапульти непомѣрной величины; когда машина была готова, онъ велѣлъ встѣпить ее на вершину Гривдракуты, при подошвѣ которой Будда чаще всего находился. Съ этой высоты Девадатта, посредствомъ катапульти, пустилъ въ своего двоюроднаго брата огромнымъ отломкомъ скалы. Ударъ миновалъ Будду. Самымъ важнымъ преступленіемъ Девадатты было то, что онъ произвелъ расколъ и ввелъ ересь въ братство Будды. Его укоряютъ въ невѣрїи и отрицанїи жизни за гробомъ; но этотъ укоръ со стороны буддистовъ, желавшихъ очернить память Девадатты, какъ послѣдователя Локаяттики, не оправдывается ни чѣмъ. Онъ отличался только тѣмъ, что слѣдовалъ правиламъ, болѣе строгимъ, чѣмъ правила Будды. Въ пищу онъ довольствовался самымъ простымъ; не ѣлъ рыбы, говоря, что и она, подобно другимъ животнымъ, одарена жизнію; не пилъ молока, потому что оно назначено природою для телятъ, а не для людей; не употреблялъ соли, потому что въ ней много нечистоты и пыли; носилъ платье изъ цѣльныхъ полотнищъ, потому что шитье его избавляло портнаго отъ лишнихъ хлопотъ, какіе онъ долженъ былъ употребить на сшиваніе лоскутьевъ; и наконецъ большую часть времени жилъ внутри городовъ и селеній, чтобы быть ближе къ Данапати. Этими пунк-

тами Девадатта уклонился отъ привычекъ и правилъ Будды; за то его провозгласили первымъ лжеучителемъ въ буддизмѣ. Пять вышеизложенныхъ статей составили отличительный признакъ такъ называемаго раскола Девадатты. Этотъ расколъ существовалъ въ Индіи даже до VIII вѣка послѣ Р. Х., когда открыли его Китайскіе буддійскіе путешественники.

Судя по положенію Будды среди мудрецовъ Индіи, бывшихъ для него антагонистами, равно по множеству судръ, приписываемыхъ устному его преданію, можно подумать, что буддисты не безъ основанія превозносятъ до небесъ краснорѣчіе и обиліе слова своего учителя. Однакоже несомнѣныя свидѣтельства, заимствованныя изъ буддійскихъ же преданій, заставляютъ ограничить отзывы восторженныхъ буддистовъ. Враги Будды укоряли его въ пристрастіи къ безмолвію. Въ этомъ сознавались самые ученики его. «Чѣмъ вы хотите заниматься въ нашемъ обществѣ, спрашивали они желавшихъ поступить въ Бикшу? У насъ два рода занятій: любомудріе и созерцаніе; одни изъ насъ обогащаютъ свой умъ познаніями и приобрѣтаютъ навыкъ къ діалектикѣ; другіе, и первый изъ нихъ самъ наставникъ нашъ, предпочитаютъ безмолвіе созерцательной жизни». Будда остерегался проповѣдывать свои взгляды и убѣжденія, когда его не просили о томъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда замѣчательныя

событія подавали ему поводъ высказывать свои любимыя идеи, или когда за оказанныя ему благодѣянія онъ платилъ духовными рѣчами, которыя большею частію заключали въ себѣ общія понятія добра и похвалы гражданскимъ и семейнымъ добродѣтелямъ, а особенно милосердію. Наконецъ, словъ Будды, при жизни его, никто не записывалъ; всѣ наставленія его и обстоятельства его жизни сохранились въ устныхъ преданіяхъ; свѣденіемъ о нихъ потомство обязано счастливой памяти Ананды.

Будемъ впрочемъ справедливы къ Буддѣ. Безспорно, онъ былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ мудрецовъ своего времени. Продолжительный навыкъ къ суровой жизни не истребилъ въ немъ слѣдовъ хорошаго воспитанія, полученнаго имъ въ родительскомъ домѣ. До нашихъ временъ сохранилось довольно буддійскихъ преданій, болѣе или менѣе достовѣрныхъ, для того, чтобы по крайней мѣрѣ приблизительно знать характеръ краснорѣчія Будды. Изъ этихъ преданій мы узнаемъ, что Будда никогда не колебался въ отвѣтахъ на предлагаемыя ему вопросы и всегда былъ готовъ надѣлать желающихъ наставленіями; и что, путешествуя по разнымъ странамъ Индіи, или бесѣдуя съ иноземцами, онъ объяснялся на языкъ или нарѣчій ихъ страны. Такимъ образомъ, сколько извѣстно, онъ говорилъ на языкахъ: Магадскомъ,

Дравирскомъ и Млеча. Подъ первымъ надобно разумѣть языкъ, бывший въ употребленіи въ Магадѣ, въ которой Будда провелъ большую часть своей жизни; языкъ Дравирскій есть нынѣшній Тамульскій. Что касается до Млеча, не лѣзя рѣшительно сказать, что подъ нимъ разумѣется языкъ индѣйскихъ варваровъ; потому что у буддистовъ страны, лежавшія за предѣлами Мадьядеша, также назывались Млеча; впрочемъ между образцами этихъ трехъ языковъ, сохранившимися въ буддійскихъ сочиненіяхъ, не замѣтно никакого сходства и созвучія.

Будда былъ Индѣецъ; нравы и навыки его соотечественниковъ оставили неизгладимые слѣды въ духѣ его ученія и сообщали рѣчамъ его тотъ оригинальный и характеристическій типъ, который ясно обозначается въ произведеніяхъ Индѣйскихъ философовъ и вообще въ Индѣйской литературѣ. Въ древнихъ собраніяхъ словъ Будды прежде всего замѣчается необыкновенная краткость выраженія; судры суть не что иное, какъ афоризмы, или краткія изрѣченія Будды, заключающія въ себѣ философскія и нравственныя положенія его ученія. Афоризмы Будды сохранили свою краткость и въ буддійскихъ преданіяхъ, но уже съ присоединеніемъ поясненій. Они обыкновенно предлагались въ стихотворной формѣ и состояли большею частию изъ одной строки, или стиха. Такимъ образомъ

Будда заключилъ сущность своего нравственного учения въ слѣдующемъ афоризмѣ : не дѣлай зла, дѣлай добро и очищай свою душу. Первые два наставленія этого изрѣченія указываютъ на дѣятельную часть подвижничества; послѣднее, то есть очищеніе души, на созерцаніе. Теоретическое свое ученіе Будда выразилъ въ слѣдующемъ афоризмѣ : все является отъ причинъ и все уничтожается отъ причинъ. Размышляя объ этомъ афоризмѣ Будды, Шарипутра убѣдился имъ и, оставивъ безнадежныя начала Саньчжаа, послѣдователя школы Локаяттики, присоединился къ Буддѣ.

Большая часть афоризмовъ Будды облекалась въ числительную форму, какую мы замѣчаемъ въ произведеніяхъ и другихъ философовъ Индіи. Въ тѣ времена, когда свѣденія хранились и переходили отъ одного поколѣнія къ другому посредствомъ устнаго преданія, числительныя формулы были важною помощію для памяти. Такой образъ выраженія былъ въ большемъ ходу и въ народѣ Индѣйскомъ; замысловатыя пословицы, — насущная мудрость его, носили ту же самую форму. Буддисты, усвоивъ ее своей литературѣ, сдѣлали всеобщее приложеніе ея къ изложенію ученія Будды; оттого самыя образцовыя сочиненія ихъ страдаютъ однимъ важнымъ недостаткомъ : отсутствіемъ стройной системы, потому что въ числительномъ

способъ выраженія, рядъ идей, расположенныхъ по числу, представляетъ чаще общее сродство, чѣмъ тѣсною логическую связь. Изъ числительныхъ афоризмовъ Будды мы упомянемъ о слѣдующемъ. Три печати много ученія: всякое явленіе скоротечно; ни въ чемъ нѣтъ самостоятельности; нирвана есть покой. Вотъ еще два, три примѣра такихъ афоризмовъ, взятые на удачу. Есть четыре способа погребенія: въ водѣ, огнѣ, землѣ и лѣсу. То есть во времена Будды прахъ умершаго человѣка или бросали въ воду, или, что было всего чаще, сожигали на кострѣ; или зарывали въ землю, или, и то было нерѣдко, относили въ лѣсъ на съѣденіе дикихъ звѣрей. Бывшу, говорилъ Будда, не употребляйте четырехъ способовъ пропитанія, ища его внизу, вверху, въ странахъ свѣта и углахъ. То есть истинный ученикъ Будды для снисканія себѣ пропитанія не долженъ: 1) заниматься земледѣліемъ и пріобрѣтать какую бы то ни было собственность; 2) заниматься астрономіею и астрологіею, наблюдать теченіе звѣздъ и планетъ и объяснять физическія явленія; 3) льстить и угождать богачамъ и вельможамъ; наконецъ 4) заниматься ворожбою, чарами и предсказаніями. Дѣло бываетъ двухъ родовъ: полное и половинное. То есть когда человѣкъ рѣшится на какойнибудь поступокъ, этотъ поступокъ имѣетъ все значеніе совершеннаго дѣла, такъ что осуществленіе на-

мѣренія есть дѣло уже половинное; поэтому въ буддйскихъ сочиненіяхъ иногда встрѣчается выраженіе: полтора дѣла; подъ нимъ надобно разумѣть одно в тоже дѣло, намѣренное и приведенное въ исполненіе.

Будда удачно воспользовался поэтическимъ обыкновеніемъ своихъ соотечественниковъ пояснять и украшать свою рѣчь сравненіями, аллегоріями и другими прикрасами, которыя невольно привлекаютъ вниманіе къ предметамъ самымъ сухимъ, и придаютъ занимательность вещамъ обыкновеннымъ. Выбирать сравненія было въ Индіи искусствомъ и однимъ изъ правилъ діалектики; удачное сравненіе было уже доказательствомъ. Въ рѣчахъ Будды мы встрѣчаемъ множество подобныхъ украшеній. Нѣкоторыя употребляемыя имъ сравненія могутъ легко остаться непонятными для того, кто совершенно не знакомъ съ природою или обыкновеніями Индіи. Приведемъ здѣсь для примѣра нѣсколько такихъ сравненій. Сердце человѣческое, говоритъ Будда, тоже, что слоновыя уши; то есть въ безпрестанномъ движеніи. Бикшу, говоритъ Будда, подражайте черепахѣ, которая прячетъ свои члены въ свой ходячій домъ; то есть прекращайте созерцаніемъ дѣйствіе виѣшнихъ чувствъ своихъ и освободитесь отъ губельнаго впечатлѣнія виѣшнихъ предметовъ, подобно тому, какъ черепаха, выползшая на берегъ моря, замѣтивъ приближеніе шакала, тотчасъ

скрываетъ свою голову, ноги и хвостъ въ роговую свою оболочку и тѣмъ спасается отъ зубовъ хищнаго звѣря. Чистая нравственность, какъ надутый кожаный мѣхъ : повреди ее однажды, погибнетъ. Здѣсь дѣло идетъ о плавательныхъ мѣхахъ, которые богатые люди и купцы имѣли при себѣ во время морскихъ путешествій; въ случаѣ кораблекрушенія, эти мѣхи, надутые воздухомъ и герметически закупоренные, служили средствомъ спасенія мореплавателей, которые бросались съ ними въ волны морскія и отдавались на ихъ произволъ; разумѣется, что, если въ такомъ опасномъ положеніи мореплаватель по неосторожности дѣлалъ въ мѣху хотя бы и едва замѣтное отверстіе и воздухъ выходилъ изъ него, то неминуемо погибалъ. Подобно тому, если однажды удовлетворить порочнымъ наклонностямъ, уже ни что не можетъ остановить стремленія страстей, и человѣкъ, оставленный самому себѣ, безвозвратно погибаетъ.

Будда часто употреблялъ способъ сравненія, какъ убѣжденіе болѣе дѣйствительное, чѣмъ всѣ доказательства. Вотъ примѣръ. Будда положительно отказался рѣшить нѣкоторые метафизическіе вопросы, занимавшіе въ его время умы другихъ философовъ. Собственные ученики его настоятельно просили своего учителя объяснить имъ : откуда произошелъ міръ и населяющія его существа; есть ли у нихъ начало, или онѣ

безначальны; что ожидаетъ за гробомъ человѣка, освободившагося отъ перерожденій? «Подобные вопросы, отвѣчалъ имъ Будда, не имѣютъ отношенія къ обязанностямъ Шрамана; пока вы разсуждаете объ этихъ предметахъ, драгоценное время пройдетъ и наступитъ смерть, тогда какъ вы и не приготовились къ ней. Представьте себѣ человѣка, раненаго въ грудь стрѣлою; его спасеніе зависитъ отъ искусства лекаря, который можетъ легко вынуть изъ груди его смертоносное орудіе. Неужели раненый станетъ напередъ распрашивать лекаря и говорить ему: прежде, чѣмъ ты станешь вынимать стрѣлу изъ груди моей, скажи мнѣ напередъ, изъ какого дерева выточена стрѣла, какого она цвѣта, какой птицы перья приклеены къ ней, изъ какого металла ея острее? Неужели онъ станетъ заниматься подобными вещами, зная, что время между тѣмъ проходитъ и неминуемая смерть грозитъ ему?

Въ другой разъ Будда излагаетъ различныя мнѣнія другихъ школъ о тѣхъ же самыхъ предметахъ. Исчисливъ эти мнѣнія и представивъ жаркіе споры, возникшіе по этому случаю между философами, онъ прибавляетъ: «это напоминаетъ мнѣ одну давнюю исторію про слѣпцевъ. Одинъ Рачжа приказалъ собрать слѣпыхъ отъ рожденія, сколько ихъ найдется, и привести къ нему во дворецъ. Воля Рачжи была исполнена, толпа слѣпцевъ приведена во дворецъ и

представлена къ нему». «Слѣпцы, спросилъ ихъ онъ, какого вида слонъ?» «Махадева, отвѣчали ему слѣпцы, мы слѣпы отъ рожденія; откуда же намъ знать видъ слона?» «Хотите-ли узнать его?» продолжалъ Рачжа. Слѣпцамъ оставалось благодарить его за такое вниманіе къ нимъ, и Рачжа приказалъ конюшему вывести на дворъ одного слона и подвести къ нему слѣпцевъ. Когда имъ сказали, что слонъ передъ ними, они приблизились къ нему, и каждый изъ нихъ началъ ощупывать ту часть животнаго, къ которой руки его прикоснулись. Одинъ, ощупывая уши слона, находилъ въ нихъ сходство съ рѣшетомъ; другому хоботъ показался канатомъ; инымъ казалось, что клыки походятъ на колья, голова на колодезную бадью, шея на бревно, спина на ковчегъ крыши, бока на стѣны, ноги на бревна, хвостъ на короткую веревку. Когда слѣпцы кончили ощупыванье слона, Государь снова призвалъ ихъ къ себѣ и спросилъ: «Ну, что? Узнали ли теперь видъ слона?» «Узнали, отвѣчалъ одинъ изъ слѣпцовъ; слонъ походитъ на бадью». «Нѣтъ, замѣтилъ другой; онъ похожъ на бревно». «Нѣ правда, вскричалъ третій, онъ похожъ на канатъ». Поднялся шумъ и крикъ. Каждый кричалъ: «слонъ такого-то вида!» «Вѣрно ли вы знаете, замѣтилъ имъ Рачжа, что слонъ такого вида, какъ вы говорите?» Вмѣсто того, чтобы признаться въ своемъ невѣже-

ствѣ, слѣпцы, закрывъ руками лица свои, начали спорить между собою, сначала тихимъ голосомъ, потомъ все громче и громче, пока наконецъ дѣло чуть не дошло до драки. Рачжа долго любовался споромъ слѣпцевъ, и наконецъ произнесъ имъ слѣдующій стихъ: Толпа людей лишенныхъ зрѣнія! Къ чему безумно спорить о формѣ слона, когда вы сами не знаете, кого вы ошупывали.

Законъ воздаяній лежалъ въ основаніи ученія Будды. Будда при всякомъ удобномъ случаѣ обращался къ нему, поощряя учениковъ своихъ къ добродѣтели и отвращая ихъ отъ преступленій. Черное, говаривалъ онъ, оплачивается чернымъ, и бѣлое бѣлымъ. Дѣла, къ которымъ прилагался законъ воздаяній, служили кореннымъ началомъ и не гибнущею причиною всякаго существованія. Все происходило отъ дѣлъ. «Мы живемъ, говоритъ Будда, раждаемся и умираемъ, страдаемъ и блаженствуемъ, въ слѣдствіе дѣлъ, совершенныхъ нами въ предшествующихъ перерожденіяхъ. Сумма дѣлъ, совершаемыхъ существами, поддерживаетъ существованіе вселенной, со всѣми ея степенями и разрядами тварей; качество и важность дѣлъ существа опредѣляютъ для него будущую форму перерожденія. Между дѣломъ и его воздаяніемъ бываетъ несходство, бываетъ и сродство. Люди порочные, наслаждающіеся въ настоящее время удо-

вольствіями, готовятъ для себя мученіе въ будущей жизни; кто поклоняется огню и небеснымъ свѣтиламъ, или каждый день совершаетъ троекратное омовеніе, въ чаяніи будущаго блаженства, тому не миновать перерожденія животнымъ. Съ другой стороны есть люди, ведущіе странной образъ жизни и надѣющіеся за то переродиться въ жилищѣ духовъ; они подражаютъ въ жизни животнымъ, собакамъ, коровамъ, и другимъ, или притворяются нѣмыми. Чѣмъ же оканчиваются ихъ труды? Тѣмъ, что подражавшіе животнымъ или нѣмымъ въ настоящей жизни, въ будущей дѣлаются дѣйствительными животными и нѣмыми. За преступленія — мученія; за добрыя дѣла — наслажденія; но на долго ли эти наслажденія? И что за радость влачиться по перерожденіямъ? Длинна ночь для того, кто не спитъ; длиненъ путь для утомленнаго путника, длиненъ рядъ перерожденій, ожидающихъ неразумнаго. Нѣтъ истинное успокоеніе и блаженство не въ перерожденіяхъ, а въ освобожденіи отъ нихъ. Вотъ къ чему должно привести истинное подвижничество, безъ суевѣрій и предубѣжденій. Бикшу! Ты носишь форму человѣка, форму благородную, въ которой только и возможно освобожденіе отъ перерожденій, и которая достается въ удѣлъ существу рѣдко, черезъ тысячи вѣковъ. Спѣши воспользоваться такимъ драгоценнымъ даромъ, прекращая подвижни-

чествомъ вліяніе прежнихъ дѣлъ и усиленно стремася къ нирванѣ».

При вѣрѣ въ перерожденія и въ законъ воздаяній всѣ событія частной жизни, судьба каждаго человека, его положеніе въ обществѣ, объяснялись какъ нельзя лучше; надобно было только одно условіе, именно: нуженъ былъ человекъ, который зналъ бы прежнія перерожденія свои и чужія. Этотъ человекъ нашелся въ особѣ Будды. Дѣйствительно, если вѣрить рассказамъ буддійскихъ писателей, не прохождю ни одного замѣчательнаго случая; не осталось ни одного обстоятельства, котораго онъ не объяснилъ, или не оправдалъ бы предшествующими своими перерожденіями. Воспоминанія его въ этомъ отношеніи были неистощимы. Но надобно быть справедливымъ. Большая часть этихъ рассказовъ, или вымысловъ, суть произведенія буддистовъ поздняго времени; досужее воображеніе ихъ обогатило буддійскую литературу новымъ родомъ сочиненій, весьма занимательныхъ, а потому имѣвшихъ большой ходъ у буддистовъ. Что касается до Будды, нельзя думать, чтобы онъ забавлялся выдумываніемъ басней, или чтобы самообольщеніе его доходило до убѣжденія въ дѣйствительности рассказываемыхъ событій. Всего вѣрнѣе то, что всѣ подобнаго рода рассказы, которые можно приписать Буддѣ, онъ не выдумывалъ, а бралъ изъ народ-

ныхъ преданій, и что извѣстныя событія давняго времени онъ сближалъ съ событіями, которыхъ онъ былъ очевидцемъ или участникомъ. Съ такимъ только ограниченіемъ можно допустить, что Будда разсказывалъ нѣкоторыя событія старины.

Эти разсказы Будды дышатъ убѣдительною наивною и рисуютъ передъ нами картины современныхъ ему нравовъ и обычаевъ Индѣйскихъ, потому что, перенося слушателя въ глубокую древность, Будда, кромѣ разсказываемаго случая, не выдумывалъ ничего новаго; вездѣ и всегда тѣже обычаи, тѣже привычки, какія были и при немъ. Вотъ отрывокъ изъ одного подобнаго разсказа.

«Много вѣковъ назадъ тому, какъ въ Бенаресѣ царствовалъ Государь, по имени Крчки *) При немъ государство наслаждалось довольствомъ и спокойствіемъ; земледѣліе и скотоводство процвѣтали; народонаселеніе умножалось; распри и войны утихли; о болезняхъ, грабежахъ и другихъ бѣдствіяхъ не было и слышно; властитель правилъ государствомъ съ мудростію и правосудіемъ. Въ это счастливое время, одинъ молодой Бенаресецъ, по имени Кумара, сынъ Брахмана, оставилъ родину и отправился въ южную

*) Имя Рачжи Кричи весьма часто упоминается въ буддѣйскихъ сочиненіяхъ. Буддисты относятъ ко времени этого Государя появленіе Будды Кашьяпы, самаго знаменитаго изъ предшественниковъ Будды Шанълиуни.

Индію, для дальнѣйшаго образованія, подъ руководствомъ одного знаменитаго Брахмана. Этотъ Брахманъ слылъ отличнымъ наставникомъ въ наукахъ и толкователемъ Ведъ. Слава объ его учености и талантахъ распространилась по всей Индіи; со всѣхъ концовъ ея къ нему стекались молодые люди, для слушанія его уроковъ. По прибытіи въ южную Индію, Бенаресець отправился прямо въ домъ Брахмана, на личное свиданіе. Засвидѣтельствовавъ почтеніе хозяину дома, гость сѣлъ передъ нимъ съ надлежащею скромностію. «Добро пожаловать, молодой человекъ, привѣтствовалъ его Брахманъ; откуда и за чѣмъ?» «Я родомъ изъ Срединнаго государства (Мадьядеши), отвѣчалъ Бенаресець; и пришелъ сюда съ желаніемъ пользоваться мудрыми наставленіями у ногъ великаго учителя». «Чѣмъ же ты хочешь заняться?» спросилъ снова Брахманъ. «Я желалъ бы подъ вашимъ руководствомъ изучить Веды». «Прекрасный выборъ, замѣтилъ Брахманъ; Веды болѣе всего заслуживаютъ изученія; такъ думаетъ и поступаетъ всякій истинный Брахманъ». Послѣ того, Бенаресець поступилъ въ число учениковъ Брахмана и началъ слушать его уроки.

Въ дни, свободные отъ занятій или рекреационные, Бенаресець, вмѣстѣ съ товарищами, или купался въ рѣкахъ и озерахъ, или гулялъ по городскимъ площа-

лямъ и рынкамъ, или собиралъ душистыя растенія и дрова для жертвоприношеній. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, Бенаресець спросилъ своихъ товарищей : «вѣрно, всѣ мы дѣти Брахмановъ; но я еще не знаю, откуда вы родомъ»? Одинъ ему отвѣчалъ, что онъ родомъ изъ восточной Индiи, другіе были изъ сѣверной, третьи изъ западной. «А я, сказалъ въ свою очередь Бенаресець, изъ Средняго государства». «Мы не знаемъ ровно ничего о твоей родинѣ; о другихъ странахъ знаемъ хотя по пословицѣ : мудрость съ востока, двоязычіе на западѣ, почтительность родилась на югѣ, злословіе обитаетъ на сѣверѣ. Скажи намъ, чѣмъ отличается Среднее государство»? Бенаресець отвѣчалъ имъ : «мое отечество — прекрасная страна; ровной ей нѣтъ нигдѣ. Она богата сахарнымъ тростникомъ, душистымъ рисомъ и различными плодами; домашняго скота въ изобиліи; науки и искусства процвѣтаютъ; народъ богатъ, счастливъ, отличается милосердіемъ, умомъ и добрыми дѣлами. По странѣ протекаетъ рѣка Гангъ; счастливъ кто омоется въ тихихъ струяхъ его; по берегамъ Ганга разсѣяно восемнадцать скитовъ, гдѣ въ тяжелыхъ подвигахъ живутъ Муни, готовые возлетѣть на небо»? Есть ли у васъ, снова спросили Бенаресца товарищи, люди ученые и краснорѣчивые, такіе, какъ нашъ учитель»? Что касается до этого, отвѣчалъ Бенаресець, въ

моемъ отечествѣ есть одинъ ученый, левъ краснорѣчія; передъ нимъ нашъ учитель долженъ стыдиться и краснѣть». Товарищи Бенаресца не могли удержаться отъ удивленія, слыша рассказъ его о Срединномъ государствѣ, и изъявили сильное желаніе побывать въ этой странѣ. Они возвратились домой, заняты этою мыслью, и, сложивъ въ особенное мѣсто принесенныя ими дрова, отправились толпой къ учителю. «Нашъ товарищъ изъ Бенареса, говорили они Брахману, такъ расхвалилъ намъ свое отечество, что намъ хотѣлось бы побывать тамъ». «Срединное государство, отвѣчалъ имъ Брахманъ, прекрасно, спорить нѣтъ; это говорятъ всѣ; но довольно послушать рассказовъ о немъ; къ чему еще ходить туда?» «Тамъ, продолжали ученики, есть знаменитый ученый, передъ которымъ, по увѣренію Бенаресца, ты, нашъ учитель, долженъ будто бы краснѣть». «Такъ въ Срединномъ государствѣ, воскликнулъ Брахманъ, есть люди умнѣ меня! а я до сихъ поръ думалъ, что въ цѣлой Индіи нѣтъ человека равнаго мнѣ». «Ну такъ мы одни пойдемъ; посмотримъ на Срединное государство; омоемся въ Гангѣ; попытаемъ своихъ силъ въ состязаніи съ знаменитымъ ученымъ, и съ богатствомъ и славою возвратимся назадъ». Брахманъ любилъ своихъ учениковъ и не хотѣлъ разстаться съ ними. «И я иду съ вами, сказалъ онъ имъ, возьмите съ со-

бою мои вещи, запонъ изъ оленьей кожи, вазу для омовеній и жертвенные сосуды.» И такъ всё вмѣстѣ отправились въ путешествіе.

«Всякій разъ, какъ Брахманъ приходилъ съ своею свитою въ какой нибудь городъ, тотчасъ сооружалъ помость для публичныхъ состязаній съ желающими. Охотниковъ до диспутовъ находилось много; но ни одинъ изъ нихъ не могъ устоять противъ искусства Брахмана; побѣжденные сходили съ помоста со стыдомъ, разбивая съ досады свои одноколки, или съ горести ударяя себя въ голову вазою съ пенломъ, и разбѣгались въ разныя стороны, какъ разлетаются вороны съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ воины учатся стрѣлять изъ лука. Случалось иногда, что торжествующаго Брахмана встрѣчали и провожали съ знаменами и другими знаками почестей, привѣтствуя кликами и похвалами. Такимъ образомъ Брахманъ дошелъ до самаго Бенареса. Входя въ этотъ городъ, онъ подумалъ про себя: «Если искать достойныхъ антагонистовъ и ученѣйшихъ мужей, то ни гдѣ лучше, какъ при дворѣ Государя». Съ этою мыслію, Брахманъ прямо отправился во дворецъ Государя Крики. Явившись передъ лице Государя, онъ произнесъ обычное привѣтствіе: «да будетъ Государь побѣдоносенъ, здоровъ и долголѣтенъ!» съ сими словами онъ сѣлъ передъ Крики съ должною почтительностью и черезъ нѣсколько минутъ

обратился къ нему съ слѣдующею просьбою : «Государь! живя на родинѣ, я довольно коротко познакомился съ науками; теперь я желаю бы въ твоёмъ присутствіи состязаться съ здѣшними учеными». Государь обратился къ придворнымъ и спросилъ ихъ : «Есть ли въ моихъ владѣніяхъ какойнибудь ученый, который рѣшился бы на споръ съ этимъ Брахманомъ»? «Есть, отвѣчалъ одинъ изъ придворныхъ; въ одномъ селеніи живетъ Брахманъ, по имени Капилашама; онъ изучилъ Веды и другія книги и извѣстенъ своимъ умомъ и искусствомъ диспута». Государь приказалъ привести Капилашаму во дворецъ; черезъ нѣсколько времени этотъ Брахманъ явился къ Государю и изъявилъ согласіе вступить въ состязаніе съ Брахманомъ изъ южной Индіи. По этому случаю, Государь приказалъ устроить эстраду и раздѣлить ее на двѣ половины для помѣщенія двухъ противниковъ и ихъ партизановъ. Въ назначенный день Государь самъ прибылъ къ мѣсту диспута, гдѣ всѣ уже были на своихъ мѣстахъ. Одинъ изъ придворныхъ спросилъ Государя : кому изъ двухъ противниковъ онъ предоставитъ право первому предложить свою задачу? «Брахманъ съ юга, сказалъ на это Государь, нашъ гость; пусть онъ первый начнетъ рѣчь». Пользуясь этимъ предпочтеніемъ, Брахманъ началъ излагать задачу и произнесъ въ защиту ея пять сотъ стиховъ; онъ говорилъ красно-

рѣчиво, умно и притомъ такъ скоро и быстро, что слушавшіе, даже съ напряженнымъ вниманіемъ, едва могли запомнить изъ его рѣчи только нѣсколько стиховъ. Однакоже Капилашама не опустилъ безъ вниманія ни одного слова изъ стиховъ своего противника, обсудилъ заключающіяся въ нихъ мысли и, составилъ себѣ подробный отчетъ о тезисъ своего противника, принялся опровергать его положенія, нашелъ въ нихъ противорѣчія, неопредѣленность и слабость, и такъ ясно и убѣдительно доказалъ справедливость своей критики, что Брахманъ не могъ ничего сказать въ отвѣтъ на нее и остался побѣжденнымъ; потому что, по законамъ диспута, побѣда остается на сторонѣ того, кто, силою своихъ доводовъ, заставитъ молчать своего противника, который молчаніемъ своимъ сознается въ своемъ безсиліи. Государь поздравилъ Капилашаму съ побѣдою, осыпалъ его похвалами и, спросивъ о родовомъ его селеніи, сказалъ ему: «за твои таланты и діалектическое искусство даю тебѣ во владѣніе это селеніе». Капилашама, принесъ Государю благодарность за такую его милость, съ торжествомъ возвратился домой.

«Капилашама, владѣтель цѣлаго селенія, сдѣлался богатымъ человекомъ и въ скоромъ времени женился. Черезъ годъ жена его родила младенца мужскаго пола съ золотистыми волосами. По истеченіи трехнедѣль-

наго срока послѣ рожденія сына, Капилашама, по обыкновенію, собралъ своихъ сродниковъ къ себѣ въ домъ, для нареченія имени новорожденному. Послѣ совѣщанія объ этомъ предметѣ, рѣшили общинъ голосомъ назвать младенца Капилой, по имени отца и по золотистому цвѣту волосъ дитяти (Капила-золотистый, желтый). По окончаніи этой церемоніи, младенецъ переданъ былъ кормилицамъ и нянькамъ; его питали сливками, по временамъ кормили масломъ и другою питательною пищею. Капила, взлелѣванный заботливостью родителей, росъ какъ венюфаръ, поднимающійся изъ воды. Какъ скоро онъ вступилъ въ юношескій возрастъ, его учили правописанію, ариметикѣ и другимъ наукамъ, полезнымъ въ жизни; потомъ толковали ему обязанности Брахмана, правила, какъ брать пепелъ и землю и держать сосудъ съ водою, равно и приемы, необходимыя при омовеніяхъ. Его научили произносить: Омъ! (тайнственное воззваніе, произносимое въ началѣ заклинаній и гимновъ) и Бумъ! (воззваніе, произносимое во время призванія духовъ), и истолковали ему Веды. Съ сихъ поръ Капила самъ понималъ всѣ подробности жертвоприношеній и другихъ могъ научить тому же; самъ читалъ преданія и другимъ былъ въ состояніи истолковать ихъ; наконецъ имѣлъ право принимать приношенія и могъ самъ дѣлать подаянія другимъ; это шесть необходимыхъ

условіи для того, чтобы быть полнымъ Брахманомъ. Капила одаренъ былъ необыкновенною пронизательностью; умъ его, какъ свѣтлая лампада, озарялъ самые темные предметы. Разъ, слушая толкованіе своего отца вмѣстѣ съ другими учениками, Капила спросилъ его: «что значить звукъ, или буква, Чжа въ Ригведѣ?» «Эта буква, отвѣчалъ ему отецъ, имѣетъ глубокий смыслъ, въ который трудно проникнуть; такъ завѣщали намъ предшественники». «Неужели, воскликнулъ Капила, древніе мудрецы завѣщали намъ буквы безъ смысла? Что касается до меня, я начинаю проникать смыслъ той буквы». Удивляясь разуму своего сына, Капилашама передалъ ему званіе учителя, а самъ остался на свободѣ и вскорѣ скончался».

«Доброе дѣло не остается безъ награды. Тѣ, которые совершаютъ его вмѣстѣ, вмѣстѣ и получаютъ за него должное воздаяніе. Вотъ примѣръ. У Прасэначиты, Шравастійскаго Государя, были двѣ любимыя жены; обѣ онѣ отличались необыкновенною красотою и представляли примѣръ рѣдкой дружбы и согласія. Въ Шравастии только и было толковъ, что о двухъ красавицахъ, заключенныхъ во дворцѣ Государя. Будда объяснилъ, что счастливый удѣлъ, доставшійся этимъ двумъ женщинамъ, ихъ красота и дружба суть слѣдствіе одного добраго дѣла, совершеннаго ими въ давнія времена. Тогда онѣ были женами одного Брахма-

на и отличались милосердіемъ; разъ онѣ накормили одного добродѣтельнаго пустынника и тѣмъ упрочили для себя счастливую будущность; но такъ какъ одна изъ нихъ, приготовивъ для пустынника кушанье, самое лучшее и вкусное положила на верхъ, а другая сверху блюда положила дурную пищу, скрывъ хорошую внутри; оттого, сдѣлавшись женами Прасэвачжиты, онѣ различались одна отъ другой въ родѣ красоты; старшая изъ нихъ имѣла величественную наружность и необыкновенно правильныя черты лица; а младшая, не имѣя этихъ наружныхъ совершенствъ, съ избыткомъ замѣняла ихъ прелестью движеній и нѣжнымъ сложеніемъ.

То, что въ рѣчахъ Будды чаще всего поражаетъ насъ, есть печальный тонъ ихъ и безнадежный взглядъ на міръ. Мысль, что родъ человѣческій обреченъ страданіямъ, принадлежала не одному Буддѣ; можно сказать, что она была общимъ убѣжденіемъ Индійцевъ; Будда развилъ только идею страданій и приложилъ ее ко всему, что имѣетъ какую бы то ни было форму существованія; оттого слова его иногда проникнуты суровымъ аскетизмомъ, если предметъ его рѣчи всеобщія страданія, сопутствующія перерожденіямъ; иногда дышать чувствомъ скорби и разочарованія, если онъ обращаетъ вниманіе на обыкновенныя явленія физическаго міра. Афоризмы Будды въ

послѣднемъ родѣ разсѣяны въ разныхъ рѣчахъ его; предметъ ихъ большею частію — скоротечность и смерть. «Сложное, говорилъ Будда, должно рано или поздно разсѣяться, — рожденное — умереть. Явленія исчезаютъ одно за другимъ; прошедшее, настоящее и будущее постепенно уничтожаются; все скоротечно, надъ всѣмъ законъ разрушенія. Быстрыя рѣки текутъ и не возвращаются назадъ; солнце безостановочно совершаетъ свое теченіе; человѣкъ переходитъ изъ предшествовавшей жизни въ настоящую, и никакія силы не могутъ возвратить его въ прошедшую жизнь. Утромъ мы видѣли какой нибудь предметъ, къ вечеру уже не находимъ его; вчера любовались прелестнымъ цвѣткомъ, сего дня его не стало. Къ чему гоняться за гнущимися благами? Иной употребляетъ всѣ усилія для того, чтобы достигнуть постоянного счастія въ настоящей жизни; но напрасны труды ихъ; они бьютъ палкой по водѣ, думая, что вода, разступившись, останется въ такомъ положеніи на всегда. Рожденное должно умереть; ни воздухъ, ни моря, ни горы, ни пещеры, ни какое мѣсто во вселенной, не скроютъ насъ отъ смерти; богатый и бѣдный, благородный и низкій, равно покоряются смерти; умираютъ и старые, и молодые, и люди среднихъ лѣтъ, и младенцы, и даже зародыши въ утробѣ матери; умираютъ безъ разбора и сро-

ка. Богатства, почести, дѣти не помогутъ: все это земное достояніе должно разсѣяться и исчезнуть. Мы идемъ къ смерти прямою и вѣрною дорогою. Тѣло человѣческое, произведеніе четырехъ стихій, есть скудельный сосудъ, распадающійся на части при первомъ сильномъ ударѣ. Въ теченіе всей жизни оно служитъ источникомъ страстей, волненій и мученій. Наступаетъ старость и съ нею вмѣстѣ являются болѣзни; старикъ мечется въ предсмертныхъ мукахъ, какъ живая рыба на горячей золѣ, пока наконецъ смерть не кончитъ его страданій. Жизнь тоже, что созрѣвшій плодъ, готовый упасть при первомъ порывѣ вѣтра, каждое мгновеніе мы должны опасаться, при первомъ роковомъ случаѣ теченіе ея прекращается: такъ исчезаютъ гармоническіе звуки арфы, когда струны ея лопаются подъ рукою музыканта. Горящей лампы не ставятъ въ закрытое мѣсто; не затемняй же свѣта ума страстями; истинный мудрецъ тотъ, кто постоянно размышляетъ объ освобожденіи изъ міра страданій, укрощаетъ свои страсти и стремится къ нирванѣ. Вотъ къ чему должны быть направлены всѣ наши усилія! Нирвана есть возделенная цѣль для всѣхъ. Послѣ непрерывнаго круговращенія въ безчисленныхъ формахъ существованія, послѣ безчисленныхъ перемѣнъ состояній, послѣ всѣхъ трудовъ, безпокойствъ, волненій и страданій, неразлучныхъ съ пе-

перожденіями, мы наконецъ свергаемъ съ себя узы страстей, освобождаемся отъ всякой формы существованія, времени и пространства, и погружаемся въ покой и безмолвіе; здѣсь убѣжище отъ печалей и болѣзней; ни чѣмъ не смущаемое благополучіе, нирвана — безсмертіе; изъ нея нѣтъ уже возврата».

Вотъ еще отрывокъ о будущемъ судѣ, взятый нами изъ одного сборника словъ Будды. Онъ отличается живостію картины, и хотя основаніе его имѣетъ много общаго съ народными Индѣйскими вѣрованіями, проникнуть духомъ ученія Будды. Этимъ отрывкомъ мы кончимъ отступленіе отъ фактическаго жизнеописанія Будды.

«Отъ Чжамбутвица (Индіи) далеко на югъ возвышаются два хребта горъ, огибающихъ вселенную со всѣхъ сторонъ. Между этими горами царствуетъ вѣчная и непроницаемая тьма; лучи небесныхъ свѣтилъ никогда не досягаютъ туда и самый могущественный духъ не въ силахъ озарить мрачной пропасти, въ глубинѣ ея ады и тамъ же судилище Ямы, властителя ада. Люди, грѣшившіе въ настоящей жизни, по смерти переселяются въ Царство Ямы и адскіе стражи прежде всего представляютъ ихъ Ямѣ. «Вотъ, говорятъ они Царю, указывая на грѣшниковъ, смертные изъ людей, грѣшники, которые ожидаютъ твоего приговора». Видя передъ собою

грѣшниковъ, сострадательный Царь спрашиваетъ ихъ: «Друзья мои! Живя среди людей, развѣ не видали вы духа старости, развѣ не слышали его спасительныхъ наставленій и напоминаній»? «Нѣтъ, Махадева; мы не видали такого духа и не слышали рѣчей его». «Какъ! возражаетъ имъ Яма, такъ вы не видали человека въ старости, когда зубы у него выпадаютъ, волосы сѣдѣютъ, кожа морщинится и принимаетъ горчичный цвѣтъ, черные рубцы расходятся по всему тѣлу, спина сгорбливается, походка дѣлается неровною, ноги съ трудомъ поддерживаютъ тѣло, голова трясется, шея дѣлается тонкою, кожа на тѣлѣ опадаетъ и обвисаетъ, какъ на шеѣ у коровы, губы, ротъ, горло и языкъ высыхаютъ и грубѣютъ, станъ искривляется, дыханіе слабѣетъ и превращается въ болѣзненные вздохи, голосъ хрипнетъ и походить на визжаніе пшлы; дряхлый старикъ выступаетъ, опираясь на посохъ; преклонныя лѣта изсушили его кровь и соки; скоро силы оставляютъ его совершенно; онъ не въ состояніи уже не только дѣйствовать, но даже и подниматься съ мѣста; на немъ уже нѣтъ вида человѣческаго; тѣло и душа его въ постоянномъ сотрясеніи и бореніи. Вы не видали всего этого»? Трепещущіе отъ страха грѣшники отвѣтствуютъ замирающимъ голосомъ: «видѣли, Махадева!» «Если видѣли, то почему не подумали о томъ, что и вы состарѣетесь, что и васъ не минуетъ общій

удѣлъ рода человѣческаго; почему при видѣ старости вы не приняли благого намѣренія посвятить жизнь свою добрымъ дѣламъ для того, чтобы въ будущей жизни не испытывать болѣе бѣдствій старости?» «Увы! мы и не подумали о томъ, потому что вовсе не заботились о своемъ избавленіи». Потомъ Яма снова спрашиваетъ грѣшниковъ: «Видѣли ли вы, живя на землѣ, духа болѣзни?» «Нѣтъ, Махадева, мы не видали такого духа». «Какъ! восклицаетъ Яма; вы не видали человека въ болѣзни? гармоническое сочетаніе стихій, образующихъ тѣло человека, разстроивается, порядокъ въ организмѣ его нарушается; мученія, испытываемыя больнымъ отъ этого разстройство, приковываютъ его къ постели и не даютъ ему сомкнуть глазъ; онъ не въ силахъ ни пройтись, ни посидѣть, ни приветать съ своего одра; онъ живетъ заботливостью родныхъ, которые носятъ и кормятъ его изъ своихъ рукъ. Вы не видали такого зрѣлища?» «Видѣли, Махадева!» «Почему же вамъ не пришло на мысль, что подобная участь ожидаетъ и васъ, что и вы должны испытать тяжесть болѣзней? Почему вы не постижили запастись добрыми дѣлами, чтобы послѣ не терпѣть мученій болѣзней?» «Нѣтъ, Махадева; проводя жизнь въ лѣности и нераденіи, мы и не подумали о томъ». «Неразумные люди! видѣли ли вы духа смерти?» «Не видали, Махадева!» «Какъ! Развѣ

вы никогда не видали умершаго челоуѣка? Жизнь оставляетъ его тѣло; бездушный трупъ кладутъ на погребальный одръ; облакаютъ его въ разноцвѣтныя платья; окружаютъ его завѣсами, покроями и зонтами, и въ этомъ видѣ выносятъ изъ жилища; гробъ окружаютъ сродники покойника; они скидаютъ съ себя ожерелья и другія украшенія, растрепываютъ свои волосы, посыпаютъ голову пепломъ и громкими воплями выражаютъ свою горестъ. Видѣли ли вы подобныя зрѣлища?» «Видѣли, Махарачжа!» «Какъ же вы не постигли, что законъ смерти лежитъ и надъ вами, что и вамъ придется умереть? Какъ тотчасъ же не рѣшились вести добродѣтельную жизнь, чтобы въ будущей жизни избѣжать этой тягостной участи?» «Увы! мы не позаботились о томъ». Тогда Яма возглашаетъ грѣшникамъ: «И такъ вы по своей доброй волѣ нерадѣли о своемъ будущемъ, сами не захотѣли заpastись добрыми дѣлами; насладитесь теперь плодами своей безпечности; терпите мученіе не за грѣхи вашихъ предковъ, родителей, сродниковъ, но за свои собственные: сами вы совершали дѣла, сами примите и должное за нихъ воздаяніе!» Съ этими словами Яма даетъ знакъ адскимъ стражамъ и вѣрныя исполнители его воли берутъ грѣшниковъ за руки и ноги и бросаютъ ихъ въ клочущее адское пламя, отъ одного вида котораго волосы становятся дыбомъ и сердце разрывается отъ ужаса».

Намъ остается упомянуть о нѣсколькихъ событіяхъ, въ которыхъ Будда принималъ болѣе или менѣе живое участіе. Изъ этихъ событій надобно прежде всего рассказать о кончинѣ Соддоданы. Должно полагать, что Будда лишился своего отца весьма рано, въ первые годы своей проповѣднической жизни. Престарѣлый Соддодана, чувствуя приближеніе смерти, послалъ извѣстіе къ своему сыну и просилъ его на послѣднее свиданіе. Будда поспѣшилъ на призывъ умирающаго старца и отправился въ Капилавасту изъ Рачжагрихи, гдѣ въ то время онъ находился. Буддисты подробно описываютъ это свиданіе отца съ сыномъ. «Молва о приближающейся смерти Соддоданы быстро разнеслась по Капилавасту; жители его толпились по улицамъ, толкуя о предстоящемъ событіи и изъявляя опасенія на счетъ будущности племени Шакья по смерти Государя; въ это время въ городъ вошелъ Будда. Видя послѣдняго потомка Икшвакулы въ прямой линіи, послѣднюю надежду дома Готамы, отшельникомъ, многіе изъ зрителей не могли удержаться отъ слезъ и печальныхъ восклицаній. Будда между тѣмъ пробрался сквозь шумную толпу народа во дворецъ и въ нищенскомъ плащѣ своемъ вошелъ во внутренніе его покои. Въ загѣ, гдѣ лежалъ больной Государь, Будда нашелъ всѣхъ родственниковъ своихъ, толпу придворныхъ и дворцовыхъ женщинъ; всѣ

стояли печальные и молчаливые. Сододана лежалъ на низкой кровати и обводилъ кругомъ блуждающіе взоры. При видѣ старца, истощеннаго болѣзнію, со впалыми щеками и желтымъ цвѣтомъ лица, въ предсмертныхъ судорогахъ, Будда невольно воскликнулъ: «неужели это родитель мой, который нѣкогда славился мужественнымъ и величественнымъ видомъ? Куда дѣвалась крѣпость и краса его?» Замѣтивъ Будду, Государь привѣтствовалъ его слабымъ голосомъ и пресиль прикоснуться къ нему рукою. Утѣшись, Государь, говорилъ ему Будда; о чемъ скорбѣть тебѣ? ты оставляешь по себѣ славу доблестнаго мужа. Съ этими словами онъ освободилъ изъ подъ плаща загорѣлую руку и приложилъ ее къ пылающей головѣ своего отца. Въ такомъ положеніи Будда принялъ послѣдній вздохъ умирающаго, напутствуя его печальными истинами своего ученія. Какъ скоро скончался Сододана, зала огласилась воплями присутствующихъ; они бросались на помость, распускали свои волосы, срывали съ себя ожерелья, раздирали на себѣ платье и били себя въ грудь; началось оплакиваніе покойника, воспоминаніе его доблестей и мудраго царствованія и горькое сожалѣніе о томъ, что съ Сододаной государство потеряло всю свою силу, а удѣлы свою опору и защиту. За тѣмъ прахъ Государя омыли душистыми настоями и обернувъ въ капанъ (тонкую шер-

стяную ткань,) положили въ гробъ. Въ день, назначенный для погребенія, гробъ поставили на катафалкъ и со всѣхъ сторонъ обвѣсили его сѣтками, сплетенными вмѣстѣ съ дорожными камнями; передъ гробомъ жгли благовонія и разсыпали въ разныя стороны душистые цвѣты. Когда все было готово, катафалкъ подняли съ мѣста и вынесли изъ дворца; Будда шелъ передъ гробомъ и несъ въ рукахъ жаровню съ благовоніями. По прибытіи на мѣсто погребенія, сооруженъ былъ костеръ изъ дровъ блага Малайскаго сандала и на немъ поставленъ гробъ съ бранными останками Соддоданы. Будда зажегъ костеръ, и когда пламя востребило и превратило въ пепель прахъ покойнаго, ближайшіе родственники Будды потушили костеръ молокомъ, собрали кости Соддоданы и тщательно уложили ихъ въ золотой ящикъ; потомъ, положивъ ящикъ на землю, соорудили надъ нимъ глухую башню и обвѣсили ее шелковыми знаменами, помровами и колокольчиками. Когда все было кончено и всѣ присутствующіе сдѣлали поклоненіе башнѣ, Будда произнесъ: ничего нѣтъ вѣчнаго на землѣ, ничего нѣтъ твердаго, жизнь проходитъ какъ призракъ, какъ обманчивое видѣніе.»

Со времени смерти Соддоданы до послѣдняго десятилѣтія жизни Будды протекло много времени, но, какъ мы уже замѣтили, этотъ промежутокъ времени

въ буддійскихъ преданіяхъ остается безъ всякихъ событій. Поэтому мы перейдемъ теперь къ послѣднимъ годамъ жизни Будды, не съ тѣмъ, однакоже, чтобы рассказать факты, исключительно касающіеся его лица, о такихъ фактахъ не сохранилось преданій, но съ тѣмъ, чтобы упомянуть о нѣсколькихъ побочных событіяхъ, среди которыхъ Будда кончилъ свою жизнь. Буддійскіе писатели, въ разсказѣ о провсшествіяхъ того времени, упоминають, что Будда понесъ горькія утраты съ кончиною трехъ покровительствовавшихъ ему Государей. Первый изъ нихъ былъ Прадидѣта, сынъ Махачакры и Владѣтель Учжжаяни. Изъ разсказовъ буддистовъ видно, что онъ то самое лице, которое встрѣчается въ Индѣйскихъ драматическихъ сочиненіяхъ и извѣстно романическими похождениями.

Другой былъ самый сильный покровитель и Давапати Будды, Бимбасара, Государь Магады; послѣ котораго вступилъ на Рачжагрихскій престолъ сынъ его Ачжатаасатру, лѣтъ за семь или за восемь до смерти Будды. Воцареніе новаго Государя грозило Буддѣ явною опасностью. Ачжатаасатру былъ вооруженъ противъ него Девадаттой и до вступленія своего на престолъ помогалъ послѣднему къ униженію его брата. Девадатта внутренне торжествовалъ при обстоятельствахъ, столь благопріятствовавшихъ честолюбивымъ намѣреніямъ его. Однакоже новое положеніе какъ

будто взглядило въ Ачжатадату прежнія его предубѣжденія. Сначала онъ не обращалъ вниманія на интересы, волновавшіе общество отшельниковъ; но вскорѣ, противъ всякаго чаянія, онъ началъ оказывать явное благоволеніе къ Буддѣ и хотѣлъ замѣнить для него своего отца. Девадатта скоростижно скончался. Съ сихъ поръ протекло нѣсколько лѣтъ безъ особенно важныхъ событій, кромѣ того, что въ продолженіе ихъ Будда лишился лучшихъ своихъ приверженцевъ Шарипутры и Монгалъямы, которые скончались въ преклонныхъ лѣтахъ, и нѣсколькихъ другихъ старыхъ Бикшу. Однакоже судьба не оставила его въ покоѣ и не позволила кончить дни свои въ мирѣ; она готовила ему новый ударъ въ смерти послѣдняго его благодѣтеля и сверстника, Прасэначжиты, Шравастійскаго Государя.

Прасэначжита знаменитъ у буддистовъ, какъ самый ревностный почитатель Будды. Онъ какъ будто хотѣлъ соперничать съ Бимбасарой и даже превзойти его въ щедрости и вниманіи къ Шраману Готамѣ. Это обстоятельство содѣйствовало дружественнымъ отношеніямъ между Прасэначжитой и домомъ Готамы. Но настоящая причина дружбы Шравастійскаго Государя къ Шакьяпутрамъ, я можетъ быть вниманія къ Буддѣ, заключалась въ томъ, что при дворѣ его была Моли, взятая имъ въ жены изъ племени Шакья. Хотя Шакья оскорблялись этимъ бракомъ, честолюбивая

Моли съ радостію вступила во дворець Прасэначжита, овладѣла расположеніемъ своей свекрови, которая сначала не хотѣла и видѣть ее, и, родивъ черезъ годъ бездѣтному мужу наслѣдника Виручкаку, привязала его къ себѣ узами любви и уваженія. Съ снхъ поръ начались взаимныя посѣщенія между семействами Прасэначжита и Готамы и пріязнь обоихъ дворовъ укрѣпилась. Удаи, бывшій при Соддоданѣ временнымъ его посланникомъ при Шравастійскомъ дворѣ, умѣлъ внушить Прасэначжитѣ такую довѣренность къ себѣ, что обыкновеніе посылать въ Капилавасту особаго сановника изъ Шравасты было отиѣнено, и Удаи сдѣлался единственнымъ посредникомъ между двумя дворами. Такое доброе согласіе предвѣщало племеню Шакья счастливую будущность; но подъ сѣнію этого мира росъ Виручкака, предметъ глубокой ненависти Шакьяпутровъ. Говорили, что Моли, мать Виручкаки, вовсе не изъ дома Готамы, а бѣдная цвѣточница, бывшая въ услуженіи у одного вельможи, родственника Будды по матери, и что Виручкака сынъ рабыни. Нѣсколько разъ молодые Шакьяпутры хотѣли подстеречь Виручкаку на охотѣ и убить его и, если бы не благоразуміе старшихъ Шакья, Прасэначжита навѣрно лишился бы своего единственнаго сына. Подобныя обиды, презрѣніе и насмѣшки вооружили Виручкаку противъ Шакья и заронили въ душу его неистре-

бимое чувство мести; онъ поклялся жестоко отплатить племени Шакья за его горделивое и презрительное обхожденіе съ наследникомъ Шравастійскаго престола. По этому, едва онъ взошелъ на престолъ, какъ тотчасъ началъ военныя приготовленія къ походу противъ ненавистнаго ему Капилавасту.

Если бы Ачжатасатру успѣвшииъ исполнить не долго предъ тѣмъ принятое имъ намѣреніе объявить войну Виручжакъ, онъ отклонилъ бы или по крайней мѣрѣ замедлилъ бы нападеніе Виручжаки на Шакья. Но у него были свои заботы: онъ вздумалъ покорить своей власти Вайшали. Этотъ городъ былъ одинъ изъ богатѣйшихъ въ Индіи и славился своими тканями и приготовленіемъ богатаго и изящнаго платья. Вайшалійцы были независимы отъ Государя Магады и образовали торговую республику. Ачжатасатру, прельстясь этимъ завиднымъ владѣніемъ, собралъ свои войска, переплылъ съ нимъ на судахъ на лѣвый или сѣверный берегъ Ганга и чрезъ нѣсколько дней былъ уже въ виду Вайшали. Вайшалійцы знали о военныхъ приготовленіяхъ Ачжатасатру и приготовились къ упорной защитѣ. Они мужественно вышли на встрѣчу Рачжагрихскимъ войскамъ и напали на нихъ; натискъ ихъ былъ такъ силенъ и рѣшителенъ, что непріатели смѣшались и въ безпорядкѣ начали отступать; Вайшалійцы преслѣдовали ихъ до самаго Ганга, такъ

что Ачжатаасатру едва успѣлъ перейти съ своими на правый его берегъ. Послѣ этого успѣха Вайшалійцы съ торжествомъ возвратились въ свой городъ, въ полной увѣренности, что Ачжатаасатру не осмѣлится болѣе нападать на нихъ; однакоже они ошиблись въ своемъ расчетѣ. Ачжатаасатру остановился на берегу Ганга и, когда Вайшалійцы двинулись назадъ, приказалъ начать снова переправу на другой берегъ, объявивъ своей арміи, что если имъ не идти къ Вайшала, то Вайшалійцы придутъ къ Рачжагрихъ. Переправившись черезъ рѣку, Ачжатаасатру шелъ почти по слѣдамъ Вайшалійцевъ и явился подъ стѣнами ихъ города въ то время, когда они менѣе всего ожидали его. Пользуясь ихъ оплошностью, онъ окружилъ городъ войсками и рѣшился вести правильную осаду. Приведя все въ надлежащій порядокъ, самъ онъ возвратился въ Рачжагриху.

Виручжака, горя мщеніемъ, двинулся съ своими войсками къ Капилавасту. Выступивъ въ походъ, онъ, если вѣрить рассказамъ буддистовъ, далъ торжественную клятву истребить родъ Шакья съ лица земли и до тѣхъ поръ не прекращать убійства, пока онъ не увидить предъ собою потоковъ крови ненавистнаго ему племени. Дня черезъ два онъ явился въ виду Капилавасту. Шакья спѣшили приготовиться къ встрѣчѣ своего смертельнаго врага; въ Капилавасту собрались

князя и владѣльцы земель съ толпою вооруженныхъ поселянъ. Выступивъ изъ города, Шакья первые начали битву съ Шравастійцами, но послѣ первыхъ стычекъ принуждены были уступить превосходству непріятельскихъ силъ и воротиться въ городъ. Здѣсь они укрѣпились и рѣшились упорно выдержать осаду. Виручкака обложилъ Капилавасту войсками и требовалъ немедленной сдачи города, грозя въ случаѣ отказа предать городъ разрушенію, а жителей его смерти. Въ это самое время подоспѣлъ на помощь своимъ единоплеменникамъ одинъ богатый арендаторъ, по имени Шамба, котораго буддійскіе писатели называютъ надзирателемъ земледѣльческихъ работъ; онъ тогда только успѣлъ собрать значительное вспоможеніе и велъ его въ Капилавасту, въ несомнѣнной надеждѣ обрадовать осажденныхъ. Со стѣнъ Капилавасту Шакья видѣли, какъ храбрый соотечественникъ ихъ смѣло пробивался сквозь ряды осаждавшихъ и счастливо достигъ городскихъ воротъ; но ворота были заперты и не отворялись; напрасно Шамба требовалъ и умолялъ впустить его; Шакья были глухи и нѣмы. Видя, что все потеряно, Шамба въ отчаяніи снова бросился съ своею дружиною на непріятелей, снова пробился сквозь ряды ихъ, удалился въ чужія страны и основалъ тамъ колонію Шакьяпутровъ, названную послѣ по его имени.

Шакья, отвергнувшіе помощь Шамбы неизвестно по какимъ причинамъ, не хотѣли слышать о предложеніяхъ Виручжаки. Въ это время у нихъ было олигархическое правленіе. Со смертію Соддоданы прямая линія Готамы прекратилась; братья Соддоданы скончались, подобно ему не оставивъ послѣ себя прямыхъ наслѣдниковъ; ихъ дѣти изъ князей сдѣлались Шраманами; остался одинъ только Маханама, сынъ Дроноданы, дядя Будды по отцу; но вѣроятно боковая линія Готамы не имѣла неоспоримаго права на наслѣдство престола, ни въ тѣхъ случаяхъ, когда не доставало наслѣдниковъ, право избранія предоставлялось совѣту старѣйшинъ; потому что Маханама не былъ Государемъ Кашиявасту, а только однимъ изъ старѣйшинъ, въ совѣтѣ которыхъ онъ занималъ первое мѣсто. Черезъ нѣсколько времени, рассказываютъ Буддисты, послѣ перваго предложенія Виручжаки, сдѣлано было имъ совѣту старѣйшинъ другое: онъ предлагалъ капитуляцію, условія которой онъ обѣщалъ опредѣлить вмѣстѣ съ ними уже въ городѣ. Разсуждая объ этомъ предложеніи, прибавляютъ Буддисты, совѣтъ раздѣлился на двѣ стороны; одни не хотѣли вѣрить коварнымъ внушеніямъ Виручжаки и предлагали защищаться до послѣдней крайности; другіе, самые старѣйшіе, принимая во вниманіе случайности войны и плохую надежду на

дальнѣйшее сопротивленіе, рѣшились уступить требованіямъ Виручкаки; мнѣніе послѣднихъ превозмогло и непріятелю отворены городскія ворота. Трудно однакоже повѣрить этому разсказу, если въ немъ не умолчали о какой нибудь тайной измѣнѣ. Возможно ли, что бы Шакья были такъ недалководны, что позволили непріятелю войти въ городъ съ своими войсками для опредѣленія условій капитуляціи? Всего вѣроятнѣе, что Виручкака взялъ Каплавасту приступомъ. Онъ вступилъ въ него съ многочисленнымъ отрядомъ оруженосцевъ и военныхъ слоновъ и, занявъ дворецъ и другія важныя мѣста, отдалъ приказъ начать убійство, безъ различія пола и возраста и безъ всякой пощады. По разсказамъ Буддистовъ, около ста тысячъ человѣкъ погибло въ этомъ пораженіи. Маханама еще при самомъ его началѣ съ горести утопился въ дворцовомъ озерѣ. Предавъ мучительной смерти знатнѣйшихъ Шакья обоюго пола, Виручкака оставилъ разрушенный городъ и воротился въ Шравасту съ богатою добычею, чувствомъ удовлетворенной мести и съ новымъ приобрѣтеніемъ для своихъ владѣній. Племя Шакья навсегда потеряло свое политическое существованіе; тѣ изъ Шакья, которые уцѣлили отъ пораженія и не хотѣли быть рабами Шравастійскихъ Государей, бѣжали въ Непаль и другія сосѣдственныя владѣнія. Отчизна племени была порабощена,

богатства его расхищены и память о немъ хранилась нѣсколько времени только въ драгоценныхъ ожерельяхъ, сандаляхъ, золотыхъ занястьяхъ, кольцахъ и другихъ украшеніяхъ, которыя, послѣ катастрофы Капилавасту, разошлись по Индіи и появились даже на отшельникахъ.

Гдѣ былъ и что дѣлалъ во все это время Будда? Среди политическихъ переворотовъ и бѣдствій, имѣвшихъ къ нему очевидное отношеніе, самъ онъ какъ будто исчезаетъ; но являясь изрѣдко то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ въ самыя критическія минуты, онъ обнаруживалъ участіе въ послѣднихъ событіяхъ, участіе живое, но бесплодное. Судьба, хранившая его въ прежнихъ опасностяхъ и чувствительныхъ потеряхъ, въ послѣднемъ несчастіи не пощадила для него самыхъ жестокихъ ударовъ, которыхъ онъ, кажется, не могъ уже вынести. Еще при первыхъ слухахъ о враждебныхъ намѣреніяхъ Виручжаки противъ Капилавасту, Шакия вспомнили о Буддѣ и послали къ нему извѣстіе, прося его посѣтить свою отчизну, угрожаемую нашествіемъ непріятелей. Они надѣялись, что отшельникъ, уважаемый народомъ, имѣвшій друзьями Государей, которые приходили къ нему бесѣдовать какъ къ другу, и пользовавшійся въ Шравастіи особеннымъ вниманіемъ, защититъ ихъ своимъ мнѣніемъ въ случаѣ крайней опасности. Кажется, что и

самъ Будда раздѣлялъ довѣріе родичей къ своему сильному вліянію. Онъ поспѣшилъ въ Косалу и хотѣлъ, если вѣрить его біографамъ, отклонить Виручжаку отъ принятаго имъ намѣренія. Съ этою цѣлю, рассказываютъ они, Будда вышелъ на дорогу, по которой Виручжака долженъ былъ итти къ Капилавасту, и сѣлъ подъ сухимъ деревомъ на сторонѣ дороги. Черезъ нѣсколько времени показалось Шравастійское войско; Виручжака вѣхалъ верхомъ на конѣ, въ сопровожденіи многочисленной свиты. Поровнявшись съ Буддой, онъ узналъ его и приостановился. «Что заставило тебя, Шрамана — Готама, спросить онъ Будду, выбрать для отдыха сухое дерево, которое не защититъ тебя отъ солнечнаго жара? около тебя много тѣнистыхъ деревьевъ; ты могъ бы выбрать любое». Будда отвѣчалъ Виручжакъ пословицею, въ которой ясно была видна просьба его къ Государю. «Зачѣмъ тому искать тѣнистаго дерева, сказалъ онъ Виручжакъ, у кого есть кровь родныхъ»? Но если эта попытка Будды не выдумка его біографовъ, во всякомъ случаѣ она не имѣла ожидаемаго успѣха и не принесла никакой пользы родичамъ Будды.

Въ то время какъ Виручжака, овладѣвъ Капилавасту, предалъ его опустошенію, Будда находился не далеко отъ отечественнаго своего города съ однимъ Анандой, любимымъ ученикомъ своимъ. Къ нимъ

доходилъ шумъ разрушаемаго города, звукъ мечей и воли умерщвляемыхъ жителей. «Да исполнится судьба ихъ!» сказалъ Будда, и, жадуясь на жестокою головную боль, легъ на землю и накрылся своимъ плащемъ; онъ хотѣлъ скрыть отъ единственнаго свидѣтеля тайную скорбь, овладѣвшую его стоическою душею. Въ ночь, послѣдовавшую за отбытіемъ Виручаки, Будда одинъ пробрался въ городъ и бродилъ по опустѣлымъ и безмолвнымъ его улицамъ, среди труновъ и развалинъ. Проходя по саду, принадлежавшему къ дворцу Соддаданы, гдѣ Будда въ первые годы своей юности часто проводилъ цѣлые дни, онъ слышалъ въ сторонѣ стenanія и при тускломъ свѣтѣ звѣздъ замѣтилъ обнаженные тѣла дѣвицъ съ отрубленными руками и ногами; члены и тѣла разбросаны были въ беспорядкѣ между деревьями; нѣкоторые изъ этихъ жертвъ безчеловѣчія Виручаки были уже бездушными трупами; другія были еще живы или издавали предсмертные стоны. Будда переходилъ отъ одной дѣвицы къ другой, прикрывалъ тѣла ихъ чѣмъ могъ, утѣшалъ ихъ словами состраданія и родственнаго участія, принималъ послѣдніе вздохи умирающихъ, наутсвуя ихъ надеждами безмятежной жизни за гробомъ, и въ такихъ занятіяхъ провелъ послѣднюю ночь въ своемъ родномъ городѣ.

Вскорѣ послѣ описанныхъ нами событій, мы встрѣчаемъ Будду на дорогѣ изъ Капилавасту къ Кушинагарѣ, городу, отстоявшему отъ перваго въ 500 верстахъ на юговостокъ. Куда онъ шелъ, и зачѣмъ, неизвестно. По видимому, онъ не имѣлъ никакой опредѣленной цѣли и хотѣлъ скорѣе удалиться отъ тѣхъ мѣстъ, которыя напоминали ему однѣ горестныя сцены. Онъ весьма рѣдко посѣщалъ Кушинагару, городъ бѣдный и часть отъ часу все болѣе упадавшій. Въ сопровожденіи Ананды, Будда шелъ по бесплоднымъ и пустыннымъ мѣстамъ медленно и молчаливо, урученый болѣзнію и лѣтами. Изрѣдка онъ обращался къ своему спутнику съ словами, которыя обнаруживали печальное направленіе его мыслей. Будда говорилъ о недолговѣчности и смерти, предчувствуя, какъ замѣчаютъ Буддисты, близкую свою кончину; но недавнія событія такъ жестоко подтвердили справедливость мрачнаго взгляда его на міръ, что никогда Будда не могъ съ такимъ сознаніемъ и глубокимъ чувствомъ, какъ теперь, говорить о непрочности счастья и надеждъ и оплакивать горестную судьбу людей. Чѣмъ далѣе Будда шелъ впередъ, тѣмъ болѣе онъ изнемогалъ подъ бременемъ усталости и болѣзни. Онъ былъ уже дряхлый старикъ, осьмидесяти лѣтъ отъ роду; боль въ спинѣ, которою онъ страдалъ всю жизнь, часть отъ часу увеличивалась и заставляла его нѣсколь-

ко разъ останавливаться на дорогѣ для отдыха и лежать подъ тѣнію деревь. Однакоже онъ продолжалъ путь и дошелъ до рѣки Хираньи, протекавшей близъ Кушинагары; далѣе онъ не могъ уже итти и остановился на западномъ берегу рѣки, у того мѣста, гдѣ переходили ее въ бродъ, въ двухъ верстахъ отъ города на сѣверозападъ. Здѣсь былъ конецъ страннической жизни Будды. Силы совершенно оставили его; онъ легъ на разостланномъ Анандою коврѣ, головою къ сѣверу по Индѣйскому обыкновенію, подъ тѣнію деревь сала (*Shorea robusta*), и чувствовалъ сильную жажду; это были послѣднія минуты его жизни. Ананда съ горестію слѣдилъ за предсмертнымъ томленіемъ своего брата, друга и наставника, и слышалъ, какъ Будда, смыкая глаза на вѣки, устами, на которыя смерть налагала уже печать свою, произнесъ : ни что не долговѣчно!

Оплакавъ прахъ Будды и накрывъ его плащемъ, Ананда отправился въ Кушинагару съ вѣстью о смерти его и обратился къ великодушію жителей города, прося у нихъ гроба для погребенія Будды. Кушинагарцы не отказали въ послѣднемъ дарѣ страннику, кончившему дни свои близъ ихъ города, и приготовили гробъ и все нужное для совершенія надъ прахомъ Будды обряда сожженія. Между тѣмъ молва о кончинѣ Будды разнеслась по Магадѣ и достигла до учениковъ его.

разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ Мадьядеши; нѣкоторые изъ нихъ воспользовались этимъ случаемъ, чтобы сбросить съ себя плащъ Шрамана и возвратиться въ свои семейства; другіе, оставшись вѣрными своему учителю, спѣшили къ Кушинагарѣ отдать послѣдній долгъ браннымъ останкамъ Будды. Гробъ съ тѣломъ Будды положили на костеръ, обошли его кругомъ три раза въ знакъ уваженія къ памяти умершаго, и потомъ зажгли костеръ. Черезъ часъ, отъ Будды остались однѣ бѣлыя кости, да пепель.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Начало и первыя дѣла Маньчжурскаго дома <i>В. Горскаго</i> .	1.
О происхожденіи родоначальника нынѣ царствующей въ Китаѣ Династіи Цинъ и имени народа Маньчжу. <i>В. Горскаго</i> .	189.
Историческое обозрѣніе народонаселенія Китая <i>И. Захарова</i> .	247.
Способъ приготовленія туши, бѣлгъ и румянъ у Китайцевъ <i>И. Гошкевича</i> .	361.
Жизнеописаніе Будды. Иеродіакона (нынѣ Архимандрита) <i>О. Палладія</i> .	385.

1

10
10000

38.697

23.180

01.381

12.923

08.158

24.164

45.677

54.984

62.730

06.229

08.612

64.259

73.228

13.844

81.586

74.265

13.587

32.086

93.34

54.91

842 ГОДА, СЪ

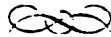
1842.	
Сло иствъ.	Число душъ.
38.607	36.879.838
23.180	29.529.877
01.381	17.036.028
12.923	29.069.771
08.158	39.646.924
24.164	36.596.988
45.677	25.799.556
54.984	30.437.974
62.730	28.584.564
06.229	20.048.969
08.612	10.309.769
64.259	19.512.716
73.228	22.256.964
15.844	21.152.603
81.586	8.121.327
74.269	5.823.870
13.587	5.679.128
32.086	26.513.889
93.343	1.665.542
54.967	414.686.994

ТРУДЫ ЧЛЕНОВЪ
РОССІЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССІИ

ВЪ ПЕРИОДЪ.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВѢДЕНІЙ.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С Петербургъ.**

9-го Марта 1853 года.

Ценсоръ Н. Азματοςъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАИ.
Поземельная собственность въ Китаѣ. <i>И. Захарова.</i>	1.
Историческій очеркъ древняго Буддизма. Іеродіакона (нынѣ Архимандрита) <i>О. Палладія.</i>	96.
О Китайскихъ счетахъ. <i>І. Гошкевича.</i>	169.
Обѣты Буддистовъ и обрядъ возложенія ихъ у Китай- цевъ. Іеромонаха (нынѣ Архимандрита) <i>О. Гурія.</i>	195.
Китайская медицина. Докт. Мед. <i>А. Татарниова.</i>	357.
Очеркъ исторіи сношеній Китая съ Тибетомъ. Іеродіа- кона <i>О. Иларіона.</i>	442.

ПОЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ВЪ КИТАѢ.

ПОЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ВЪ КИТАЕ.

ПОЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ВЪ КИТАЕ.

Китай, по самымъ древнимъ лѣтописямъ своимъ, представляется намъ государствомъ по преимуществу земледѣльческимъ. Въ періодъ начального развитія его гражданственности жители его являются уже знакомыми съ плугомъ и понятіемъ о «пяти родахъ хлѣба», которые почитаются однимъ изъ главныхъ средствъ народнаго продовольствія. Еще въ то время, доселѣ считающееся у Китайцевъ золотымъ вѣкомъ, родилась мысль, что земледѣіе есть единственная мѣра, которою можно удержать народъ на постоянномъ жительство, и одно изъ дѣйствительныхъ средствъ для водворенія спокойствія въ государствѣ и повсемѣстнаго распространенія силы и дѣйствія законовъ. По этимъ причинамъ земля — какъ источникъ продовольствія, — въ глазахъ осѣдлаго народа получила высокую важность; а какъ мѣра для водворенія народа, какъ главный узелъ, связывающій

политическое общество — она обратила на себя все вниманіе Китайскаго правительства. Отсюда предмет непремѣнной его заботливости составили отведеніе мѣста для жительства каждаго, и выдѣлъ ему земли, какъ главнаго средства существованія. Этотъ выдѣлъ земли въ частное владѣніе — предоставленіе поземельной собственности—я составляетъ предметъ настоящей статьи *).

Въ теченіе столькихъ вѣковъ существованія своего, Китай не могъ находиться въ одномъ и томъ же состояніи: положеніе внутреннихъ и вънѣшнихъ дѣлъ сего государства, ходъ просвѣщенія и развитіе народныхъ силъ производили измѣненіе въ существующемъ порядкѣ вещей. По этой причинѣ и поземельная собственность, въ слѣдъ за общимъ ходомъ дѣлъ Китая, въ различныя эпохи претерпѣла измѣненія, и преимущественно при *Циньской* и *Таньской* династіяхъ.

Въ самыя древнія времена, когда въ Китаѣ начала развиваться гражданственность, земля составляла общественное достояніе. Въ ту эпоху владенческихъ понятій, у Китайцевъ еще не могла родиться мысль о благодѣтельности родовыхъ преимуществъ и частной собственности; отъ того самое достоинство Го-

*) Источниками для сей статьи послужили тѣже самыя сочиненія Китайскихъ писателей, какія и для статьи: «Историческое обзореніе народонаселенія Китая» — объ нихъ тамъ подробно сказано въ заключеніи.

сударя не было наследственное, преимущественно переходившее къ его роду, но избирательное общими съѣздомъ правительственныхъ лицъ; отъ того земля, какъ единственный въ то время источникъ продовольствія и богатства каждаго, принадлежала обществу, которое распредѣляло ее между своими сочленами, смотря по званію каждаго. Исторія свидѣтельствуетъ, что и въ то время все пространство тогдашняго Китая раздѣлено было на нѣсколько долей — удѣловъ, для управленія которыми избранный на престолъ Имперіи Государь назначалъ удѣльныхъ князей, которыя, управляя народомъ на правахъ Государя, не были наследственными владѣтелями удѣла, а какъ самъ Государь пользовался доходами съ земель извѣстнаго удѣла, который принадлежалъ ему по званію главы Имперіи, такъ и князья получали доходы съ земель своего удѣла, по званію правителей его. Подобно тому и чиновники въ вознагражденіе своей службы, пока находились въ должности, пользовались доходами съ земель въ извѣстномъ удѣлѣ, въ которомъ они находились по обязанности. И изъ простаго народа тотъ только имѣлъ долю въ общественной собственности — земля, кто могъ, также какъ чиновники, приносить пользу обществу, кто, владѣя полными тѣлесными силами и возрастомъ, въ состояніи былъ обрабатывать землю, и изъ сбора съ сво-

его участия, за прокормленіемъ семейства, удѣлять часть на нужды общественныя и служить обществу своими силами при общественныхъ работахъ и во время войны, — однимъ словомъ человекъ отъ 20 до 60 лѣтъ.

Въ 2,205 году до Р. Х., Великій Юй избранъ на престолъ Имперіи, а въ 2.197 году, въ благодарность къ его великимъ заслугамъ государству, престолъ Имперіи переданъ былъ его сыну; — съ этого времени престолъ сдѣлался наследственной родовою собственностію династіи *Ся*. вмѣстѣ съ тѣмъ и удѣлъ, съ земель котораго доходы поступали на содержаніе главы государства, сдѣлался его собственностію, наследственной въ одномъ впрочемъ старшемъ колѣнѣ.

На основаніи прежняго права избирательныхъ Государей, глава Имперіи самъ назначалъ правителей народа и по большей части сталъ опредѣлять къ тому своихъ родственниковъ, имѣя въ виду съ одной стороны доставить имъ средства къ существованію, а съ другой упрочить господство своего дома. Правители оиѣ облачались отъ главы Имперіи преимуществами владѣтельныхъ князей удѣла и чрезъ то дѣлались владѣтелями народа и собственности, на тѣхъ же правахъ, на которыхъ управлялъ и владѣлъ своимъ большимъ удѣломъ самъ глава Имперіи. Отсюда въ Китаѣ такъ рано появились удѣльное пра-

леніе и удѣльная собственность земли. Система эта особенно развилась и получала большую силу съ 1,122 года до Р. Х, когда западный намѣстникъ Имперіи, *Чжоускій* князь, отнялъ престолъ у *Шангской* династіи и когда раздача удѣловъ произведена была въ большемъ размѣрѣ, кромѣ родственниковъ его, всѣмъ чинамъ, которые оказали ему особенныя заслуги.

Съ этого времени удѣльное право предоставило въ собственность владѣтеля все, что ни находилось внутри его удѣла, — слѣдовательно земля по преимуществу принадлежала ему. Владѣтелями удѣловъ и земель были: глава Имперіи, какъ отецъ многочисленнаго семейства, какъ старшій въ царствующемъ домѣ, а потомъ его дѣти, братья и родственники, какъ члены одного и того же дома, и родственники и потомки прежнихъ владѣтельныхъ домовъ. Законами Имперіи опредѣлялось пространство каждаго удѣла (въ 1000, 100, 70, 50, ли) и количество удѣловъ известной величины. Удѣлъ главы Имперіи содержалъ квадратъ въ 1000 ли, а самый большой княжескій удѣлъ могъ быть только въ 100 ли. Каждый въ своемъ удѣлѣ, хотя и малаго размѣра, будучи главою и правителемъ народа, былъ и полнымъ владѣтелемъ земель. Были еще и другія лица, владѣвшія землями; это: 1, члены побочной линіи владѣтельныхъ князей

и люди, оказавшіе заслуги Имперіи. Имъ давались, внутри какого нибудь удѣла, земля въ качествѣ лена и они въ отношеніи къ мѣстному владѣтельному князю были тоже, что удѣльные князья въ отношеніи къ главѣ Имперіи. 2) Люди, несшіе государственную службу, начиная съ министровъ и до самаго низшаго чиновника. Подобно тому какъ дворы Государя и удѣльныхъ князей содержались произведеніями своихъ удѣловъ, и подать вносилась предметами первой необходимости, — чиновники, въ вознагражденіе своей службы правительству, получали отъ него, смотря по классу, извѣстное количество пахотныхъ земель, оброкъ съ которыхъ замѣнялъ имъ жалованье и могъ достаточно обеспечивать ихъ состояніе. Земля эти составляли собственность только въ отношеніи къ должности и не принадлежали лицу, исправляющему должность, такъ что съ смертію его или съ лишеніемъ должности земли переходили къ преемнику его; напротивъ удѣльные и ленные земли составляли вѣчную собственность владѣтеля, наследственную въ старшемъ колѣнѣ. Этотъ законъ Майоратства въ отношеніи къ князьямъ неизмѣнно существуетъ въ Китаѣ до настоящаго времени. Какъ самое достоинство такъ и земля, приписанныя къ нему, составляютъ наследственную въ старшемъ колѣнѣ собственность, не раздробляемую между младшими братьями.

Что касается до остального простаго народа, то — на основаніи семейнаго права, по которому сыны при отцѣ не есть полный владѣлецъ всякой принадлежащей имъ дому собственности, — ни кто изъ подданныхъ, не могъ владѣть землями; но всѣ, даже самыя землепашцы, получали отъ своего князя временно опредѣленный участокъ земли.

Участки эти были одинаковой величины для того, чтобы уровнять каждаго въ средствахъ жизни, аравно въ казенныхъ повинностяхъ и налогахъ. Съ этою цѣлю во всей Имперіи, несмотря на раздробленіе ея между владѣтельными князьями, размежеваніе земель производилось одинаковымъ образомъ и одина-

ковою мѣрою: квадратъ земли въ одну ле, соотвѣтствовавшій 900 му, *) дѣлился на девять частей въ видѣ слѣдующей фигуры:

Ч	А	
К	Община	С
ІЧ	Н	Т

Средній участокъ былъ казенный, который общими силами обрабатывали поселенныя вокругъ него воемы

*) Объясненіе полезнаго мѣры приложено въ концѣ этой статьи.

семействъ, изъ коихъ каждому на собственное употребленіе выдѣлялся въ этомъ квадратѣ участокъ въ 100 му. Изъ 100 му средняго казеннаго участка обрабатывалось только 80, а изъ остальныхъ 20 му давалось поселеннымъ вокругъ него восьми семействамъ каждому по $2\frac{1}{2}$, подъ домъ и огородъ. Для орошенія полей, между каждымъ квадратомъ проведены были канавки, въ кои текла вода изъ малыхъ и большихъ каналовъ, устроенныхъ между 10, 100, 1000, 10,000 такихъ участковъ. Въ подобномъ же размѣрѣ, рядомъ съ каналами проложены были тропинки, большія и малыя дороги. При раздачѣ земель для обрабатыванія обращалось вниманіе на возрастъ: мужчина 20 лѣтъ, какъ человекъ пришедшій въ силу, способный къ работамъ и уже семейный, получалъ на себя 100 му. (иногда и того менѣе,) и владѣлъ ими до 60 лѣтъ, коца преклонныя лѣта и слабость силъ не позволяли ему обрабатывать такого количества земли и нести казенныя службы. Отобранная земля отдавалась его сыну или родственнику, которые обязаны были пропитывать старика до конца жизни. Такъ какъ свѣство земли не одинаково и всѣ пашни раздѣнены были на три разряда съ подраздѣленіемъ каждаго на три вида; то земледѣльцы, для уравниванія въ поземельныхъ налогахъ, и въ средствахъ пропитанія, или получали иногда болѣе 100 му, если почва

выдѣльнаго участка была самаго низшаго качества, или же переводились съ худей на лучшую землю, если у земледѣльца было многочисленное семейство; между членами котораго было довольно мужчинъ, способныхъ уже къ работѣ и повинностямъ. Равно обращалось вниманіе и на то, въ какомъ мѣстѣ находилась земля: близко къ столицѣ, или въ уѣздахъ. Въ первомъ случаѣ давалось меньшее количество, а во второмъ большее. Кромѣ землепашцевъ получали земли и другія сословія, торговцы и ремесленники, только въ меньшемъ количествѣ, именно: пятую часть противъ землепашцевъ — 20 му; каковое количество иногда давалось и подросткамъ въ земледѣльческихъ домахъ, если они были уже способны къ работамъ и если въ ближайшихъ мѣстахъ находились праздные участки земли. Болѣе означеннаго количества никто не могъ получать, да и то не составляло вѣчной наследственной собственности каждаго семейства; ни кто не могъ располагать землею по своему произволу: уступать ее другому посредствомъ продажи, заклада и единовременной отдачи другому на посѣвъ.

Такое устройство и раздѣленіе полей сообщило имъ названіе общественныхъ (гунъ-тянь). Онѣ назывались также колодезными (цзинъ-тянь), потому что размежеваніе давало пашнямъ видъ, похожій на Китайскій письменный знакъ, изображающій слово колодезь.

Къ этой системѣ полей приспособлены были: земное управленіе, раздача удѣловъ, государственные налоги и повинности, однимъ словомъ: на ней, какъ на фундаментѣ, стояло все зданіе государства. Древность не сохранила полныхъ и самыхъ подробныхъ извѣстій о томъ, до какой степени приведены были въ исполненіе замыслы касательно устройства общественныхъ полей, при тогдашнемъ состояніи искусства и умственного образованія народа, — такъ ли красиво, какъ «шахматная доска» и правильно размещены были всѣ пашни и точно ли таковы были раздача и владѣніе ими. Впрочемъ существованіе подобнаго устройства и учреждений доказывается тѣмъ переворотомъ въ поземельной собственности, который въ послѣдствіи произошелъ въ *Циньскомъ* удѣлѣ, а послѣ и во всей Имперіи; даже въ настоящее время въ Корей существуютъ слѣды древнихъ общественныхъ полей, устроенныхъ въ первыя времена *Чжоуской* династіи *).

Система общественныхъ полей существовала очень долго. Первыя три династіи, — (царствовавшія съ 2,205 по 254 г. до Р. Х.) — учредившія ее, во все продолженіе своего царствованія поддерживали ее съ не большими измѣненіями въ распредѣленіи поземель-

*) См. Шэнь-у-цзи.

ныхъ налоговъ. Уже при концѣ третьей, за 350 лѣтъ до Р. Х. и почти за 100 лѣтъ только до конца *Чжоуской* династїи, почувствовали невыгоды подобной системы. По ней владѣтельной князь пользовался только сборомъ произведеній съ средняго участка, который долженствовали обрабатывать общими силами восемь семействъ. Очевидно сборъ этотъ былъ незначителенъ, а при неурожаѣ и очень скуденъ. Самъ *Кунъ-фу-цзы*, (*Коррупцій*) въ вопросѣ своего владѣтельнаго князя объ увеличеніи налоговъ, замѣтилъ, что можно увеличить подать до 16 разъ противъ назначеннаго въ *Чжоускомъ* уложеніи. Когда же съ половины *Чжоуской* династїи начали усиливаться удѣльные князья, тогда древнія постановленія оказались не соответствующими требованіямъ вѣка и обстоятельствъ. При жестокихъ и продолжительныхъ междоусобныхъ войнахъ, сборы по древнему распределенію не могли удовлетворять нуждамъ государства, тѣмъ болѣе что и эти сборы съ каждымъ годомъ уменьшались въ своемъ количествѣ, потому, что землепашцы «по развращенію нравовъ» съ крайнею небрежностію обрабатывали средній участокъ.

Особенно въ *Диньскомъ* удѣлѣ ощущителенъ былъ недостатокъ государственныхъ доходовъ. Кроме того, что древнія постановленія, ограничивая землепашца опредѣленнымъ участкомъ, какъ бы ограничивали и

самое трудолюбіе и не предоставляли праздныхъ земель въ руки трудолюбиваго чловѣка, — множество плодосныхъ земель поросло травой и не доставляло выгодъ никому, ни частнымъ людямъ ни казнѣ, потому что народонаселеніе *Цимьскаго* владѣнія было слишкомъ мало въ сравненіи съ обширностію страны. Между тѣмъ въ сосѣдственныхъ удѣлахъ: *Хамъ*, *Чжао*, *Вей*, народъ, по причинѣ большой населенности и недостаточности земли, весьма бѣдствовалъ. Почему въ 350 году до Р. Х. министръ *Шанъ-янъ* (заслужившій порицаніе въ потомствѣ за уничтоженіе древнихъ узаконеній) составилъ планъ обогатить свое отечество распашкою пустопорожныхъ земель и усилить его переселеніемъ бѣдствовавшаго отъ недостатка земли въ сосѣдственныхъ удѣльныхъ княжествахъ народа. Стоило только предоставить землю въ собственность народу и тогда многіе рѣшились бы переселиться изъ своего отечества въ *Цимьское* царство для собственной выгоды и обезпеченія въ средствахъ жизни. Сверхъ того *Шанъ-янъ* имѣлъ въ соображеніи и другія цѣли. «При прежнемъ раздѣленіи земель, сообщеніе жителей между собою по большей части ограничивалось однимъ околodкомъ: между 8 семействами, какъ соучастниками въ одномъ квадратѣ земли, или только сосѣдними селеніями. Но когда поселенинъ не будетъ стѣснять себя извѣстнымъ про-

странствомъ и по своему усмотрѣнію станетъ переходить всюду, гдѣ представится ему случай приобрести землю : тогда неминуемо должно послѣдовать ближайшее сопряженіе отдаленныхъ обитателей другъ съ другомъ, слѣдствіемъ чего будетъ развитіе большей гражданственности; обогащеніе и довольство народное послѣдуетъ за уничтоженіемъ оковъ, связывающихъ руки производителей».

Въ слѣдствіе такихъ соображеній *Циньское* правительство, въ 350 году до Р. Х., положило начало уничтоженію общественныхъ пашень, позволивъ каждому занимать земли сколько и гдѣ угодно, и занятый участокъ обводить межами, не обращая вниманія на прежнее размежеваніе. Всякая занятая земля должна составлять вѣчную собственность каждаго, которую онъ можетъ располагать по своему произволу, уступать другимъ посредствомъ продажи и другими способами. Постановило : отиѣнить прежнюю выдачу земель изъ казны и пріемъ ихъ, сопровождавшіяся запутанностями и всякаго рода злоупотребленіями, и чрезъ то избавить себя отъ тягостнаго ихъ разбора, а приняло на себя только покровительство спокойному обладанію каждаго поземельною собственностію и защиту отъ несправедливаго посягательства на нее другихъ.

Такимъ образомъ, по плану *Шань-ляна*, совершился

переходъ земель изъ казны въ частную собственность и эта мѣра, увеличившаяся полнымъ усильемъ въ *Циньскомъ* владѣніи, принята была и въ остальныхъ удѣльныхъ княжествахъ *Чжоуской* Имперіи; а послѣ соединенія всѣхъ удѣловъ въ 221 до Р. Х. подъ монархическую державу *Циньскаю* дома, окончательно распространена была по всему обширному Китайскому государству, и право поземельной собственности утверждено за его обитателями.

Впрочемъ предоставленное всякому право владѣніи поземельною собственностію, — при своемъ началѣ доставившее столько выгодъ и богатства *Циньскому* владѣнію, — въ послѣдствіи принесло невыгоды и даже вредъ Китаю. При началѣ введенія этой мѣры населеніе сего государства было очень незначительно въ сравненіи съ обширностію предѣловъ его и пространствомъ годной къ обработыванію земли. Когда позволено было каждому, по своему произволу и силамъ, занимать праздныя земли и обращать ихъ въ свою собственность: въ это время на каждаго земледѣльца досталось очень много земли и слѣдовательно прилежаніе и трудолюбіе могли извлечь изъ сего права большія выгоды и доставить себѣ довольство и изобиліе въ жизни, тѣмъ болѣе что полученіе этого права поземельной собственности доставалось пріобрѣтателю безъ всякаго пожертвованія съ его сто-

роны. Но когда население государства, мало по малу умножалась, возрасло болѣе чѣмъ въ двое, — тогда уменьшалась и поземельная собственность въ своемъ количествѣ. Умноженіе членовъ семейства произвело раздѣлъ, а съ нимъ вмѣстѣ и дробленіе собственности; для умножавшагося народонаселенія требовалась земля, и слѣдовательно заняты были всѣ празныя и пустопорожнія мѣста; отъ того право владѣнія неограниченнымъ количествомъ земли для многихъ сдѣлалось невозможнымъ: уже негдѣ было занимать землю и обращать ее въ свою собственность. Эта ограниченность въ поземельной собственности сократила и доходы земледѣльца, отъ чего достатокъ и довольство мало по малу стали исчезать изъ жизни поселеній. Къ тому же присоединилась политическія обстоятельства государства. Пагубныя слѣдствія удѣльнаго правленія, паденіе его, стремленіе къ созданію Монархіи, борьба удѣловъ противъ всеокрущающаго могущества *Циньскаго* царства, наконецъ утвержденіе Монархіи и поддержаніе ея, паденіе *Циньскаго* дома и воцареніе *Ханьскаго*, — зтогъ 50 лѣтній переворотъ въ Китаѣ (съ 255 по 202 годъ до Р. Х.) отвалъ милліоны рукъ отъ земледѣлія. Отъ того земледѣліе остановилось, поля поросли травой и почти напрасно трудолюбивый земледѣлецъ воздѣлывалъ свою ниву, потому что безпрестанно про-

ходившія войска уничтожали труды его въ самую началъ. Въ этой крайности народъ, страшась голодной смерти, употреблялъ все свое искусство на то, чтобы доставить пропитаніе своему семейству и послѣднюю опору — землю отдавалъ другимъ за хлѣбъ, закладывалъ ее или продавалъ. При такомъ положеніи дѣла богатый получалъ возможность за ничтожную цѣну, приобрести себѣ дорогую собственность, которая могла приносить ему въ послѣдствіи вѣрный доходъ. Многие, не имѣя силъ бороться съ трудными обстоятельствами, покидали свою землю и удалялись въ другія мѣста прискивать себѣ пропитаніе всякими позволительными и не позволительными средствами; между тѣмъ люди съ средствами, пользуясь всеобщимъ неустройствомъ, по удавленіи владѣльца, тотчасъ приобщали его собственность къ своей. Продолжительное отсутствіе прежняго владѣльца, запутанность въ управленіи, вѣсь богатыхъ людей въ глазахъ чиновниковъ сдѣлала то, что присвоенныя земли на всегда остались за присвоителями; прежній владѣлецъ, хотя бы и возвратился на прежнее жительство, уже не могъ вытребовать своей собственности, тѣмъ болѣе, что законные документы во время смутъ исчезли и разборъ тяжбъ для самаго добросовѣстнаго судьи становился затруднительнымъ, иногда и невозможнымъ. Такимъ образомъ одни съ каждымъ днемъ теряли

свою поземельную собственность, а другіе болѣ и болѣ умножали ее. Земли, прежде предоставленныя въ собственность каждому, одѣлались теперь достояніемъ не казны, не землеманщевъ, но богатыхъ людей, которые, сами не занимаясь тяжкою работою, земледѣліи, владѣли тысячами десятинъ, а бѣдные, по выраженію современниковъ, не виѣли мѣста, гдѣ бы веткнуть шило». Богатые свои обширныя земли отдавали бѣднымъ землеманцамъ, по большей части бѣжавшимъ съ своего вѣстожительства, въ аренду за тяжкіе оброки: изъ сбора съ полей половина поступала владѣльцу, а другая обрабатывавшимъ ихъ. «Владѣтель поля — одинъ человекъ, а обрабатывавшихъ его десять; отъ того владѣльцы земель съ каждымъ днемъ умножали свое богатство, а арендаторы, не въ состояніи будучи прокормить свое семейство достояющеюся на ихъ долю частію сбора съ обрабатываемыхъ полей, приходили въ крайнюю нищету: и наконецъ закладывали или продавали — кабалили себя, своихъ женъ, дѣтей на вѣки въ рабы своему землехозяину».

Какое правительство не нечувствительно было къ бѣдствіямъ народа и принимало разныя мѣры къ тому, чтобы обогатить его, или по крайней мѣрѣ поставить его въ состояніе спискивать достаточныя средства пропитанія. Оно раздавало даромъ всѣ пу-

стопорожніе земли, общественные и царскіе сады, поощряло наградами чиновниковъ, постоянно прощало подати, покрывая расходы продажею должностей и званій; увѣщевало жителей взаимно помогать другъ другу въ трудѣ земледѣлія — ссудою сѣмянъ и скота, за недостаткомъ котораго совѣтовало самимъ запрягаться въ соху и силами человека замѣнить рабочихъ животныхъ; придумало способъ обрабатывать земля: при запашкѣ дѣлать борозды по футу въ ширину и глубину для того, чтобы удобнѣе было выкапывать и обсыпать корень хлѣбнаго растенія землею во время вѣтровъ и зноя, и чтобы такимъ образомъ сбереженный и закрытый корень могъ дать гораздо большій урожай.

Но всѣ заботы его не принесли желаемыхъ плодовъ: народъ по прежнему бѣдствовалъ и казна, щедро прощающая ему подати, часто сама находилась въ затруднительномъ положеніи. При такомъ состояніи дѣлъ, естественно родились вопросы: отъ чего такое бѣдствіе тяготѣетъ надъ народомъ? отъ чего налоги правительства, сами по себѣ легкіе, сдѣлались тягостными и невыносимыми для народа? Гдѣ скрывается источникъ зла? — Близость къ временамъ *Чжоуской* династїи, которой учрежденія учащимся классомъ людей и доселѣ почитаются священными и самыми мудрыми, несправедливая ненависть, которую питали

къ *Цимьскому* дому за его измѣненія, полезныя и мудрыя, въ существовавшемъ до того порядкѣ вещей, — все это невольно указывало на некоторыя, не первой впрочемъ важности, причины такого несчастнаго положенія государства. Всѣ люди, которые имѣли какое либо прикосновеніе къ дѣламъ управленія и которые по долгу службы должны были пешись о народѣ, — причину бѣдствія полагали въ томъ: «что народъ получилъ поземельную собственность, что онъ, по нуждѣ или вовсе безъ крайней необходимости, лишился ее и что богатые, воспользовавшись такимъ положеніемъ бѣдныхъ, чрезмерно умножили свою силу и достатокъ посредствомъ пріобрѣтенія земель, такъ что возвратный переходъ сей собственности къ бѣднымъ уже невозможенъ. Такое преобладаніе поземельною собственностію возникло съ того времени, какъ *Цимьское* правительство, для временныхъ выгодъ, уничтожило общественныя поля, и земля сдѣлалась достояніемъ каждаго. Слѣдовательно возстановленіе общественныхъ полей, возвращеніе земель въ казну, вообще древнія учрежденія касательно поземельной собственности могли бы возвратитъ прежнее довольство народа и обогатитъ казну. Бѣдные, имѣя поля, хотя и не общественныя, весь собираемый съ нихъ хлѣбъ будутъ употреблять на содержаніе своихъ семействъ и не будутъ терпѣть

голода; а богатые, лишась права владѣть болышии участками земли, сами скануть обрабатывать свою землю и весь сборъ съ нея употреблять на себя, и такимъ образомъ состояніе каждаго нѣсколько уравнивается. Каана же будетъ получать вѣрный доходъ съ своего участка, обрабатываемаго 8 семействами.

Мало по малу мнѣніе о возстановленіи общественныхъ полей становилось уже какъ бы необходимою и получало всеобщность. Привести въ исполненіе эту мысль легко было бы при всеобщемъ расположеніи въ пользу ея; но главное затрудненіе состояло въ томъ, что казна не имѣла земель въ своей власти; онѣ составляли собственность частныхъ лицъ. Оставалось тодько отобрать всѣ земли въ казну; но эта мѣра, какъ думали тогдашніе правители Китая, могла привести къ худымъ послѣдствіямъ. Бѣдные, владѣвшіе малымъ участкомъ земли, послѣ переворота получивши такое же, а можетъ быть и большее количество земли для обрабатыванія, — бѣдные конечно не стануть роптать на распоряженія правительства, потому что въ существѣ онѣ ничего не теряютъ; но богатые не могутъ равнодушно смотрѣть на это. Огромные доходы съ многочисленныхъ земель, составлявшихъ ихъ собственность, сила въ обществѣ и влияніе на своихъ арендаторовъ, которые во время бѣдствій отъ своихъ патроновъ, хотя и не даромъ,

получали помощь скорѣе, чѣмъ отъ правительства: все это должно внушать справедливымъ образомъ, что предпринимаемыя перемены касательно поземельной собственности могутъ произвести бунтъ противъ распоряженій правительства. Некоторые изъ правителей, особенно изъ ученыхъ, — люди съ пылкимъ характеромъ, въ то время предлагали даже: тайно направлять умы богатыхъ къ возмущенію, чтобы, воспользовавшись симъ обстоятельствомъ, удобнѣе и скорѣе совершить отобраніе принадлежащихъ имъ земель въ казну, какъ бы на законномъ основаніи, за предвиденный ими бунтъ и сопротивленіе распоряженіямъ правительства.

Напротивъ правители, болѣе умѣренные и во всѣхъ дѣлахъ поступающіе съ строгою отчетливостію, нѣсколько иначе смотрѣли на этотъ предметъ. Восстановленіе системы общественныхъ земель казалось имъ несообразнымъ, ни съ духомъ и требованіемъ вѣка, ни съ положеніемъ государства. Для востановленія этой системы требовалось произвести большія перемены въ существующемъ порядкѣ вещей. Вообще расположеніе умовъ того времени въ пользу старины привело къ тому, что мысль и мнѣнія какого нибудь мудреца, изъ послѣднихъ столѣтій Чжэуской династїи, въ свое время отвергнуты, теперь получили силу несомнѣнной истины и

значеніе историческаго факта. Такъ наприимръ въ сказанное философомъ Мэнъ-цзы одному удѣльному князю преданіе, о существовавшихъ прежде общественныхъ пашняхъ, теперь принято было со всею буквальною точностію и люди, раздѣлавшіе мнѣніе о возстановленіи этой системы, домогались, чтобы она возстановлена была вполнѣ, со всѣми подробностями, въ древнемъ видѣ; иначе, по ихъ мнѣнію, предпріятіе это не достигло бы своей цѣли. И для того, при возстановленіи системы общественныхъ пашень по древнему образцу, — нужно было чрезвычайное количество водопроводовъ, дорогъ, тропинокъ и иныхъ не совсѣмъ нужныхъ работъ, — надлежало срыть могилы, разломать дома, перенести города и деревни, построить дома для земледѣльцевъ въ среднѣ пашень и водворить ихъ. Работы сіи требовали рукъ всего народа и сотенъ лѣтъ времени: слѣдовательно земледѣліе должно было приостановиться и пока устрелись бы означенныя пашни — «всѣ люди вымерли бы въ государствѣ и кости ихъ истлѣли.»

При томъ возстановленіи общественныхъ пашень казалось умѣренной партіи Китайскихъ мыслителей несообразнымъ съ формою правленія. «Система эта» говорили они «родилась и приведена въ исполненіе во время удѣловъ. Тогда всѣ земли составляли наследственную собственность владѣтельныхъ лицъ, для

которыхъ поселенные тамъ жители становились дѣль-
 ми; отъ того владѣтель, смотря на своей удѣль, какъ
 на свой домъ и свою собственность, по необходимости
 долженъ былъ прилагать неусыпное попеченіе
 объ устройствѣ его и введеніи всего, что могло вло-
 няться къ благосостоянію народа и, при ограничен-
 номъ пространствѣ своего удѣла, (самый большой
 могъ быть только въ 100 лн), могъ, лично надзирая
 за всѣмъ, не допускать злоупотребленій; иначе онъ
 лишился бы выгодъ отъ своей собственности, на ко-
 торыхъ основывались его благосостояніе, богатство
 и значеніе между сочленами Имперіи. Со времени же
 междоусобныхъ войнъ между удѣльными князьями,
 (особенно съ 375 г. до Р. Х.) владѣнія сильнѣйшихъ
 изъ нихъ мало по малу расширились въ своихъ пре-
 дѣлахъ, такъ что наконецъ вся Имперія (въ 255 г. до
 Р. Х.) раздѣлилась на семь частей и личный надзоръ
 самаго владѣтеля, занятого одною войною, сталъ не-
 возможенъ; отъ того злоупотребленія подчиненныхъ
 лицъ при приѣмѣ и выдачѣ земель начали дѣйствовать
 во всей силѣ, а народъ, за невниманіе чиновниковъ
 владѣтеля къ бѣдствіямъ его, сталъ небрежно обрабо-
 тывать казенный участокъ, что приносило убытки
 владѣтелю. Самая мѣстность не всегда допускаетъ
 устройство древнихъ общественныхъ пашень: гор-
 стые мѣста, на югъ отъ рѣкъ *Цзланъ* и *Хуай*, остаются

нераспаханными, потому что нельзя провести воды для орошенія полей. По этимъ причинамъ системъ общественныхъ пашень уничтожена. Тѣхъ же слѣдствій надобно ожидать и послѣ возстановленія ея. Послѣ уничтоженія удѣловъ, начальниками областей сдѣланы не наследственные владѣтели находящейся въ нихъ вѣденіи земли, но только временные управители страны, которые сдѣлываются чрезъ нѣсколько лѣтъ, а высшіе, не пробывъ и одного года на своей должности, переводятся на другую. Такіе люди, которые со дня на день ожидаютъ себя перемѣненія, избѣгаютъ лишнихъ трудовъ, слѣдовательно не ставятъ охотно и прилежно заниматься устройствомъ общественныхъ пашень. Если бы это устройство и состоялось, то, по кратковременности пребыванія на должности, правители сіи при всемъ безкорыстіи не могутъ вѣрно знать качества земель, отсюда произойти должно неравенство въ налогахъ. По этому, вмѣстѣ съ возстановленіемъ системы общественныхъ земель, нужно возстановить и удѣльное правленіе — возстановить то, чего бы никто даже изъ ученыхъ не захотѣлъ видѣть и слышать; ибо надлежитъ раздѣлить государство и опять поднять всеобщій споръ и междоусобія князей, нужно отнять у народа земельную собственность и слѣдовательно породить всеобщее неудовольствіе и смутеніе».

Что касается до того мнѣнія, чтобы отнять извѣстныя земли у богатыхъ и отдать бѣднымъ, то, по мнѣнію умѣренной партіи, оно не признавалось справедливымъ: » Бѣдный народъ, не имѣющій собственныхъ полей, беретъ ихъ собою въ аренду у богатыхъ; если случится недостатокъ сбора для пропитанія своего семейства, или совершенный неурожай: онъ тогда обращается къ богатымъ же для займа денегъ и хлѣба. Занимающіеся торговлею, ремеслами и всякими мелочными промыслами — все зависятъ на счетъ богачей. Съ богатыхъ же бывають и особенныя большіе сборы въ казну: чиновники, по своему времени обязанныя къ чему нибудь приказаніемъ вышнему, прежде всего берутъ у богатыхъ; однимъ словомъ: «богатые суть основаніе круговъ и уѣздовъ, опора вѣющихъ и плывущихъ; они вместо сына неба питають народъ». Правда они берутъ чрезвычайныя барыши и пользуются большими выгодами; однако, принявъ во вниманіе ихъ труды и великія пожертвованія, надобно согласиться, что подобное вознагражденіе справедливо имъ слѣдуетъ. Если же между ними есть кто-стокіе притѣснители бѣдныхъ, то надобно исправлять это зло другими мѣрами, а не отвратіемъ собственности, прибрѣтенной личными ихъ трудами и пожертвованіями. Легко можетъ стать, что чрезъ нѣсколько колѣнъ потомки богачей, или съ размноженіемъ чле-

иногда дозволять подѣлять между собою поземельную собственность на дробные участки, или, припадши къ нищету, мало по малу, посредствомъ продажи въ частныя, передадутъ свои земли многимъ владѣющимъ, и такимъ образомъ у одного не будетъ много земли.

Въ томъ и другомъ случаѣ, для бѣднаго челоука открытося возможность приобрести себѣ часть изъ раздробленной поземельной собственности богатыхъ. Это заключается не въ томъ, что поля общественныя или частныя, но въ томъ, что нельзя достигнуть уничтоженія бѣдности.» Такимъ образомъ умѣренная партія пришла къ тому заключенію, что: «при невозможности отобрать земли въ казну, невозможно и возстановить систему общественныхъ пашень, и если бѣдствія народа и выгоды казны требуютъ измѣненія въ поземельной собственности, то всего лучше приблизиться только къ древнимъ учрежденіямъ, сдѣлавъ нѣчто похожее на общественныя пашни. Довольно если на будущее время, не отнимая излишковъ у настоящихъ владѣльцевъ, постановить ограниченіе, назначивъ опредѣленное количество земли, которымъ можетъ владѣть каждый подданный въ Китаѣ, съ запрещеніемъ по своему произволу продавать другому эту собственность *)».

*) Мысли эти, касательно отобранія земель у богатыхъ и возстановленія системы общественныхъ пашень, существовали во все времена и при ве-

Такимъ образомъ составилось два мнѣнія касательно доставленія бѣдному народу поземельной собственности и восстановленія древней системы общественныхъ пашень; но правительство ни одного изъ нихъ не рѣшилось привести въ исполненіе, потому что подобное измѣненіе повело бы къ важнымъ переломамъ. Наконецъ въ 9-мъ году по Р. Х. мнѣнія эти получили ходъ. Министръ *Вань-Мань* покинулъ престолъ у потомковъ *Ханьскаго* дома и, желая привлечь къ себѣ расположеніе народа и чрезъ то снискать опору для себя и своего потомства, и какъ человѣкъ, самъ лично знавшій нужды и потребности своихъ подданныхъ, — рѣшился привести въ исполненіе проекты правительственныхъ лицъ, такъ часто предлагаемые прежнимъ Государямъ. Такого рода проектъ былъ о поземельной собственности: ибо бѣдствіе безземельныхъ было такъ велико, что ни какіе милостивыя манифесты, прощавшіе имъ разные налоги, — ни что не могло пособить имъ и поправить ихъ состояніа. Бѣдность вела ихъ къ ужаснымъ преступленіямъ; между тѣмъ и сосредоточеніе земель въ рукахъ не

слѣдующихъ династій, и почти одинаки и тѣми же словами выражены были въ докладахъ, подаваемыхъ Китайскимъ Государямъ. Хотя многія замеченія въ нихъ мысли не показываютъ глубокаго взгляда на предметъ и основательнаго сужденія, но эти идеи занимали умы Китайцевъ въ продолженіи дѣльных столѣтій и руководили дѣйствіями правительства. По этому онѣ и изложены здѣсь во всей подробности.

многихъ, при тогдашнихъ худыхъ нравахъ и образованіи, доставляя имъ чрезмѣрное богатство, вело ихъ къ распутству: оба состоянія, богатые и бѣдные, одинаково вдавались въ преступленія, такъ что самыя строгіе законы не могли остановить потока развращенія нравовъ. Единственнымъ средствомъ для искорененія сего зла призвано то, чтобы уровнять всѣхъ и каждого въ средствахъ пріобрѣтенія, слѣдовательно ограничить богатыхъ во владѣніи поземельною собственностію и доставить бѣднымъ участки земли. Съ этою цѣлію повелѣно: «всѣ земли въ государствѣ переименовать въ Государены (ванъ-тянь) *). Всякій подданный имѣетъ право владѣть землею только не болѣе одного цина; продажа сего опредѣленнаго участка вовсе запрещается для того, чтобы каждый, съ потерєю поземельной собственности, не лишился средствъ къ своему существованію. Земли, по сему узаконенію оказавшіяся лишними, у кого бы онѣ не находились, — всѣ берутся въ казну и отдаются въ вѣденіе слободъ и деревень и, смотря по требованію, выдаются немѣющимъ ихъ. Кто станетъ сомнѣваться въ томъ, что эта мѣра общественныхъ пашень не есть мудрое учрежденіе, — тѣхъ ссылатъ на границу; кто же нарушитъ постановленіе

*) Равно ограничено право владѣнія рабами — не болѣе 8 душъ мужескаго пола; само слово *раба* значило другимъ словомъ *зависимый*.

касательно владѣнія опредѣленнымъ количествомъ — болѣе одного цина, или кто продасть своей участокъ другому, — тѣхъ казнить смертію». Такому строгому приговору подверглось множество народа, начиная съ князей и до простолюдиновъ. Здѣсь то отарылось, что тѣ, которые прежде такъ настаивали на всеобщемъ: древнихъ учрежденій касательно устройства и раздѣленія полей, — всѣ эти люди думали, что это дѣло не коснется ихъ. Когда же силою закона взяты были у нихъ излишнія земли: то они первые подняли ропотъ и послѣднимъ съ докладами Государю, что хотя эта мѣра и мудрая, близкая къ древнимъ учрежденіямъ общественныхъ полей, однако въ настоящее время уже не приложима; слабы даже воспріимы *Яо, Шунь, Вынь-сань, Чжэу-гунь,* *) в они бы не взяли и не захотѣли бы ввести ее; самыя рѣки давно уже перемѣнили свои русла. Какъ же можно возстановить то, чѣмъ слѣды уже давно изглажены временемъ? — Когда этотъ ропотъ достигъ крайняго предѣла, то *Вань-Мань*, не жала раздражить противъ себя сильныхъ людей, откинулъ, чрезъ три года послѣ утвержденія, данный имъ указъ о поземельной

*) Значитые Государь в нуки древности, — рбразцы политикн и государственнаго устройства, но нивнню Китайцевъ, господствующему досель. *Яо* умеръ въ 2236 году *Шунь* — въ 2204; *Вынь-сань*, основатель *Чжэу-ской* династїи, умеръ въ 1130, *Чжэу-гунь* правитель государства въ 1115 до Р. X.

собственности, и такимъ образомъ попытка восстано-
вить древнія учрежденія оказалась безуспѣшною.

Впрочемъ мысль эта ограничить право владѣнія
землею — при неудачныхъ опытахъ приведенія въ
исполненіе, не могла исчезнуть навсегда, потому что
обстоятельства и положеніе дѣлъ, родившія ее, под-
держивали и существованіе ея. Уравненіе поземель-
ной собственности не могло не занимать правительства;
при неравенствѣ обладанія землею казна многое те-
рела, а бѣдные люди, не имѣя пропитанія, требовали
помощи правительства. Обстоятельства, сопровождав-
шія возстановленіе Халискаго дома въ 25 году по
Р. Х. когда, по свидѣтельству исторіи, будто бы по-
гибло $\frac{1}{10}$ народонаселенія, когда земледѣліе остано-
вилось и большая часть полей поросла дикою травой,
не позволяли думать объ измѣненіи существовавшихъ
законовъ. Правительство заботилось только о томъ,
чтобы возстановить существовавшій дотогѣ порядокъ
вещей, чтобы доходы удовлетворяли и нуждамъ и по-
требностямъ государства, нисколько уже не рассчиты-
вая на большія выгоды; при такомъ положеніи госу-
дарства уравненіе поземельной собственности ни какъ
не могло быть приведено въ исполненіе; эту невоз-
можность поддерживали послѣдующія политическія сму-
ты и перевороты въ теченіи III и IV вѣковъ.

Цзиньская династія (царствовавшая съ 280 по 419

годъ по Р. X.) въ первые годы своего могущества издала постановленіе о раздѣленіи способныхъ къ работамъ людей на нѣсколько разрядовъ, соотвѣтственно которымъ опредѣлила давать извѣстное количество земли каждому землепашцу. По возрасту лѣтъ земледѣльцы раздѣлены на два разряда: 1-го отъ 16 до 60 лѣтъ владѣютъ землею: мужчины 70, женщины 30 му; 2-го разряда отъ 13 до 15 и отъ 61 до 65 лѣтъ, какъ мужчины, такъ и женщины, владѣютъ половиннымъ количествомъ противъ первыхъ. По достиженіи подростками 16 лѣтняго возраста, — они перемѣщаются въ 1-й разрядъ землепашцевъ, равно какъ достигшій 60 лѣтъ перемѣщается въ низшій разрядъ *). Высшія сословія также ограничиваются опредѣленнымъ количествомъ земли: князья, соотвѣтственно степени своего достоинства, владѣютъ отъ 15 до 7 цинъ, чиновники отъ 50 до 10; **) каждый классъ владѣетъ 5 цинами менѣе противъ высшаго. Впрочемъ ограниченіе это касалось только столицы и окрестностей ея, и вообще, по затруднительнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находилось *Цзиньское*

*) Подробное развитіе этой системы перемѣщенія принадлежитъ послѣдующимъ династіямъ *Вэй* и *Тань*.

**) Кажется въ Китайскомъ текстѣ ошибка и надобно исправить: отъ 5 до 1 цина, каждый классъ владѣетъ менѣе 50 му противъ высшаго; потому что въ Китаѣ никогда не полагалось жалованья и содержанія чиновникамъ, большее противъ князей.

правительство, постановленія эти остались безъ исполненія и, если что небудь по онимъ сдѣлано, то это не болѣе, какъ образецъ, и притомъ самаго низкаго разиѣра.

Уже въ концѣ V вѣка уравненіе поземельной собственности самымъ дѣломъ приведено въ дѣйствіе въ сѣверномъ Китаѣ, покоренномъ иностранною династією *Вэй*, царствовавшею въ сѣверномъ Китаѣ съ 385 до 557 по Р. Х. Для уравненія повинностей и налоговъ требовалось уравненіе силъ и имущества каждаго; чего нельзя было достигнуть безъ уравненія поземельной собственности, какъ основнаго имущества самаго многочисленнаго класса людей въ государствѣ. По этой причинѣ въ 485 году постановлено: давать имѣющимъ 15 лѣтъ и до 60, мужчинъ 40 му, женщинъ 20 — это для посѣва хлѣба; кромѣ сего каждому дому по 20 му подъ шелковицу и другія простири или плодовая деревья; всѣ малолѣтніе и старыя и вдовы, если они составляютъ отдѣльный домъ, — всѣ получаютъ для ирригаціи половину земель противъ полновозрелыхъ. Пахотныя земли принадлежать казнѣ, и ежегодно въ первой лунѣ производится раздача земель достигшимъ 15 лѣтняго возраста и возвращеніе ихъ въ казну, если кто преступилъ уже за 60 лѣтъ и сдѣлался неспособнымъ къ казеннымъ работамъ, или если владѣвшій ими померъ. На

этихъ земляхъ воспрещается садить деревья, чтобы не подать чрезъ то повода присвоить эти земли въ частную собственность: ибо земли, выдѣленные подъ деревья, должны составлять вѣчную, потомственную собственность каждаго и никогда не возвращаются въ казну. Если бы у кого и было ихъ болѣе закономъ опредѣленнаго количества — 20 му, и тогда излишекъ не отбирается въ казну; но всякой можетъ продать его другому, только нельзя продавать своего участка и покупать болѣе узаконеннаго количества. По пресѣченіи рода, земли эти, оставшіяся безъ владѣльца, берутся въ казну и раздаются немѣющимъ ихъ; при раздачѣ бѣдный имѣетъ преимущество предъ богатымъ, родственникъ предъ чужимъ.

Гдѣ земли не достаточно и между тѣмъ полновзрослые имѣютъ нужду въ ней, отсюда дозволяется переселяться въ мѣста обширныя и малонаселенныя, не ограничивая переселенца известною губерніею или уѣздомъ, но предоставляя это собственно его выбору, только не позволять ему убѣгать трудовъ и дскать бездѣйствія. Если же никто изъ полновозрастныхъ, не смотря на недостатокъ земли, не желаетъ переселиться въ другое мѣсто; то земли, прежде назначенныя подъ деревья, обратить въ выхотныя и удовлетворить нуждающихся въ нихъ. Это ограниченіе поземельной собственности коснулось и высшаго сосло-

вія въ государствѣ. Князья, родственники царскіе и вельможи — всѣ, по степені своего достоинства, должны владѣть опредѣленнымъ участкомъ земли, а земскимъ высшимъ и низшимъ чинамъ, смотря по классу, выдѣлены такъ называемыя *должностныя земли*, — приписанныя къ извѣстной должности, но не составлявшія собственности лица, исправлявшаго должность — отъ 15 до 6 цинъ.

Такое распределеніе поземельной собственности, такая раздача земель всѣмъ подданнымъ, уравнивавшая всѣхъ производителей въ отношеніи къ средствамъ приобрѣтенія, естественно ведетъ къ тому заключенію, что *Вэйское* правительство имѣло всѣ земли въ казнѣ; иначе оно не могло бы такъ свободно располагать ими по своему усмотрѣнію. Для поясненія этого обстоятельства нужно принять во вниманіе слѣдующее: опытъ отбиранія земель у богатыхъ и удовлетворенія ими бѣдныхъ, сдѣланный при *Вань-мань*, показалъ невозможность подобной мѣры, какъ насильственной. По этой причинѣ *Вэйское* правительство предоставило собственному произволу владѣльца земель продать излишнія тому, кто въ нихъ имѣлъ потребность, не принуждая впрочемъ никого, вопреки желанію своему, передавать свою собственность другому. Законами воспрещалось только: покупать болѣе законнаго количества, или продать, и другимъ какимъ

нибудь способомъ, передать другому свой законной мѣры участокъ. Такимъ образомъ у каждаго могла быть всегдашняя поземельная собственность, во владѣнiи которою могли быть уравнены всѣ подданные и эта мѣра уравниенiя, только при добровольной передачѣ излишнихъ земель другому, была удобоисполнима. Притомъ сѣверъ Китая былъ населенъ менѣе юга, такъ что цѣлые уѣзды составляли степь для пастбищъ кочевыхъ завоевателей; почему у правительства оказалось много пустопорожнихъ земель, которыя оно могло употребить на раздачу своимъ поданнымъ, и такимъ образомъ въ большой части *Вэйскаго* царства владѣнiе поземельною собственностiю приведено было въ опредѣленную мѣру и не было такого неравенства, какъ на югѣ Китая.

Постановленiя *Вэйскаго* правительства касательно поземельной собственности на долго остались образцомъ, которому подражали послѣдующiя династiи: *Сунъ, Ци, Лянъ, Чжоу, Чэнь*, съ небольшими измѣненiями. Уравниенiе поземельной собственности, начатое въ *Вэйскомъ* царствѣ, достигло полного развитiя, когда весь Китай, соединенный подъ одну державу *Суйскою* династiею, (царствовавшою съ 589 до 618 по Р. Х.), перешелъ къ *Танъской*, (царствовавшей съ 619 до 907 по Р. Х.), и когда единство управленiя стало имѣть силу по всему пространству обшир-

ной Имперіи (*). По постановленіямъ этой династіи, сдѣланнымъ при началѣ царствованія ея, всякій безъ различія пола и возраста — если составлялъ отдельный домъ — получалъ въ вѣчную собственность участокъ земли и какъ лицо, способное къ работамъ и несенію казенныхъ повинностей и службъ — временно имѣлъ особый подушный участокъ.

Земля, выдѣляемая въ вѣчную собственность, имѣла тоже назначеніе, какое дано было ей и при началѣ введенія этой мѣры при *Вэйской* династіи, именно: для разсаживанія шелковицы и другихъ простыхъ и плодовыхъ деревьевъ, и этой земли всегда было не болѣе 20 му, гдѣ позволяли мѣстность и множество пустырей, въ противномъ случаѣ и того менѣе. Купцы и ремесленники получали только половину противъ земледѣльцевъ — 10 му, а за неимѣніемъ пустопорожней земли, имъ не выдѣлялось ничего. Князья и другіе наследственные чины получали въ вѣчную собственность, смотря по достоинству, отъ 100 до 5 цинъ. Военные первыхъ пяти классовъ отъ 30 цинъ до 60 му, съ правомъ потомственной собственности, а прочимъ военнымъ, равно и всѣмъ гражданскимъ чинамъ, на основаніи прежнихъ постановленій, давались земли,

*) При этой династіи въ первый разъ введена новая поземельная мѣра, имѣющая силу до настоящаго времени. Участокъ земли въ 5 футовую полу-сажень ширины и 240 длины составляло одну му, — 100 му — одинъ цинъ.

соединеныя съ должностію, съ лишеніемъ которой онѣ переходили въ руки преемника и слѣдовательно составляли вѣчную собственность въ отношеніи къ должності, а не къ лицу, и, смотря по классу должности, давалось только отъ 12 цинъ до 20 му. Земли, выдѣланныя въ вѣчную собственность землепашцамъ, купцамъ и ремесленникамъ, вопреки постановленіямъ *Вэйской* династїи, могли переходить отъ одного владѣльца въ другому посредствомъ продажи или заклада. Продажа могла имѣть мѣсто, если владѣлецъ умеръ и оставшееся семейство, по причинѣ крайней бѣдности, не могло совершить погребенія покойника, или если владѣлецъ переселялся изъ сей деревни въ другую. Впрочемъ покупатель не могъ пріобрѣтать болѣе узаконеннаго количества, а продавецъ вновь просить у казны этой собственности; для обезпеченія же покупателя, передача эта должна была совершаться въ присутственномъ мѣстѣ. Закладываніе собственной земли возможно было въ томъ случаѣ, если кто отправлялся на отдаленную службу и не имѣлъ ближайшаго родственника, который охранялъ бы его собственность.

Кромѣ этой родовой собственности, правительствомъ раздавались еще другія земли и уже въ гораздо большемъ количествѣ — это подушныя земли. Всякій полновозрастный мужчина съ 18 лѣтъ получалъ себѣ подушный участокъ въ 80-му; недостигшіе сего воз-

раста подростка, старики, больные, вдовы, если въ они жили особымъ домомъ, также получали подушный участокъ, только половинный противъ первыхъ. Купцы и ремесленники могли также получать себѣ половинный подушный участокъ, если въ извѣстномъ мѣстѣ, гдѣ они приписаны, находились пустопорожнія земли. Излишнія, послѣ надѣленія всѣхъ, земли должны были оставаться въ казнѣ; въ случаѣ нужды отчуждаться къ сосѣдственнымъ деревнямъ и даже уздамъ и раздаваться имѣющимъ право на подушный участокъ. Раздача сихъ земель производилась въ 10 лунѣ; при чемъ бѣдный предъ богатымъ, состоящій на службѣ предъ неслужащимъ, имѣли преимущество. Выданный подушный участокъ находился безперемѣнно во владѣнїи одного лица до 60 лѣтняго возраста. Когда человекъ за старостію лѣтъ дѣлался неспособнымъ къ обработыванію такого большого количества земли и отправленію казенныхъ службъ, тогда выдѣленный ему подушный участокъ отбирался въ казну. Только раны и увѣчье, полученныя на сраженіи противъ враговъ правительства, давали ему право владѣть подушнымъ участкомъ до конца жизни; равно сынъ или внукъ убитаго на сраженіи также имѣлъ право пользоваться подушнымъ участкомъ его, хотя бы и не достигъ еще совершеннолѣтія. Эти исключенія для инвалидовъ не давали впрочемъ права

никому самопроизвольно располагать подушнымъ участкомъ, не только продавать, но и закладывать или уступать другому за известную плату для посѣва; но всякой долженъ былъ самъ обрабатывать выдѣленный участокъ.

Таково первоначальное распоряженіе *Тамьскаго* правительства касательно поземельной собственности. Но въ самомъ этомъ учрежденіи, очень близкомъ къ узаконеніямъ древнихъ Государей, крылось и самое злоупотребленіе, которое лишило эту мѣру силы и дѣйствія.

Правительство дозволило переселеніе изъ тѣсныхъ и малоземельныхъ мѣстъ въ обширныя и малонаселенныя, для совершенія котораго оно разрѣшило переселенцамъ не только продавать свою вѣчную собственность 20 му, но даже и подушный участокъ, *) хотя продавецъ и лишался права на полученіе новаго изъ казны. При томъ выдѣленный подушный участокъ долго находился въ рукахъ одного владѣльца, который естественно при затруднительныхъ обстоятельствахъ не могъ не жертвовать имъ для поправленія своихъ дѣлъ. Законы воспрещали передавать свой уча-

*) Покупщиками могли быть: 1) купцы, не получившіе въ известномъ мѣстѣ земли, по причинѣ недостаточности ея, 2) подростки не достигшіе 18 лѣтъ, или люди переступившіе за 60 лѣтъ, которые не имѣли подушнаго участка, а между тѣмъ силы позволяли имъ иногда заниматься работами, 3) сословіе благородныхъ.

стокъ посредствомъ продажи или залога; но сила стѣсненнаго положенія такъ велика, что человекъ, не смотря на грозящія ему наказанія, нарушалъ иногда постановленія правительства. Началось залогомъ земли, кончилось продажей ея; когда же злоупотребленіе это сдѣлалось повсемѣстнымъ, правительство уже прямо разрѣшило совершать передачу подушного участка другому на опредѣленныхъ правилахъ и стало выдавать купчія крѣпости для того, чтобы вѣрнѣе обезопасить собственность покупателя. Правда покупатель, не смотря на свое богатство, не могъ приобрести болѣе закономъ опредѣленнаго количества; но, кромѣ злоупотребленій всегда почти возможныхъ, богатый человекъ вновь покупаемую землю записывалъ на имя кого-нибудь изъ членовъ своего дома и такимъ образомъ онъ самъ являлся нѣкимъ в законномъ участкомъ, а, какъ глава семейства, обладалъ десятками и сотнями десятинъ. Такимъ образомъ задача земель, имѣвшая цѣлю уравненіе поземельной собственности и направленная противъ соединенія множества земель въ однихъ рукахъ, привела къ тому же результату, который былъ причиною введенія этой мѣры — къ прежнему же неравенству въ обладаніи землею. Богатые по прежнему расширили межи своихъ земель, а бѣдные опять потеряли свою опору. «Подлинно, говорятъ китайскія историкки, правитель-

ство *Танское* не имѣло любви и состраданія къ народу, когда предоставило его собственному произволу продавать поземельные участки не только родовые, но и подушные, и переселиться съ мѣста на мѣсто.» Положительное разрѣшеніе продажъ подушнаго участка ясно показало народу, что обрабатываемыя имъ земли суть его собственность, которую онъ можетъ распорядиться по своему произволу. Хотя все еще существовали выдача и возвращеніе земель въ казну, хотя поля носили названіе казенныхъ; но на самомъ дѣлѣ они были частныя. Внѣшнія и внутреннія войны, начавшія колебать Китайское Государство съ половины царствованія *Танской* династіи, потребовали великихъ расходовъ, и народъ, приведши въ крайность отъ политическихъ неустройствъ и тягостныхъ налоговъ, болѣе прежняго началъ продавать свои земли, которыя съ каждымъ днемъ сосредоточивались болѣе и болѣе въ рукахъ немногихъ. Слѣдствіемъ сего было то, что преждео уравниеніе поземельной собственности окончательно пало, и навсегда.

Переходъ казенныхъ земель въ частную собственность, совершившійся посредствомъ самовольной сдѣлки землепашцевъ, произвелъ измѣненіе въ соображеніяхъ правительства насательно поземельной собственности. Всѣ попытки разныхъ династій Китая уравниять поземельную собственность и перевести земли изъ

частныхъ рукъ въ казну не увѣнчались волюгъ желаемымъ успѣхомъ и доказали невозможность когда нибудь достигнуть сего намѣренія. Продажа, закладъ и сосредоточеніе множества земель въ рукахъ одного владѣльца существовали у нихъ во всё время, не смотря ни на какія строгія запрещенія и наказанія. При томъ бывшія смятенія въ Китаѣ истребили списки и записи земель, такъ что осталось мало документовъ, по которымъ бы можно было возстановить прежнее уравненіе въ поземельной собственности и налогахъ.»

«Еслибы правительство,» по словамъ министра *Ян-Ян*, «снова успѣло ввести прежнюю мѣру, вознагражденіе — доходы съ земель, по прежнимъ постановленіямъ, уже недостаточны для удовлетворенія нуждъ и потребностей государства, котораго расходы становятся съ каждымъ днемъ многочисленнѣе. При настоящемъ положеніи дѣлъ, для правительства важно только то, что извѣстная собственность приносить ему доходъ; но принадлежитъ ли она одному лицу или многимъ, казенная или частная, — на этотъ вопросъ теперь не время обращать полнаго вниманія, хотя по другимъ соображеніямъ онъ имѣетъ великую важность. Такимъ образомъ, при сборѣ поземельной подати, для правительства было все равно: частная ли земля или казенная приносить ему доходы, одинъ ли человекъ или нѣсколько вносятъ оброкъ за извѣстный участокъ.

Правительственные лица, въ то время весьма занятыя увеличеніемъ государственныхъ доходовъ, пришли къ справедливому заключенію, что не одна земля можетъ служить источникомъ государственныхъ доходовъ: торговля и другіе промыслы, при высшемъ своемъ развитіи, могутъ сравняться съ землею въ доставленіи выгодъ и пользы частнымъ людямъ и казнѣ. Слѣдовательно: не стоитъ заботиться ни объ удержаніи поземельной собственности за казною — ежегодно принимать особенныя тягостныя хлопоты по раздачѣ и приему земель, ни объ уравниеніи ея между подданными. Гораздо лучше предоставить произволу каждаго владѣть землею и приобрѣтать ея столько, сколько позволятъ силы и достатокъ, на однихъ правахъ съ другою частною собственностію, не подлежащею никакому ограниченію. Что касается до бѣдныхъ людей, не имѣющихъ земли, говорили они, то излишнею было бы заботою доставлять землю тому, кто не умѣлъ владѣть ею. Потеря этой собственности зависѣла не столько отъ тягостныхъ налоговъ, сколько отъ худыхъ расчетовъ и распоряженій каждаго своимъ имуществомъ; сколько разъ ни выдавали бѣднымъ землю, они всегда, при первыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, покидали или продавали ее. Въ настоящее время единственное для такого народа со стороны правительства благодѣяніе: не требовать съ

него ничего, что превышает его силы и достаток, и слѣдовательно освободить не имѣющаго земли отъ поземельной подати и повинностей. *) Разныя правительства, для уравненія налоговъ, заботились только объ уравненіи поземельной собственности. Если это составляетъ обязанность правительства, то почему бы не приложить старанія и объ уравненіи всякой другой частной собственности, потому что она приноситъ пользу владѣтелю, и почему бы правительству не пользоваться доходами съ другихъ собственности, также какъ и съ поземельной.» Послѣ такихъ соображеній *Тангское* правительство, чрезвычайно нуждавшееся въ деньгахъ, съ 780 года начало вводить новую систему налоговъ, по которой подати должны взиматься съ известнаго человека, не потому, что онъ владѣетъ землями или находится въ полномъ возрастѣ и силѣ, но потому, что онъ имѣетъ собственность, состоящую или въ земляхъ или въ другомъ чемъ нибудь, и потому имущество народа было раздѣлено на девять разрядовъ. Эта система налоговъ, по замѣчанію историковъ, была самая лучшая, судя по времени и тѣмъ труднымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находилось *Китайское* государство. По ней земля получила одинаковое съ прочими собственностями значеніе, которыми владѣ-

*) Окончательно приведено въ исполненіе это постановленіе при востановленіи *Циньской* династіи.

тель распоряжался во своему произволу; слѣдовательно—
 всякому предоставлялось полное право прибрѣтать или
 уступать землю другому, не ограничиваясь ни количе-
 ствомъ, ни мѣстомъ, такъ же, какъ неограниченно
 право владѣнія другою собственностію; однимъ сло-
 вомъ, ею возстановлялся прежній *Циньскій* законъ
 о неограниченномъ владѣніи поземельною собствен-
 ностію

Послѣ возстановленія права неограниченнаго владѣ-
 нія землею, собственность эта въ Китаѣ находится
 въ одинаковомъ состояніи уже болѣе тысячи лѣтъ.
 Такое неизмѣнное положеніе поземельной собствен-
 ности доказываетъ сообразность его съ устройствомъ
 государства и есть выводъ изъ историческаго хода
 развитія гражданственности и образованія Китайскаго
 народа. Вѣка приготовляли его для вѣковаго суще-
 ствованія. Послѣдующія правительства уже не мо-
 гли дѣлать измѣненій, не коснувшись вмѣстѣ и про-
 чихъ частей государственнаго механизма; отъ того
 всѣ династіи, въ разныя времена послѣ *Тангской*
 царствовавшія въ Китаѣ, касательно земли держались
 и держатся ея узаконеній и очень не много приба-
 вили новаго, что было или случайною мѣрою для
 искорененія въравшихся злоупотребленій, или прино-
 сило только временныя выгоды. По этой причинѣ
 здѣсь остается только показать тѣ послѣдствія, которыя

произошли отъ возстановленія права неограниченнаго владѣнія поземельною собственностію. Послѣдствія эти были явнѣ тѣже самыя, которыя явились послѣ первоначальнаго изданія *Циньскимъ* правительствомъ закона о свободномъ обладаніи землею, явнѣ особенныя, отличныя отъ прежнихъ, зависѣвшія отъ особеннаго, отличнаго отъ прежняго, положенія дѣлъ и обстоятельствъ государства.

Первымъ слѣдствіемъ измѣненія системы налоговъ, сообщившей землѣ второстепенное — одинаковое съ прочими собственностями значеніе, былъ упадокъ земледѣлія. Многіе изъ Китайцевъ давно уже предпочитали торговыя занятія земледѣлію. Со времени введенія сбора податей по достатку имущества, сословіе торговцевъ и другихъ мелкихъ промышленниковъ съ каждымъ днемъ умножалось болѣе и болѣе. Правда, это принесло пользу развитію промышленности; но народъ сего разряда для такого занятія по большой части покидалъ земли, которыя заросли травой и не приносили пользы ни частнымъ людямъ, ни казѣ. Между тѣмъ не всякій, продавшій или бросившій свою землю для легкаго стяжанія, могъ въ короткое время отыскать мѣсто для своего занятія, особенно когда этотъ классъ народа чрезвычайно умножился и своимъ количествомъ довольно уже соответствовалъ потребностямъ и нуждамъ общества. Почему празднаго

и скитающагося народа съ каждымъ днемъ становилось болѣе и болѣе, особенно при послѣдовавшихъ политическихъ смутахъ и раздробленія Государства. Это было естественнымъ слѣдствіемъ уничтоженія прежнихъ узаконеній, которыя, посредствомъ доставленія каждому поземельной собственности, привязывали человека къ извѣстному мѣсту и останавливали бродяжничество. Для уничтоженія этого зла, правители Китая иногда снова возвращались къ прежней мысли — водворять немѣющихъ постоянного жительства посредствомъ доставленія имъ поземельной собственности. Всѣ дѣйствія касательно этого предмета ограничивались обнародованіемъ срока, послѣ котораго, если убѣжавшіе не возвратятся на прежнее жительство, земли, ими брошенныя, отданы будутъ въ собственность другимъ, или предоставленіемъ собственному ихъ произволу и выбору — распахивать всякія пустопорожнія земли, въ ограниченномъ впрочемъ количествѣ, обращать ихъ въ вѣчную свою собственность, иногда съ правомъ всегдашней свободы отъ податей, а иногда даже съ безвозвратною ссудою всѣмъ нужнымъ для первоначальнаго обзаведенія въ сельскомъ хозяйствѣ: рабочимъ скотомъ — волами, сѣменами, земледѣльческими орудіями. Мѣры эти по большей части оправдывали заботливость правительства.

Иногда случалось однако, что въ одномъ мѣстѣ

земли распахивались, а въ другомъ поросла травою, — это происходило отъ того, что землепашцы поспѣвали свои нивы и удалялись въ другія мѣста для распахиванія пустопорожнихъ земель, для того, чтобы воспользоваться льготою отъ податей и повинностей.

Возстановленіе права неограниченнаго владѣнія землями произвело то же, что было и прежде: умноженіе поземельной собственности у богатыхъ людей. Съ предоставленіемъ всякому права владѣть неограниченнымъ количествомъ земли, богатые большую часть капиталовъ своихъ стали обращать на приобрѣтеніе этой собственности, такъ какъ земля, не требуя на себя никакихъ издержекъ, приносила вѣрный доходъ владѣльцу. Остатся необработанными оны не могли потому, что съ каждымъ днемъ умножалось число народа, который или по разнымъ причинамъ только что лишился этой собственности, или былъ не въ состояніи приобрѣсти ее, и который приходилъ къ богатымъ для обработыванія ихъ земель, на правахъ арендаторовъ. Чего прежде такъ боялись и противъ чего въ прежнія времена направлены были всѣ дѣйствія правительства — умноженія поземельной собственности у одного владѣльца — то снова возникло, но уже на это стали смотрѣть, какъ на необходимое и неизбежное слѣдствіе тѣхъ же причинъ. Хотя нѣсколько разъ снова издавались законы, ограничивавшіе право

поземельной собственности; но они вскорѣ были отняты или по просямъ богатыхъ и именитыхъ людей, или по невозможности привести ихъ въ исполненіе, какъ уже не сообразные съ правами народа. И потому правительство Китайское начало прилагать особенную заботливость только объ обезпеченіи состоянія арендаторовъ и защищать ихъ отъ притѣсненій и обременительныхъ требованій со стороны владѣльцевъ земли. Съ этою цѣлію, по качеству земли, опредѣлялось количество оброка земледельцу, и строго запрещалось послѣдному переимѣнять арендатора безъ какой либо законной причины, при исправномъ платежѣ оброка.

Кромѣ сего на законномъ основаніи совершавшагося приобрѣтенія земель богатыми и сильными людьми, право неограниченнаго владѣнія землею указало имъ и другія средства къ полученію этой собственности: это самовольное присвоеніе земель, принадлежащихъ или частнымъ лицамъ — бѣднымъ и беззащитнымъ людямъ, или казнѣ. При началѣ утвержденія новой династіи, или при другомъ какомъ политическомъ переворотѣ и смятеніяхъ, всегда множество земель оставалось безъ владѣтелей, которые или дѣлались жертвами переворота, или убѣгали изъ мѣстъ своего жительства. Новое правительство, для того, чтобы всѣ земли приносили пользу, и для вознагражденія лицъ,

оказавшихъ ему заслуги, разрешало занимать такія земли и обращать ихъ въ свою собственность. Разрѣшеніе это простиралось на всѣхъ чиновниковъ и на бѣдныхъ, не имѣвшихъ поземельной собственности; но послѣдніе безъ сомнѣнія не могли воспользоваться этою льготою прежде богатыхъ и именитыхъ людей. Князья и родственники царскіе, вельможи, придворные евнухи, жрецы Буддійскаго и даоскаго исповѣданій, *) на основаніи предоставленнаго всѣмъ права: зачислять за собою пустопорожни прежде пахотныя земли, — приобрѣли нѣсколько тысячъ цинъ земли, и при этомъ иногда, надѣясь на свою силу и богатство, захватывали въ свое владѣніе и такія земли, при коихъ находились на лицо прежній владѣлецъ, и даже казенныя. Мелкіе чиновники очень искусны были открывать и, для свисканія благоволенія высшихъ и сильныхъ людей, доводить до свѣденія ихъ о таинъ земляхъ, которыя ими могли быть обращены въ свою собственность.

Это злоупотребленіе особенно существовало при *Юаньской* — Монгольской династіи. Обширное поле представлялъ Китай для необузданнаго самовольства степныхъ завоевателей. Несмотря на огромное коли-

*) Эти три класса Китайцевъ, при *Юаньской* и *Миньской* династіяхъ играли важную роль, неоднократно выпрашивали у Богдохановъ грамоты на землю съ приложеніемъ даже большой ихъ печати.

чество удѣльныхъ земель для всѣхъ родственниковъ и потомковъ Ханскаго дома и на щедрую раздачу земли всѣмъ высшимъ и низшимъ, гражданскимъ и военнымъ чинамъ (такъ что простой Монгольскій солдатъ первоначально получилъ на себя четыре цинна земли), люди съ вѣсомъ и богатствомъ всегда захватывали въ свою собственность земли, принадлежавшія поселянамъ или казнѣ. Даже одинъ изъ царевичей покушался было завладѣть 60,000 циннъ отѣлей по берегамъ рѣкъ и, для надзора за сборомъ оброка съ нихъ, учредить особый приказъ. Притомъ собственныя и несправедливо ими присвоенныя земли не всегда и не всѣ были обрабатываемы. Большая часть земель около столицы обращена была въ степь для пастбищъ скота, для распространенія которыхъ, при началѣ владычества Монголовъ въ Китаѣ (1230), предлагалось даже : «обратить всю покоренную страну въ степь, а Китайцевъ, если можно, всѣхъ вырѣзать». Только въ послѣднее время существованія *Юаньской* династїи позволено было поселянамъ пахать и засѣвать осенью поля свои около столицы, потому что такая распашка уничтожала травы и тѣмъ причиняла вредъ пастбищамъ. — Злоупотребленіе присвоенія земель породило и другое зло. Поселяне, притѣсняемые земскими властями, обремененные разными поборами, и видя безнаказанность сильныхъ людей

за присвоеніе земель, — стали предлагать свои земли князьямъ и другимъ сильнымъ именитымъ людямъ въ вѣчное ихъ владѣніе, а сами дѣлались ихъ арендаторами. Земскіе начальники не въ силахъ были остановить такую добровольную передачу земли ко вреду казны. Нѣсколько разъ составлялись слѣдственныя комиссіи, которыя, между прочими обязанностями, должны были розыскивать несправедливое обладаніе землями. Но онѣ не могли достигнуть своего назначенія. Розыскъ этотъ коснулся бы самыхъ высшихъ правительственныхъ лицъ, а при томъ онъ производился съ слишкомъ рѣшительными мѣрами, какъ на примѣръ въ 1314 году при Юальской династіи: подъ прикрытіемъ вооруженныхъ отрядовъ; отъ чего возникъ бунтъ, для утишенія котораго слѣдствіе было отмѣнено и отобранныя земли опять возвращены, хотя и не законнымъ владѣльцамъ.

Для казны была слишкомъ очевидна польза, которую извлекали частныя владѣльцы изъ права неограниченнаго пріобрѣтенія поземельной собственности: количество взимаемаго ими оброка съ своихъ земель далеко превышало подать, которую правительствомъ собирало съ пашень, составлявшихъ собственность поселянъ. По этой причинѣ *Суньское* правительство, для увеличенія доходовъ, во время тяжелой борьбы за престолъ Имперіи съ Туиугсами и Монголами,

рѣшилось пользоваться такими же выгодами отъ имѣющихся въ казнѣ земель, какія получали частные владѣльцы отъ своихъ. Съ этою цѣлю постановлено: взятыя въ казну, или по пресѣченіи рода или за преступленія владѣльцевъ, а равно отобранныя у жрецовъ обнѣхъ сектъ, пустопорожнія около озеръ и рѣкъ земли, которыя по прежнимъ постановленіямъ или раздавались бѣднымъ, немѣющимъ этой собственности, или продавались по оцѣнкѣ, — всѣ эти земли болѣе уже не передавать въ собственность частныхъ лицъ, но отдавать на оброкъ желающимъ обработывать ихъ. Съ начала казенныхъ пашень было немного, исключая военныхъ поселеній; но въ послѣдствіи времени количество ихъ постепенно возрастало, какому приумноженію немало содѣйствовали распоряженія правительства, особенно при концѣ этой династїи.

Въ то время, когда Сунъская династїя, лишившаяся многихъ владѣній, употребляла послѣднія усилія на зашитѣ Китая отъ Монголовъ, когда содержаніе большой арміи, поглощавшее всѣ доходы малаго царства, было обременительно для правительства по причинѣ дорогихъ цѣнъ на всѣ предметы, — при такомъ положеніи дѣлъ возникла мысль взять земли отъ частныхъ владѣльцевъ въ казну, взимая съ нихъ тоже количество оброка, какое арендаторы платили земле-

хозьеваѣтъ, слѣдовательно большее противъ казенной поземельной подати. По сдѣланному расчету выходило: что если бы правительство владѣло 100.000 цинъ, какъ полною собственностію, то получало бы съ нихъ 6 или даже 7 милліоновъ мѣшковъ хлѣба, какое количество могло доставить провіантъ для самой многочисленной арміи. Посему въ 1263 г. постановлено: переводъ изъ частныхъ рукъ въ казну совершить посредствомъ покупки. Если кто изъ чиновниковъ или простолюдиновъ владѣеть болѣе 100 му, взять эту землю въ казну съ уплатою владѣльцу известной суммы, количество которой опредѣляться должно количествомъ ежегоднаго оброка. Участокъ земли, приносившій оброка одинъ мѣшокъ, оцѣненъ въ 200 тысячныхъ связокъ Китайской мѣдной монеты; если же земля доставляла оброка менѣе одного мѣшка, то за каждую десятую часть онаго сбавлялось 20 связокъ. Уплата сихъ денегъ производилась болшею частію квитанціями и векселями. Эта мѣра приобрѣтенія земель въ казну въ теченіе десяти лѣтъ приводилась въ исполненіе съ большимъ успѣхомъ, особенно въ губерніяхъ *Лянь-чже* и *Лянь-цзянь*, преимущественно въ областяхъ: *Су-чжоу*, *Цзя-синь*, *Ху-чжоу*, *Чань-чжоу*, *Чжень-цзянь*. Этому много способствовало вліяніе и сила министра *Цзя-сы-дао*, изъ угожденія которому чиновники покупали у частныхъ владѣльцевъ земли и потомъ сдавали въ казну.

А какъ закупка сего рода ставилась имъ въ заслугу, и могла открыть дорогу къ высшимъ почестямъ, то они насильно, а иногда и пытками заставляли продавать имъ земли даже тѣхъ, у которыхъ было не болѣе узаконеннаго количества — 100 му. Ропотъ народа и шаткое положеніе *Суньскаю* правительства принудили отмѣнить означенную мѣру; впрочемъ предприятие это не осталось безъ благопріятныхъ послѣдствій для Китайской казны. Земель, такимъ образомъ ею приобрѣтенныхъ и въ послѣдствіи по разнымъ причинамъ отобранныхъ у частныхъ владѣльцевъ, чрезвычайно умножилось, такъ что составился особенный разрядъ пашень.

При началѣ *Миньской* династіи поля всѣ раздѣлены были уже на два разряда: *казенныя* и *частныя*. Казенныя составляли $\frac{1}{7}$ всѣхъ пахатныхъ земель въ государствѣ; а въ *Су-чжоу*—и другихъ смежныхъ областяхъ губерній *Чже-Цзянь* и *Цзянь-нань*, принадлежавшихъ частнымъ владѣльцамъ полей было не болѣе $\frac{1}{15}$, прочія же всѣ составляли собственность казны. Такой перевѣсъ казенныхъ земель предъ частными произошелъ отъ того, что закупка земель въ казну, по плану *Цзя-сы-дао*, преимущественно совершалась въ этихъ областяхъ и что основатель *Миньской* династіи, въ порывѣ негодованія на жителей сихъ областей за упорную защиту *Чжань-ши-чжа*,

подобно ему стремившагося къ приобрѣтенію Китайскаго престола, всѣ земли, принадлежавшія богатымъ домамъ, повелѣлъ взять въ казну. Земли эти въ настоящее время хотя уже снова почти всѣ перешли въ частную собственность, но тягостный оброкъ съ нихъ, наложенный въ то время, до сихъ поръ еще остается почти тотъ-же самый. Казенныя земли эти при *Миньской* династіи отчасти употреблялись на раздачу князьямъ и родственникамъ царскимъ, заслуженнымъ людямъ, евнухамъ, казеннымъ капицамъ и пограничнымъ чинамъ и солдатамъ. Подобное раздѣленіе и употребленіе земель удержано въ Китаѣ и въ настоящее *Циньскую* династію, царствующую съ 1644 года.

Вмѣстѣ съ возстановленіемъ права свободнаго обладанія землями, предоставлявшаго эту собственность частнымъ лицамъ и казнѣ, получили начало и удѣльныя земли.

Со времени введенія въ Китаѣ монархіи, Богдоханы никогда не отдѣляли для себя участковъ земли въ частную собственность, но при *Миньской* династіи въ первый разъ учреждены были царскіе хутора. Начало этому положено въ 1464 году, послѣ конфискаціи имѣнія одного евнуха. Конфискованное за преступленіе имущество чиновниковъ всегда обращалось въ собственность Китайскихъ Государей, почему земли и всякое недвижимое имущество, описанное на Госу-

даря, въ прежнія времена продавалось по обыкнѣ, но въ это время постановлено: не продавать конфискованныхъ земель, а учредить изъ нихъ хутора, и оброкъ съ нихъ представлять въ дворцовое управленіе на частныя расходы Богдохана. Такихъ хуторовъ учреждено было 36, а подъ ними земля 37.595 цинь. Въ послѣдствіи количество царскихъ земель весьма умножилось; въ каждомъ хуторѣ поставленные надзиратели и управляющіе, для собственной выслуги, неоднократно о земляхъ, принадлежавшихъ поселянамъ, представляли какъ о пустопорожнихъ, которыя можно причислить къ извѣстному Царскому хутору; таія представленія не рѣдко утверждались и мало по малу подъ хуторомъ оказывалось земли гораздо больше, нежели сколько первоначально было отведено, такъ что въ иныхъ хуторахъ количество отнятыхъ у поселянъ и причисленныхъ къ нимъ земель доходило до $\frac{9}{10}$. Наконецъ самая доставка оброка съ сихъ земель возложена была на жителей ближайшихъ мѣстъ, на ряду съ прочими казенными повинностями. Къ тому же въ одно почти время съ учрежденіемъ этихъ хуторовъ открыты были торговыя лавки, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снятъ откупъ соли на деньги и имя Государя. Эти учрежденія, по новости своей, произвели непріятное впечатлѣніе на народъ, сужденія и толки котораго стряпчими доведены были до свѣде-

вія Государа, съ присовокупленіемъ своего мнѣнія объ уничтоженіи ихъ. Но сіи представленія ихъ не имѣли полнаго дѣйствія, по нимъ сдѣлано только, что нѣкоторыя захваченныя земли возвращены были прежнимъ владѣльцамъ, а хутора стали называться казенными, а не Царскими, какъ было прежде.

Здѣсь въ подробности изложены всѣ слѣдствія, которыя проистекли изъ узаконеній Китайскаго правительства касательно поземельной собственности — узаконеній, имѣвшихъ въ основаніи своемъ умственное и гражданское образованіе Китайскаго народа. Всѣ опыты и всякія предпріятія, совершившіеся на сѣхъ началахъ, достигли уже крайняго предѣла, за который переступать не позволяютъ: тѣсный взглядъ на предметы, недостаточность образованія и скудный источникъ познаній, отчужденіе и совершенное незнаніе всего, что происходитъ внѣ предѣловъ этого государства. По сему причинамъ, много протекло столѣтій и не явилось ни одного государственнаго дѣятеля, который бы далъ новое движеніе развитію жизни и трудолюбія народа. — «Долговременное спокойствіе, говорятъ сами Китайцы, и чрезъ многія вѣка ставшее обыкновеннымъ теченіе дѣлъ поддерживаютъ существующій порядокъ и все идетъ само собою безсознательно; но когда послѣдуетъ малѣйшее нарушеніе этого заведеннаго порядка, то все зданіе

рушится» *). И здѣсь начинается не постройка вновь на мѣстѣ развалинъ, но починка стараго старыми матеріалами и по старому плану. Для созданія чего нибудь новаго, у Китая нѣтъ ни потребности, ни искусныхъ строителей. Такъ вышедшій изъ гѣ-совъ Маньчжуріи народъ покорила своей власти пришедшую въ разстройство Китайскую Имперію; но, въ своемъ отечествѣ будучи мало знакомъ даже съ земледѣліемъ, тѣмъ менѣе съ высшими государственными вопросами, по приходѣ своемъ въ покоренную страну, началъ только изучать то, что она узнала послѣ вѣковыхъ тяжкихъ опытовъ. Естественно отъ такого народа нельзя ожидать какихъ нибудь важныхъ перемѣнъ въ частяхъ государственнаго управленія. Въ зеркалѣ многочисленныхъ примѣровъ Китайской исторіи, удачныхъ и неудачныхъ опытовъ, онъ не могъ найти ничего лучше существовавшаго порядка, который былъ окончательнымъ историческимъ результатомъ проявленія дѣятельности и собственныхъ силъ Китайскаго народа. Естественно, настоящая *Циньская* династія во всѣхъ учрежденіяхъ не только руководствуется прежними примѣрами, но даже приняла всѣ эти учрежденія въ неизмѣнномъ объемѣ, со всѣми малѣйшими подробностями и отчасти со всѣми недостатками ихъ.

*) См. Чувь-минь-амь-ой-лу.

Такимъ образомъ и въ постановленіяхъ о поземельной собственности правительство совершенно слѣдуетъ *Минскимъ* уложеніямъ, изъ которыхъ не много въ послѣдствіи времени отиѣнило или дополнило; почему для того, чтобы показать настоящее состояніе поземельной собственности въ Китаѣ, нужно подробно изложить распоряженія настоящаго *Цинскаго* правительства касательно пахатныхъ земель, которыя были сдѣланы на прежнихъ основаніяхъ.

Раздѣленіе земель на казенныя и частныя и назначеніе ихъ остались прежнія. Частная поземельная собственность оставлена неприкосновенною, исключая неизбѣжныхъ, при случившихся политическихъ переворотахъ, потерь частныхъ лицъ. Право владѣнія неограниченнымъ количествомъ, продажи, покупки, закладыванія земель, — все на прежнихъ основаніяхъ предоставлено произволу каждаго. Правительство приняло на себя обязанность защищать эту собственность отъ несправедливаго присвоенія, приложило особое стараніе о томъ, чтобы нигдѣ не оставалась праздною годная къ обработыванію земля, которой количество чрезвычайно умножилось въ продолженіи смутеній и неурядицъ, положившихъ конецъ царствованію *Минской* династіи, и чрезъ то остановитъ бродяжничество. Съ этою цѣлію постановлено: всякую пустую и поросшую травой землю отдавать въ вѣч-

ную собственность неимѣющимъ земли и постоянного жительства, приписывая ихъ тамъ, гдѣ они имѣли временное пребываніе и, не обращая вниманія на то, что извѣстная земля принадлежала прежде другому, на нее тотчасъ выдавать крѣпость. Земли, принадлежавшія *Мимьскимъ* князьямъ, отданы въ вѣчную собственность прежнимъ арендаторамъ ихъ. За успѣхи въ водвореніи на постоянное жительство и распаханіе земель положено награждать всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ, начиная съ генералъ-губернатора, а въ противномъ случаѣ если окажутся вновь запущенныя земли — всѣхъ предавать суду. Впрочемъ, не смотря на дарованную землю поселенцамъ и поощренія чинамъ, распаханіе пустопорожныхъ земель подвигалось очень медленно по слѣдующимъ причинамъ: 1) постановленія о податяхъ были обременительны даже для людей достаточныхъ; 2) водворенные, не получивъ пособія отъ правительства на первоначальное обзаведеніе, бѣдствовали и съ землею; 3) переселенцы изъ губерній *Ху-чуань* и *Шань-си* въ обширную *Сы-чуань*, по минованіи трехлѣтняго срока даннымъ льготамъ — свободы отъ податей, снова возвращались на свою родину, покинувъ распаханныя ими земли, которыя опять поросли травою. и 4) право распаханія земель принадлежало всѣмъ желающимъ, но злоупотребленія выспихъ и

низшихъ чиновниковъ произвели то, что получение даровой земли обходилось дороже покупки ея (указъ 1724 года); отъ того не многіе рѣшались распахать земли. Для полнаго успѣха въ своихъ намѣреніяхъ, правительство постановило: распаханная земля облагаться податью не по времени разработки ихъ, а потому сколько онѣ находились въ залежѣ, черезъ 3, 5, 6 и 10 лѣтъ; а разработавшій совершенную степь навсегда освобождался отъ податей. Желающій распахать землю можетъ самъ, безъ предварительнаго объявленія начальству, начать разработываніе, только въ продолженіе года непременно самъ долженъ донести о распахиваемой имъ землѣ, за что пользуется правомъ свободы отъ податей въ теченіе опредѣленнаго срока со дня объявленія, въ противномъ случаѣ распашка эта считается за умышленную утайку казенной земли и виновный судится по законамъ *). Крѣпости на вѣчное обладаніе вновь распаханною землею тогда только выдавать, когда она, послѣ окончанія срока льготъ, поступить въ число обложенныхъ податью земель. Въ мѣста-же, куда никто не хотѣлъ переселяться, по причинѣ отдаленности

*) За утайку казенной земли, чиновникъ лишается чина, солдатъ и престолюдины наказываются тѣлесно; земля отбирается въ казну и сверхъ того количество слѣдовавшей съ нее подати — въ теченіе незаконнаго обладанія —зыскивается по принадлежности. Открывшій утаенную землю получаетъ награду отъ казны.

этого края отъ внутреннихъ населеннѣйшихъ губерній, каковы губерніи *Гань-су*, въ области *Си-нинь-фу*, по рѣкѣ *Бу-лунь-тирѣ* и въ области *Нинь-ся-фу* въ урочищѣ *Чагань-тохань*, не говоря уже о Туркестанѣ — во всѣ эти мѣста правительство принуждено было отправитъ такихъ людей, которые законами присуждались къ ссылкѣ, равно позволило всѣмъ находящимся тамъ на службѣ военнымъ и гражданскимъ чинамъ и солдатамъ, свободно распахивать новыя земли и обращать ихъ въ свою собственность. Напротивъ, желающихъ переселиться въ Маньчжурію, для распаханія тамошнихъ земель, являлось столь много, преимущественно изъ *Шань-дунь-ской* губерніи, что правительство, наконецъ, изъ опасенія, чтобы всѣ земли коренныхъ жителей Маньчжуріи не перешли въ руки Китайцевъ, вынужденнымъ нашлось запретить впредь переселеніе туда Китайцевъ и распаханіе земель тамошними торговцами. Несмотря на это запрещеніе, тайный переходъ туда и распашка земель доселѣ еще существуютъ и недавно (1844) снова подтверждено это запрещеніе по случаю нарушенія его. Таковую-же заманчивость для бѣднаго народа составила *Сь-чуань-ская* губернія. Цѣлыми караванами двинулись туда на новое жительство, гдѣ столь щедро *)

*) Полнвозрастному главѣ семейства давалось отъ 30 до 50 му; его братьямъ, дѣтямъ — подросткамъ, жившимъ въ одномъ съ нимъ домѣ, сверхъ того давалось отъ 15 до 20 му.

раздавали даровую землю, такъ что правительство признало нужнымъ не только возвращать ихъ на родину, снабжая всѣмъ нужнымъ для обратнаго переселенія, но даже иногда вооруженною рукою останавливать многочисленныя нашествія переселенцевъ. Это было главною причиною, почему такъ легко въ самое короткое время губернія эта возвысилась въ многочисленности населенія и въ распространенія земледѣлія, такъ что всего распахано вновь земли отъ востока къ западу на 500 лн, отъ юга къ сѣверу на 330 лн.

Съ теченіемъ времени, когда правительство успѣло водворить большую часть бродячаго бѣднаго народа и когда количество земли неродившей хлѣба значительно уменьшилось, самыя мѣры касательно распаханія земель сдѣлались строже въ отношеніи къ народу. Никто уже теперь не можетъ, какъ прежде, начинать разработку земли тамъ, гдѣ увидить залежь, и обращать ее въ свою собственность; но всякій напередъ долженъ подать прошеніе о своемъ намѣреніи распахать извѣстную праздную землю, объявляя количество и мѣсто нахожденія ея. Если, по повеленію справокъ земскими чиновниками, чрезъ пять мѣсяцевъ не явится никого, кто бы объявилъ на эту землю права свои, какъ на собственность; то выдается просителю позволеніе за печатью и тогда уже онъ

привстѣпаетъ къ разработкѣ. Срокъ льготы — свободы отъ податей и заимообразная ссуда бѣдному изъ казны всего нужнаго на первоначальное обзаведеніе, все это остается въ прежней силѣ. Если же кто изъявитъ желаніе распахивать землю принадлежащую частному владѣльцу; то для сего требуется согласіе послѣдняго, который тогда только въ правѣ позволить это, когда онъ самъ не изъ земледѣльцевъ или не въ видахъ разработывать свою землю, потому что, послѣ разработки арендаторомъ, онъ уже не можетъ отнять ее у него. Такія же правила существуютъ для тѣхъ, которые отправляются распахивать земли на сопредѣльныхъ инопородамъ *Мяо* мѣстахъ, за Великую Стѣну, въ *Чазарскихъ* кочевьяхъ, въ *Тумэть*, или распахивать земли, первоначально отведенныя подъ пастбища армейскихъ лошадей, но послѣ покинутыя. Земли-же, принадлежащія кочевымъ Монголамъ или инопородамъ *Мяо*, Китайцы ни какимъ образомъ не могутъ приобрѣтать въ свою собственность и даже брать въ аренду, хотя бы и съ согласія туземцевъ, потому что главное продовольствіе Монгола получается отъ разводимаго имъ скота, для котораго нужны обширныя пастбища. Только въ восточной Монголіи издавна отъ владѣтелей дано позволеніе Китайцамъ обрабатывать извѣстную часть земли въ какомъ нибудь аймакѣ, съ платою оброка въ поль-

зу мѣстнаго князя. Этимъ Китайцамъ только и можно пахать землю въ Монголіи, но нельзя вновь распахать ни одной му, ни переселяться туда, такъ какъ эта часть Монголіи нѣкоторымъ образомъ подведена подъ формы осѣдлой жизни и самихъ Манголовъ, занимающихся земледѣіемъ, тамъ уже очень немало. Земскіе начальники должны строго смотрѣть и повѣрять земли, оказывающіяся негодными для посѣва, потому что болотистыя мѣста со временемъ могутъ обсушиться и нанесенные пески развѣяться и тогда можетъ открыться самая плодородная земля; они обязаны также повѣрять земли по берегамъ моря, большіе и малыхъ рѣкъ и озеръ, временно появляющіяся изъ подъ воды, потому что, смотря по ходу приливовъ и отливовъ воды, можно изъ нихъ сдѣлать какое нибудь употребленіе. Всѣ эти распоряженія правительства касательно распаханія всякой годной земли увѣнчались желаемымъ успѣхомъ, количество пахатныхъ земель съ каждымъ годомъ умножалось (см. приложенную таблицу) и въ послѣднее время, въ 1831 г. по уложенію палаты финансовъ, во всемъ государствѣ считалось : 7.566,340 цинъ и 17 му *).

*) Въ этотъ итогъ не включены земли такъ называемыя казенныя, о которыхъ будетъ говорено ниже, и отъ того итогъ пахатныхъ земель 1831 года менше 1818 года, въ которомъ значатся вмѣстѣ и казенныя земли. Казенныхъ-же разныхъ видовъ земель 571,655 ц. 8 му. Слѣдовательно съ итогомъ 1831 года въ Китаѣ всего пахотныхъ земель 8,137,995 цинъ и 25 му.

Надобно замѣтить, что изъ частныхъ земель особенную заботливость правительства обращаютъ на себя тѣ, которыя принадлежатъ людямъ, обложеннымъ и поземельною и подушною податью. Такъ какъ количество годной къ обработыванію земли оказалось несоразмѣрнымъ съ постепенно возрастающимъ народонаселеніемъ Китая, такъ что не всякій способный обработывать землю могъ имѣть эту собственность, а если имѣлъ, то не въ такомъ достаточномъ количествѣ, чтобы, за исключеніемъ пропитанія семейства, могъ исправно уплачивать всѣ подати, — по этой причинѣ, милостивымъ манифестомъ 1711 года, навсегда опредѣленъ штатъ подлежащихъ подушной подати людей, которые по произведенному тогда слѣдствію или уже имѣли достаточное количество собственной земли, или тогда же получили прибавочныя земли отъ казны. Земли эти, хотя и составляютъ частную собственность каждаго, которою владѣлецъ можетъ располагать по своему произволу — продавать и закладывать — могутъ быть передаваемы во владѣніе только подобнаго же сословія людямъ, однимъ словомъ можно продать эту землю только землепашцу, или полновозрастному, который бы, вмѣстѣ съ купленною землею, принялъ на себя обязанность платить подушную подать прежняго владѣльца. Равно дозволено продавать эти земли въ полномъ количествѣ, слѣдующемъ податному человѣку,

а не по частямъ, для того чтобы покупатель не могъ отказываться отъ платежа подушной подати по вричнѣ не полного количества купленной земли.

Казенныя земли суть: 1) удѣльныя, 2) принадлежащія военному сословію и 3) собственно казенныя.

Удѣльныя земли суть принадлежащія а) Богдохану и б) князьямъ, царевнамъ и родственникамъ царствующаго въ Китаѣ дома. Подобный выдѣлъ земель въ пользу царскаго дома сдѣланъ нынѣшнюю династією на прежнихъ основаніяхъ, положенныхъ *Миньскою*. На всѣхъ удѣльныхъ земляхъ учреждены особые хутора, гдѣ поселены удѣльные поселяне Государя или князей. Удѣльные хутора Маньчжурскихъ Государей, учрежденные въ разныя времена въ губерніи *Чжи-ли*, въ *Маньчжуріи* около *Шэнь-цзинь*, *Цзинь-чжоу*, *Даченъ-ула*, по рѣкѣ *Амуру* въ урочищѣ *Ху-лань* и въ Монголіи за великою стѣною около *Же-хэ*, *Гуй-хуа-чжэ*, всего 1078, а подъ ними земли въ настоящее время значится 35,772 цина 75 му. На хуторахъ снхъ сѣютъ разнаго рода хлѣбъ, разводятъ огородную зелень, овощи, плодовые деревья, пчель, тростникъ, индиго, хлопчатую бумагу и цвѣты. — Князьямъ разныхъ степеней, какъ родственникамъ и потомкамъ царскаго дома, и членамъ фамиліи царствующаго коѣвна, при возведеніи ихъ въ достоинство, пожалованныя и жалуемыя земли, по примѣру государевыхъ, обрабатываются

удѣльными поселенцами ихъ, поселенными въ особыхъ хуторахъ. Количество этихъ жалованныхъ земель определяется степенью княжескаго достоинства — отъ 18 до $1\frac{8}{10}$ ина, а въ настоящее время всего подъ княжескими хуторами считается 13,555 д. 39 му.

Выдѣлъ земель въ пользу князей и прочихъ родственниковъ царскаго дома, сверхъ жалуемыхъ дмъ по степени достоинства и при возведеніи, равно офицерамъ и солдатамъ осмизнаменнымъ (и вообще зачисленнымъ въ осмизнаменныхъ или корпусныхъ Китайскаго войска) получилъ начало еще въ Маньчжуріи, когда вводились разныя учрежденія въ пользу правданственности, когда учрежденыя 8 знаменъ составили какъ бы родину для зачисленнаго въ нихъ. Отвѣренныя для каждаго знамени земли должны были составлять мѣсто жительства для знаменнаго и служить пастбищами для лошадей. Со времени вступленія въ Китай и переселенія двора въ Пекинъ, Маньчжурское правительство подъ тѣмъ предлогомъ, что въ слѣдствіе смятеній, продолжившихъ конецъ царствованію *Миньской* династіи, множество народа сдѣлалось жертвою сего переворота или убѣжало съ мѣсть своего жительства, и брошенныя ими земли поросли травой, что земли, принадлежавшія *Миньскимъ* князьямъ и родственникамъ царскимъ, а равно придворнымъ евреямъ, остались безъ владѣльцевъ; — подъ

такимъ предложемъ правительство стало вокругъ Пекина раздавать земли пришедшимъ изъ Маньчжуріи князьямъ, чинамъ и солдатамъ, какъ немѣющимъ мѣсть для жительства. Участки жалованной земли отмѣривались не обыкновенною мѣрою — полусаженью, а веревкою въ 42 му. Это доказываетъ, что при отмѣриваніи не обращалось вниманія на то, принадлежитъ ли извѣстная земля владѣльцу, который имѣетъ здѣсь постоянное жительство и занимается обработываніемъ своей родовой собственности; но принималось въ уваженіе только то, что непременно должно отмѣрить землю извѣстному числу людей и что важнымъ особамъ желательно имѣть себѣ участки въ семь, а не другомъ мѣстѣ. Почему, по праву побѣдителей, отнимали у покоренныхъ Китайцевъ земли и награждали своихъ, вмѣсто-же взятыхъ у нихъ повелѣвалось выдавать имъ пустопорожнія земли въ дальнихъ отъ столицы уѣздахъ, съ льготою свободы отъ поземельной подати за тотъ годъ, въ который они совершатъ свое переселеніе, Вообще принято за правило: въ отдаленныхъ отъ столицы уѣздахъ не выдѣлять земли знаменнымъ, потому что такая отдаленность представила бы много неудобствъ и затрудненій для владѣльца при сборѣ оброка; но промѣнивать эти земли Китаичамъ живущимъ близъ столицы; равно перемѣнять земли, если выдѣленные Маньчжурамъ

окажутся низкаго достоинства и не подають надежды на хорошей сборъ, или если казенная земля окажется нужною подъ пастбища для знаменнаго. *) При пожалованіи землями, князья снова получали себѣ участки, смотря по степени достоинства отъ 18 до $1\frac{8}{10}$ цина; а прочіе принадлежащіе къ военному сословію или по службѣ, или по происхожденію, военные и гражданскіе чины и солдаты, такъ же смотря по классу, получили отъ 180 му до 18. Послѣдующее повышеніе и пониженіе въ чинахъ, послѣ полученія земли, не имѣло вліянія на прибавку или уменьшеніе этой собственности. Вновь пріѣзжавшіе на службу въ Пекинъ Маньчжуры и Солоны получали также въ вѣчную собственность землю, въ замѣнъ которой въ 1764 и 1781 годахъ положено выдавать изъ казначейства серебромъ по количеству слѣдовавшей земли, полагая съ му оброка по $1\frac{1}{2}$ цинь серебра, *) или, какъ въ 1771, въ замѣнъ сего оброка выдавать пріѣхавшимъ въ единовременное пособіе на обзаведеніе, смотря по классу, отъ 600 до 200 лянъ серебра. Право владѣнія землею знаменнаго и получаемымъ поземельнымъ оброкомъ принадлежитъ его дѣтямъ и внукамъ,

*) За три му положено давать казенныхъ только одну и промѣнывать не болѣе трехъ цинь.

*) По этому же правилу и всѣ прежде получившіе землю могутъ сдать свою землю въ казну, а въ замѣнъ оброка получать изъ казначейства законенное количество серебра.

земь — вдовѣ, или незамужней дочери, братьямъ и племянникамъ, неимѣющимъ поземельной собственности. Если простой солдатъ умретъ, не оставивъ по себѣ наследниковъ и не имѣя ближайшихъ родственниковъ, то количество оставшейся поземельной собственности, превышающее 30 му, отбирается въ казну — въ вѣденіе правленія знамени, къ которому принадлежалъ умершій, а если чиновникъ умретъ безъ наследниковъ, то отбирается количество превышающее 300 му, а прочее оставляется дальнимъ родственникамъ, за неимѣніемъ которыхъ кому нибудь изъ знаменныхъ — одноротныхъ, для совершенія жертвоприношеній покойнику. Взятые же въ казну за неимѣніемъ владѣльца или за казенные долги и недочеты знаменныя земли оставляются въ знамени и оброкъ съ нихъ употребляется на общественные расходы, награжденіе прилежныхъ къ службѣ солдатъ при концѣ года, для вспомоствованіе нуждающимся въ пропитаніи солдатамъ; впоследствии онѣ отдаются въ вѣчную собственность вновь причисленнымъ къ этому знамени изъ приѣхавшихъ на службу въ столицу, или могутъ быть приобретаемы знаменными офицерами и солдатами въ частную собственность, посредствомъ покупки — взвозомъ наличныхъ денегъ или вычетомъ жалованья^{*)}.

*) За 30 му 1-го разряда земли 48 лѣтъ, 2-го — 38, 3-го — 26, 4-го — 18, 5-го — 12 лѣтъ.

Желающій приобрести землю посредством вычета жалованья может разложить вычетъ этотъ на пять лѣтъ. Если же цѣна покупаемой земли количествомъ своимъ превышаетъ пятилѣтній вычетъ пятой части изъ жалованья, то покупатель можетъ согласиться съ родственниками и посторонними знаменными, неимѣющими впрочемъ поземельной собственности, на приобретение этой земли, и тогда у всѣхъ нихъ производится изъ жалованья вычетъ пятой части, такъ чтобы въ пять лѣтъ цѣна земли была совершенно уплачена. На такихъ-же правилахъ можно совершенно выкупать земли, заложенные знаменными простолюдинамъ, и по указу 1729 года выкупленные на казенный счетъ и отданные въ знаня на общественное употребленіе.

Послѣ окончательнаго утвержденія Маньчжуровъ на Китайскомъ престолѣ, тотъ и другой народъ въ глазахъ правительства получилъ одинаковое значеніе и следовательно безъ вреда государству нельзя уже стало обогащать однихъ на счетъ другихъ; а пакатныя земли въ рукахъ Китайцевъ — земледѣльцевъ могли приносить большую пользу и народу и правительству; по этимъ причинамъ прекращена раздача вновь земель осмизнаменнымъ, хотя число народа въ нихъ съ каждымъ годомъ умножалось. Между тѣмъ, съ размноженіемъ членовъ семейства, уменьшалась и собственность, отъ чего сократились ежегодные доходы

дома; къ тому же присоединились мотовство и тщеславное стараніе показать себя выше своего состоянія — два порока столь сильно заразившіе осмизненныхъ, что послѣдній солдатъ въ тратахъ старается не уступить и своему ротному начальнику. При такомъ положеніи знаменныя, не смотря на щедрые дары и многократныя вспоможенія со стороны правительства, естественно пришли въ крайнюю бѣдность и въ этой крайности покусились продать свои земли — послѣднюю опору и надежду семействъ. Но продажа земли возможна только между знаменными, между которыми однако, по причинѣ всеобщей бѣдности, не могло быть довольно состоятельныхъ людей, которые бы могли скупать всѣ земли, какія только продавались, по этой причинѣ знаменныя принуждены были передавать свои земли и простолюдинамъ, только подъ именемъ залога, а въ существѣ то же, что и продажи. Закладываніе это крѣпостей на свои земли уже окончательно разорило знаменныхъ, и лишило ихъ средствъ и возможности поправить свое состояніе. Наконецъ Китайское правительство изъ состраданія къ своему войску вынужденнымъ нашлось выкупить всѣ знаменныя земли и отдать ихъ въ вѣденіе знаменнаго правленія, которое оброки съ нихъ употребляло бы на общественные расходы въ знамени, или позволяло выкупать прежнимъ владѣльцамъ и другимъ

желающимъ изъ знаменныхъ, посредствомъ взноса наличными деньгами, или вычетомъ изъ ежемѣсячнаго жалованья *)). Начало выкупа знаменныхъ земель положено въ 1729 году; для чего назначены были не малыя суммы, такъ что въ одинъ разъ въ 1744 году выдано было *Чжи-лискому* генералъ-губернатору болѣе 200,000 лянъ (около 400,000 руб. сереб.). При выкупѣ обращалось вниманіе на количество лѣтъ со времени заклада. Выплачивалась вся сумма, въ которой земля первоначально была заложена, но не та, въ которой послѣ перезаложена, если земля въ закладѣ находилась не болѣе 10 лѣтъ; а если болѣе того, то за каждые 10 лѣтъ уменьшалась $\frac{1}{10}$, такъ что за землю, находившуюся въ залогѣ 50 лѣтъ, платилась только половина суммы заклада. Въ этомъ случаѣ въ зачетъ поставлялось долговременное пользованіе этою землею; ибо въ Китаѣ принято за правило — ежегодный посѣвъ заложеной земли считать за проценты. Такимъ образомъ выкуплены были земли знаменныхъ. Многія изъ нихъ послѣ снова перешли къ прежнимъ владѣльцамъ, или къ богатымъ изъ знаменныѣхъ, посредствомъ выкупа изъ казны; а изъ остальныхъ отчасти учреждены знаменные хутора, обрабатываемые переселившимися туда знаменными, пришедшими въ

*) Въ случаѣ недостаточности состоянія знаменнаго для выкупа своей земли, арендаторъ его можетъ сдѣлать это на свой счетъ и, по количеству внесенной на выкупъ суммы, освобождается отъ платежа оброка.

крайнюю бѣдность, или по своему произволу пожелавши-ми заниматься земледѣлемъ; отчасти-же отданы пренимъ арендаторамъ, которые ежегодно представляютъ оброкъ съ нихъ въ знаменное правленіе. Впрочемъ, и послѣ выкупа земель на казенный счетъ, право продажи и закладыванія поземельной собственности не отнято у осмизнаменныхъ; отъ того земли ихъ часто переходятъ отъ одного владѣльца къ другому посредствомъ продажи осмизнаменному-же, а по большой части крѣпости на эти земли находятся въ закладѣ у простолюдиновъ. Только земля, вновь Государемъ пожалованная кому нибудь изъ осмизнаменныхъ, не можетъ быть продана никому, даже и знаменному. Всѣ осмизнаменные могутъ приобрѣтать въ свою частную собственность земли, принадлежащія простолюдинамъ; но чиновникамъ и солдатамъ изъ осми знаменъ, въ столицы находящимся на должности, воспрещается покупать у туземцевъ земли. Одни военные, содержащіе гарнизоны въ губерніяхъ и причисленные къ осми знаменамъ, не подлежатъ этому закону, потому что основной законъ запрещаетъ чиновнику, на мѣстѣ своей должности и въ предѣлахъ управленія, приобрѣтать недвижимую собственность земли, дома и рабовъ.

Лишеніе знаменнаго поземельной собственности возможно въ такихъ случаяхъ: 1) Если онъ задолжаетъ казнѣ или присужденъ будетъ къ конфискаціи имѣнія,

тогда не обращается вниманія на то, что земля эта давно уже заложена, но берется въ казну, арендаторъ же остается при ней. 2) Если знаменный, черезъ 10 лѣтъ послѣ заклада земли знаменному же, не въ состояніи выкупить ее, то заимодавецъ доноситъ въ знаменное правленіе, откуда чрезъ годъ, предоставленный прежнему владѣльцу на выкупъ, выдаютъ ему крѣпость на заложенную землю, послѣ чего прежній владѣлецъ уже не въ правѣ отыскивать свою собственность. 3) Если осмизнаменный Китаецъ (Ханьцзюнь) захочетъ выписаться изъ знамени, что впрочемъ имъ только и дозволяется; то при выходѣ, если у него есть собственная земля на пространствѣ 500 ли отъ столицы, непременно долженъ въ теченіи года продать ее осмизнаменному, если же несыщется покупатель, то за извѣстную законную цѣну сдать въ палату финансовъ. Но когда земля эта далѣе 500 ли отъ столицы, то, и послѣ исключенія Китайца изъ военнаго званія, собственность эта оставляется въ вѣчное его владѣніе. Такія-же точно получили и имѣютъ права на поземельную собственность поселенныя въ губерніяхъ для охраненія осмизнаменныя роты изъ Маньчжуровъ, Монголовъ и Китайцевъ, съ тѣмъ только исключеніемъ что они, какъ столичныя около столицы, могутъ приобрѣтать въ частную собственность земли, принадлежащія туземнымъ жителямъ. Въ на-

стоящее время земель, состоящихъ во владѣніи осми-
знаменныхъ, столичныхъ и внѣшнихъ чиновъ и сол-
датовъ, всего считается 140,191 п. 70 му.

Выше сказанныя земли, удѣльныя и знаменныя,
называются казенными собственно потому, что онѣ
первоначально выдавались изъ казны и что онѣ, хотя
и составляютъ частную собственность владѣтелей, на-
ходятся въ вѣденіи казенныхъ присутственныхъ мѣстъ:
дворцоваго, княжескаго и знаменнаго правленій.

Собственно казенныя земли суть :

1) *Жертвенныя*, приписанныя къ нѣкоторымъ хра-
мамъ, жертвенникамъ, обителямъ и капищамъ трехъ
господствующихъ въ Китаѣ вѣръ, съ коихъ оброкъ
употребляется на отправленіе жертвоприношеній, под-
держаніе зданій и обезпеченіе живущихъ въ нихъ.

2) *Училищныя*, приписанныя къ извѣстнымъ учили-
щамъ, съ которыхъ оброкъ поступаетъ на содержаніе
и исправленіе училищныхъ зданій и на вспоможеніе
бѣднымъ ученикамъ.

3) *Общественныя*, находящіяся въ вѣденіи извѣстныхъ
городскихъ и сельскихъ сословій или присутственныхъ
мѣстъ; оброкъ съ нихъ употребляется на общественные
расходы или вспоможенія въ случаѣ какого нибудь бѣд-
ствія *).

*) Количество этихъ трехъ видовъ земель весьма незначительно, около
21.333 цинъ 13 му.

4) *Камышевыя и тростниковыя*. Въ губерніяхъ *Цзянь-су, Ань-хой, Цзянь си, Ху-бэй, Ху-нань*, по берегамъ большихъ рѣкъ часто поднимаемыя водою земли не могутъ имѣть постояннаго владѣльца и облагаться податью; посему на этихъ мѣстахъ дозволяется разводить камышъ и тростникъ, иногда и сѣять хлѣбъ съ платою оброка въ казну, если земли эти не потерпятъ вреда отъ пролива водъ. Такихъ земель считается: 101,586 цинъ 11 му.

и 5) Земли подъ военными поселеніями составляютъ также собственность казны.

Начало учрежденія военныхъ поселеній почти современно утвержденію монархіи въ Китаѣ. Почти за два вѣка до Р. Х. чувствовали потребность постояннаго присутствія войскъ на извѣстныхъ пограничныхъ пунктахъ Имперіи. Внѣшніе непріатели государства были или кочевые народы, каковы *Гунны*, или горные жители, каковы *Цяны* и другіе. Нашествія ихъ не всегда совершались по правиламъ войны, напротивъ, они большею частію состояли изъ хищническихъ набѣговъ малыхъ отрядовъ, и, прежде чѣмъ отправленныя противъ нихъ войска успѣвали придти на защиту раззореннаго ими края, непріатели уже были за границею въ своихъ жилищахъ. По сему учреждены были неподвижные лагеря. Но доставка провіанта къ этимъ гарнизонамъ, по отдаленности и преимуще-

ственно по трудности сообщенія, была обременительна для правительства, а иногда, смотря по времени года и разнымъ обстоятельствамъ, даже совершенно невозможна; между тѣмъ поселенные тамъ солдаты, по причинѣ непостояннаго образа войны, большую часть времени проводили въ бездѣйствіи. Тогда, естественно пришли къ той мысли, чтобы поселенныя на границахъ войска сами приготовляли для себя провіантъ посредствомъ земледѣлія, занятія совершенно имъ знакомаго; а казна должна только снабдить ихъ всѣмъ нужнымъ для этого дѣла рабочимъ скотомъ, земледѣльческими орудіями, сѣменами, домомъ и жалованьемъ. Въ 61 до Р. Х. году мысль эту окончательно привелъ въ исполненіе *Чжао-чунъ-го*, главнокомандующій войсками противъ *Цяновъ*, и первыя военныя поселенія учреждены были около нынѣшняго областного города *Си-нинъ-фу*, въ губерніи *Гань-су*. Предпріятіе это, увѣщавшееся полнымъ успѣхомъ, побудило и послѣдующія правительства учреждать военныя поселенія всюду, гдѣ того требовали необходимость защиты и важность извѣстнаго пункта въ стратегическомъ отношеніи. Послѣ того стали заводить военныя поселенія не на однихъ пограничныхъ мѣстахъ, но и внутри Имперіи, особенно по рѣкамъ: *Цзянь* и *Хуай*, и заставляли солдатъ готовить провіантъ не для одного ихъ гарнизона, но и для другихъ проходившихъ войскъ.

и наконецъ цѣлыя арміи стали содержаться собственными трудами: десятки тысячъ находились на полевыхъ работахъ въ свободное отъ войны время, и только $\frac{1}{12}$ часть могла пользоваться отдыхомъ. За недостаткомъ и недосугомъ солдатъ, призывали на военные поселенія поселянъ, желающихъ обрабатывать эти земли. Области, гдѣ прежде скудно было земледѣіе, особенно болотистыя мѣста нынѣшнихъ губерній: *Цзянь-су, Ань-хой, Цзянь-си, Ху-бэй*, много выиграли отъ того и стали первыми по изобилію въ хлѣбъ.

Распространеніе въ Китаѣ системы военныхъ поселеній въ большемъ и обширнѣйшемъ размѣрѣ принадлежитъ династіямъ *Танъ, Юань* и *Минъ*. При послѣдней большая часть войскъ расположена была на военныхъ поселеніяхъ, преимущественно вдоль Великой Стѣны: $\frac{7}{10}$ всего войска занимались земледѣіемъ, и только $\frac{3}{10}$ исправляли преимущественно военные обязанности; а земли подъ нихъ первоначально отведено было 907.774 цина, слѣдовательно $\frac{1}{7}$ массы всей пахатной земли въ государствѣ. Въ послѣднее время существованія этой династіи, обширное учрежденіе военныхъ поселеній пришло въ разстройство, вмѣстѣ съ прочими частями государственнаго управленія. Постоянныя войны на границахъ, заставлявшія военнопехарей нести дѣйствительно двойную службу—и сра-

жаться и обрабатывать землю, произвели то, что они стали убѣгать съ своего поста; такимъ образомъ стали рѣдѣть ряды защитниковъ государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ оказался недостатокъ въ провіантѣ. Правительство вынужденнымъ нашлось вызывать на военные поселенія крестьянъ, которыхъ являлось очень не мало; но, по злоупотребленію военного начальства, не многіе изъ нихъ работали на казну, а большею частію на себя съ платою оброка начальникамъ. Въ послѣдствіи переселенцы эти мало по малу пріобрѣли казенныя земли какъ бы въ свою частную собственность; оставшіеся на поселеніяхъ солдаты, въ крайности и нуждѣ, закладывали и даже частнымъ образомъ продавали имъ обрабатываемыя ими казенныя участки земли. Продолжительность времени и послѣдовавшіе смуты и перевороты произвели еще большую запутанность въ разграниченіи земель, принадлежащихъ военнымъ поселянамъ.

Нынѣшняя *Циньская* династія учредила особое военное сословіе изъ трехъ главныхъ племенъ, прішедшихъ изъ Маньчжуріи Маньчжуровъ, Монголовъ и Китайцевъ, изъ которыхъ отдѣльныя роты поселены для защиты всѣхъ важныхъ пунктовъ Имперіи. Отъ того военно-пахари, какъ охранная стража, потеряли свое первоначальное назначеніе и сдѣлались не нужными, а какъ земледѣльцы они могли приво-

сить правительству такую-же пользу какъ и крестьяне. На этомъ основаніи большая часть бывшихъ военныхъ поселеній приписана къ округамъ и уѣздамъ, подчинена земскому управленію, и хотя до сихъ поръ въ казенныхъ бумагахъ сохраняется названіе «военно-пахаря, пашни военныхъ поселеній» — но въ существѣ дѣла то и другое не имѣетъ никакого различія отъ поселянъ. Только военно-пахари, поселенные на разныхъ мѣстахъ, гдѣ водою проходятъ суда съ казеннымъ хлѣбомъ, и обязанные служить работниками при всякомъ сплавѣ казеннаго хлѣба, — оставлены на прежнемъ основаніи. Всѣ жившіе на уничтоженныхъ военныхъ поселеніяхъ, были ли они родовые военно-пахари или переселенцы изъ крестьянъ, владѣли-ль данымъ отъ казны участкомъ или самовольно захватили казенную или частную землю, — всѣ получили обрабатываемая ими земля въ частную вѣчную собственность; ибо справедливое опредѣленіе законнаго или незаконнаго обладанія этими землями — по причинѣ многочисленныхъ до того времени бывшихъ злоупотребленій и потери документовъ, было совершенно невозможно. Заложенные или проданные поселянамъ земли на оставшихся по сему распоряженію военныхъ поселеніяхъ начальство должно было выкупить на казенный счетъ и отдать подчиненнымъ военно-пахарямъ для обработыванія.

Послѣ совершеннаго водворенія въ Китаѣ своей власти, политика Маньчжурскаго правительства обращена была на упроченіе своей власти надъ призванными подданство Монголами и покореніе своей державѣ западнаго края, гдѣ Чжунгарское владычество съ каждымъ днемъ становилось опаснѣе для Китаю. Многократные походы на Сѣверъ и Западъ Монголіи, постоянное присутствіе войскъ на сѣверозападныхъ предѣлахъ и около хребта *тлян-шань* требовало огромнаго количества провіанта, доставка котораго, по причинѣ отдаленности края и трудности сообщеній, была очень обременительна, а иногда и совершенно могла быть замедлена. По этой причинѣ, смотря по ходу политическихъ соображеній и движенію арміи, учреждались военныя поселенія на сѣверныхъ и западныхъ предѣлахъ Монголіи и восточнаго Туркистана: начиная съ сѣверозападной границы губерніи *Гамь-су*, во обѣимъ сторонамъ хребта *тлян-шань*, въ главныхъ городахъ Туркистана: *Баркюль*, *Урюмци*, *Или*, *Кобдо*, *Тарбагатай*, *) по берегамъ рѣкъ *Иртыша*, *Орхона* и *Тольо*. **) Поселенные военно-пахари были не изъ однихъ дѣйствующихъ войскъ — Маньчжуровъ и Ки-

*) Для поселеній въ *Кобдо* и *Тарбагатай* доставлялись сѣвяныя злаки изъ Россіи, какъ свойственныхъ тамошнему климату.

**) Здѣсь остались еще слѣды прежняго земледѣлія, вѣроятно арміею *Юаньской* династіи; тогда множество земель было распаханно въ окрестностяхъ столицы *Хоринь*.

тайцевъ, но и изъвнутреннихъ восточныхъ Монголовъ, также изъ Китайцевъ, ссылаемыхъ за преступленія изъ внутреннихъ губерній или добровольно переселившихся по вызову правительства. Количество собираемаго хлѣба съ обрабатываемой ими земли достаточно на содержаніе охранныхъ войскъ, и правительство давно не отправляетъ къ нимъ провіанта, а лишь доставляетъ серебро на жалованье. На такомъ же основаніи учреждены военныя поселенія на линіяхъ, пограничныхъ съ инородцами *Мяо* и другими въ губерніяхъ *Ху-нань*, *Сы-чу-ань*, *Гуй-чжоу* и другихъ. Количество пахатныхъ земель подъ военными поселеніями, кромѣ отчисленныхъ къ земскому управленію, въ 1753 году считалось 259.416 цинь; а всего, съ уничтоженными военными поселеніями, по отчетамъ 1812 года значилось болѣе 400.000 цинь. Очевидно земли эти, какъ собственность казны, не могутъ быть закладываемы или продаваемы военно-пахарями никому другому; въ противномъ случаѣ виновный предается суду, заплаченные деньги берутся въ казну, а земли возвращаются въ прежнее военное вѣдомство.

Въ заключеніе изложенныхъ свѣденій о Китайскихъ военныхъ поселеніяхъ, надобно сказать, что къ нимъ причислены поселенія на *общественныхъ пашняхъ*. Богдыханъ правленія *Юнь-чженъ* въ 1724 году повелѣлъ устроить общественныя пашни по тому плану и

образцу, со всѣми подробностями, какъ было въ древнія времена. Для сего *Чжи-лиской* губерніи въ округѣ *Ба-чжоу* и уѣздахъ *Синь-чэнъ*, *Гу-ань*, *Юнь-чунь*, по рѣкѣ *Юнь-динь-хэ* назначены и, по древнему раздѣленію, отдѣлены участки земли, проведены каналы и канавки, въ срединѣ пашень выстроены дома для землепашцевъ и наконецъ осмизнаменныхъ *Маньчжуровъ* 50, *Монголовъ* 15, и *Китайцевъ* (*Ханьцзюнь*) 15 семействъ поселены на нихъ для обрабатыванія какъ выдѣленного каждому въ частную собственность участка, такъ и средняго казеннаго, общими силами осми семействъ. Болѣе 10 лѣтъ существовала эта возстановленная древняя система общественныхъ пашень и наконецъ, съ восшествіемъ на престолъ *Богдылана* правленія *Цянъ-лунъ* въ 1736 году, неизвѣстно по какимъ причинамъ, была уничтожена: земли и жители приписаны къ военнымъ поселеніямъ и сборъ поземельной подати стали производить на одинаковыхъ съ прочими землями основаніяхъ. Впрочемъ болѣе уже ста лѣтъ минуло со времени уничтоженія этихъ пашень, но до сего времени простое и вмѣстѣ превосходное устройство водопроводовъ и обработка пашень, а отъ сего и избытокъ сборовъ, служатъ какъ бы подтвержденіемъ справедливости порицаній, которыя въ разные времена произносились на виновниковъ уничтоженія этой системы пашень, и разительнымъ доказа-

тельствомъ, что лучше этого ничего не было въ Китаѣ, и что по справедливости надобно сожалѣть о невозможности возстановить эту систему во всемъ государствѣ.

ЗАМѢЧАНІЕ

О ПОЗЕМЕЛЬНОЙ МѢРѢ ВЪ КИТАѢ.

Съ самыхъ древнихъ временъ въ Китаѣ, при измѣреніи земли, употреблялась одна и таже мѣра — это *полусажень* (гунъ-лукъ, или шагъ *бу*) отличная отъ сажени въ общей Китайской метрической системѣ. *) Длина ея опредѣлялась количествомъ футовъ и, не смотря на разныя длины фута, въ разныя времена принимавшагося за основной, — всегда была одинакова.

Въ лѣтописяхъ сохранилось до 15 названій футовъ, различныхъ между собою по своей длинѣ и употреблявшихся въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ Китая, но самымъ древнимъ и вмѣстѣ основнымъ при опредѣленіи величины полусажени всегда принимался такъ называемый *Чжоускій* футъ. Подлинной величины его не сохранилось, гадательно полагаютъ, что онъ относился къ нынѣшнему, такъ называемому

*) Полусажень эта употребительна и между плотниками, потому что большая сажень по своей величинѣ не очень удобна въ употребленіи.

строительному футу, какъ 8: 10, слѣдовательно былъ менѣе нынѣшняго $\frac{2}{10}$ -я равнялся Англійскимъ 10-ти дюймамъ; шесть такихъ *Чжоускихъ* футовъ составляли полусажень, *) употреблявшуюся при измѣреніи земли, и эта мѣра, по достовѣрнымъ сказаніямъ исторіи, была въ употребленіи съ *Ханьской* до *Гиньской* династіи, около 1125 г. по Р. Х. покорившей сѣверъ Китая.

Съ этого времени въ первый разъ принятъ за основной такъ называемый строительный футъ *Ичцао-чи*, который имѣетъ силу до настоящаго времени, и пять такихъ футовъ уравниены *Чжоускимъ* шести; слѣдовательно измѣненіе величины фута не произвело никакого вліянія на измѣненіе поземельной мѣры, потому что величина поземельной сажени осталась одна и таже: *Чжоускихъ* 6, а строительныхъ футовъ только 5 составляли одинаковой величины полусажень. Такихъ пяти футовыхъ квадратныхъ сажени 240 **) составили — какъ было и прежде — 1 му, 100 му, = 1 цинь ***), это Китайская десятина.

Впрочемъ, не смотря на установленную мѣру, при измѣреніи и исчисленіи земли, не всегда слѣдовали предписаннымъ законамъ; но давнія мѣстные обыкновенія

*) 240 квадратныхъ полусаженъ составили 1 му, 100 му — 1 цинь. До времени же *Таньской* династіи, только 100 полусаженъ считали за 1 му.

**) Или 15 ширины и 16 длины, или совершенный квадратъ $15\frac{1}{2}$.

***) Въ немъ 24.000 полусаженъ или совершенный квадратъ въ $114\frac{2}{3}$ полусаженей.

и вѣковыя привычки брали перевѣсъ надъ правительственными распоряженіями. Такъ при настоящей династїи нѣсколько разъ повелѣвалось при измѣренїи земли употреблять казенную мѣру, и даже въ 1655 году изъ палаты финансовъ всюду разосланы были образцовыя мѣры. Но когда, въ слѣдствіе указа въ 1740 году, изъ всѣхъ губерній въ столицу присланы были дѣйствительно употреблявшіяся и употребляющіяся тамъ мѣры: тогда оказалось, что только въ губерніяхъ — *Чжи-ли*, *Шань-цзинь*, *Цзянь-си*, *Ху-нань*, *Гань-су*, *Сы-чуань*, *Юнь-нань* и *Гуй-чжоу*, и, на солонварняхъ въ *Лян-хуай* и *Хэ-дунь* употреблялась настоящая мѣра, въ другихъ же губерніяхъ $3\frac{1}{10}$, $4\frac{1}{2}$, $6\frac{1}{2}$, $7\frac{1}{2}$ строительныхъ казенныхъ футовъ считали за пяти футовую полусажень и 260,360, 690 полусажень вмѣсто 240 принимали за одну му. А какъ это издавна вошло въ употребленіе и трудно было вдругъ сдѣлать перемѣны, то повелѣно было начальникамъ губерній прислать въ палату финансовъ вычисленную разницу въ численіи пахатныхъ земель и впредь, при измѣреніи земли вновь, употреблять только казенную мѣру. *) Подобное употребленіе не узаконенной мѣры при измѣреніи земли существуетъ въ инород-

*) Такое производное употребленіе мѣры, при размежеваніи земель, можетъ внушать сомнѣніе на счетъ вѣрности итоговъ пахатныхъ земель въ Китаѣ.

ческих мѣстахъ, гдѣ употребляется туземными введённая мѣра, до настоящаго времени имѣющая силу во всѣхъ официальныхъ документахъ.

При переложении Китайской мѣры на русскую, не возможно сдѣлать математически вѣрнаго и самаго точнаго уравненія; ибо нельзя получить самой подлинно-вѣрной величины фута, служащаго мѣриломъ поземельной сажени. Кромѣ существующаго въ Китаѣ различія величины фута по различію ремеслъ и промысловъ, самый строительный футъ, какъ и всѣ прочія мѣры, находящіяся въ обращеніи и продажѣ, сдѣланъ и дѣлается очень невѣрно и безъ всякой точности не только въ дробяхъ, но и въ цѣломъ. Изображенія фута, приложенныя къ разнымъ сочиненіямъ, изданнымъ правительствомъ, также не могутъ дать математически вѣрной величины фута, потому что удобность рѣзбы на деревѣ для печатанія требуетъ предварительнаго смачиванія поверхности доски водою, намазыванія клейстеромъ и масломъ. Когда дерево, отъ влажности расширившееся, сохнетъ, то вырѣзанная копія занимаетъ менѣе, сравнительно съ оригиналомъ, пространства; къ тому же и самая бумага, при печатаніи употребляемая влажною, и послѣ высохшая, почти незамѣтно сокращаетъ величину оригинала. Такимъ образомъ величина фута, изображеннаго въ книгѣ, менѣе $\frac{1}{100}$ сравнительно съ нахо-

данными въ обращеніи строительнымъ футомъ, считающимся самымъ вѣрнымъ. Впрочемъ предположительно можно уравнивать Китайскую мѣру длины Русской слѣдующимъ образомъ :

Китайская мѣра.	Россійская мѣра.				Англійская мѣра.	
	Десятина.	Сажень.	Аршинъ.	Вершокъ.	Футъ.	Дюймъ.
Футъ	—	—	—	7 ¹ / ₂	1	1 ¹ / ₂
или содер 6 ² / ₁₀₀ фута	въ Русо жится	копъ 2 ² / ₁₀₀	арш Кит.	ниъ фута,	а въ Анг. Китайск.	футъ ²² / ₁₀₀ фута.
Полусажень	—	—	2	3 ¹ / ₂	5	2 ¹ / ₂
Квадратъ полусажен.	—	—	кв. 4	251 ²⁷ / ₁₀₀	кв. 27	43 ¹ / ₄
Му.	—	133	35 фут.	12 дюй.	6552	12
Цинъ	5	1371			29	48
или жится:	въ Рус 17	сой му.	деся 2 ¹⁰ / ₁₀₀₀	тинъ Анг. фут. и 12 дюй	со	дер новъ.

7¹/₂

ТАБЛИЦА ЧАСТНЫХ ПАХАТНЫХЪ ЗЕМЕЛЬ ВЪ КИТАЕ, СОСТАВЛЕННАЯ НА ОСНОВАНИИ ДОКУМЕНТОВЪ,
ВЪ РАЗНЫЯ ВРЕМЕНА ОБНАРОДОВАННЫХЪ НАСТОЯЩИМЪ ЦИНСКИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.

Годы Христианскаго счисленія.	1661		1685		1724		1753		1766		1812		1831	
	Цинь	му	Цинь	му	Цинь	му	Цинь	му	Цинь	му	Цинь	му	Цинь	му
Чжэли	489.772	45	543.434	49	625.943	16	637.191	87	682.343	90	741.434	71	730.034	69
Шань-дунь	741.336	68	925.268	40	967.741	46	971.054	7	967.140	3	986.343	11	984.728	44
Сань-си	407.871	25	445.221	36	437.413	88	329.886	21	535.481	33	532.672	53	532.854	4
Хэ-нань	483.403	97	572.106	20	658.844	43	732.820	36	731.735	65	731.145	92	718.208	61
Цзянь-су	963.445	13	675.153	99	681.291	27	689.084	43	659.817	20	730.894	86	647.547	37
Ань-хой	444.303	86	384.274	33	329.986	84	338.120	93	364.680	80	414.368	75	340.786	39
Цзянь-си	103.457	54	411.945	48	478.631	66	479.207	62	416.006	20	472.741	7	462.186	27
Фу-цзянь	452.216	1	448.568	76	456.903	43	128.270	87	138.047	3	138.633	83	130.636	
Чжэ-цзянь	793.352	71	542.418	16	535.741	11	566.913	49	568.410	90	465.063	69	461.120	
Ху-бэй	373.245	88	291.149	61	305.276	64	312.267	98	313.083	42	315.815	96	343.042	
Ху-нань			103.087	67	298.442	80	252.371	3	256.350	95	306.775	22	258.402	
Шань-си			17.261	18	117.706	63	177.831	33	460.071	26	217.081	92	233.366	
Гань-су			302.392	55	312.474	64	328.832	93	336.962	53	330.346	39	341.903	
Сы-чуань			78.024	51	79.532	71	87.400	60	90.762	41	89.760	78	89.601	
Гуань-дунь			64.817	66	64.114	95	69.499	80	83.398	51	93.161	26	93.999	
Гуань-си			10.743	44	12.290	48	25.691	76	26.730	62	27.660	7	26.884	
Юнь-нань			609	33	3.117	50	35.243	21	27.825	27	228.743	41	129.677	
Гуй-чжоу														
Мэнь-чжуря.														
Итого.	5.433.576	40	6.078.480	1	6.637.914	27	7.051.143	68	7.414.403	50	7.914.100	36	7.806.346	

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ДРЕВНЯГО БУДДИЗМА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ДРЕВНЯГО БУДДИЗМА.

Послѣ очерка жизни Будды, намъ слѣдовало бы изложить начала его ученія, образовавшаго особую школу философіи въ Индіи; но такъ какъ между послѣдователями Будды вскорѣ возникли разногласія касательно многихъ пунктовъ его ученія и увеличивались съ теченіемъ времени, и такъ какъ эти разногласія, породившія въ Буддизмѣ нѣсколько школъ, шли на ряду съ постепеннымъ усиленіемъ и распространеніемъ Буддизма въ Индіи, то намъ казалось лучше сначала представить въ порядкѣ уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ Буддійскія преданія о судьбѣ Буддизма въ первые вѣка по смерти Будды; а оригинальное ученіе Будды отнести къ статьѣ объ ученіи Буддизма вообще. Историческія сказанія Буддистовъ, которыя мы хотимъ представить здѣсь, отрывочны и неполны, поэтому еще не могутъ составить полной исторіи Буддизма; однакоже съ помощію ихъ можно

слѣдить за общимъ развитіемъ и распространеніемъ его въ теченіе четырехъ или пяти вѣковъ, до тѣхъ поръ, когда въ Буддизмѣ явилась такъ называемая Махаяна. Лѣтъ за сто до Р. X буддистъ Нагарджуна основалъ школу, извѣстную подъ именемъ Мадьянки, а черезъ сто лѣтъ послѣ него Арьясанга—другую школу, Югачару. Послѣдователи этихъ двухъ школъ, отвергнувъ начала существовавшихъ до того времени Буддійскихъ школъ, назвали ихъ общимъ наименованіемъ Хинаяны (малой телъги), а ученіе двухъ новыхъ школъ Махаяной (большой телъгой). Махаяна скоро усилилась на счетъ Хинаяны и со времени Р. X. направленіе ея сдѣлалось господствующимъ въ Буддизмѣ заиндійскихъ странъ. Что касается до Хинаяны, лишившись прежняго вліянія и силы, она сохранила однакоже самостоятельность своего ученія въ богатой литературѣ, которая до сихъ поръ составляетъ почти половину всей Буддійской литературы, но въ настоящее время остается у Буддистовъ въ пренебреженіи, какъ мертвое ученіе. Нѣтъ нужды говорить въ пользу древности и исторической важности Хинаяны; исторія ея есть исторія древняго Буддизма, а не поздней школы; ей исключительно принадлежатъ историческіе документы, послужившіе основаніемъ для настоящей статьи.

Смерть Будды служить эрой, отъ которой Будди-

сты ведутъ лѣтосчисленіе въ историческихъ своихъ преданіяхъ. Въ этихъ преданіяхъ мы открываемъ нѣсколько замѣчательныхъ эпохъ въ исторіи древняго Буддизма; первая изъ нихъ есть царствованіе Каласоки черезъ сто лѣтъ по смерти Будды; другая черезъ двѣсти лѣтъ—царствованіе Дармасоки. Каласока и Дармасока были Государями Магады. Третья и послѣдняя извѣстная эпоха есть царствованіе Каншики въ Кашмирѣ, черезъ четыреста лѣтъ по смерти Будды. Періоды времени, раздѣлявшіе царствованія этихъ Государей одно отъ другаго, представляютъ непрерывную цѣпь раздѣленій, возникавшихъ въ Буддизмѣ одно за другимъ. Такихъ раздѣленій Буддисты насчитываютъ до осьмнадцати; нѣкоторые изъ нихъ образовали особыя и важныя школы; другія были весьма малозначущи. Благодаря этимъ дѣленіямъ на школы, между Буддистами длились безконечныя споры; полемика образовала писателей и діалектиковъ; оттого такое богатство сочиненій, оставшихся отъ тѣхъ временъ, не говоря уже о тѣхъ сочиненіяхъ, которые не перешли въ переводную литературу Китайскихъ Буддистовъ. Къ сожалѣнію, въ настоящее время существуетъ весьма мало свѣдѣній относительно исторіи, образованія и развитія этихъ древнихъ Буддистскихъ школъ, равно объ ихъ основателяхъ и послѣдователяхъ. Дѣленія въ Буддизмѣ, по свидѣтельству

Буддйскіхъ писателей, кончались при Кашишкѣ; однакоже мы видимъ, что споры между школами продолжались еще долгое время послѣ этого Государя, не смотря на то, что поборники древнихъ мнѣній должны были позаботиться о неприкосновенности своихъ преданій и защищать ихъ отъ нападений ученыхъ послѣдователей Махаяны. Васубанду, жившій около Р. X., образовалъ послѣднюю школу въ Хиваншѣ.

Первый періодъ исторіи Буддизма въ Индіи простирается, какъ мы сказали выше, отъ смерти Будды до царствованія Каласоки. Самымъ важнымъ событіемъ въ этомъ періодѣ было собраніе учениковъ Будды, извѣстное въ Буддйскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ перваго совѣщательнаго собранія; на немъ, какъ рассказываютъ Буддисты, были собраны слова Будды. Достоверность этого сказанія со всѣми его подробностями, неотвергаемая ни одною школою Буддизма, кажется однакоже болѣе чѣмъ сомнительною; все, чему можно довѣрять въ немъ безъ ущерба здравой критики, есть только тотъ фактъ, что ученики Будды дѣйствительно собирались вмѣстѣ для совѣщанія; подробности и результаты этого собранія остаются тайными. Какъ бы то ни было, вотъ что происходило послѣ кончины Будды, по Буддйскимъ преданіямъ. Совершивъ надъ прахомъ Будды обрядъ сож-

женія, Кашьяпа и Анурудда, двоюродный братъ Будды, во главѣ другихъ учениковъ его — отправляясь изъ Кушинагары къ Рачжагрихѣ, надѣясь на свободу и подъ покровительствомъ Ачжатапатру обсудить свое положеніе и позаботиться о сохраненіи завѣщанныхъ Буддой основныякъ наставленій его ученія. Ананда отделился отъ общества и удалился въ Шравасти, гдѣ преждевременная смерть Варучжаки избавила остатки племени Шавья отъ опасній. Причиною такого поступка Ананды, какъ можно думать, были непріятныя отношенія его къ Кашьяпѣ. Этотъ строгій и суровый Брахманъ неблагопріятно смотрѣлъ на доврѣннаго ученика Будды, не украшеннаго никакими подвижническими доблестями; однакоже на Рачжагрихскомъ собраніи онъ принужденъ былъ уступить общему голосу собранія и изъявилъ согласіе на вступленіе Ананды въ число дѣйствующихъ лицъ собранія. Пенцеры Гридракуты и покинутые загородные дома служили сборнымъ мѣстомъ для предполагаемаго совѣщанія. Надобно замѣтить, что въ этомъ собраніи не было болѣе половины всѣхъ послѣдователей Будды. Описывая самое собраніе, Буддійскіе писатели доврѣчиво разсказываютъ, какъ просто составлялся на немъ кодексъ наставленій Будды. Ананда, говорятъ они, какъ самый близкій ученикъ его, никогда непокидавшій своего учителя и слышавшій всѣ его наставленія, повторилъ

передъ собраніемъ слова и рѣчи Будды относительно основныхъ истинъ его ученія; а Упали, поступившій въ общество Будды изъ цирюльниковъ и отличавшійся строгимъ соблюденіемъ принятыхъ Шраманами правилъ жизни, рассказалъ постановленія его касательно поведенія Бикшу. Такъ какъ Кашьяпа былъ предсѣдателемъ и главнымъ распорядителемъ собранія и при жизни Будды пользовался особеннымъ его уваженіемъ, Буддисты не хотѣтъ и его оставить безъ дѣла; одни заставляютъ его излагать собранію важнѣйшіе пункты ученія Будды въ аналитическомъ порядкѣ; другіе приписываютъ ему собраніе Абидаритъ, или трактатовъ, писанныхъ уже въ позднѣйшія времена разными лицами; но послѣ такого страннаго анахронизма, болѣе благоразумные Буддисты упоминаютъ только объ Анандѣ и Упали, какъ о главныхъ источникахъ преданія. Такимъ образомъ, заключаютъ они, составился сводъ Буддійскихъ преданій, т. е. Судры, или основные афоризмы ученія Будды, и Виная, или нравственныя и общежительныя постановленія его.

Облекая преданія древности въ невѣроятные рассказы, Буддійскіе лѣтописцы отнимаютъ у своихъ читателей довѣріе къ ихъ словамъ и подрываютъ достовѣрность рассказываемыхъ ими событій, хотя эти событія и не лишены историческаго основанія. Въ тѣ

давнія времена Индіи, когда письменность была рѣдка въ массѣ народа, свѣдѣнія и идеи переходили отъ одного поколѣнія къ другому устнымъ преданіемъ; религіозныя и философскія истины передаваемы были учителемъ ученику или ученикамъ, въ видѣ домашнихъ наставленій и уроковъ. Этотъ обычай сохранился въ Индіи до позднѣйшихъ временъ, и былъ общимъ для философскихъ и религіозныхъ школъ. Самая форма преданій ясно указываетъ на то, что онѣ хранились и переходили посредствомъ устныхъ наставленій. Свѣдѣнія заключаемы были въ самыя краткія, большею частію темныя и нерѣдко загадочныя выраженія, а для вспомошествованія памяти предлагались въ стихотворной формѣ. Поясненіе этихъ коренныхъ стиховъ предоставлялось тѣмъ лицамъ, которыя принимали ихъ отъ предшественниковъ и должны были передать своимъ преемникамъ. Нѣтъ спора, что преданія излагались и письменно, и самыя коренныя стихи образовали особый родъ сочиненій, извѣстный подъ именемъ Карика; но подобный способъ, какъ можно замѣтить, употреблялся уже въ то время, когда преданія составляли значительную сумму свѣдѣній и приводимы были въ отчетливую систему. Паньчашки первый изложилъ письменно ученіе Капилы; ему же приписываютъ собраніе идей Уллуки. Веды существовали главнымъ образомъ въ устномъ преданіи и въ

VIII вѣкѣ послѣ Р. Х. Что касается до Буддизма, письменность появилась въ немъ не ранѣе третьяго вѣка по смерти Будды, а до тѣхъ поръ ученіе его переходило устнымъ преданіемъ. По общему согласію Буддистовъ, основатель ихъ ученія не оставилъ послѣ себя никакихъ письменныхъ памятниковъ; подробности его жизни не доказываютъ даже и того, чтобы онъ заботился о вѣрномъ преданіи и сохраненіи своего ученія для потомства. Можно думать, что это самое обстоятельство побудило учениковъ Будды поспѣшить собраніемъ его наставленій и изъ устныхъ разсказовъ Ананды узнать то, чего они могли и не знать вовсе; поэтому имя Ананды перешло въ Буддійское потомство вмѣстѣ со сводомъ Судръ; онъ слылъ вѣрнымъ источникомъ оригинальныхъ преданій, до тѣхъ поръ, пока послѣдователя Махаяны не возбуди сомнѣнія въ достовѣрности и полнотѣ его разсказовъ. «Ананда первоначально сложилъ для основныхъ преданій ученія Уданы, или сокращенные стихи». Какъ ни кратко это замѣчаніе Гунамати, одного изъ Индійскихъ Буддійскихъ писателей, оно объясняетъ намъ, въ какой формѣ существовали древнія Буддійскія преданія. Дѣйствительно ли помянутыя Уданы составлены были Анандой, или другими лицами въ слѣдствіе необходимости, но вѣрно то, что преданія Буддійскія еще съ раннихъ временъ были опредѣленны, но крат-

ки и хранились устнымъ преданіемъ. Что онѣ были опредѣленны, то доказывается общимъ вѣрованіемъ Буддистовъ въ главные пункты ученія Будды, не измѣнявшимся ни отъ времени, ни съ мѣстами; краткость ихъ содержанія и формы подтверждается разногласіемъ позднѣйшихъ Буддистовъ въ объясненіи началъ своего ученія и собственнымъ ихъ признаніемъ, что судры вообще темны въ слѣдствіе краткости. Храненіе Буддійскихъ догматовъ посредствомъ устнаго преданія подтверждается общимъ собраніемъ Буддистовъ черезъ сто лѣтъ по смерти Будды, когда председатели собранія рѣшали спорные пункты на основаніи одного устнаго преданія.

Съ той самой минуты, какъ кончилось Буддійское собраніе въ Рачжагрихѣ, судьба Буддистовъ дѣлается неизвѣстною до самаго конца того вѣка. То было время патріархальное, безъ исторіи и достовѣрныхъ сказаній, время внутренней и внѣшней тишины Буддійскаго общества, которое не могло быть значительнымъ ни по числу, ни по образованности своихъ членовъ. Одно можно сказать навѣрно, что послѣ собранія Буддисты разошлись въ разныя стороны и каждый изъ нихъ воротился на свою родину. Тѣ, которые были изъ Учжжяли, успѣли въ уединенныя ущелья Ниминдари, другіе перешли въ Косалу, но большая часть осталась въ Магадѣ. Судя по нѣкоторымъ ска-

заніямъ и послѣдующимъ обстоятельствамъ, видно, что они сохранили правила и привычки своего учителя, жили большею частію по близости городовъ и селеній, а не внутри ихъ, и притомъ небольшими обществами, и въ общемъ мнѣніи стали на ряду съ Ниргрантами, Брахманами и другими анахоретами, встрѣчавшимися во всѣхъ областяхъ Индіи. Что касается до жилищъ и устройства обществъ Буддійскихъ, кажется, что Буддисты тѣхъ временъ не имѣли опредѣленныхъ и постоянныхъ мѣстопребываній и первоначально жили раздѣльно; однакоже необходимость внутренняго порядка и вліяніе правъ старшинства скоро образовали общежительныя Буддійскія братства въ огражденныхъ стѣнами постоянныхъ жилищахъ. Въ разныхъ мѣстахъ Индіи появились Буддійскія братства съ одинаковымъ устройствомъ, по единству аскетическихъ преданій, но не имѣвшія надъ собой старшинъ, утвержденныхъ правилами; Бикшу, извѣстные строгостію своей жизни и почтенные по своимъ лѣтамъ, хотя не имѣли начальнической власти въ братствѣ, пользовались однакоже сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ и авторитетомъ; эти старцы замѣняли законенныхъ начальниковъ для тѣхъ братствъ, которыя образовывались передъ ихъ глазами и при ихъ участіи. Но потому ли, что со временемъ подобныя знаменитости въ Буддизмѣ стали являться рѣже, или

старцы предпочитали общежитію одинокую жизнь въ пустынѣ, въ главѣ Буддійскихъ обществъ появились дѣйствительные старшины, избранные и утвержденные въ этомъ званіи общимъ голосомъ братства. Такимъ образомъ прежнее управленіе по старшинству лѣтъ въ Буддійскихъ братствахъ еще въ первомъ вѣкѣ по смерти Будды перемѣнилось въ избирательное и они приняли правильную общежительную форму.

Ограждаясь народнымъ уваженіемъ къ классу подвижниковъ и званіемъ Бикшу, которые не должны были имѣть никакой собственности, Буддисты перваго вѣка не зависѣли политически отъ мѣстныхъ властей; но такъ какъ самыя существенныя потребности ихъ и пропитаніе зависѣли отъ вниманія и доброхотныхъ подаваній мірянъ, они еще не употребляли во зло своей свободы и не тревожили общества вмѣшательствомъ въ дѣла его, какъ было послѣ. Пока Буддійская Санга была только что зародившимся обществомъ отшельниковъ, она болѣе или менѣе наслаждалась внутреннимъ спокойствіемъ, и если находилась во враждебныхъ отношеніяхъ, то только къ другимъ родамъ отшельниковъ, въ которыхъ она не могла не возбудить ревниваго чувства опасенія и ненависти, какъ между соперниками въ приобрѣтеніи уваженія. Между Буддійскими братствами, которыя мы находимъ въ томъ вѣкѣ около городовъ Паталипутры, Вайшали и

Кошамби въ Магадѣ, Аванти въ Учжжания и въ самой Дакшинѣ, или Южной Индіи, существовала тѣсная связь. Буддисты являлись взаимными посвѣщеніями и поддерживали между собой постоянное сообщеніе. Если въ какомъ нибудь общенятельномъ ущельи отшельниковъ, ущельѣ, или лѣсу, являлся знаменитый подвижникъ или созерцатель, жившій въ простотѣ первобытнаго Буддизма, слава о немъ тотчасъ распространялась въ Буддѣйскомъ мірѣ и привлекала къ нему толпу набожныхъ посвѣтителей, желавшихъ узнать тайны и плоды его подвижничества въ собственное свое назиданіе. Таковъ былъ въ этомъ столѣтїи Шанака, прежде богатый купецъ, а потомъ скитающійся бхикшу, въ изодранномъ платьѣ, съ отросшими волосами и ногтями. Надобно упомянутьъ еще объ Уттарѣ и Мадьянтикѣ, двухъ бхикшу, которыхъ считаютъ учениками Ананды. Первый изъ нихъ сдѣлался особенно извѣстнымъ въ позднѣйшія времена, когда одна изъ Буддѣйскихъ школъ произвела отъ него свое начало; если вѣрить преданіямъ, онъ первый сдѣлалъ общезвѣстною Екоуттарѣжа Агаму, одну изъ четырехъ частей, составляющихъ основной Буддѣйскій кодексъ. Мадьянтику считаютъ первымъ просвѣтителемъ Бамбира, гдѣ онъ долженъ былъ употребить много усилій, чтобы водворить созерцательную жизнь Буддистовъ. Если въ какомъ нибудь братствѣ происходилъ

безпорядокъ или нарушеніе общепринятыхъ правилъ, другія братства общими силами заботились о прекращеніи соблазна. Впрочемъ съ умноженіемъ числа братствъ, ревность ихъ объ общихъ своихъ интересахъ охладѣла, и какъ скоро объѣтъ бѣдности и удаленія отъ міра былъ забытъ ими, у нихъ началась вражда и продолжительныя распри.

Вотъ все, что можно сказать сколько нибудь достовернаго о состояніи Буддизма до конца перваго вѣка по смерти Будды. Въ началѣ втораго, въ обществѣ Буддистовъ случилось происшествіе, подавшее поводъ къ собранію бикшу, извѣстному подъ именемъ втораго совѣщательнаго собранія. По преданію Цзѣ-лонскихъ Буддистовъ, это событіе имѣло важное вліяніе на послѣдующія движенія въ Буддизмъ; однакоже мы не находимъ ничего подобнаго въ сказаніяхъ Буддистовъ Индійскихъ. Происшествіе, о которомъ мы упоминаемъ, само по себѣ маловажно, но оно удачно характеризуетъ тогдашній бытъ Буддистовъ и знаменитъ насъ съ тѣми интересами, которымъ они придавали особенную важность. Вотъ подробности его.

Вайшали былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ городовъ Индіи. Жители его отличались образованностію и протостію нравовъ, и обладая всеми удобствами жизни, щедро надѣляли подданныхъ праздныхъ отшельниковъ. Поэтому еще при жизни Будды этотъ городъ

привлекалъ къ себѣ Шрамановъ его общества. Близъ него жилъ Монгальяма съ учениками и здѣсь былъ главный пріютъ Готами и другихъ Бикшуни. По смерти Будды нѣсколько Бикшу поселилось близъ Вайшалы и образовали особое братство Вайшалійское. Въ скоромъ времени, Бикшу этого братства, обеспеченные на счетъ продовольствія богатыми подаяніями городскихъ жителей, не могли устоять противъ искушенія и забыли обязанности своего званія. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, старшиною Вайшалійскаго братства былъ Башапутра, извѣстный своимъ знакомствомъ съ царедворцами и не слишкомъ обращающій вниманіе на соблюденіе даннаго имъ обѣта нищеты; если вѣрить Буддійскимъ рассказамъ, онъ получалъ изъ Кесалы нищенскую чашу, вылитую изъ чистаго золота. Башапутра не только не старался искоренять въ своемъ братствѣ страсть корыстолюбія, но поощралъ его къ тому собственнымъ своимъ примѣромъ. Въ каждое полнолуніе, праздновавшееся во всей Индіи, по его приказанію одинъ Бикшу ходилъ проповѣдывать въ городъ съ чашею въ рукахъ; проходящіе бросали въ нее мелкія монеты и даже дорогіе камни. Въ дни, назначенныя для чтенія нравственныхъ правилъ, Башапутра принималъ въ жилищѣ братьевъ городскихъ посѣтителей, бралъ отъ нихъ деньги и вещи, и собранные такимъ образомъ дары раздѣлялъ потомъ между братьями.

Непрямичное и протинное наставленіиъ Будды поведеніе Вайшалійскіхъ Бикшу не могло долго оставаться втайнѣ. Оно открыто было Вчжанутрой, ученикомъ знаменитаго въ то время анахорета Сарвакамы. Въ одно изъ своихъ посѣщеній Вайшалійскому братству, Вчжанутра засталъ его въ то самое время, когда къ нему происходилъ раздѣлъ пожертвованныхъ денегъ и дорогахъ вещей. Башанутра удѣлялъ часть ихъ гостю, но тотъ отказался и несмотря на его просьбы и убитанія не хотѣлъ принять ни одной монеты, напомнивъ старшаниъ правило ихъ ищевской жизни не имѣть въ запасѣ лишннихъ вещей. Раздраженный Башанутра вооружилъ противъ Вчжанутры городскихъ Данапати и въ торжественномъ собраніи своихъ Бикшу совершилъ Карму закрытія чаши, т. е. обрядъ отлученія Вчжанутры отъ братства. Лишившись такимъ образомъ средствъ къ пропитанію въ Вайшали и будучи принужденъ удалиться оттуда, отлученный Вчжанутра, по совѣту своего престарѣлаго учителя, отправился въ братства Паталипутры, Аванти и Дакшины, съ вѣстію о соблазнѣ, пронесеншемъ въ братствѣ Вайшалійскомъ. Онъ обошелъ всѣ эти братства и вооружилъ самыхъ вліятельныхъ Бикшу противъ Башанутры. Однакоже дѣло ведено было втайнѣ и никто изъ постороннихъ не зналъ цѣли постоянныхъ сношеній и свиданій, происходившихъ между Бикшу раз-

дичныхъ братствъ. Вичануптра былъ душею перестроенъ; по его настоянію, рѣшено было: прекратить соблазнъ, возникшій въ Вайшалійскомъ братствѣ, воимъ защитившаго праваго дѣла собраться къ назначенному времени на берегъ Ганга (сборное мѣсто, вѣроятно, было въ предѣлахъ Косамы), чтобы отсюда отправиться на судахъ къ Вайшали.

Однакоже Башануптра съ своей стороны не дремалъ. Узнавъ, что Вичануптра поднимаетъ на него всю Буддѣйскую Сангу, онъ сдѣлалъ привѣтъ на свою сторону Рибату, Кошамбійскаго Бикшу, прославившагося святостію въ созерцательной жизни, и чтобы поддѣлывать на него, воспользовався тогдашнимъ споромъ о мѣстѣ появленія Будды, о которомъ однакоже извѣстія темны и неопредѣленны. Судя по ходу дѣла, кажется, что Вичануптра былъ изъ братства Шагалуптры; и имѣлъ съ нимъ поддерживающіе мнѣнія, что Будды обыкновенно появляются или появились на востокъ Индіи, какъ и Шакьямуни, начавшій свое поприще на востокъ Магады; этого мнѣнія держались и братства Аванти и Дакшины; а Вайшалійскіе Бикшу не соглашались съ нимъ. Рибата, или вовсе не вступался въ этотъ споръ или имѣлъ какія нибудь побужденія принять сторону послѣднихъ. Такъ по крайней мѣрѣ думалъ Башануптра. Онъ подкудилъ учениковъ Рибаты, вручилъ имъ тайно нѣсколько подарковъ, состоявшихъ изъ нари

платья, кожаныхъ сандалий, дорожной сумки, чаши, вазы, рѣшета для процеживания воды, джирмакъ крошечекъ и приготовленныхъ лекарствъ, и просилъ ихъ дѣйствовать на своего учителя въ пользу Вайшалійскаго братства, и убѣдить его въ помннутомъ спорѣ принять сторону Вайшалійскихъ Бикшу, или по крайней мѣрѣ не возставать противъ нихъ въ предстоявшемъ собраніи. Привлекши на свою сторону Рибату, авторитетъ всѣми признанный и уважаемый, Батмапутра ожидалъ уже счастливаго для себя оборота дѣлъ; но онъ опоздалъ; Вчмапутра успѣлъ уже предубѣдить Рибату противъ Вайшалійскаго братства и заставилъ его принять участіе въ наступающемъ собраніи.

Въ скоромъ времени братства прибыли къ Вайшала. Число Бикшу, собравшихся сюда, по Буддійскимъ сказаніямъ простиралось до семи сотъ человѣкъ. Новоприбывшія братства предложили Вайшалійскому избрать съ общаго согласія безпристрастныхъ и почетныхъ Бикшу для предсѣдательства на собраніи и рѣшенія спорныхъ пунктовъ. Въ слѣдствіе этого предложенія, Вайшалійскіе Бикшу назначили отъ себя четырехъ представителей и столько же назначено было тремя прибывшими братствами; эти восемь доверенныхъ лицъ были учениками или Ананды, или даже Атирудды; въ числѣ ихъ были Рибача и Сарна-

кама; они названы были Ставирами, или председателями, а Сарвакама вмѣстѣ съ тѣмъ соединялъ и должность Кармадавы, или докладчика. Председатели тотчасъ занялись разсмотрѣніемъ поведенія Вайшалійскихъ Бикшу и, съ помощію справокъ и постороннихъ доносовъ, нашли девять пунктовъ, которыхъ законность надобно было признать, или отвергнуть. Пункты были слѣдующіе :

1) Вайшалійскіе Бикшу исполняли нѣкоторые обряды не согласно съ существующими въ другихъ братствахъ обыкновеніями; каждый Бикшу совершалъ ихъ въ своей кельѣ, на одинъ, а не при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ;

2) Подобное нарушеніе общежительныхъ правилъ одобрялось согласіемъ всего братства.

3) Поступивъ въ общество подвижниковъ и принявъ обѣты званія Бикшу, они продолжали заниматься тѣми художествами и ремеслами, какими занимались, будучи мірянами :

4) Вопреки обыкновенію употреблять соль отдѣльно отъ кушанья, Бикшу клали ее въ пищу, или смѣшивали съ инбиремъ и носили съ собой въ бамбуковыхъ трубочкахъ;

5) Во время путешествій для сбора подаяній по селеніямъ, обѣдали, не доходя до деревни, на половинѣ дороги, и притомъ сидя на землѣ, а не на корточкахъ;

6) Во время обѣда Бикшу брали пищу двумя пальцами;

6) Пили вино, еще не перебродившее;

8) Мѣшали со сливками масло, медъ и сахаръ, и ѣли этотъ десертъ послѣ обѣда;

9) Бикшу дѣлали для себя подстилки неодинаковаго размѣра и изъ новыхъ матерій, не обращая вниманія на образецъ, которымъ служить подстилка, употреблявшаяся Буддой, и на то, что самъ Будда употреблялъ вмѣсто подстилки пальмовый листъ, свернутый вдвое;

Наковецъ, 10) Бикшу имѣли богатые патры, натирали ихъ благовоніями и, ходя съ ними по городскимъ улицамъ, проповѣдывали, что кто положитъ въ ихъ чашу денегъ, раковинъ, золотыхъ, серебряныхъ, или выдѣланныхъ изъ слоновой кости вещей, тотъ будетъ богатъ и счастливъ; а потомъ собранное такимъ образомъ дѣлили между собой.

Вайшалійскіе Бикшу въ оправданіе свое говорили, что помянутыя обыкновенія перешли къ нимъ по преданію, какъ дозволенныя, и завѣщаны имъ примѣрами предшественниковъ.

Приведа дѣло въ ясность, но, опасаясь рѣшить его безъ предварительнаго соглашенія между собой, предсѣдатели, по совѣту Сарвакамы, требовали и получили у собранія позволеніе уединиться въ особое мѣсто и обсудить спорные вопросы не при всѣхъ, а наединѣ.

Вайшалійскіе Бикшу изъяснить согласіе на продолженіе предсѣдателей, присоединили одно условіе, чтобы въ будущее засѣданіе допущенъ былъ Бикшу Кошты, славившійся даромъ слова и убѣжденія. Однакоже эта попытка не имѣла успѣха; предсѣдатели не допустили Кошты въ тайное свое сообщаніе, а послѣ онъ уже не имѣлъ случая блеснуть своимъ краснорѣчіемъ, отъ котораго Вайшалійскіе Бикшу, какъ кажется, ожидали для себя много благопріятнаго. Въ загородной рощѣ, комитетъ старѣйшимъ, подъ вліаніемъ Сарвакамы, начерталъ планъ слѣдующаго публичнаго засѣданія и форму, въ какой произнесетъ онъ свой сулъ надъ десятию статьями. Съ наступленіемъ слѣдующаго дня, начался формальный процессъ. Братства собрались къ одно мѣсто; и предсѣдатели заняли почетныя мѣста. Сарвакама, въ качествѣ Кармадамы, или докладчика, вставъ со своего мѣста, пригласилъ собраніе заняться повѣрхою Винай. Ему отвѣчалъ старшій во всемъ Рибата просьбою, чтобы онъ самъ благоволилъ принять Винай, прилѣчныя настоящему случаю. Сарвакама, изъяснивъ на то свое согласіе, въ свою очередь просилъ Рибату дѣлать ему вопросы, обѣщая давать на нихъ отвѣты. За тѣмъ приступили къ десяти статьямъ. Позволительно ли, сказали Рибата, исполнять общежительный уставъ необычнымъ порядкомъ, одному у себя въ кельѣ? Сарвакама: не позволительно.

Рибата: говорилъ ли Будда, что это не позволено, а если говорилъ, то гдѣ и кому? Сарвакама: говорилъ, въ городѣ Шравасты, Бикшу Нандѣ и другимъ. Другіе председатели единогласно подтвердили слова Сарвакамы и первый пунктъ былъ осужденъ и отвергнутъ; въ знакъ рѣшенія вопроса, Сарвакама бросилъ на полъ одинъ жеребеекъ. Рибата предложилъ потомъ остальные девять пунктовъ и всѣ они подверглись одинаковой съ первымъ участи, за исключеніемъ третьяго; председатели согласились признать позволительными для Бикшу такія художества, которыя совмѣстны съ общежительнымъ уставомъ отшельниковъ и могутъ быть полезными. Чтобы придать видъ достовѣрности своимъ словамъ, Сарвакама измѣнилъ мѣста, гдѣ Будда будто бы запрещалъ эти пункты, и имена лицъ, которымъ онъ говорилъ объ этомъ; председатели подтвердили каждую ссылку Сарвакамы и по окончаніи каждаго рѣшенія послѣдній бросалъ по жеребейку. Когда всѣ десять статей были рѣшены, председатели, въ заключенію собранія, постановили правило, сдѣлавшееся въ послѣдующія времена критеріемъ, по которому опредѣляли достовѣрность и уставную важность вновь появляющихся въ буддійскомъ мірѣ сочиненій и мнѣній. Это правило выражено было такъ: «все, что согласно съ духомъ ученія Будды, должно быть признано устав-

нымъ, существовало ли то съ давнихъ временъ, существуетъ ли въ настоящее время, или явится послѣ; а все, что несогласно съ ними, хотя бы то существовало и прежде, или существуетъ въ настоящее время, или явится послѣ, должно быть навсегда отвергнуто и не считаться учениемъ Будды». Благодаря такой мудрой предусмотрительности осьми предсѣдателей, которые сами первые воспользовались своимъ постановленіемъ, буддисты послѣдующихъ временъ пасали отъ имени Будды новыя судры, между тѣмъ, какъ другіе отвергали и такія преданія, которыя могли быть совершенно достовѣрными.

Собраніе буддистовъ по случаю безпорядковъ въ Вайшалійскомъ братствѣ буддійскіе писатели полагаютъ спустя 110 лѣтъ по смерти Будды, слѣдовательно въ царствованіе въ Магадѣ Каласоки; но о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ его они вовсе не упоминаютъ. Остались ли Вайшалійскіе Викшу при своихъ обычаяхъ и, отлученные отъ буддійской Санги, разсѣялись по Индіи и приняли дѣятельное участіе въ послѣдующихъ вскорѣ за тѣмъ расколахъ въ Буддизмъ, какъ гласитъ преданіе Цѣйлонскихъ буддистовъ; или, появившись по правиламъ Винай, сохранили соединеніе съ другими братствами, какъ можно догадываться по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ первые споры буддистовъ, когда снова является на сцену буддійскія

тетрархія, но подъ другими именами, — все это остается не рѣшеннымъ.

Царствованіе Калисоки осталось памятнымъ въ буддйскихъ лѣтописяхъ не по однимъ изложеннымъ выше обстоятельствамъ. Черезъ шесть лѣтъ послѣ Вайшалійскаго дѣла въ братствѣ Паталипутры возникъ раздоръ, послужившій началомъ дѣленію Буддизма на школы. Виновникомъ его былъ Бикшу Махадева. Махадева былъ сынъ одного Мадурскаго купца; обстоятельства жизни, или, какъ рассказываютъ враги его, мученія преступной совѣсти заставили его искать убѣжища въ обществѣ буддистовъ. Оставивъ Мадuru, онъ перешелъ въ Паталипутру, столицу Магады, и принялъ обѣты Бикшу въ Кукутарамъ, — такъ называлось общекельное буддйское убѣжище въ окрестностяхъ Паталипутры близъ горы Кукутапады (курной ноги). Здѣсь онъ въ скоромъ времени познакомился со всеми тайнами буддйскихъ постановленій, неотрываемыхъ непосвященнымъ, и въ короткое время изучилъ буддйскія преданія, такъ что могъ читать ихъ, по обыкновенію, наизусть. Какъ человекъ умный, краснорѣчивый, ловкій и красивой наружности, Махадева не только заслужилъ любовь и уваженіе Бикшу, но имѣлъ также и въ столицѣ почитателей своего ума и талантовъ, и часто бесѣдовалъ съ Государемъ во внутреннихъ покояхъ дворца. Вездѣ только и было рѣчей объ

Арханъ Махадеви. У него было нѣсколько испаренно преданныхъ ему учениковъ, которыхъ онъ считалъ и называлъ Арханами; это послѣднее обстоятельство, какъ кажется, болѣе всего содѣйствовало его влеченію на братство и произвело то, что во время начатаго имъ спора большая часть Бикшу Кукутарамы осталась на его сторонѣ. Мнѣнія Махадевы, бывшія поводомъ спора, отличались снисходительностію къ человѣческимъ слабостямъ. Арханъ, по общему ученію буддистовъ, есть тотъ, кто искоренилъ въ себѣ страсти и навсегда освободился отъ чувственныхъ пожеланій; ему приписываютъ также сознаніе собственнаго своего достоинства и состоянія. Махадева, не отвергалъ той мысли, что Арханъ долженъ быть безгрѣшнымъ душой и тѣломъ, но съ другой стороны утверждалъ, что есть Арханы, подверженныя человѣческимъ слабостямъ. Арханъ можетъ и не сознавать, что онъ Арханъ; это невѣдѣніе собственной добродѣтели ни сколько не вредитъ его достоинствамъ; потому что оно безразлично и не запечатлѣно нравственною нечистотою; поэтому, если Бикшу не признаетъ себя Арханомъ, изъ того еще не слѣдуетъ, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ не былъ имъ. Арханъ можетъ питать сомнѣнія и недоразумѣнія въ буддистскихъ правилахъ, но не въ слѣдствіе страстей, а отъ недостатка вѣдѣнія, на примѣръ онъ можетъ не знать того, чѣмъ вознаградится въ будущее время доброе

дѣло, совершенное въ настоящей жизни, и правда ли, что всякое доброе дѣло получить блаженное воздаяніе. Арханъ, не сознававшій своего достоинства, можетъ убѣдиться въ немъ увѣреніями другихъ, т. е. можетъ сознавать себя Арханомъ, какъ скоро другіе откроютъ ему собственное его достоинство; такъ напримѣръ Шарипутра вовсе не зналъ, что онъ самый ученый изъ послѣдователей Будды и убѣдился въ томъ уже изъ словъ своего учителя. Къ этимъ мнѣніямъ Махадева присоединилъ еще другое. Внутреннее самоусовершеніе и освобожденіе отъ страстей основываются на размышленіи о преподаваемыхъ Буддой истинахъ; въ этомъ состоитъ, по ученію Буддизма, назначеніе Шрамаца; если эти истины, во время размышленія о нихъ, не постигаются умомъ, или не возбуждаютъ въ душѣ необходимаго сочувствія, Махадева совѣтовала дѣлать восклицанія и воззванія, увѣрая, что онъ приносятъ помощь совершающему; такимъ образомъ голосъ человѣческій былъ у него однимъ изъ пособій въ дѣлѣ усовершенія. Изложенныя здѣсь мнѣнія, извѣстныя у буддистовъ подъ именемъ пяти статей Махадевы, Махадева, по тогдашнему обыкновенію, сократилъ въ одну гату, или стихъ, выразивъ ихъ слѣдующимъ образомъ: «Арханъ подверженъ искушеніямъ, невѣдѣнію и сомнѣнію; онъ просѣивается и другими; голосъ споспѣшествуетъ пути усовершенія; таково истинное ученіе Будды».

Пока Махадева былъ простымъ Бикшу, пять статей его не производили никакого шума, вѣроятно потому, что не были извѣстны большинству Паталипутрскаго братства; онъ обнаружился уже въ то время, когда личные достоинства Махадевы и смерть старшихъ Бикшу доставили ему мѣсто предсѣдателя на ежемѣсячныхъ собраніяхъ Бикшу, на которыхъ читались Буддійскія преданія. Обязанный по своему званію повторить передъ Паталипутрскимъ братствомъ эти преданія, онъ въ первое же засѣданіе высказалъ свои личные убѣжденія, начавъ рѣчь своею извѣстною гатю. Но едва онъ произнесъ ее, какъ въ собраніи поднялся ропотъ; Бикшу, почтенные по своимъ лѣтамъ и опытности въ созерцательной жизни, прервали рѣчь его упреками, обличая его въ ереси и нарушеніи неприкосновенности преданій. Они измѣняли гату Махадевы въ слѣдующую: твои слова, что Архангъ подверженъ искушеніямъ, невѣдѣнію и сомнѣнію; что онъ просвѣщается и другими, и что голосъ споспѣшествуетъ пути совершенія, не есть ученіе Будды. Однакоже большая часть другихъ Бикшу приняла сторону Махадевы, и между двумя партіями завязался жаркій споръ. Всю ночь провели онъ во взаимномъ ратоборствѣ и когда на другой день друзья Махадевы и другіе покровители братства, узнавъ о возникшемъ въ немъ раздорѣ, посѣтили спорящихся, они

застали обѣ стороны уже истощившими свои доводы и убѣжденія и только повторявшими свои гаты. Послѣ напрасныхъ усилій примирить враждовавшія партіи, дѣло представлено было на рѣшеніе самаго Государя, который, по совѣту Махадевы, приказалъ собрать голоса и то мнѣніе, въ пользу котораго окажется ихъ больше, считать правымъ. Большинство голосовъ было на сторонѣ Махадевы, между тѣмъ какъ противниковъ его оказалось не болѣе ста. Сдѣлавъ строгій выговоръ униженной партіи, Государь приказалъ прекратить распрю и жить въ мирѣ. Однакоже приверженцы старыхъ мнѣній, негодуя на презрѣніе, оказанное преданіямъ, не хотѣли признать справедливости рѣшенія и продолжали упорно защищать основательность своего мнѣнія. Они не хотѣли имѣть общенія съ Махадевой и даже рѣшились навсегда удалиться изъ Кукутараму. Узнавъ объ ихъ намѣреніи, раздраженный Государь предупредилъ ихъ желаніе и приказалъ съ безчестіемъ выгнать ихъ оттуда. Буддійскіе писатели рассказываютъ, будто, по его повелѣнію, они посажены были на негодныя старыя лодки и пущены въ нихъ по Гангу, но что они успѣли спастись и удалились въ Кашмиръ, гдѣ Государь, простивъ прежнія ихъ вины, приказалъ устроить для нихъ жилище. Какъ бы то ни было, Махадева былъ причиной раздѣленія Буддійской Санги на двѣ партіи, образовавшія двѣ

школы; партія Махадевы образовала школу Махасап-
гьяки, или большого братства, другая школу Ставпры,
такъ назывались пожилые Бикшу. Вскорѣ послѣ этого
присшествія, Махадева умеръ, завѣщавъ Буддистамъ
безконечные споры. Похороны его были великолѣпны;
онѣ устроены были самимъ Государемъ и вельможами,
которые, оказывая ему дружбу при жизни, почтили
его и по смерти. Бренныя остатки Махадевы преданы
были пламени среди кучи цвѣтовъ и въ огромномъ
количествѣ благовоннаго масла.

По недостатку историческихъ документовъ касательно
событій, послѣдовавшихъ за расколомъ Маха-
девы, мы принуждены пройти молчаніемъ почти цѣлое
столѣтіе и прямо перейти къ эпохѣ Дармасоки, зна-
менитой въ Буддійскихъ лѣтописяхъ. По Буддійскимъ
сказаніямъ, въ исходѣ втораго вѣка по смерти Будды,
династія Нанда, царствовавшая въ Магадѣ, прекратилась
и на мѣсто ея воцарился домъ Маюры. Первый
Государь изъ этой династіи былъ Чандрагупта; послѣ
него взомель на престолъ сынъ его Биндусара. О
томъ и другомъ Государѣ мы знаемъ только то, что,
подобно своимъ предшественникамъ, они имѣли сто-
лицу въ Паталипутрѣ (нынѣ Патнѣ), куда перенесъ
ее, какъ надобно полагать, Каласока, отдавъ Рачжа-
гриху во владѣніе Брахманамъ. Биндусара имѣлъ мно-
жество дѣтей, но по Буддійскимъ лѣтописямъ изъ нихъ

известны только трое: Сушима, Асока и Вандусара. Сушима был старший сын и наследник Вандусары последние два, одноутробные братья, прижиты были имъ отъ жены, взятой изъ одного Брахманскаго дома. Вандусара не любилъ Асоку за его безобразіе и привязанъ былъ исключительно къ Сушиму. Однакоже біографы Асоки изображаютъ его героемъ и уверяютъ, что онъ однимъ своимъ появленіемъ усмирятъ бунты, возникшіе въ разныхъ частяхъ обширной имперіи Паталипутрскихъ Государей. Въ послѣдніе годы жизни Вандусары, при дворѣ образовалась партія въ пользу Асоки, жившая по смерти Вандусары возвести его на престолъ, въ предосужденіе Сушиму; во главѣ заговора была честолюбивая мать Асоки, первый министръ Государя, питавшій личныя неудовольствія противъ Сушима, и одинъ астрологъ, пользовавшійся народнымъ уваженіемъ. Въ то время, когда престарѣлый Вандусара тяжело заболѣлъ, Сушима находился въ западной Индіи для усмиренія бунта. Чувствуя приближеніе смерти, Государь приказалъ Асоку немедленно отправиться въ столицы для свиданія Сушимы, котораго онъ хотѣлъ видѣть въ послѣднія минуты своей жизни; но Асока отозвался болѣзнію и не исполнилъ повелѣнія своего отца; біографы его рассказываютъ при этомъ случаѣ, что для утѣренія Государя въ дѣйствительности болѣзнь Асоки (желтой

горячки), его намазали желтой краской и въ этомъ видѣ представили Биндусарѣ. Государь, прибавляють тѣже біографы, испустилъ духъ, проклиная вѣрломнаго сына; въ то же самое время приверженцы Асоки вручили ему бразды правленія, вопреки волѣ и завѣщанію покойнаго Государя. Получивъ извѣстіе о смерти отца, Сушима поспѣшилъ съ отрядомъ войскъ къ Паталипутрѣ, съ намѣреніемъ возвратить себѣ престолъ, похищенный его соперникомъ; но предпріятіе его не удалось; онъ погибъ во время осады столицы, обманутый ложной атакой непріятелей, за которыми онъ погнался и упалъ вмѣстѣ съ своимъ слономъ въ искусно прикрытый ровъ. Избавившись отъ опаснаго совмѣстника, Асока рѣшился обезопасить себя на будущее время отъ новыхъ попытокъ многочисленной семьи Биндусары; по его приказанію, всѣ братья его, число которыхъ, по разсказу Буддистовъ, простиралось до ста человекъ, были безпощадно умерщвлены; остались въ живыхъ только Видасока, родной братъ Асоки, да Нягорода, малолѣтній сынъ Сушимы, спасенный въ деревенской хижинѣ и поступившій потомъ въ Бякшу. Въ слѣдъ за тѣмъ, увлекаясь воинственнымъ духомъ, Асока покорилъ своей власти и тѣ области Индіи, которыя, при его предшественникахъ, остались независимыми отъ Государей Магады; на западѣ, предѣлы его Имперіи отодвинуты были далеко за Индъ.

Въ первые годы его царствованія, подобно своему отцу, онъ ненавидѣлъ Буддистовъ и преслѣдовалъ ихъ какъ преступниковъ. Но едва прошло три года бѣдственнаго времени, какъ въ Асокѣ вдругъ произошла перемѣна; изъ гонителя Буддистовъ онъ сдѣлался покровителемъ ихъ и изъ Чантасоки переименованъ ими Дармасокой. Не извѣстно, какими ередствами Буддисты успѣли смягчить непреклонный характеръ Асоки и расположить его въ свою пользу, но то вѣрно, что онъ преданъ былъ имъ всей душой. Они успѣли представить Государю Бикшу Нягроду; Асока, вмѣсто всякихъ подозрѣній, полюбилъ своего племянника и питалъ толпы Буддистовъ, которыхъ Няграда приводилъ съ собой во дворецъ. Буддистъ Индрагупта пользовался особенною довѣренностію Государя; по его стараніямъ, построены были Асокой близъ столицы другое отшельническое убѣжище для Буддистовъ и названо Асокарамой. Изъ числа другихъ Буддистовъ, пользовавшихся вниманіемъ Асоки, извѣстнѣе другихъ были Моггалипутра и Махадева второй; оба они принадлежали къ Махасангикѣ и оба основали особыя и послѣднія секты въ этой школѣ. Видасока, до тѣхъ поръ покровительствовавшій Ниргрантамъ, принужденъ былъ, по настоянію своего брата, обратиться на сторону Буддистовъ и даже сдѣлаться Бикшу подъ руководствомъ Дармагупты. Асока пожертвовалъ Буд-

дизму даже одного изъ своихъ сыновей Махендру и дочь Сангамитру; братъ съ сестрой приняли обряды Бикшу. Моггалипутра совершилъ обрядъ при поступленіи Махендры въ Бикшу, а Махадева объяснилъ ему обязанности новаго его званія; при вступленіи Сангамитры въ Бикшуню, обряды исправляли Буддисты Дармапала и Аюпала. Это случилось черезъ шесть лѣтъ по вступленіи Асоки на престолъ, а на девятомъ году своего царствованія онъ построилъ, по просьбѣ Буддистовъ, у четырехъ воротъ Паталипутры больницы, для безденежнаго леченія нищихъ и Буддистовъ.

Покровительство Государя поощрило Буддистовъ. Воспользовавшись своимъ вліяніемъ на него, они вздумали жестоко отплатить Ниргрантамъ за давнее ихъ соперничество и ненависть къ Буддизму и вооружили противъ нихъ Асоку. По всѣмъ подвластнымъ ему областямъ разосланы были строгія повелѣнія немедленно предавать смерти всякаго Ниргранту. Во время этого гоненія погибъ и Бикшу Видасова, братъ Асоки; по случаю болѣзни онъ отпустилъ на головѣ волосы и, будучи принятъ въ этомъ видѣ за Ниргранту, лишился жизни отъ своей неосторожности. Могущество Буддистовъ и стѣснительное положеніе другихъ сектантовъ Индіи было причиною того, что послѣдніе уочли за лучшее покориться обстоятельствамъ и на-

чали во множествѣ поступать въ общество Буддистовъ; но, рѣшаясь на подобный поступокъ по одной необходимости, они и подъ одеждой Бикшу сохранили прежнія свои убѣжденія и правила. Ученые Брахманы внесли съ собой критицизмъ образованнаго ума и искали положительныхъ объясненій и рѣшенія такихъ вопросовъ, на которые Буддизмъ еще не давалъ отвѣтовъ; другіе сохранили прежнія труженическія привычки, предаваясь имъ и въ стѣнахъ Буддійскихъ общежительныхъ убѣжищъ. Естественнымъ слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было несогласіе и раздоръ между Бикшу, возраставшіе съ каждымъ днемъ, и между тѣмъ какъ Асока одарялъ Буддійскія общества богатыми пожертвованіями и давалъ Буддистамъ великолѣпныя благотворительныя обѣды, внутри жилищъ отшельниковъ кипѣла междоусобная война. Ревностные Буддисты, не желая имѣть общенія съ новопоступившими Бикшу, прекратили ежемѣсячныя чтенія преданій и недопускали ихъ къ обряду взаимнаго прощенія, совершавшемуся послѣ лѣтняго уединенія. Такъ прошло семь лѣтъ. Моггалипутра, бывшій уже въ преклонныхъ лѣтахъ, не имѣя возможности прекратить распрю между Буддистами, ушелъ изъ Паталипутры. Съ удаленіемъ его, дѣло предано было на судъ Государя. Асока немедленно послалъ въ главное общежительное жилище приказъ начать чтеніе пре-

даній, но его не послушались; онъ послалъ его во второй разъ, но безъ успѣха. Выведенный изъ терпѣнія, Асока далъ приказаніе казнить ослушниковъ смертью, что и было въ точности исполнено. Старшина отшельниковъ первый палъ подъ ударами мечей, а за нимъ по порядку и другіе Бикшу; однакоже новый приказъ Государя остановилъ кровопролитіе. Асока уже раскаялся въ томъ, что далъ столь жестокое повелѣніе. Онъ вызвалъ изъ уединенія Моггалипутру, для усмиренія мятежа Буддистовъ. Для усмиренія враждовавшихъ Бикшу, по совѣту Моггалипутры, приняты были рѣшительныя мѣры. Въ присутствіи Государя, ихъ собрали въ одно мѣсто и требовали отъ каждаго поочередно яснаго и краткаго отвѣта на вопросъ: что такое ученіе Будды? Въ отвѣтахъ Бикшу оказалось явное разногласіе; одни изъ нихъ говорили, что Будда допускалъ вѣчность существованія, другіе, напротивъ, увѣряли, что по ученію Будды человѣкъ ожидаетъ совершенное ничтожество; по мнѣнію третьихъ, Будда поставлялъ выше всего состояніе немышленія; четвертые говорили, что по ученію Будды, человѣкъ еще въ настоящей жизни можетъ наслаждаться полнымъ успокоеніемъ, т. е, нирваной. Но большая часть Буддистовъ, какъ послѣдователи Моггалипутры, отвѣчали въ духъ его школы, что ученіе Будды есть разлеченіе. Этими загадочнымъ выраже-

ніемъ послѣдователи его въ настоящемъ случаѣ хотѣли сказать, что о такихъ предметахъ, какова Нирвана, составляющая существенную цѣль ученія Будды, невозможно составить отчетливаго понятія, и что во всякомъ рѣшительномъ опредѣленіи ихъ будетъ часть истины и часть неправды. Асока, незнакомый со всѣми этими идеями, просилъ Моггалипутру рѣшить, кто изъ Бикшу былъ правъ, и когда Моггалипутра указалъ на послѣднихъ, онъ приказалъ снять съ другихъ платье отшельниковъ, одѣть въ свѣтское и отлучить отъ братства. Въ тотъ же день въ жилищѣ отшельниковъ происходило торжественное чтеніе преданій, подъ прикрытіемъ военной стражи, и согласіе водворено было въ Паталипутрскомъ братствѣ.

Ко временамъ Асоки относятъ появленіе Упагупты въ Мадурѣ; онъ сдѣлался Буддистомъ изъ продавца духовъ и образовалъ въ Мадурѣ многочисленное братство, отличаясь преимущественно искусствомъ обращать другихъ къ Буддизму. Слава о немъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ строгихъ анахоретовъ, распространилась далеко за предѣлы его отечества. Покровитель всѣхъ Буддійскихъ знаменитостей, Асока вздумалъ повидаться и съ Упагуптой и просилъ его къ себѣ въ Паталипутру. Упагупта поспѣшилъ на приглашеніе Асоки и въ сопровожденіи огромной свиты Буддистовъ спустился на судахъ внизъ по Гангу до

самой столицы. Буддійскіе писатели рассказываютъ, что Асока встрѣтилъ Мадурскаго пустынножителя на берегу Ганга, обходился съ гостемъ благосклонно и путешествовалъ съ нимъ по тѣмъ мѣстамъ Сѣверной Индіи, которыя были ознаменованы посѣщеніями Будды, или важными событіями его жизни; это путешествіе пробудило его набожность; онъ дѣлалъ богатые вклады въ посѣщенныхъ имъ мѣстахъ и по возвращеніи въ столицу издалъ указъ, которымъ предписывалось городамъ и общинамъ его Имперіи построить въ своихъ округахъ нѣсколько башенъ въ честь Будды, смотря по существовавшимъ въ тѣхъ мѣстахъ средствамъ.

Самымъ блистательнымъ событіемъ для Буддизма въ царствованіе Асоки было распространеніе ученія Будды за предѣлы Индіи. Черезъ 236 лѣтъ по смерти Будды и въ 18 годъ царствованія Асоки, прибыло ко двору его посольство отъ Цѣйлонскаго Государя Каммадевы, который только что вступилъ на престолъ и, извѣщая о томъ Асоку, просилъ его утвержденія. Каммадева вручилъ посламъ для поднесенія Индѣйскому Государю нѣсколько рѣдкостей, которыми славился островъ; и въ числѣ ихъ три огромные бамбука, пѣвчихъ птицъ, рѣдкихъ звѣрей и дорогіе камни. Когда посламъ наступило время возвращаться назадъ, Буддисты воспользовались такимъ благопріятнымъ случа-

емъ для внесенія Буддизма на Цѣйлонъ. Бикшу Махендра, сынъ Асоки, и нѣсколько другихъ буддистовъ просили у Асоки позволенія отправиться вмѣстѣ съ послами въ ихъ страну. Асока не только согласился на просьбу сына, но присоединилъ къ тому свое содѣйствіе. Онъ послалъ къ Камадевѣ подарки и между прочимъ корону, опахало, зонть, мечъ, кожаныя сандали, усыпанныя дорогими каменьями, пару платья изъ окрашеннаго пуху, золотую чашку, воды изъ Урадешскаго озера, платокъ необыкновенной бѣлизны, драгоцѣннаго сандала темнаго цвѣта, нѣсколько дорогихъ лѣкарствъ и дѣвушку необыкновенной красоты, и къ этимъ подаркамъ присоединилъ краткое письмо, писанное на пальмовомъ листѣ, слѣдующаго содержанія: «Я почтилъ Будду, его ученіе и Сангу и сдѣлался Упаеакой (буддистомъ изъ мірянъ); таковъ обычай въ духовномъ племени Шакия; увѣруй и ты въ три драгоцѣнности и прими ученіе Будды». Благодаря содѣйствію Асоки и политическому его вліанію, буддисты приняты были на Цѣйлонѣ благосклонно и основали на немъ главный пунктъ дѣйствій, откуда Буддизмъ со временемъ распространился въ Малакку, на Яву, Борнео и другіе острова Южнаго моря, и даже, какъ кажется, въ Бирманъ и Сіамъ.

Въ буддійскихъ сказаніяхъ упоминается о другомъ, не менѣе важномъ событіи, относящемся къ тѣмъ же

временамъ; именно о внесеніи Буддизма въ Западный край. Если вѣрить этимъ сказаніямъ, Хотанъ и лежащія къ нему страны въ древнія времена славились богатствомъ и плодородіемъ земли, обиліемъ рѣкъ и лѣсовъ и другими безчисленными удобствами. Но физическіе перевороты, о которыхъ не сохранилось ясныхъ воспоминаній, измѣнили и видъ, и качество этихъ странъ: рѣки скрылись и во многихъ мѣстахъ явились неплодныя степи, такъ что когда Китай, въ первые вѣка послѣ Р. Х., познакомился съ ними, онѣ не представляли и сотой доли древняго своего богатства. Привлеченныя цвѣтущимъ состояніемъ древняго Хотана, нѣсколько Индѣйскихъ семействъ переселилось сюда и онѣ основали колонію. Память объ этомъ событіи сохранилась въ названіи города Кусатаны и въ преданіяхъ Хотанцевъ до VIII вѣка послѣ Р. Х. Въ царствованіе Асоки, Буддисты проникли въ Хотанъ и построили здѣсь нѣсколько общежительныхъ убѣжищъ; въ буддійскихъ сказаніяхъ сохранились даже имена буддистовъ, прославившихся въ этой странѣ. Если бы можно было ручаться за достовѣрность этого извѣстія, мы нашли бы возможнымъ существованіе Буддизма въ Китаѣ еще до Р. Х., при Циньской династіи, и справедливыми слова Лю-сяна, одного ученаго Китайца, жившаго въ первомъ вѣкѣ послѣ Р. Х. Перебиралъ книги въ Чацъаньской Императорской библіотекѣ, ко-

торая перешла къ Ханьской династіи отъ Циньской, онъ нашелъ въ числѣ ихъ нѣсколько буддійскихъ Сударь.

Въ послѣдніе годы своего царствованія, Асока, какъ видно изъ его біографій, писанныхъ буддистами, простиеръ привязанность къ Буддизму до крайней степени. Казалось, что съ потерей тѣлесныхъ силъ, онъ потерялъ всю силу своего характера и только занимался благотвореніями въ пользу Бикшу, сыпалъ въ отшельническія жилища деньги, приписывалъ имъ земли и государственной казной поддерживалъ праздную и роскошную жизнь послѣдователей нищаго Шрамана Готамы; однакоже неумѣренная расточительность Асоки много повредила дальнѣйшимъ успѣхамъ буддистовъ, возбудивъ противъ нихъ ненависть вельможъ, государственныхъ людей и, сколько можно догадываться, его преемника. Асока назначилъ наследникомъ престола внука своего, по имени Самматью, потому что отецъ молодаго князя и сынъ Асоки, Кунала, иначе называемый Дармаваданой, давно уже удалился отъ двора. Онъ управлялъ нѣсколько времени, отъ имени Асоки, Удьяной, лежавшей по ту сторону Инда; но по навѣтамъ своей мачихи былъ ослѣпленъ и поступилъ въ Бикшу. Самматья воспитывался при дворѣ своего дѣда и былъ свидѣтелемъ вліянія на него буддистовъ; онъ скорбѣлъ при видѣ происходившаго и

не звалъ какъ помозитъ ковецъ жадности Битшу къ приобрѣтеніямъ. Случай къ тому скоро представился. Набожный и уже ослабѣвшій въ силахъ Асока, желая провестя остатокъ своей жизни въ покоѣ и назидательныхъ бесѣдахъ съ буддистами, сложилъ всѣ заботы правленія на своего внука. Самиматя принявъ отъ дѣда власть не позволилъ болѣе буддійскимъ обществомъ обогащаться на счетъ Государя.

По смерти Асоки слѣдовали одинъ за другимъ пять Государей изъ дома Маюры, но, кромѣ послѣдняго изъ нихъ, всѣ другіе извѣстны только по имени. Пушьямитра, царствовавшій въ четвертомъ вѣкѣ по смерти Будды и заключившій рядъ единовластителей Индіа, былъ жестокимъ гонителемъ буддистовъ, оттого имя его сохранилось въ буддійскихъ преданіяхъ. Причины ненависти его къ буддистамъ неизвѣстны; извѣстно только, что съ самаго своего вступленія на престолъ онъ неутомимо преслѣдовалъ и казнилъ ихъ безъ пощады. Разрушенныхъ имъ кумиренъ и башенъ буддійскихъ насчитываютъ до осьми сотъ; въ числѣ ихъ разрушены были большая часть памятниковъ, воздвигнутыхъ Асокой и знаменитое общежительное буддійское убѣжище его имени. Неудовольствовавшись тѣмъ, Пушьямитра приказалъ сжечь всѣ священныя книги буддистовъ, захваченныя въ жилищахъ ихъ; такимъ образомъ, если только это сказаніе вполне достоверно,

погибли письменные памятники древняго Буддизма; однакоже, по смерти Пушьямитры, буддійскія преданія снова собраны, раздѣлены по содержанию и составили кодексъ, существующій и до сихъ поръ. Спасаясь отъ неминуемой смерти, большая часть буддистовъ бѣжали въ южныя горы (Вяндья) и скрывались въ нихъ до самой смерти Пушьямитры; головы ихъ были оцѣнены и отряды солдатъ посланы были для розыска въ горныя ущелья. Преслѣдованіе буддистовъ кончилось со смертію Пушьямитры, который погибъ неизвѣстно какимъ образомъ, въ одномъ горномъ проходѣ. Вмѣстѣ съ нимъ прекратилась династія Маюры.

По смерти Пушьямитры, обширная Имперія, созданная Асокой, распалась на нѣсколько мѣлкихъ владѣній. Въ сѣверной Индіи образовалось три государства: Магада, столицей которой оставался городъ Паталипутра, называвшійся иначе Балипутрой, Кусуманурой и Пушпапурой; Каши, столицей которой былъ Бенаресь, и Косала, которая, въ послѣдствіи времени сократившись въ болѣе тѣсныя предѣлы, называлась Аїдья (нынѣ Аудъ); столица ея по прежнему была въ Шравасті. Самымъ могущественнымъ изъ нихъ была Косала. Занимая западную часть Мадьядеша, въ сосѣдствѣ съ западными Млеча, которые со времени Асоки начали првлекать къ Инду политику и военную силу Индійскихъ Государей, эта страна

сдѣлалась театромъ постоянныхъ движеній, мало по малу сосредоточила въ себѣ политическія и торговля сношенія съ индѣйскими народами и утвердила свое преобладаніе въ Индіи. Виѣсть съ политическими перемѣнами, Буддизмъ также слѣдовалъ ходу обстоятельствъ, и ослабѣвая на востокъ, или по крайней мѣрѣ теряя тамъ историческія воспоминанія, постепенно переселялся въ западныя и сѣверозападныя страны и водворялся въ нихъ виѣсть съ Индѣйской цивилизаціей. Въ то время, когда Буддизмъ распространился за Индомъ, Бактрианская монархія должна была существовать еще въ полной силѣ; царствованіе Менандра въ Бактрѣ, покорившаго нѣсколько областей Индіи, совпадаетъ съ кончиной Пушьямитры. Нѣтъ сомнѣнія, что Буддизмъ проникъ и къ потомкамъ Грековъ; потому что, если правда, что власть Бактрианскихъ Государей простиралась далеко на югъ отъ столицы ихъ Балка, въ предѣлахъ ихъ владѣній должна была находиться Кантара обнимавшая собой нынѣшній Кабуль; а въ Кантарѣ, въ тѣ времена Буддизмъ уже процвѣталъ и тамошніе буддійскіе ученые извѣстны были Индѣйскимъ буддистамъ подъ именемъ западныхъ учителей.

Къ концу четвертаго вѣка по смерти Будды историческія сказанія буддистовъ исключительно касаются сѣверозапада Индіи, гдѣ въ то время существовало

сильное Кашмирское государство и Буддизм имѣлъ ревностныхъ поклонниковъ. Имя Кашмира встрѣчается въ буддѣйскихъ сочиненіяхъ не ранѣе послѣдняго вѣка до Р. Х.; а до тѣхъ поръ долина, которая теперь извѣстна подъ этимъ названіемъ, вмѣстѣ со странами, включающимися нынѣ въ Лагоръ и Кабуль, называлась или Капвной, или Капина-Кантарой, смотря по тому, отдѣльно или вмѣстѣ существовали эти два владѣнія. Кашмиръ населенъ былъ народомъ, отличавшимся отъ Индѣйцевъ и нарѣчіемъ, и цвѣтомъ кожи; Индѣйцы причисляли его къ племени желтаго цвѣта вмѣстѣ съ Киратами, обитавшими на сѣверѣ Индіи по направленію Хималайскаго хребта. Въ буддѣйскихъ преданіяхъ Кашмиръ дѣлается извѣстнымъ весьма рано; въ древнія времена, онъ и Хималай слыли таинственными жилищами прославленныхъ арханговъ; туда скрывались они, престарѣлые, и въ глубокомъ безмолвіи души и природы ожидали вождѣйной ирваны. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Кашмирѣ внесенъ былъ Буддизмъ, эта страна, какъ кажется, сдѣлалась убѣжищемъ для Индѣйскихъ буддистовъ. Во времена, близкія къ царствованію Канишки, его по справедливости можно было назвать разсадникомъ Буддизма на сѣверозападѣ Индіи и центромъ буддѣйской учености; царствованіе Канишки увѣковѣчило

славу тамошнихъ ученыхъ буддистовъ, известныхъ подъ именемъ Кашмирскихъ учителей.

Въ пятомъ вѣкѣ по смерти Будды Кашмиръ прославился царствованіемъ Канишки. По сказанію буддйскихъ писателей этотъ Государь былъ родомъ изъ малыхъ Ювчи, а Кашмирская лѣтопись называетъ его изъ племени Турушка. Но одинъ ли народъ означаютъ оба эти названія и когда Ювчи овладѣли Кашмиромъ, неизвѣстно; можно только думать, что малые Ювчи, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, тоже, что Индѣйскіе Ювчи, упоминаемые Китайскими лѣтописцами. Канишка является на сѣверозападѣ Индіи могущественнымъ и воинственнымъ Государемъ. Страсть къ завоеваніямъ и воинской славѣ была отличительной чертой его характера. Въ короткое время онъ далеко распространилъ свою власть въ заиנדскихъ странахъ, покорилъ Аньси (Паревъ) и проникъ въ глубину Индіи до Паталипутры. Непобѣдимость его войска вошла въ пословицу; конница его состояла изъ варваровъ (какихъ, неизвѣстно) и въ сраженіяхъ составляла передовой отрядъ; самъ онъ, вопреки обыкновенію Индѣйскихъ Государей, ѣздилъ не на слонѣ, а верхомъ на конѣ; самъ водилъ свое войско въ битвы и на ряду съ простыми воинами неустрашимо вдался въ опасныя сѣчи, но всегда выходилъ изъ сраженія невредимъ и оставался побѣдителемъ; оттого народъ

вѣрилъ, что Канишка послѣ заколдованныя латы. Оружіе служило ему самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для достиженія своихъ цѣлей и было главной причиной его успѣховъ; вездѣ и во всемъ онъ употреблялъ это средство, которое никогда не измѣняло ему.

Однакоже воинственный характеръ Канишки уступилъ влиянію религиозныхъ идей; въ его время Буддисты и Ниргранты были въ большой силѣ въ Кашмирѣ и воздвигали священныя башни въ Капинѣ и Кантарѣ. Государь оказывалъ предпочтеніе буддистамъ; одинъ изъ нихъ, Ашвагоша, жилъ при дворѣ Канишки и, по увѣренію буддійскихъ писателей, пользовался его довѣренностію на равнѣ съ Мачжарой, военнымъ министромъ, неразлучнымъ спутникомъ во всѣхъ его походахъ. Буддистъ Башба также удостоился расположенія Государя. Башба славился глубокимъ изученіемъ буддійскихъ преданій, по его стараніямъ составилось въ Кашмирѣ собраніе, извѣстное подъ именемъ третьяго, о которомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Сколько продолжалось царствованіе Канишки, неизвѣстно. Буддійскіе писатели сохранили только сказаніе объ его смерти. Завоевавъ окружныя страны, лежавшія отъ Кашмира на западъ, югъ и юговостокъ, Канишка предпринялъ походъ на сѣверъ; по сказанію однихъ, онъ не успѣлъ привести въ исполненіе своего

предпріятія; но другіе рассказываютъ, что, собравъ войско, состоявшее изъ конницы и военныхъ слоновъ, онъ перешелъ съ нимъ за Цунливскій или Болорскій хребетъ и вторгнулся въ предѣлы нынѣшняго восточнаго Туркестана. Конница изъ варваровъ, какъ и въ прежнихъ походахъ, была впереди прочаго войска и производила на непріятельской землѣ страшныя опустошенія и убійства. Вскорѣ по возвращеніи Каниши въ Кашмиръ послѣдовала его кончина.

Канишка былъ пятый Государь, покровительствовавшій Буддизму. Мы ничего не знаемъ о томъ, какіе послѣдствія произвела кончина его на ходъ дѣлъ въ Кашмирѣ; можемъ только сдѣлать общее замѣчаніе, что распространеніе и утвержденіе Буддизма на вселѣ сѣверозападѣ отъ Индіи есть непосредственное слѣдствіе могущественнаго покровительства сего Государя. Со времянь его, или скорѣ послѣ его смерти, явились Массагеты (Большіе Юѣчжи), заняли страну, простиравшуюся отъ Кабула на сѣверъ и, принявъ Буддизмъ, были его проводниками въ западный край чрезъ Болорскій хребетъ. Съ тѣхъ поръ исторія Буддизма тѣсно связана съ исторіею владѣній, которыя одно за другимъ появлялись въ средней Азіи и до сихъ поръ еще требуютъ этнографическихъ изысканій. Царствованіе Канишки составляетъ важную эпоху и въ исторіи Буддійскихъ идей скорѣ по смерти, а по дру-

гимъ оказаніямъ еще при жизни его, Буддистъ Нагарджуна основалъ первую школу Махаяны, которая отступила отъ преданій, существовавшихъ въ Буддизмѣ до Каммирскаго собранія. Ограничившись исторією одной Хинаяны, или древняго Буддизма, мы обратимъ теперь вниманіе на состояніе его и внутреннія его движенія, возникавшія одно за другимъ въ теченіе періода отъ Каласоки до временъ Васубанду, около Р. X.

Мы уже привели Буддійское сказаніе о томъ, какимъ образомъ началось дѣленіе Буддизма на школы. Здѣсь мы сдѣлаемъ общій взглядъ на исторію ихъ. Пять статей Махадевы, произведшія расколъ въ Буддизмѣ, были однакоже только поводомъ къ новымъ и болѣе важнымъ разногласіямъ. Махасангица сдѣлалась общимъ наименованіемъ нѣсколькихъ частныхъ школъ, слѣдовавшихъ одной общей идеѣ, которую можно выразить словомъ: номинализмъ. Вскорѣ послѣ смерти Махадевы, въ Махасангикѣ образовалась школа, извѣстная подъ именемъ Екавьявакрики; она отвергла дѣйствительность міра и матеріальнаго и не матеріальнаго; за нею появилась Локоттаравада, которая приписывала дѣйствительность только тому, что имѣетъ отношеніе къ нравственному усовершенію чело-
вѣка, считая все прочее ложнымъ и обманчивымъ. Знаменитый Моггаллипутра, желая найти средину въ

дѣлѣніяхъ этихъ двухъ школъ, пришелъ къ той мысли, что во всемъ есть сторона истинная и сторона ложная, смотря по тому, съ какой точки смотрѣть. Основанная имъ школа называлась **Вибачжывадиной**. После **Моггалипутры** и вѣроятно вскорѣ, въ **Махасангикѣ** возникло еще нѣсколько новыхъ толковъ, которые однакоже были весьма маловажны. Изъ нихъ, **Вахушрутья** ограничила ученіе Будды тѣсными предѣлами, отнявъ важность у большей части предметовъ, которые въ другихъ школахъ считались основными; **Чжетапшайла**, основанная **Махадевой** вторынъ, между прочимъ, не признавала важности поклоновъ башнямъ, воздвигаемымъ въ честь Будды. О другихъ (**Кокуликъ**, **Сурвашайлѣ** и **Уттарашайлѣ**) ничего не вѣстно.

Между тѣмъ, какъ въ **Махасангикѣ** происходили эти раздѣленія, **Ставира** сохраняла свое единство до третьяго вѣка по смерти Будды. Въ это время **Катьянпуптра**, ученый **Брахманъ** изъ сѣверозападной **Индіи**, поступивъ въ общество **Буддистовъ Ставиры**, произвелъ въ ней дѣленіе. Не находя въ **Судрахъ** удовлетворительнаго рѣшенія множеству вопросовъ, онъ основывался предпочтительно на **Абидармакѣ**, или трактатѣ, изъ которыхъ нѣкоторые приписаны были самому **Шарипутрѣ**, и, въ противоположность ученію **Махасангикѣ**, защищалъ реализмъ. Основанная имъ

школа получила названіе Сарваствиады. Главный пунктъ ея ученія состоялъ во всеобщей дѣйствительности, въ слѣдствіе которой сущность всѣхъ явленій, рождающихся и исчезающихъ, остается постоянно неизмѣнною и даже вѣчною. Этимъ ученіемъ Сарваствиада возстановила противъ себя всю школу Махасангтики, а придавая Абидаршамъ основной авторитетъ, вооружила противъ себя всѣхъ Буддистовъ, слѣдовавшихъ одѣжью Судрамъ, и во главѣ ихъ послѣдователей Ставиры; не смотря на то, она вскорѣ прилегла на свою сторону большую часть Буддистовъ и преобладала въ Буддійскомъ мірѣ. Ставира, лишившись вліянія, съ небольшимъ числомъ послѣдователей удалась къ Хималайскому хребту и переименовалась въ Хемавату; объ ученіи ея мы не знаемъ почти ничего. Въ скоромъ времени въ Сарваствиадѣ произошли раздѣленія. Ватсипутра, родомъ Брахманъ, принявшій ея ученіе, допускалъ существованіе въ человѣкѣ неуничтожающейся души, мысль весьма близкая къ ученію о неизмѣнномъ и вѣчномъ существѣ; онъ составилъ особую школу, названную по его имени Ватсипутріей, изъ которой произошли новыя четыре школы: Бадрафини, Шантагриха, Дармоттарья и Самматья; изъ нихъ извѣстны только двѣ послѣднія; Дармоттарья тѣмъ, что обратила преимущественное вниманіе на нравственныя заповѣди Буддизма, а Самматья тѣмъ,

что пережила собственную школу Ватспутры и до позднейшихъ временъ имѣла свой кодексъ, проникнутый его идеями. Вместе съ Ватспутрой отдѣлился отъ Сарваствиады Махисавака, сдѣлавшійся Буддистомъ изъ Рачжи, но онъ принялъ другое направленіе и почти весь началъ Махасангги; къ школѣ его, навывавшейся его именемъ, причисляютъ Дармагупту и Кашьяпію, старавшіяся соединить идеи Махасангги и Сарваствиады. Сутрантавада, иначе называвшаяся Сангарамавадой, была послѣднею школою, образовавшеюся въ Сарваствиадѣ; сходству съ нею въ большей части пунктовъ ученія, Сутрантавада отвергала авторитетъ Абидармъ и слѣдовала исключительно Судрамъ.

Такія перемѣны произошли въ Буддизмѣ, когда Кашмирскіе Буддисты вздумали составить собраніе для опредѣленія и узаконенія преданій; но такъ какъ они все принадлежали къ Сарваствиадѣ и собраніе состояло главнымъ образомъ изъ Кашмирскихъ ученыхъ Буддистовъ, то его нельзя считать общимъ для всего тогдашняго Буддійскаго міра. Вотъ какимъ образомъ рассказываютъ объ этомъ событіи Буддійскіе писатели. Для примиренія несогласій, господствовавшихъ въ Буддійской Сангѣ, въ Кашмирѣ состоялось собраніе Буддистовъ, подъ непосредственнымъ покровительствомъ Кашмики; число членовъ его простиралось до

пяти сотъ человѣкъ. Самъ Государь вызвался содержать ихъ на свой счетъ въ продолженіе засѣданій, а за нимъ явились и другіе Данapati изъ вельможъ. Рѣшено было, чтобы члены собранія представляли свои мнѣнія касательно различныхъ пунктовъ Буддійскаго ученія; эти мнѣнія записывались Ашвагошей и послѣ распредѣлялись по разрядамъ, или статьямъ; а для того, чтобы привести ихъ въ систему, принята была за основаніе Чжнянапрастана, сочиненіе Катьянипутры. Такъ какъ это сочиненіе раздѣлялось на восемь грантъ, или частей, изъ которыхъ каждая трактовала особый родъ предметовъ, мнѣнія членовъ собранія помѣщались на своемъ мѣстѣ. Текстъ Катьянипутры остался неприкосновеннымъ и занялъ первое мѣсто въ сборникѣ. Каждая гранта и каждое подраздѣленіе ея начинается положеніемъ Чжнянапрастаны; затѣмъ слѣдуетъ или поясненіе его, или опроверженіе другихъ мнѣній, несогласныхъ съ нимъ, или изложеніе различныхъ взглядовъ на тотъ же предметъ другихъ знаменитыхъ Буддистовъ, и въ заключеніе иногда прибавляются особыя статьи, подъ названіемъ критики, въ которыхъ отдается предпочтеніе тому, или другому мнѣнію. Этотъ сборникъ названъ былъ Маха-Вайбашья, или просто Вайбашья, т. е. пространнымъ толкованіемъ, въ отличіе отъ Упадешы, или краткаго. Онъ состоитъ изъ 100,000 гатъ, или стиховъ

(въ переводѣ на Китайскій языкъ 20 томовъ), и есть самая богатая компиляція, существующая въ древней Буддійской литературѣ, и драгоцѣнная въ томъ отношеніи, что въ ней сохранились пункты ученій и отрывки изъ сочиненій, давно уже исчезнувшихъ. Главный недостатокъ Вайбашьи есть отсутствіе строгаго метода въ изложеніи, переведенное въ нее изъ сочиненія Катьянипутры и сдѣлавшееся гораздо ощутительнѣе въ огромномъ размѣрѣ сочиненія; статьи перемѣшаны и часто въ самой срединѣ изложенія какого-нибудь пункта ученія вдругъ говорится о другомъ.

Окончаніе собранія и то, какимъ образомъ Вайбашья вскорѣ сдѣлалась общезнаменою въ Индіи, разсказывается Буддистами съ примѣсью сомнительныхъ обстоятельствъ. По ихъ сказаніямъ, собраніе занималось своимъ дѣломъ двѣнадцать лѣтъ; когда все было кончено, члены собранія постановили, чтобы никто изъ участвовавшихъ въ немъ не выходилъ изъ Кашмира, опасаясь, чтобы Вайбашья, какъ сокровище истиннаго ученія Будды, не сдѣлалась предметомъ нападеній со стороны другихъ школъ Буддизма. Въ память этого опредѣленія воздвигнуть былъ каменный памятникъ съ слѣдующею надписью: «Съ сихъ поръ изучающіе Вайбашью, равно какъ и словъ осьми грантъ (текета) и Вайбашьи (толкованія), не

должны выходить за пределы Кашмира.» Одобривъ распоряженія собранія, Государь приказалъ вырѣзать гаты Вайбашья на мѣдныхъ доскахъ и закласть въ башню, нарочно для того построенную. Не смотря однакоже на предосторожность Кашмирскихъ Буддистовъ, Вайбашья ихъ скоро появляеся въ Индію. Буддистъ Васасубадра, извѣстный по своему уму и необыкновенной памяти, узнавъ о собраніи въ Кашмирѣ, тайно пробрался туда и присутствовалъ во всѣхъ засѣданіяхъ собранія; чтобы не подать повода къ подозрѣніямъ, онъ притворился безумнымъ и въ доказательство того, объясняя однажды въ полномъ присутствіи собранія идеи Буддизма, къ величайшему изумленію членовъ его сослался на Рамаяну; съ сихъ поръ на него не обращали уже никакого вниманія, а Васасубадра между тѣмъ запоминалъ текстъ и поясненія Вайбашья и когда собраніе кончилось возвратился въ Индію и открылъ публичныя толкованія Вайбашья, къ великой горести Кашмирскихъ учителей.

Раздѣленія въ Буддизмѣ, бывшія причиною постоянныхъ споровъ между его послѣдователями, съ другой стороны содѣйствовали распространенію среди нихъ образованности и процвѣтанію Буддійской учености; духъ изслѣдованія и діалектика образовали писателей, пользующихся заслуженною славою; къ этому присое-

двигались частыя состязанія съ послѣдователями другихъ философскихъ школъ Индіи, заставившія Буддистовъ ближе ознакомиться съ ученіемъ этихъ школъ. Къ сожалѣнію, множество сочиненій древнихъ Буддистовъ не перешло въ переводную литературу Китайскихъ Буддистовъ, и изъ тѣхъ, которыя вошли въ нее, большая часть принадлежитъ только ученымъ послѣдователямъ Сарваствивады; притомъ объ авторахъ этихъ сочиненій существуетъ весьма мало біографическихкихъ свѣдѣній.

Самыя древнія сочиненія, появившіяся въ Буддискій литературѣ, если судить по названію ихъ авторовъ, относятся ко временамъ самаго Будды; изъ нихъ два приписываются Шарипутрѣ и одно Монгальямъ. Изъ сочиненій Шарипутры одно, называемое Абидарма Сангитипарьяя, или Абидарма о разныхъ предметахъ (2 тома), излагаетъ основные и нравственные предметы Буддйскаго ученія въ числительномъ порядкѣ; другое, Шарипутра Абидарма, (3 тома) излагаетъ ихъ методически. Монгальямъ приписывается Абидарма Дармаскандапада, или Абидарма о духовныхъ предметахъ (1 томъ); это сочиненіе изъ рода Упадешъ, или объяснительныхъ трактатовъ на текстъ преданія; въ началѣ каждой главы его приводятся афоризмы Будды и потомъ пространно развиваются; такъ какъ Монгальяма извѣстенъ былъ склон-

ностию къ созерцательной жизни, то и въ Абидармѣ его на эту часть обращено особенное вниманіе. Но какъ Абидарма Шарипутры, такъ и это сочиненіе; по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ какъ существуютъ теперь, носятъ признаки поздняго происхожденія. Въ третьемъ вѣкѣ по смерти Будды явилось сочиненіе ученаго Катьянипутры, извѣстное подъ именемъ Абидарма Чжнянапрагана, т. е. Абидарма, проявляющая знаніе (3 тома); въ немъ за основаніе приняты Уда-ны, или сокращенные стихи, которые объясняются по порядку. Эта Абидарма раздѣляется на восемь частей, заключающихъ въ себѣ 44 главы. Въ первой части Катьянипутра касается разныхъ предметовъ, занимавшихъ въ то время умы Буддистовъ; во второй говоритъ о страстяхъ; въ третьей о мудрости и разнообразныхъ видахъ ея; въ четвертой о добродѣтеляхъ и порокахъ; въ пятой о матеріальномъ мірѣ; въ шестой о нравственныхъ и чувственныхъ органахъ человѣка; въ седьмой о созерцаніи и разныхъ степеняхъ его; въ осьмой и послѣдней о неправильныхъ взглядахъ, или теоріяхъ. Вскорѣ послѣ явленія школы Ватсипутры и Махисаваки Буддистъ Девашрама написалъ трактатъ Видьянакаяпада, или о шести чувствахъ (болѣе тома); въ первой части этого сочиненія авторъ опровергаетъ ученіе школы Махисаваки, по которому все, что прошло и что будетъ впередъ,

вопрос не существует; за тою Девашрама нападает на теорию Ватсипутры о неуничтожающейся души; остальная часть сочинения посвящена различным свойствам чувствъ. Девашрама отвѣчалъ Буддистъ Куа Кошамбійскій трактатомъ объ истинѣ Буддійскаго ученія, въ которомъ доказывалъ существованіе Я, или индивидуальной души; съ сихъ поръ споръ объ этомъ предметѣ не прекращался до позднѣйшихъ временъ Буддизма.

Времена, близкія къ царствованію Канишки, были самымъ цвѣтущимъ періодомъ Буддійской литературы. Между учеными Буддистами того времени первое мѣсто занимаетъ Васумитра, первый послѣ Катъянипутры авторитетъ въ Сарваствивадѣ. Самое извѣстное сочиненіе его есть Абидармапракаранапада, или сводъ различныхъ статей по Абидармамъ (2 тома); въ немъ, въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, опредѣлены всѣ предметы, входящіе въ составъ Абидармъ. Другое сочиненіе его, весьма не большое, подъ названіемъ Датукаяпада, или о сферахъ чувственной и разумной дѣятельности, есть сокращеніе предшествующаго сочиненія; текстъ состоитъ изъ Уданъ, на которыя слѣданы короткія поясненія. Васумитръ приписываютъ также собраніе разныхъ основныхъ статей (1 томъ). Дармоттара, родомъ изъ Кантары, составилъ 300 гатъ, сокративъ въ нихъ все, что излагается въ Абидармахъ.

дармакъ, и сдѣлалъ изъ нихъ краткое и умное толкованіе; это сочиненіе его называется Абидарма кридая, или сердце Абидармы (4 книги). Вскорѣ появились на него толкованія другихъ Буддѣйскихъ писателей; Упашаньги, въ восемь тысячъ гатъ (6 книгъ), и Дарматраты, который назвалъ свое толкованіе Вайбалия, или пространнымъ (1 томъ). Дарматрата, кромѣ того, написалъ стихи (5 книгъ), въ которыхъ онъ воспѣлъ печальныя воззрѣнія Буддизма и восхвалялъ совершенства освобожденія отъ страданія; эти стихи суть лучшее выраженіе Буддѣйскихъ взглядовъ на міръ и проникнуты чувствомъ глубокой скорби. Гоша написалъ Абидармаамриташастру, или нектаръ Абидармы (2 книги). Уматисья написалъ трактатъ о Пратимоншѣ, или пути къ освобожденію отъ страданій (1 томъ), изложивъ въ немъ три начала Буддѣйскаго самоусовершенія, т. е. храненіе нравственныхъ заповѣдей, созерцаніе и любомудріе. Въ томъ же духѣ написано сочиненіе Сангапалы о подвижничествѣ (6 книгъ), существующее также въ нѣсколькихъ сохранныхъ. Въ послѣднихъ двухъ сочиненіяхъ созерцаніе Буддистовъ получило полное развитіе, со всеми таинственными его видѣніями, вызываемыми силою самопогруженія. Васубарма написалъ спеціальныи трактатъ о четырехъ коренныхъ истинахъ ученія Будды (4 кни-

ги), объяснивъ ихъ въ духѣ Махасангики, а Сангароча собралъ свѣдѣнія о жизни Будды (4 книги).

Изъ числа Буддійскихъ знаменитостей, явившихся въ царствованіе Канншки, надобно присоединить Буддамиту и Ашвагошу. Буддамита происходилъ изъ касты Вайшья и былъ извѣстенъ какъ діалектикъ. Въ его время Государь области, гдѣ жилъ онъ, не благопріятствовалъ Буддизму. Рассказываютъ, что Буддамита, желая переимѣнить мнѣніе Государя, рѣшился какою бы то ни было образомъ обратить на себя его вниманіе и, при всякомъ выгздѣ его изъ дворца, бѣгалъ впереди его съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ; однакоже достигъ своей цѣли не раньше, какъ черезъ двѣнадцать лѣтъ. Узнавъ, что Буддамита принадлежалъ къ классу скитающихся философовъ, занимавшихся учеными состязаніями, Государь позволилъ ему выдержать споръ съ Брахманами. Буддамита одержалъ надъ ними верхъ, доказавъ тому, что пространство, считавшееся нѣкоторыми философами Индіи единственныиъ основаніемъ всякаго бытія, не имѣетъ реальности. Государь хотѣлъ было самъ вступить въ состязаніе съ Буддистомъ; но Буддамита искусно отклонилъ такой опасный споръ, избравъ Государя судьей битвы и выше партій. Буддамита извѣстенъ также тѣмъ, что обращалъ къ Буддизму одного Ниргранту, занимавшагося ворожбой, который въ послѣдствіи вре-

ионн написалъ хвалебную пѣснь Буддѣ, въ 500 гать. Буддамитѣ приписываютъ небольшое сочиненіе, излагающее краткія правила созерцанія. Остатокъ своей жизни онъ провелъ въ Капильѣ, Камширской горѣ, и отличался цинизмомъ. Въ этомъ уединеніи посѣтилъ его самъ Государь.

Ашвагоша былъ лицомъ историческимъ; но съ тѣхъ поръ, какъ Махаяна включила его въ число своихъ поборниковъ, онъ сдѣлался загадочнымъ. Онъ жилъ еще до Нагарджуны, съ котораго начинается Махаяна; но Югачаристы, вѣроятно благодаря славы, какую Ашвагоша пользовался въ свое время, облекли его саномъ Бодисатвы и издали подъ его именемъ нѣсколько сочиненій, которыя относятся къ позднѣйшему времени. Ашвагоша былъ родомъ изъ Варанаси. Онъ славился своею ученостію и обширными познаніями; изучивъ Веды, шесть шастръ, или книгъ, излагающихъ ученія шести главныхъ Брахманскихъ школъ, и Вьякарану, или науку слова, онъ прослылъ однимъ изъ первыхъ литераторовъ и діалектиковъ своего времени; въ состязаніяхъ никто не могъ побѣдить его. «Не было, говорить біографъ Ашвагоши, ни одного вопроса и ни одного возраженія, котораго бы онъ не рѣшилъ, или не опровергъ; онъ излагалъ своихъ противниковъ также сильно, какъ сильный вѣтеръ ломаетъ гнилыя деревья». Ашвагоша былъ пантеистомъ,

приваженъ во всенъ, какъ въ челоуѣкѣ, такъ и въ видимомъ мирѣ, и даже въ самой ничтожной былинкѣ, одну всеобщую жизнь. Онъ вступалъ въ споры съ Буддистами и счастливо побѣждалъ ихъ; въ послѣдній разъ цѣной своей побѣды онъ поставилъ, чтобы Буддисты не смѣли бить ни въ доску, ни въ колоколъ, какъ было заведено въ общежительныхъ убивающихъ ихъ. О томъ, какимъ образомъ Ашвагоша сдѣлался Буддистомъ, рассказываются сомнительныя подробности. Честь обращенія его приписывается Буддистами Башбѣ. Башба, говорятъ они, ходилъ изъ Кашмира въ среднюю Индію и успѣлъ покорить Ашвагошу не даромъ слова, а искуснымъ оборотомъ состязанія. Въ присутствіи Государя и множества посѣтителей, Башба, по праву гостя въ старшаго по лѣтамъ, присвоилъ себѣ право начать рѣчь. Ашвагоша легко согласился на то, волагая, что противникъ его предложитъ какойнибудь тезисъ изъ Буддійскаго ученія; но Башба, получивъ позволеніе говорить, громко произнесъ слѣдующее воззваніе: «Да будетъ вселенная въ мирѣ, великій Государь долготѣнъ, а народъ богатъ и счастливъ». Такая неожиданная выходка Башбы совершенно смѣшила Ашвагошу; по правиламъ диспута, онъ долженъ былъ или опровергать слова своего противника, или признать себя побѣжденнымъ; онъ предпочелъ послѣднее и, въ слѣдствіе предварительнаго условія съ Баш-

бой, сдѣлался Буддистомъ. Принявъ новде ученіе, Ашвагоша перешелъ изъ Бенареса въ Пушпапуру и употребилъ свои таланты и ревность въ пользу Буддизма. Желая воспользоваться своими музыкальными способностями, которыя развились въ немъ свѣтскимъ воспитаніемъ, на пользу вновь принятаго имъ ученія, онъ составилъ музыкальную піесу особаго рода въ печальномъ тонѣ и набралъ труппу пѣвцовъ и пѣвицъ. Окруженный ими и самъ одѣтый въ бѣлое платье, Ашвагоша разыгрывалъ и распѣвалъ хоромъ свою піесню на площадяхъ Пушпапуры, съ акомпаниментомъ гитары, лютни, колокольчика и барабана: «Все въ мірѣ проходитъ, какъ призракъ, и бѣдствія грозятъ чловѣку въ земной юдоли и въ жилищахъ духовъ. Наше тѣло пусто и обманчиво, какъ тростниковая пальма; оно тайный и непримиримый нашъ врагъ; опасно облизаться и подружиться съ нимъ, какъ съ ящикомъ, наполненнымъ змѣями. Такъ Будда негодовалъ на тѣло». Привлеченные новостью музыки и словъ, прохожіе останавливались и слушали Ашвагошу. Скоро по всему городу разнеслась молва о публичныхъ концертахъ Ашвагоши и нѣсколько Рачжалутровъ, тронутые завѣсомъ и содержаніемъ его піесни, покинули міръ и сдѣлались Буддистами. Видя губельныя слѣдствія музыкальнаго прозелитизма Ашвагоши, Государь приказалъ ему прекратить свои концерты и запретилъ упо-

треблять Лайчахару, или напитокъ, который онъ сочинилъ. Изъ Пушпапуры Ашвагоша переселился въ Кашмиръ, но касательно обстоятельствъ, заставившихъ его оставить столицу Магады, жизнеописатели его разногласятъ между собой. По разсказу однихъ, Канишка, во время своего похода въ Индію, осадилъ Пушпапуру и потребовалъ съ города контрибуцію въ три лакша золота, т. е. 300,000 золотыхъ монетъ. Не имѣя въ наличности такой огромной суммы, тамошній Государь, въ замѣтъ ея, предложилъ Канишкѣ три неоцѣненныя вещи: патру Будды, ученаго Ашвагошу, да курицу, которая не пила воды съ насекомыми. Канишка согласился принять эти дары и увелъ съ собой Ашвагошу. По другому не столь замысловатому сказанію, Ашвагоша пришелъ въ Кашмиръ по просьбѣ членовъ Кашмирскаго собранія. Здѣсь онъ провелъ остальную часть своей жизни, пользуясь особеннымъ вниманіемъ и благосклонностію Государя. Изъ сочиненій, приписываемыхъ Ашвагошѣ, самое достоверное есть хвалебная пѣснь Буддѣ (5 книгъ), писанная стихами, въ которой онъ воспѣлъ главныя событія его жизни. Эта пѣснь приобрѣла въ Буддійскомъ мірѣ большую извѣстность; отрывки изъ нея пѣлись предъ кумиромъ Будды вмѣсто молитвъ.

Во второй половинѣ послѣдняго вѣка до Р. Х. жилъ Буддистъ Харибарна. Онъ происходилъ изъ касты

Брахмановъ и сначала принадлежалъ къ школь Санкья, но потомъ, оставивъ ученіе Капила, принялъ ученіе Будды въ томъ видѣ, какъ излагали его послѣдователи школы древняго Буддизма. Обстоятельства его жизни неизвѣстны. Трактатъ его «объ истинномъ», который существуетъ въ переводной литературѣ Китайскихъ буддистовъ, есть единственный довольно полный источникъ для изученія древнихъ Буддійскихъ мнѣній, противныхъ началамъ Сарвастивады. Трактатъ объ истинномъ (2 тома) раздѣляется на 202 небольшихъ главы; авторъ приводитъ сначала мнѣнія другихъ школъ, излагаетъ ихъ основанія, потомъ опровергаетъ ихъ и излагаетъ собственное свое мнѣніе; оттого это сочиненіе отличается послѣдовательностью, которой недостаетъ во многихъ Буддійскихъ сочиненіяхъ.

Около Р. Х. прославился Буддистъ Васубанду. Имя его въ такомъ уваженіи у Буддистовъ, что слава всѣхъ прежнихъ знаменитостей темнѣетъ передъ нимъ. Сначала послѣдователь Сарвастивады, потомъ Югачаристъ, онъ занимаетъ почетное мѣсто какъ въ Хинаянѣ, такъ и въ Махаянѣ. Васубанду былъ сынъ одного Брахмана, по имени Кошки, жившаго въ столицѣ Кантары, Пурушапурѣ (нынѣ Пэйшаверь). У Кошки было три сына; старшій сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ Асанки или Арьясанги и основалъ въ Буддизмѣ школу Югачара; о среднемъ мы не знаемъ ничего; младшій

былъ Васубанду. Сдѣлавшись Буддистомъ, Васубанду послѣдовалъ ученію Сарваствивады, изучилъ кодексъ этой школы и сдѣлался опытнымъ и искуснымъ диалектикомъ. Онъ оставилъ отечественный городъ и перешелъ въ собственную Индію; здѣсь онъ нашелъ себѣ покровителя въ Викрамадитѣ, Гусударѣ Аіодья, который не измѣнился въ своихъ къ нему чувствахъ во всю свою жизнь; а по смерти сего Государа сынъ и преемникъ его Прадитья былъ не менѣе своего отца расположенъ къ Васубанду и даже просилъ его остаться въ Аіодѣ навсегда; поэтому Васубанду утвердилъ въ Аіодѣ главное свое мѣстопробываніе. Учителемъ Васубанду былъ Буддамитра, жившій также въ Аіодѣ и происходившій также изъ Брахманскаго рода. Переходя изъ одного мѣста Индіи въ другое, Васубанду оспаривалъ Мальямистовъ и философовъ Индіи, ратоборствуя съ ними и словесными диспутами, и полемическими сочиненіями. Біографъ его рассказываетъ случай, по поводу котораго онъ написалъ опроверженіе ученія Капилы. Одинъ послѣдователь этого ученія, по имени Ишвара-Кришна, находя шастру Санкья во многихъ мѣстахъ невѣрною и слишкомъ огромною (она состояла изъ 60,000 гатъ), исправилъ ее и сократилъ въ семьдесятъ гатъ. Послѣ того онъ пришелъ въ столицу Аіодья и, проходя по улицамъ города, билъ въ барабанъ состязанія. Викрамадитья, призвавъ Ишвару

во дворцѣ, спросилъ его, съ кѣмъ онъ желаетъ вступить въ состязаніе? «Государь, отвѣчалъ ему Ишвара; какъ властитель всего царства, ты не оказываешь пристрастія ни къ Шраманамъ, ни къ Брахманамъ; позвожь мнѣ состязаться съ послѣдователями Шакья, и пусть побѣжденный лишится головы». Государь согласился исполнить просьбу Ишвары и приказалъ объявить тамошнимъ буддистамъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ явился на состязаніе съ этимъ послѣдователемъ Капвлы. Случилось, что ни Васубанду, ни другихъ ученыхъ Буддистовъ въ то время не было въ Айюдь; оставался одинъ Буддамитра; учитель Васубанду былъ мужъ ученый, но отъ старости ослабѣвшій тѣломъ и духомъ; онъ хотѣлъ было уклониться отъ диспута, но Ишвара настоялъ на своемъ. Въ назначенный день зала состязанія наполнилась посѣтителями; вскорѣ прибылъ и Викрамадитья. Какъ скоро Государь приказалъ начать диспутъ, Ишвара спросилъ Буддамитру, кому изъ нихъ начинать рѣчь? «Я всеобъемлющъ, горделиво отвѣчалъ ему Буддамитра, какъ океанъ; а ты комокъ земли, брошенный въ море и исчезающій въ необъятномъ его пространствѣ. Выбирай любое». Ишвара уступилъ ему право начать рѣчь и Буддамитра предложилъ тезисъ о невѣчности всего существующаго. «Все, что подлежитъ формамъ бытія (рожденію, измѣненію и окончанію), началъ онъ, по-

минутно уничтожается; всякое явленіе, родившись, слова исчезаетъ». И подрѣшилъ свое положеніе различными доказательствами. Ишвара слушалъ своего противника со вниманіемъ и по окончаніи его рѣчи, запомнивъ всѣ слова его, систематически и весьма основательно опровергъ ихъ. Буддамитра, не смотря на всѣ свои усилія, не могъ запомнить всей рѣчи Ишвары, не нашелся, что отвѣчать на нее и долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ. По условію, онъ долженъ былъ лишиться жизни; но торжествующій Ишвара спасъ его. «Не хочу лишать тебя жизни, сказалъ онъ Буддамитрѣ; потому что ты, какъ и я, Брахманъ; вмѣсто того, въ знакъ своей побѣды, я при всемъ собраніи дамъ тебѣ нѣсколько ударовъ плетью». Въ то же время онъ дѣйствительно и исполнилъ это. Государь щедро одарилъ Ишвару, но Ишвара, раздавъ подаренное золото нищимъ, удалился въ горы. Когда вѣсть о приключеніи съ Буддамитрой дошла до Васубанду, онъ посѣшилъ въ Аїдью, намѣреваясь личнымъ состязаніемъ съ Ишварой возстановить славу Буддійской учености; но по прибытіи въ Аїдью узналъ, что Ишвара уже умеръ. Въ досадѣ, онъ написалъ семьдесятъ гатъ въ опроверженіе семидесяти гатъ Ишвары, и по окончаніи этого сочиненія объявилъ, что безчестіе, нанесенное Буддистамъ въ лицѣ Буддамитры, теперь уже смыто.

Между другими трудами, Васубанду не переставалъ изучать Вайбашью и преподавать ученіе ея своимъ ученикамъ. Онъ сократилъ ее въ 600 краткихъ гатъ, изъ коихъ каждая была предметомъ особой дневной лекціи. Биографъ Васубанду рассказываетъ, что онъ вырѣзалъ эти гаты на мѣдныхъ доскахъ и, приложивъ къ нимъ 50 фунтовъ золота, отправилъ въ Кашмиръ, къ тамошнимъ Вайбашикамъ, гаты на разсмотрѣніе, а золото въ подарокъ. Кашмирскіе Буддисты единогласно одобрили гаты Васубанду, но, такъ какъ онѣ по чрезвычайной краткости своей были неудобопонятны, изъявили желаніе, чтобы авторъ позаботился сдѣлать на нихъ поясненія, и съ этимъ отзывомъ отослали доски обратно къ Васубанду. Въ слѣдствіе того, Васубанду написалъ толкованіе на собственные свои гаты. Надобно замѣтить, что, составляя ихъ, онъ имѣлъ въ виду включить въ нихъ все, что излагалось въ Абидармахъ, въ духѣ Вайбашьи; оттого онѣ весьма походятъ на гаты, составленныя Дармоттарой. Окончивъ истолкованіе гатъ, Васубанду назвалъ свой трудъ Абидармакошей, или сокровищницей Абидармъ (3 тома). Сочиненіе раздѣлено на восемь частей. Въ первой говорится о сферахъ, т. е. четырехъ стихіяхъ, шести чувствахъ, и проч.; во второй о нравственныхъ и чувственныхъ органахъ человѣка; въ третьей о матеріальномъ и разумномъ мірѣ; въ четвертой о

дѣлахъ; въ пятой о страстяхъ; въ шестой о средствахъ освобожденія отъ страданій; въ седьмой о мудрости; въ осьмой о созерцаніи. Къ нимъ присоединены, съ видѣ приложенія, трактатъ о несуществованіи самостоятельной души. Хотя объясненіе гатъ писано было въ духѣ Сарвастивады, но всѣ тѣ пункты ея ученія, которые казались Васубанду неосновательными, или сомнительными, онъ исправилъ по началамъ противоположныхъ ей школъ, слѣдовавшихъ однѣмъ Судраиъ. Когда Коша сдѣлалась извѣстною Кашмирскимъ Буддистамъ, они были глубоко огорчены нападеніями Васубанду на Вайшабью. Одинъ изъ нихъ, по имени Сангабадра, вскорѣ началъ составлять на гаты Коши особое толкованіе, въ которомъ онъ защищалъ мнѣніи Вайбашьи. Сангабадра назвалъ свое сочиненіе градомъ на Кошу, но послѣ оно получило другое названіе, подѣ которымъ осталось и до сихъ поръ, именно Нья анусарашастра, или трактатъ, сообразный съ истиной. Оно составляетъ въ Китайскомъ переводѣ восемь томовъ, и, независимо отъ преобладанія въ немъ Сарвастивады, можетъ служить превосходнымъ пособіемъ для изученія мнѣній различныхъ школъ древняго Буддизма; передъ Вайбашьей оно имѣетъ то преимущество, что въ изложеніи предметовъ слѣдуетъ болѣе строгому порядку и не обременено излишнею плодотворностью, какъ Вайбашья. Въ послѣдствіи времени,

Сангабадра сократилъ Ньяданусару, исключивъ изъ нее полемическую часть, и назвалъ это сокращеніе Прабд-самая, (4 тома); жедая означить, что въ немъ излагается одно ученіе Вайбашья. Не довольствуясь письменными опроверженіями Васубанду, Сангабадра приглашалъ его на личное свиданіе, при которомъ надѣялся публично опровергнуть его мнѣнія. Однакоже Васубанду не принялъ приглашенія. «Одобряю твое намѣреніе, отвѣчай оиъ Сангабадрѣ; но я уже старъ. Когда я писалъ опроверженія Вайбашья, то не просилъ тебя на личное преніе; ты тоже писалъ противъ меня; къ чему же вызывать меня на состязаніе? Умные люди рѣшаютъ, на чьей сторонѣ правда». Въ самой Айдльѣ, гдѣ жилъ и писалъ Васубанду, Коши его также подверглась строгой критикѣ. Одинъ Брахманъ, ученый Вьякаранистъ, по имени Васурата, зять Государя, разобралъ гаты Коши и доказалъ, что онѣ противорѣчатъ законамъ Вьякараны. Въ отвѣтъ на нападеніе Васураты, Васубанду написалъ трактатъ, въ которомъ опровергъ всѣ статьи и положенія Вьякараны.

Мы не говоримъ здѣсь о другихъ сочиненіяхъ Васубанду; онѣ принадлежать уже къ школѣ Югачары. Не извѣстно, когда и что заставило его перейти на сторону Махаяны, ненависть ли къ нему поборниковъ Вайбашья, или убѣжденія брата его, Арьясанги. Аби-

дармакоша вскорѣ составила важный авторитетъ въ Буддизмѣ, изученіе ея было начальнымъ не только для послѣдователей Хинаяны, но и Махаяны. Слогъ этого сочиненія считается Буддистами изящнымъ, а выраженія могутъ служить образцемъ краткости и определенности. Васубанду умеръ въ Аїбдѣ, осмидесяти лѣтъ отъ роду. Со смертію его мы оканчиваемъ историческое обзорѣніе Хинаяны; потому что о позднѣйшихъ движеніяхъ въ ней почти вовсе нѣтъ извѣстій, и движенія эти были слишкомъ маловажны. Замѣтимъ только, что она нашла себѣ послѣдователей и въ новыхъ странахъ, гдѣ нѣкогда процвѣталъ Буддизмъ: въ восточномъ и западномъ Туркестанѣ, Кабулѣ, на Цѣйлонѣ и другихъ островахъ южнаго моря; но въ настоящее время Хинаяна существуетъ только въ своей литературѣ.

О БИТАЙСКИХЪ СЧЕТАХЪ.

Digitized by Google

О КИТАЙСКИХЪ СЧЕТАХЪ.

Китайскіе счеты состоятъ изъ продолговатой рамки, раздѣленной вдоль перегородкою на два неравные отдѣленія, изъ коихъ въ большемъ на поперечныхъ спицахъ навязано по пяти, а въ меньшемъ по два шарика. Каждая спица съ навязанными на ней семью шариками составляетъ одинъ рядъ. Въ каждомъ ряду шарикъ меньшаго отдѣленія равняется пяти соответствующимъ ему шарикамъ большаго отдѣленія; а каждый рядъ имѣетъ значеніе больше или меньше сѣдующаго въ десять разъ, какъ и въ Русскихъ счетахъ. Число спицъ въ Китайскихъ счетахъ, также какъ и у насъ, бываетъ не одинаково и опредѣляется огромностію предполагаемыхъ на нихъ выкладокъ. Такимъ образомъ Китайскіе счеты отличаются отъ Русскихъ только своимъ подраздѣленіемъ на пятки.

Располагаясь дѣлать выкладки на счетахъ, Китаецъ кладетъ ихъ передъ собою поперегъ, оборотивъ къ

себѣ большее отдѣленіе и отодвинувъ шарикъ того и другаго отдѣленія къ краямъ рамки, и потомъ, по мѣрѣ надобности, или сдвигаетъ ихъ на средину къ перегородкѣ раздѣляющей рамку, или отодвигаетъ назадъ: въ первомъ случаѣ будетъ значить *положить на счеты* а во второмъ *сбросить со счетовъ*. Такимъ образомъ, чтобы положить 1, 2, 3 и 4, онъ подвигаетъ соответствующее число шариковъ большаго отдѣленія *оуж себѣ*, для означенія 5 — одинъ шарикъ меньшаго отдѣленія *къ себѣ*, а такъ какъ 6, 7, 8 и 9 состоятъ изъ 5 съ 1, 2, 3 и 4, то къ шарикъ меньшаго отдѣленія придвигается соответствующее число шариковъ большаго. Десятки изображаются на слѣдующей снѣжкѣ къ лѣвой рукѣ, за ними сотни и т. д. И такъ для обыкновеннаго счисленія достаточно въ большемъ отдѣленіи четырехъ шариковъ, а въ меньшемъ одного. И потому крайніе шарикъ въ обонхъ отдѣленіяхъ можно бы назвать лишними, какъ и въ Русскихъ счетахъ каждый десятый шарикъ — лишній: но Китайскій способъ дѣленія на счетахъ представляетъ случай, какъ мы увидимъ ниже, гдѣ эти шарикъ становятся необходимыми.

Замѣчательно, что Китайцы, пишущіе свои цыфры, какъ и прочіе письменные знаки, сверху внизъ, кладутъ передъ собою счеты поперегъ и выражаютъ на нихъ числа отъ лѣвой руки къ правой; тогда какъ

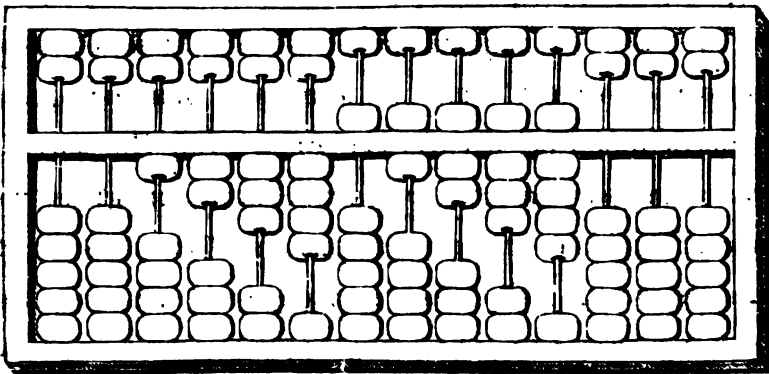
Русскій, выражающій свои числа на бумагѣ отъ лѣвой руки къ правой, на счетахъ кладетъ ихъ сверху внизъ *)).

Человѣку, привыкшему къ употребленію Русскихъ счетовъ, съ перваго взгляда покажется, что Китайскіе счеты, своимъ подраздѣленіемъ на пятки, дѣлаются гораздо сложнѣе и потому напрасно только запутываютъ счисленіе. Но при первомъ урокѣ вся эта видимая запутанность исчезаетъ и глазъ привыкаетъ видѣть не счетъ шариковъ, а символическое изображеніе числа, подобно изображенію на бумагѣ. Подраздѣленіе на пятки дало Китаичамъ возможность достигать той же цѣли съ меньшимъ количествомъ шариковъ и производить на своихъ счетахъ всѣ ариметическія дѣйствія. Наконецъ поперечное положеніе Китайскихъ счетовъ, частію зависящее отъ того же подраздѣленія,

*) Есть и у Китайцевъ палочки, пишущіяся также отъ лѣвой руки къ правой. Онѣ употребляются вообще торговыми людьми для сокращеннаго изображенія большихъ чиселъ и пишутся такъ: 1, 2, 3 (или —, =, ≡), 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. По носу нѣтъ онѣ суть не что иное, какъ изображеніе чиселъ, положенныхъ на счеты: это особенно очевидно въ числахъ 1, 2, 3 и 4, гдѣ верхняя продольная черточка означаетъ шарикъ меньшаго отдѣленія, а поперечныя черты шарикъ большаго отдѣленія; знакъ же 5 показываетъ, что въ меньшемъ отдѣленіи счетовъ положенъ шарикъ, а въ большемъ — нуль. Только знакъ 4 (4) очевидно изобрѣтенъ для сокращенія четырехъ чертъ, а отъ него произошелъ и 5. Въ сложныхъ числахъ эти знаки пишутся рядомъ и полъ первымъ изъ нихъ подписывается его достоинство. Такъ напр. 3308 пишется 三三〇八 .

много помогаетъ быстротѣ счисленія : а это и есть главная задача при употребленіи счетовъ. Искусные Китайскіе счетчики дѣйствуютъ на счетахъ четырьмя пальцами правой руки, какъ на музыкальномъ инструментѣ и, безъ преувеличенія можно сказать, берутъ цѣлые аккорды чиселъ.

Нельзя положить никакихъ правилъ, какимъ именно пальцемъ гдѣ должно дѣйствовать. Обыкновенно большимъ пальцемъ передвигаютъ шарики только въ большемъ отдѣленіи счетовъ, а остальными въ томъ и другомъ. Если напримѣръ на одной и той же сницѣ нужно положить 5 и сбросить 1, 2, 3 или 4, то это дѣлается однимъ движеніемъ пальца сверху внизъ; а чтобы положить 6, 7, 8 или 9, то нужно одавъ пальцемъ сверху взять 5, а другимъ снизу недостающее число единицъ. Но главный учитель въ этомъ дѣлѣ собственное упражненіе.

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9.

Китайскіе счеты (въ $\frac{1}{4}$ обыкновенной величины).

Разсмотримъ по порядку, какъ производится на китайскихъ счетахъ первая четыре дѣйствія ариѳметики; такъ какъ онѣ служатъ основаніемъ всѣмъ прочимъ.

Сложеніе и вычитаніе.

Въ Китайскихъ руководствахъ для дѣйствія на счетахъ нѣтъ никакихъ правилъ для сложенія и вычитанія: потому что эти дѣйствія, собственно говоря, суть не что иное, какъ повтореніе счисленія и совершенно зависятъ отъ устройства счетовъ, такъ что знающій значеніе каждаго шарика можетъ складать и вычитать безъ всякихъ правилъ. Но для скорости дѣйствія можно изложить здѣсь нѣсколько замѣчаній, которыя впрочемъ легко приобрѣтаются собственнымъ упражненіемъ.

Прежде всего припомнимъ здѣсь сказанное уже выше : что крайніе шарики на каждой спицѣ въ обыкновенномъ численіи лишніе, а потому они не должны быть никогда сдвигаемы съ мѣста. По мнѣнію Китайцевъ, плохой тотъ счетчикъ, который въ сложеніи складываетъ всѣ пять шариковъ большаго отдѣленія, а потомъ, сбросивъ ихъ обратно, кладетъ уже одинъ пятокъ, или, положивъ прежде два пятка, потомъ уже кладетъ вмѣсто нихъ единицу въ высшемъ ряду: равнымъ образомъ и тотъ, кто въ вычитаніи занявъ единицу въ высшемъ ряду, кладетъ вмѣсто ея десять въ низшемъ и потомъ уже вычитаетъ изъ нихъ требуемое число. Для избѣжанія этого недостатка и ускоренія чрезъ то самаго численія, обыкновенно берутъ во вниманіе такъ называемое *дополненіе* даннаго числа, сбрасывая его въ сложеніи и прибавляя въ вычитаніи. Чтобы рассмотретьъ это дѣло подробнѣе мы, на основаніи устройства Китайскихъ счетовъ, раздѣлимъ числа на три разряда :

а) Одни изображаются шариками большаго отдѣленія, таковы : 1, 2, 3 и 4,

б) Число 5 выражается шарикомъ меньшаго отдѣленія,

в) Наконецъ 6, 7, 8 и 9 составляются изъ $5+1$, $5+2$, $5+3$, $5+4$.

Отсюда истекають три слѣдующія правила сложе-

нія касательно того случая, когда на спиць уже положено нѣсколько шариковъ и остальныхъ (не считая крайнихъ) недостаточно для изображенія того числа, которое требуется прибавить.

1. Когда нужно положить 1, 2, 3 или 4 то кладется 5 и сбрасывается дополненіе требуемаго числа. Дополненіемъ въ этомъ случаѣ называется то число, которое нужно приложить къ данному, чтобы вышло число 5: такимъ образомъ 1 и 4 служатъ взаимно дополненіемъ одно другому, равно какъ 2 и 3. И потому напр. если на спиць прежде было число 4 и нужно вновь прибавить 3, то (однимъ движеніемъ пальца) кладется 5 и сбрасывается 2.

2. Если нужно положить 5 на той спиць, на которой уже положено 5, или болѣе, то, не обращая вниманія на большее отдѣленіе счетовъ, сбрасывается 5 (указательнымъ или среднимъ пальцемъ) и въ высшемъ ряду прибавляется 1 (большимъ пальцемъ), т. е. 10.

3. Когда нужно положить 6, 7, 8 или 9, то не обращая вниманія на заключающееся въ немъ число 5, должно только смотрѣть, достанетъ ли на спиць шариковъ для изображенія соотвѣтствующаго ему числа 1, 2, 3 или 4. — а) Если достанетъ, то кладется это соотвѣтствующее число; сбрасывается 5 и кладется 10; б) если же нѣтъ, то только сбрасывается

его дополненіе и кладется 10. Такъ какъ 6, 7, 8 и 9 состоятъ изъ $5+1, +2, +3, +4$, то и дополненіе для нихъ будетъ тоже, какое и для 1, 2, 3 и 4. Если напр. требуется положить 8 на той спицѣ, на которой уже положено 6, то (указательнымъ или среднимъ пальцемъ) кладется 3 и сбрасывается 5 и (большимъ въ тоже время) кладется 1 на слѣдующей спицѣ: получится число 14; чтобы прибавить къ нему еще 7, сбрасывается 3 и кладется 1 на высшей спицѣ.

Въ вычитаніи, какъ дѣйствиіи совершенно противоположномъ сложению, эти правила обратятся такимъ образомъ: Если въ наличности на спицѣ нѣтъ того числа, которое требуется сбросить, то

1. Когда нужно вычесть 1, 2, 3 или 4, сбрасывается 5 и кладется дополненіе вычитаемого числа.

2. Когда нужно вычесть 5, то сбрасывается 10 и кладется 5.

3. Когда нужно вычесть 6, 7, 8 или 9, то а) если есть въ наличности соответствующее ему 1, 2, 3 или 4, въ такомъ случаѣ оно сбрасывается, кладется 5 и сбрасывается 10, б) если же нѣтъ, то кладется его дополненіе и сбрасывается 10.

Къ этимъ тремъ правиламъ мы прибавимъ еще слѣдующее: во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно бываетъ сбросить единицу на слѣдующей спицѣ, если на этой спи-

цѣ ничего нѣтъ, то на ней кладется 9, а единица сбрасывается на слѣдующей за нею. •

Собственный навыкъ можетъ указать много другихъ способовъ ускорять дѣйствіе. Такъ напр. если требуется сложить или вычесть 91, 92 и т. д. до 99, то въ единицахъ сбрасывается, или прибавляется до-полненіе послѣдней цифры, а въ сотняхъ прибавляется или сбрасывается 1, десятки же остаются не тронутыми. Но подобнаго рода правила обща какъ Китайскимъ, такъ и Русскимъ счетамъ.

Умноженіе.

Китайскій способъ умноженія на счетахъ имѣетъ только ту особенность, что Китайцы, по мѣрѣ умноженія, сбрасываютъ цифры множимаго и на мѣсто ихъ ставятъ произведеніе. Это представляетъ двойную выгоду. Во первыхъ для умноженія не требуется слишкомъ большихъ счетовъ : достаточно, если они будутъ такой величины, что бы можно было положить на нихъ множимое и множителя, и за тѣмъ оставалось еще спицъ не много побольше того, сколько занимаетъ ихъ множитель. Во вторыхъ, при этомъ способѣ нельзя пропустить какуюнибудь умножаемую цифру, или положить произведеніе не на той спицѣ, на которой должно.

При умноженіи различаются два случая : состоит ли множитель изъ одной, или изъ многихъ цифръ.

1. Когда множитель состоитъ изъ одной цифры, то на счетахъ можно класть одно только множимое число. Умноженіе производится обыкновеннымъ образомъ, какъ и на бумагѣ, начиная съ меньшей цифры. т. е. отъ правой руки къ лѣвой. Умножаемая цифра тотчасъ сбрасывается и на мѣстѣ ея ставятся десяти произведенія, а единицы на слѣдующей спицѣ. Отсюда слѣдуетъ, что въ произведеніи всѣ числа подняты къ правой рукѣ на одну спицу; такъ что на мѣстѣ единицъ множимаго будутъ стоять десятки, на мѣстѣ десятковъ сотни, и т. д. Само собою разумѣется, что можно производить умноженіе и отъ лѣвой руки къ правой точно такимъ же образомъ и ставить на мѣстѣ сброшенной цифры единицы произведенія. Въ такомъ случаѣ достоинство каждаго ряда останется неизмѣннымъ : на мѣстѣ единицъ множимаго и въ произведеніи будутъ стоять единицы, на мѣстѣ десятковъ — десятки и т. д. Впрочемъ это обстоятельство не представляетъ большой важности.

2. Когда множитель состоитъ изъ двухъ или болѣе цифръ, то множимое обыкновенно кладется на лѣвомъ концѣ счетовъ, а множитель на правомъ. Нужно, чтобы между ними оставалось незанятыхъ спицъ по крайней мѣрѣ одну болѣе, нежели сколько занимаетъ

ихъ множителъ. Прежде всего помножаются единицы множимаго на всѣ цифры множителя; причемъ, по произволу, одни начинаютъ умножать высшею, а другіе низшею цифрою множителя, одни сбрасываютъ множимую цифру прежде, другіе послѣ умноженія. Всѣ эти системы умноженія имѣютъ у Китайцевъ особые термины, но они не нужны для сущности дѣла. Положимъ, что мы начинаемъ умножать высшею цифрою множителя: въ такомъ случаѣ, что бы не смѣшать множимаго съ произведеніемъ, лучше множимую цифру тотчасъ сбросить и мѣсто ея оставить не занятымъ, а на слѣдующей спицѣ класть десятки произведенія, происшедшаго отъ умноженія сброшенной цифры на высшую цифру множителя. Потомъ, умножая ее на слѣдующую цифру множителя, класть десятки этого произведенія на той спицѣ, на которой положены единицы прежняго; помножая такимъ образомъ все ту же цифру множимаго на слѣдующія цифры множителя, произведеніе класть одною спицею далѣе къ правой рукѣ. Умноживши единицы множимаго на всѣ цифры множителя, должно такимъ же точно образомъ умножать одну за другою и всѣ прочія цифры его.

Можно прежде помножать единицы множимаго на единицы множителя. Въ такомъ случаѣ произведеніе кладется такъ, чтобы между единицами его и умно-

жаемою цифрою было столько спиць, сколько въ множителѣ всѣхъ цифръ. Потомъ, помножая единицы множимаго на десятки множителя, должно единицы произшедшаго отъ того произведенія класть на той спицѣ, на которой положены десятки прежняго, и, такимъ же образомъ помножая на прочія цифры множителя, подвигать произведеніе на одну спицу къ лѣвой рукѣ. Помноживши единицы множимаго на всѣ цифры множителя, сбросить ихъ и точно такимъ же образомъ умножать прочія цифры множимаго.

Нѣтъ нужды упоминать о томъ, что если въ умножаемыхъ числахъ будутъ въ срединѣ нули, то произведеніе слѣдующихъ за ними цифръ должно класть черезъ столько цифръ, сколько при умноженіи пропущено нулей.

Умноженіе на счетахъ имѣеть то преимущество предъ умноженіемъ на бумагѣ, что въ немъ самымъ положеніемъ на счеты одно произведеніе складывается съ другимъ, чѣмъ самымъ и сокращается дѣйствіе. Но оно напротивъ имѣеть ту невыгоду, что нули стоящіе на концѣ на счетахъ не означаются и оттого при умноженіи можетъ иногда произойти ошибка, хотя ее легко избѣжать при небольшомъ вниманіи. Помноживъ напр. 48 на 25 получимъ на счетахъ 12.... Но всякой легко вообразить, что, если 10 помноженное 10, даетъ 100, и $100 \times 100 = 10,000$, то 48 на 25

дадутъ больше 120 и меньше 12,000, следовательно = 1200. Однакоже при большихъ числахъ, и особенно съ десятичными дробями, подобнаго рода соображенія отнмуть не мало времени. А потому лучше во время самаго умноженія сдѣлать на счетахъ замѣтку, навр. сдвинуть на средину оба шарика меньшаго отдѣленія на той спицѣ, до которой должно бы доходить произведеніе послѣдней цифры множимаго на послѣднюю цифру множителя.

Если же въ одномъ или въ обоихъ данныхъ числахъ были на концѣ нули, то они, по окончаніи умноженія, присчитываются къ произведенію, какъ и при умноженіи на бумагѣ.

Равнымъ образомъ для десятичныхъ дробей, если онѣ находились въ данныхъ числахъ, отчисляется на концѣ произведенія столько спицъ, сколько было десятичныхъ знаковъ въ множимомъ и множителѣ вмѣстѣ.

Дѣленіе.

Китайскій способъ дѣленія на счетахъ заслуживаетъ особеннаго вниманія по скорости и простотѣ дѣйствія. По обыкновенному способу дѣленія на бумагѣ нужно для каждой цифры дѣлимаго найти такъ называемое частное, и, помноживши его на дѣлителя, произведеніе вычесть изъ дѣлимой цифры, за тѣмъ дѣ остатку

прибавить слѣдующую цифру дѣлителя и продолжить дѣйствіе по прежнему. Китайцы имѣютъ особую таблицу, въ которой дается вдругъ частное и остатокъ его и которая поэтому дѣлаетъ ненужнымъ какъ умноженіе частнаго на дѣлителя, такъ и вычитаніе прошедшаго оттого произведенія. Таблица эта составлена такимъ образомъ, какъ будто дѣлительная цифра предельно помножается на десять, т. е. 1 на 2 значитъ тоже, что 10 на 2 и потому = 5. Слѣдовательно въ частномъ числѣ значеніе цифръ уменьшается въ десять разъ.

Таблица дѣленія.

$$1 \text{ дѣл. на } 2 = 5$$

$$2 \text{ — на } 2 = 10$$

$$4 \text{ — на } 2 = 20$$

$$6 \text{ — на } 2 = 30$$

$$8 \text{ — на } 2 = 40.$$

$$1 \text{ дѣл. на } 3 = 3 \text{ съ } 1 \text{ (т. е. въ частномъ числѣ } 3 \text{ и}$$

$$2 \text{ — на } 3 = 6 \text{ съ } 2 \text{ въ остаткѣ } 1).$$

$$3 \text{ — на } 3 = 10$$

$$6 \text{ — на } 3 = 20$$

$$9 \text{ — на } 3 = 30.$$

$$1 \text{ дѣл. на } 4 = 2 \text{ съ } 2$$

$$2 \text{ — на } 4 = 5$$

$$3 \text{ — на } 4 = 7 \text{ съ } 2$$

$$4 \text{ — на } 4 = 10$$

$$8 \text{ — на } 4 = 20.$$

$$1 \text{ дѣл. на } 5 = 2$$

$$2 \text{ — на } 5 = 4$$

$$3 \text{ — на } 5 = 6$$

$$4 \text{ — на } 5 = 8$$

$$5 \text{ — на } 5 = 10.$$

$$1 \text{ дѣл. на } 6 = 1 \text{ съ } 4$$

$$2 \text{ — на } 6 = 3 \text{ съ } 2$$

$$3 \text{ — на } 6 = 5$$

$$4 \text{ — на } 6 = 6 \text{ съ } 4$$

$$5 \text{ — на } 6 = 8 \text{ съ } 2$$

$$6 \text{ — на } 6 = 10.$$

$$1 \text{ дѣл. на } 7 = 1 \text{ съ } 3$$

$$2 \text{ — на } 7 = 2 \text{ съ } 6$$

$$3 \text{ — на } 7 = 4 \text{ съ } 2$$

$$4 \text{ — на } 7 = 5 \text{ съ } 5$$

$$5 \text{ — на } 7 = 7 \text{ съ } 1$$

$$6 \text{ — на } 7 = 8 \text{ съ } 4$$

$$7 \text{ — на } 7 = 10.$$

$$1 \text{ дѣл. на } 8 = 1 \text{ съ } 2$$

$$2 \text{ — на } 8 = 2 \text{ съ } 4$$

$$3 \text{ — на } 8 = 3 \text{ съ } 6$$

$$4 \text{ — на } 8 = 5$$

$$5 \text{ — на } 8 = 6 \text{ съ } 2$$

$$6 \text{ — на } 8 = 7 \text{ съ } 4$$

$$7 \text{ — на } 8 = 8 \text{ съ } 6$$

$$8 \text{ на на } 8 = 10.$$

$$1 \text{ дѣл. на } 9 = 1 \text{ съ } 1$$

$$2 \text{ — на } 9 = 2 \text{ съ } 2$$

$$3 \text{ — на } 9 = 3 \text{ съ } 3$$

$$4 \text{ — на } 9 = 4 \text{ съ } 4$$

$$5 \text{ — на } 9 = 5 \text{ съ } 5$$

$$6 \text{ — на } 9 = 6 \text{ съ } 6$$

$$7 \text{ — на } 9 = 7 \text{ съ } 7$$

$$8 \text{ — на } 9 = 8 \text{ съ } 8$$

$$9 \text{ — на } 9 = 10.$$

При дѣленіи, какъ и при умноженіи, мы рассмотримъ два случая, смотря по тому, состоитъ ли дѣлитель изъ одной, или изъ многихъ цифръ. Въ томъ и другомъ случаѣ дѣлимое число должно располагать на лѣвомъ концѣ счетовъ, начиная со второй спицы; дѣлитель же обыкновенно вкладется на послѣднихъ спицахъ къ правой рукѣ.

1. Дѣленіе начинается съ высшей цифры, т. е. отъ лѣвой руки, и не представляетъ никакой трудности въ томъ случаѣ, когда дѣлитель состоитъ изъ одной цифры: для этого требуется только знаніе приведенной выше таблицы. Сбрасывая первую цифру дѣлимаго, на мѣсто ея должно ставить частное показанное въ таблицѣ, если оно выражено въ единицахъ;

десятки же кладутся на высшей спиць; а остатокъ, если онъ показанъ въ таблицѣ, прикладывается къ слѣдующей цифрѣ и вмѣстѣ съ нею опять дѣлится, какъ и первая цифра дѣлимаго. Если же дѣлимая цифра будетъ больше дѣлителя, то сперва отъ нея отдѣляется часть равная дѣлителю, или большая противъ него вдвое или втрое и, по раздѣленіи ея, частное, какъ выраженное въ десяткахъ, кладется на высшей спиць, а за тѣмъ дѣлится остальная часть. Если напр. требуется раздѣлить 225 на 3, то, расположивъ данныя числа на счетахъ, какъ сказано выше, дѣлимъ 2 на 3. Въ таблицѣ показано 6 съ 2, и потому на мѣстѣ дѣлимой цифры 2 ставится 6, а остатокъ 2 прикладывается къ слѣдующей цифрѣ и вмѣстѣ съ нею составляетъ 4. Отъ 4 отдѣливъ 3 дѣлимъ на 3 и получаемъ = 10, слѣд. къ прежнимъ 6 прикладываемъ еще 1. Далѣе: 1 на 3 = 3 съ 1 : на мѣстѣ дѣлимой 1 ставимъ 3, а остатокъ 1 прикладываемъ къ 5; 6 на 3 = 20 : 6 сбрасываемъ, а 2 прикладываемъ къ прежнимъ 3 и получаемъ въ частномъ 75.

Хотя бы остатокъ, сложенный съ слѣдующею цифрою, составилъ и болѣе десяти, то всегда выражается на одной спиць и ни въ какомъ случаѣ не переносится на высшую : потому что высшій рядъ представляетъ уже не дѣлимое, но частное число. На каждой спиць шариковъ достаточно для выраженія 15, а

потому только при дѣлитель 9 могутъ встрѣтиться три случая, въ которыхъ число шариковъ окажется недостаточнымъ, именно, когда случится дѣлить сряду 7 и 9, 8 и 8, или 8 и 9: въ первыхъ двухъ случаяхъ не достанетъ одного шарика; а въ последнемъ двухъ. Но это обстоятельство не можетъ представить никакого затрудненія; потому что тотчасъ же нужно будетъ дѣлить цифру, изображенную на этой спицѣ, и потому не достающее число шариковъ легко запомнить. Пусть напр. требуется раздѣлить 6291 на 9:

6 на 9 = 6 съ 6: на мѣстѣ дѣлимой 6 и въ частномъ остается 6, и остатокъ 6 прикладъ къ 2.

8 на 9 = 8 съ 8: въ частномъ остается 8, а остатокъ 8 съ слѣдующею цифрою составить 17. Сбрасывая съ этой спицы 7 и прибавля къ нимъ 2 непомѣстившіяся на ней, составимъ 9, и дѣлимъ ихъ прежде:

9 на 9 = 10: единица прикладывается къ 8 прежнимъ;

8 на 9 = 8 съ 8: въ частномъ остается 8, а остатокъ 8 съ слѣдующею цифрою составить 9.

9 на 9 = 10. Къ прежнимъ 8 прибавляется 1 и въ частномъ получается 699.

2. Когда дѣлитель состоитъ изъ двухъ цифръ и болѣе, то дѣйствіе начинается, какъ и прежде, дѣленіемъ по таблицѣ первой цифры дѣляемаго на первую цифру дѣлителя и частное ставится на мѣстѣ дѣлимой цифры, а остатокъ прикладывается къ слѣдующей. Потомъ слѣдующая цифра дѣлителя помножается на частное и произведеніе вычитается изъ слѣдующихъ двухъ цифръ дѣляемаго и, если есть третья цифра дѣлителя, то также помножается на частное и произведеніе вычитается изъ остатка и третьей цифры дѣляемаго, и т. д. Потомъ дѣйствіе опять производится по прежнему: первая цифра дѣлится, а изъ прочихъ вычитается произведеніе прочихъ цифръ дѣлителя на частное. Само собою разумѣется, что при дѣленіи первой цифры наблюдаются тѣже замѣчанія, какія представлены выше при дѣлительѣ съ одною цифрою. Требуется напр. раздѣлить 1118 на 43.

1 на 4 = 2 съ 2: на частное 2 помножается слѣдующая цифра дѣлителя ($2 \times 3 = 6$) и произведеніе вычитается изъ 31. Первая цифра остатка 2 опять дѣлится.

2 на 4 = 5 Частное помножается на вторую цифру дѣлителя.

$5 \times 3 = 15$ Произведеніе (5 изъ 58 дастъ въ остаткѣ 43.

4 на 4 = 10 1 прикладывается къ 5.

$1 \times 3 = 3$ и 3 вычитается изъ послѣдней
цифры безъ остатка. Въ частномъ получится 26.

Если произведеніе второй цифры дѣлителя на частное окажется больше слѣдующихъ двухъ цифръ дѣлимаго, или произведеніе второй и третьей цифры дѣлителя на частное будетъ болѣе трехъ цифръ дѣлимаго, и т. д. то частное должно уменьшить единицею, а къ слѣдующей за нимъ первой цифрѣ дѣлимаго прибавить число равное первой цифрѣ дѣлителя и потомъ слѣдующія цифры дѣлителя помножать уже на это уменьшенное частное. Если бы произведеніе опять оказалось больше тѣхъ цифръ дѣлимаго, изъ которыхъ его должно вычитать, то опять должно повторить тоже самое дѣйствіе. Напр. 1204 раздѣлимъ на 28. 1 на 2 = 5. Но $5 \times 8 = 40$, а въ дѣлимомъ слѣдуетъ только 20; и такъ вмѣсто 5 въ частномъ поставимъ 4, а къ первой цифрѣ дѣлимаго прибавимъ 2 цифру равную первой цифрѣ дѣлителя и получимъ $4 \times 8 = 32$. Вычтя это произведеніе изъ 40, имѣемъ въ остаткѣ 8; отъ него отдѣляемъ прежде 6 и дѣлимъ 6 на 2 = 3. На высшей спицѣ ставимъ 3 и помножаемъ на 8. Въ частномъ получаемъ 43.

Если та цифра, которую нужно дѣлить, равна первой цифрѣ дѣлителя, но слѣдующія за нею меньше слѣдующихъ цифръ дѣлителя, то на мѣстѣ дѣлимой

цифры ставится въ частномъ 9, и она прикладывается къ слѣдующей за нею цифрѣ. Требуется напр. раздѣлить 4455 на 45. По таблицѣ слѣдовало бы 4 на $4=10$; но такъ какъ въ дѣлительѣ слѣдуетъ цифра 5, а въ дѣлимомъ только 4, то на мѣсто первой цифры дѣлимаго ставимъ прямо 9, а къ слѣдующей цифрѣ прибавляемъ $4 : 5 \times 9 = 45$, вычтенное изъ 85 дастъ въ остаткѣ 40. Такъ какъ опять первая цифра дѣлителя равна первой цифрѣ дѣлимаго, но въ дѣлимомъ слѣдуетъ нуль, а въ дѣлительѣ 5, то на мѣсто 4 ставится опять 9, а 4 перекадывается на слѣдующую цифру, и потомъ $9 \times 5 = 45$.

Если первую цифрою дѣлителя будетъ 1: то цифра, которую должно будетъ дѣлить, переносится на высшую цифру, т. е. 1 на $1=10$, 2 на $1=20$ и т. д. Потомъ все дѣйствіе производится обыкновеннымъ образомъ. Раздѣлимъ 137 на 12.

1 на $1=10$, $1 \times 2 = 2$, 2 изъ 3 = 1.

1 на $1=10$, $1 \times 2 = 2$, 2 — 7 = 5. Отъ 5 беремъ 4:

4 на $1=40$, $4 \times 2 = 8$, 8 — 10 = 2. Отъ 2 » 1:

1 на $1=10$, $1 \times 2 = 2$, 2 — 10 = 8. Отъ 8 » 6:

6 на $1=60$, $6 \times 2 = 12$, 12 — 20 = 8:

Такъ какъ остатокъ опять = 8, то очевидно, что дѣленіе не можетъ быть никогда кончено и въ частномъ получится цѣлое съ безконечною дробью $11,41666\dots$

Очень часто можетъ случиться, что одно число не

другое не дѣлится безъ остатка и, какъ ничто не препятствуетъ дѣлить и самый остатокъ, то въ частномъ получится цѣлое съ десятичною дробью, какъ мы и видѣли въ предыдущемъ примѣрѣ. Въ такомъ случаѣ естественно рождается вопросъ: какую цифрой оканчивается цѣлое и начинается дробь. Если мы обратимся къ самому способу дѣленія, какой изложенъ здѣсь, то рѣшеніе этого вопроса представится само собою. Китайская таблица дѣленія, какъ мы замѣтили выше, составлена такимъ образомъ, какъ будто дѣлимая цифра предварительно помножается на 10, или приводится въ единицы въ десять разъ меньше тѣхъ, въ которыхъ выражено дѣлимое; а потому и частное будетъ имѣть значеніе въ десять разъ меньшее. Такъ какъ дѣлимое всегда кладется со второй спицы счетовъ, то и нельзя никогда ошибиться въ достоинствѣ цифръ частного. При дѣлителѣ объ одной цифрѣ если частное начинается со второй же спицы, то первая цифра его будетъ въ десять разъ меньше первой цифры дѣлимаго; если же частное начинается съ первой спицы счетовъ, то первая цифра его будетъ значить тоже самое, что и первая цифра дѣлимаго. Если напр. дѣлимое начиналось съ сотенъ, то въ частномъ сотни будутъ стоять на первой спицѣ счетовъ, на второй же десятки, и т. д. Когда дѣлитель состоитъ изъ многихъ цифръ, то каждая цифра его

уменьшаетъ частное въ десять разъ. Слѣдовательно, если въ дѣлимомъ первая цифра означала тысячи, то при двухъ цифрахъ въ дѣлителѣ, на первой страницѣ счетовъ будутъ находиться сотни, при трехъ, десятки и т. д. Десятичные знаки въ дѣлимомъ числѣ не берутся во вниманіе, потому что въ частномъ они еще болѣе уменьшаются, и слѣдственно не могутъ измѣнить цѣлаго числа. Напротивъ, каждый десятичный знакъ въ дѣлителѣ увеличиваетъ частное въ десять разъ. И такъ, когда дѣлитель состоитъ изъ цѣлаго числа съ десятичною дробью, или изъ одной дроби, то должно дѣлить на него дѣлимое число какъ на цѣлое и по окончаніи дѣленія уменьшить частное въ десять разъ на каждую цифру дѣлителя, но потомъ опять увеличить въ десять разъ на каждый десятичный знакъ или, что тоже, воображая это число написаннымъ на бумагѣ, запятую, отдѣляющую цѣлое отъ дроби, отнести вправо на столько цифръ, сколько въ дѣлителѣ десятичныхъ знаковъ. Очевидно, что при цѣломъ съ дробью мы достигнемъ того же самаго, если вовсе не будемъ брать во вниманіе десятичныхъ знаковъ, но уменьшимъ только частное въ десять разъ на каждую цифру цѣлаго числа; при дѣлителѣ же, состоящемъ изъ одной дроби, этотъ способъ предпочтительнѣе. Раздѣливъ напр. 125 на 99 получимъ 1262626... Принимая дѣлителя за цѣлое, находимъ, что въ част-

номъ первая цифра означаетъ единицы; отнесъ е-
гому запятую вправо на два знака, получимъ 126,2626...
Если бы требовалось раздѣлить на 0,0099, то такимъ
же образомъ мы получили бы 12626,26...

У насъ предлагаемо было нѣсколько способовъ дѣ-
ленія на счетахъ, но всѣ они, сколько мнѣ извѣстно,
оказываются неудобными въ приложеніи, потому что
нужно бываетъ дѣйствовать или на двухъ и даже на
трехъ счетахъ, или на счетахъ и на бумагѣ. Главными
условіями въ этомъ случаѣ должны быть простота и
скорость счисленія: а эти условія, по моему мнѣнію,
совершенно выполняется Китайскимъ способомъ дѣ-
ленія. Но способъ этотъ — простой и скорый на Ки-
тайскихъ счетахъ — не приложимъ къ нашимъ по не-
достатку шариковъ. Хотя въ Китайскихъ счетахъ на-
ходится только по семи шариковъ на каждой спицѣ,
но они, взятые вмѣстѣ, выражаютъ число 15. Десяти
же шариковъ, какъ въ Русскихъ счетахъ, вполне бу-
детъ достаточно только при дѣлителяхъ 2 и 5, а при
всѣхъ прочихъ ихъ потребуется отъ 11 до 17 на каж-
дой спицѣ. И такъ пока у насъ не выдуманъ способъ
дѣленія, стольже простой и вмѣстѣ приложимый къ
нашимъ счетамъ, до тѣхъ поръ преимущество оста-
нется на сторонѣ счетовъ Китайскихъ.

ОБЪТЫ БУДДИСТОВЪ

■

ОБРЯДЪ ВОЗЛОЖЕНІЯ ИХЪ.

(У КИТАЙЦЕВЪ).

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

ОБЪТЫ БУДДИСТОВЪ И ОБРЯДЪ ВОЗЛОЖЕНІЯ ИХЪ.

(У КИТАЙЦЕВЪ).

Объты въ Буддизмѣ занимаютъ важное мѣсто. Для Буддистовъ они суть необходимая, исходная точка «великаго дѣла» самоусовершенія». По ихъ мнѣнію, стремиться въ совершенству, не принявши обътовъ, значить тоже, что «варить кашу, вмѣсто риса, изъ дресвы», то есть трудиться совершенно по пустому. Поэтому объты возлагаются съ возможною торжественностію и возложеніе ихъ составляетъ эпоху — радостный праздникъ въ кумирнѣ. Удостоившіеся возложенія обътовъ радуются, что овладѣли ключемъ къ совершенству, что ствынѣ труды ихъ въ очищеніи сердца будутъ не напрасны. Возможившіе радуются, что «были дѣтельными приставниками и раздавателями истиннаго созрѣвца, что исполняютъ обътъ свой — «просвѣщать тваря»!

Прочитавши Буддiйскiй обрядникъ подъ руководствомъ довольно знакомаго съ своимъ дѣломъ Хэшана, я увидѣлъ, что обѣты Буддiйскихъ отшельниковъ не лишены интереса. Они поясняютъ а) что такое Буддiйскiе отшельники, какъ сословіе съ притязаніями на высшее совершенство; б) что такое Буддизмъ, какъ ученіе, какъ средство къ самоусовершенію. Въ обрядѣ возложенія обѣтовъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточено многое изъ того, что есть занимательнаго въ Буддизмѣ; ясно опредѣлена точка зрѣнія Буддистовъ на добро, котораго жаждетъ человѣкъ, и зло, которое отлаготило надъ нимъ; я рѣшился изложить ихъ по возможности ясно и кратко.

Между тѣмъ, прежде нежели начну самое изложеніе, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о самомъ обрядникѣ и моемъ изложеніи.

Обрядникъ, мною прочитанный, составленъ по требованію обстоятельствъ — въ самыя плохія времена Буддизма, когда въ Китаѣ не стало уже знаменитыхъ поборниковъ ученія и ревностныхъ подвижниковъ, — каковы были при Танской династiи, когда не только рѣдки стали люди, способные толковать ученіе, но и затерялся было самый обрядъ. При легкой жизни и слабомъ образованіи представителей Буддизма, незамѣтно образовалось въ немъ множество разныхъ обычаевъ, противныхъ духу основ-

наго ученія; да и тамъ, гдѣ еще точно держались устава, держались только буквы его, совершенно забывая о тѣхъ намѣреніяхъ, съ коими установленъ тотъ или другой порядокъ вещей. Чтобы опровергнуть заблужденія, пресѣчь злоупотребленія и вообще показать дѣло въ настоящемъ его видѣ, нѣкто по имени *Цзъ-сянь*, подъ руководствомъ знаменитаго Хэшапа *Ду-ти* *), составилъ образцовый обрядникъ, въ 17-мъ году правленія *Шунъ-чжэ* напечаталъ его въ *Цзинь-лю* (близь Нанкина) и передалъ его, какъ руководство, во всеобщее употребленіе. Обрядникъ этотъ отличается полнотою и строгою отчетливостію; объясняетъ и форму и смыслъ дѣйствій, и всегда — въ доказательство важности дѣла — приводитъ мѣста Буддйскихъ книгъ; а для историка Буддизма въ Китаѣ имѣетъ особенную цѣну въ томъ отношеніи, что представляетъ любопытные документы тогдашняго состоянія Буддизма. По духу своему онъ принадлежитъ къ высшему изъ ученію (*Ци-синь*), и потому-то, можетъ быть, распространенъ болѣе у такъ называемыхъ созерцателей (*Цзунъ-ся*). Онъ носитъ названіе: *Савъ-танъ-чуанъ-цзъ-чжэнь-фанъ*, т. е. правильная форма **) возложенія трехъ обѣтовъ.

*) Буддисты ему обязаны *сокращеніемъ смысла* и множествомъ нравственныхъ сочиненій и толкованій.

**) Въ Китаѣ у Буддистовъ всего три формы: *чжэнь-фанъ* (та, которую и намѣренъ положить), *и-фанъ* и *лунъ-фанъ*. По словамъ Хэшапа различіе

Предъ изложеніемъ обѣтовъ отшельниковъ, я почитилъ нѣчто о мірянахъ, ихъ обѣтахъ и объ отшельникахъ буддійскихъ. Эта прибавка мнѣ показалась великою для поясненія многихъ, рѣзкихъ похвалъ буддійскимъ отшельникамъ, и вообще для полноты взгляда на Буддизмъ. Она взята не изъ обрядника, а есть плодъ личныхъ наблюденій и разговоровъ съ Хэшанами; впрочемъ, судя по тѣмъ обстоятельствамъ, кои мнѣ удавалось повѣрять съ книгами, думаю, что она также вѣрна, какъ и всякое печатное Китайское извѣстіе.

Наконецъ можетъ быть въ изложеніи моемъ читателю представится что нибудь такое, что не такъ понято или названо, какъ это понимали и называли въ какихъ нибудь ученыхъ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ (разумѣю собственно лучшія европейскія пособия къ изученію Китайскаго Буддизма, каковы: *Journal asiatique*, *Mélanges asiatiques* и *Relation des Royaumes bouddhiques*):—этому двѣ причины, первая та, что я изучалъ предметъ не по книгамъ только и свидѣнія мои собиралъ и повѣрялъ на мѣстѣ; вторая та, что руководитель мой, какъ Китаецъ довольно образованный, безспорно понималъ свой языкъ, и, какъ

между ними больше въ порядкѣ, словачъ, пріемахъ, нежели сущности дѣла. Не знаю, можетъ быть и правда.

Буддистъ—и Буддистъ первостатейный *), не могъ не знать своего ученія, по крайней мѣрѣ столько, сколько это нужно для поясненія обряда. Въ силу такихъ причинъ, — при всемъ моемъ глубокомъ уваженіи къ труду, уму и добросовѣстности другихъ, я понималъ и называлъ предметъ такъ, какъ мнѣ казалось вѣрнѣе. Не мудрено, что изъ насъ кто нибудь и ошибся: *egregie huiusmodi est*. Время и ближайшее знакомство съ предметомъ покажутъ это.

При всемъ желаніи быть яснымъ, дополнительныя поясненія оказались неизбежными, часть коихъ я помѣстилъ внизу страницъ въ формѣ выносокъ, а другія въ концѣ статьи въ видѣ дополненія.

СТЕПЕНИ БУДДО-ОТШЕЛЪНИКОВЪ.

Буддисты Китайскіе главнымъ образомъ раздѣляются на два сословія: на ведущихъ жизнь безбрачную и живущихъ семействами. Живущіе въ семействѣ жены-тыя называются: *юпосэ* **) а зачужнія: *юпюи* ***), что

*) Онъ приглашенъ изъ Бай-линь-совъ, первой казенной кумирни въ Пекинѣ. Въ кумирнѣ онъ 3^е лице по началу: онъ шашаеникъ (Цзэо-шоу). см. виже.

**) Упасика.

***) Упан.

по переводу съ Китайскаго означаетъ человека чистой, непорочной жизни, человека близкаго къ дѣлу, готоваго къ услугамъ. Ведущихъ жизнь безбрачную пять классовъ: 1) *Шами*, мальчики; 2) *Шамини* — дѣвцы, съ малолѣтства (съ 7 лѣтъ) приготовляемые къ безбрачной жизни, живущіе въ Кумирнѣхъ подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ кого-нибудь изъ братства; 3) *Шичамоно*, — вдовы или дѣвцы, по обстоятельствамъ невышедшія замужъ и, въ предположеніи вступить въ буддійское женское общество, на дому изучающія смыслъ обѣтовъ; наконецъ 4) *Бикшу* — возрастные мужчины и 5) *Бикшунн* — возрастные женщины, посвятившіе себя безбрачію, безмолвію и дѣлательному изученію буддизма, и принявшіе обѣтъ — между прочими другими — жить подавнѣемъ. Эти послѣдніе два класса — въ книгахъ буддійскихъ — чаще называются однимъ общимъ словомъ: *сангъ* — общиною, братствомъ, обществомъ по преимуществу; потому что у буддійскаго братства (т. е. у *сангъ*) всё — и одежда, и пища, и жилище, и слова, и мысли, и занятія — должны быть общи, одинаковы *).

Каждый изъ сказанныхъ нами классовъ обонхъ сословіи имѣетъ особенные, свойственные его полу и возрасту обѣты, возложеніе коихъ совершается съ

*) См. *Фанъ-и-минъ-и-чэн* 4-й Цзюань, статья 13.

большую или меньшую торжественностию, съ различными, приличными каждому классу символическими дѣйствіями. Говоря же вообще, все они носятъ названіе учениковъ, послѣдователей Будды (ди-цзы) и суть не что иное, какъ степени развитія мыслящей силы, или лучше сказать усердія, способности и готовности изучать и понимать высшее, настоящее ученіе Будды.

а) МІРІАНЪ.

Для мірянъ, безъ различія пола, существуютъ опредѣленные дни и сроки воздержанія (*чаксой*).

І. Между днями особенно важны: а) 8, 14, 15, 23, 29 и 30 число каждаго мѣсяца; *) и б) начало весны (*ли-чунь*), равноденствіе (*чунь-фынъ*), начало лѣта (*ли-ся*), лѣтній поворотъ (*ся-чжи*), начало осени (*ли-цю*), равноденствіе (*цю-фынъ*), начало зимы (*ли-дунъ*), зимній поворотъ (*дунъ-чжи*). **) Въ эти дни, говорилъ Будда, чиновники Индры (главы духовъ — небожителей), незримо обходятъ вселенную, и, смотря на невоздержанную жизнь человѣка, опредѣляютъ: жить ли ему больше, или — по грѣхамъ — онъ долженъ умереть.

*) Это называется: 6 дней воздержанія. Есть 4 и 10 дней, но они не столь важны.

**) Эти дни называются главными 8 днями воздержанія.

Добрымъ же и воздержнымъ прибавляютъ счастья. По этому въ сказанные дни очень нужно позаботиться о воздержаніи и выполненіи правилъ болѣе точно, дабы такимъ образомъ не только избѣжать смерти, но и какъ бы застѣчь счастьемъ на предстоящее время *).

II. Сроки суть: а) Воздержаніе на всѣ 1,5 и 9 луны. Въ эти луны, говорилъ Будда, глава духовъ, завѣдующихъ дѣлами поднебесной, наводитъ свое волшебное зеркало на нашу материкъ. Это зеркало такъ чисто, что ясно отражаетъ не только дѣла и слова, даже мысли человѣческія. По этому человеку, любящему и общавшему воздержаніе, въ это время прилично показать его на дѣлѣ **).

б) Воздержаніе на всю жизнь.

Предметы воздержанія не многочисленны, именно: главные: 1) не лишать жизни тварей, 2) не красть, 3) не лгать, 4) не нарушать правилъ цѣломудрія; второй степени: 5) не пить вина, 6) не садиться на спокойный стулъ (диванъ), 7) не убирать волосъ цвѣтами (не носить цвѣточныхъ вѣнковъ) и не натираться благовоніями, 8) не пѣть пѣсень, не плясать и не

*) См. *Цзю-чжень-фа-шу* подъ числами.

***) Этотъ срокъ называется тремя лунами продолжительнаго воздержанія. См. *Цзю-чжень-фа-шу* подъ числомъ.

посѣщать веродныхъ зрѣлищъ и шаошецъ 9) не принимать пищи послѣ полудня *).

Впрочемъ, какъ дни и сроки, такъ и самые предметы воздержанія не всѣхъ равно обязываютъ. Они предлагаются всѣмъ, но каждый избираетъ и предметъ и срокъ или день воздержанія по своему произволу, смотря по усердію, иногда по усмотрѣнію Хэшана.

Будда не скрываетъ, что обѣты мірянъ, при самомъ точномъ, усердномъ ихъ выполненіи, не выводятъ за черту перерожденій; тѣмъ не менѣе они важны по своимъ послѣдствіямъ и необходимы для улучшения своей доли. Ими можно избавиться отъ перерожденій въ адахъ, въ безсловесныхъ, голодныхъ духовъ и асуръ.

Нынѣ въ Китаѣ обыкновенно избираютъ пять первыхъ правилъ, но исполненіе ихъ обѣщаютъ только въ извѣстные дни, такъ что дурное дѣло, сдѣланное въ 9 число мѣсяца, совершенно не будетъ грѣхомъ противъ обѣта; преступить же обѣтъ въ 8, 14, 15 и пр. число мѣсяца, значитъ — согрѣшить тяжко.

Самое возложеніе этихъ обѣтовъ совершается и великолѣпно и просто, смотря по богатству и важности лица, принимающаго обѣты. Впрочемъ, всё велико-

*) Это называется: 8 главныхъ правилъ (па-гуанъ-чжай-шеф). См. Цюль-чунъ-фа-шу подл. числомъ.

дѣліе ограничивается количествомъ благовошныхъ свѣчь *)), сжигаемыхъ по этому случаю, и числомъ братства, приглашаемаго въ обрядъ и потомъ къ угощенію. Что же касается до самаго обряда, то онъ неизмѣнно для всѣхъ одинаковъ. После словеснаго, келейнаго наставленія, одинъ Хэшапъ и два представителя идутъ въ храмъ (длань); тамъ просящій обѣтовъ, прежде всего по руководству приставниковъ, разставляетъ зажженныхъ благовошныхъ свѣчи и дѣлаетъ по три поклоненія передъ каждымъ встуканомъ Будды, и Бодисавдъ. Потомъ передъ главнымъ встуканомъ Будды становится на колѣна и по требованію Хэшана произноситъ обѣтъ: въ «такіе-то» дни исполнить «такія-то» правила. Заключаетъ это новыми тремя поклоненіями, прося Будду услышать его обѣтъ.

Домашній бытъ новаго Буддиста въ основаніи своемъ нисколько не измѣняется. Всѣ его привычки, связи, знакомства продолжаютъ по прежнему; въ домѣ прибавляется только встуканъ Будды съ курильницей передъ нимъ. Онъ обязывается — по заведенному порядку — непременно хотя разъ въ жизни угостить членовъ брат-

*) Это нѣчто въ родѣ нашихъ благовошныхъ свѣчь, полученныхъ изъ аптекъ и дѣлаемыхъ изъ порошка угля, стирексы и какихъ либо благовошій; только буддистскія благовошныя свѣчи дѣлаются не изъ угля, а изъ кори какаго-то дерева, обращенной въ порошокъ. Онѣ круглыя, тонкія, длиною въ $\frac{1}{4}$ аршина. Въ обыкновенныхъ приношеніяхъ ихъ зажигаютъ пѣлыми кучками и ставятъ въ курильницы. Онѣ не горятъ, а курятся, и для непривычной головы дымятъ ихъ чрезвычайно тяжело.

ства и принести что либо въ Кумирню на поддержа-
ніе ея.

Новый Буддистъ можетъ молиться (т. е. читать и пѣть похвальные стихи въ честь Будды, Бодисадъ и пр.) сколько и какъ ему угодно: обязанности къ этому нѣтъ; равно какъ и запрещенія. *) Довольно если онъ въ 1 и 15 число каждаго мѣсяца будетъ сожигать нѣсколько благоговенныхъ свѣчекъ. (Этотъ благо-
честивый обрядъ дозволенъ всякому, даже неприняв-
шему обѣтовъ). Но въ праздничные дни кумирни (кай-мло), гдѣ приняты имъ обѣты, считается при-
личіемъ явиться туда съ приношевіемъ. Людямъ зажи-
точнымъ о такихъ дняхъ обыкновенно дается знать
билетомъ, заблаговременно. Не совсѣмъ же состоя-
тельные обязаны сами помнить эти дни и являться
безъ приглашенія. Такие праздники въ кумирняхъ
казенныхъ назначаются государемъ однажды навсегда.
Въ кумирняхъ же частныхъ, особенно загородныхъ,
не употребляютъ билетовъ; народъ самъ знаетъ, когда
и гдѣ открывается кумирня. Эти праздники назнача-
ются къ веснѣ или осени (4 или 8 лунъ). Къ такимъ
случаямъ въ кумирню собираются разные артисты:
комедіанты, музыканты, сказочники, канатные пласу-

*) Особенныхъ молитвъ нѣтъ. Усердный мираникъ читаетъ тоже самое, что обыкновенно читается въ кумирнѣ.

ны и пр. Посѣщеніе кумирень (*шао-сянь*) составляетъ болѣе развлеченіе, прогулку, нежели религіозную обязанность. Приходящаго народа бываетъ всегда не мало.

По возложеніи обѣтовъ, ни возложившій, ни принявшій обѣты — кромѣ обыкновенныхъ, полезныхъ разговоровъ о проповѣди Будды въ аду и у драконовъ — не имѣютъ никакихъ духовныхъ отношеній. Принявшій обѣты самъ, какъ знаетъ, исполняетъ ихъ, и въ случаѣ преступленія, самъ себя и исправляетъ, если сочтетъ это нужнымъ. Возлагавшій на него обѣты, или кто другой изъ братства, не обязанъ и не можетъ напоминать ему его обѣта. Предъ возложеніемъ обѣта ему однажды навсегда скажутъ, чего должно надѣяться отъ исполненія обѣтовъ точнаго, и что будетъ, если преступить ихъ. Тѣмъ и оканчиваютъ наставническія отношенія. Если бы принявшій обѣты вздумалъ жениться: то женится на комъ и сколько разъ ему угодно; ни братству, ни возлагателю обѣтовъ до этого нѣтъ никакого дѣла. Родятся у него дѣти, умираютъ, женить онъ ихъ, учить чему и какъ, самъ онъ умираетъ — братство въ подобныя дѣла не вступается.

Сказанному не противорѣчитъ то, что иногда люди побогаче приглашаютъ Хэшановъ на обрядъ утоленія голодныхъ духовъ, чтеніе заклянаній надъ

покойникомъ (Фанъ-янь-коу). Этотъ обрядъ для Хэшановъ еще можетъ составлять религіозную обязанность. Если принять въ соображеніе ихъ обѣтъ: спасти всѣ твари, то они по зову должны явиться на помощь бѣдствующей душѣ покойника, потому что по ихъ понятіямъ душа, какъ скоро разлучится отъ тѣла, должна переродиться, но ее окружаютъ такъ называемые голодные духи и не только иѣшаютъ ея перерожденію, но и терзаютъ, мучатъ ее, а потому, скорбя о бѣдствующей душѣ своего отца, матери, супруги, сына, вообще всякой любимой особы, и приглашаютъ Хэшановъ! Хэшаны, говорю, могутъ имѣть обязанность идти по зову и читать заклинанія; но они не имѣютъ ни нужды, ни права освѣдомляться: принялъ ли покойникъ какіе либо обѣты, вѣрилъ ли Буддизму, даже слышалъ ли объ немъ? Они и надъ своими собратами не надъ всѣми читаютъ эти заклинанія. Обыкновенно читаютъ надъ тѣмъ, кто отказалъ что небудь въ пользу имѣющаго прочитать заклинанія, или надъ какимъ либо важнымъ лицомъ въ кумирнѣ, оказавшимъ ей значительныя благодѣянія. Вообще со стороны Хэшановъ чтеніе заклинаній больше усердіе, почетъ, нежели обязанность; а со стороны приглашающихъ — любовь къ покойнику и средство выказать свое состояніе. По этому-то нерѣдко случается, что у достаточныхъ и важныхъ лицъ надъ

тѣломъ покойника читаютъ заклинанія и Хэшианы и Даосы и Ламы (т. е. лица принадлежащія къ разнымъ сектамъ.)

Буддисты увѣрены, что есть большая разница между принявшимъ обѣты и непринявшимъ. По мнѣнію ихъ, отъ исполненія извѣстныхъ правилъ или благочестивыхъ обычаевъ и тотъ и другой получаютъ пользу, но не въ одинакой степени, и равно беспорядочная жизнь виѣтъ не равныя слѣдствія. Положимъ, что они оба равно согрѣшили, оба равно достойны перерожденія въ безсловесныхъ напр. въ верблюдовъ, лошадей и проч. Принявшій обѣты переродится въ табуны такого хозяина, гдѣ всегда больше довольства и меньше работы; а непринявшій — въ табуны къ какому нибудь промышленнику; здѣсь несчастному перерожденцу достанется повозить и уголь (каменный) и известь, нерѣдко потомиться и голодомъ и жаждою. Подобнымъ образомъ надобно разсуждать и о перерожденіяхъ въ лучшемъ состояніи. Если напр. за хорошую жизнь оба они удостоиваются перерожденія въ человѣка: то одинъ перерождается въ богача, другой въ бѣдняка; одинъ въ чиновника, другой въ простолюдина:

Обѣты для мірянъ показываютъ много снисхожденія къ слабостямъ человѣка. Можно сказать, что Шакьямуни всѣми средствами вооружился противу зла.

рѣшился хотя скольконибудь остановить разліяніе порока и ослабить его губительныя слѣдствія.

Уступая привычкѣ, снисходя до крайности, онъ хотѣлъ приучить челоуѣка къ добру и, мало по малу, вести его къ той идеальной цѣли, какая могла родиться только въ его пламенномъ воображеніи. Но можно сказать и другое. Міряне для Будды предметъ второстепенный. Все свое вниманіе, всѣ надежды онъ сосредоточилъ въ учрежденномъ имъ братствѣ отшельниковъ. Для него онъ съ точностью опредѣлилъ образъ жизни, занятія, предметы и порядокъ размышленія; ему поручилъ хранить и распространять свое ученіе и въ этомъ смыслѣ сдѣлалъ его однимъ изъ предметовъ поклоненія *). Но такъ какъ онъ отнялъ у братства всѣ средства къ независимому существованію, то нужно было защитить его и отъ голодной смерти. Будда не стѣснилъ мірянъ никакими обрядами, обладалъ ихъ, насылилъ имъ разнаго счастья и въ замѣнъ этого совѣтовалъ не забывать учрежденнаго имъ братства. «Это ваше поле,» говорилъ онъ; «сѣйте на немъ избытки ваши: сѣмя не пропадетъ; въ будущихъ перерожденіяхъ оно принесетъ вамъ пользу.» При такомъ порядкѣ вещей, Шакьямуни могъ быть спокоенъ

*) Буддисты вѣруютъ и поклоняются: Буддѣ, его ученію и имъ основанному братству. Это у Буддистовъ называется тремя драгоценностями.

касательно продовольствія братства. — Мірянинъ въ Буддизмѣ тоже, что чернорабочій. Мірянину-Буддисту честь, если онъ читаетъ Буддійскія книги и понимаетъ ихъ, но ему никогда не сдѣлаться Буддою, даже Архатомъ !

б) ОТШЕЛЬНИКИ.

Шакьямуни далъ большую свободу мірянамъ; за то связалъ отшельниковъ самыми строгими и до мелочей точными правилами. Отшельнику предписано какъ и гдѣ сѣсть, лечь, встать, куда и какъ пойти, какъ и на что смотрѣть, какъ держать руки и при каждомъ изъ подобныхъ движеній какую читать *ману* (стихъ). Отшельникъ долженъ различать какъ и съ кѣмъ и когда говорить, и сколько кому сказать словъ. Уклоненіе отъ сказанныхъ правилъ — смотря по важности его — не только замедляетъ, даже дѣлаетъ совершенно не возможнымъ достиженіе цѣли страдальческой жизни — выйти за черту перерожденій !

Отшельникъ Буддійскій долженъ питаться подаеніемъ. Три одежды — для прикрытія наготы тѣла, и защищенія его отъ жара или холода, коврикъ молитвенный (онъ же и тюфякъ спальный), чашка, въ которую собираютъ подаваемую милостыню, игольницъ съ иглой и ниткой, пара чулковъ съ башмаками —

вотъ все имѣніе Буддійскаго отшельника ! Вещей драгоценныхъ — золота, серебра онъ не долженъ и касаться. Уточное чтеніе книгъ, размышленіе, созерцаніе — вотъ предметъ дѣятельности для цѣлой его жизни.

Отшельникъ Буддійскій, собственно говоря, долженъ жить въ пустынѣ, въ разсѣлинѣ скалы, — вообще въ уединеніи, и тамъ, въ дали отъ молвы житейской, питать свой духъ созерцаніемъ идеальнаго ничтожества (*кумъ*). Но съ особенными, важными цѣлями Будда учредилъ общежительныя убѣжища (*чанъчу*) *). Въ убѣжищѣ этомъ, какъ въ центральномъ учебномъ заведеніи, сосредоточено все необходимое для полнаго образованія въ Буддійскомъ любомудріи. По намѣренію Будды тамъ должны быть собраны живые образцы совершеннѣйшей дѣятельности — люди, напоенные духомъ ученія и владѣющіе способностію передавать его другимъ. Тамъ, кромѣ лицъ, опредѣленныхъ для наставленія, должны быть къ тому приравненное мѣсто и необходимая при этомъ утварь. Это мѣсто и это братство, взятыя вмѣстѣ, суть не только хранители, но и необходимые проводники уче-

*) Послѣ — съ переменою духа времени и обстоятельствъ, образовались и амъ—налы убѣжища, зависящія отъ общежительныхъ убѣжищъ. Въ нихъ проживали готовящіеся къ отшельничеству (Шави); сюда ссылались отшельники на покаяніе. Нынѣ это мѣсто покоя и свободной жизни. Въ амъ живутъ два, иногда три отшельника, и обыкновенно тѣ, кои спускаютъ порядкомъ и строгостію общежительныхъ убѣжищъ.

нія Будды: имъ поручено великое дѣло образованія и притомъ такъ, что возложеніе обѣтовъ не можетъ совершиться въ общежитительномъ убѣжищѣ безъ чловека, знающаго дѣло въ совершенствѣ; ни внѣ убѣжища, хотя бы возлагатель былъ совершеннѣйшія изъ Буддистовъ.

Будда не положилъ различія между общежительными убѣжищами: для всѣхъ далъ одинъ уставъ. Но въ Китаѣ есть изъ нихъ убѣжища созерцательныя (Цзунъ-ся), изъясняющія книги (Цзяо-ся) и подвижническія (люй-ся). Говорять, что это раздѣленіе въ Китаѣ совершилось очень рано и почти въ одно время. Начальствующій въ убѣжищѣ въ горѣ Тянь-тай, по имени *Дама (Бодидарма)*, опытный въ созерцаніи, замѣтивъ недостатокъ этой важной части въ Буддизмѣ, предписалъ своему братству исключительное упражненіе въ созерцаніи; между тѣмъ начальствующій въ убѣжищѣ *Цы-ань*, знаменитый *Сюань-Цзань*, искусный переводчикъ и толкователь книгъ, увлекъ своихъ соподвижниковъ къ изъясненію книгъ такъ, что это занятіе сдѣлалось для нихъ главнымъ. А *Фа-чань*, начальствующій въ убѣжищѣ *Сянь-шоу*, отличный знатокъ *винай (Устава)*, заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ подвижничество *). Впрочемъ это различіе не

*) Буддйскіе отшельники раздѣляются на три ордена (дома —). Упомянутые здѣсь три знаменитыхъ лица суть главы этихъ орденовъ. Принимающій обѣты въ известномъ ордени причисляется къ нему какъ членомъ въ известномъ колѣнѣ.

нарушаетъ цѣлости ихъ общества. Всѣ они пользуются одѣями и тѣми же книгами, учатъ одному и тому же и смотрятъ другъ на друга рѣшительно какъ на родныхъ братьевъ. Жившій въ одномъ какомъ нибудь изъ этихъ убѣжищъ, еслибы вздумалъ перейти на житье въ другое которое либо, всегда принимается безъ малѣйшаго противорѣчія. Есть одно только между ними довольно замѣтное различіе. Созерцательные всѣ носятъ усы и бороду, тогда какъ прочіе по подражанію Буддѣ — брѣются.

Въ каждомъ общежительномъ убѣжищѣ долженъ быть начальствующій (*Хэшань*); у него два главныхъ помощника: дѣлопроизводитель (*Цзъ-мо*) и наставникъ (*Цаю-шоу*), и смотря по надобности — нѣсколько приставниковъ (*Вэн-юю*, *Инь-м*, *Чжи-ши*, *Чжи-кэ* и пр.). Хэшанъ есть единственный учитель и руководитель въ уразумѣніи глубинъ Буддійскаго ученія *). Въ дѣлопроизводителѣ сосредоточены и управитель и ученый секретарь братства. Наставникъ завѣдуетъ внѣшностію, т. е., онъ учитъ приемамъ въ сидѣніи, ходженіи, отдохновеніи, занятіяхъ, чтеніи книгъ ученія, объясняетъ покрой одежды, форму чашки, ихъ смыслъ, употребленіе и пр. Обязанности приставниковъ различны, смотря по потребностямъ кумирни.

*) Нынѣ эта важная часть обыкновенно поручается наставникамъ.

Для всякаго входящаго въ кумирню это первал, необходимая инстанція. Вы пришли изъ любопытства, вамъ хочется осмотрѣть кумирню; приставникъ къ вашимъ услугамъ. Онъ отворитъ вамъ всѣ двери, покажетъ, объяснитъ все, что вамъ угодно, разумѣется по крайнему своему разумѣнію. Съ вами вѣсть взошли люди съ другими цѣлями: имъ хочется поступить въ число братства, посвятить себя изученію Буддизма. Приставникъ въ ихъ положеніи необходимое лице. Онъ наставитъ ихъ къ кому и какъ обратиться съ просьбою, и будетъ постояннымъ, неразлучнымъ ихъ спутникомъ, пока не кончится ихъ дѣло. Въ храмѣ они даютъ сигналъ къ началу чтенія или пѣнія, и въ этомъ случаѣ они нѣчто въ родѣ регента хора. Впрочемъ мы еще будемъ имѣть случай покороче узвать каждое изъ сказанныхъ нами лицъ.

Платье Буддѣйскихъ отшельниковъ совершенно различно отъ платья, нынѣ употребляемаго въ Китаѣ. Отшельники носятъ костюмъ времени Минской династїи, покроемъ котораго можно видѣть на чайныхъ ящикахъ, привозимыхъ изъ Китая. Волосы на головѣ брѣютъ. Зимомъ носятъ шапки особеннаго покроя. Употребляютъ четки; носятъ ихъ въ рукахъ, но чаще надѣваютъ на шею.

Пищу всегда употребляютъ растительную. Вина, луку, чесноку и прочихъ горячительныхъ и пряныхъ

вещей не употребляютъ. Будда узаконилъ ѣсть только однажды въ день. Но нынѣшніе Буддисты воспользовались слишкомъ точнымъ значеніемъ слова: обѣдъ (чи-фанъ — ѣсть кашу) и разрѣшили принимать нищу трижды въ день: по утру, въ полдень и вечеромъ. Полуденный приемъ пищи они называютъ обѣдъ — приемъ нищи (чи-чэсай), или приемъ каши (чи-фанъ). Поутру же и вечеромъ за столомъ не бываетъ каши; по этому в самый приемъ этой пищи называется приемомъ не каши — Будда запретилъ это — а лекарства (чи-ло).

Ежедневныя молитвы братства довольно однообразны и нисколько не торжественны. Положено собираться 5 разъ въ сутки. Но такъ какъ молитвы довольно коротки, и смыслъ ихъ неудовимъ, то въ не многихъ кумирняхъ точно слѣдуютъ уставу. Обыкновеннѣе собираются только поутру и вечеромъ, и во всякомъ случаѣ къ урочнымъ молитвамъ прибавляютъ какія либо книги ученія, особенно уважаемыя начальствующимъ. Только въ праздничные дни кумирни, въ 1-е и 15-е число каждаго мѣсяца, молитвы въ храмъ наблюдаются точно и къ урочному чтенію молитвъ прибавляется нѣсколько похвальныхъ стиховъ въ честь Государа, покровителя или строителя кумирни. По видимому молитва не составляетъ особенной важности для Буддѣйскаго отшельника. Онъ употребляетъ ее какъ бы для перемѣны положенія, только для освѣ-

женія утомленной размышленіемъ головы. Все его вниманіе, вся забота сосредоточены въ одномъ главномъ предметѣ, смотря по уставу своего общества, или въ созерцаніи (это возведено у нихъ на степень науки) или въ слушаніи толкованія и уясненіи себѣ глубокаго смысла Буддѣйскихъ книгъ, или въ изученіи всѣхъ тонкостей и снаровокъ буддѣйскаго устава. Впрочемъ не надобно думать, что Буддизмъ, повидямому такъ систематически и съ такимъ постоянствомъ разрабатываемый — изученъ ими въ совершенствѣ; что въ случаѣ надобности каждая кумирня представитъ отличнаго знатока и руководителя по какой либо части.

Большая часть общежительныхъ убѣжищъ держится правила : питаться подаяніемъ. Въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (съ 5-й луны 15-го числа по 15-е число 8-й луны) Буддѣйскіе отшельники никуда не должны выходить изъ кумирни *). Въ это время они не ходятъ даже въ храмъ на молитву. Созерцающіе неисходно въ залѣ созерцанія, а другіе въ залѣ толкованія; каждый занятъ своимъ предметомъ. По истеченіи же этого срока большая часть братства уходитъ изъ кумирни за сборомъ милостыни (то-бо). Впрочемъ нѣтъ не мало уже и такихъ общежительныхъ убѣжищъ, кои, въ противность прямаго правила Будды — имѣютъ

*) Это называется : Ся-цзо-ань-цзюй.

земли и занимаются земледѣліемъ, даже сами па-
шутъ.

Всякое нарушеніе устава, вообще всякой безпора-
докъ наказывается общимъ судомъ братства. Чтобы
пресѣчь тайныя нарушенія обѣтовъ, Будда узаконилъ
каждый мѣсяцъ въ 1-е и 15-е число собираться въ
залу толкованія для слушанія читаемаго въ это время
сокращенія правилъ (*Сы-фымъ-цзъ-бэнъ*). Всякой, ощу-
тившій за собою какой либо проступокъ, обязанъ
сознаться въ немъ предъ всѣмъ братствомъ и по об-
щему суду понести наказаніе. При томъ каждый обя-
занъ сказать не только о своихъ, но и о чужихъ грѣ-
хахъ, какіе знаетъ. Запирательство и потворство
наказываются равно *). Преступленія же гражданскія
судятся и наказываются судомъ гражданскимъ, впро-
чемъ не безъ посредства депутата (*Фу-инь*) со стороны
братства; и гражданскій судъ тогда только наказываетъ
подсудимаго, когда депутатъ братства признаетъ вину
его. Въ противномъ случаѣ дѣло поступаетъ на раз-
смотрѣніе Государя. Депутатъ въ каждой губерніи
(*Фу*) свой, и утверждается въ этомъ званіи Государемъ.
Депутатъ есть родъ защитника правъ отшельниковъ и
выѣстъ главный надзиратель порядка.

Къ вступленію въ званіе отшельника со стороны

*) Этотъ обрядъ называется *Бу-са*.

гражданской нѣтъ никакого пренятствія. Съ согласія родителей всякой можетъ идти въ отшельники, не сказавши мѣстному начальству о своемъ намѣреніи. Но братство принимаетъ къ себѣ *) съ разборомъ и довольно тонкимъ. Желающій поступить въ сословіе отшельниковъ долженъ быть здоровъ, со способностями, безъ всякихъ тѣлесныхъ недостатковъ, добропорядочной жизни, и принять обѣты.

Принять обѣты значить въ совершенствѣ овладѣть наукою, держать себя по-буддійски, рѣшиться усвоить, а усвоивши употребить въ дѣло, тѣ средства, кои Будда предложилъ желающимъ установить прямой взглядъ на міръ и жизнь, и наконецъ дать клятву принадлежать ученію Будды на вѣки и всѣмъ существомъ своимъ. Такъ какъ для успѣха во всякомъ дѣлѣ, за какое принимается человекъ, нужны порядокъ и постепенность: то полный курсъ обѣтовъ буддисты раздѣлили на три урока: *Шахи*, *Бикшиу* и *Бодисадды*, и въ прежнее время каждый урокъ отдѣлялся большими промежутками такъ, что изучившій одинъ урокъ упражнялся въ немъ нѣсколько лѣтъ и потомъ уже просилъ наставленія въ слѣдующемъ. Нынѣ это дѣлается иначе; за одинъ разъ преподаютъ всѣ три урока,

*) Число братства нигдѣ не опредѣлено. Само собою разумѣется, что принимаютъ къ себѣ столько, сколько найдется прокоритъ.

а практическое изучение предоставляют времени и усердію.

Совершить возложеніе обѣтовъ вмѣняется въ большую честь. Это служитъ не только признакомъ вещественнаго достатка, но и доказательствомъ богатства нравственнаго и умственнаго; потому что возлагатели обѣтовъ—по уставу—должны быть люди жизни добродѣтельной и глубоко понимающіе ученіе Будды. Кромѣ того возложеніемъ обѣтовъ братство распространяетъ число своихъ послѣдователей. Не смотря на силу такихъ побужденій, ревность къ пользѣ и славѣ ученія, какою сгараетъ каждый Буддистъ, и покровительство власти гражданской, возложеніе обѣтовъ совершается довольно рѣдко. Причина этому самая естественная. Возложеніе обѣтовъ продолжается 4 мѣсяца *) (съ 4-й луны 15-го числа по 15-е 8-й луны). Число просителей рѣдко бываетъ меньше 100 человекъ, и всѣ они до окончанія дѣла содержатся на счетъ кумирни. Кромѣ расходовъ на пищу, приготовленіе мѣста, прислугу и пр., бываетъ нужно приглашать братства изъ другихъ общежительствъ. Притомъ сколько сгорить свѣчь, разныхъ благовоній!.. Поэтому кумирня, предпринимающая дѣло возложенія обѣтовъ, готовится къ нему долго, иногда до 10 лѣтъ, и во всякомъ

*) Смотря по успѣхамъ въ изученіи, этотъ срокъ можетъ сократиться до 100 дней, но не меньше.

случаѣ не обходятся безъ помощи другихъ кумирень^{*)}. Запасшись достаточными средствами, кумирня обзаводуетъ и совершаетъ возложеніе обѣтовъ — этотъ шагъ во славу ученія (фа-янь), какъ выражаются Буддисты, хотя и рѣдко, но съ достоинствомъ и великолѣпно!

Теперь слѣдуетъ изложить самые обѣты. Для соблюденія интереса и избѣжанія повтореній, первые два обѣта представляются сокращенно: изъ нихъ извлечено только самое нужное, или сколько нибудь интересно. Но чтобы дать какое нибудь понятіе о самомъ обрядѣ возложенія, послѣдній урокъ, т. е., обѣты Бодисадвы, какъ самые важные, торжественные и знаменательные, представляются въ формѣ болѣе полной, почти такъ какъ значится въ обрядникѣ.

ОБѢТЫ (ШАМИ).

Вступающихъ въ 1-ю степень отшельниковъ.

Мы знаемъ уже, что именемъ Шами называются тѣ, кои съ малолѣтства живутъ въ кумирнѣ и подъ руководствомъ какого нибудь опытнаго старца упражняются въ какихъ нибудь уставахъ (большею частію

*) Изъ этого правила не исключаются и казенныя кумирни. Къ нимъ это даже больше идетъ; потому что казенныя кумирни нынѣ гораздо болѣе частныхъ.

въ 5, см. *юнесэ*). Они съ малолѣтства бръютъ голову, носятъ Буддѣйское платье и составляютъ прислугу пожилыхъ отшельниковъ. Въ ожиданіи совершеннолѣтія, они въ кумирнѣ же учатся грамотѣ, читать и пѣть буддѣйскія книги, и другимъ разнымъ необходимымъ для Буддѣйскаго отшельника упражненіямъ. Въ рукахъ хорошаго наставника этотъ родъ Шами иногда къ 20 году довольно хорошо присмотрится къ своему дѣлу и бываетъ въ состояніи разумѣть довольно отвлеченные предметы. Впрочемъ и тѣ люди, кои въ зрѣломъ уже возрастѣ, въ слѣдствіе чьихъ либо убѣжденій, рѣшились вступить въ число отшельниковъ и въ ожиданіи курса обѣтовъ проживаютъ въ кумирнѣ, *) называются также *Шами*. Собственно же Шами суть тѣ, кои приняли обѣты этого имени **).

Если придетъ въ кумирню человекъ, желающій поступить въ число отшельниковъ, и братство обнадѣжить его своимъ покровительствомъ (а въ покровительствѣ рѣдко бываетъ отказъ, по самому вѣрному расчету, что если этотъ человекъ по чему-нибудь и не удостоится обѣтовъ, во всякомъ случаѣ онъ будетъ не цанятой и усердный работникъ въ кумирнѣ), то

*) Надобно замѣтить, что лица не принявшія возложенія обѣтовъ, а безбрачныя, живутъ въ малыхъ убѣжищахъ; они не имѣютъ права жить въ общежительномъ убѣжищѣ (чанъ-чу).

**) См. *Цзю-чень-фа-шу* подъ числомъ.

сейчасъ его обрѣютъ и одѣнуть по-буддійски, назовутъ какимъ-нибудь именемъ, приставятъ къ какому-нибудь — смотря по возрасту и способностямъ — дѣлу и посоветуютъ испытать себя въ 5 правлахъ.

Лишь только прослышать, что какая-либо кумирня открываетъ курсъ обѣтовъ: то всѣ ждашіе такого случая отправляются въ нее и стараются поспѣть ко времени.

Въ день, *) назначенный для открытія уроковъ, все знатнѣйшее братство по звону собирается въ залу дѣйствій (фа-танъ). Хэшанъ т. е. начальствующій въ кумирнѣ приходитъ послѣ всѣхъ. Когда онъ возседеть на свое кресло, то всё собраніе поклоняется ему. За тѣмъ просители становятся на колѣна и передній за всѣхъ предлагаетъ Хэшану свою покорнѣйшую просьбу — принять ихъ подъ свое руководство, освободить ихъ отъ узъ страстей, разсвѣтъ мракъ ихъ души, научить истинному подвижничеству.

Хэшанъ — по окончаніи этой просьбы — беретъ со столика (что съ боку кресель) такъ называемый буддинъ аршинъ **) (фо-чи), ударяетъ имъ по столу и говоритъ :

*) Этотъ день, равно какъ и другіе для важнѣйшихъ собраній, выбирается по Календарю — самый счастливый.

**) Небольшой кусокъ дерева или металла кубической формы: онъ похоже на вершокъ. Ударъ означаетъ особенную важность словъ, слѣдующихъ за нимъ.

«природа — основное начало, какъ у шринъ, такъ и у вѣдущихъ жизнь отшельническую. Внѣшнія впечатлѣнія, дѣйствуя на насъ пріятнымъ образомъ, ничего не прибавляютъ къ этому началу, равно какъ и впечатлѣнія непріятнымъ ничего не отнимаютъ отъ него. *) Разнообразная дѣятельность чувствъ есть дѣятельность посредствующая; а главный дѣятель одинъ и тотъ же. Свѣтъ, тѣнь, форма и безформенность (кунъ) — суть только степени выраженія этого таинственного начала. Всякій человекъ равно надѣленъ этимъ началомъ, у каждаго оно ни больше, ни меньше, ни хуже, ни лучше. Если же это такъ: то для чего искать совершенства, для предмета совершеннѣйшаго, чистѣйшаго? — Да, искать нужно; потому что это совершеннѣйшее начало въ живыхъ существахъ какъ-то измѣнилось; его сила, разумный свѣтъ какъ-то ослабли, помрачились. Появились узы пристрастія, самолюбія. — а изъ нихъ уже вспышки гнѣва, злоба и омраченіе. **) И эта, повидимому небольшая причина, природу тонкую и чистую низвела до огрубѣнія, до плоти, и открыла рядъ безконечныхъ перерожденій. Теперь разумное начало отъ одного ослѣп-

*) Впечатлѣнія пріятныя по-Китайски *де-янь* т. е. какъ бы получить, приобрести что нибудь; а впечатлѣнія непріятныя — *ши-янь* — какъ бы потерять что, лишиться чего.

**) У Буддистовъ все зло въ мірѣ льется изъ трехъ источниковъ: пристрастія (*тань*), злобы (*ченъ*) и омраченія (*чи*).

ленія переходить къ другому большому, какъ бы не думая придти въ чувство. По состраданію, изъ желанія помочь огрубѣвшей природѣ, являлись въ міръ всѣ безчисленные Будды. Они указали намъ прямой путь къ потерянной беззаботности духа. Но чтобы успѣнѣ шествовать по указанному пути и удобнѣе возвратить природѣ первоначальный ея свѣтъ и силу, и зная, что всѣ бѣды возникаютъ отъ пристрастія, отъ привязанности къ видимому, а это пристрастіе, привязанность въ тваряхъ рѣшительно являются отъусловіи жизни мірской, Будды указали на отшельничество, какъ на самый лучшій образъ жизни, какъ на самое дѣйствительносредство къ освобожденію духа отъ заботъ. Въ мірѣ у человѣка всѣ чувства въ напряженіи: все ихъ раздражаетъ и питаетъ пожеланія; у отшельника ничто не возмущаетъ чувствъ, слѣдовательно чистота мысли и достигается и сохраняется гораздо удобнѣе. Вотъ почему ищущій высшаго совершенства прежде всего считаетъ необходимымъ поступить въ сословіе отшельниковъ! По этой же самой причинѣ и нашъ досточтимый (*ши-цзунь*) Шакьямуни, въ Индіи, въ полночь ушелъ изъ города, на бѣлой лошади по воздуху перенесся черезъ стѣну и, добравшись до снѣжныхъ горъ, сдѣлался отшельникомъ. Тамъ достигъ онъ совершенствъ Будды и на первый разъ проповѣдалъ свое ученіе 5 отшельникамъ. Эта проповѣдь была на-

чаюмъ благовременнаго дождя. Но послѣ ученіе Будды, словомъ и дѣломъ излагаемое, распространилось. Вотъ и донынѣ многіе прибѣгаютъ къ этому спасительному средству !

Благоразумные юноши ! Рѣшась вести жизнь безбрачную, вы хотите изучить внѣшность нашего братства — и принять возложеніе обѣтовъ.

Знайте, что если вы не уразумѣете смысла каждой вещи, всего, что касается до обѣтовъ: то будете только носить имя принявшихъ обѣты, на самомъ же дѣлѣ не усвоите ихъ; вся жизнь ваша протечетъ безъ пользы: въ существѣ вы будете тоже, что міряне (бо-и). Для предупрежденія подобнаго несчастія, я — съ своей стороны — прежде нежели возложатся на васъ обѣты, поясню вамъ слѣдующіе 4 пункта: а) кодексъ правилъ для *шамы* (цзѣ-фа), б) существо обѣтовъ (цзѣ-ти), в) занятія (цзѣ-синъ) и г) внѣшность, сообразную обѣту (цзѣ-сянъ). Къ кодексу правилъ Шамы относятся 10 основныхъ правилъ, преподанныя знаменитому *Шелифу* *) (*Сарипутра*), по случаю вступленія въ Бикшу Рахулы **); потомъ 24 положенія касательно внѣшняго поведенія (вэй-и); равно какъ и тѣ правила, кои Будда въ теченіе 12 лѣтъ постановилъ для Бикшу, еще не начинавшихъ упражняться

*) Одинъ изъ учениковъ Будды.

***) Сынъ Будды.

въ подвижничествѣ, и вообще всѣ мелкія статьи Устава, кои обязываютъ и *Шамы*. Существо обѣтовъ есть ваша клятва, зарокъ — избѣгать всякаго зла и стараться объ усовершеніи себя въ добрѣ; клятва, — которую вы произнесете мысленно — во время самаго возложенія обѣтовъ, при благоговѣйномъ размышленіи о трехъ драгоценностяхъ. Занятія, сообразныя обѣтамъ, суть ваше послушаніе, какое вы на первый разъ будете проходить въ отношеніи къ вашему учителю, дѣла, вамъ поручаемыя въ стѣнахъ жилища братіи — вообще всякое даже мелочное дѣло, совершаемое по правилу. Наконецъ внѣшность сообразная обѣту. Вы родились и воспитались среди мірянъ; ваша внѣшность совершенно такая же, какъ и у нихъ. Когда же вы удостоитесь возложенія обѣтовъ, то вы совершенно измѣнитесь. Одѣнетесь въ одежду совсѣмъ другаго покроа и цвѣта, а въ сердцѣ будете питать состраданіе и миролюбіе. Такимъ образомъ дѣла, ведущія за черту перерожденій, посредствомъ обѣтовъ будутъ совершаться весьма удобно. Если сказанному мною вы повѣрили и по зрѣломъ размышленіи — рѣшитесь покориться уставу и усилить стремленіе къ добру, то съ одной стороны вы уподобитесь во истину пришедшему, *) который, посредствомъ правилъ устава, возвышаетъ все одушевленное; а съ другой — не напрасно, съ честью будете носить

*) Одинъ изъ титуловъ Будды.

нмя подвижниковъ, сострадательныхъ. Общаетесь ли вы во всемъ дѣйствовать по духу ученія? (общаемъ)! Если вы общаете, то я пошлю нѣсколькихъ приставниковъ пригласить Наставника (Цзяо-шоу), — онъ осмотритъ вашу одежду и чашку; потомъ Дѣлопроизводителя, — онъ изслѣдуетъ вашу прежнюю жизнь. Если окажется, что одежда и чашка устроены сообразно правиламъ, что вы не виновны въ какихъ либо тяжкихъ преступленіяхъ, и притомъ не имѣете никакихъ тѣлесныхъ недостатковъ: то приступимъ и къ возложенію на васъ 10 обѣтовъ Шами, чтобы такимъ образомъ приготовить васъ къ принятію обѣтовъ Бикшу».

По окончаніи этой рѣчи Хэшанъ встаетъ, и, сопровождаемый просителями — уходитъ въ свои покои. Все собраніе расходится.

Потомъ не больше, какъ черезъ полчаса, бываетъ звонъ къ новому собранію, въ той же залѣ *). Всѣ просители — каждый съ своей одеждой и чашкой — идутъ въ залу; тамъ, на приготовленныхъ длинныхъ столахъ кладутъ одежду и чашку, и становятся каждый противъ своей собетвенности. Наставникъ приходитъ послѣ всѣхъ и открываетъ собраніе слѣдующею рѣчью :

(Ударъ).

*) Хэшанъ уже распорядился, чтобы осмотрѣть у просителей одежду и чашку.

«Для отказавшихся отъ міра самое главное то, чтобы ихъ поступки были сообразны съ обѣтами; а въ дѣлѣ усвоенія обѣтовъ одежда и чашка — самая важная вещь. Если у послѣдователя Будды внѣшность и приемы издѣлачь будутъ не таковы, какъ у мірянъ: то и мьклъ его и чувство примуть другое направленіе. Имитъ три одежды, значить владѣть средствами и внѣшно наружно показать себя съ отличной стороны. Довольствуясь одною чашкою, можно пресѣчь всякое пристрастіе и вполне предаться самоусовершенію. Юноши! Вы хотите принять возложеніе обѣтовъ. Знайте, что если у васъ нѣтъ одежды и чашки, или вы на время заняли у другихъ, то хотя бы и приняли обѣты, но не усвоите ихъ. Если Хашанъ знаетъ, что у просителей нѣтъ одежды и чашки, или хотя и есть, но заемныя, и не смотря на то допустить до обѣтовъ, то поступить незаконно. Вотъ почему я назначенъ осмотрѣть у васъ каждую изъ сказанныхъ вещей прежде, нежели начнется дѣло. Если вы и одежду и чашку приготовили, то ваше отреченіе отъ міра совершится самымъ вождѣльнвымъ образомъ. Такъ — спрашиваю: эта одежда и чашка, что передъ вами, ваша ли собственность? (отвѣтъ положительный). Если одежда хотя и своя, но старая, изорванная, или шелковая, или незаконнаго цвѣта; а чашка — или велика или мала — вообще незаконной формы, то это худо

рекомендуетъ явившагося съ такими вещами. Если, при самомъ вступленіи въ жизнь отшельника, принести одежду старую или изорванную, то не будетъ ли это признакомъ слабого, какъ бы поношеннаго — и уже изорвавшагося расположенія къ подвижничеству? А одежда шелковая ясно показываетъ, что принесшій ее не отвергъ еще любви къ нарядамъ, еще страдаетъ тщеславіемъ. Если великій *Кашьяпа* *) употребилъ одежду о 100 заплатахъ; *Цзю-чель-жу* **) холщевую, стоившую не болѣе 5 монеть; если въ *Хэнь-ю* во всю жизнь носятъ одежду сплетенную изъ артемизіи; въ *Нань-мань* ***) рѣшительно не употребляютъ шелковыхъ одеждъ; если всѣ наши предки, жившіе въ Индіи и Китаѣ, употребляли нецѣнные одежды, то намъ ли, простымъ людямъ, не подражать такимъ примѣрамъ? (за тѣмъ встаетъ и говоритъ) «Теперь я у каждаго изъ васъ осмотрю одежду и чашку!» Потомъ подходитъ къ каждому поочередно, беретъ и рассматриваетъ вещи. Найдя въ чемъ какой-либо недостатокъ, кротко замѣчаетъ, и сожѣтуется воспользоваться временемъ — исправить что нужно. Впрочемъ такіе случаи бываютъ рѣдки; потому что промышленность въ Китаѣ, какъ и вездѣ на востокѣ

*) Одинъ изъ учениковъ Будды.

**) Племяникъ Будды по женской линіи. Монета стоитъ около 40 коп. вѣдн.

***) *Хэнь-ю*, *Нань-мань* — знаменитыя общежительныя убѣжища. Они на югѣ Китая.

чрезвычайно знакома съ уставомъ и потребностями всякаго сословія. Кончивши осмотръ, Наставникъ возвращается къ своему креслу, садится и говоритъ :

«Я осмотрѣлъ у васъ одежду и чашку. Радуюсь, что эти вещи нашель у васъ въ совершенной исправности. Съ моей стороны, я общаю вамъ милость Хэшава и надежду на курсъ обѣтовъ. Не знаю только, что найдеть въ васъ Дѣлопроизводитель. Приготовьтесь; нѣвшнюю ночь онъ намѣренъ разузнать прежнюю вашу жизнь!»

Этою рѣчью оканчивается и собраніе. Проводивши Наставника въ его повон, всѣ расходятся по кельямъ въ ожиданіи заката солнечнаго.

Едва стемнѣетъ — снова бываетъ сборъ въ той же залѣ. Впрочемъ, зала хотя и таже, но видъ ея совершенно измѣнился. Столы исчезли; кресло отодвинуто въ глубину залы, позади креселъ виднѣется столикъ съ стуломъ; сотни свѣчъ разливаютъ яркій, ослѣпляющій свѣтъ и облака дыма, отъ курящихся предъ истукавомъ Будды разныхъ благовоній, волнами несутся въ пространство. Буддисты говорятъ, что величіе залы имѣетъ большое вліяніе на откровенность кающихся, что самый закоренѣлый злодѣй, пораженный нечаянностію, растеряется и невольно выскажетъ свои задушевныя тайны. Впрочемъ сами же сознаются, что это средство не всегда дѣйствительно,

что дѣло никогда почти не обходится безъ пособія *вразумляющаго жезла* *), и при томъ пособія значительнаго.

Дѣлопроизводитель, по обычаю, приходитъ послѣ всѣхъ, покланяется Буддѣ, занимаетъ свое кресло и просителей приготавливаетъ къ сознанию слѣдующею рѣчью:

(Между тѣмъ писмоводитель съ необходимыми своими принадлежностями — занимаетъ стулъ, что приотолкнѣнъ сзади кресла).

«Природа наша въ существѣ своемъ совершенно чиста, свѣтла; она выше формъ явленій (*шенъ-мъ*). Если есть совершенные и негодяи, то это различіе зависитъ отъ страстныхъ движеній, омрачающихъ и оскверняющихъ насъ. Вотъ почему всякому, кто почувствуетъ въ себѣ этотъ мракъ душевный, необходимо какъ можно скорѣе придти въ чувство—очнуться. Для васъ это важно и нужно, особенно теперь, когда вы готовитесь сдѣлать первый шагъ на пути къ самоусовершенію. Если не очистить сквернъ души теперь, то зло и послѣ будетъ жить въ васъ и дѣйствовать. Только чистая мысль можетъ быть надежною порукою чистыхъ дѣйствій. Я теперь здѣсь для

*) Палка, длиною аршина въ полтора. Она дѣлается изъ крѣпкаго дерева, плоская; на ней написаны двѣ буквы: *чинъ, туъ*, т. е. вразумленіе, возвращеніе къ законному порядку.

того, чтобы научить васъ очистить душу и тѣло сознаниемъ дѣлъ вашихъ.

Извѣстно, что изъ 4 материковъ свѣта лучший — южный, тотъ на которомъ мы живемъ; а на нашемъ материкѣ изъ 6 путей перерожденія человекъ лучше прочихъ. Внѣшность людей, ихъ терпѣнiе, постоянство, къ которому они способны, уподобляютъ ихъ Буддѣ; но этому только люди всего чаще и удобнѣе достигаютъ совершенствъ Будды. Конечно, вы удостоились перерожденія въ человека, слѣдовательно владѣете способностiю выйти за черту перерожденiй; но что если въ какомъ нибудь перерожденiи вы согрѣшили? Этотъ грѣхъ, какъ сѣмя самое плодородное, долженъ былъ прозябнуть въ вашемъ сердцѣ и принести горькiе плоды зла и омраченiя. По этому надобно будетъ сначала вышполоскать яшмовую посуду, а потомъ уже вливать въ нее львиное молоко *). Знайте, что воспользоваться всѣми выгодами перерожденiя въ человека, можетъ только тотъ, кто очиститъ свою душу и тѣло. Пусть въ этой залѣ, гдѣ свѣтъ такъ ярокъ, какъ въ самый ясный полдень, ваша совѣсть будетъ чиста и ясна, какъ самое лучшее зеркало. Не бойтесь, не стыдитесь; откройте мнѣ все безъ утайки. Знайте, что если, сознавая за собою грѣхъ, вы скрое-

*) Знать ученiя Будды.

те его, то не усвоите обѣтовъ. По чему? потому, что захотите совмѣстить нечистое съ чистымъ, грѣхъ съ блаженствомъ. Подумайте, можетъ ли быть отъ этого какой ишбудь успѣхъ въ добрѣ? Да и съ чего вы начнете это дѣло? Гдѣ утвердите точку его опоры? Между тѣмъ подъ именемъ сознанія я разумѣю не простой рассказъ, исторію вашихъ слабостей; сознавая грѣхъ, въ сердцѣ надобно питать увѣренность въ связь причинъ съ слѣдствіями, грѣха съ несчастіемъ, и чувствовать сильную скорбь, сожалѣніе о томъ, что грѣхомъ омрачена, осквернена ваша чистая природа. Впрочемъ по всей вѣроятности — вы еще не знаете ни вида, ни названія того зла, которымъ страдаете. Чтобы вѣрно опредѣлить образъ сознанія, мы должны быть другъ другу понятны. Слушайте.

Есть 7 преступленій *), 10 видовъ порока или зла **) и 4 главныхъ грѣха ***). Тотъ, кто впалъ хотя въ одно изъ сказанныхъ золъ, не можетъ усвоить обѣтовъ, если не рѣшится на раскаяніе; именно: а) если согрѣшившій будетъ человекъ съ высокими дарованіями, и можетъ упражняться въ созерцанія, чтобы такимъ образомъ раскрылся въ немъ существенный свѣтъ его природы, то онъ долженъ будетъ возвыситься до той

*) Ци-ли.

**) Ши-о.

***) Си-чжунъ-гунъ-боу.

точки зрѣнія, съ которой пойметъ, что настоящее его состояніе, его жизнь — мечта (паръ), что то, что въ немъ живетъ и дѣйствуетъ, равно какъ и то, какъ оно живетъ и дѣйствуетъ суть только явленія (кутъ), что постоянного, вѣчнаго, въ немъ только его природа (цзы-синъ); а всѣ проявленія, жизнь этой природы — преходящи. Когда мысль его придетъ въ совершенное тождество съ его природою, когда онъ совершенно овладѣетъ этимъ тождествомъ, станетъ выше формъ явленій, будетъ въ состояніи мгновенно возвышаться до этой точки зрѣнія, то это будетъ признакомъ, что очищеніе совершилось; и это будетъ покаяніе путемъ очищенія мыслей. Тотъ изъ васъ, кто пойдетъ къ совершенству этимъ путемъ, пусть не торопится заключать о своемъ положеніи. Если замѣтитъ, что въ сердцѣ его чувственность нѣсколько умолкла, а въ головѣ начинаетъ разливаться свѣтъ : пусть не думаетъ, что онъ уже освободился отъ чувственного, достигъ родного края. Нѣтъ, для этого надобно совершенно прозрѣть, ощутить въ себѣ живое, неложное убѣжденіе въ чистотѣ своего духа; только на этой степени совершенства можно быть увѣреннымъ, что негодная трава грѣховъ посохла. б) Если же это будетъ чловѣкъ съ не совсѣмъ бойкими дарованіями, то долженъ будетъ приняться за подвиги очищающихся, пресѣчь всякую ложную дѣятельность души и тѣла, чтобы мало

по малу уничтожить эту тѣнь, которую чувства на-
бросили на его природу; постараться къ сроку — въ
недѣлю, мѣсяцъ, годъ — непременно увидѣть Будду.
И если бы къ сроку не случилось увидѣть, то удвоить
срокъ, усилить подвиги и поступать такъ, пока не
явится Будда, хотя бъ въ этомъ ожиданіи прошла вся
настоящая жизнь. Это будетъ покаяніе путемъ очи-
щенія дѣлъ. Оно не въ томъ состоитъ, чтобы только
тѣло занимать благочестивыми упражненіями и ни-
сколько не заботиться о томъ, гдѣ бродятъ мысли.
Кто такимъ образомъ будетъ проходить путь къ очи-
щенію, тотъ будетъ только считаться кающимся; но
отъ трудовъ своихъ не получитъ никакой пользы.

Я сказалъ : есть семь преступленій, вотъ они :

I. *Оскорбить достоинство Будды.* Будда есть самое
чистѣйшее состояніе природы. Малы, ничтожны предъ
нимъ духи 28 небесъ, нечистъ, невѣжда предъ нимъ
всякой изъ нихъ. Онъ украшенъ безчисленными досто-
инствами; всегда приходитъ для просвѣщенія тварей;
своимъ подвигомъ достигъ высшаго совершенства;
можетъ руководить къ совершенному прозрѣнію все
сущее и положить конецъ перерожденіямъ. Скорѣе
гору *Сумеру* опрокинешъ или высушишь океанъ, неже-
ли за благодѣянія, оказываемыя намъ Буддою, запла-
тишь хотя сколько нибудь, даже до конца міра. Если

же кто нибудь — вмѣсто того, чтобы быть признательнымъ, благодарить за благодѣянія, воздавать поклоненія, чтить приношеніями — оскорбить достоинство Будды, то это будетъ самое величайшее преступленіе. Вотъ почему Будда сказалъ : оскорбить достоинство Будды, значить сдѣлаться неспособнымъ къ принятію обѣтовъ. Поступокъ того, кто въ гнѣвѣ, или по злобѣ, изломаетъ какое либо изображеніе Будды, разорить священную башню, уничтожить книги, заключающія въ себѣ высшее ученіе, оскорбляетъ достоинство Будды.

II. Убить отца.

III. Убить мать.

Отецъ и мать для дѣтей тоже что небо *). Разумъ учитъ всѣми силами стараться о почитаніи ихъ, оказывать имъ всякое повиновеніе и ни въ чемъ не противорѣчить. Зимой согрѣвать ихъ, лѣтомъ доставлять прохладу; вечеромъ заботиться объ ихъ покоѣ, утромъ являться къ нимъ съ почтеніемъ. Если, для выраженія предъ ними своего почтенія и доставленія имъ необходимаго, не щадить никакихъ средствъ, не боятся никакихъ трудовъ — это еще не значить исчерпать, совершенно выполнить сыновнія обязанности, а только

*) Слово небо у Китайцевъ имѣетъ понятіе Бога—Промыслителя, благодѣтеля.

нѣсколько платить за благодѣянія, оказанныя намъ въ хожденіи и воспитаніи: то что же сказать о поступкѣ того, кто по испорченности сердца, по злобѣ окажетъ неуваженіе, убьетъ своихъ родителей? Вотъ почему Будда сказалъ: убить отца или мать значить сдѣлаться неспособнымъ къ принятію обѣтовъ.

IV. Убить Хэшана. Слово Хэшанъ значитъ силу рождающую; и хэшанъ есть такое лицо, что понять смыслъ трехъ главныхъ состояній совершенства (Архата, Бодисадвы и Будды), и постепенно усвоить ихъ можно только при содѣйствіи его. Потому-то въ дѣлѣ возложенія обѣтовъ онъ есть главный дѣятель. Родители рождаютъ и питаютъ наше тѣло; такое ихъ благодѣяніе считается величайшимъ, неплатимымъ; не больше ли благодѣяніе того лица, которое вводитъ, рождаетъ насъ въ жизнь внѣ перерожденій? Какое благодѣяніе можетъ быть выше этого? Вотъ почему Будда заповѣдалъ послѣдователямъ своимъ чтить Хэшана, и изложилъ это въ весьма точныхъ и строгихъ выраженіяхъ. И такъ если бы кто, вмѣсто благодарности, почтенія и уваженія, какими обязанъ за благодѣянія, оказываемыя намъ Хэшаномъ — нанесъ ему вредъ, или даже по злобѣ, въ гнѣвѣ убилъ его: то такой поступокъ не будетъ ли дѣло самое черное, преступленіе навеличайшее? Будда сказалъ, убить

Хэшана значить одѣлаться неспособнымъ къ при-
тию обѣтовъ.

V. Убить руководителя (ачари). Руководитель есть ближайшій, непосредственный вадъ помощникъ, образецъ въ дѣлѣ самоусовершенія. Ихъ пять видовъ. а) Тотъ, кто располагаетъ къ отшельничеству и со-
туетъ обречь голову; б) тотъ, кто очищаетъ сосудъ закона, и образуетъ изъ него вмѣстивше обѣ-
товъ; в) тотъ, кто перемѣняетъ возносящаго при-
личіе (грубаго, невѣжду); и легкомысленнаго, въ че-
ловѣка строго держащагося приличій, вѣжливаго, сте-
пеннаго; г) тотъ, кто сожительствова объясняетъ
смыслъ, приложение правилъ устава; и наконецъ
д) тотъ, кто разъяснить хотя одну строчку изъ выс-
шаго ученія. Легко понять какъ велики благодѣянія
этихъ лицъ: они въ полномъ смыслѣ руководителя за
черту перерожденій, спасиѣшники въ жизни во духу
истинной мудрости. Если до конца жизни почитать
ихъ всею душою: то за оказываемыя ими благодѣ-
нія не возблагодарить, вполне. Что же сказать о по-
ступкѣ того, кто въ злобѣ, гнѣвѣ, нанесетъ вредъ.

а) Ти-ва-ачари.

б) Цзъ-мо-ачари.

в) Цло-шоу-ачари.

г) И-чжи-ачари.

д) Шоу-цзинъ-ачари.

убить какое-нибудь изъ скандальныхъ лицъ! Не будетъ ли это преступленіе самое отвратительное? Убить руководителя значить сдѣлаться неспособнымъ къ нравственному обѣтовъ.

VI. Нанести вредъ состоянію братства. Братство есть сокровищница истиннаго ученія, необходимый органъ просвѣщенія тварей. Въ немъ сосредоточены все главные средства къ самоусовершенію *). Распространеніе полезное ученіе, оно уподобляется перевозному судну черезъ горькое море жизни. Безъ братства кто научить истинной мудрости? Только при содѣйствіи этого важнаго сословія можетъ продолжаться и распространяться истинное ученіе, и только при его посредствѣ перерожденія въ людей и блаженныхъ духовъ умножатся, а перерожденія въ животныхъ уменьшатся. Ясно, что это сословіе стоитъ всего нашего уваженія и почитанія. Если же кто по злобѣ или по порченности сердца нанесетъ вредъ братству (т. е. или разстроитъ его согласіе, или помѣшаетъ его дѣйствіямъ), то не будетъ ли это преступленіе и очень важное? По этому Будда сказалъ: разстроитъ состояніе братства значить сдѣлаться неспособнымъ къ нравственному обѣтовъ.

*) Цзя, оми, гоу.

VII. Убить Архата. Архатъ есть существо, стоящее выше міра формъ и дѣйствительно вышедшее за черту перерожденій. Его слово просвѣщаетъ всякое омраченіе. Онъ есть содѣйствующая причина улучшенія въ нашемъ состояніи : можетъ доставить пользу и въ настоящемъ времени *), и приготовить воздаяніе въ будущемъ **). Худо если съ столь рѣдкимъ существомъ будутъ обходиться непочтительно, безъ благоговѣнія. Что же сказать о поступкѣ того, кто убьетъ Архата? Будда сказалъ : убить Архата значитъ сдѣлаться не способнымъ къ принятію обѣтовъ.

Я сказалъ: есть 10 видовъ порока. Порокамъ имъ зломъ называю ложную, превратную дѣятельность въ слѣдствіе омраченія духа. Омраченный во всемъ дѣйствуетъ наперекоръ своему внутреннему чувству. Каждый шагъ его дѣятельности, всякое напряженіе его силъ все болѣе и болѣе оскверняетъ и омрачаетъ его духъ, и эта скверна, это омраченіе души, какъ кора, нарастая слоями, съ каждымъ слоемъ усиливаетъ свою власть надъ духомъ и увеличиваетъ опасность его положенія. Пороки или зло суть :

1. *Убийство*. Жизнь тварей слагается изъ 3 началъ: начала смыслящаго, дыханія и теплоты. Убить значитъ разстроить гармоническое дѣйствіе сказанныхъ

*) Учи чему нибудь доброму.

***) Представляя случай подать ему милостыню.

началь. Тотъ, кто убиваетъ однородное или разнородное себѣ существо не только не подражаетъ добродѣтелямъ прежде него бывшихъ совершенныхъ мужей, но и убиваетъ въ себѣ чувство состраданія, любви къ тварямъ.

2. *Воровство*. Воровствомъ называется тайное присвоеніе чужаго имѣнія. Имѣніемъ называется то, что необходимо къ продолженію жизни. Въ мірѣ у семейственниковъ имѣніе можетъ быть наследственное или благопріобрѣтенное. У отшельниковъ имѣніе принадлежитъ или Храму (*дѣа*) или братству (*санъ*). Вещи принадлежащія храму суть: дорогія, рѣзныя изъ пахучихъ деревьевъ, или шитыя шелками, или лѣаныя, вышитыя изъ металла изображенія Будды, печатныя или писанныя священныя книги, вообще все подобнаго рода и достойныя нашего уваженія вещи. Братству принадлежащее имѣніе 4 родовъ; а) имѣніе — собственность какой-либо кумирни, напр. кухня, кладовая, службы, жилище поповъ; всякаго рода цѣточныя и плодовые деревья, сады, лѣса, прислуга, рабочій скотъ — вообще всякая собственность кумирни, которую братство пользуется безраздѣльно, и не имѣетъ права продать; б) пожертвованія или приношенія на содержаніе братства (*ши-санъ*); этого рода вещами можетъ пользоваться всякій отшельникъ, проходящій въ кумирню; в) временныя приношенія, коими должно пользоваться

только наличное братство, и не подлежащее раздѣлу съ временными посѣтителями изъ отшельниковъ, и г) вещи подлежащія раздѣлу между всѣмъ братствомъ; таковы вещи, остающіяся по смерти кого либо изъ отшельниковъ. Присвоеніе сказанныхъ нами вещей безъ права, даже употребленіе ихъ не по назначенію есть грѣхъ и называется воровствомъ.

3. Угожденіе плоти, самое нечистое изъ всѣхъ нечистыхъ дѣлъ въ мірѣ, ведетъ къ одной цѣли — въ адъ, и тамъ-то несчастные узнаютъ, какую дорогою цѣною куплено ими минутное наслажденіе!

4. *Ложь*. Это суть слова пустыя, неимѣющія основанія, и произносимыя съ тѣмъ, чтобы имъ повѣрили. Ложь бываетъ важная и маловажная. Важная — напр. еслибы кто не достигъ еще какой-нибудь степени совершенства, а говоритъ, что достигъ; рѣшительно не ощущаетъ въ себѣ присутствія этого совершенства, не сознаетъ никакого признака, а говоритъ, что ощущаетъ и говоритъ это изъ тщеславія, какой-нибудь временной выгоды, даже просто, чтобы занять собою. Маловажная ложь касается вещей обыкновенныхъ — напр. не видалъ чего-нибудь, или не слышалъ, а говорить, что видалъ или слышалъ, и т. п. и все это по давней привычкѣ лгать и ни во что вымѣнять тѣмъ, съ кѣмъ говорить.

5. *Двоязычье* — т. е. охота пересказывать, гдѣ и

что про него говорится, и притомъ или прямо, или чтобъ подстрекнуть къ размолокѣ, и это или по скрытой враждѣ, изъ желанія мстить, или по зависти, изъ желанія попрешатствовать чьему либо передъ собою возвышенію. Равнымъ образомъ, если въ глаза говорить сладкія, дружескія рѣчи, а за глаза чернить, ругать, стараться вредить, и это для того, чтобы другимъ между собою поссорить, вовлечь во вражду, разорвать самыя короткія отношенія: и то и другое будетъ двоязычіе.

6. *Сквернословіе*. Это есть обычай произносить нехорошія слова, и тѣмъ другихъ приводить въ краску. Это бываетъ или въ слѣдствіе обманутой надежды, или слишкомъ острыхъ шутокъ, возбуждающихъ досаду. Сквернословъ забываетъ всѣ обязанности и отношенія. *) Безъ стыда и совѣсти онъ говоритъ скверное безъ разбора, и находитъ удовольствіе въ неприятности, наносимой сквернословіемъ.

7. *Сплетаніе собиэмовъ*, т. е. такихъ сочиненій, такихъ словъ, въ которыхъ красивымъ слогомъ излагается совершенная ложь, или противное здравому смыслу, и это или прямо — изъ желанія выказать свои способности, похвастать передъ другими, или съ вредными для другихъ цѣлями изъ желанія унижить, очернить чье либо доброе имя, хорошія качества.

*) *Самъ-самъ, у-чуть, б-чуть.*

8. *Любостыжливості*. Это есть любовь, привязанность къ чему нибудь. У мірянъ это есть неутомимая забота объ извѣстности и увеличеніи средствъ къ безбѣдной жизни. У отшельниковъ это есть расположеніе къ богатымъ приношеніямъ, къ славѣ, самоуслажденію жизнью средствами непопозволенными.

Зараженные порокомъ любостыжливости глухи къ просящимъ о пособіи; замѣтивъ же отъ чего либо себѣ выгоду, они прилѣпляются къ тому всею душою, не видя въ этомъ случаѣ ничего — ни средствъ, ни совѣсти — и нисколько не думаютъ о бѣдствіяхъ, въ ожидающихъ.

9. *Злоба*, т. е. то чувство, которое возбуждаютъ въ насъ какія-либо противныя нашему желанію обстоятельства. У мірянъ это бываетъ изъ-за почестей, полезныхъ вещей, денегъ, недвижимаго имѣнія; домогаются чего-нибудь, но никакъ не достигаютъ своихъ цѣлей — и злобятся. У отшельниковъ это бываетъ по малодушію. Встрѣчая разныя неудобства въ жизни, находя труднымъ исполненіе устава, они приходятъ отъ того въ гнѣвъ.

10. *Ересь*, т. е. совершенно превратный взглядъ на вещи. Не понимая начальныхъ, коренныхъ 4 истинъ ученія, еретики ложно представляютъ себѣ существо вещей.

Я упомянулъ о 4 главныхъ грѣхахъ. Они суть:

а) убійство, б) кража, в) нарушение шлюмадрія и г) ложь. Она называются главными; потому что стоить во главѣ всѣхъ правилъ устава и для *Мано-се* и для *Шаки*, и для *Бикшу*, и для *Бедисадес*. Для человека, непринимавшаго никакихъ обѣтовъ, согрѣшить которымъ либо изъ сказанныхъ грѣховъ, значитъ закориться общей долѣ—слабости человеческой, согрѣшить въ невѣдѣніи. Но въ принявшихъ какіе либо обѣты они показываютъ не слабость только, а уже испорченность, неспособность къ жизни чистой.

Благоразумные юноши! Надѣюсь, что вы поняли все, что я говорилъ. Теперь соберитесь съ мыслями, припомните всю вашу жизнь, и если ощутите въ себѣ какой либо грѣхъ: то откройте его мнѣ безъ всякой утайки. Если вы затаите въ себѣ хотя малѣйшія, по видимому ничтожныя слабости; то, повѣрьте, напрасно будетъ возмощеніе обѣтовъ. Такъ еслибы вы рѣшились поновить старое платье: то надобно было бы вычистить его до-бѣна, и чѣмъ чище, бѣже вымоете его, тѣмъ оно будетъ годяще подъ краску и лучше приметъ ее. Я нагѣренъ предлагать вамъ вопросы, а вы по вѣскому чловѣкъ подходите ко мнѣ и на каждый мой вопросъ отвѣчайте по чистой совѣсти».

Послѣ этого вступленія просители выходятъ изъ залы; а приставники, построивши ихъ въ ряды, снова вводятъ въ залу по два или чю три ряда, не больше.

Тогда Дьялопроизводитель спрашиваетъ ихъ о содѣянномъ, и къ вопросамъ прилагаетъ разные помыслы; выводитъ не только грѣхъ, но и побужденія къ нему, и всѣ вообще околѣчности: это для того, чтобы, подробнѣе узнавши грѣхъ, можно было правильнѣе взвѣсить тяжесть его и слѣдовательно точнѣе опредѣлить по грѣху наказанія. По окончаніи вопросовъ къ первой партіи, Дьялопроизводитель, смотря по количеству и качеству открытыхъ грѣховъ — назначаетъ наказаніе (кому поклоны, кому чтеніе краткихъ воззваній и т. п.), за тѣмъ вся партія отправляется въ храмъ выполнять наложенное наказаніе. Въ слѣдъ за первою партіею является къ суду вторая, за второй третья и такъ далѣе до послѣдней.

По окончаніи суда надъ послѣдней партіею, просители всѣ опять приходятъ въ залу дѣйствій, и дьялопроизводитель обращается къ нимъ съ слѣдующею рѣчью:

«Благоразумные юноши! Хотя вы непринужденно и подробно открыли мнѣ свои прегрѣшенія; однако подумайте еще, не забыли ль чего. Вы теперь въ залѣ — на мѣстѣ священномъ, въ присутствіи всеиспытующаго свѣта трехъ драгоцѣнностей, множества духовъ-хранителей — тамъ, гдѣ всё ясно, нѣтъ ничего неизвѣстнаго. Подумайте; если вы забыли сказать что, теперь еще есть время; откройте чистосердечно. Старую

одежду — хотя бы вы ее и довольно мыли, не гнѣшается помыть еще и еще: она годнѣе будетъ подѣ краску. Такъ спрашиваю: все ли вы открыли мѣцъ? (*Отвѣтъ*):

Благоразумные юноши! Положимъ, что вы и все открыли: но это исчерпываетъ только то, что вами сдѣлано въ настоящемъ перерожденіи. А сколько еще грѣховъ, содѣланныхъ вами въ прежнихъ, безчисленныхъ перерожденіяхъ — прежде, нежели вы узнали Будду, услышали объ его ученіи, встрѣтились съ его братствомъ — грѣховъ отъ страстей, отъ омраченія, такихъ грѣховъ, конхъ вы и не создаете и не подозреваете, но кои совершенно извѣстны Буддамъ и Бодисадвамъ! Для очищенія отъ нихъ совѣтую вамъ теперь съ душою алчущею и жаждущею, съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія, собрать свои мысли, сосредоточить ихъ въ трехъ драгоценностяхъ (Буддѣ, ученіи и братствѣ) и, держась моего голоса, пропѣть слѣдующіе очистительные стихи:

(Встаетъ и запѣваетъ; между тѣмъ всѣ пристаютъ къ его голосу, поютъ и на каждый стихъ кладутъ по поклону).

- а) Во всѣхъ злодѣяніяхъ — дѣломъ, словомъ, мыслию.
- б) Нѣкогда, еще до настоящаго перерожденія учиненныхъ по чувству корыстолюбія, злобы, омраченія;
- в) Во всякомъ тяжкомъ грѣхѣ, могущемъ попрепятствовать усвоенію обѣтовъ.

г) Теперь продъ лицомъ Будды принему раскаяніе.

По окончаніи итнія дѣлопроизводитель слова садитса на свое кресло и заключаетъ собраніе слѣдующимъ утѣщаніемъ :

«Итакъ очищеніе совершилось; блюдите себя въ чистотѣ, имѣйте въ готовности вашу одежду и чашку, и въ ожиданіи срочнаго дня, опредѣленнаго для возложенія обѣтовъ; займитесь изученіемъ молитвъ, необходимаго для васъ руководства *). (*Ударъ*) общаестели вы поступить такъ, какъ я сказалъ? (*отвѣтъ положительный*).

За тѣмъ, проводивши дѣлопроизводителя въ его покои, всѣ расходятся, и въ ожиданіи дня возложенія обѣтовъ упражняются въ разныхъ пріемахъ вышшаго поведенія, учатъ наизусть самыя стихи, читаемыя при всякомъ положеніи (гаты). День возложенія обѣтовъ отсрочивается не дальше мѣсяца.

Такъ бываетъ, если при сознаніи не откроется никакихъ важныхъ грѣховъ. Если же кто либо объявить

*) Это сокращеніе правилъ для Шами, та самая книга, которую г. Нейманъ издалъ подъ страннымъ заглавіемъ *Шаманскаго Катихизиса*, и тѣмъ смѣшалъ двѣ совершенно различныя вещи — Буддизмъ и Шаманство. Къ этой книгѣ нынѣ прилагаются еще 3 другія — въ этомъ же родѣ: а) *Сы-фынь-цзъ-бэнь* — правила для Бикшу; б) *Бини-жи-сунъ* — молитвословъ и в) *Фанъ-ванъ-цзинъ* — правила для Бодисавъ).

себя или убійцею, или разорителемъ кушири, или виновнымъ въ платскихъ грѣхахъ и т. п. то его тотчасъ же отдѣляютъ отъ партіи чистыхъ Шами и отвозятъ въ особенное мѣсто. Дьяконпроизводитель одинъ не смѣетъ произнести суда надъ такимъ человекомъ. На слѣдующій же день объ этомъ дѣлѣ доносить Хэшапу. Хэшанъ приглашаетъ въ свои комнаты все знатнѣйшее братство, приказываетъ ввести грѣшниковъ — помонимъ, что ихъ трое — и обращается къ нимъ послѣднимъ съ слѣдующею рѣчью :

«Тѣмъ, что вы просили возложенія обѣтовъ, вы показали себя съ отличной стороны ; но грѣхи, вами новѣданные, доказываютъ, что вы нечистые, негодные сосуды для ученія: по правиламъ вы подлежите запрещенію. Я съ большимъ удовольствіемъ возложилъ бы на васъ обѣты: но кто жъ осмѣлится сдѣлать это въ противность уставу (молчаніе)? Впрочемъ я не совѣмъ отказываю; для тѣхъ изъ васъ, кто, чувствуя глубочайшее раскаяніе и сожалѣніе о грѣхѣ, не боясь трудовъ, рѣшится на очищеніе, я съ ними высокодобрѣтельными лицами братства придумаю особенное средство помочь бѣдѣ. Въ книгѣ *) своей Будда говоритъ : «Если кто хочетъ избавиться отъ грѣховъ, очиститься отъ преступленій и получить

*) Санъ-цзы-чжу-фо-минъ.

прощеніе въ самомъ тяжкомъ грѣхѣ—хулѣ, изрыгнутой на ученіе—тотъ долженъ потрудиться совершить обрядъ почтенія именъ и прозваній 53 Буддъ и великихъ безчисленныхъ доблестей 3000 Буддъ. Такъ какъ Будды суть наставники тварей; по состраданію они помогаютъ во всякой бѣдѣ, готовы выслать всякое добро: то еслибы кающійся имѣлъ въ себѣ добра хоть на волосокъ — Будды извлекутъ его изъ погребель». Предупреждаю, что во время обряда очищенія, должно носить чистую, мытую одежду; быть внимательнымъ къ подношенію благовоній и свѣчь, и просить, чтобы въ недѣлю, въ двѣ или болѣе Будда явился во всей своей красотѣ и важности. Если Будда явится къ сроку: то это будетъ знакомъ, что грѣхи и препятствія къ принятію обѣтовъ уничтожены. Но если во время очищенія или сердце будетъ занято не однимъ дѣломъ, или мысль не обуздана благоговѣніемъ, или не достанетъ вѣры въ неразрывную связь наказанія съ порокомъ, награды къ добродѣтели, или страха къ адскимъ мученіямъ: то хотя Будда ко всѣмъ равно сострадателенъ, но къ такому онъ не явится. Если луна не отражается въ смущенной водѣ: кто въ этомъ виноватъ? Такъ согласны ли вы принести очищеніе въ томъ духѣ, какъ я изложу? (общаемъ).

За тѣмъ Хэшанъ, обращаясь къ братству, говоритъ: Вы, высокодобродѣтельные! какъ полагаете: можно

ли допустить ихъ до обряда очищенія по уставу (братство отвѣчаетъ: можно)! если братство признаеть это возможнымъ: то, приставники! покажите этимъ людямъ спокойное мѣсто; пусть они совершаютъ обрядъ, и, когда кончатъ, донесите!»!

Хэшанъ удаляется, и собраніе расходится. Приставники отводятъ очищающихся въ отдѣльную залу и показываютъ кому изъ нихъ передъ какимъ истуваномъ Будды совершать покаяніе. Меньшій срокъ покаянію недѣля.

Самый обрядъ совершается слѣдующимъ образомъ: поднося благовопія или зажженные свѣчи, очищающійся говоритъ: «Всѣмъ сердцемъ обращаюсь къ Буддѣ, его ученію и братству! Я рѣшился, желаю не своего избавленія, не того, чтобы переродиться въ челоуѣка, блаженнаго духа, или достигнуть состоянія Архата; вѣтъ, хочу быть бодисадвой, достигнуть высшаго совершенства, спасти твари!»! Это ничто въ родѣ вступленія. Кончивши его, кающійся становится на колѣни и произноситъ по порядку имена Буддъ (поклоняюсь такому-то Буддѣ, поклоняюсь такому-то Буддѣ и пр. всего 3053 имени) и на каждое произнесенное имя дѣлаеть поклонъ. Кончивши имена Буддъ и поклоны имъ, очищающійся встаетъ, снова подноситъ благовопія и свѣчи, снова говоритъ вступленіе, снова становится на колѣни, и кланяется Буддамъ, произ-

носа ихъ имена. Такъ должна пройти неделя. Приставшимъ чередуются, наблюдаютъ за ходомъ очищения, и днемъ и ночью возбуждаютъ очищающихся.

По окончании срока Хэшинь снова вызываетъ братство, приказываетъ ввести въ собраніе очищавшихся и спрашиваетъ: явился ли имъ Будда? Есть такъ называемыя записки разныхъ явленій Будды; въ нихъ изображено: когда и какъ кому явился Будда? Съ этими явленіями соображаютъ показанія очищавшихся, если они объявятъ, что Будда явился. Если показанія будутъ согласны съ явленіями, прежде бывшими: то очищавшихся причисляютъ къ чистымъ. *Шаки*. Если же показаніе будетъ не совсѣмъ согласно, или кто прямо объявитъ, что ничего не видалъ: то Хэшианъ встаетъ съ своего кресла, обмываетъ руки предъ всемъ собраніемъ, беретъ три билета на каждого очищавшагося (на одномъ изъ билетовъ пишетъ: «допустить», на другомъ: «продолжить покаяніе», на третьемъ: «не допускать»), свертываетъ ихъ въ трубочки, и приглашаетъ собраніе въ храмъ; тамъ кладетъ билеты передъ истуканомъ Будды, беретъ зажженную свѣчу, подноситъ и про себя говоритъ молитву. Въ храмѣ тихо, никто не смѣетъ докнута: все внимаетъ безмолвной молитвѣ Хэшиана, только плачетъ и рыданіе очищавшихся по временамъ нарушаетъ общее безмолвіе. Хэшианъ молится:

«Къ вамъ — совершенно прозрѣтій^{*)} и всѣ Бодисадвы! прибѣгаемъ съ мольбою. Вотъ изъ такого-то округа, изъ «такого-то мѣста», жители по имени «такіе-то», изъявили желаніе принять обѣты и отъ меня Бикшу «такого-то» просятъ возложенія ихъ. Но такъ-какъ они въ настоящемъ перерожденіи учинили важныя преступленія (за тѣмъ исключеніе преступленій) то я, Бикшу «такой-то», не осмѣлился въ противность уставу допустить ихъ до обѣтовъ. Я опредѣлилъ имъ обрядъ почтенія и восхваленія вмекъ Буддъ, чтобы удостовѣриться явленія Будды; обрядъ совершенъ, но Будда не явился — можетъ быть потому, что грѣхи ихъ сильны, а вѣра слаба, а можетъ быть и потому, что своихъ чувствъ не могли обуздать благоговѣніемъ. Нынѣ вредъ всѣмъ Буддами и Бодисадвами вмѣсто нихъ повергаемъ съ мольбою; не оставьте, но милостиво примите ихъ. Уничтожьте ихъ грѣховныя нечистоты, сподобьте ихъ принятія обѣтовъ, и по принятіи точнаго выполненія ихъ по уставу. Просимъ униженно вашей милости, состраданія! Пусть сіи три рода билетовъ опредѣлятъ вашу волю!»

Кончивши молитву, Хэшанъ поклоняется трижды, а за нимъ и все собраніе. Послѣ всѣхъ — робко, съ страхомъ и надеждою подходятъ очищавшіеся, покло-

*) Титулъ Будды.

няются, становятся на колѣна, каждый беретъ по билету и передаетъ Хэшану. Хэшанъ разворачиваетъ и объявляетъ волю Будды. Того, кто возьметъ билетъ допускающій, тотчасъ причисляютъ къ чистымъ Шамн; того, - кто возьметъ билетъ продолжающій очищеніе, снова отводятъ въ отдѣльную комнату на извѣстный срокъ (на день, на два) и по истеченіи срока причисляютъ къ чистымъ Шамн; но того, кто возьметъ билетъ недопускающій, отводятъ на большій прежняго срокъ, и по истеченіи срока снова бываетъ собраніе, снова молитва къ Буддамъ, снова выборъ билета, и это до тѣхъ поръ, пока не возьметъ билета допускающаго. Еслибы случилось, что къ срочному дню возложенія обѣтовъ очищающійся не успѣетъ взять билета допускающаго: то остается безъ возложенія обѣтовъ до новаго открытія курса обѣтовъ въ той же или другой кумирнѣ.

Въ день возложенія обѣтовъ бываетъ торжественное собраніе въ залѣ дѣйствій. Тамъ, послѣ разныхъ обрядовъ и воззваній *), требуютъ отъ просителей клятвы и душой и тѣломъ принадлежать Буддѣ, его ученію и братству.

*) Что все изложится ниже въ обрядѣ — *Билету*.

«Клянусь — говорят просители — клянусь, что я, «такой-то», совершенно всѣмъ существомъ моимъ обратился къ Буддѣ, его ученію и братству; клянусь, что во истину пришедшій (Жу-лай), совершенно постигшій истину, совершенно прозрѣвшій, по милости его ко мнѣ, есть мой досточтимый (ши-цзунъ — надежда, опера дѣйствій). Клянусь, что при руководствѣ «такого-то» моего Хэшана я отрекся отъ міра изъ желанія послѣдовать Буддѣ!»

Послѣ клятвы Хэшанъ говоритъ :

«Благоразумные юноши! Ваше присоединеніе совершилось; вы усвоили существо обѣтовъ. Мнѣ остается теперь изложить сіи обѣты въ словахъ, дабы вы, зная не общій только смыслъ обѣтовъ, но и самыя слова, въ коихъ они выражаются, тѣмъ удобнѣе могли выполнять ихъ. Произнесите каждый свое имя.

Во первыхъ общайте во всю свою жизнь щадить жизнь всего живаго.

Во вторыхъ не красть.

Въ третьихъ хранить пѣломудріе.

Въ четвертыхъ не лгать.

Въ пятыхъ не пить крѣпкихъ напитковъ.

Въ шестыхъ не носить пахучихъ, изъ цвѣтовъ устроенныхъ вѣнковъ (шапокъ), не умащаться какими бы то ни было благовоніями.

Въ седьмыхъ не пѣть пѣсенъ — будетъ ли то просто,

однимъ голосомъ, или съ припляскою, или съ аккомпаниментомъ музыкальнаго инструмента; даже туда, гдѣ подобныя вещи совершаются, не ходить нарочно съ тѣмъ, чтобъ послушать или посмотреть.

Въ осьмыхъ не садиться на спокойномъ стулѣ (диванѣ).

Въ девятыхъ не ѣсть безвременно (т. е. послѣ полдня).

Въ десятыхъ не касаться ни золота, ни серебра — ни въ массѣ, ни въ дѣлѣ, и вообще всякой драгоценной вещи».

Проговоривши эти 10 пунктовъ трижды, Хэшанъ приказываетъ одѣваться. Всѣ *Шами* по одному выходятъ изъ ряда, съ извѣстными приѣмами и при чтеніи *итъ* надѣваютъ, съ начала пятилоскутовую, потомъ семилоскутовую одежду *), и когда одѣнутся Хэшанъ заключаетъ собраніе увѣщаніемъ къ *Шами* :

«*Шами!* Вы приняли обѣты; я даже изложилъ смыслъ ихъ. Да обрадуетъ это ваше благочестивое чувство, и послужитъ опорой для всѣхъ вашихъ дѣйствій, да возраститъ въ васъ мудрость, удесятеритъ ваши совершенства, чтобъ въ свое время и вы были въ состояніи просвѣщать всякую тварь и обращать къ ученію Будды. Припоминаю вамъ пять прекрасныхъ добро-

*) Значеніе и устройство одежды объясняется ниже. . .

дѣтелей : а) отказаться отъ міра для того, чтобы всѣмъ сердцемъ предаться ученію ; б) пренебречь всё видимое и прекрасное, чтобы самымъ дѣломъ выразить мысль носимой одежды, въ которую облекло васъ ученіе ; в) совершенно разорвать всѣ узы родства и привязанности, чтобъ не развлекаться вещами ничтожными ; г) не щадить здоровья, жизни для пользы ученія ; д) рѣшиться понять, усвоить себѣ высшее ученіе (да-ченъ), чтобъ быть въ состояніи наставлять и другихъ. Постарайтесь упражняться въ правилахъ, приучайтесь къ созерцанію, стремитесь къ высшей мудрости, изучайте всѣ книги Будды, ведите жизнь съ крайнею осторожностію, всемѣрно избѣгайте лѣности, не потворствуйте тѣлу, владѣйте своими помыслами. *(Ударъ)* объѣцатели вы мнѣ это? *(Объѣцаемъ)*! За тѣмъ Хэшанъ встаетъ и говоритъ : восхвалимъ Будду.

Приставникъ даетъ знакъ и всѣ поютъ :

«Желая, чтобъ всё страстное, погрязшее въ нечистотѣ, какъ можно скорѣе достигло безпредѣльной, свѣтозарной области Будды, возносимъ (или лучше приносимъ въ даръ, въ честь) прекраснѣйшій подвигъ принятія обѣтовъ, и безмѣрное, несравненное блаженство. Да будутъ благословенны всѣ Будды, Бодисадвы, Магасадвы, Магабоди, Парамита!»

Послѣ пѣнія все собраніе поклоняется Хэшану, провожаетъ его до комнатъ и потомъ расходится.

ОБЪТЫ БИКШУ.

Совершивши возложеніе обѣтовъ Шами, Хэшанъ на слѣдующій же день отдаетъ приказаніе готовить новыя Шами къ обѣтамъ Бикшу. Подготовленіе это главнымъ образомъ состоитъ въ повтореніи уроковъ — держать себя по буддійски *). Предъ возложеніемъ обѣтовъ Шами, просители уже занимались подобными уроками; теперь — по возложеніи обѣтовъ имъ предлагается та же наука, только въ большемъ развитіи, полномъ ея объемѣ. Теперь имъ объясняютъ уже не дѣло только, не то, какъ что сдѣлать, но и самыя цѣли, смыслъ всего этого. Притомъ теперь занимаютъ уже не отдѣльно каждаго, но по знаменамъ **); теперь каждому назначено свое мѣсто, своя очередь.

Чтобъ объявить волю Хэшана, собираютъ Шами въ залу дѣйствій; тамъ наставникъ всею силою своего краснорѣчія доказываетъ, что не только важно, но и необходимо изучить всѣ приемы 4-хъ главныхъ дѣйствій, что не было еще человѣка, который бы, не умѣя держать себя прилично, успѣлъ въ самоусовершеніи, что вообще всѣ подвижники Буддійскіе, отличавшіеся своимъ вліяніемъ на еретиковъ и содѣйствіемъ славі

*) То есть какъ прилично сажаться, ложиться, стоять, ходить (смыслъ, цзэнъ, цзо-во).

***) То есть по отрядамъ.

Буддизма, глубоко изучали приличіе и строго держались его; что самъ Будда — Шакьямуни — кто былъ выше его въ какомъ нибудь отношеніи? и онъ что ни дѣлалъ, всегда и точно наблюдалъ правила внѣшняго поведенія. «Поэтому-то, прибавляетъ Хэшанъ» «отечески заботясь объ вашемъ благѣ, я приказалъ научить васъ всему необходимому. Между тѣмъ, для избѣжанія замѣшательства прио брядѣ, надобно росписать васъ по знаменамъ и пригласить нѣсколькихъ особъ изъ братства, чтобъ они помогли при сознаніи грѣховъ и самомъ возложеніи обѣтовъ».

По окончаніи этой рѣчи, начинается церемонія приглашеній. Наставникъ, указывая на кого либо изъ братства, говоритъ, чтобъ его просили въ блюстители порядка, или въ надсмотрщики, или въ письмоводители; а просители по указанію ходятъ, просятъ и кланяются. Затѣмъ росписываютъ по знаменамъ. Берутъ нарѣзанныхъ лоскутовъ бумаги, на нихъ пишутъ имена просителей, прикрѣпляютъ къ знамени *) и вручаютъ это знамя одному изъ подъ-знаменныхъ: онъ считается ихъ вожатымъ.

Росписавши всѣхъ по знаменамъ и поручивши Шамы приставникамъ, для повторенія уроковъ внѣшняго

*) Знамя, небольшая, аршина въ 2 длиною, палочка. Въ верхнемъ концѣ этой палочки прикрѣпляется поперечная — въ поларшина палочка. На поперечную-то прикрѣпляютъ имена просителей, всего 9 именъ на каждое знамя — то есть по 3 пріема.

поведенія, наставникъ уходитъ, общаясь въ свое время самъ освѣдѣтельствовать ихъ успѣхи. Тѣмъ собраніе и оканчивается.

Судя по способностямъ Шама, повтореніе уроковъ виѣшняго поведенія не всегда бываетъ одинаково продолжительно; во всякомъ случаѣ никакъ не меньше трехъ дней. Какъ скоро изучать приемы: то просить доложить Хэшану объ ихъ успѣхахъ.

Для доклада приглашаютъ Хэшана въ залу дѣйствій. Кромѣ Хэшана, приставниковъ и Шама, въ этомъ собраніи никого не бываетъ. Лишь только Хэшанъ придетъ въ залу и займетъ свое кресло, — приставники выходятъ на средину залы, развертываютъ каждый свой молитвенный коврикъ *) , становятся на колѣни и одинъ изъ нихъ докладываетъ :

«Къ тебѣ, Хэшанъ! обращаю взоры и слова мои, выслушай меня благосклонно! Вотъ эти Шама немного уже привыкли къ приемамъ виѣшняго поведенія, съ твердою рѣшимостію желаютъ принять обѣты Бикшу, соприсчислится братству, проникнуть за священную ограду. Теперь припадаемъ къ твоему сѣдалищу; благоволи Хэшанъ! со свойственною тебѣ мудростію, опредѣлить достойны ли они этого; и

*) Коврикъ обыкновенно сложенъ въ четверо. Поклоны къ разному клдутся на коврики, развернутомъ въ половину; къ высшему (собственно Хэшану и Буддѣ) на развернутомъ совершенно.

если ты найдешь ихъ къ тому годными, предложи что выбудь въ наставленіе?»

Потомъ обращаясь къ Шами, говорятъ : просите !
Всѣ Шами становятся на колѣни, и первый изъ нихъ
(т. е. вожатый перваго знамени) говоритъ :

«Трудно переродиться въ человѣка, трудно. *) родиться въ Срединномъ государствѣ (т. е. въ Индіи или Китаѣ — вообще тамъ, гдѣ есть буддизмъ); трудно встрѣтиться съ человѣкомъ, который наставилъ бы въ ученіи Будды; но всего труднѣе улучшить возможность принять обѣты ! Счастливы мы «такіе-то», что поспѣли ко времени, въ которое ты, великій Хэшанъ ! опредѣлилъ возлагать обѣты на желающихъ и достойныхъ того. Доверши же наше счастье, радость—самымъ дѣломъ возложи на насъ обѣты, чтобъ мы, принявъ ихъ по точному смыслу устава, и сами могли проникнуть въ законъ и другимъ принести пользу. Обяжи насъ вѣчною тебѣ благодарностію!»

На эту просьбу Хэшанъ отвѣчаетъ : (*ударъ*).

«Чтобъ получить драгоцѣннѣйшую жемчужину, надобно погрузиться въ море, и, начавши розыски съ мелкаго мѣста, постепенно углубляться въ самую бездну. Чтобъ усвоить обѣты полноты совершенства **), надобно изучить ихъ, начавши съ самага маловаж-

*) Въ текстѣ трудность увеличивается.

**) Цзюй-цау, такъ чаще называются обѣты Биншу.

наго и окончить дѣлами первой важности. Въ этомъ случаѣ нельзя обойтись безъ строгой постепенности. Будда постановилъ возлагать обѣты только на подготовленныхъ къ тому, и не было еще примѣра, чтобъ неизучившіе обѣтовъ *Шами* вдругъ допускались къ обѣтамъ *Бикшу*. Теперь, когда вы хорошо познакомились съ порядкомъ и вообще со всѣмъ тѣмъ, что нужно для буддѣйскаго отшельника, и просите наставленія въ обѣтахъ Бикшу, то постепенность соблюдается самая точная. Положеніе ваше теперь таково, что и безъ вашей просьбы, по порядку дѣла, слѣдовало бы начать курсъ обѣтовъ Бикшу; не съ большою ли охотою мы исполнимъ свой долгъ, когда вы такъ искренно и усердно просите насъ объ этомъ?

Во первыхъ скажу вамъ, что обѣты полноты совершенства не маловажны и бремя ихъ нелегко; они суть прочное основаніе для того, чтобъ истинное ученіе *) долго существовало въ мірѣ; они въ обществѣ послѣдователей Будды тоже, что пульсъ въ организмѣ человѣческомъ. Пульсъ показываетъ состояніе здоровья, обѣты—состояніе ученія Будды. Безъ обѣтовъ полноты совершенства какъ продолжилось бы подвижничество; а безъ подвижничества какъ распространилось бы ученіе Будды? Вотъ почему въ ряду

*) Чжэнь-са.

существовъ, т. е. духовъ блаженныхъ, людей, духовъ злыхъ, духовъ высшихъ областей (фань), иновѣрцевъ, Брахмановъ — изъ послѣдователей Будды Бикшу стоять во главѣ! Да будетъ же вамъ извѣстно, что возложеніе обѣтовъ Бикшу должно совершиться на мѣстѣ, для того именно устроенномъ и опредѣленномъ. Кромѣ того при совершеніи возложенія обѣтовъ непременно должно быть полное число возлагающихъ, съ выборомъ приглашенныхъ, людей извѣстныхъ по своей строгости и опытности въ соблюденіи правилъ. Если при возложеніи обѣтовъ не будетъ полнаго числа возлагателей, и если оно состоится, то состоится неправильно. *) Сверхъ того надобно, чтобъ не было какихъ либо препятствій и со стороны просителей. На этотъ случай уставъ говоритъ: люди съ недостатками тѣлесными, находящіеся въ обстоятельствахъ не совмѣстимыхъ съ обѣтами (*чакс-нань*), нарушители правилъ цѣломудрія не могутъ принять обѣтовъ. Впрочемъ хотя бы сосудъ ученія былъ и совершененъ, годенъ; однако необходима слѣдующая осторожность. При чтеніи молитвы, воззванія къ 4 совершеннымъ, во время усвоенія существа обѣтовъ, непременно нужно читать молитву буквально точно, проговорить

*) Полное число 10 человекъ, т. е. Хешанъ, два его помощника и 7 почетныхъ свидѣтелей. Впрочемъ это самое полное и торжественное собраніе. При крайности могутъ быть и 4, но уже не меньше.

слово ни больше ни меньше, какъ значитъся въ обрядникѣ, равно какъ и всё на лицѣ состоящiе должны быть особенно благоговѣйны, въ точности сообразоваться уставу. Если сiя два важные пункта будутъ соблюдены какъ должно, то и всё прочее будетъ хорошо.

Увѣренъ, что вы меня поняли. Если же все это примете съ увѣренностью, и постараетесь выполнить, то уподобитесь совершеннымъ, будете истинные Бикшу и послѣдователи ученiя. Въ книгѣ *) ученiя сказано: кто столь глубокую, важную мысль съ благоговѣнiемъ будетъ выполнять каждую минуту, каждую секунду, тотъ сямъ способомъ будетъ благодарить Будду за благодѣянiя. *(ударъ)* Обѣщаете ли вы поступить по духу этого ученiя? *(обѣщаемъ)*! Если обѣщаете, то въ нынѣшнюю ночь надобно будетъ пригласить дѣлопроизводителя для совершенiя обряда сознанiя грѣховъ, нужно знать какъ вы исполнили возложенные на васъ 10 обѣтовъ Шами. Если окажется, что исполнили ихъ въ точности, то это будетъ звѣкомъ того, что вы подлинно чистые сосуды закона. Напротивъ малѣйшее отступленiе будетъ свидѣтельствовать о томъ, что вы запятнали, осквернили душу и тѣло. Въ этомъ случаѣ нужно будетъ прибѣгнуть къ

*) Лонг-анг-чангъ.

наложено строгое наказаніа, и по уставу очистить грѣхъ. Теперь я поручаю приставамъ проводить васъ до комнатъ обоихъ помощниковъ и извѣстить ихъ о томъ, что вы просили возложенія обѣтовъ, и что по просьбѣ вашей уже сдѣлано предварительное наставленіе. Если по сознаніи вашему не окажется за вами никакихъ важныхъ грѣховъ, то общаю вамъ сборъ братства и возложеніе обѣтовъ. Приставники! вступите какъ я сказалъ!»

Проводивши Хэшана въ его покои, приставаики въ сопровожденіи нѣсколькихъ Шами идутъ къ помощникамъ — сначала къ дѣлопроизводителю, потомъ къ наставнику, объявляютъ имъ волю Хэшана и просятъ одного на выслушаніе сознанія, а другаго на экзамень того, сколько они успѣли въ изученіи приемовъ вышняго поведенія. Почти въ слѣдъ за приглашеніемъ наставникъ отправляется въ залу дѣйствій и находитъ тамъ всѣхъ Шами, готовыхъ въ отчету и выслушанію замѣчаній. Въ рукахъ у нихъ одежда и чашаа; они принесли съ собою даже и молитвенный коврикъ. Между тѣмъ наставникъ и не думаетъ экзаменовать ихъ; онъ увѣренъ, что Шами, находясь подъ руководствомъ такихъ опытныхъ людей, каковы приставаики, изучили правила вышняго поведенія въ совершенствѣ. Поэтому онъ занимаетъ свое кресло и начинаетъ толковать покррой, названіе и значеніе

одеждъ, форму, вѣстимость и устройство чашки, начало и правильное этихъ вещей употребленіе. Послушаемъ его рѣчей :

«Покрой трехъ одеждъ установилъ самъ Будда. Чашка, вами держимая, есть необходимый сосудъ, изъ котораго питаются послѣдователи Будды. Темноватый цвѣтъ одежды таковъ, что для міра совершенно не годится; а мѣра чашки необыкновенна. Одежда эта устроена такъ, что можетъ возвращать въ васъ добродѣтель терпѣнія; а чашка довести до полноты совершенства. Цѣна всѣхъ самыхъ драгоценныхъ вещей, въ сложности взятыхъ, ничтожна противъ цѣны одежды и чашки; самая величайшая польза отъ другихъ вещей не можетъ сравниться съ пользою отъ одежды и чашки. Милліоны людей и блаженныхъ духовъ поклоняются имъ; 96 еретическихъ школъ не умѣли и назвать ихъ по имени; только Будда открылъ намъ это неслышанное сокровище — такое сокровище, которое смотрящимъ на него, даже только слушающимъ рѣчь о немъ, доставляетъ безпредѣльную пользу, а употребляющіе его очищаютъ и душу и тѣло. Такъ какъ понять одежду и чашку безъ наставленія не возможно, то теперь, когда вы готовитесь приступить къ обѣтамъ Бикшу, сочтено нужнымъ объяснить вамъ все это. И такъ знайте (*ударъ*) въ узлѣ у каждаго изъ васъ есть пятилоскутовая одежда. Она по-Санскритски называется

Ань-то-хой (т. е. Antaravāsaka *) и означает рабочую одежду, нижнее платье, или точнѣе одежду, сдѣланную изъ доскутовъ. Употребляйте эту одежду всегда, когда занимаетесь какими нибудь дѣлами въ кумирнѣ, ими состоите на послушаніи и на посылкахъ. Каждый изъ васъ одѣтъ теперь въ семилоскутовую одежду. Она по-Санскритски называется: Юй-до-ло-сенъ (т. е. Outtarasanghāti) и означаетъ одежду, употребляемую въ обществѣ, или верхнюю. Надѣвайте ее всегда, когда нужно совершать поклоненіе Буддѣ, обрядъ покаянія, читать книги ученія, созерцать, принимать пищу, слушать толкованіе — вообще всегда, когда исправляете какія либо дѣла въ кругу братства. Въ узлѣ у каждаго изъ васъ есть еще большая одежда. Она по-Санскритски называется: сэнъ-цзя-ли (т. е. Sanghati), и означатъ одежду изъ весьма многихъ кусковъ. Надѣвайте **) эту одежду когда идете во дворецъ Государя; всходите на кафедру для толкованія книгъ ученія, идете за сборомъ милостыни, въ половинѣ луны во время обряда *Бу-са*, и во время пренія

*) См. Relation des royaumes bouddhiques. 1836 édit. C. Landveffe. pag. 93.

**) Надобно замѣтить, что по возложеніи обѣтовъ, ни одна изъ упоминаемыхъ здѣсь одеждъ не употребляется, кромѣ послѣдней — сангати: эти еще иногда при молитвахъ въ храмѣ набрасываются на плеча. Покрой одежды чрезвычайно простъ. Холсты рѣжутъ на куски, въ мѣру вышины чело-вѣка; потомъ эти куски спиваютъ; изъ этого выходитъ одежда — нѣчто въ родѣ паруса. Короткіе куски доходятъ до колѣна.

съ еретиками. Впрочемъ эта большая одежда имѣетъ много различныхъ видовъ; она бываетъ трехъ степеней, и въ каждой степени различаются три класса.

У каждаго изъ васъ есть чашка. По-санскритски она называется *бо-до-ло* (*Pātra*), что значитъ сосудъ опредѣленной формы; потому что все — и материалъ, изъ котораго должна быть сдѣлана чашка, и краска, какою окрашивается, и мѣра ея вмѣстимости — точно опредѣлено уставомъ. Именно: она должна быть только или глиняная, или желѣзная. Приготовленіе краски и самое крашеніе должно быть произведено слѣдующимъ образомъ. Взять сѣмянъ клещевичныхъ (дамапзы) и персиковыхъ ядеръ, истолочь это вмѣстѣ, и тѣстомъ изъ того происшедшимъ вымазать чашку извнѣ и внутри. Потомъ взять бамбуковой лучины, зажечь и надъ этимъ огнемъ просушить и прокоптить чашку. Отъ этого она получаетъ гладкость и цвѣтъ вороненаго металла; при томъ лѣтомъ влагаемые въ такую чашку съѣстные припасы не портятся, да и сама она не удерживаетъ на себѣ пыли. Поэтому-то непременно нужно прокапчивать чашку сказаннымъ образомъ. Въ разсужденіи мѣры вмѣстимости чашка бываетъ большая, средняя и малая. Большая вмѣщаетъ въ себѣ ровно одно *доу*, средняя $7\frac{1}{2}$ *шенъ*, малая 5 *шенъ**)).

*) Одинъ *шенъ* крупы вѣситъ около 4-хъ фунтовъ. 10 *шенъ* составляютъ одно *доу*.

Одежда и чашка, нами выше изъясненныя, суть самыя необходимыя вещи при возложеніи обѣтовъ, и послѣ для приличнаго держанія себя. Надобно, чтобъ каждый, просящій обѣтовъ самъ пригото- вылъ ихъ. Кто безъ одежды и чашки вздумаетъ принять обѣты, или употребить заемныя: тотъ^{*)} поступи- ть незаконно; по точному смыслу устава такой не можетъ усвоить обѣтовъ. Даже при понятіи ученія жизни такого человѣка пройдетъ совершенно безъ пользы; а по смерти этого тѣла, онъ пойдетъ одною изъ трехъ дорогъ^{*)}, и не избавится отъ перерожденій въ теченіе долгаго времени.

Надѣвая одежду вы должны взять ее обѣими руками, и, тихо прочитавши гату, развернуть и надѣвать. Во время принятія пищи надобно сидѣть въ прямомъ положеніи, ноги поджать подъ себя (по-турецки), отстегнуть футляръ, вынуть изъ него чашку и, про себя читая гату, воставить ее на столъ. Когда пища положится въ чашку, то взять чашку въ лѣвую руку, потомъ выпрямившись тѣломъ и, собравшись съ мыслями, вознести хвалу тремъ драгоценностямъ и тогда уже принимать пищу не торопясь^{**)}.

*) То есть переродится или а) въ аду; или б) въ голодныхъ духовъ; или в) въ безсловесныхъ.

**) Будущее прежде нежели начнетъ ѣсть, долженъ задать себѣ вопросъ: что такое у него въ чашкѣ? и строгимъ анализомъ добравшись до отвѣта.

Сверхъ того предвѣрю, что съ сихъ поръ всякой, кто изъ васъ захочетъ устроить новую одежду или чашку, долженъ совѣтоваться съ человѣкомъ, знающимъ дѣло, и когда будетъ готово, показать тому, съ кѣмъ совѣтовались, и потомъ уже употреблять какъ слѣдуетъ.

Вотъ каковъ долженъ быть настоящій Бикшу! общаете ли вы поступать такимъ образомъ? (*общаемъ*).

Проводивши наставника въ его покой, всѣ расходятся по кельямъ въ ожиданіи заката солнечнаго. Едва стемнѣетъ, бываетъ сборъ къ обряду сознанія грѣховъ. Онъ происходитъ въ извѣстной намъ залѣ; зала также убрана, освѣщена, накурена, какъ это видѣли мы при обѣдахъ *Шами*; тотъ же дѣлопроизводитель производитъ обрядъ; тотъ же письмоводитель записываетъ открываемые грѣхи; тѣ же лица являются на сознаніе, что и прежде, только въ порядкѣ, ходъ дѣла произошла маленькая перемѣна. Шами теперь всѣ подъ знаменами, при каждомъ знамени, кромѣ прежняго приставника, есть приставники-наблюдатели порядка съ *вразумляющими жезлами*; это для того,

что это каша, долженъ еще спросить себя: для чего эта каша? *ома*. для питанія тѣла! а это для чего? *ома*. для прославленія (здесь беретъ ложку и зачеркнувъ кашу договариваетъ) Будды (еще ложку) ученія (еще ложку) братства. Прожевавши эти три ложки, онъ снова начинаетъ задавать себѣ вопросы и отвѣчать пока не кончитъ всей каши. Это называется размышленіемъ о пищѣ.

чтобъ сознающіеся, соскучась, не заснулъ или не занялись празднословіемъ, и вообще чтобъ соблюдали приличное обстоятельству положеніе. Кромѣ того, у дверей, коими входятъ въ залу, расположенъ приставникъ-досмотрщикъ: это для того, чтобъ впускать въ залу для совершенія обряда не иначе, какъ строго удостовѣрившись, что лица, входящія въ залу, суть именно тѣ, коимъ слѣдуетъ входить (т. е. а) именно просящіе обътовъ, а не изъ любопытства пришедшіе посмотреть на обрядъ, и б) именно тѣ, коимъ слѣдуетъ идти по очереди). Равно какъ и у дверей, коими определено выходить изъ залы, находится точно такой же досмотрщикъ для наблюденія за тѣмъ, что выходятъ тѣ ли именно лица, коимъ слѣдуетъ по очереди, и именно столько ли, сколько слѣдуетъ, т. е. ни больше и ни меньше 9 человекъ (по одному знамени).

Совершеніе обряда открывається слѣдующею рѣчью:

«Точное выполненіе обътовъ возводитъ къ высшему совершенству; этимъ путемъ всѣ наши предки достигли мудрости (бо-ди). Напротивъ, нарушеніе обътовъ пробуждаетъ привязанность къ міру, и есть главная причина того зла, что всѣ твари не избавляются отъ перерожденій. Тотъ, кто пойметъ это, болѣе и болѣе просвѣщается, а непонимающій никогда не придетъ въ чувство. Беру во вниманіе то, что вы отказались отъ міра, приняли объты *Шами* и теперь желаете

те еще большихъ подвиговъ — хотите принять обѣты *Бикшу*; но если вы нарушили какое либо важное правило устава, не довольно сильно отвращались отъ дурнаго, слабо стремились къ хорошему, то въ такомъ случаѣ, хотя вы теперь и просите возложеніи обѣтовъ *полноты совершенства*, но не исполнили обѣта *Шами*, — нѣтъ надежды, чтобъ вы, и принявши обѣты *Бикшу*, воспользовались выгодами ихъ. Въ книгѣ *Са-по-до-лунь* сказано, что «если *Шами* не соблюдеть котораго либо изъ возложенныхъ на него правилъ устава: то еслибъ и принялъ обѣты *Бикшу* — обѣты, ведущіе за черту перерожденій, — и прилагалъ бы особенное стараніе къ усовершенствованію себя по нимъ, ничего не успѣеть; потому что обѣты *Шами* для обѣтовъ *Бикшу* суть корень, фундаментъ.» И подлинно, если корень дерева здоровъ, достаточно орошенъ, то дерево и цвѣтетъ и приноситъ плоды; или, если земля достаточно сбита, то можетъ сдерживать громадныя зданія. Но не было еще примѣра, чтобъ дерево съ засохшимъ корнемъ приносило плоды, или, чтобъ не приготовивши достаточно прочнаго фундамента, строили большія зданія. Вотъ почему, съ благоговѣніемъ чтя уставы, я пришелъ распросить васъ (о томъ, какъ исполнены обѣты *Шами*), и вы по той же самой причинѣ должны отвѣчать по сущей

справедливости; не заператься въ томъ, что за собою знаете, и не извинять того, что подлинно не извинительно».

За тѣмъ выводятъ *Шахи* вонъ и впускаютъ въ залу по досмотру, какъ это выше было замѣчено, и притомъ только по одному знамени. Дѣлопроизводитель предлагаетъ вопросы только о правилахъ устава *Шахи*, взвѣшиваетъ нарушеніе ихъ и опредѣляетъ родъ наказанія по обряду, какъ средство очищающее. Если объявятся грѣхи важные: то докладываютъ Хэшану, и поступаютъ совершенно такъ, какъ въ подобномъ случаѣ объяснено при обѣтахъ *Шахи*.

Хэшанъ въ своемъ предварительномъ наставленіи къ *Шахи* говорилъ, что возложеніе обѣтовъ *Бикшу* должно совершиться на мѣстѣ, для того именно устроенномъ и опредѣленномъ. Это мѣсто есть возвышеніе, или эстрада (тань), каменное или деревянное. Въ уставѣ Будды для сего возвышенія назначаются особенное, обширное зданіе, на юго-западъ кумирни. Въ этомъ зданіи одна только зала, и въ залѣ кромѣ эстрады (тань) не должно быть ничего. Эта зала должна быть

постоянно заперта и открываема только ко времени возложенія обѣтовъ *).

Самое возвышеніе бываетъ или круглое или четырехугольное. Оно о трехъ довольно широкихъ уступахъ съ перилами. На первый уступъ всходъ съ восточной стороны, на второй съ западной, на третій (верхній) съ южной. Площадь верхняго уступа должна быть помѣстительна; на ней располагаются по восточной и западной сторонамъ, возлѣ самыхъ перилъ, два ряда креселъ (для двухъ помощниковъ Хэшана и 7 почетныхъ свидѣтелей) и одно кресло въ срединѣ, къ северной сторонѣ (для Хэшана). Въ срединѣ этой площади ставится столъ, на столъ разставляются небольшія статуи Будды и Водисадвы. Надъ всей этой площадью возвышается балдахинъ съ великолѣпными занавѣсками **).

Въ день, назначенный для возложенія обѣтовъ, бываетъ сборъ братства въ залъ дѣйствій. Тамъ *Шами*, по руководству приставниковъ, просятъ Хэшана, его помощниковъ и прочихъ 7 особъ, взойти на эстраду и возложить на нихъ обѣты *Биху*. Къ на-

*) Впрочемъ любопытствующихъ посматрѣть, особенно людей желующихъ уваженія, пускаютъ и въ залъ, гдѣ находится эстрада, хотя и въ время возложенія обѣтовъ.

** Тамъ (эстрада) устраивается только при общежительныхъ убѣиангъ (чанъ-чу), и могутъ возлагать обѣты только тѣ общежительныя убѣиангъ, при коихъ устроены тань.

дому лицу просьба предлагается по три раза и сопровождается поклонами, даже слезами. По окончании этой трогательной церемонии Хэшанъ, а за нимъ и всё собраніе, встаетъ и запѣваетъ :

«Поклоняюсь Шакьямуни-Буддѣ!»

Съ словомъ : Буддѣ, въ храмѣ начинаютъ бить въ буддійскій барабанъ, звонить въ колокола и все собраніе — съ пѣніемъ : «поклоняюсь Шакьямуни-Буддѣ» — отправляется торжественнымъ ходомъ къ эстрадѣ. Какъ скоро придутъ въ залу, то звонъ и общее пѣніе умолкаютъ, нѣсколько приставниковъ поютъ хвалебную пѣснь въ честь Богдохана, покровителя Буддизма :

«Треножникъ сжигаетъ лучшія благовопія и наполняетъ благоуханіемъ всю вселенную. Тебѣ, владыка ученія! благоговѣнно приносимъ это и молимъ о исполненіи Государю — долгоденствія, землѣ и небу продолжительнаго существованія! И молимъ о исполненіи Государю — долгоденствія, землѣ и небу продолжительнаго существованія!»

По окончаніи этой пѣсни, Хэшанъ, двое его помощниковъ, 7 почетныхъ свидѣтелей и приставникъ (*Вэй-мо*) всходятъ на первый уступъ, и начинаютъ обходить эстраду по теченію солнца (съ востока на западъ), при громкомъ чтеніи заклинанія Хоншимъ-Бодисавы *); обошедши трижды, они складываютъ свои баш-

*) Это заклинаніе употребляется весьма часто; но здѣсь мною выгдѣ не

манн, оставляютъ ихъ на первомъ уступѣ и всходятъ на второй; его обходятъ также трижды, наконецъ поднимаются на третій уступъ и занимаютъ свои мѣста.

Теперь начинается самая любопытная часть обряда. Какъ скоро мѣста займутся, Хэшанъ обращается къ своимъ помощникамъ съ рѣчью, впрочемъ такъ, что ее слышатъ всѣ находящіеся въ залѣ. Онъ говоритъ: «Рѣдко удастся слышать проповѣдь истиннаго ученія; трудно и представить себѣ силу обѣтовъ; посредствомъ ихъ изъ самаго грубаго, изъ самаго негоднаго состоянія можно возвыситься до мудрости, т. е. до состоянія Будды. Для насъ, какъ для мастеровъ на плавленномъ заводѣ, это дѣло и трудное и легкое. Вы знаете, что непремѣнно нужно переплавить чувства человѣческія; чтобъ одежда и чашка были на лицѣ и притомъ свои, не занятыя; чтобъ вопросы о 15 пунктахъ и 16 препятствіяхъ были предложены ясно и понятно; наконецъ, чтобъ прослѣшіе обѣтовъ искренно вѣрили этому неложному слову — говорили и дѣйствовали бы по сущей справедливости. При точномъ наблюденіи сказанныхъ условій, направленіе человѣка къ высшему совершенству есть дѣло весьма легкое. Иначе

приложено къ переводу, потому что есть не больше, какъ наборъ Санскритскихъ именъ, переданныхъ Китайскими звуками: поклоняюсь такому-то, поклоняюсь такому-то, — и все состоитъ изъ поклоненій.

все напрасно. Между тѣмъ для большаго успѣха въ дѣлѣ, при усердіи и искренности просителей, съ нашей стороны необходимы единомысліе, согласіе и дружное дѣйствіе всѣхъ побочныхъ обстоятельствъ. Вотъ я «такой-то» почтительно кончилъ!»

Потомъ, обращаясь къ *Шами*, говорить: *Шами!* всѣ мы (разумѣя себя и своихъ помощниковъ) взошли на возвышеніе (танъ), чтобъ возложить на васъ обѣты *Бикшу*. По порядку дѣла, прежде всего слѣдуетъ обратиться съ мольбою къ тремъ драгоценностямъ, и безчисленному сонму духовъ. Произнесите каждый свое имя. Пойте за мною!»

Между тѣмъ, какъ произносятся имена, Хэшанъ встаетъ съ кресла, беретъ искусственные цвѣты и, по знаку приставника, поетъ 4 стиха *).

Каждый изъ этихъ стиховъ поютъ по три раза и за каждымъ разомъ поклоняются. Вообразите себѣ полусвѣтъ огромной залы, умиленіе окружающихъ эстраду, тихое и плавное пѣніе сотни голосовъ, сопровождаемое знаменательными жестами Хэшана, и вы легко поймете, какъ должна быть поразительна для принимаемыхъ въ *Бикшу* и вообще для присутствующихъ эта торжественная церемонія!

*) Эти 4 стиха суть то воззваніе къ 4 совершеннымъ, которое надобно проговорить буквально, точно. Оно же поется и предъ возложеніемъ обѣтовъ *Шами*.

Послѣ воззванія къ совершеннымъ и поклонениимъ, Хэшанъ приказываетъ выйти вонъ всѣмъ, кто не на возвышеніи — и братству, и приставникамъ, и Шами; въ залѣ, на эстрадѣ, начинается совѣщаніе. Хэшанъ спрашиваетъ, а приставникъ отвѣчаетъ. Х. Всѣ ли мы здѣсь?—П. Всѣ!—Х. Согласны ли мы?—П. Согласны! Х. А готовящіеся къ возложенію обѣтовъ Бикшу всѣ вышли?—П. Всѣ вышли!—Х. Чтоже намъ теперь слѣдуетъ дѣлать?—П. Совершить усвоеніе обѣтовъ Бикшу!—Х. Совершить усвоеніе обѣтовъ Бикшу... Такъ кто же изъ насъ будетъ наставникомъ, сойдетъ со ступеней и предложить необходимые вопросы?

На это отвѣчаетъ сидящій на третьемъ мѣстѣ.—Если позволять, я согласенъ принять на себя это порученіе.—Х. Если ты согласенъ, то дѣлопроизводитель! дѣлай свое дѣло.

Дѣлопроизводитель говорить: высокое братство! послушайте. Вотъ «такіе-то» Шами, отъ Хэшана «такого-то» просятъ возложенія обѣтовъ Бикшу. Если время позволяетъ: то выслушайте терпѣливо, — «такой-то» вызывается быть наставникомъ. Согласны ли вы на это?

Немного подумавши, братство т. е. 7 почетныхъ свидѣтелей — представители братства — отвѣчаютъ: согласны!

Получивъ согласіе братства, наставникъ встаетъ съ

своего мѣста, раскланивается и опять, по теченію солнца, спускается съ эстрады, идетъ въ близъ находящуюся залу (гдѣ всѣ Шами ожидали его прихода) и входитъ въ боковую — секретную комнату залы. Сюда приставники вводятъ по три человѣка Шами и сами удаляются.

Наставникъ начинаетъ дѣло испытаніемъ *Шами*. Прежде всего онъ объясняетъ важность одежды и чашки, прилагаетъ краткія изъясненія, какъ это мы однажды уже слышали отъ него, и потомъ заставляетъ надѣвать одежду. Каждый Шами поочередно вынимаетъ изъ принесеннаго съ собою узла одежду, поднимаетъ ее и, показывая наставнику, говоритъ, что это такая-то одежда, такъ-то называется по Санскритски, состоитъ изъ столькихъ-то кусковъ и пр., и пр., потомъ развертываетъ, читаетъ гату и надѣваетъ. Это повторяется до 3-хъ разъ. Одѣвшись, Шами становятся на колѣни, а наставникъ говоритъ имъ :

«Шами, послушайте! Было время, когда вы не различали между правдою и неправдою; лгали предъ мудрыми мужами и потому глубоко, на безконечные сроки погрязли было въ перерожденія. Теперь, отказавшись отъ міра для ученія Будды и сдѣлавшись его послѣдователями, чтобъ выйти за черту перерожденій, прежде всего нужно истребить, уничтожить въ себѣ корень лжи и неправды; теперь именно то время,

когда вамъ нужно показать правоту сердца и правдивость своихъ словъ. Приведите себѣ на память всё, что вы сдѣлали въ этомъ тѣлѣ, и отвѣчайте мнѣ по правдѣ.

Не согрѣшили ли вы чужимъ грѣхомъ, то есть не убили ли кого, не нарушили ли цѣломудрія, не украли ли чего, не лгали ли? Это суть чужіе грѣхи, такіе, кои не терпятъ наше братство, не очищаетъ ученіе Будды, и потому если вы согрѣшили хоть однимъ изъ сказанныхъ грѣховъ: то этотъ грѣхъ увлекаетъ васъ за предѣлы нашего братства и ученія: вы становитесь не наши — чужіе!

Прежде когда нибудь украдкою не слушали ли вы обряда возложенія обѣтовъ *Бикшу*? или, предъ незнающими васъ, не выдавали ли себя за *Бикшу* съ тѣмъ, чтобъ похвастаться? Это называется: поступить разбойнически; Будда запретилъ принимать таковыхъ. Не виноваты ли вы въ этомъ?

Не изъ еретиковъ ли вы, не принимали ли вы уже обѣтовъ и не обращались ли опять къ прежней ереси, а теперь снова пришли и просите обѣтовъ? Такіе люди не годятся для ученія Будды.

Нѣтъ ли у васъ уродства?

Не убили ли вы отца?

Не убили ли матери?

Не убили ли Архата?

Не разстроили ли братства, не помѣшали ли его дѣйствіямъ?

Не оскорбили ли Будды?

Не изъ духовъ ли вы небо-жителей (тянь), покровителей (шень), адскихъ (гуй) и теперь, переиѣня видъ, не просите ли возложенія обѣтовъ?

Не изъ тѣхъ ли вы драконовъ, или животныхъ, кои могутъ иѣнять видъ? *)

Шамп! если вы не сознаете за собою 13 пунктовъ: то я поговорю съ вами еще о 16 препятствіяхъ. Отвѣчайте мнѣ по сущей справедливости.

Какъ называетесь вы съ тѣхъ поръ, какъ отрѣклись отъ міра и послѣдовали ученію? (такъ-то)! Это ваше имя *сѣ учени* (фа-минъ), имя на цѣлую жизнь. Съ сихъ поръ и *Хэшанъ*, и *Ачари* (помощники Хэшана), и почетные свидѣтели, и высшіе и низшіе чиновники, старшіе, друзья, знакомые, отецъ, мать, учителя — всѣ должны будутъ звать васъ этимъ именемъ.

Кто у васъ Хэшаномъ при возложеніи обѣтовъ Бхкшу? (такой-то, великій Хэшанъ)! Да, это «такой-то» кумирни, «такой-то» великій учитель! Онъ есть Хэшанъ для усвоенія обѣтовъ. Хэшанъ слово Санскритское; ему даютъ два значенія: а) *сила рождающая*, то есть всѣ степени совершенства рождаются въ насъ влдіаніемъ этого лица; или б) *опора учени*, т. е. слѣдуя

*) Нѣкоторые вопросы здѣсь не помѣщены.

наставленіямъ его, можно практически изучить средства, ведущія за черту перерожденій. Слѣдовательно, безъ этого важнаго лица не лзя усвоить обѣтовъ. Замѣтите же хорошенько его достопочтенное имя и милостивый обликъ: безъ этого вы не усвоите обѣтовъ. Между тѣмъ отнынѣ каждые *цзъ-ци* *), въ 12 луну и въ первый и послѣдній день какого нибудь продолжительнаго служенія, вы должны зажигать благовонную свѣчу и лично поднести ее въ честь своему Хэшану. Еслиже васъ будетъ раздѣлять большое разстояніе, такъ что ни какъ нельзя лично поднести свѣчи: то обязываетесь, зажегши свѣчу и пронесши имя своего Хэшана, съ благоговѣніемъ, изъ дали поднести оную ему, какъ бы лично.

Исполнилось ли вамъ 20 лѣтъ?

Есть ли у васъ одежда и чашка?

Съ согласія ли родителей вы отказались отъ міра?

Не отъ долговъ ли вы бѣжали?

Не изъ слугъ ли вы чьихъ?

Не изъ знатныхъ ли и важныхъ вы людей?

Совершеннолѣтніе **) ли вы?

Не больны ли вы?

*) Китайскій-астрономическій срокъ. Въ году ихъ 24; въ каждомъ мѣсяцѣ по два.

**) Совершеннолѣтній тотъ, кто—будучи за 20 лѣтъ — можетъ терпѣть голодъ, холодъ, жаръ, жажду, ѣсть однажды въ день, можетъ сносить ругательства и не боится змѣй.

Шами! какъ я спрашивалъ васъ здѣсь, такъ спросать и собравшіеся учителя. Будьте и съ ними откровенны, какъ со мною. Пойдемте; если они согласятся допустить васъ, я поманю васъ рукою».

Идутъ. Наставникъ впередъ, Шами за нимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Наставникъ входитъ въ залу, Шами остаются внѣ. Дошедши до эстрады, наставникъ говоритъ:

«Высокое братство! Послушайте. Вотъ «такіе-то» Шами просятъ обътовъ *Бикшу* отъ «такого-то» Хэшана. Если время позволяетъ, выслушайте меня терпѣливо. Я «такой-то» кончилъ распросы. Позвольте имъ (т. е. Шами) предстать предъ васъ».

И не дожидаясь отвѣта, подаетъ условный знакъ. Шами входятъ въ залу; наставникъ ведетъ ихъ на верхъ эстрады. Тамъ они становятся на колѣна и униженнѣйше просятъ изъ милости, состраданія возложить на нихъ объты *Бикшу*.

Выслушавши ихъ троекратную просьбу, дѣлопроизводитель докладываетъ:

«Высокое братство, послушайте! Вотъ эти люди «такіе-то» желаютъ усвоить объты Бикшу отъ «такого-то» Хэшана, и просятъ отъ всего братства на то согласія. Если время позволяетъ: то выслушайте меня терпѣливо; я предложу имъ вопросы касательно 13 пунктовъ и 16 препятствій. Позволите ли вы это?»

Братство, повременнѣ нѣсколько отвѣтомъ, наконецъ позволяетъ, а дѣлопроизводитель спрашиваетъ ихъ о томъ же и также, какъ и наставникъ въ секретной комнатѣ.

По окончаніи распросовъ, Хэшанъ обращается съ своимъ словомъ къ *Шами*, желая приготовить ихъ къ «*привиски обътовъ*».

«Шами! говоритъ онъ, теперь для васъ настали важныя минуты; приготовьтесь. Обтеките мыслию всё сущее; приникните къ скорби, злу, надъ міромъ тяготящему; троньтесь его бѣдственнымъ состояніемъ; и пусть эта сострадающая, животворная мысль воспамянить въ васъ неутолимую жажду добра. Поклянитесь истребить въ себѣ всякое зло, возрастить всякое добро, чтобъ съ очищеною, свѣтлою мыслию, старая желаніемъ добра, свободнѣе и вліятельнѣе дѣйствовать для избавленія отъ перерожденій и вразумленія къ тому тварей! Готовясь усвоить объты, рассчитывайте не на то, чтобъ достигнуть *Шравака*, чтобъ только самому выбиться за черту перерожденій. Нѣтъ; рѣшитесь во чтобы-то ни стало, рано или поздно, непрямо сдѣлаться Буддою, — не только самому дойти, но съ собою и всё сущее довести до *Нирваны* — нашей общей родины. При такомъ только настроеніи мыслей, направленіи и напряженіи чувствъ, я объщаю вамъ

усвоеніе обѣтовъ въ возможно большей мѣрѣ. Слушайте и будьте готовы».

Въ слѣдъ за этою рѣчью дѣлопроизводитель начинаетъ:

«Хэшанъ, и ты великое собраніе! Не поскупитесь, не затаивайте въ себѣ вашего состраданія; вооружитесь единомысліемъ; благоволите помочь этимъ тремъ чловекамъ совершить усвоеніе обѣтовъ. Позвольте начать *дѣлопроизводство* :

«Великое братство! Послушайте! Вотъ эти люди отъ «такого-то» Хэшана желаютъ усвоить обѣты Бикшу. Они показали, что ни *пунктовъ*, ни *препятствій* за собою не знаютъ, что имъ уже за 20 лѣтъ, что одежда и чашка у нихъ есть. И такъ, если время позволяетъ : то выслушайте меня терпѣливо; согласны ли вы на то, чтобъ они «такіе-то» усвоили обѣты отъ «такого-то» Хэшана?

Присутствующіе, незадумываясь, отвѣчаютъ : согласны!

«Высокое братство! послушайте! Вотъ эти люди отъ Хэшана «такого-то» желаютъ усвоить обѣты полноты совершенства; теперь они просятъ вашего на то согласія. Изъ ихъ показаній видно, что за ними ни *пунктовъ* ни *препятствій* нѣтъ, что имъ уже за 20 лѣтъ, что одежда и чашка у нихъ есть. Теперь братству слѣдуетъ возложить на нихъ обѣты черезъ «такого-то» Хэшана. Кто изъ васъ, старцы, не согласенъ,

пусть говорить. (Потомъ, помолчавъ не много, спрашиваетъ) такъ состоялось ли мое *первое* дѣлопроизводство? (*состоялось*).

Этотъ стихъ повторяетъ еще дважды, съ переменною счетнаго числа дѣлопроизводствъ, т. е. во второй разъ говорить: состоялось ли второе, въ третій — третье мое дѣлопроизводство? И послѣ третьяго раза, когда братство отвѣтитъ: состоялось! дѣлопроизводитель прибавляетъ: и такъ, братство согласно! Возложеніе обѣтовъ совершилось! «такой-то» Хэшаномъ!

Во время этихъ словъ приставникъ устремляетъ всё свое вниманіе на часы и замѣчаетъ, въ какую именно минуту, даже секунду замреть звукъ послѣдняго слова дѣлопроизводителя. Пренебречь этимъ важнымъ обстоятельствомъ—значить согрѣшить и согрѣшить такъ; между тѣмъ рѣшительно неизвѣстно, что за причина такой точности. Въ эту-то важную минуту Буддисты обязаны ежегодно подносить свѣчу своему Хэшану и кланяться его помощникамъ; съ этой точки времени они считаютъ годы своей жизни или лучше отшельничества.

По окончаніи дѣлопроизводствъ, наставникъ встаетъ съ своего кресла, раскланивается и идетъ въ знакомую намъ секретную комнату. Тамъ онъ спрашиваетъ слѣдующій приемъ *Шами* касательно пунктовъ и пре-

пятствій, а здѣсь Хэшанъ обращается къ своимъ ново-произведеннымъ Бикшу съ слѣдующею рѣчью :

«Благоразумные юноши! Воистину пришедшій, совершеннѣйшій, совершенно прозрѣвшій завѣщалъ намъ слѣдующіе 4 важныхъ пункта.

I. Рѣшительно не нарушай цѣломудрія. Если Бикшу осквернится этимъ грѣхомъ, то онъ уже не подвижникъ (Ша-мынь), не послѣдователь Будды. И при этомъ случаѣ досточтимый сказалъ слѣдующій примѣръ. Какъ человекъ, отрубившій свою голову, никогда не оживетъ : такъ и Бикшу не-цѣломудренный никогда не совершитъ своего подвига. Общаете ли вы сохранять себя въ чистотѣ на цѣлую жизнь?

II. Рѣшительно не воруй, хотя бы листочикъ травки. Если Бикшу украдетъ на пять монетъ; если самъ украдетъ или научитъ другаго, если разобьетъ, изрѣжетъ, сожжетъ что нибудь самъ или черезъ другаго, или возьметъ вещь въ настоящемъ ея видѣ, а возвратитъ уже испорченную: то онъ не подвижникъ, не послѣдователь Будды. Такъ еслибъ у дерева *до-ло* вынуть сердцевину: то оно уже не будетъ расти. Равно и Бикшу-воръ не можетъ совершить своего подвига. Общаете ли не воровать во всю свою жизнь?

III. Съ намѣреніемъ не убивай никакого животнаго, хотябъ это былъ кузнечикъ. Если же Бикшу убьетъ

человѣка, посовѣтуетъ, поможетъ умереть, обрадуется смерти другаго, оскорбитъ кого, ударитъ въ животъ беременную, или убьетъ заклинаніями и проч., то онъ не подвижникъ, не послѣдователь Будды. Такъ еслибъ отломился кончикъ у швейной иглы: то она дѣлается уже негодною. И Бикшу убійца не можетъ совершить своего подвига. Общаете ли вы не убивать во всю свою жизнь?

IV. Не хвастай собою, хотя и съ добрыми цѣлями, но на авось. Если Бикшу, не достигши совершенства, не созрѣвши мыслю, не умѣя созерцать, еще несдѣлавшись Архатомъ, скажетъ, что онъ достигъ этого совершенства, что духи — небожители, покровители, адскіе являлись къ нему съ почтеніемъ: то онъ не подвижникъ, не ученикъ Будды. Такъ, еслибъ слага разсѣлась на двѣ половины: то она никогда уже не сойдется. И Бикшу-лгунъ не совершитъ своего подвига. Общаете ли вы не хвастать собою во всю свою жизнь?

«И такъ, заключаетъ Хэшанъ, вы приняли обѣты; четыре дѣлопроизводства совершены и возмѣли пріложеніе: Хэшанъ у васъ, равно какъ и Ачари, и прочіи семь необходимыхъ особъ изъ братства — всѣ по уставу и въ полномъ количествѣ. Займитесь же отнынѣ средствами избавленія отъ земныхъ заботъ, увѣщевайте и другіхъ, совѣтуйте украшать священныя башни, чять

приношеніями и поклоненіями Будду, его ученіе и братство. Всѣ, согласное съ ученіемъ, что скажетъ вамъ Хэшагъ, и прочія 9 особъ, исполняйте безпрекословно. Учитесь пѣвню, чтенію книгъ, постарайтесь достигнуть совершенствъ Архата: отрѣченіемъ отъ міра вы къ этому сдѣлали очень важный шагъ. Чего не поймете сами, спрашивайте у старшихъ себя. Совершите поклоненіе и сходите съ ступеней».

Сшедши съ эстрады, они отправляются въ кумирню, тамъ поклоняются Буддѣ и повторяютъ передъ нимъ свои клятвы и обѣты до тѣхъ поръ, пока снова не позовутъ ихъ въ залу, гдѣ эстрада. Между тѣмъ наставникъ на мѣсто ихъ возводитъ другой пріемъ, за другимъ третій, и т. д. до послѣдняго, и со всѣми поступаютъ также, какъ и съ первымъ пріемомъ. Кончивши возложеніе обѣтовъ на послѣдній пріемъ, всѣхъ новыхъ Бикшу зовутъ изъ храма въ залу, возводятъ на эстраду, и тамъ общимъ хоромъ поютъ хвалебную пѣснь Буддѣ, какъ это показано было при окончаніи обѣтовъ Шами.

Вотъ какъ возлагаются обѣты Буддійскихъ отшельниковъ *)! Вотъ чего просятъ, о чемъ вздыхаютъ тысячи благоразумныхъ юношей и дѣвицъ! Приняв-

*) Это китайскій обрядъ. А какъ возлагаются обѣты Бикшу въ Непалѣ можно видѣть въ Transactions of the Royal Society of Great Britain and Ireland. Vol. III. — Part. III. page 271.

ніе обѣты Бикшу считаются полными, совершенными отшельниками; вступаютъ во всѣ права Буддійскіхъ подвижниковъ: могутъ жить и въ общежительныхъ убѣжищахъ и гдѣ кому разсудится.

Обѣты *Шамини* и *Бикшунн* совершенно тѣ же, что и изложенные нами обѣты *Шами* и *Бикшу*; они и возлагаются также, и даже въ одно время, только дѣвицы всегда составляютъ особую партію. Здѣсь кстати замѣтить, что Шакьямуни имѣлъ странное понятіе о женщинѣ. Выдавая себя за просвѣтителя тварей, проповѣдая свое ученіе даже драконамъ, онъ женщину счелъ негоднымъ сосудомъ для своего ученія и на просьбы, слезы Ананды, своего племянника и лучшаго ученика, отвѣчалъ, что «женщины и слабоумны и болтливы; принять ихъ въ свое общество, и потому вѣрить имъ свое ученіе, значить обрѣчь его на вѣрную гибель». Однако Анандѣ посчастливилось умолить Шакьямуни за женщинъ; Шакьямуни принялъ ихъ, но не безъ условій. Онъ узаконилъ принимать женщинъ въ число братства не иначе, какъ взявши съ нихъ обѣщаніе совершенно покориться мужскому братству, во всемъ отъ него зависѣть, отъ него учиться всему нужному и притомъ только учиться, но самимъ никому не преподавать ученія, жить близъ мужскаго общежительнаго убѣжища, можетъ быть для ближайшаго надзора, и ко всякому Бикшу питать высокое благоговѣніе.

Такъ еслибъ къ столѣтней подвижницѣ пришелъ юноша въ 20 лѣтъ, только что принявшій обѣты Бикшу, она должна почитать этого Бикшу поклоненіемъ, благоговѣнно слушать его милостивое наставленіе и во все время его высокаго посѣщенія стоять на колѣнахъ *)! Вообще женщина въ Буддійскомъ братствѣ поставлена въ сильной тѣни, чтобъ не сказать въ совершенномъ мракѣ. У Буддистовъ есть вопросъ: женщина можетъ ли быть Буддою? и этотъ трудный вопросъ до сихъ поръ еще не рѣшенъ. Въ настоящее время женщина въ буддизмѣ довольно жалкій предметъ. Безъ призора, средствъ и побужденій къ своему образованію, она, по призванію самихъ Буддистовъ, «и груба и глупа». Единственный случай, когда Бикшуня засѣдаетъ въ собраніи братства—это торжественное разрѣшеніе отъ грѣха какой нибудь отшельницы. Тогда, въ числѣ 40 присутствующихъ засѣдаетъ 20 женщинъ. Только этимъ случаемъ и можно доказывать, что Бикшуня не даромъ носятъ названіе: *санъ*.

Обѣты *Шами* и *Бикшу* суть обѣты отшельнической жизни и, по мнѣнію Буддистовъ, суть вѣрная стезя за черту перерожденій. Точнымъ выполненіемъ ихъ достигаютъ степеней Архата, или иначе—почти что до Нирваны (ю-юй-вѣ-пань); Нирваны въ собственномъ

*) См. *Фанъ-и-минъ-и-цзи*, II статья. *Бикшуня*.

смыслъ *) достигаютъ только Будды и Бодисадвы. Впрочемъ объты отшельнической жизни чрезвычайно много значатъ въ дѣлѣ усвоенія совершенствъ Будды. Шакьямуни былъ отшельникъ и вотъ какъ отзывался объ отшельникахъ:» Въ мірѣ, какъ въ аду — человекъ въ самомъ стѣсненномъ положеніи. Зло въ душѣ возникаетъ именно отъ ея пребыванія въ мірѣ. Отказавшись отъ міра, человекъ выходитъ на просторъ, какъ бы въ безпредѣльное пространство; отъ этого всё доброе удобно приумножается и растетъ **).» Шакьямуни утверждалъ, что всѣ Будды были и будутъ только отшельники — подвижники, что и Бодисадвы тогда только достигнутъ совершенствъ Будды, когда примутъ объты отшельниковъ. Поэтому рѣшено: на Бикшу, до принятія обътовъ отшельника, возлагать объты Бодисадвы; а на міряниъ, еслибъ они, по принятіи обътовъ Бодисадвы, возжелали совершенствъ Будды, возлагать объты отшельниковъ съ начала *Шамы*, потомъ *Бикшу*.

ОБЪТЫ БОДИСАДВЫ.

Объты Бодисадвы хотя нынѣ возлагаются вслѣдъ за обътами отшельнической жизни, но суть нѣчто от-

*) У-шй-нъ-павъ).

**) Нъ-павъ-цзинъ).

дальное — цѣлое. Они суть общій урокъ какъ для мирянъ, такъ и для отшельниковъ, и по характеру своему суть посвященіе себя благотворенію, клятва, свидѣтельствуемая огнемъ, какъ символомъ того внутренняго пламени, какимъ просящій обѣтовъ сгараетъ, желая пользы тварямъ. Мы видѣли въ обѣтахъ отшельничества тонкій разборъ тѣлесныхъ недостатковъ, способностей, порядка возложенія обѣтовъ, даже побужденій къ тому. При возложеніи обѣтовъ Бодисадвы этого не различаютъ: къ нимъ допускается всякій, чтобы ни пожелалъ. Этого мало: обѣты отшельника возлагаются непремѣнно братствомъ и притомъ 10-ю особами; обѣты Бодисадвы можетъ возложить всякій самъ на себя — даже долженъ возложить ихъ на себя самъ, еслибъ около мѣста его жительства, на пространствѣ 500 верстъ, не было человѣка, способнаго возложить ихъ по уставу, т. е. человѣка, глубоко постигшаго ученіе Будды.

Въ Китаѣ былъ примѣръ подобнаго обстоятельства, именно въ началѣ нынѣшней (Маньчжурской) династїи. Нѣкто *Оу-и* *) , отличный ученый, глубоко пропитанный духомъ буддизма, рѣшился выслушать курсъ обѣтовъ. Но послѣ перваго урока онъ ясно увидѣлъ,

*) Онъ написалъ толкованія на многія трудныя книги: *чи-синь-лунь*, *сэй-ши-лунь*, *дзэн-ля-цзинь* и другія, и отличается духомъ соглашенія въ вещахъ несогласимыхъ между собою. Онъ весьма тонкій диалектикъ и въ большожь уваженіи у Буддистовъ.

что возлагатели обѣтовъ гораздо ниже его по образованію, и что слѣдовательно отъ нихъ онъ не многому научится. Оу-и ушолъ изъ общежительнаго убѣжища ихъ, набралъ благоволенныхъ свѣчь, зажегъ ихъ, раскылъ по обнаженному своему тѣлу, сталъ на колѣна предъ священною башнею и въ этомъ положеніи 6 недѣль приносилъ покаяніе въ своихъ грѣхахъ до рожденія и произносилъ клятву посвященія себя пользѣ тварей. По прошествіи 6 недѣль, Будда явился ему и увѣрилъ, что усвоеніе обѣтовъ совершилось.

Впрочемъ подобная мѣра усвоенія обѣтовъ, хотя иногда неизбежная — считается трудною и не самою лучшею. Когда Будда былъ въ мѣрѣ, когда онъ самъ возлагалъ обѣты: тогда усвоеніе обѣтовъ было дѣло весьма легкое, и скоро совершалось, и въ большей мѣрѣ. Теперь, когда нѣтъ Будды въ мѣрѣ, возложеніе обѣтовъ братствомъ считается легчайшимъ средствомъ къ усвоенію ихъ; въ этомъ случаѣ и меньше надобно времени, и усвоеніе совершается въ большей мѣрѣ.

Изъ обрядника видно, что въ Китаѣ, до конца Минской династіи, существовало болѣе 70 кумирень, гдѣ возлагались только обѣты Бодисадвы и притомъ такъ, что по обстоятельствамъ въ курсѣ этого урока совмѣщались и обѣты отшельниковъ. Нынѣ не только нѣтъ этого обычая, но даже самыя кумирни въ развали-

нахъ. Составитель обрядника, съ грустію рассказывая объ этомъ заустѣннѣ, утѣшается тѣмъ, «что Наньшаньской Хэшанъ, т. е. *Ду-ти*, котораго онъ взялъ себѣ въ руководство, отличный знатокъ дѣла; что слѣдовательно подъ его руководствомъ, безъ всякаго сомнѣнія, можно возстановить прежніе хорошіе обычаи, если не въ формѣ, то въ духѣ».

Заранѣе, еще прежде, нежели начнется курсъ обѣтовъ отшельнической жизни, извѣщаютъ о днѣ, въ который будутъ возлагаться обѣты Бодисадвы. Поэтому всѣ, желающіе принять ихъ, спѣшатъ къ сроку. Въ слѣдъ за окончаніемъ обѣтовъ *Бикшу*, Хэшанъ приказываетъ готовить просителей. Это приготовленіе состоитъ въ чтеніи и изъясненіи всѣхъ тѣхъ мѣстъ книгъ ученія, гдѣ говорится о Бодисадвахъ; это, говорятъ, для того, чтобъ принимающій обѣты понялъ всю ихъ важность, и принялъ ихъ по собственному убѣжденію, а не по совѣту только другихъ, или — что еще хуже — по честолюбивому желанію сравняться съ другими.

І. Приглашеніе учителей.

Въ день, когда назначено приступить къ курсу обѣтовъ Бодисадвы, послѣ полдня, бываетъ звонъ. По

зону часть просителей, если ихъ много, а если не больше четырехъ человекъ, то все отправляются въ комнаты приставниковъ и приглашаютъ ихъ въ залу. Когда приставники придутъ : то все просители поклоняются имъ трижды, прося руководствовать ихъ въ дѣль, для нихъ непонятномъ. Приставники общаются имъ все, отъ нихъ зависящее, и совѣтуютъ сходить къ помощникамъ Хэшана, попросить ихъ ходатайства. За тѣмъ идутъ въ комнаты помощниковъ и приглашаютъ ихъ въ залу. Когда помощники придутъ въ залу : то просители, послѣ троекратнаго поклоненія имъ, становятся на колѣна, а приставникъ, поклонясь однажды, стоя говоритъ вмѣсто просителей :

«Вотъ эти Бикшу *) желаютъ принять обѣты Боддхисадвы. По этому, донося объ ихъ желаніи вамъ, помощники, просимъ : благоволите, по свойственному вамъ милосердію; совершить эти начатки прекраснаго расположенія воли ; потрудитесь сходить въ *Фанъ-чжанъ* (комнаты Хэшана), доложить Хэшану и попросить его пожаловать въ залу для предварительнаго наставленія. Пусть эти люди, выслушавши на-

*) Для краткости положимъ, что будутъ только Бикшу; но могутъ быть и Бикшунн, и Шахи, и Шалини, и Шичалоно, и Юлосъ, и Юлон, даже вовсе не принимавшіе никакихъ обѣтовъ. Само собою разумѣется, что приставникъ перескажетъ все виды и роды просителей. А наставникъ и Хэшанъ — гдѣ это будетъ нужно — всегда повторяютъ все эти названія.

ставленіе, примуть обѣты съ понятіемъ и будутъ выполнять ихъ съ сознаниемъ. Окажите имъ эту милость!»

Помощникъ въ отвѣтъ своемъ выставляетъ всю важность новыхъ обѣтовъ и увѣщаетъ просителей постоянно стремиться къ избранной ими цѣли.

Лишь только кончится рѣчь, приставникъ напоминаетъ просителямъ поклониться помощникамъ; просители кланяются трижды, затѣмъ становятся въ два ряда, а помощники между нихъ идутъ въ *Фанъ-чжанъ*, въ сопровожденіи двухъ человекъ изъ просителей. Помощники входятъ въ комнаты, просители остаются внѣ. Хэшанъ, переговоривъ наединѣ съ своими помощниками, опредѣляетъ день и часъ предварительнаго наставленія. Помощники, возвратившись въ залу, объявляютъ опредѣленіе Хэшана, и сопровождаемые просителями возвращаются въ свои покои.

II. *Предварительное наставленіе.*

Предварительное наставленіе назначается не дальше, какъ черезъ день послѣ описанной церемоніи. Въ назначенный часъ бываетъ обычный звонъ; просители, приставники, помощники Хэшана — всѣ собираются въ залу дѣйствій, и оттуда идутъ торжественною депутаціею къ фанъ-чжану, приглашать Хэшана въ

залу. Одинъ изъ просителей съ зажженною свѣчкою идетъ впереди, за нимъ два приставника съ ручными *цинами* *) (въ которые по временамъ ударяютъ); за приставниками два *Ачари* (помощники), за Ачари 8 человекъ изъ просителей, по два въ рядъ. Всѣ идутъ чрезвычайно медленно, какъ бы боясь оступиться, и соблюдаютъ глубокое молчаніе. Пришедши къ *Фань-чжану*, поклоняются *Хэшану* и, не говоря ни слова, ведутъ его въ залу дѣйствій. Когда *Хэшанъ* займетъ свое кресло, прежде всѣхъ поклоняются ему помощники, и потомъ уже занимаютъ свои мѣста. За помощниками приставники; а наконецъ и просители. По окончаніи поклоненія, одинъ изъ приставниковъ выходитъ на средину, развертываетъ свой молитвенный коврикъ совершенно, поклоняется трижды, становится на колѣни и, сложивши руки **), говорить :

«*Хэшанъ!* къ тебѣ обращаю взоры и слова мои. Выслушай меня благосклонно. Вотъ эти Бикшу желаютъ принять обѣты Бодисадвы. По сему теперь припадаемъ къ твоему сѣдалищу, поклоняемся и просимъ: предложи имъ ученіе объ истинной свободѣ, благоволи руководствовать ихъ.»

Къ рѣчи прилагаетъ три поклона; потомъ встаетъ,

*) Нѣчто въ родѣ часового колокольчика на металлическомъ стержнѣ.

**) Буддисты въ знакъ особеннаго благоговѣнія складываютъ руки ладогрудн возвышаютъ ихъ до лба.

занимаетъ свое мѣсто и, обращаясь къ просителямъ, говорить :

«Поднесите свѣчи!» — Просители выходятъ изъ рядовъ, берутъ свѣчи, зажигаютъ и, приподнявши ихъ выше своей головы — въ знакъ особеннаго благоговѣнія — опускаютъ въ приготовленныя курильницы передъ истуканомъ Будды, Бодисадвъ, Архатовъ.

«На свои мѣста!» И просители занимаютъ прежнее свое мѣсто.

«По звуку *Цима* *) сдѣлайте три поклона! — запахните одежду! — становитесь на колѣна! — сложите руки! — Просители все дѣлаютъ, какъ говоритъ представникъ. Когда они сложатъ руки, наставникъ подходитъ къ нимъ, и въ полголоса говоритъ :

«Бикшу! предложите вашу просьбу. Пусть одинъ говоритъ за всѣхъ. Слова просьбы должно говорить ясно, раздѣльно и съ особеннымъ благоговѣніемъ.»

Передній изъ просителей говоритъ :

«Мы «такіе-то» Бикшу давно уже отказались отъ міра и измѣнили нашу наружность. Всѣ наши попытки, средства къ самоусовершенію были бы безуспѣшны, еслибъ къ счастію не встрѣтились съ тобою, великій Хэшанъ! коего успѣхи въ усвоеніи обѣтовъ

*) Судя по начертанію буквы, это должно быть что либо каменное. Но въ кужирѣ мнѣ показывали довольно большой мѣдный котелъ, и называли его *циможъ*.

высоки; какъ гора, и знаніе устава глубоко; какъ море. Мы уже удостоились возложенія обѣтовъ полноты совершенства, сопричислялись братству; но намъ хотѣлось бы, не останавливаясь на маловажномъ, проникнуть въ самую истину — хотѣлось бы принять возложеніе обѣтовъ Бодисадвы. По этому припадаемъ къ твоему сѣдалищу, искренно и усердно просить, обрати на насъ твоё вниманіе, яви милость надъ людьми малосвѣдущими, удостой насъ великихъ обѣтовъ. Пусть мы, дѣятельно изучая высшее ученіе, постигнемъ свой духъ, природу своего сердца, и въ-когда подвигомъ благодѣанія возблагодаримъ тебѣ за напитаніе насъ молокомъ ученія. Услышь нашу покорнѣйшую просьбу!»

Въ слѣдъ за этой просьбой приставникъ говоритъ:
— Совершите поклошеніе! — Всѣ просители встаютъ и поклоняются Хэшапу.

— Сложите руки! — становитесь на колѣна! слушайте внимательно!

Какъ скоро шумъ, неизбежный при множествѣ народа, преклоняющаго колѣна, умолкнетъ, Хэшапъ беретъ *буддийя арианы*, ударяетъ имъ по столу и говоритъ:

«Бикшу! вы такъ искренно и усердно просите возложенія обѣтовъ Бодисадвы; но стяжали ль вы крѣпкую и постоянную *вьру* въ три пункта? Чувствуете ли

вы неподдающую жажду высшей мудрости? Безъ крѣпкаго убѣжденія нельзя избѣжать сомнѣній; безъ глубоко-постояннаго убѣжденія нельзя имѣть надлежашаго мужества и успѣха въ подвижничествѣ. Вотъ почему высшая всегдущая премудрость (бо-ди), пачивающая въ большой телѣгѣ, неподвижная, какъ гора, глубокая какъ море, усвоится нами мѣрою твердаго и постояннаго убѣжденія. Какіе же это три пункта? *Первый*: должно твердо и глубоко вѣрять, что все одушевленное имѣетъ въ себѣ мудрость и совершенство во истину пришедшаго (жу-лай), только ложное, мечтательное (т. е. матеріальность, чувственное, форма) такъ охватило, покрыло это истинное совершенство, что ему нѣтъ никакой возможности проявиться въ настоящемъ своемъ величіи. По этому-то горячій жаждою высшей жизни долженъ рѣшиться возвести духъ свой до нормальной его дѣятельности, рѣшиться спасти все одушевленное, постепенно возводя до состоянія Будды. Этотъ первый пунктъ въ книгѣ *) ясно высказанъ въ слѣдующихъ словахъ: «не выпускайте изъ виду той мысли, крѣпко держитесь того убѣжденія (слова Будды), что я уже достигъ состоянія Будды, и вы еще можете и должны достигнуть: это облегчитъ вамъ и выволненіе обитовъ».

*) *Фань-сань-чзинъ.*

Второй пункт: должно твердо и глубоко вѣрить, что правила ученія *Болотимуца* (*Пратимокша* *) суть необходимая, коренная исходная точка для стяжанія высшей мудрости и *Нирваны*. Не положить обътовъ въ основаніе дѣятельности, значить тоже, что варить кашу (вмѣсто риса) изъ дресвы; труды такого чело-вѣка—пусть они продолжатся безчисленныя калпы—будутъ труды напрасныя, пустыя. По этому-то въ *Хуа-ля-цзинь* и сказано, что объты для стяжанія высшей мудрости суть корень, и что только тотъ, кто принялъ ихъ и точно выполняетъ, увѣнчается какъ во истину-пришедшій. *Третій пункт*: надобно твердо и глубоко вѣрить, что три состоянія (*фа-бао-хуа-шань*) всѣхъ Буддъ, чистѣйшій свѣтъ, несказанная красота и внѣшнія совершенства—все доведено до настоящаго величія не иначе, какъ строгимъ выполненіемъ обътовъ. При содѣйствіи обътовъ, съ одной стороны, можно достигнуть совершенствъ Будды, а съ другой, въ дѣлѣ спасенія тварей, совершить безчисленное множество прекрасныхъ подвиговъ. Слѣдовательно, если при содѣйствіи обътовъ дѣятельность, объщаетъ столько вознагражденія: то дѣятельность не принявшаго обътовъ, не будетъ ли дѣятельность бесполезная? И такъ, если вы ощущаете въ себѣ до-

*) См. ниже, изложеніе обътовъ.

статочную силу убѣжденія въ сказанные три пункта, то смѣло просите владыку ученія въ области *саха* (Будду *Шакьямуни*) быть Хэшапомъ при усвоеніи обѣтовъ, многознающаго *Макжуари* — Бодисадву быть дѣлопроизводителемъ; а черезъ одно перерожденіе имѣющаго быть Буддою Бодисадву — *Майдари* быть наставникомъ; всѣхъ настоящихъ Буддъ — въ почетные свидѣтели; всѣхъ Бодисадвъ — въ сотоварищи по предмету дѣятельности. Хотя я и принялъ ваше приглашеніе возсѣсть на кресло, впрочемъ я могу только изложить и пояснить вамъ обрядъ, т. е. я буду Хэшапомъ только для совершенія обряда возложенія обѣтовъ, а не усвоенія ихъ.

Въ самое время возложенія обѣтовъ вы должны умственно отвлечься отъ всего васъ окружающаго такъ, чтобъ, внѣшне — тѣломъ находясь передъ сѣдалищами учителей, умственное око ваше созерцало собраніе безчисленныхъ Буддъ. Знайте, что обѣты Бодисадвы не такого рода, чтобъ усвоились легкимъ убѣжденіемъ и разсѣянною, не настроенною мыслию. Въ книгѣ ученія сказано, что «лишь только проговорится троекратное дѣлопроизводство, то вдругъ, въ одно мгновеніе всѣ принимающіе обѣты переносятся передъ Буддъ и Бодисадвъ всѣхъ безчисленныхъ міровъ и временъ». Этимъ книга ученія хочетъ показать, что человѣкъ лишь только приметъ обѣты Боди-

садвы, то вдругъ всё Будды и Бодисадвы обращаютъ на него свое вниманіе, т. е. узнаютъ, что въ «такомъ-то» мірѣ, Бодисадва по имени «такой-то», въ «такомъ-то» мѣстѣ, сейчасъ принялъ обѣты Бодисадвы, узнаютъ и окружаютъ его, какъ дѣти (отца), какъ ученики (учителя), и навсегда будутъ питать къ нему самую близкую, родственную любовь, и упрочать для него успѣхъ въ добрѣ такъ, что не было еще притѣра, чтобъ принявшій обѣты Бодисадвы надлежащимъ образомъ, раскаявался и погибалъ. По этому-то обѣты Бодисадвы несравненно выше всѣхъ прочихъ обѣтовъ.

Все живое имѣетъ въ себѣ Будду; нельзя сказать, чтобъ не было Будды и въ пробуждающемся червячкѣ. Гдѣ есть животное развитіе, тамъ есть и чувство, а гдѣ есть чувство, тамъ есть и Будда. По этому-то все живое способно достигнуть состоянія Будды. Въ книгѣ *фань-ванъ-цзинь* сказано: «вѣчныя, свѣтоносныя обѣты суть основаніе всѣхъ Буддъ, всѣхъ Бодисадвъ, суть сѣмя природы Будды; а эта природа обща всѣмъ тварямъ». Все, что понимаетъ, познаетъ, соображаетъ; что управляется инстинктомъ, что живетъ — все это имѣетъ въ себѣ Будду. Между тѣмъ проявляетъ въ себѣ существо обѣтовъ, достигаетъ совершенствъ Будды только тотъ, кто способенъ, кто не осквернился 7 преступленіями. И такъ если вы въ настоящемъ перерожденіи согрѣшили, то еще не сло-

собны прозвести великаго обѣта, хотя природа Будды въ васъ существенно находится, и при томъ у каждаго по ровну — ни больше ни меньше, но если вы вѣчны — вамъ все-таки нельзя будетъ проявить существа обѣтовъ. Для сего, чтобъ предотвратитъ такое несчастіе, по согласному требованію книгъ ученія, вамъ прежде всего нужно будетъ совершить сознаніе дѣлъ вашихъ и принести раскаяніе. Не много погодя, вы выйдѣте съ приставниками на нынѣшнюю ночь подите въ очистительную комнату, тамъ передъ дѣлопроизводителемъ каждый объявитъ свою жизнь: нужно знать до какой степени точно выполняли вы обѣты, на васъ уже возложенные. Если по сознанію не окажется никакихъ важныхъ грѣховъ или преступленій, то можете надѣяться возложенія обѣтовъ; всѣ Будды исполнятъ вашу просьбу; драконы и блаженные духи невидимо будутъ охранять васъ; въ этомъ случаѣ вы сдѣлаетесь надежною опорю и пространителями истиннаго ученія (*ударъ*); общаете ли вы исполнить это ?

Всѣ отвѣчаютъ: общаемъ! Въ слѣдъ за отвѣтомъ приставникъ начинаетъ :

— Бикшу! вставайте! — просители встаютъ.

— По звуку *цина* сдѣлайте три благодарственныхъ поклона! Одинъ изъ приставниковъ ударяетъ въ цинъ, а просители кланяются.

— Вставайте! — подвигните коврины! постройтесь въ два ряда! Просители не топорась дѣйствуютъ съ совершеннымъ однообразіемъ. Между тѣмъ Хэшапъ встаетъ и между рядами идетъ изъ залы; а приставникъ продолжаетъ:

— Приглашавшіе! выйдите изъ ряда и проводите Хэшана, возвращающагося въ свои покои!

Проводивши, просители возвращаются въ залу дѣйствій; также, какъ и Хэшану, поклоняются его помощникамъ, потомъ провожаютъ ихъ въ ихъ комнаты; за тѣмъ, снова возвратившись въ залу, поклоняются приставникамъ и потомъ уже расходятся по кельямъ до вечера.

IV. Церемонія приглашеній и проводовъ, здѣсь изложенная, неизмѣнно соблюдается при всякомъ приглашеніи и проводахъ. Для избѣжанія повтореній и соблюденія краткости, это было выпущено при изложеніи обѣтовъ *Шамы* и *Бикшу*; равно какъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи этого обѣта — по тѣмъ же самымъ причинамъ будутъ дѣлаться только намеки на нее.

III. *Вопрошеніе.*

Обрядъ этотъ производится въ залѣ дѣйствій. Зала убрана, освѣщена, наполнена благоуханіемъ также,

какъ мы это замѣтили при обрядѣ *Шами*. Къ вечеру при закатѣ солнца звонять въ колоколь; всѣ просители идутъ въ залу, оттуда въ сопровожденіи приставниковъ къ дѣлопроизводителю и зовутъ его на обрядъ. Какъ скоро дѣлопроизводитель займетъ свое кресло, приставникъ напоминаетъ просителямъ о поднесеніи благовонныхъ свѣчей и о поклонахъ. По окончаніи этой церемоніи, изъ среды братства выступаютъ на средину два человѣка: это надсмотрщики. Къ нимъ дѣлопроизводитель обращается съ такою рѣчью :

«Вотъ эти люди — показывая на просителей — желаютъ принять обѣты Бодисадвы и по уставу совершить сознаніе. Изъ опасенія, чтобъ за ними не вошли сюда посторонніе и не подслушали открываемаго, поручаю вамъ смотрѣть за входящими и выходящими. Если это дѣло устроится какъ слѣдуетъ, то мы совершимъ обрядъ безъ замѣшательства. Можетъ быть обрядъ значительно продолжится, и вамъ нужно будетъ потрудиться; прошу не поскучать моимъ порученіемъ».

За надсмотрщиками является письмоводитель; ему дѣлопроизводитель говоритъ слѣдующее :

«Желающій принять великіе обѣты долженъ быть чистъ и душой и тѣломъ; всякій проступокъ уже есть препятствіе. Слѣдовательно очень важно знать открываемые проступки. Въ нынѣшнюю ночь и рядовъ не мало, и людей въ нихъ довольно: дѣло какъ громъ разра-

зится (т. е. при множествѣ никакъ не запомнишь открываемаго). По сему приглашаю тебя подробно записывать открываемое, чтобъ послѣ намъ можно было отчетливо донести Хэшану. Не посматривай этою хлопотливою обязанностію».

За письмоводителемъ выходятъ 4 наблюдателя порядка съ вразумляющими жезлами. Имъ говорится рѣчь слѣдующаго содержанія :

«Правила строги, а сердце человѣческое склонно къ разгнѣнію. Необходимо сильное побужденіе, чтобъ сдѣлать что-нибудь доброе. И такъ изъ опасенія, чтобъ эти люди во время вопросовъ не забылись, впрошу васъ построже смотрѣть за ними. Изъ нихъ только при хорошемъ надзорѣ можно образовать людей. Потрудитесь!»

Когда наблюдатели удалятся, то приставникъ говоритъ просителямъ :

«Бикшу! настаютъ важныя минуты; будьте особенно благоговѣйны. Пропоемте заклинаніе *), чтобъ силою этихъ таинственныхъ звуковъ освѣтить мѣсто обряда и оградить его отъ навѣта злыхъ духовъ».

По окончаніи заклинанія, подношенія свѣчь, поклоновъ — просители становятся на колѣна, приставникъ говоритъ :

*) Хоншимъ Болисады.

«Сосудъ ученія давно готовъ; но онъ еще безъ отдышки: ему еще не дано надлежащаго блеска и изящества. Завесивъ ногу на ступень совершенныхъ, надобно отрясти и прахъ съ башмака. Вы уже приняли объѣты Бикшу; для вашего сердца недостаетъ теперь погровья. Вотъ для чего—чтобъ снабдить васъ всеми средствами для достиженія совершенства — мы убрали эту залу, освѣтили ее, наполнили благовоніями, и пригласили «такого-то» учителя. Если вы хотите съ пользою совершить обрядъ очищенія, то просите этого учителя взвѣсить ваши поступки и научить приличному очищенію. Слова просьбы говорите раздѣльно. Впрочемъ, можете быть вы еще не умѣете сложить рѣчи: говорите за мною. Произнесите каждый свое имя.

Высокобродѣтельнѣйшій! обрати на насъ твое вниманіе. Мы просимъ тебя, взвѣсь наши поступки и научи насъ истинному очищенію. Только при твоёмъ содѣйствіи, Высокобродѣтельнѣйшій! мы можемъ достигнуть состоянія Бодисадвы. Окажи намъ эту милость».

Эту просьбу — по обычаю повторяютъ трижды и поклоняются. Послѣ третьяго поклона дѣлопроизводитель отвѣчаетъ: *(ударъ)*.

«Бикшу! Вы такъ искренно и усердно просите меня; я согласенъ произвести сужденіе о вашихъ поступкахъ

и научить васъ истинному очищенію : только напередъ выслушайте что я скажу вамъ.

Ученіе предлагается смотря по приѣмлемости учащихся; съ начала не-мудрёное, а потомъ — требующее сильной головы. Знайте, что всѣ правила дѣятельности установлены въ слѣдствіе требовавшихъ того обстоятельствъ. Каково тѣло, такова и жизнь (т. е. образъ жизни). Если тѣло осквернено, то какъ надѣяться выполненія обѣтовъ? Итакъ если вы принятые вами обѣты сохранили въ точности, то приступите къ принятію обѣтовъ Бодисадвы, горячо полюбите эту высокую дѣятельность, усильте въ себѣ рвеніе къ ней, твердо рѣшитесь достигнуть неоцѣннаго пристанища (Нирваны)—во чтобъ-то ни стало—непремѣнно сдѣлаться Буддою. Тотъ, кто носить въ себѣ это высокое стремленіе, есть подлинно лучшій изъ людей! Но какъ пловцу трудно, невозможно переплыть моря, если его лодка имѣетъ сильную течь, такъ невозможно достигнуть Нирваны в томъ, кто преступилъ уставы; потому что для упражненія въ добрѣ и для успѣха въ этомъ дѣлѣ у него не будетъ точки опоры. Потому-то въ уставѣ и сказано : согрѣшившіе возвратились вспять, потеряли цѣль своихъ стремленій. А *Фанъ-сайъ-цзинъ* говоритъ, что осквернившихся семью преступленіями нельзя допускать къ обѣтамъ. Въ силу такихъ-то причинъ узаконено напередъ разузнать жизнь просите-

лей, и для возложенія обѣтовъ изъ всѣхъ избрать только лучшихъ.

Итакъ прежде всего я спрошу васъ о томъ, какъ вы исполнили обѣты Бикшу, а потомъ о 7 преступленіяхъ. На каждый мой вопросъ вы отвѣчайте мнѣ по сущей справедливости. Знайте, что если вы будете заператься, скроете что нибудь, то не совершите ничего добраго. Если хотите совершенно усвоить высшую мудрость, то будьте откровенны. (*Ударъ*) Обѣщаете ли вы мнѣ это?»

За тѣмъ выводятъ всѣхъ просителей изъ залы и раздѣляютъ ихъ на двѣ партіи: мужскую и женскую. Въ каждой партіи бываетъ нѣсколько отдѣловъ, т. е. въ мужской отдѣлы: *Бикшу*, *Шами*, *Юносэ*; въ женской — *Бикшуни*, *Шчамоно*, *Шамини* и *Юпои*. Сверхъ того, смотря по числу просителей, въ каждомъ отдѣлѣ бываетъ по нѣскольку рядовъ. Раздѣливши такимъ образомъ, вводятъ въ залу на испытаніе сначала мужчинъ, а потомъ женщинъ по старшинству обѣтовъ, и притомъ изъ каждаго отдѣла по одному ряду. Каждый рядъ, введенный въ залу для испытанія, совершаетъ подношеніе свѣчь, поклоненіе и пр., и когда станетъ на колѣна, то приставникъ говоритъ: (а за нимъ и просители).

«Поклоняюсь тремъ драгоценностямъ, вѣчнымъ, вездѣ находящимся». Произнося это, поклоняются.

Послѣ этого дѣлопроизводитель начинаетъ вопросы.

NB. Чтобъ не прерывать нити разсказа, я не помѣстилъ вопросовъ дѣлопроизводителя здѣсь. Они помѣщены между поясненіями.

По совершенномъ окончаніи вопросовъ, всѣхъ просителей зовутъ въ залу. Наблюдатели порядка, надсмотрщики и письмоводитель выходятъ на средину и доносятъ каждый по своей части, что они возложенное на нихъ порученіе выполнили въ точности, и что ничего особеннаго не случилось. Письмоводитель къ донесенію словесному присоединяетъ и записную книгу, приговаривая, что никакихъ важныхъ грѣховъ ни преступленій не оказалось. (Если же есть что нибудь, то прибавляетъ, кромѣ такихъ-то лицъ, показавшихъ на себя то-то и то-то). Дѣлопроизводитель благодаритъ ихъ за понесенные труды и проситъ успокоиться. Потомъ обращается къ просителямъ съ слѣдующею рѣчью :

« Не сомнѣваюсь, что вы понимали мои вопросы и отвѣчали по сущей справедливости. Поэтому заключаю, что вы свято сохранили ваши обѣты, невинны въ преступленіяхъ, и слѣдовательно можете твердо надѣяться возложенія обѣтовъ Бодисадвы. Теперь вамъ остается только съ чувствомъ особеннаго благоговѣнія обратиться съ мольбою ко всѣмъ Буддамъ и Бодисадвамъ о испосланіи на васъ милостиваго озаренія и о

засвидѣтельствованіи вашего сознанія во всѣхъ грѣхахъ, какіе вы учинили въ прежнихъ перерожденіяхъ до настоящаго включительно. Тогда вы до самаго будущаго мірозданія освободитесь отъ всѣхъ препятствій къ самоусовершенію и отъ всѣхъ золъ, отяготѣвшихъ надъ тварями; такимъ образомъ обоюдная польза будетъ исполнѣнъ достигнута. Вотъ я поднесу за васъ свѣчи съ пѣніемъ очистительнаго стиха; а вы принимая за мною совершите обрядъ очищенія. Проговорите каждый свое имя».

Всѣ поютъ стихи, уже помѣщенные при обѣдахъ Шами и Бичиу.

На слѣдующее утро дѣлопроизводитель, приставники и писмоводитель отправляются въ *Фанъ-чжанъ* на поклоузъ къ Хэшану. Здѣсь доносятъ ему объ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія и вмѣстѣ вручаютъ ему записную книгу. Хэшанъ внимательно разсматриваетъ записи, и, если не окажется согрѣшившихъ тяжко, раскланивается и отпускаетъ депутацію, прибавляя что нибудь въ родѣ благодарности за понесенныя безпокойства. Если же найдутся важныя грѣшники, то сей-часъ же приказываетъ позвать къ себѣ и предлагаетъ наставленіе; показываетъ какъ гнусенъ порокъ, выражаетъ сожалѣніе, что находитъ

нужнымъ отлучить ихъ, предлагаетъ каждому изъ нихъ какое либо по грѣхамъ наказаніе, (напр. а) прилежно размышлять о причинахъ грѣха и средствахъ уничтоженія его; б) совершать поклоненія съ призываніемъ имени Будды, пока не явится Будда, и в) постоянно, съ полнымъ вниманіемъ произносить имя Амитабы *)), чтобъ такимъ образомъ переродиться въ его области). Притомъ даетъ замѣтить имъ, что ихъ грѣхи очень тяжки, что въ уставѣ нѣтъ на нихъ и врачеванія, что и наказаніе, на нихъ возложенное, полезно будетъ только при усердномъ его выполненіи, что если кто нибудь изъ нихъ, не дождавшись полнаго очищенія, хотя на мгновеніе забудеть скорбь о сдѣланномъ грѣхѣ, хотя нѣсколько ослабитъ усердіе въ исканіи освобожденія отъ перерожденій, то онъ человекъ потерянный; для него покаяніе — еслѣвъ оно продолжилось и цѣлое мірозданіе, будетъ бесполезно. Кончивши наставленіе въ этомъ духѣ, Хэшанъ отпускаетъ всѣхъ.

IV. *Испытаніе огнемъ.*

Послѣ полдня бываетъ сборъ въ залѣ дѣйствій. Хэшанъ, обычно приглашенный, открываетъ собраніе слѣдующею рѣчью къ просителямъ :

*) То есть постоянно говорить всё одно и тоже имя. *О-ми-то-фо, Оми-тофо.*

Въ прошлую ночь я приказалъ изслѣдовать поступки. Къ величайшему удовольствію оказалось, что вы не повредили корня добра, не согрѣшили ни грѣхами, ни преступленіями; слѣдовательно вы можете быть допущены до обѣтовъ. Но такъ-какъ усвоить обѣты не легко, а выполнить ихъ еще труднѣе, — для этого нужно особенное мужество, то я напередъ желалъ бы возбудить въ васъ всю силу убѣжденія и видѣть твердость вашей клятвы. Въ книгѣ *фань-сань-цзинь* сказано: «дѣти Будды должны съ особеннымъ расположеніемъ и любовію изучать книги, уставъ и внѣшность, приличную большой телѣгѣ; понять смыслъ всего этого во всей его обширности, совершенно войти во вкусъ ученія. Сверхъ того если кто объявитъ желаніе принять обѣты Бодисадвы, должно предложить имъ къ исполненію *обрядъ жженія тѣла, руки, пальцевъ*. Тотъ, кто не согласится подобнымъ образомъ почитать Будду, не можетъ быть Бодисадвой. Сказанный образъ почитанія Будды выражаетъ глубокое сочувствіе страданію тварей въ перерожденіяхъ, и вмѣстѣ сильную, пламенную готовность возвыситься до состоянія Будды». И въ другомъ мѣстѣ: «сказать имъ, что еслибъ напали тигры, львы, голодные духи: то и въ этомъ случаѣ они не должны стоять за свое тѣло; пусть пожертвуютъ имъ. Такимъ самоотверженіемъ выразится сочувствіе Буддамъ и вмѣстѣ покажется готовность точно

выполнить клятву — спасти тварей отъ перерожденія. Будда постигъ, что истинникъ самосохраненія, самолюбіе глубоко укоренились въ тваряхъ такъ, что *) весь почти трудъ состоитъ въ борьбѣ съ самолюбіемъ. Поэтому для ищущихъ высшей мудрости поставлена въ основаніе добродѣтель самоотверженія (танъ-ду). Навыкшій въ этомъ начальномъ подвигѣ уже безъ труда совершаетъ прочія добродѣтели. Обрядъ жженія тѣла ясно показываетъ силу воли и господство духа надъ чувствомъ. Бодисадва непременно долженъ начать съ него; потому что рядъ его блистательныхъ подвиговъ во имя совершенства начинается и совершается самоотверженіемъ. Припомнимъ то время, когда Будда Шакьямуни былъ Бодисадвою. Какое изумляющее терпѣніе, какое высокое самопожертвованіе изъ состраданія къ тварямъ! Однажды онъ отдаетъ свое тѣло барсу, чтобъ избавить его отъ голодной смерти; въ другомъ перерожденіи тоже дѣлаетъ для голоднаго ястреба; онъ безпрестанно жертвовалъ собою для пользы тварей. Онъ отказался отъ почестей, ушелъ изъ города, покинулъ жену, сына, слоновъ, лошадей, драгоценности — всё, всё оставилъ, чтобы только навыкнуть къ добродѣтели самоотверженія. Однимъ словомъ: представьте себѣ всю необъятную область его ученія (т. е. *саха*) и

*) Въ дѣлѣ самоусовершенія.

назовите мнѣ хотя одно такое мѣсто, которое бы не было свидѣтелемъ какого нибудь его самопожертвованія! Вотъ какимъ путемъ онъ достигъ состоянія Будды! Такимъ же путемъ шли и достигали совершенства и всѣ Будды! — Вы можетъ быть скажете, что вы еще неспособны къ такимъ высокимъ дѣйствіямъ, что для такихъ воступковъ нужна крѣпость духа, которой вы еще не имѣете, что вы, хотя и чувствуете въ себѣ охоту, любовь къ мудрости, состраданіе къ тварямъ, тѣмъ не менѣе сознаете себя не совсѣмъ свободными отъ себялюбія. Правда; согласенъ, что во всемъ нужна постепенность, снаровка. Но не бойтесь. Ужъ если вы чувствуете въ себѣ охоту достигнуть состоянія безкорыстія, полного самоотверженія: то сожгите хотя одну свѣчу. Если вы, слушая эти слова, двоятесь мыслию, сердце ваше колеблется между страхомъ боли и несказанными плодами мудрости: то вы еще не созрѣли для Бодисадвы, еще не можете быть дѣтьми Будды. Чтоже касается до меня: то я не могъ не предложить вамъ этого обряда, и, миновавъ его, не могъ возложить на васъ обѣтовъ: иначе я не стоилъ бы названія учителя, я былъ бы преступникъ противъ ученія Будды. Поняли ли вы слова мои? (*ударъ*) Такъ общаете ли въ точности исполнить сказанный обрядъ? (*общаемъ*). Хорошо; послѣ того, какъ вы кончите

это дѣло, я распоряжусь приготовить все нужное для возложенія на васъ обѣтовъ Бодисадвы.

По окончаніи рѣчи Хэшанъ встаетъ и все собраніе провожаетъ его до *фанъ-чжана*. Просители идутъ въ храмъ, гдѣ уже приготовлено все необходимое для обряда—огонь, свѣчи *), постное масло **) и пластырь ***). Въ обрядѣ жженія тѣла свѣчи употребляются не цѣльные; ихъ разламываютъ на мелкіе куски, зажигаютъ каждый особо, и раскладываютъ по обнаженному тѣлу — на лбу, ногахъ, плечахъ, чаще на рукахъ. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: просителя ставятъ на колѣни передъ какимъ-нибудь истуканомъ Будды. Тѣ мѣста, гдѣ намѣрены поставить свѣчи, намазываютъ пластыремъ. Между тѣмъ разжигаютъ свѣчу; когда она сгоритъ, обуглится на полвершка, то обмакиваютъ ее въ масло, отламываютъ уголь, напитавшійся масломъ, зажигаютъ этотъ кусочикъ и ставятъ на пластырь. Пластырь намазанъ тонкимъ слоемъ; только держитъ кусокъ свѣчи, но не защищаетъ отъ боли.

Такъ—по кусочкамъ—должна сгорѣть цѣлая свѣча, и когда погаснетъ даже пепель, приставникъ возвѣщаетъ просителямъ, что ихъ испытаніе совершилось.

*) Свѣчи разумѣются благовошныя, см. выше.

**) Сля-ю.

***) Пластырь готовится изъ плодовъ жужуба (цзао-рр), растертыхъ съ масломъ.

что они довольно показали себя. После этого просители поклоняются приставамъ въ знакъ благодарности за хлопоты, и всѣ расходятся по кельямъ.

Въ Китаѣ, во время Танской династїи, обрядъ жженія тѣла и вообще всякаго увѣчья доходилъ до ужасной степени. Изступленіе было такъ велико и всеобще, что правительство должно было обратить на это свое вниманіе и принять нужныя мѣры. Враги Буддизма—особенно *Хань-вэнь-гунь*, представляли Государю опасность положенія дѣлъ *), предвѣкали бѣдность и запустѣніе государства — какъ неизбѣжныя слѣдствія Буддизма, и, намѣкая на увѣчья тѣлесныя, говорили, что «къ такимъ прекраснымъ учителямъ, каковы западные выходцы, для отрубившихъ и отжегшихъ свои руки Буддистовъ, нужно бы еще выписать работниковъ и кормилицъ; потому что въ ожиданіи безсмертія увѣчныя должны ѣсть, но безъ рукъ это дѣло неловко!»

Нынѣ это обрядъ довольно легкой, судя по тѣмъ слѣдамъ, какіе послѣ него остаются. Мой Хэшанъ показывалъ мнѣ свой лобъ и руки, усѣянные ожогами и на нѣкоторыя изъ нихъ показывалъ, какъ на недавнїя — въ слѣдствіе особеннаго, частнаго обѣта. Правда, множество и степень этихъ рубцовъ и ямокъ

*) См. Гу-вэнь 29-й Цзю-ань, статью: *Хой-фо-сы-чжи*; 30-й Цинь-чу-ши-цзю-лю; 35-й Фо-гу-бло; и другіе.

свидѣтельствовали о большомъ усердіи, в силѣ воли чловѣка, но не представляли особеннаго утѣчья.

— Такъ — говорилъ онъ — поболитъ недѣли двѣ, да и заживетъ!

V. *Предварительные обряды въ день возложенія обѣтовъ.*

Нѣсколько дней спустя послѣ испытанія огнемъ, смотря по календарю, назначается день возложенія обѣтовъ Бодисадвы. Къ этому дню готовится эстрада уже въ самомъ храмѣ. Въ средній залъ храма, лицомъ къ югу, ставится высокое и огромное кресло для Будды Шакьямуни, съ лѣвой его стороны одно высокое кресло для почетныхъ свидѣтелей—всѣхъ Буддъ — въ томъ числѣ, для дѣлопроизводителя — Бодисадвы Манчжушри, наставника Бодисадвы Майдари и всѣхъ Бодисадвъ, ихъ сотоварищей; съ правой стороны, кресла для учителей-возлагателей. Передъ каждымъ должны быть благовоинные цвѣты (искусственные). Когда настанетъ опредѣленный часъ, то звонятъ сборъ. Всѣ готовящіеся къ принятію обѣтовъ, въ полномъ одѣяніи, пристегнувши свою чашку, и захвативши молитвенный ковричекъ, въ сопровожденіи приставниковъ идутъ въ храмъ. Тамъ, ставши по отдѣламъ въ ряды, кланяются приставникамъ. Приста-

внизъ, показывая на разставленные кресла и на разложенныя вещи, говорить кланяющимся просителямъ!

«Дети Будды! Вотъ какъ заботливо для васъ приготовлено возвышеніе, разставлены эти кресла, разложены цѣнты. Пропоемте теперь заклинаніе для огражденія жертвенника; и потомъ поидемъ просить учителей».

Отдавши честь главному креслу преклоненіемъ колѣна, всѣ идутъ (по солнцу) вокругъ эстрады съ пѣніемъ заклинанія (*да-бѣй-чжоу*). Обошедши трижды, становятся опять въ прежній порядокъ и заключаютъ пѣніе стихомъ: «поклоняюсь великому *галъ-лу* Бодисадвѣ, Магасадвѣ!»

Между тѣмъ, лишь только раздастся звукъ сборнаго колокола, всѣ важнѣйшіе члены братства собираются въ *Фанъ-чжанъ*. По окончаніи заклинанія, когда приставникъ, въ сопровожденіи просителей, придутъ къ *Фанъ-чжану* и доложатъ черезъ прислужника о себѣ, всѣ члены братства и *Хэшанъ* выходятъ изъ *Фанъ-чжана*, идутъ въ ближайшую залу и тамъ занимаютъ свои мѣста. Здѣсь начинается церемонія просьбы. Просители становятся на колѣна и умоляютъ *Хэшана* возложить на нихъ обѣты Бодисадвы. Просьбу предлагаютъ трижды, но *Хэшанъ* медлитъ отвѣтомъ. Наконецъ встаетъ съ кресла и запѣваетъ: «поклоняюсь нашему Буддѣ *Шакьямуни*!» Съ этою пѣснію въ устахъ,

при звонѣ колоколовъ и громѣ барабана Будды въ храмъ, всѣ торжественнымъ ходомъ отправляются въ храмъ, къ эстрадѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала два пристаивика съ зонтиами *) въ рукахъ; за ними усердствующіе члены братства, за братствомъ просители обѣтовъ; за ними два пристаивика съ ручными цилами, (въ кон по временамъ ударяють); за пристаивиками свѣченосцы; за свѣченосцами помощники Хэшана, и наконецъ самъ Хэшанъ. Всѣ идутъ по царно, только Хэшанъ безъ пары. Пришедши въ храмъ, всѣ становятся въ томъ же порядкѣ, какъ шли, лицомъ другъ къ другу, такъ что между ними образуется проходъ. Помощники доходятъ до кресла и становятся по сторонамъ его. Хэшанъ, ставши передъ кресломъ, прежде всего поклоняется Буддамъ трехъ мірозданій (9 поклоновъ). Между тѣмъ какъ Хэшанъ кланяется, пѣніе не умолкаетъ; а *Вэй-ко* **) приговариваетъ стихи, приличные обстоятельствамъ :

«Да разрушатся злобные навѣты враговъ; совершенно да исчезнуть узы грѣха; на этотъ таинственный звукъ да слетятся всѣ совершенные, какъ слетаются облака!»!

«Поклоняюсь собранію совершенныхъ, слетѣвшихъ какъ облака!»!

*) Родъ знаменъ, но устроенныхъ на подобіе зонтика.

**) Главный пристаивикъ,

«Звукъ металла раздается въ 3000 міровъ; волны ученія Будды воздымаются въ безчисленныхъ государствахъ; возблагодаримъ за милости государя-покровителя, за усердіе людей благотворительныхъ!»

Когда Хэшанъ кончитъ поклоны и сядетъ на кресло, выходятъ на средину и кланяются Буддамъ трехъ мірозданій его помощники; потомъ приставникъ вызываетъ на поклоненія Буддѣ «великое море» усердствующихъ членовъ братства, и когда всѣ, на лице состоящіе, кончатъ поклоны, приставникъ обращается къ просителямъ :

«Дѣти Будды! Такъ какъ вы обнаружили высокое стремленіе, просите возложенія обѣтовъ Бодисадвы, то съ чувствомъ особеннаго благоговѣнія должны совершить поклоненіе тремъ драгоценностямъ. Произнесите каждый свое имя; сложите руки!»

Между тѣмъ съ правой и лѣвой стороны выходятъ на средину нѣсколько приставниковъ, становятся въ одинъ рядъ съ востока на западъ, развертываютъ молитвенный коврикъ, поклоняются на немъ, и, сложивши руки (въ одно время съ просителями), поютъ и кланяются, а просители имъ подражаютъ :

1.

а) Всѣмъ сердцемъ поклоняюсь всѣмъ Буддамъ прошедшаго мірозданія!

- б) — — — будущего мірозданія!
 в) — — — настоящаго мірозданія!

2.

- а) Всѣмъ сердцемъ поклоняюсь всѣму (безъ изъятія)
 высшему ученію прошедшаго мірозданія!
 б) — — — будущего мірозданія!
 в) — — — настоящаго мірозданія!

3.

- а) Всѣмъ сердцемъ поклоняюсь всѣмъ (безъ изъятія)
 мудрымъ (сянь) и совершеннымъ (шенъ) мужамъ
 прошедшаго мірозданія!
 б) — — — будущего мірозданія!
 в) — — — настоящаго мірозданія!

По окончаніи этой пѣсни съ поклонами, приставникъ
 обращается къ просителямъ и говоритъ :

«Дѣти Будды! Теперь предъ истуканомъ Будды, какъ
 передъ лицомъ его самого, предложите еще вашу
 просьбу къ Хэшану». И дѣти Будды снова становятся
 на колѣна, снова умоляютъ объ возложеніи на нихъ
 обѣтовъ Бодисадвы, просятъ и кланяются; но Хэшанъ
 въ нерѣшимости, медлитъ обѣщаніемъ.

— Дѣти Будды! говоритъ онъ имъ, послушайте.
 Бодисадвы ли вы?

— Да, Бодисадвы!

— Если вы Бодисадвы, то почувствовали ли вы въ себѣ жажду высшей мудрости?

— Да, чувствуемъ!

(Молчаніе).

— Дѣти Будды! послушайше. Вы хотите отъ меня узнать всё то, въ чемъ должны упражняться Бодисадвы, т. е. и то, какъ пресѣкать зло, (избавиться отъ перерожденій) и то, какъ совершать добро, и то, какъ приносить пользу тварямъ. Это стремились узнать, а узнавши исполнять, всѣ Бодисадвы прошедшаго мірозданія; Бодисадвы настоящаго мірозданія стремятся къ тому же, и Бодисадвы будущаго мірозданія будутъ стремиться къ этой же цѣли. Вы общаете ли мнѣ руководствоваться тѣмъ же чувствомъ, стремиться къ той же цѣли, какъ и всѣ Бодисадвы?

— Общаемъ! (Вопросъ и отвѣтъ повторяется трижды).

Увѣрившись въ рѣшимости просителей, Хэванъ даетъ свое согласіе на возложеніе обѣтовъ и говоритъ: дѣти Будды! если вы чувствуете себя способными къ принятію обѣтовъ Бодисадвы и общаете упражняться во всѣмъ, что прилично Бодисадвамъ, то встаньте, сложите руки, повергнитесь долу всѣмъ существомъ своимъ, и отъ всего сердца умоляйте Буддъ и Бодисадвъ быть Хэшаномъ и наставниками при возложеніи

на насъ: обѣтовъ Бодисадвы. Произнесите каждый свое имя.

Между тѣмъ, какъ произносятся имена, Хэшанъ встаетъ съ кресла, беретъ цвѣты и свѣчу, принимаетъ благоговѣнное положеніе, и, обращаясь къ просителямъ, говоритъ: — начнемте! (*поютъ*).

«Идемъ на встрѣчу съ благовоиємъ и цвѣтами; мы Викшу «такіе-то» съ чувствомъ особеннаго благоговѣнія просимъ:

Высокодобродѣтельнѣйшій! Во истину пришедшій Шакьямуни! возри на насъ «такіихъ-то», и благоволи быть Хэшаномъ при усвоеніи обѣтовъ. Только при твоємъ содѣйствіи мы можемъ усвоить обѣты трехъ совершенствъ и 10-ти пратимокшъ *)! Яви на насъ твою милость! (*Это повторяется трижды*).

Потомъ въ подобныхъ же выраженіяхъ обращаются съ просьбою къ Манчжушри Бодисадвѣ — быть дѣлопроизводителемъ, къ Майдари Бодисадвѣ — быть наставникомъ, ко всѣмъ Буддамъ — быть почетными свидѣтелями, ко всѣмъ Бодисадвамъ — признать ихъ сотоварищами по предмету дѣятельности. Каждую просьбу произносятъ по три раза и на каждый разъ дѣлаютъ поклоненіе. По окончаніи просьбъ Хэшанъ

*) Три совершенства (Самъ-цзюй) и 10 пратимокшъ — суть синонимы обѣтовъ Бодисадвы

садится на свое кресло, а просители становятся на колѣна. Хэшанъ говоритъ имъ :

«Въ книгѣ *Инь-ла-цзинь* сказано : въ слѣдъ за поклоненіемъ тремъ драгоценностямъ, должно научить четыремъ вѣчнымъ пунктамъ закона, чтобъ тѣмъ укрѣпить четыре обѣта *). Что же это за четыре вѣчныхъ (бу-хуай) пункта ученія? Наша человѣческая природа сама по себѣ одна единица; но въ этой таинственной единицѣ можно отличить четыре главныхъ момента, Будду, ученіе, братство и обѣты. Говорите : (*просители поспоряютъ за Хэшаомъ*).

1. Я «такой-то» отнынѣ и на вѣки обращаюсь **)
къ Буддѣ.
2. Я «такой-то» отнынѣ и на вѣки обращаюсь къ
ученію.
3. Я «такой-то» отнынѣ и на вѣки обращаюсь къ
братству.
4. Я «такой-то» отнынѣ и на вѣки обращаюсь къ
обѣтамъ!

(Ударъ) Хэшанъ продолжаетъ :

Дѣти Будды! *фань-ванъ-цзинь* ясно говоритъ, что согрѣшившіе въ настоящемъ перерожденіи хоть однимъ

*) а) Питаться милостыней, б) одѣваться сацею вещьюю одждою; в) жить въ услуженіи, подл деревомъ; г) въ случаѣ болѣзни, врачеваться лекарствомъ готовымъ, поднесенымъ. . . .

**) Въ подлинникѣ (*Гуй-и*) значить и обращаюсь, и вѣрую, и посвящаю себя.

изъ 7 преступленій не могутъ принять обѣтовъ. При сознаніи, къ величайшему удовольствію, оказалось, что изъ васъ никто не согрѣшалъ; слѣдовательно вы безпрепятственно можете принять обѣты. Между тѣмъ въ *Цзинь-инъ-ло* говорится еще слѣдующее: «по выраженіи убѣжденія въ истинѣ четырехъ вѣчныхъ пунктовъ ученія, должно научить очищенію отъ грѣховъ трехъ мірозданій. Что такое грѣхи трехъ мірозданій?— Необдуманныя поступки прежнихъ перерожденій суть сѣмена, причина грѣховъ въ послѣдующихъ перерожденіяхъ. Всѣ дѣйствія человѣка суть какъ бы удобная почва, съ избыткомъ произрастающая вѣтремая ея сѣмена зла; Сѣмена эти прозябаютъ, растутъ, зрѣютъ и новымъ, безчисленнымъ прежняго количествомъ, опять падаютъ на духъ. Вотъ и новыя сѣмена для новыхъ грѣховъ и бѣдствій въ будущемъ перерожденіи. И съ каждымъ шагомъ въ жизни, корень зла только усиливается, бѣдствія всё увеличиваются и въ будущемъ готовятъ безчисленные перерожденія. Такимъ образомъ, чтобъ избавиться перерожденій, чтобъ престать это зло, надобно совершить обрядъ очищенія предъ сѣдалищемъ всѣхъ Буддъ и Бодисавдъ. Въ этомъ случаѣ — когда вы отрѣчетесь отъ превратной дѣятельности — сѣмена зла, какъ болотное растеніе, пересаженное на сухую почву, засохнутъ. А когда уничтожится причина зла, тогда уничтожатся и слѣдствія его

т. е. бѣдствія и перерожденія. Говорите раздѣльно, ясно; говорите за мною.

1. Я «такой-то» хотя въ прежнемъ перерожденіи и грѣшилъ словомъ, дѣломъ, мыслию, 10-ю видами грѣха, впрочемъ теперь рѣшаюсь совершенно прекратить это, и не грѣшить до будущаго мірозданія (т. е. никогда). (поклонъ).

2. Я «такой-то» хотя въ настоящемъ перерожденіи и грѣшилъ словомъ, дѣломъ, мыслию 10-ю видами грѣха, впрочемъ отнынѣ рѣшаюсь прекратить это и не грѣшить до будущаго мірозданія. (поклонъ).

3. Я «такой-то» хотя въ слѣдующемъ перерожденіи и долженъ бы былъ грѣшить словомъ, дѣломъ, мыслию, 10-ю видами грѣха, однако теперь рѣшаюсь совершенно прекратить это и не грѣшить даже до будущаго мірозданія. (Поклонъ) (ударъ).

Дѣти Будды! вы совершили очищеніе; три стороны *) вашей дѣятельности чисты, какъ чистъ хрусталь прозрачный и блестящій съ обѣихъ сторонъ. Теперь вамъ остается дать мнѣ клятву въ точности сохранить 14 пунктовъ, основать на нихъ, и расположить по нимъ всю свою дѣятельность, и не отступать отъ нихъ, хотябъ это стоило и жизни. Теперь я трижды проговорю каждый изъ помннутыхъ 14-ти

*) То есть слово, дѣло, мысль.

пунктовъ, чтобъ вы совершенно поняли дѣло и, взирая къ сѣдалищамъ всѣхъ Буддъ и Бодисадвъ, раздѣльно и съ сознаниемъ произнесли клятву. *(ударъ)*.

1. Клянитесь, что вы съ сихъ поръ даже до перерожденія въ грядущемъ мірозданіи, постоянно будете заниматься размышленіемъ о Буддѣ, и сблизитесь съ хорошими людьми? *(Клянемся)*.

2. Что вы совершенно отстранитесь отъ худыхъ знакомствъ? *(Клянемся)*.

3. Что не нарушите ни одного изъ правилъ, хотябы это стоило вамъ жизни? *(Не нарушимъ!)*

4. Что вы постоянно будете заниматься чтеніемъ и пѣніемъ книгъ ученія, изученіемъ устава большой телъги, и стараться болѣе и болѣе проникать въ ея глубоко-сокровенный смыслъ? *(Постараемся!)*.

5. Что вы постоянно будете питать въ себѣ чувство, жажду высочайшей мудрости? *(Будемъ!)*

6. Что, видя бѣдствія всякихъ тварей, вы постараетесь спасти ихъ, оказывать имъ помощь?

(Постараемся!).

7. Что, внутренно питая благоговѣніе къ тремъ драгоценностямъ, вы по возможности будете выражать его и внѣшнимъ образомъ? *(Клянемся!)*

8. Что вы будете слушаться отца и матери, уважать вашихъ наставниковъ и старшихъ? *(Будемъ!)*

9. Что вы будете неуклонно, ревностно слѣдовать по пути Будды? (*Постараемся!*)

10. Что вы будете господствовать надъ своими чувствами? (*Объщаемъ!*).

11. Что въ силу вашего обѣта спасать всѣ твари, вы будете неослабно заботиться объ этомъ?

(*Объщаемъ!*).

12. Что, въ силу вашего обѣта пресѣкать всякое смущеніе (какъ причину зла, бѣдствій въ тваряхъ), вы ревностно позаботитесь объ этомъ?

(*Позаботимся!*).

13. Что, въ силу вашего обѣта изучать всѣ безчисленныя начала ученія, вы въ самомъ дѣлѣ исполните это? (*Исполнимъ!*).

14. Что, въ силу вашего обѣта совершить высшій путь Будды, вы на самомъ дѣлѣ совершите его?

(*Совершимъ!*).

VI. Самое возложеніе обѣтовъ.

(ударъ).

Дѣти Будды! если вы произнесли 14-ть великихъ клятвъ: то мнѣ остается встать съ кресла, совершить за васъ поклоненіе, и принести молитву ко всѣмъ Буддамъ и Бодисадвамъ настоящаго мірезданія, воз-

будить въ васъ пріемлемость и низвести на васъ существо обѣтовъ. Будьте же внимательны къ тому, что услышите, строго обдумывайте каждое слово. Знайте, что какъ скоро я произнесу молитву въ первый разъ, то несповѣдимое существо обѣтовъ, коснувшись силъ души, мгновенно потрясетъ ихъ; во второмъ разѣ обѣты спустятся на голову вашу, какъ облако, какъ покрывало; по третьемъ разѣ они проникнутъ въ ваше тѣло, наполнятъ вашу душу и даже до грядущаго мірозданія сдѣлаются для васъ неистребительнымъ сѣменемъ Будды. Таково существо обѣтовъ! Усиьте же въ себѣ пріемлемость; примите это существо обѣтовъ съ особеннымъ благоговѣніемъ!»

Сказавши это Хэнанъ встаетъ съ кресель, идетъ къ истукану Будды (два его помощника идутъ передъ нимъ и становятся одинъ по правую, а другой по лѣвую его руку, беретъ свѣчу, принимаетъ благоговѣнное положеніе, дѣлаетъ три поклоненія, *) складываетъ руки и произноситъ громко:

Будды и Бодисадвы всѣхъ безчисленныхъ и безпредѣльныхъ міровъ! Къ вамъ обращаю взоры мои. Вотъ здѣсь (въ такомъ-то городѣ и кумирнѣ) находятся такіе-то Бодисадвы. Они просятъ возложенія

*) Ставитсся на колѣнахъ.

обѣтовъ и я уже трижды засвидѣтельствовалъ ихъ просьбу. Будды и Бодисадвы, вы, кои одни совершенно и вполне постигли все видимое и невидимое, всякое время, мѣсто и всё живое! Благоволите быть свидѣтелями пріятія обѣтовъ Бодисадвы «такими-то»: по милости вашей, по милости вашей, по великой вашей милости!»

Проговоривши эту молитву трижды, Хэшанъ садится на свое кресло и начинается.

ИЗЛОЖЕНІЕ ПРАВИЛЪ УЧЕНІЯ.

(Ударъ). Дѣти Будды! Бодисадвы принимаютъ *) 10 *пратимоки*. Произнесите каждый свое имя!

1. Начиная съ настоящаго перерожденія даже до состоянія Будды, котораго вы рано или поздно достигнете, вы не должны намѣренно убивать;

2. Намѣренно красть;

3. Нарушать цѣломудрія;

4. Намѣренно лгать;

5. Намѣренно покупать вина (чтобъ пить или поить);

6. Съ удовольствіемъ осуждать кого либо изъ Бодисадвъ, Бикшу, Бикшуню, — за какіе либо грѣхи, слабости;

*) Изложенныя здѣсь правила обязываютъ только отшельниковъ; для мирянъ существуютъ другія.

7. Любить похвалы, искать ихъ, или поносить кого;
8. Быть особенно скупы, и на неотступныя просьбы другихъ отвѣчать бранью, ругательствомъ;
9. По злобѣ оставаться нераскаянными;
10. Намѣренно поносить три драгоценности.

Тотъ, кто изъ васъ преступитъ хотя одно изъ этихъ правилъ, поступитъ совершенно не такъ, какъ прилично Бодисадвѣ; онъ никогда не достигнетъ высшей мудрости и совершенства. Общаете ли вы исполнять эти 10 правилъ? (*Объщаемъ*)!

Дѣти Будды! взложивши 10 пратимокшъ, я изложу вамъ еще 48 легкихъ правилъ».

Хэшанъ исчисляетъ 48 нравственныхъ правилъ и принимаетъ отъ просителей обѣщаніе въ точности исполнять ихъ.

VII. Хваленіе.

«Дѣти Будды! Въ книгѣ *Инь-лэ-цзинъ* говорится, что «принявшій 10 пратимокшъ сталъ выше вліянія злыхъ духовъ, вышелъ за черту трехъ міровъ, исполненныхъ горестей. Сколько бы онъ ни перерождался, никогда не потеряетъ силы этихъ обѣтовъ, и, пока не достигнетъ состоянія Будды, всегда будетъ перерождаться въ человѣка.» Въ другомъ мѣстѣ: «принявши обѣты Бодисадвы, вдругъ (въ одно мгновеніе)

приобрѣтаетъ 8 важныхъ преимуществъ, именно: а) *Преимущество отпущенія* къ истиннымъ средствамъ самоусовершенія; онъ какъ (баснословная) птица, въ одинъ полѣтъ пролетающая 100,000 лн, пріятіемъ обѣтовъ минуешь 6 путей перерожденій и обѣ низшія телѣги — прямою дорогою совершаетъ путь высшей мудрости. б) *Преимущество степени*, на которой стоитъ Бодисадва. Принявшій обѣты Бодисадвы уже выше обѣихъ телѣгъ. Положимъ, что *Шами* идетъ вмѣстѣ съ Архатомъ; Архатъ идетъ въпереди, *Шами* уступаетъ. Но вотъ *Шами* почувствовалъ непогасимую жажду высшей мудрости, принимаетъ обѣты Бодисадвы; Архатъ уже обращается къ нему съ почтеніемъ, несетъ его одежду и чашку и уступаетъ дорогу. в) *Преимущество благодѣаній*. Положимъ, что кто либо рѣшился почитать всѣхъ великихъ Архатовъ, что на нашемъ материкѣ; какъ ни велика эта добродѣтель, но гораздо выше подвигъ того, кто почититъ хотя одного Бодисадву. г) *Преимущество силы*. Принявшій обѣты малой телѣги, какъ свѣтящійся червячекъ (т. е. прекрасенъ на взглядъ, только виденъ, свѣтитъ, но ничего не освѣщаетъ); Бодисадва какъ полуденное солнце, — и освѣщаетъ и согрѣваетъ. д) *Преимущество очищенія грѣховъ*. Еслибъ принявшему обѣты Бодисадвы и случилось согрѣшить: то онъ всё еще лучше ерети-

ковъ; потому что объты, наполнивъ существо дуа, не попускають грѣху проникнуть слишкомъ глубоко. Слѣдовательно, если Бодисадва и грѣшитъ даже равнымъ съ прочими грѣхомъ, то потерпѣть вредъ гораздо меньшей. е) *Преимущество рожденія*. Принявшій объты Бодисадвы, находясь въ утробѣ матери, всегда окружается блаженными духами, драконами, будто стражею. ж) *Преимущество таинственной силы* (шевь-тунъ). Принявшій объты Бодисадвы можетъ измѣнить величайшую рѣку воды въ рѣку молока, всю землю превратить въ золото, изъ одного мгновенія составить больше 1000 живней, изъ одного дня произвести множество великихъ калпъ. з) *Преимущество награды*. Принявшій объты Бодисадвы, переродившись на морѣ лотосовъ, достигши истинно вѣчнаго, уже болѣе не перерождается». Дѣти Будды! вы теперь приняли объты Бодисадвы; постарайтесь же не напрасно владѣть ихъ преимуществами; блюдите ихъ, выполняйте на самомъ дѣлѣ. Они ваша твердыня, вашъ плавательный мѣхъ. Будьте неразлучны съ ученіемъ большой телѣги, какъ Бикшу неразлученъ съ рогожкой. Не давайте простыть жару любви къ высочайшей мудрости: ни на минуту не оставляйте власти надъ мыслию. Если мысль ваша хотя на мгновеніе обратится къ малой телѣгѣ, то вы уже не Бо-

двѣсавды. И такъ дорожите вашими преимуществами, и нерадѣніемъ не погубите ихъ». (*Ударъ*) Все поклоняются; Хэманъ встаетъ съ кресла, складываетъ руки и громко произноситъ :

«Таковыми преимуществами, соединенными съ обѣтами, да будутъ вознаграждены все ваши благодѣтели, облегчены страданія тварей, невидимое и видимое да возраститъ въ себѣ истинное знаніе, въ обществѣ подвижниковъ да цвѣтетъ премудрость, въ великомъ собраніи да возгласится хвалебная пѣснь Будды.

(*поютъ*).

Желая, чтобы все страстное, погрязшее въ нечистотѣ какъ можно скорѣе достигло безпредѣльной, свѣтозарной области Будды, возносятъ *) прекраснѣйшій подвигъ привітія обѣтовъ, и безмѣрное, несравненное счастье! Да будутъ прославлены Будды трехъ мірозданій, виновники настоящей хвалебной пѣсни, — *Валшю*, **) *Пучиль* и *шеу* Водисавды, Магасавды, Магабодди, Парамита!

Этимъ хваленіемъ оканчивается возложеніе обѣтовъ. Все собраніе превозмаетъ Хэмана въ его поклоны и расходится.

*) Привосишь (въ даръ, честь).

**) Манчжурин.

По окончаніи возложенія обѣтовъ, приняшіе ихъ уходятъ каждый въ свое убѣжище, еще прежде имъ избранное; въ кумирнѣ остаются только постоянные ея жильцы, и жизнь и дѣятельность этой обители мира и покоя, въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ бывшія въ такомъ сильномъ напряженіи, возвращаются въ свое прежнее, нормальное положеніе.

Въ казенныхъ кумирняхъ, по волѣ Государя, отшельникамъ при отпускѣ даются дипломы *) (цзѣ-дѣ); съ этимъ дипломомъ Буддисты путешествуютъ всюду по Китаю, безъ всякаго задержанія. Говорятъ, что прежде, въ каждомъ людномъ и правительственномъ мѣстѣ, былъ приготовляемъ чай и завтракъ всякому предъявителю диплома. Нынѣ этого уже нѣтъ. Но строго наблюдается то, чтобы начальствующими въ общежительныхъ убѣжищахъ утверждались только предъявители диплома, и чтобы дипломы эти выдавались лишь въ казенныхъ кумирняхъ. Частныя же кумирни выдаютъ только копию съ записи о принятіи въ отшельники (*фа-цзюань*); это дѣлается на случай какихъ либо розысканій. Подобныя копии выдаются и въ казенныхъ кумирняхъ; но во всякомъ случаѣ важенъ только дипломъ.

*) Съ 17-го года *Шунь-чжэи*, первого Манчжурскаго Государя въ Китаѣ.

ПОЯСНЕНІЯ.

1. Міръ, по понятію Буддистовъ, въ разсужденіи матеріи вѣченъ, въ разсужденіи же формы существованія его времененъ,—и въ этомъ отношеніи они различаютъ четыре времени, или, какъ они называютъ, калпы: а) калпа хаотическаго состоянія, б) калпа образованія, в) калпа цвѣтущаго состоянія, и г) калпа разрушенія. Эти калпы слѣдуютъ одна за другою въ непрерывной послѣдовательности — безначально и безконечно. Міръ самъ собою составляется, цвѣтетъ жизнью, разрушается и отдыхаетъ въ хаотическомъ состояніи, какъ бы собираясь съ силами для новой жизни въ новомъ порядкѣ калпъ. Періодъ времени, состоящій изъ 4-хъ калпъ, называется мірозданіемъ, большою калпою. Чтобъ объяснить какъ великъ періодъ одного мірозданія, Буддисты говорятъ, что онъ слагается изъ 80 малыхъ калпъ; а эта малая калпа состоитъ по ихъ вычисленію изъ 16.800.000 лѣтъ. Слѣдовательно одно мірозданіе равняется 1.344.000.000 лѣтъ; а каждая средняя калпа = 363.000.000 лѣтъ.

2. Буддисты въ центрѣ всего воображаемаго мира поставили гору Сумеру, четырехъ-гранную, всю состоящую изъ драгоценностей. Къ сѣверу—кристалльная грань, къ югу—изъ лазурника, къ востоку—золотая, къ западу — серебряная. На свѣтѣ нѣтъ горы выше Сумеру. Эта замѣчательная гора окружена моремъ. На морѣ по странамъ свѣта находятся четыре большихъ острова или материка. На всѣхъ этихъ материкахъ живутъ люди, съ разными свойствами тѣлесными и душевными. Земной шаръ, на которомъ мы живемъ, по мнѣнію Буддистовъ, на югѣ отъ Сумеру, и называется: Джамбудвипа (Нанъ-янъ-фу-ти).

3. На нашемъ материкѣ существуютъ шесть путей перерожденій ¹⁾, именно въ нисходящей лѣвнѣ: а) перерожденіе въ духовъ счастливыхъ; б) въ людей, в) въ асуръ, г) въ адахъ, д) въ голодныхъ духовъ, е) въ безсловесныхъ — до инфузоріи включительно. Всѣ сіи шесть путей перерожденій суть не иное что, какъ степени большаго или меньшаго совершенства души, прежде разумной, но огрубѣвшей и помрачившейся. По мѣрѣ своего очищенія, возвращенія къ прежнему совершенству, она возвышается и состояніемъ своимъ, напр. изъ безсловесныхъ она перерождается въ людей, въ адахъ,

¹⁾ См. ниже подъ цифрою 13.

въ голодныхъ или счастливыхъ духовъ, и когда возвысится до совершанія абсолютнаго, полной жизни духа, то переходитъ за черту всѣхъ шести путей перерожденій. Само собою разумѣется, что въ каждомъ состояніи много соблазновъ, что стремясь къ совершенству большому — при малѣйшей неосторожности, легко потерять и то, что приобрѣтено. Выйти за черту перерожденій значитъ возвратиться на родину, погрузиться въ Нирвану — покой, бытіе неизяснимое, высшее волею жизни.

4. Духи счастливые размѣщены въ 28 небесахъ. Небеса возвышаются надъ горою Сумеру одни надъ другими, и раздѣлены на три отдѣла или міра. Первый, нижній отдѣлъ, называется: міръ вождельній (юй-цзѣ). Въ этомъ отдѣлѣ шесть небесъ. Въ первомъ небѣ по границѣ горы обитаютъ четыре главныхъ духа (Сы-тинь-ванъ). Во второмъ изъ нихъ господствуетъ Индра съ 32-мя духами, составляющими штатъ его двора. Въ 4-мъ живетъ теперь Майдари — будущій Будда. Въ 6-мъ живетъ Мо-ванъ (Мара), вѣчный противникъ Буддизма. Этотъ Мо-ванъ завѣдуетъ всѣмъ міромъ вождельній. Быть этого міра совершенно людскою. Духи одѣваются, пьютъ, ѣдятъ, женятся, выходятъ за мужъ; у нихъ есть палаты, дома, сады, музыка. Все различіе состоитъ въ томъ, что духи и долголѣтнѣе, и ростомъ крупнѣе людей. Второй отдѣлъ на

называется: *міръ мыслимый* (міръ формъ — Сэ-цзъ). Въ немъ 18 небесъ, кои раздѣляются на четыре безмолвія (чанъ). Въ каждомъ изъ первыхъ трехъ безмолвіи заключается по три неба, а въ послѣднемъ одномъ 9. Въ первыхъ трехъ небесахъ (первомъ безмолвіи) владычествуетъ *Брама*, одинъ изъ 20 покровителей назвизхъ существъ, — духъ строгихъ правилъ, просвѣщенный и вообще отличный Государь. Въ міръ мыслимомъ нтъ уже различія половъ; тамъ даже не носятъ уже и одежды: наслаждаются и питаются созерцаніемъ (чавдинъ). Долголѣтіе самое меньшее — перваго неба — малая калпа, самое большее — послѣдняго неба — 5000 калпъ. Послѣдній отдѣлъ называется: *міръ несообразимый* (у-сэ-цзъ). Въ немъ 4 неба. Духи этихъ небесъ еще чще и совершеннѣе. Ихъ долголѣтіе — въ первомъ небѣ: 10.000 калпъ, а въ послѣднемъ 84.000 калпъ. Отживши узаконенный срокъ, всѣ эти души умиряютъ и, смотря по чистотѣ своей основной природы, перерождаются въ соответственномъ состояніи. Здѣсь лежатъ черта перерожденій. Ниже ея — во всѣхъ 28 небесахъ, равно какъ и ниже ихъ — въ людяхъ, здахъ, голодныхъ духахъ, асурахъ, и животныхъ — существуютъ рожденія и перерожденія. Далѣе — выше этой черты начинается область собственно только уже душъ, или какъ говорятъ Буддисты — пустота, Нирвана.

5. Чтобъ выразить, какое необъятное пространство занимають эти 28 небесъ, Буддисты дѣлають слѣдующую выкладку. Гора Сумеру возвышается на 3.360.000 верстъ (ли), около нея кружится только одно солнце, и освѣщаетъ всѣ 4 страны свѣта. Небеса начинаются съ пол-горы, и до вершины ея, на протяженіи 1.680.000 верстъ, только два неба. Между тѣмъ взаимныя разстоянія небесъ постепенно увеличиваются. Если взять разстоянія 6-ти небесъ и помножить на 1000 разъ, то это будетъ только міръ вождельній (т. е. 5.040.000.000 верстъ во всѣ стороны). Это называется малый хиліокозмъ. Если малый хиліокозмъ помножить еще на 1000: то это будетъ средній хиліокозмъ; онъ займетъ мѣсто только по третье безмолвіе включительно. Если же средній хиліокозмъ помножить на тысячу: то это будетъ большой хиліокозмъ; онъ доходитъ только по четвертое безмолвіе включительно. Большой хиліокозмъ, помноженный на 3000, займетъ уже всѣ 28 небесъ. Въ этомъ необъятномъ пространствѣ кружится 10 миліоновъ такихъ солнць, какъ нами видимое. Это пространство называется Саха (са-по), область, въ которой нынѣ Буддою Шакьямуни.

6. Сказанное пространство далеко не исчерпываетъ существующаго. Во вселенной это не больше, какъ точка, капля въ морѣ. По направленію же странъ свѣта, на востокъ, западъ, сѣверъ и югъ, не счетное множество

подобныхъ отдѣловъ; въ каждомъ изъ нихъ являютсѣ Будды и проповѣдуютъ ученіе.

7. Хэшанъ — слово не Китайское; Китайцы говорятъ, что оно Санскритское (хань-юй). Оно означаетъ собственно начальника общежительнаго убѣжища, наставника. Но въ обыкновенномъ разговорѣ нынѣ въ Китаѣ словомъ Хэшанъ называютъ всякаго, одѣтаго по Буддѣйски. Отъ этого и самое Буддѣйское ученіе называлось ученіемъ Хэшанскимъ.

8. Когда Шакьямуни ушелъ изъ дому отца и сдѣлался отшельникомъ: то отецъ — по любви своей родительской послалъ пять человѣкъ прислуживать Шакьямуни и доставлять ему все нужное, а главное при всякомъ удобномъ случаѣ совѣтовать возвратиться домой. Но такъ какъ Шакьямуни ничего отъ нихъ не принималъ и ихъ рѣчей не слушалъ: то они, скучая праздноствіемъ, и боясь возвратиться къ Государю, ушли въ садъ, называемый оленій (лу-юань), и, какъ народъ ученый, занимались тамъ науками. Когда Будда достигъ своего совершенства, то пришелъ къ нимъ и, на первый разъ, передалъ имъ ученіе о 4 коренныхъ пунктахъ (сы-ди). (Китайскіе буддисты называютъ эти 4 пункта ученія такъ: ку, цзи, мь, дао. Подъ именемъ ку разумѣютъ всѣ горести и бѣдствія жизни, причина ихъ лежитъ въ цзи т. е. суммѣ, количествѣ грѣховъ, въ слѣдствіе которыхъ въ недѣлимыхъ раз-

вызывается большая или меньшая степень зла и бѣдствій, то или другое состояніе въ перерожденіяхъ. Кто хочетъ избѣжать этихъ золъ и бѣдствій—что называется *ма*, тотъ долженъ принять дѣятельныя противъ этого мѣры, упражняться въ законъ *дао*, т. е. вступить въ общество буддистовъ и изучить ихъ взглядъ на жизнь и образъ дѣятельности). Имена 5 стинельниковъ суть: *Ажо-цзя-ченъ-жу*, *О-пи*, *Па-ти*, *Ши-ли-цзя-ль*, *Цзюй-ли-тай-цзы*.

9. Словомъ *у-сей* Китайцы называютъ ученіе Даосовъ; словомъ *Бай-лян* — секту религіозно-политическую, съ давнихъ временъ существующую въ Китаѣ. Китайцы все бывшія у нихъ возмущенія приписываютъ этой сектѣ, и, во время настоящей династіи въ Китаѣ, была большая съ нею война.

10. Будда различилъ три времени въ отношеніи къ состоянію своего ученія, и назвалъ: «Первое—истиннымъ ученіемъ (*чжень-фа*); это самое цвѣтущее состояніе буддизма, когда будетъ и много послѣдователей, и истинныхъ подвижниковъ, и дѣйствительно достигающихъ высшаго совершенства; Второе: подобнымъ истинному ученію (*сянь-фа*); это время похоже на первое только по виду, вѣрностію, но не будетъ имѣть той внутренней силы, какъ первое: въ это время много будетъ и послѣдователей и подвижниковъ, но мало людей достигающихъ высшаго совершенства;

Третье—последнее учение (мо-фа); это самое плохое время для буддизма; въ это время хотя и много будетъ послѣдователей, но уже мало будетъ и подвижниковъ. Первое время продолжится 1000 (а по другимъ 1500) лѣтъ; второе—тоже 1000 (а по другимъ 1500, даже 2500) лѣтъ; третье—10 т. (а по другимъ 30 т.) лѣтъ.» Настоящія времена буддисты считаютъ уже послѣдними.

11. Бикшу, въ ихъ нравственномъ отношеніи, раздѣляются на четыре класса. А) *Настоящіе Бикшу*; это люди, съ успѣхомъ подвизающіеся въ самоусовершеніи (шенъ-и-сэнъ); б) *мірляе бикшу* т. е. такіе, про которыхъ нельзя сказать ничего худаго; по видимому они живутъ примѣрно, исполняютъ обѣты точно, но безъ успѣха въ самоусовершеніи (ши-су-сэнъ); в) *лѣмме бараны* т. е. такіе бикшу, кои живутъ хотя и хорошо, но не по убѣжденію, а по обстоятельствамъ, безотчетно; они такъ слабы въ ученіи, что не различать худого отъ хорошаго, и рѣшительно не могутъ дать отчета почему хорошее хорошо, а худое худо (я-янъ-сэнъ); г) *безсовѣстные* т. е. такіе бикшу, кои живутъ худо, рѣшительно не по обѣту; безъ стыда предъ людьми, и безъ страха судьбы, ихъ ожидающей, живутъ нераскаянно.

12. Телѣга по китайски *чэнь*. Это слово взято метафорически, въ смыслѣ перенравы, того средства, пути, которымъ основная природа въ недѣлимыхъ идетъ къ

своему первобытному совершенству. Если основная природа пойдет худою дорогою, путемъ зла и омраченія: то это называется ѣхать на изломанной телѣгѣ, въ которую запряженъ хромой осель (по-люй-хуай-чэ). Если же разумное начало, убоясь худаго пути, зла и бѣдствій, отяготѣвшихъ надъ тварями, примется за изученіе средствъ, *) ведущихъ за черту перерожденій, и безостановочно пойдетъ къ нирванѣ: то это значитъ ѣхать на телѣгѣ, въ которую запряженъ баранъ (янь-чэ). Если же разумное начало, само—безъ всякой внѣшней помощи, силою своей мысли (о 12 ниданяхъ), пойдетъ за черту перерожденій: то это значитъ ѣхать на телѣгѣ, въ которую запряженъ олень (лу-чэ). Если же разумное начало, рассмотрѣвши тщету всего сущаго, тронется бѣдствіями тварей, рѣшится дѣйствовать не только для личной пользы, личнаго освобожденія отъ зла, но, подвизаясь само, будетъ и другимъ помогать въ стремленіи къ Нирванѣ: то это значитъ ѣхать на телѣгѣ, въ которую запряженъ быкъ (ню-чэ). Наконецъ если разумное начало достигнетъ полнаго самопрозрѣнія, и, какъ совершенно прозрѣвшее, будетъ неутомимо дѣйствовать въ пользу тварей и приводить ихъ къ Нирванѣ: то это будетъ значитъ ѣхать на телѣгѣ, въ которую запряженъ большой бѣлый быкъ (да-бай-ню-

*) То есть предложенныхъ Буддою.

ча). Первая телѣга есть символъ мирянъ, которые хотѣ и движутся, стремятся къ Nirvanѣ, но мѣры, ими принятыя, совершенно недействительны; на хромомъ ослѣ и изломанной телѣгѣ имъ не выѣхать за черту перерожденій. Вторая телѣга есть символъ отшельниковъ, Шраваковъ—последователей и учениковъ Будды. Средства, ими избранныя, приносятъ только личную пользу; на одномъ баранѣ двоимъ нельзя ѣхать. Третья телѣга есть символъ пратьякабуддъ (жанъ-цзид, ду-цзид). Они выходятъ за черту перерожденій: не одни, но хотя и не намѣренно, а влекутъ за собою и еще кого-нибудь *). Четвертая телѣга есть символъ бодисадвъ. Ихъ телѣга очень помѣстительна, и животное довольно сильно; они могутъ везти съ собою къ Nirvanѣ очень многихъ. Последняя телѣга есть символъ буддъ. Ихъ телѣга всеобъемлюща и животное изъ употребляемыхъ въ упряжь самое сильное **) Впрочемъ телѣга чаще раздѣляются на три, именно: а) телѣга шраваковъ (здѣсь разумѣются обѣ первыя телѣги, и мирянъ и отшельниковъ), б) телѣга пратьякабуддъ, и в) телѣга бодисадвъ и буддъ; а еще чаще—на двѣ: большую и малую. Въ этомъ случаѣ подъ малою телѣгою разумѣются первыя три, а подъ большою—последнія двѣ.

*) То есть, сами хорошо постигая дѣло, они могутъ иногда растолковать и другимъ.

**) Это раздѣленіе взято изъ введенія въ *Дзи-синь-лунь-лю-сань*.

13. Въ 8 классахъ существъ заключаются: а) души счастливыя, тѣ семьи, которые размѣщены въ 28 небесахъ. б) Драконы (луиъ) т. е. тѣ, кои находятся въ качествѣ хранителей и стражей при дворцахъ и храмахъ на небесахъ, *) кои охраняютъ землю, орошаютъ ее дождемъ. в) Явсы (ъ-ча) существа, одаренныя способностію летать безъ крыльевъ. Они охраняютъ на небесахъ городскія стѣны, каналы, ворота, башни. г) Кандагарвы (гань-да-по): это свита Индры; его музыканты и садовники. Они не употребляютъ вина и мяса; питаются запахомъ цвѣтовъ. д) Асуры (а-сю-ло) это духи ни на что не похожіе, совершенно безобразныя. Они наслаждаются счастіемъ, какъ и духи, но не имѣютъ ихъ изящныхъ формъ и осанки. Въ предшествующихъ перерожденіяхъ они были народъ добродѣтельный, но чрезвычайно вспыльчивый, сердитый; по этому хотя добродѣтель и привела ихъ къ счастію, но вспыльчивость лишила ихъ благообразія. е) Гаруды (цзя-лю-ло), золотокрылыя птицы. Они въ одинъ полетъ дѣлаютъ 3,360,000 верстъ (ли). Питаются драконами. ж) Киннары (цинъ-на-ло); это души съ виду похожіе на человека, только съ рогами, но владѣющіе легкостію и проворствомъ духовъ. з) Магарага (мо-хо-ло-ца) земные драконы, змѣи. Всѣ сіи 8 классовъ

*) Есть еще другіе души, кои живутъ въ морѣ, и у Буддистовъ Тибетскихъ изображаются въ подобіе Сиренъ.

существо владычествуют способностью размышлять, любить изучать и съ пользою изучаютъ буддизмъ. Они хранители и поборники ученія, всѣми, отъ нихъ зависящими мѣрами, содѣйствуютъ и радуются цвѣтущему состоянію буддизма, и къ людямъ, созрѣвшимъ для жизни въ Нирванѣ, они являютъ съ почетомъ, поздравленіемъ.

14. 12 категорій книгъ Буддистовъ суть слѣдующія :

1. *Судра* — тѣ мѣста книгъ Буддическихъ, въ которыхъ заключается основное ученіе, какимъ бы размѣромъ оно ни было написано.

2. *Гэ-я* — тѣ мѣста, въ которыхъ повторяется вышензложенное ученіе, но уже въ стихахъ; это нѣчто въ родѣ результатовъ, конечныхъ выводовъ изъ длиннаго разсужденія о предметѣ, — выводовъ, сказанныхъ мѣрною рѣчью.

3. *Гата* — мѣста, даже цѣлыя книги, въ которыхъ ученіе изложено стихами безъ отношенія къ предыдущему и послѣдующему.

4. *Нидана* — тѣ мѣста, въ которыхъ изъясняется, что то-то сказано, сдѣлано или узаконено по такой-то причинѣ и пр.

5. *Ативериттака* — мѣста, въ которыхъ излагаются какія нибудь дѣйствія учениковъ Будды, или Бодисадвъ, учиненныя ими въ прежнихъ перерожденіяхъ.

Таково напр. мѣсто въ Хуа-янь-цзинѣ, гдѣ разсказывается, что Бодисадва Йо-ванъ сжегъ свое тѣло изъ желанія достигнуть высшаго совершенства.

6. *Чжадака* — тѣ мѣста, гдѣ повѣствуется о различныхъ состояніяхъ, въ коихъ нѣкогда находились Будды в Бодисадвы. Таково напр. мѣсто въ Непань-цзинѣ, гдѣ Будда говоритъ, что онъ въ предшествовавшихъ перерожденіяхъ былъ и дракономъ, и гарудою, и пр.

7. *Амбуадарма* — изложеніе обстоятельствъ небывалыхъ, изумительныхъ, чудныхъ. Таковъ разсказъ о Буддѣ, что онъ, лишь только родился, всталъ на ноги, прошелъ семь шаговъ и сказалъ: я просвѣтитель всѣхъ тварей и пр.

8. *Авадана* — разныя сравненія, подобія, къ коимъ Будда прибѣгалъ, чтобы объяснить свою мысль.

9. *Упадеша* — ученіе, изложенное въ вопросахъ и отвѣтахъ.

10. *Удасена* — тѣ мѣста, гдѣ Будда самъ, смотря по расположенію своихъ слушателей, изъясняетъ имъ ученіе, не дожидаясь отъ нихъ вопросовъ.

11. *Вайтуля* — тѣ мѣста въ книгахъ, или и цѣлыя книги, въ коихъ, по мнѣнію Буддистовъ, заключается ученіе глубокое, многообъемлющее, многостороннее (фанъ-дзэнъ).

12. *Вьякарана* — мѣста предсказательныя.

Категоріи суть вѣчто въ родѣ грамматическихъ частей рѣчи; Буддисты пользуются ими при изъясненіи своихъ книгъ. Прочитавши текстъ, прежде всего нужно опредѣлить, къ какой категоріи принадлежитъ онъ, а потомъ уже доискиваться смысла.

15. У поступающихъ въ Бикшу спрашивается, не драконы ли они, по слѣдующему, странному обстоятельству. Однажды, когда Будда жилъ съ своими учениками въ саду *Цзи-гу-ду*, царь морскихъ драконовъ принялъ на себя видъ человѣка, пришелъ къ нимъ въ садъ и просилъ возложенія обѣтовъ. Братство, радуясь умноженію своего общества, и ничего не подозревая, возложило обѣты на дракона. Драконъ Бикшу усѣлся созерцать; прочіе бикшу вышли изъ залы. Оставшись одинъ, драконъ совершенно погрузился въ созерцаніе и заснулъ. Между тѣмъ извѣстно, что драконы, имѣя способность принимать на себя всякой видъ, какой имъ угодно, не могутъ удержать его, какъ скоро заснутъ. Бикшу (люди), возвратившись въ залу, закричали отъ страха, увидя огромнаго дракона на мѣстѣ новопринятаго собрата. Крикъ разбудилъ созерцающаго дракона; онъ проснулся, и, снова принявши видъ человѣка, сѣлъ въ положеніи созерцающаго. Такое превращеніе еще болѣе напугало искуженныхъ бикшу; они побѣжали къ Буддѣ и все рассказали ему. Будда отвѣчалъ имъ, что это не человѣкъ, а царь драконовъ;

затѣмъ призвалъ къ себѣ дракона, сказалъ ему поученіе, и отослалъ въ свое царство; для Бикшу постановилъ правило: драконовъ не принимать въ число братава.»

КИТАЙСКАЯ МЕДИЦИНА.

КИТАЙСКАЯ МЕДИЦИНА.

ВВЕДЕНИЕ *).

Имѣя цѣлю представить сколько возможно подробное и полное понятіе о Медицинѣ у Китайцевъ, прежде всего должно-бы было прослѣдить исторически, какъ первоначальное развитіе, такъ и постепенное усовершенствованіе этой отрасли Китайскихъ познаній. Такого способа изложенія требуетъ какъ самая полнота предмета, такъ и легкость, удобнопонятность, съ которыми бы можно было перейти отъ медицины древней къ медицинѣ позднѣйшаго времени.

Повидимому, нигдѣ легче, какъ въ Китаѣ, сохранившемъ во всей цѣлости свою древнюю исторію, нельзя находить вѣрныхъ историческихъ свѣдѣній по разнымъ частямъ человѣческихъ познаній. Но такое

*) Видѣть, по недостатку мѣста, помѣщено лишь введеніе къ статьѣ г. Татарнинова, заключающее въ себѣ общія свѣдѣнія о положеніи въ Китаѣ медицины и врачей.

предположеніе, справедливое можетъ быть въ отношеніи къ другимъ предметамъ, трудно-выполнимо въ отношеніи къ медицинѣ. Правда, литература Китайской медицины весьма богата сочиненіями, между которыми многія восходятъ до глубокой древности; но изъ всѣхъ нихъ мало можно занять касающагося до Исторіи Медицины въ Китаѣ. Причиною сего частію недостаточность свѣдѣній, находящихся въ этихъ сочиненіяхъ, а отчасти — самый способъ изложенія оныхъ. Въ Китаѣ книги пишутся совершенно особымъ складомъ, даже можно сказать — безъ строгой логики. Здѣсь разумѣются только книги медицинскія. Въ каждой изъ нихъ то, что излагается въ началѣ, для лучшей послѣдовательности должно-бы находиться въ концѣ, или на оборотъ. Отъ этого излагаемый предметъ дѣлается не яснымъ и надобно прочесть большую часть сочиненія, чтобы составить о немъ сколько нибудь вѣрное понятіе. Кроме того, общій недостатокъ Китайскихъ медицинскихъ книгъ состоитъ еще въ томъ, что каждая изъ нихъ повторяетъ почти одно и то же безъ всякой переменны, или только съ переставкою мѣста. Исключеній изъ этого общаго недостатка найдется немного и всѣ они состоятъ лишь въ прибавкѣ какого нибудь новаго, необыкновенно счастливаго исцѣленія какой либо болѣзни, особеннымъ, загадочнымъ способомъ, или въ умноженіи чи-

сла рецептовъ, выписываемыхъ всегда изъ другихъ книгъ и т. п.

Сколько удалось мнѣ пересмотрѣть Китайскихъ медицинскихъ книгъ, всё онѣ состоятъ изъ статей, взятыхъ у разныхъ авторовъ и поставленныхъ одна подлѣ другой безъ всякой связи и послѣдовательности. Послѣ выписки изъ того, или другаго сочиненія (иногда до пяти и болѣе), авторъ книги прибавляетъ, что онъ (такой-то), по глупости своей (обыкновенная фраза Китайскихъ ученыхъ, когда они хотятъ высказать свое мнѣніе) думаетъ, что мнѣніе ученаго автора такой-то книги весьма основательно и справедливо, и съ своей стороны прибавляетъ только, что кашель, напримѣръ, не всегда означаетъ страданіе легкихъ и т. п. Весь споръ, вся критика, ограничиваются всегда подобными замѣчаніями, касающимся болѣе припадковъ, или распознаванія болѣзней — двухъ предметовъ, всегда такъ сбивчиво, такъ разнообразно описываемыхъ въ Китайскихъ медицинскихъ книгахъ. До сихъ поръ еще никто изъ Китайскихъ врачей не отваживался разбирать прочность и справедливость основныхъ положеній своей медицины и доказывать могущую произойти пользу отъ измѣненія оныхъ. Все сказанное въ древнихъ медицинскихъ книгахъ признавалось всегда и вездѣ за непреложную истину, не слѣдовать которой значило бы, во всякомъ случаѣ, подвергать свои мнѣ-

ніа осужденію, какъ неспыны. Таково у нихъ умженіе въ древнему! — Полное образованіе Китаиы состоитъ въ вознаніи всего древняго и онъ знаетъ только то, что знали его предки за двѣсти, за тысячу лѣтъ врьдъ тѣмъ. Послѣ этого ничего нѣтъ удивительнаго, что Китайская медицина не подалась ни на шагъ впередъ съ тѣхъ поръ, какъ правила, положенія ея были начертаны императоромъ Хуанъ-ди. Китай доказываетъ собою протівное принятому мнѣнію, что человѣческимъ знаніямъ суждено постепенное усовершенствованіе. Онъ, если пойдетъ назадъ въ своемъ нравственномъ и физическомъ образованіи, то остановился на той степени, до которой достигъ уже давно!

Убѣдившись, что Китайскія медицинскія книги пишутся по одному и тому же образцу, слѣдуя до послѣдняго слова опредѣленію древнихъ, для насъ истекаетъ необходимость имѣть отдѣльныя понятія о книгахъ позднѣйшаго происхожденія и о книгахъ старинныхъ. Въ тѣхъ и другихъ не найдемъ ничего особеннаго, отличительнаго, тѣмъ болѣе не узнаемъ первоначальнаго состоянія и постепеннаго усовершенствованія Китайской медицины. Все ея положенія и главныя основанія представляются намъ въ томъ же самомъ видѣ и въ книгахъ за 200, за 300 лѣтъ до сего составленныхъ, и въ книгахъ, весьма близкихъ къ настоящему времени. Для тѣхъ и другихъ слышалъ одинъ и тотъ

же источникъ: книга императора Хуанъ-ди, *Нэй-цзинъ*. Следовательно, говоря о медицинѣ въ Китаѣ въ настоящее время, вѣтъ необходимости говорить отдѣльно о медицинѣ въ древности.

По такому плану составлена и предлагаемая мною здѣсь статья о Китайской медицинѣ. Смѣю думать, что для любопытства нашихъ соотечественниковъ, не имѣвшихъ до сихъ поръ точныхъ свѣдѣній по этому предмету, и мой трудъ, во всѣхъ отношеніяхъ слабый и недостаточный, будетъ отчасти удовлетворителенъ, какъ начало, требующее дальнѣйшаго усовершенствованія, какого можно ожидать отъ людей, которымъ случай позволить имѣть большій противъ меня досугъ и лучшія познанія въ Китайскомъ языкѣ и въ Китайской медицинѣ въ особенности!

НАЧАЛО МЕДИЦИНЫ ВЪ КИТАѢ.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ народы и въ перво-
бытномъ своемъ состояніи умѣли врачевать болѣз-
ни. Человѣкъ, одаренный разумомъ, и потому сто-
ящій выше всѣхъ животныхъ въ нравственномъ
отношеніи, далеко уступаетъ имъ въ крѣпости тѣла
и въ способности переносить страданія физическія.
Человѣку, по этому, суждено отъ рожденія бороть-
ся съ физическими вліяніями, которыя во вся-
комъ случаѣ и на здоровье совершенное, при извѣст-
ныхъ условіяхъ, должны дѣйствовать неблагопріятно,
производить въ немъ перемѣны, болѣзнь. Тотъ же
разумъ училъ человѣка, какъ противостоятъ благо-
пріятнымъ вліяніямъ природы и какъ уничтожать въ
себѣ тѣ вредныя послѣдствія, которыя могли произой-
ти отъ этихъ вліяній. У всѣхъ народовъ природа была
общимъ, первоначальнымъ наставникомъ, и если бы

можно было читать исторію первобытнаго состоянія каждаго поколѣнія; то мы нашли бы самыя разнообразныя, самыя удивительныя средства, которыя избиралъ человекъ для своего самосохраненія.

Ни одинъ, можетъ быть, народъ не представляетъ такого счастливаго примѣра своей исторической самобытности, какъ Китайцы. Ихъ исторія, призванная за несомнѣнную, восходитъ до 2357 года до Р. Х., а по другимъ — до 2637 года, т. е. до 61 года царствованія императора *Хуань-ди*. Какъ въ исторіи другихъ народовъ, такъ и въ исторіи Китайцевъ, первобытныя времена рассказываются сбивчиво, недостоверно. По незнанію письменности, событія переходили отъ одного поколѣнія къ другому въ изустныхъ преданіяхъ и сохранялись въ такомъ видѣ до изобрѣтенія буквъ, когда эти событія были рассказаны уже письменно но безъ связи и такъ, что представляютъ больше невѣроятнаго, сказочнаго, нежели дѣйствительнаго и истиннаго. *Кун-фу-цзы*, единственный историкъ древняго Китая, началъ исторію его съ 2277 года до Р. Х., отвергнувъ всѣ сказанія о временахъ, до сего періода бывшихъ, какъ неосновательныя. Хотя въ классическихъ книгахъ, приписываемыхъ преданіемъ кисти *Кун-фу-цзы*, или его учениковъ, упоминается объ именахъ пяти императоровъ и трехъ князей; но время существованія ихъ остается неизвѣстнымъ, и только уже

историкъ *Сы-ма-цзя*, жившій во II вѣкѣ до Р. Х., написалъ Китайскую исторію по преданіямъ, начавъ оную съ 61 года царствованія императора *Хуань-ди*, т. е. съ 2637 года до Р. Х. и доведши до 140 года предъ Р. Х.

Въ этой исторіи нельзя отыскать ничего касательно исторіи медицины въ Китаѣ, и собственно только въ древнихъ медицинскихъ книгахъ, именно въ книгѣ: *Хуань-ди-нэй-цзинь*, вопросъ этотъ можетъ быть поясненъ отчасти. Судя по названію, показывающему имя сочинителя, и по тому, что Китайскіе врачи единогласно признаютъ императора *Хуань-ди* составителемъ книги *Нэй-цзинь*, выходитъ, что медицина въ Китаѣ древнѣе самой исторіи его. Но слѣдовать убѣжденію Китайскихъ врачей и согласиться вмѣстѣ съ ними приписывать сочиненіе книги *Нэй-цзинь* императору *Хуань-ди* или его времени, нельзя потому, что *Хуань-ди* жилъ слишкомъ давно, въ тѣ времена еще, когда Китайскій народъ стоялъ на низкой степени гражданскаго и умственнаго образованія, которому трудно приписать тѣ довольно полныя и подробныя медицинскія познанія, какія содержатся въ книгѣ *Хуань-ди-нэй-цзинь*. Скорѣе всего можно предположить, что понятія о строеніи человѣческаго тѣла и леченіи его болѣзней, передававшіяся изустно отъ поколѣнія къ поколѣнію, собраны въ известномъ порядкѣ гораздо

позже *Хуань-ди*, когда письменность сдѣлалась болѣе общою и приняла лучшія правила, и что составитель книги *Хуань-ди-нэй-цзинь*, только воспользовавшись страстью Китайцевъ уважать все древнее, непременно вѣрить только сказанному древними, отослать начало всего ко времени императора *Хуань-ди* и приписывать ему изобрѣтеніе всѣхъ искусствъ, поставилъ къ своей книгѣ *Нэй-цзинь* имя императора *Хуань-ди*, съ цѣлію, посредствомъ этого названія, придать ей древнѣйшее происхожденіе и заставить уважать, какъ подлинное произведеніе императора *Хуань-ди*.

Не придавая большой важности открытію настоящаго имени составителя книги *Хуань-ди-Нэй-цзинь*, мы отдадимъ полное уваженіе древности медицинскихъ познаній Китайцевъ, если, не указывая гадательно на годъ выхода этой книги, отнесемъ появленіе оной къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ предъ Р. Х. или къ двумъ первымъ столѣтіямъ послѣ Р. Х. Подтверженіе такого предположенія можно найти и въ историческихъ книгахъ, именно, что при *второй* (младшей) *Ханьской династии*, царствовавшей между 23 и 226 годами по Р. Х., существовала уже книга *Хуань-ди-Нэй-цзинь* и врачъ *Бинь*, сдѣлавъ на нее толкованіе, издалъ неизвѣстно въ какомъ именно году книгу подъ названіемъ: *Хуань-ди-Нэй-цзинь Су-ынъ* (т. е. *Нэй-цзинь* въ разговорахъ). Кромѣ

того находимъ еще замѣчаніе, что при *династии Танъ*; царствовавшей между 618 и 907 годами по Р. Х., известна была книга *Нэй-цзинъ*, состоящая изъ 19 тетрадей.

Какъ бы ни были ничтожны и недостоверны источники, свидѣтельствующіе о началѣ медицины въ Китаѣ, надобно согласиться, что Китайцы имѣли достаточныя свѣдѣнія о строеніи человѣческаго тѣла и лѣченіи его болѣзней еще въ тѣ времена, когда образованность другихъ народовъ стояла на низкой степени.

Нѣкотораго рода система, принятая въ Китайской медицинѣ, отчасти даетъ поводъ предполагать: не изъ Индіи ли, вмѣстѣ съ *Брахманскою религіею*, или съ ученіемъ секты *Даосовъ*, перешли въ Китай медицинскія познанія? — Известно, что у Китайцевъ и доселѣ ни одна отрасль познаній не имѣетъ никакой системы. Послѣдователи Брахманской религіи въ Китаѣ — *Дао-ши*, около времени Р. Х., славились при дворѣ своимъ волшебствомъ, а многіе изъ нихъ искусствомъ врачеванія; въ ученіи *Даосовъ* тотъ же *Хуанъ-ди*, которому приписываютъ изложеніе медицинскихъ понятій, играетъ важную роль. Искусство врачеванія и волшебство, гаданіе, которымъ въ особенности отличались *Дао-ши*, въ прежнія времена считались въ Китаѣ за одно; что доказываетъ исключеніе медицинскихъ книгъ, вмѣстѣ съ астрологическими, изъ опредѣленія сжечь

всѣ книги, обнародованнаго императоромъ *Ши-хуан-ди* въ 213 году по Р. Х.

Но подобныя, слабыя догадки о происхожденіи Китайской медицины изъ Индіи могутъ быть опровергнуты самыми основными началами Китайской медицины, взятыми изъ началъ Китайской философіи, послужившей основаніемъ Китайской религіи — *Конфуцианства* (Жу-цзяо).

Во всякомъ случаѣ, однако, давность медицины въ Китаѣ останется несомнѣнною, какъ несомнѣнно и то, что она во всѣ времена мало измѣнялась и остается на одной и той же степени. Можно доказать примѣрами, что медицинскія познанія Китайцевъ давно уже не двигаются впередъ. Большая часть медицинскихъ книгъ, какія я имѣлъ подъ руками, вышли въ свѣтъ за 100, 200 и болѣе лѣтъ до настоящаго времени, если не брать во вниманіе многократнаго перепечатыванія ихъ безъ всякой перемѣны въ продолженіи послѣдняго столѣтія, или послѣднихъ 50, 60 лѣтъ. Во всѣхъ этихъ книгахъ, какъ я замѣтилъ выше, не говоря о главныхъ основаніяхъ медицины, описывается почти одно и то же. Чѣмъ ближе изданіе книги къ настоящему времени, тѣмъ слабѣе въ ней поясненія древнихъ положеній медицины и тѣмъ менѣе даже самыхъ примѣровъ счастливыхъ исцѣленій.

Самая древнѣйшая медицинская книга есть *Хуань-ди*

Нэй-цзинь, или иначе: *Хуань-ди*, *Нэй-цзинь*, *Су-синь* (т. е. *Нэй-цзинь* въ разговорахъ). Кромѣ перваго объясненія на оную, сдѣланнаго врачомъ *Бинь*, жившимъ во II вѣкѣ по Р. Х., — во время *Минской династїи*, на 24 году правленія *Вань-ли*, т. е. въ 1594 году, нѣкто *Чжань-тао* издалъ книгу *Нэй-цзинь* съ примѣчаніями нѣкотораго *Ву-кунь*. Можетъ быть выходило много другихъ изданій книги *Нэй-цзиня*; но о нихъ не сохранилось никакихъ указаній. Кажется, бывшее при *Минской династїи*, въ 1594 году, изданіе *Нэй-цзиня* есть послѣднее, перепечатанное въ послѣдствіи нѣсколько разъ.

Послѣ *Нэй-цзиня* древнѣйшая медицинская книга есть *Нань-цзинь* — толкованіе важнѣйшихъ (трудныхъ) частей врачебной науки, состоящее изъ 81 статьи. Книга эта была въ первый разъ издана во время *мнѣюцарствія* въ Китаѣ (*Ль-го*), въ III вѣкѣ до Р. Х., нѣкимъ *Цинь-йо-жэнь*; а при *династїи Сунь*, въ IV вѣкѣ по Р. Х., перепечатана вновь *Чжань-ши-сянемь*. Послѣ чего перепечатаніе ея предпринималось много разъ и всегда безъ всякихъ измѣненій.

Чжунь-цзинь-шань-хань-лунь (о простудной лихорадкѣ) врача *Чжань-чжунь-цзиня*, жившаго въ I вѣкѣ по Р. Х. при *первой* (старшей) *Ханьской династїи*. Книга эта много разъ перепечатывалась и издавалась съ разными поясненіями. Въ первый разъ сдѣланы были

примѣчанія на оную *Вань-шу-хэ*, жившимъ въ III вѣкѣ по Р. Х.; потомъ *Гао-цзи-чунь*, жившимъ въ IX столѣтіи по Р. Х. при *династїи Сунь*; далѣе — въ X столѣтіи по Р. Х. пояснялъ эту книгу *Чэнь-у-и*. При настоящей *Маньчжурской династїи*, царствующей въ Китаѣ, въ правленіе *Кань-си*, въ 1680 году, составилъ книги *И-минь-фа-люй* снова дѣлалъ примѣчанія на книгу врача *Чжэнь-чжунь-цзиня* о простудной лихорадкѣ. Несмотря на множество поясненій на эту книгу, главныя положенія ея всегда оставались одними тѣже и до сихъ норъ признаются за лучшія. Отличительная черта книги *Чжань-чжунь-цзиня* о простудной лихорадкѣ состоитъ въ постепенномъ перечисленіи лихорадочныхъ припадковъ, сообразно ходу главныхъ кровеносныхъ сосудовъ по тѣлу.

Мы назовемъ самыя замѣчательныя изъ медицинскихъ книгъ, изданныхъ въ Китаѣ до XVII столѣтія.

Цзинь-іо-цюань-шу — полный курсъ Китайской медицины, составленный ученымъ *Чжань-цзъ-бинь*, въ XVI столѣтія, во времена *Минской династїи*, и напечатанный племянникомъ его *Жу-хой*. Это есть одна изъ лучшихъ книгъ, какія я только знаю, пользующаяся по сіе время славою между Китайскими врачами. Нигдѣ нельзя встрѣтить столько основательности въ изложеніи, какъ въ книгѣ *Цзинь-іо-цюань-шу*. Если можно въ чемъ упрекнуть составителя ея, такъ это —

въ излишнемъ пристрастіи къ лѣкарствамъ укрѣпляющемъ и къ произведенію всѣхъ почти болѣзней отъ причинъ ослабляющихъ, угнетающихъ.

Дукъ-и-бао-цзянь — курсъ медицины, составленный въ Корей ученымъ Корейцемъ *Сюй-цзюнь*, перепечатанный безъ всякаго измѣненія въ Китаѣ сначала при *Минской династіи* въ правленіе *Ванъ-ли*, т. е. около 1500 года, ученымъ *Панъ-юй*; потомъ при настоящей *Маньчжурской династіи*, на 31 году правленія *Цянъ-лунъ*, т. е. въ 1766 году. Представленные въ этомъ сочиненіи медицинскія понятія сходны съ излагаемыми въ медицинскихъ книгахъ, изданныхъ въ Китаѣ. Отличіе состоитъ въ объясненіи нѣкоторыхъ физиологическихъ и патологическихъ явленій по началамъ *Даоской* (Индо-брахманской) религіи. Какъ на недостатокъ этой книги, можно указать на преобладаніе рецептовъ противъ подробности описанія болѣзней и на излишнюю вѣру въ лѣкарства, находящаяся подъ вліяніемъ духовъ. Книга эта до сихъ поръ славится, какъ одно изъ лучшихъ медицинскихъ сочиненій, и издается въ Корей особеннымъ форматомъ, на особенной бумагѣ, приготовляемой изъ коры *broussonetiae papyriferae*. Изданіе китайское схоже съ обыкновенными китайскими книгами.

Чжанъ-ши-лэй-цзинъ — курсъ медицины, составленный при *Минской династіи*, на 4 году правленія

Гань-ци, т. е. въ 1624 году, ученымъ *Чжаань-цзю-бинь*, авторомъ книги *Цзинь-ю-цзоань-шу*. Сочиненіе это послѣ выхода своего было многократно перепечатываемо безъ всякаго измѣненія. Главное отличіе его состоитъ въ особенномъ направленіи — раздѣлять всѣ болѣзни на болѣзни съ излишествомъ и на болѣзни съ ослабленіемъ, считая послѣднія однимъ изъ частѣйшихъ золъ, убивающихъ людей, и приписывая укрѣпляющимъ лѣкарствамъ всю заслугу въ исцѣленіи болѣзней.

Шоу-ши-бао-юань — руководство къ медицинѣ, изданное между XV и XVI столѣтіями при *Минской династіи* ученымъ *Гунь-юнь-линь* и перепечатанное безъ всякаго измѣненія въ послѣднихъ двухъ столѣтіяхъ, при настоящей *Маньчжурской династіи*. Сочиненіе это въ большемъ употребленіи у теперешнихъ Китайскихъ врачей, какъ самое удобное, по своей краткости, для первоначальнаго изученія медицины.

Ли-пинь-ху-мо-цзѣ — о пульсѣ, ученаго *Ли-ши-чжэня*. Книга эта составлена по понятіямъ о пульсѣ, кои предложены отцемъ сочинителя, *Юнь-си*, и издава при *Минской династіи*, на 43 году правленія *Цзя-цзинь*, т. е. въ 1564 году. Въ послѣдствіи она была нѣсколько разъ перепечатываема безъ всякихъ измѣненій. Сочиненіе *Ли-ши-чжэня* о пульсѣ почитается образцовымъ, и никто лучше его не разбиралъ

съ такою подробностію и основательностію различія біеій пульса, и не показалъ важность этого различія при распознаваніи болѣзней и назначенія лѣкарствъ.

Янь-кэ-лунь-му-лунь—окулистика, составленная *Чжу-си-гуй* и напечатанная ижливеніемъ *Вань-гынь* при *Минской династїи*, на 3 году правленія *Вань-ли*, т. е. въ 1575 году. Какъ сочиненіе, заключающее въ себѣ отдѣльную часть медицины, книга эта можетъ быть одобрена только за обширное собраніе рецептовъ и разныхъ глазныхъ болѣзней, ими излѣчиваемыхъ; главнымъ же понятіямъ, о медицинѣ вообще и объ анатоміи глаза въ частности, остались въ ней тѣже самыя, какія преподаются въ древнѣйшихъ медицинскихъ книгахъ.

Янь-кэ-да-цюань—окулистика, составленная *Фу-жэнь-юй*, жившимъ при концѣ *Минской династїи*, на 17 году правленія *Чунь-чжэнь*, т. е. въ 1644 году. Книга эта ничѣмъ особенно не отличается отъ показанной выше окулистики.

Доу-тай-гунь-цюань-шу—наружныя болѣзни, сочиненія *Доу-юй-цзинь*, жившаго въ началѣ IX столѣтія при *династїи Сунь*. Книга эта служила образцомъ для сочиненій о наружныхъ болѣзняхъ, издаваемыхъ въ послѣдующее время, и кромѣ полноты, которою она отличается отъ сочиненій подобнаго рода, въ ней можно находить лучшей порядокъ въ описаніи признаковъ болѣзней. При настоящей *Маньчжурской*

династии, на 56 году правления *Кань-си*, т. е. въ 1717 году, сочиненіе это было перепечатано *Хуль-чжан-линь* и *Чэнь-ю-гунь* и издано съ рисунками, отличающимися особеннымъ безобразіемъ представляемаго предмета и неясностью.

Ню-ма-цзинь — ветеринарная Китайская медицина, заключающая описаніе болѣзней домашняго скота, преимущественно же лошадей и рогатаго скота. Въ предисловіи этого сочиненія сказано, что оно было издано при *Минской династии* (между XV и XVI столѣтіями) двумя братьями — *Юй-бэнь-юань* и *Юй-бэнь-хэнь* и перепечатано въ послѣдній разъ при настоящей *Маньчжурской династии*, въ первый годъ правления *Цянь-лунь*, т. е. 1736 года. Это есть единственная книга по части *ветеринарной медицины*. Ни прежде, ни послѣ нея не издавалось ничего въ этомъ родѣ. Изложенныя въ ней понятія сходны съ понятіями древнѣйшей медицинской книги: *Хуань-ди-люй-цзинь*. Важнѣйшую часть ея составляетъ описаніе болѣзней домашняго рогатаго скота, включая сюда буйвола, называемаго водянымъ быкомъ, и болѣзней верблюда и лошади. Краткость и безсвязность изложенія, разногласіе и неточность въ названіяхъ болѣзней, встрѣчаются на каждой страницѣ этой книги, хотя при началѣ описанія каждой болѣзни приложено изображеніе животнаго, показывающее отли-

чательный наружный признакъ описываемаго недуга, взятый съ положенія тѣла, принимаемаго животнымъ при известной болѣзни. Китай, по физическому положенію особенно южной его части, и по образу жизни своего народа, никогда не могъ быть страной, въ которой-бы процвѣтало скотоводство; а потому не удивительно, что ветеринарная медицина его была во всё время на низкой степени и сохранилась въ одномъ только сочиненіи — *Ню-ма-цзинь*.

Говорять, что подлинный составитель книги — *Ню-ма-цзинь* былъ знаменитый врачъ *Хуа-то*, жившій во времена *троецарствія* въ Китаѣ (Сань-го), т. е. между 221 и 265 годами по Р. Х. и известный какъ отличный хирургъ того времени. Онъ же будто бы написалъ книгу о человѣческихъ болѣзняхъ, но которая не дошла до настоящаго времени по слѣдующей причинѣ. — Известный полководецъ временъ *Троецарствія* (Сань-го) по имени *Цао-цао*, страдавшій часто головою болью, много разъ съ успѣхомъ пользовался пособіемъ *Хуа-то*; но когда въ послѣдствіи болѣзнь перестала уступать прежнимъ средствамъ, то *Хуа-то* предложилъ *Цао-цао* — вскрыть (!) черепъ, дабы удалить изъ головы его причину болѣзни. Такой способъ лѣченія почли покушеніемъ на жизнь знаменитаго полководца, и *Хуа-то* сначала заключили въ тюрьму, а потомъ приговорили къ смертной казни.

За ласковое обращеніе тюремнаго стража *Хуа-то* отдалъ ему передъ смертію писанные свои свитки о болѣзняхъ и лѣченіи ихъ у человѣка и домашнихъ животныхъ. Получивши такой подарокъ, стражъ отдалъ свитки на сохраненіе жонѣ своей, какъ драгоценность, могущую ихъ обогатить. Когда наступалъ день казни *Хуа-то*, жена стража, боясь, что и ея мужъ подвергнется подобной же участи за лѣченіе болѣзней по способу *Хуа-то*, бросила въ огонь полученные отъ него свитки, откуда на ту пору возвратившійся домой мужъ ея могъ спасти одинъ только свитокъ, именно — о лѣченіи болѣзней домашнихъ животныхъ, т. е. *Ню-ма-цзинь*; другой же — о лѣченіи болѣзней человѣка, *сгорѣлъ*. Таковъ разсказъ объ участи сочиненій *Хуа-то*, за достовѣрность котораго ручаться не смѣю!

Бэнь-цао-тань-му: естественная исторія съ приложеніемъ ея къ медицинѣ, составленная знаменитымъ Китайскимъ ученымъ — *Ли-ши-чжэнь*, жившимъ во время *Минской династіи*, на 24 году правленія *Вань-ли*, т. е. 1596 года, и перепечатанная потомъ при настоящей *Маньчжурской династіи*, на 12 году правленія *Шунь-чжи*, т. е. 1655 года, нѣкоторымъ *Ву-юй-чань*. Въ этой книгѣ описываются какъ употребляемыя, такъ и не употребляемыя въ медицинѣ средства изъ трехъ царствъ природы, ихъ вкусъ, лечеб-

ное свойство и болѣзни, ими излѣчиваемыя. *Болѣзней-цзю-цзю* отличается отъ другихъ подобнаго рода книгъ точностію описанія наружнаго вида растений и животныхъ, и этимъ достоинствомъ она обязана сочинителю своему *Ли-ши-чжэнь*, который, зная многое самъ, по части естественныхъ предметовъ, все ненужное, хотя и признанное въ другихъ сочиненіяхъ, отдѣлилъ отъ истиннаго и представилъ въ своей книгѣ подь особую статью, давъ тѣмъ возможность отыскивать, скоро и безошибочно, самое нужное между ненужнымъ и ложнымъ. Я не знаю ничего лучше изъ китайскихъ книгъ, по части естественной исторіи, этой книги *Ли-ши-чжэнь*. Въ ней находится также собраніе множества рецептовъ, испытанныхъ въ разное время при лѣченіи болѣзней, способъ и время собиранія растений, назначаемыхъ для медицинскаго употребленія.

Книги, вышедшія въ послѣдніа два столѣтія, при настоящеей Маньчжурской династии, суть:

И-цзунь-цзиль-цзиль — зеркало, или полный курсъ медицины, составленный при медицинскомъ приказѣ (*Тай-и-юань*) по повелѣнію Китайскаго императора и изданный на казенный счетъ въ 4 году правленія *Цянъ-лунъ*, т. е. въ 1739 году. Главное участіе въ составленіи этой книги принималъ *Ву-цань*, имѣвшій помощниками нѣсколькихъ врачей, состоявшихъ въ

придворной службѣ. Большую часть этого сочиненія занимаютъ трактаты о простудной лихорадкѣ, описанные со всею подробностію изъ другихъ сочиненій. Замѣчательнъ его упрощенный способъ — запоминать лѣченіе болѣзней: вмѣсто описанія припадковъ болѣзни и средства лѣченія ихъ, выставляется названіе декокта, порошка, или пилюль, излѣчивающихъ ту или другую болѣзнь, подъ которыми должно разумѣть всѣ тѣ припадки, которыми характеризуется извѣстная болѣзнь. Это сколько затруднительно для памяти изучающаго медицину, столько же утомительно для читающаго, поставленнаго въ необходимость, почти на каждой страницѣ, отыскивать, какіе именно припадки и какая болѣзнь разумѣются подъ такимъ-то декоктомъ, пилюлями и т. д. Съ большею подробностію описаны въ книгѣ *И-цзунъ-цзинь-цзянь* наружныя болѣзни, представленныя въ рисункахъ. Въ отдѣленіи наружныхъ болѣзней прибавленъ трактатъ о переломахъ и лѣченіи ихъ, чего нельзя найти ни въ одномъ изъ полныхъ курсовъ медицины. Лѣкарства, предлагаемыя въ книгѣ *И-цзунъ-цзинь-цзянь* для излѣченія болѣзней, принадлежатъ къ легкимъ, не героическимъ: равно какъ и пріемъ этихъ лѣкарствъ означенъ умеренный, если уже не слишкомъ малый, сравнительно съ пріемомъ лѣкарствъ, принятымъ въ частной практикѣ. Назначеніе простыхъ лѣкарствъ и малаго пріема оныхъ —

въ книгѣ *И-цзунь-цзинь-цзянь* зависитъ, вѣроятно, отъ того, что эта книга назначалась первоначально для руководства врачамъ, занимающимся придворною практикою, въ которой должно соблюдать большую осторожность при выборѣ лѣкарствъ и назначеніи ихъ приѣма. Несмотря на это, книга *И-цзунь-цзинь-цзянь* не въ большемъ ходу между частными, практикующими врачами; чему причиною, отчасти, и самая дороговизна ея. Общими понятіями и положеніями книга *И-цзунь-цзинь-цзянь* не отличается отъ другихъ медицинскихъ книгъ.

Цзи-инь-тань-му: о женскихъ болѣзняхъ, составленная при настоящей Маньчжурской династїи, на 6 году правленія *Юнь-чжэнь*, т. е. 1728 года, нѣкоторымъ *Ву-сю-цинь*. Довольно не полное сочиненіе, ограничивающееся описаніемъ однѣхъ болѣзней женщинъ, не касаясь періода зачатія, родовъ и послѣ — родового состоянія.

Винь-и-тяо-бянь — о горячкахъ. Книга, вышедшая также при настоящей Маньчжурской династїи, на 18 году правленія *Ця-цинъ*, т. е. 1813 года. Сочинитель ея есть нѣкто *Ву-тань*. Взглядъ на горячечныя болѣзни, предложенный въ этомъ сочиненіи, довольно односторонень и мало отстываетъ отъ изложеннаго врачомъ *Чжань-чжунь-цзинь*, въ его книгѣ о простудной лихорадкѣ.

И-минь-тай-цо: поправки ошибокъ медицины. Небольшая книга, вышедшая на 10 году правленія *Дао-гу-ань*, т. е. въ 1830 году. Сочинитель ея есть *Ван-цинъ-жэнь*, правитель одного уѣзда. *И-минь-тай-цо* есть одна изъ самыхъ новыхъ медицинскихъ книгъ и притомъ самыхъ дурныхъ. Сочинитель ея, желая поправить несообразности въ анатомическихъ понятіяхъ, издавна принятыхъ, впалъ еще въ большія ошибки и, вмѣсто поясненія, далъ худшія понятія о строеніи человеческого тѣла. Чтобы придать болѣе вѣроятія своимъ поправкамъ, сочинитель замѣчаетъ, что онъ не есть его выдумка : а что онъ самъ дѣйствительно видѣлъ строеніе внутренностей человѣка, на трупахъ дѣтей, умершихъ оспою и оставленныхъ за городскою стѣною. Кромѣ анатомическихъ свѣдѣній, въ концѣ книги прибавлена статья о лѣченіи паралича. Не смотря на негѣности, рассказываемыя въ этой книгѣ, многіе врачи въ Китаѣ вѣрятъ словамъ ея.

Чжэнь-цзю-да-чэнь: иглоукалываніе и мокса, составленная неизвѣстно въ какое время нѣкоторымъ *Цзинь-сянь* и перепечатанная, неизвѣстно въ которомъ году, чиновникомъ *Лю-юнь-пуй*, бывшимъ на должности прокурора при доставленіи сарачинскаго пшена по императорскому каналу, съ юга въ Пекинъ, въ губерніи *Цзэнь-си*. Судя по должности издателя, надобно полагать, что *Чжэнь-цзю-да-чэнь* была перепечатана уже

при настоящей Маньчжурской династии. Главныя медицинскія положенія въ этой книгѣ остаются тѣже самыя, какія были въ древнее время и какія преподаются во всѣхъ медицинскихъ книгахъ. Самыя правила иглокалыванія и приставленія моксы отличаются отъ содержащихся въ книгѣ *Хуань-ди-Нэй-цзинь* только большими ссылками на другія сочиненія, а не лучшею подробностію и тѣмъ менѣе своею особенностію. Но вообще книга *Чжэнь-цзю-да-чэнъ*, есть одно изъ полнѣйшихъ руководствъ для занимающихся иглокалываніемъ. Въ концѣ книги прибавлены способы лѣченія дѣтскихъ болѣзней, особенно же разныхъ видовъ сухотки, посредствомъ травій, прижиманій и другихъ ручныхъ приемовъ.

Доу-чжэнь-хой-тунъ: о кори и оспѣ — книга, составленная при настоящей Маньчжурской династии, на 51 году правленія *Цянъ-лунъ*, т. е. въ 1786 году, нѣкоторымъ *Тянь-динъ-сянь*.

Доу-чжэнь-динъ-лунъ: о кори и оспѣ, небольшая книга, изданная въ 15 году правленія *Дао-гуанъ*, т. е. въ 1835 году, *Чэнь-ши-юнь*.

Это только два сочиненія о кори и оспѣ, изъ многихъ подобнаго рода книгъ, изданныхъ въ разное время. Китайскіе врачи, какъ будто видя жестокія опустошенія, причиняемыя оспою, обратили особенное вниманіе на эту болѣзнь и старались умноженіемъ

сочиненій объ оспѣ помочь бѣдѣ. Но кажется эти намѣренія не всегда достигали цѣли. Во всѣхъ книгахъ объ оспѣ, какъ новыхъ, такъ и старыхъ, ничего особеннаго не предлагается для лѣченія этой болѣзни, и даже ни въ одной изъ нихъ нельзя найти хорошаго и полнаго описанія наружныхъ признаковъ ея. Осла до сихъ поръ, по прежнему, существуетъ и до тѣхъ поръ будетъ убавлять Китайское народонаселеніе, пока обнародованный Англичанами, лѣтъ за 15 предъ симъ, на Китайскомъ языкѣ способъ прививанія коровьей оспы не сдѣлается всеобщимъ въ Китаѣ, и пока Китайцы не повѣрятъ возможности предотвратить ямъ появленіе натуральной оспы.

Къ сожалѣнію, изданная Англичанами брошюра сдѣлалась теперь рѣдка и мнѣ не удалось получить оной.

Да-шэнъ-пянь : наставленіе беременнымъ и родильницамъ, изданное нѣкоторымъ *Ни*, неизвѣстно въ какое время. Эта небольшая книжечка, написанная легкимъ, удобопонятнымъ языкомъ, составляетъ необходимую принадлежность во всякомъ порядочномъ, семейномъ домѣ, и была уже много разъ перепечатываема сострадательными людьми на собственный счетъ, и раздается безденежно кому угодно.

Кромѣ показанныхъ медицинскихъ сочиненій, можно бы было выставить еще нѣсколько имъ подобныхъ,

находящихся въ большемъ или меньшемъ употребленіи между Китайскими врачами; но число въ этомъ случаѣ мало бы отвѣчало за качество и не пояснило бы лучше и болѣе главныхъ основаній Китайской медицины. Прежде я замѣтилъ уже, что старыя и новыя книги въ Китаѣ (медицинскія, долженъ я прибавить) мало различаются между собою, какъ въ отношеніи полноты объясненія излагаемаго предмета, такъ и въ отношеніи различія понятій объ этомъ предметѣ. Въ Китаѣ какъ будто всему опредѣлено вѣчно существовать въ одномъ и томъ же неизмѣнномъ видѣ! Что же касается до критическаго взгляда на предметъ, до повѣрки оставшихся отъ древности понятій, до замѣны ихъ новыми; то ни одинъ еще изъ сочинителей позднѣйшаго времени не доходилъ до такого намѣренія, почитая его посягательствомъ на уважаемую древность, или вѣрнѣе излишнимъ, послѣ тѣхъ медицинскихъ познаній, какія онъ почерпнулъ изъ переданнаго ему отцемъ, дѣдомъ, руководства медицины. И для насъ, поэтому, исчезаетъ какъ разность между древними и новыми медицинскими книгами, такъ и необходимость знать содержаніе многихъ изъ нихъ, особенно послѣдняго рода; тѣмъ болѣе, какъ я сказалъ выше, что основныя положенія медицины остаются всюду одни и тѣже, безъ всякаго измѣненія, будетъ ли книга принадлежать древнему, или новѣйшему времени, содержать въ себѣ отдѣльную

какуюнибудь часть медицины, или составлять полный курсъ ея.

СОСЛОВІЕ КИТАЙСКИХЪ ВРАЧЕЙ И ИХЪ ОБРАЗОВАНИЕ.

Медицинское образованіе, какъ надобно полагать, отставало во всё времена отъ такъ называемаго знанія китайской словесности, древнихъ классическихъ книгъ, посвященія собственно, какъ стали понимать его Китайцы въ послѣдующія времена. Это видно изъ настоящаго положенія того и другаго, изъ того участія, какое принимало китайское правительство въ распространеніи знанія китайской словесности, и изъ совершеннаго равнодушія къ знанію медицины. Во всё времена, въ Китаѣ существовали особыя правила и учрежденія, руководствовавшія занимающихся изученіемъ отечественной словесности; медицина же всегда оставалась свободнымъ искусствомъ, не принадлежала какой особенной кастѣ людей, не подчинялась никакимъ особеннымъ уставамъ. Умѣющій врачевать, вмѣстѣ съ тѣмъ могъ быть и служащимъ человѣкомъ, занимать какуюнибудь должность въ государствѣ, военную или гражданскую; какъ это видимъ, читая предисловія многихъ медицинскихъ книгъ, сочинители коихъ были: или правители какогонибудь уѣзда, или состояли на должности въ какомънибудь выс-

шемъ правительственномъ мѣстѣ, въ столицѣ. Такъ, напримѣръ : знаменитый въ исторіи медицины *Цзинь-е*, сочинитель книги : *Цзинь-е-цзюань-шу*, былъ гражданскій чиновникъ и писалъ медицинскія книги, лечилъ больныхъ, по собственному признанію, не былъ врачомъ. Славный *Ли-ши-чжэнь*, сдѣлавшій такъ много для китайской медицины, въ особенности же изданіемъ естественной исторіи и сочиненія о пульсѣ, былъ также собственно не врачъ. Кореецъ *Сюй-цзюань*, написавшій полный курсъ медицины, подъ заглавіемъ *Дунъ-и-бао-цзэнь*, былъ извѣстенъ въ своемъ государствѣ болѣе какъ ученый, нежели какъ врачъ. Тоже видимъ и теперь. Для занимающихся китайскою словесностію, древними классическими книгами, написаны правительствомъ подробныя правила и уставы, касающіяся до полученія той, или другой ученой степени. Ничего подобнаго не существуетъ для занимающихся медициною. Первымъ предоставлены права полученія должностей, сообразно приобрѣтенной по экзамену ученой степени, и дальнѣйшее повышеніе на службѣ; для занимающихся медициною подобныхъ правъ не существуетъ. Такъ ведется издавна. Только въ послѣдствіи, при *Минской династии*, за два съ небольшимъ столѣтія до сего, былъ учрежденъ *медицинскій приказъ* (тай-и-юань), открывшій врачамъ дорогу для поступленія на службу. По первоначальному учрежде-

нію этого приказа, всякій желающій поступить въ оный на службу долженъ былъ сначала выдержать экзамень, состоящій въ написаніи довольно правильнаго разсужденія, по заданной темѣ, о какой нибудь болѣзни и ея лѣченіи. Получившій удовлетворительныя отмѣтки могъ зачисляться въ составъ врачей при медицинскомъ приказѣ, не имѣя никакой прямой обязанности, которая предоставляется уже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, и то только тѣмъ изъ числящихся при медицинскомъ приказѣ врачамъ, которые снова выдержатъ удовлетворительный экзамень. Получившіе лучшіе отмѣтки, по второму экзамену, переводятся въ придворную службу и состоятъ врачами или при особѣ Китайскаго Императора, или придворнаго штата. Такъ было прежде; но со времени усиленія злоупотребленій въ Китаѣ экзамены дѣлаются только для вида и придворныя вакансіи раздаются по проiscaмъ.

Вліяніе медицинскаго приказа распространяется только на врачей, находящихся въ придворной службѣ; званіе же частнаго врача, какъ въ прежнее время, такъ и теперь предоставлено каждому желающему и вотъ почему можно встрѣтить между практикующими частными врачами людей всякаго званія: и чиновниковъ, разжалованныхъ и съ потерей должности лишившихся средствъ къ пропитанію, и сидѣльцевъ аптекарскихъ лавокъ, получившихъ отъ долговремен-

ной продажи лѣкарствъ нѣкоторый навыкъ прописывать рецепты, и живописцевъ, которымъ не посчастливилось въ своемъ ремеслѣ, а равно деревенскихъ грамотныхъ мужиковъ, особенно же между углоукалывателями, которымъ показалось легче и удобнѣе зарабатывать насущный хлѣбъ съ иглою въ рукѣ, нежели съ заступомъ, и т. д. Правительство никогда не издавало особыхъ постановленій, опредѣляющихъ право вступленія въ званіе вольно-практикующаго врача. По этому нѣтъ ничего удивительнаго, что при многочисленности въ Китаѣ, при большомъ числѣ рукъ, устремленныхъ къ одному ремеслу и мало вознаграждаемыхъ за трудъ свой, много находится желающихъ заниматься лѣченіемъ болѣзней. Въ самомъ дѣлѣ, въ Китаѣ ничего не можетъ быть лучше для прикрытія своего невѣжества, какъ званіе врача, позволяющее легко и безъ труда улучшить свое состояніе, при замѣчательной склонности Китайскаго народа — отъ всего и у всѣхъ лѣчиться, было-бъ только дёшево.

Что въ Китаѣ много врачей, доказываетъ намъ Пекинъ. Идите по любой улицѣ его, большой или малой, вамъ представятся по обѣимъ сторонамъ десятки разноцвѣтныхъ вывѣсокъ: висящихъ надъ окнами и надъ дверями домовъ. То съ прозваніемъ врача, то съ льстивыми надписями, прославляющими искусство его,

поднесенными услужливыми приятелями, или пациентами. На одной улицѣ, гдѣ стоитъ наше Русское подворье, можно насчитать до девяти подобныхъ вывѣсокъ, на пространствѣ $\frac{1}{2}$ версты. Это и безъ статистическихъ данныхъ показываетъ, какое множество врачей въ Пекинѣ!

Во всѣ времена, медицина въ Китаѣ занимала средину между ремесломъ и занятіемъ близкимъ къ учености, изученіемъ классическихъ книгъ; между кабалистическою и утонченною врачевать. Мы можемъ убѣдиться въ томъ, что въ извѣстное время медицина была уже считаема въ Китаѣ наукою полезною, уже изъ того факта, что, когда въ 213 г. по Р. Х., по повеленію императора *Ши-хуан-ди*, были сожжены всѣ книги историческія и философскія, какъ вредныя для народной нравственности, то изъ этого приговора были исключены книги медицинскія и астрологическія, какъ полезныя для людей. И до сихъ поръ — пуститься въ занятіе медицинною, предпринявъ это, какъ трудъ добросовѣстный, поддерживаемый одною любовію къ предмету (чего, можетъ быть, и не легко найти въ Китаѣ), называется въ народѣ: *итти малю дорою* (слю-дао), въ противоположность съ занятіемъ Китайскою словесностію, что называется: *итти большою дорою* (ли-дао). Въ деревняхъ, въ городахъ мало-людныхъ

одинъ и тотъ же человекъ есть вмѣстѣ и астрологъ, гадающій по *И-цзю* (самая древнѣйшая Китайская книга — о Богѣ и Естественнѣ) о достоинствѣ, благополучіи мѣста, выбираемаго подъ домъ, кладбище и т. д., о будущей судьбѣ человека, его счастья и т. п. и вмѣстѣ съ тѣмъ врачъ, излѣчивающій всѣ возможныя болѣзни. Все это доказываетъ, что медицина въ Китаѣ, съ давнихъ временъ и доселѣ, составляла свободное занятіе, неограниченное никакими государственными постановленіями, для котораго не требовалось и не требуется никакого свидѣтельства отъ извѣстнаго мѣста, правительствомъ учрежденнаго, ручающагося за умѣнье лѣчить болѣзни. Отъ этого произошло : что классъ врачей въ Китаѣ былъ всегда многочисленъ, что въ немъ попадались часто люди, несвѣдущіе не только въ медицинѣ, но неимѣющіе достаточнаго первоначальнаго образованія, смотрѣвшіе на свое занятіе, единственно какъ на средство къ существованію. Знаніе раздробилось на множество самыхъ разнообразныхъ видовъ, подъ которыми тѣмъ удобнѣе было скрываться шарлатанству. Явились продаватели разныхъ секретовъ, которыми народъ, всегда излишне суевѣрный въ Китаѣ, лѣчится съ большею охотою, нежели лѣкарствами, рекомендованными въ медицинскихъ книгахъ. Отъ успѣха секретныхъ лѣкарствъ упало довѣріе къ врачамъ ис-

тиннымъ въ народѣ, который тѣмъ скорѣе покупалъ извѣстный секретъ, чѣмъ болѣе было таинственности въ составѣ, формѣ и даже въ самомъ приѣмѣ его.

При такомъ направленіи медицины съ давнихъ временъ, трудно было ожидать усовершенствованія врачебнаго искусства въ Китаѣ. Оно и оставалось всегда въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ сохранилось въ древнѣйшихъ книгахъ, и остается такимъ до сихъ поръ, если еще не утратило много того, что знало прежде. Сдѣлавшись достояніемъ людей, болѣею частію мало-образованныхъ, медицина никогда не могла найти, въ числѣ занимающихся ею, человѣка, который бы могъ хорошо изслѣдовать ея источники и составить полное руководство къ правильному изученію ея. И въ медицинской литературѣ можно замѣтить, что большая часть писавшихъ о медицинѣ были собственно не врачи; а люди, для которыхъ медицина была постороннимъ занятіемъ, которые слѣдовательно были мало знакомы съ предметомъ, и при изданіи книги руководствовались болѣе пустымъ тщеславіемъ — прослыть сочинителемъ, нежели истинными пользами человѣчества. Можно указать на живые примѣры въ доказательство этого. Одинъ изъ Маньчжуровъ въ Пекинѣ, человѣкъ, занимавшій некогда высшія должности въ государствѣ и, между прочимъ, мѣсто президента въ медицинскомъ приказѣ, но теперь

не служащій, написалъ, какъ слышно, медицинскую книгу, нѣчто въ родѣ полнаго руководства, и намѣревень выдать ее въ свѣтъ. Когда-то, во время начала своего поприща, ему посчастливилось отрекомендовать одно лѣкарство для кого-то изъ Богдоханской фамиліи. Случайно лѣкарство произвело желаемый успѣхъ, и съ этимъ вѣстѣ началась слава рекомендателя, какъ врача, и его собственное убѣжденіе въ своемъ медицинскомъ искусствѣ. Говорять, что въ слѣдъ за этимъ начался и блестящій рядъ высшихъ должностей, данныхъ Богдоханомъ этому лицу, достигшему до званія главы медицинскаго приказа. Я лично познакомился съ этимъ человѣкомъ послѣ упадка уже его, когда онъ потерялъ всякую надежду на прежнюю милость и возвышеніе; но не потерялъ еще охоты — слыть знатокомъ медицины. Много разъ мнѣ случалось говорить съ нимъ о любимомъ его предметѣ, и всегда я узнавалъ въ немъ плохаго знатока медицины. Въ страницѣ книги *И-цзунъ-цзинъ-цзянь*, ему ничего не извѣстно, но кажется въ особенное достоинство онъ поставлялъ себя — знаніе множества рецептовъ изъ разныхъ книгъ. Вотъ каковъ сочинитель будущаго руководства медицины. Я слышалъ даже, что книга составляется трудами нѣсколькихъ врачей и ученыхъ (*сянь-шэнь* — прежде родившіяся), имена которыхъ, какъ сотрудниковъ, а не сочинителей, ставятся, при изданіи книги,

послѣ имени самаго издателя. Такъ большею частію пишутся въ Китаѣ и не однѣ медицинскія книги.

Отъ настоящаго поколѣнія врачей медицина еще менѣе можетъ ожидать для своего усовершенствованія! И что могутъ сдѣлать для нея люди, которые вступаютъ въ званіе врача большею частію въ лѣтахъ уже зрѣлыхъ, не получивъ даже и простаго, предварительнаго образованія, зная наизусть только одну какую нибудь сокращенную медицинскую книгу. Мало можно встрѣтить такихъ людей между теперешними Китайскими врачами, которые бы съ малолѣтства занимались медициною, подъ руководствомъ отца, дѣда и т. д.,— получившихъ по наслѣдству тоже отъ своихъ отцевъ, дѣдовъ, наставленія въ искусствѣ врачеванія. Но что же за знанія у такихъ врачей? Имъ всегда дается выучивать наизусть одна какаѣ нибудь медицинская книга, доставшаяся по наслѣдству и, какъ кормилница, передаваемая изъ рода въ родъ. Изъ нее то молодой врачъ почерпаетъ всю конечную медицинскую мудрость, практикуясь иногда, подъ руководствомъ родителя, учителя и т. д. на рукахъ приходящихъ на домъ больныхъ, въ изслѣдованіи біеній пульса. Этимъ оканчивается все медицинское образованіе, съ которымъ всякій почитаетъ себя въ возможности (послѣ смерти отца или при старости его, а если позволитъ бойкость, талантливость, учѣные говорить, и

того ранѣе) заняться дѣйствительнымъ лѣченіемъ болѣзней. Такого рода врачи могутъ похвастаться самыми образованными между своей братіи и я по опыту знаю, что большая часть изъ нихъ знаетъ исключительно одно какое нибудь руководство къ медицинѣ, особенно же рецептурную часть его, почитая излишнимъ имѣть понятіе о нѣсколькихъ авторахъ. Но и въ этомъ знаніи преобладаетъ выучка наизусть надъ разсужденіемъ, такъ-что возьмите любого изъ Китайскихъ врачей: онъ будетъ не въ состояніи — здраво, со смысломъ, объяснить главныхъ основаній своего предмета; онъ знаетъ его по частямъ, отъ слова до слова, какъ написано въ выученной имъ книгѣ, но не можетъ представить всего этого въ общей связи.

Еще менѣе можно сказать въ пользу остальной части Китайскихъ врачей, которая едва ли не многлюднѣе первой и состоитъ большею частію изъ людей, по обстоятельствамъ перемѣнившихъ первоначальное свое занятіе на званіе врача. Между такого рода врачами находятся люди всякаго званія и ремесла; какъ я замѣтилъ выше: разжалованные чиновники, сидѣльцы аптекарскихъ лавокъ, раззорившіеся купцы, деревенскіе мужики, особенно въ числѣ поглокалывателей, гадатели (часто присоединяющіе къ своему искусству искусство врачеванія болѣзней); *дзо-ши* (особенной секты отшельники), Туркестанцы, нѣкогда

завоеванные Китайцами и поселившіеся въ разныхъ провинціяхъ Китая, и т. д., и т. д. Большая часть этихъ людей назвалась врачами въ лѣтахъ зрѣлыхъ и имѣеть самыя ограниченныя познанія въ медицинѣ, а часто никакихъ, рассчитывая, въ послѣднемъ случаѣ, на Китайское суевѣріе, или излѣчивая болѣзни особеннымъ, никому неизвѣстнымъ составомъ. Изъ этого-то класса врачей происходятъ такъ называемые продаватели разныхъ секретовъ, пластырей, пилюль, порошковъ и т. п.; а равно иглоукалыватели, располагающіеся по ярмаркамъ, бывающимъ въ извѣстные дни въ кумирняхъ или капищахъ разныхъ частей города, либо на многолюдныхъ улицахъ, съ своимъ товаромъ, приглашая народъ краснорѣчивыми похвалами своему секрету. — Туркестанцы, продающіе пластыри, излѣчивающіе всѣ возможныя болѣзни, объясняютъ, между прочимъ, собравшейся толпѣ по раскрашеннымъ рисункамъ анатомію человѣческаго тѣла, наружныя и даже внутреннія болѣзни. — Иглоукалыватели располагаются всегда на улицахъ близъ старой, изломанной тележки, брошенной безъ употребленія, окруживъ себя нѣсколькими скамейками. Прежде, нежели соберется порядочная толпа народа, иглоукалыватели въ молчаніи перебираютъ свои инструменты: когда же разставленные кругомъ скамейки начнутъ замѣщаться зрителями, то хромающими, то съ под-

вязанными руками, а большею частію совершенно здоровыми, пришедшими только отъ скуки, позѣвать, послушать: начинается тирада о томъ, что онъ, по фамиліи такой-то, родомъ изъ губерніи *Шань-дунь* (откуда большею частію выходятъ иглоукальватели), такого-то уѣзда, прямой потомокъ знаменитаго иглоукальвателя *Ли* (отъ котораго ведется обычай у всѣхъ иглоукальвателей — становиться на улицахъ близъ изломанной телѣги и придавать къ своей фамиліи, для привлеченія народа, слово *чэ* — телѣга); столько уже лѣтъ занимается со славою иглоукальваніемъ, недавно открылъ на тѣлѣ новое мѣсто, уколъ въ которое можетъ излѣчивать такія-то и такія болѣзни. — Врачующіе глазные недуги ставятъ противъ себя столики, съ разными лѣкарствами; а подъ ними вѣшаютъ изображеніе — двухъ огромнаго размѣра глазъ съ надписями по сторонамъ названій разныхъ глазныхъ болѣзней. Нѣкоторые же изъ нихъ, для привлеченія народа, и въ память также знаменитаго глазнаго врача, прѣзжаютъ на ярмарки на черномъ ослѣ, на сѣдлѣ котораго раскладываютъ всѣ свои снадобья. — Продаватели зубныхъ лѣкарствъ окружаютъ себя трофеями своего искусства — кучею вырванныхъ зубовъ, наваленныхъ на столъ, на половину не человѣческихъ. — Два послѣднихъ рода продавателей отличаются особенною молчаливостію; за то остальная ихъ братія—

краснобаи по преимуществу. Надобно все это слышать, чтобы имѣть понятіе объ этой тонкой изобрѣтательности, которую употребляютъ Китайцы для обмана простодушныхъ. Тутъ сыплются непрерывною рѣчью и остроты, и анекдоты счастливаго излѣченія той или другой болѣзни, и велерѣчивыя похвалы цѣлительности продаваемаго лѣкарства, и дешевизнѣ его, доводимой отчаянными хвастунами до того, что воздухъ, которымъ человекъ дышетъ, дороже ихъ лѣкарства.— Продавцы лѣкарствъ, укрѣпляющихъ тѣло, увеличивающихъ силу, придающихъ храбрость и т. д. вмѣсто словъ, привлекаютъ покупателей, выставкою на показъ человека обнаженнаго до пояса, несмотря на время года, къ чему избираются обыкновенно люди молодые, здоровые, всегда съ завидными, атлетическими формами. Часто, для большаго убѣжденія въ пользу своихъ лекарствъ, они позволяютъ бить себя чѣмъ угодно въ такія части тѣла, которыя почитаются опасными для раненія.

Секреты, нетерпимые въ явной продажѣ или правительствомъ или нравственностію, которую Китайскій народъ всегда старается притворно выказать въ себѣ, продаются тайно въ домахъ, о чемъ составители ихъ извѣщаютъ печатными объявленіями, приклеиваемыми по угламъ домовъ. Весь Пекинъ облѣпленъ подобными афишами на красной, бѣлой и желтой бумагѣ, и хотя

полиція обязана уничтожать ихъ, или даже не позволять приклеивать: часто однако случалось мнѣ видѣть, какъ, въ присутствіи уличнаго стража, наклеивается по нѣскольку такихъ объявленій на одну стѣну, гдѣ они остаются долгое время нетронутыми, пока наконецъ домохозяева не запачкаютъ ихъ грязью; но при новой сдѣлкѣ съ уличнымъ стражемъ, вмѣсто ихъ наклеиваются другія. На этихъ объявленіяхъ рекомендуются или такъ называемые *весенніе рецепты* (чунь-фанъ), *arhrodusiaca* и другіе секреты.

Надобно предположить достаточный доходъ для того, чтобы всѣ эти продавцы могли прокармливать себя, а иногда цѣлыя семейства. Дѣйствительно, кругомъ ихъ всегда можно найти толпу народа, изъ которой многіе покупаютъ расхваливаемыя лѣкарства. И въ этомъ случаѣ не одни простолюдины (вездѣ малообразованные и довѣрчивые), но и люди порядочнаго сословія, съ большимъ образованіемъ, не могутъ устоять противъ обольстительныхъ похвалъ лѣкарству. Таковъ уже общій недостатокъ каждаго Китайца. Если справедливо, что просвѣщеніе проникло въ Китаѣ воевъ слои общества; то еще справедливѣе, что суевѣріе и предразсудки общи всему Китайскому народонаселенію! Цѣна секретнаго лѣкарства измѣряется, собственно, не дороговизною входящихъ въ него составныхъ частей, но достояніемъ покупателя, различаемымъ по одеждѣ.

А потому — одно и тоже лѣкарство продается или весьма дорого, или весьма дешево, или дается просто даромъ, какъ это часто дѣлается для привлеченія покупателей, особенно если лѣкарство не получило еще извѣстности. Постоянно дорогими остаются такъ называемые весенніе рецепты.

У занимающихся лѣченіемъ болѣзней по правиламъ искусства врачей, собственно такъ называемыхъ, есть свои особенные способы рекомендовать себя, давать знать о себѣ, укорененные давностию и почитаемые менѣе укоризненными. Надъ воротами дома, въ которомъ живетъ врачъ, обыкновенно вывѣшивается черная или бѣлая доска, съ рѣзными на ней буквами, позолоченными, или красными, черными, голубыми и т. д., означающими собственно не фамилію хозяина, а похвальное прозваніе, поднесенное пріятелями, или выдуманное самимъ. Напримѣръ : храмъ благодѣянія, храмъ спокойствія и т. п., это есть общій обычай въ Китаѣ, и только подъ этимъ похвальнымъ прозвищемъ или наименованіемъ, можно отыскивать квартиру нужнаго для васъ человѣка. У не-врачей похвальное прозваніе вырѣзывается на небольшихъ дощечкахъ и вѣшается по бокамъ главной двери при входѣ въ домъ, тогда какъ у врачей и доски и буквы бываютъ большія и ставятся на мѣстѣ, видномъ издалека. Другими словами : у врачей эти прозванія замѣняютъ вывѣски,

точно такія же вивѣски съ похвальнымъ прозваніемъ имѣютъ у себя аптекарскія лавки, трактиры, и эти вивѣски отличаются отъ докторскихъ только смысломъ начертанныхъ на нихъ буквъ.

Кромѣ вивѣсокъ съ похвальнымъ прозваніемъ, у дверей каждаго почти врача выставляются доски съ надписью, что онъ находится на службѣ въ медицинскомъ приказѣ; лѣчитъ какъ внутреннія, такъ и наружныя болѣзни: мушинъ, женщинъ, престарѣлыхъ и дѣтей; или однѣ только наружныя, однѣ внутреннія, глазныя, или однѣ дѣтскія болѣзни. Иногда къ этому прибавляется, что здѣсь продаются порошки, пилюли и т. д. изобрѣтенные самимъ врачомъ и полезныя въ разныхъ болѣзняхъ.

У нѣкоторыхъ врачей, сверхъ сказанныхъ вивѣсокъ, на стѣнахъ дома прибываются такъ называемыя *блян*—доски всегда довольно большія съ изрѣченіями, прославляющими искусство врача, поднесенныя въ знакъ благодарности излѣченными больными. Въ срединѣ доски (*блян*, всегда имѣющей длину не менѣе 1 или 2 аршинъ, а ширину въ $\frac{1}{2}$, или 1 аршинъ) на бѣломъ, черномъ, голубомъ, или вызолоченномъ полѣ, или просто на некрашеномъ, если только доска цѣльная и сдѣлана притомъ изъ хорошаго дерева, вырѣзано изрѣченіе, на примѣръ, въ родѣ такого: узнаеть болѣзни, какъ духъ и т. п. Буквы на такихъ доскахъ

бываютъ золотыя, или выкрашенныя голубою, или другою какой нибудь краскою. На бокахъ доски, съ правой стороны, вырѣзывается собственная фамилія врача съ его именемъ; а съ лѣвой — годъ поднесенія доски и фамилія поднесшаго оную больнаго. Подобнаго рода доски составляютъ важнѣйшее достояніе для Китайскаго врача, къ которому онъ стремится постоянно, всѣми силами и средствами, какъ къ ясному и неувядаемому доказательству своего искусства; передаетъ его сыну, внуку и т. д., такъ что доска дѣлается драгоцѣннымъ наслѣдіемъ потомства. Чѣмъ болѣе навѣшано досокъ у воротъ, тѣмъ сильнѣе гремитъ молва объ искусствѣ обладающаго ими; а потому не рѣдко подобныя доски скупаются, дѣлаются на заказъ и т. п. особенно тѣми, у кого ихъ мало, или совсѣмъ нѣтъ, такъ какъ всякій, съ увеличеніемъ числа досокъ, рассчитываетъ и на будущее увеличеніе числа пациентовъ. Все дѣло тамъ въ добываніи денегъ, а не въ чистотѣ способа достиженія этого; на что въ Китаѣ и не обращается особаго вниманія!

Доски съ похвальными надписями (*бянь*), мною описанныя, привѣшиваются не однимъ врачамъ; а также — пріятелямъ, оказавшимъ какія нибудь услуги, благодѣтелямъ и т. д. и отличаются только смысломъ изрѣченій.

Обычай въ идеѣ прекрасный; но, къ несчастію, много утратившій отъ времени и злоупотребленій, особенно же въ отношеніи къ врачамъ!

Поднесеніе похвальныхъ, благодарственныхъ досокъ (*блянь*) составляетъ родъ нѣкотораго торжества для обѣихъ сторонъ и совершается съ нѣкоторою церемоніею. Обыкновенно доску несутъ въ носилкахъ (портшезахъ, какъ ихъ привыкли называть), предшествуемыхъ музыкантами и людьми, несущими разнаго рода атрибуты, означающіе извѣстную степень чиновника, но теперь употребляемые всеми при всякомъ торжественномъ случаѣ: свадьбахъ, похоронахъ, или какъ теперь при поднесеніи доски и т. д. позади всего этого несутся на нѣсколькихъ столахъ подарки, состоящіе изъ шелковыхъ матерій, какихъ нибудь вещей, готоваго платья, съѣстнаго и т. д. сопровождаемые, или самимъ хозяиномъ, подносящимъ доску, когда онъ хочетъ или долженъ оказать величайшее уваженіе тому лицу, которому подносится доска, либо довѣренными отъ него людьми. Получающій такую доску, послѣ церемоніальной встрѣчи у воротъ всего поѣзда, прилично угощаетъ сопровождавшихъ подарки людей и носильщиковъ, и награждаетъ ихъ деньгами. Доски у врачей вѣшаются ввѣ воротъ дома; а у другихъ, удостоенныхъ такой же почести, въ приличномъ мѣстѣ, внутри дома. Великолѣпіе и торжество привоса подоб-

ныхъ досокъ зависятъ отъ богатства подносящаго и мѣры его тщеславія, которое одно въ подобныхъ случаяхъ нерѣдко управляетъ всѣмъ!

Вывѣски и похвальныя доски для Китайскаго врача необходимы: первая служить знакомъ для отысканія его квартиры; а числомъ послѣднихъ опредѣляется степень его искусства! Другая, столь же необходимая принадлежность для Китайскаго врача, составляющая болѣе нравственное качество его, есть умѣнье говорить понятно, ловко и вразумительно для каждаго больного, какого бы онъ сословія ни былъ. Безъ этого ничто не значитъ самое искусство въ распознаваніи болѣзней, *мо-ци* (пульсированіе): какъ говорятъ Китайцы, при умѣньи говорить, и ограниченность пойдетъ заурядъ съ ученостью. Говорливость уличныхъ продавателей лѣкарствъ у врачей, практикующихъ по домамъ, должна принять тонъ пояснительности припадковъ болѣзни, безъ явнаго шарлатанства; но съ тонкою угадчивостію мыслей самаго больного о своей болѣзни и съ убѣжденіемъ, что болѣзнь весьма извѣстна и для врача понятна, и прописываемое противъ нея лѣкарство уничтожитъ недугъ также скоро и легко, какъ вода пламень и т. п. Всѣми этими качествами обладаютъ Китайскіе врачи въ высшей степени и кажется подобная наука дается имъ безъ особеннаго труда.

Въ Китаѣ люди не такъ рѣзко отличаются между собою въ степеняхъ образованія, какъ это видѣть можно на другихъ народахъ. Какъ въ государствѣ древнемъ, цѣлые вѣка живущемъ по своимъ собственнымъ учрежденіямъ и обычаямъ, въ немъ и просвѣщеніе давно уже приняло извѣстные размѣры, ограничилось знаніемъ извѣстныхъ предметовъ, необходимыхъ въ жизни для каждаго человѣка; а потому Китайцы, отъ простолюдиновъ до вельможи и Богдохана, изучаютъ однѣ и тѣже классическія книги. Различіе въ знаніи этихъ предметовъ зависитъ отъ природныхъ способностей человѣка, отъ продолжительности времени обученія, и наконецъ отъ нравственнаго воспитанія, усвоеннаго извѣстнымъ сословіемъ. Весьма справедливо сказалъ нашъ извѣстнѣйшій синологъ, О. Іакинѣвъ, что просвѣщеніе въ Китаѣ проникло всѣ слои общества, какъ вода губку. Дѣйствительно, говоря въ отношеніи къ цѣлому народонаселенію, Китайцы могутъ считаться образованнѣе (по своему) многихъ другихъ народовъ.

По сходству главныхъ основаній медицины съ началами, излагаемыми въ извѣстныхъ классическихъ книгахъ, всѣми изучаемыхъ, языкъ медицины и даже нѣкоторыя опредѣленія ея общепонятны всякому Китайцу. Это есть одна изъ лучшихъ сторонъ Китайской медицины, первое условіе легкости распространенія

ея между народомъ, и въ этомъ отношеніи Китай можетъ представить собою замѣчательный примѣръ народной медицины. Въ разговоръ съ каждымъ Китайцемъ, не говоря уже о болѣе образованныхъ, можно найти подтвержденіе этихъ словъ. Всякій, и не врачъ, скажетъ вамъ : какая именно болѣзнь происходитъ отъ гнѣва; чего можно опасаться во время чрезмѣрно теплой весны, или слишкомъ холодной осени; какаа внутренность пострадаетъ отъ преданности извѣстному роду привычекъ; какимъ припадкомъ выражается преобладаніе внутри тѣла холода (*хань-ци*) или жара (*жэ-ци*), и наконецъ — что именно полезно во всѣхъ этихъ случаяхъ. Словомъ, вы услышите тѣже истины Китайской медицины, какія преподаются въ любомъ изъ ея руководствъ.

При такой общности медицинскихъ познаній, вошло въ обычай разсуждать съ врачомъ о болѣзни, ея причинахъ и лѣченіи, и вести съ нимъ споръ о томъ и другомъ. Здѣсь-то врачъ долженъ выказать, вмѣстѣ съ знаніемъ своего предмета, всю находчивость и умѣнье : опровергать или соглашаться съ своимъ больнымъ, не отступая далеко отъ положеній медицины и пада иногда его самолюбіе. Въ такомъ случаѣ таже общность главныхъ медицинскихъ познаній, при простотѣ, однообразіи и неизмѣнности изложенія оныхъ въ книгахъ, вырываетъ Китайскихъ

врачей изъ затрудненія. Имъ легко отвѣчать на всѣ вопросы больного; потому что отвѣты будутъ повтореніе давно заученнаго въ книгѣ. Отвѣты ихъ будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ и точны, потому что они, такъ какъ и вопросы, суть заученныя книжныя фразы. Никакой больной, на примѣръ, не усомнится въ справедливости отвѣта, что боль въ лѣвомъ подреберьѣ означаетъ страданіе печени, происшедшее отъ гнѣва. Подобное объясненіе повторяется всѣми и всюду, на одинъ и тотъ же ладъ, цѣлыя столѣтія. По природной раздражительности, Китаецъ легко приходитъ въ гнѣвъ отъ маловажной причины: на одному больному не будетъ удивительнымъ объясненіе врача, что боль въ лѣвомъ подреберьѣ могла произойти отъ гнѣва; онъ непремѣнно придумаетъ, что въ недавнемъ времени дѣйствительно подвергался гнѣву, если не явному то скрытному, не замѣченному и имъ самимъ, и повѣритъ показанію врача, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ боль въ боку произошла отъ причины совершенно противоположной.

Этой же общности медицинскихъ познаній надобно приписать ту удобность и легкость, съ которыми изучаютъ Китайцы свои медицинскія книги и ту охоту — скорѣе сдѣлаться врачомъ, нежели чѣмънибудь другимъ, которая овладѣваетъ ими при выборѣ средствъ къ пропитанію. Для Китайца выучить какуюнибудь

медицинскую книгу ничего не значить : языкъ въ ней простъ, удобопонятенъ, термины ея давно уже онъ слышалъ въ общежитіи; а толкованіи объ *Инь* и *Янь* (началъ женскомъ и началъ мужескомъ), на которыхъ вертятся всѣ объясненія главныхъ положеній въ медицинѣ, при изученіи классическихъ книгъ также ему знакомы.

Другую удобность, для скорѣйшаго изученія медицинскихъ книгъ въ Китаѣ, составляетъ дробность занятій Китайскихъ врачей, укорененная временемъ, обычаями и наконецъ ложнымъ направленіемъ, съ которымъ стремятся многіе люди къ званію врача, не ограниченному никакими постановленіями правительства. Немногіе изъ Китайскихъ врачей совокупляютъ въ своемъ знаніи умѣнье лѣчить всѣ вообще человѣческіе недуги; а чаще всего, въ облегченіе себѣ и изъ подражанія древнимъ, они занимаются лѣченіемъ отдѣльныхъ болѣзней : кто, напримѣръ, лѣчитъ исключительно однѣ внутреннія болѣзни, кто наружныя; другой однѣ женскія, или дѣтскія болѣзни, а другой однѣ глазныя. Занимающихся лѣченіемъ наружныхъ болѣзней, по малому числу ищущихъ помощи врача, весьма не много, несмотря на разнообразіе и множество различныхъ болѣзней у Китайцевъ. Не велико также число занимающихся лѣченіемъ переломовъ и вывиховъ, называемыхъ : *Мэнь-ту-дай-фу* (Монгольскій врачъ), какъ будто въ доказательство, что это иску-

ство пришло въ Китайъ отъ другаго народа и не могло еще распространиться. Въ послѣднее время, когда стѣснились средства къ пропитанію и явилось много искателей счастья на поприщѣ медицины, искусство лѣченія болѣзней еще болѣе раздробилось, такъ что теперь можно встрѣтить вывѣски, гласящія, что такой-то *храмъ* (разумѣя подъ этимъ почетное прозваніе врача) занимается лѣченіемъ простудной лихорадки, параличей, оспы и т. п.

При Китайскомъ дворѣ, со времени учрежденія *медицинскаго приказа* (тай-и-юань), слишкомъ за 200 лѣтъ до сего, принято постоянное раздѣленіе должностей придворныхъ врачей, существующее до сихъ поръ: на должность врача *болѣзней внутреннихъ*, (нэй-кэ), врача *болѣзней наружныхъ* (вай-кэ), *болѣзней женскихъ* (ньюй-жэнь-кэ), куда не принадлежать акушеры, обязанность которыхъ въ Китаѣ предоставлена повивальнымъ бабкамъ; *болѣзней дѣтскихъ* (сяо-эррѣ-кэ), *болѣзней глазныхъ* (янь-кэ), *болѣзней зубовъ и рта вообще* (коу-чи-кэ), *дѣтскихъ сыней* (доу-чжэнь-кэ), куда въ особенности относятся корь и оспа. Въ числѣ придворныхъ врачей прежде находились такъ называемые *потиратели*, искусство которыхъ (довольно общее въ Азіи) состояло въ лѣченія болѣзней посредствомъ тренія, поколачиванія руками разныхъ частей тѣла и называлось *Ань-мо-кэ*. Къ нимъ причислялись

также *цирюльники*, къ которымъ теперь перешло искусство потиранія (ань-мо), употребляемое впрочемъ не для лѣченія болѣзней, а для уничтоженія, наприкладъ, неловкости, тяжести въ спинѣ, чувствуемыхъ по утрамъ здоровыми людьми и т. п. или просто для удовольствія, доставляемаго цирюльникомъ по окончаніи бритья и чесанія головы. Въ разрядѣ врачей наружныхъ и глазныхъ болѣзней при Китайскомъ дворѣ поставлены были *иллоукалыватели* (чжэнь-цзю-кэ), теперь совершенно удаленные изъ придворной службы. Въ штатѣ придворныхъ врачей состоятъ *союзители съичей предъ кумирами* за спасеніе больного (чжу-ю-кэ).

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Практикою Китайскіе врачи занимаются или у себя на домахъ, назначая для этого извѣстные часы дня, или, по приглашенію, въ домахъ больныхъ. Ничего подобнаго нашимъ госпиталямъ, больницамъ въ Китаѣ не существовало и не существуетъ. По видимому, ни Китайское правительство, ни частныя лица, не почитали такой родъ благотворительности важнымъ и необходимымъ для государства и гражданъ. Въ этомъ убѣжденіи на счетъ учрежденія общественныхъ лѣчебницъ остаются Китайцы до сихъ поръ, такъ что по всему Китаю нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы бѣдный больной

могъ найти себѣ пристанище и пособіе. Отсюда можно исключить одинъ только Пекинъ, въ которомъ учреждены приюты для престарѣлыхъ, приюты для малолѣтнихъ дѣтей (воспитательные дома), находящіеся внѣ городской стѣны, въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ предмѣстіяхъ. Но все эти мѣста не больше, какъ кратковременное убѣжище бѣдности, сиротства и безприютныхъ нашихъ и, по своей неопрятности, скудности, скорѣе походятъ на скопище всего отвратительнаго, нежели на благотворительныя заведенія. Я былъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и вынесъ оттуда самыя незавидныя повятія о Китайскомъ челоуѣколюбіи. Не нахожу словъ описать всю видѣнную наготу и бѣдность помѣщающихся тамъ, и развалины помѣщений. Въ Китаѣ есть много прекраснаго, по идеѣ достойнаго всякаго подражанія, но ужасающаго въ исполненіи. Благотѣтельныя учрежденія поразительно доказываютъ намъ это! По положенію, на каждое заведеніе выдается или извѣстная сумма денегъ, или извѣстное количество хлѣба (сарачинскаго пшена), потребное для содержанія въ немъ положеннаго числа людей. Въ приютѣ престарѣлыхъ велѣно, кромѣ того, выдавать въ извѣстное время — платье, обувь и т. п. Въ приютѣ малолѣтнихъ положено имѣть нѣсколько кормилицъ, для кормленія грудью новорожденныхъ, принесенныхъ въ заведеніе или явно самими родите-

лями по бѣдности, или подкинутыхъ тайно, чтобы скрыть незаконность рожденія. Даже въ такъ называемомъ *Ци-лю-со* — заведеніи, доставляющемъ только временное помѣщеніе (на ночь, на нѣсколько дней, особенно же зимою), положено давать пищу, если пришедшій на ночлегъ бѣднякъ, по какой нибудь причинѣ, не могъ достать себѣ на сторонѣ хлѣба. Здѣсь же позволено заниматься работами, руководьями и сдѣланное — продавать въ городѣ. При заведеніи для малолѣтныхъ, какъ сказываютъ, положено имѣть врача. Ни чего изъ этого не исполняется на дѣлѣ. Зданія, опредѣленныя для помѣщенія, остаются или пустыми, особенно же лѣтомъ и въ теплое время, или только немногія изъ комнатъ, болѣе уцѣлѣвшія отъ разрушенія, замѣщаются нѣсколькими людьми, для которыхъ, казалось, голодъ одинаково былъ мучителенъ и подѣ городскою стѣною, и внутри благотворительныхъ заведеній. Въ пріютѣ малолѣтныхъ, куда иногда приходятъ выбирать дѣтей для усыновленія люди бездѣтныя, образовался родъ торговли. Бѣдныя женщины, подѣ видомъ найма въ кормилицы, приходятъ сюда же, часто съ дѣтьми, и ожидаютъ благоприятнаго случая — отрекомендовать покупщику можетъ быть своего же ребенка.

Всѣ эти заведенія должны находиться подѣ вѣденіемъ чиновниковъ дворцоваго правленія и ближай-

шимъ надсмотромъ сторожей. Первые обыкновенно только получаютъ окладъ жалованья и часть изъ дѣлежа суммъ, назначенныхъ на содержаніе заведенія, никогда не являясь къ своему мѣсту; а послѣдніе, по бѣдности, хотя и живутъ при заведеніи, но занимаются болѣе сборомъ денегъ за временную квартиру въ немъ, нежели присмотромъ за онымъ. Вотъ почему тамъ благотворительныя заведенія часто служатъ убѣжищемъ нищихъ, этого многолюднаго и отвратительнаго класса жителей въ Китаѣ, состоящаго изъ самыхъ отчаянныхъ негодяевъ, промотавшихся солдатъ Маньчжурскаго племени, игроковъ, и т. п., людей, собирающихся сюда въ зимнее время—укрыться отъ холода.

Я не могу указать на время, къ которому должно отнести начало учрежденія благотворительныхъ заведеній въ Пекинѣ. Извѣстно только, что въ предмѣстіяхъ Кантона издавна существовалъ такъ называемый *Ма-фынь-юань*, для помѣщенія страждущихъ *проказою* (*Ма-фынь-чуань*). Говорятъ, что возобновленіе, или приведеніе въ дѣйствіе, давно можетъ быть существовавшихъ въ Пекинѣ описанныхъ выше благотворительныхъ заведеній, было за 60 или за 70 лѣтъ предъ симъ, по повелѣнію матери Китайскаго императора *Цянъ-лунъ*. Къ этому же времени относятъ учрежденіе такъ называемыхъ *коровихъ тельгъ* (*ню-чэ*), для сбора

по городу умершихъ младенцевъ и вывоза ихъ за городъ для погребенія въ общей могилѣ.

Телѣги, везомыя быками, отъ чего произошло и самое названіе ихъ ю-чэ (ю быкъ, корова; чэ телѣга), существуютъ до сихъ поръ и, какъ мнѣ самому случилось видѣть, ежедневно утромъ проѣзжаютъ тихимъ шагомъ, отъ одного конца до другаго и обратно, по двумъ главнымъ улицамъ Пекина; по улицѣ *Хай-да-мынь-да-цзэ*, начинающейся отъ юго-восточныхъ воротъ *Хай-да-мынь*, или иначе *Чунь-сынь-мынь*, и оканчивающейся у сѣверо-восточныхъ воротъ *Ань-динь-мынь*, и по улицѣ *Шунь-чжи-мынь-да-цзэ*, начинающейся отъ юго-западныхъ воротъ *Шунь-чжи-мынь*, или иначе *Сюань-су-мынь*, и оканчивающейся у сѣверо-западныхъ воротъ *Дэ-шань-мынь*. Всякій можетъ класть въ телѣгу умершаго ребенка, безъ обязанности сказывать изъ чьего онъ дома, заплативъ только произвольное, всегда самое ничтожное количество мѣдной монеты сопровождающему телѣгу поговщику. Трупъ ребенка долженъ быть въ гробикѣ, или по крайней мѣрѣ, какъ чаще и бываетъ, завернуть въ кусокъ старой рогожки; иначе его не позволятъ положить на телѣгу. По наружной формѣ, телѣги похожи на обыкновенныя двухъ-колесныя, городскія Китайскія повозки, только больше ихъ и открыты спереди и сзади. Сколько мнѣ ни случилось встрѣчать этихъ телѣгъ, особенно же, когда онѣ ѣхали

съ оъвера, т. е. обратно по улицъ, всегда онъ наложены были почти до-верха небольшими гробиками, а больше рогожными свертками, изъ которыхъ иногда виднѣлись ножки или ручки умершихъ младенцевъ. Вотъ въ какомъ видѣ представляется Китайская благотворительность, Китайское человеколюбіе! Собранные дѣтскіе трупы вывозятся за юго-западное предмѣстіе Пекина, въ отведенное для этого мѣсто съ кумирнею. Пока соберется достаточное число гробиковъ, они кладутся на время въ отдѣльное зданіе, находящееся при кумирнѣ, куда позволено приносить умершихъ дѣтей и окрестнымъ жителямъ, и всѣмъ тѣмъ, кто не успѣлъ сдать своего ребенка на телѣгу. Когда гробиковъ соберется достаточное число, выкапывается яма, куда они складываются и сожигаются вмѣстѣ съ трупами. Находящійся при кумирнѣ *Хэ-шань* (Буддійскій монахъ) читаетъ при семъ обычныя для покойниковъ молитвы, и яма зарывается впередъ до новаго сожиганія.

Телѣги для сбора умершихъ младенцевъ, какъ рассказываютъ, были учреждены по случаю (въ которой-то годъ правленія *Цянъ-луня*) свирѣпствованія повальной оспы, когда дѣтей умирало много и родители выбрасывали ихъ на улицы, такъ что полиція должна была распорядиться собираніемъ и похоронами дѣтскихъ труповъ. Судя по нашимъ

нравственнымъ и религіознымъ понятіямъ, для насъ можетъ быть удивительна подобная жестокость родителей; но Китайцы разсуждаютъ объ этомъ иначе. По ихъ понятіямъ — нравственнымъ и религіознымъ (буддійскимъ), душа не совершенна еще у человѣка во младенчествѣ; а потому дѣтей, умершихъ до 8 лѣтняго возраста, не удостоиваютъ погребенія на родовыхъ кладбищахъ.

Съ обычая Китайцевъ — не хоронить малолѣтнихъ дѣтей на родовыхъ кладбищахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и бросать ихъ безъ призора, тамошніе Римско-Католическіе миссіонеры взяли понятіе, переданное ими потомъ въ Европу, о дѣтоубійствѣ позволительномъ будто бы въ Китаѣ. О. Іакинвъ достаточно опровергнувъ нелѣпость такого мнѣнія. Дѣтоубійство преслѣдуется въ Китаѣ законами и наказывается, какъ всякое другое смертоубійство. Даже за умышленное умерщвленіе плода въ утробѣ матери, какими бы то ни было средствами, положено тѣлесное наказаніе, и такъ, если въ числѣ собираемыхъ по городу на коровья телѣги умершихъ дѣтей могутъ случиться и такія, которыя лишены жизни насильственно, то это развѣ тогда когда, напримѣръ, хотятъ скрыть рожденіе изъ стыда и т. п. преступныхъ побужденій? Полиція никогда не свидѣтельствуетъ собранные дѣтскіе трупы; равнымъ образомъ не спрашиваютъ у принося-

щихъ на коровью телѣгу умершаго младенца, кому онъ принадлежитъ; а потому вѣроятно, что между дѣтьми, умершими своею смертію, могутъ попадать на коровью телѣгу и дѣти умершія насильственно.

Что выбрасываніе дѣтскихъ труповъ можетъ случаться часто, и даже почестъся обычаемъ повсемѣстнымъ въ Китаѣ, въ томъ я сошлюсь на автора книги: *И-минъ-хай-чо*, изданной въ 1830 году, который говоритъ, что мысль о неосновательности анатомическихъ понятій, преподаваемыхъ доселѣ во всѣхъ медицинскихъ книгахъ, пришла ему въ первый разъ при разсматриваніи внутренностей дѣтскихъ труповъ, выброшенныхъ за городъ и растерзанныхъ животными (собаками). Это было въ одномъ уѣздномъ городѣ, во время свирѣпствованія оспы, когда самъ авторъ состоялъ на должности правителя того уѣзда.

Существуютъ-ли телѣги, для сбора умершихъ младенцевъ, въ другихъ городахъ Китая, мнѣ неизвѣстно. Можетъ быть, и въ самомъ Пекинѣ, учрежденныя нѣкогда отъ правительства коровьи телѣги давно-бы не существовали, если бы сборъ ничтожной платы съ каждаго приносимаго на телѣгу дѣтскаго трупа и добровольныя подаванія въ кумирню, построенную близъ общей дѣтской могилы, не побуждали приставленныхъ къ тому людей, для собственной своей пользы, до сихъ поръ продолжать ежедневные проѣзды на

тегѣ по главнымъ двумъ улицамъ города. Безъ этого, на вѣрное можно предположить, что благотельное обыкновеніе собирать дѣтскіе трупы давно бы прекратилось.

УСЛОВІЯ ПРАКТИКИ КИТАЙСКИХЪ ВРАЧЕЙ.

Съ одной стороны отсутствіе общественныхъ больницъ, а съ другой чрезмѣрная населенность большихъ городовъ Китая, и свобода занятія лѣченіемъ болѣзней, дѣлають то, что Китайскіе врачи имѣють у себя обширную практику, не смотря на людность своего сословія. Этому помогаютъ еще : замѣчательная склонность Китайскаго народа отъ всего лѣчиться и дешевизна аптекарскихъ матеріаловъ. Последнее обстоятельство составляетъ одно изъ первѣйшихъ условій успѣха чего бы то ни было въ Китаѣ. Многолюдное сословіе Китайскихъ врачей никогда бы въ своей практикѣ не нашло достаточныхъ средствъ къ существованію, если бы хотѣло чрезмѣрно вознаграждать труды свои. Тогда какъ теперь, при укорененномъ давностью народномъ обычаѣ : платить врачамъ умеренно, всякій изъ нихъ имѣеть достаточное число больныхъ, доставляющихъ ему и занятіе и вознагражденіе.

Практика у Китайскихъ врачей бываетъ двухъ родовъ : когда сами больные приходятъ на домъ къ

врачу, и когда врачъ по приглашенію посѣщаетъ больного въ его домѣ. Къ послѣднему виду практики относится постоянное лѣченіе въ одномъ и томъ же домѣ одного врача; за условленную годовую плату. Для сношеній съ больными у себя на дому, каждый врачъ назначаетъ извѣстный часъ дня, въ который принимаетъ больныхъ. Плата въ этомъ случаѣ берет-ся собственно за *прописываніе рецепта* (кай-фанъ-пзы), и такъ какъ въ числѣ ищущихъ пособія на дому врача бываютъ, по большей части, люди бѣдные, рабочій классъ народа; то плата за прописываніе рецепта въ этомъ случаѣ бываетъ самая ничтожная: отъ 10 до 30 копѣекъ мѣди и никогда не выше 50, что могутъ получать только одни знаменитые врачи. Чтобы не затруднять ни себя, ни больныхъ въ опредѣленіи количества денегъ за трудъ, врачи выкладываютъ на столъ въ той комнатѣ, въ которую приходятъ больные, извѣстное число навязанныхъ на веревку *мудмыхъ монетъ* (цань), увидавъ кон всякій больной могъ бы, не спрашивая, знать, сколько должно заплатить за трудъ. Послѣ изслѣдованія пульса, распроса о болѣзни и т. п. нужныхъ вопросовъ, врачъ прописываетъ ре-цептъ; больной, отсчитавъ деньги, беретъ рецептъ и отправляется съ нимъ за полученіемъ лѣкарства въ ближайшую аптекарскую лавку. Въ числѣ входящихъ на домъ къ врачу больныхъ, никогда не бываетъ жен-

щинъ; дѣтей же приводятъ и приносятъ, особенно къ занимающимся лѣченіемъ дѣтскихъ болѣзней. Несмотря на ничтожность платы, извѣстные своимъ искусствомъ врачи набираютъ, съ прописыванія рецептовъ на дому, отъ 5 до 10 рублей серебромъ на наши деньги, въ теченіи 4 — 5 часовъ по большей части предобѣденнаго времени.

Плата за пріѣздъ врача на домъ къ больному опредѣляется разстояніемъ между домомъ больного и домомъ врача и простирается приблизительно отъ 50 копѣекъ до 1 и 3 рублей серебромъ, рѣдко болѣе, какъ бы ни былъ славенъ врачъ. Исключенія могутъ быть только въ такомъ случаѣ, если больной имѣетъ значительное состояніе, и тогда условливаются въ цѣнѣ за окончательную вылѣчку болѣзни и берутъ отъ 20 до 100 рублей серебромъ.

Деньги, выдаваемые приглашенному на домъ врачу, бывають, большею частію, мѣдная Китайская монета, называемая *тунъ-цянъ*, величиною съ нашу копѣйку, имѣющая по срединѣ дырочку, чрезъ которую продевается веревочка — 500 монетъ, нанизанныхъ на одну веревку, называются связкою и равняются нашимъ 2 рублямъ мѣди. По окончаніи визита, кладется въ повозку врача слѣдующее по разстоянію число такихъ связокъ. Это называется отдавать *ма-цянъ* (деньги на лошадь), древнее выраженіе, взятое будто бы съ того,

что врачи того времени ѳздили къ своимъ больнымъ верхомъ на лошади.

Такъ называемые годовые врачи, имѣющіе въ извѣстномъ мѣстѣ, напримѣръ въ домахъ князей Маньчжурскаго племени, постоянную практику, получаютъ по мѣсячно отъ 2 до 10 руб. серебромъ, иногда съ прибавкою къ этому извѣстнаго количества сарачинскаго пшена, и обязаны лѣчить, бесплатно, всѣхъ заболѣвающихъ въ этомъ домѣ, отъ господъ до послѣдняго слуги. Обычай имѣть постоянного при домѣ врача, за исключеніемъ князей — Маньчжуровъ, во всемъ подражающихъ своему двору, другими изъ Китайцевъ ни кѣмъ не принятъ.

Посѣщеніе больныхъ мужскаго пола и дѣтей дѣлается обыкновеннымъ порядкомъ; но при посѣщеніи врачомъ больныхъ женщинъ, этотъ порядокъ нѣсколько измѣняется. По Китайскому обычаю, посторонній мужчина, не имѣющій съ домомъ никакой близкой родственной связи, не можетъ видѣть женщины; а потому у богатыхъ и важныхъ Китайцевъ, когда нужно пригласить врача къ заболѣвшей женщинѣ, позволяютъ смотрѣть только пульсъ, какова бы болѣзнь ни была: внутренняя, или наружная, и тѣмъ довольствоваться при опредѣленіи болѣзни. Даже распросъ о чувствуемыхъ больною припадкахъ не всегда можно дѣлать у самой больной, особенно же касательно отправленій

половыхъ органовъ; а должно довольствоваться, въ этомъ случаѣ, разсказами окружающѣй боляную прислуги. Но такой обычай не соблюдается людьми не только богатыми и знатными, тѣмъ болѣе бѣдными и простыми, у которыхъ женскій полъ безъ церемоній отправляетъ всѣ касющіяся до дома обязанности и находится постоянно предъ глазами мужчинъ. И вообще женскій полъ у Китайцевъ не такъ стѣсненъ въ свободѣ своей, какъ у Мусульманъ, ищущихъ, въ строгихъ правилахъ положенія женщины въ обществѣ, опоры своей речности, тогда какъ у Китайцевъ нѣкоторое отдаленіе женщинъ отъ мужчинъ есть только выраженіе женской стыдливости, скромности, знатности происхожденія вошедшее въ обычай. Маньчжуры, утративъ свою степную простоту нравовъ, во всемъ теперь сдѣлались Китайцами и у нихъ, въ домахъ князей высшихъ сановниковъ, также нельзя всякому видѣть женщинъ. При Пекинскомъ дворѣ тѣмъ строже исполняется это обыкновеніе. Говорятъ, даже рука, подаваемая изъ полога для изслѣдованія пульса, бываетъ покрыта флеромъ и врачъ, стоя на колѣняхъ, осматриваетъ пульсъ и, кончивъ это, удаляется, не произведя ни одного слова предъ высокою особою. Если же ему, кромѣ изслѣдованія пульса, для повоенія болѣзни, нужно знать что нибудь о припадкахъ, чувствительныхъ больною и т. п. то обо всемъ этомъ онъ долженъ

распросить евнуховъ, прислуживающихъ больной. Но такая чрезмѣрная строгость тамъ не во всѣхъ княжескихъ домахъ принята. Русскимъ врачамъ случалось быть приглашенными въ дома знатныхъ Маньчжуровъ, и имъ всегда позволялось расправлять больную, не закрытую пологомъ. Только одно ручное изслѣдованіе, исключая лица и открытыхъ частей рукъ, никогда не могло быть принято Китайскою стыдливостію. Но я нигдѣ случая видѣть вынужденное отступленіе отъ обычая, когда у больной былъ переломъ бедра. Врачи всего Пекина; одинъ послѣ другаго, должны были судить о болѣзни по изслѣдованію пульса и иные приписывали еѣ усиленію жара въ печени, другіе слабости почекъ и т. п. Когда пригласили меня, больная ни какъ не рѣшалась на ручное изслѣдованіе, и только послѣ рѣшительнаго отказа съ моей стороны сказать что нибудь о болѣзни безъ осмотра, позволила сквозь платье и покрывало, прикоснуться къ больной части.

Посѣщать своихъ больныхъ безъ вторичнаго приглашенія не въ обыкновеніи у Китайскихъ врачей, каково бы ни было состояніе больного и какъ бы ни интересна болѣзнь. Одни только тѣ врачи, которые взяли за извѣстную плату вылѣчить какую нибудь болѣзнь, и врачи, служащіе въ домахъ за годовое жалованье, могутъ по произволу являться къ своимъ паціентамъ.

Для облегченія при отыскиваніи квартиры націента, въ случаѣ вторичнаго приглашенія, врачи, окончивъ первый визитъ, приклеиваютъ къ дверямъ дома націента билетъ своего почетнаго прозванія. Въ Пекинѣ часто можно видѣть по нѣскольку такихъ билетовъ, на голубой, красной и другихъ цвѣтовъ бумагѣ, приклеенныхъ вмѣстѣ, когда одного и того же больного посѣщало нѣсколько врачей одинъ послѣ другаго. Рѣдко случается, чтобы одинъ и тотъ же врачъ былъ приглашенъ вторично къ больному, тѣмъ болѣе нѣсколько разъ сряду. Обыкновенно, если по прописанному рецепту не оказалось въ болѣзни никакой переменны, или если переменна эта сдѣлалась къ худшему, то приглашаютъ другаго врача; а въ противномъ случаѣ — посылаютъ въ аптеку прописанный прежде рецептъ и повторяютъ приемъ лѣкарства. Бываетъ даже, что къ одному больному, особенно въ богатыхъ домахъ, приглашаютъ нѣсколькихъ врачей, одного послѣ другаго, и такъ притомъ, чтобы пришедшій послѣ не встрѣтился съ призваннымъ прежде. Къ этому прибѣгаютъ чаще всего при видимой опасности больного. Каждому врачу предоставляется полная воля распрашивать больного сколько и какъ ему угодно, дѣлать свои соображенія о болѣзни и въ заключеніе писать рецептъ, по окончаніи котораго выдается извѣстное количество денегъ, соответствующее разстоя-

нію до квартиры его, *ма-цзя* (деньги на эквиважъ), и онъ отправляется куда слѣдуетъ. По улодѣ одного врача, приглашается другой и т. д. сколько покажется нужнымъ и сколько позволятъ средства больнаго. Прописанные нѣсколькими врачами рецепты слѣчаются между собою, и тѣ изъ нихъ, въ которыхъ будетъ болѣе сходства въ лѣкарствахъ, почитаются лучшими и полезнѣйшими, и по одному изъ нихъ покупается въ аптекѣ лѣкарство. Если же между нѣсколькими рецептами не найдутся сходные, или если сходство будетъ невелико, въ одномъ только какомънибудь средствѣ; то прибѣгаютъ къ ворожбѣ, и какой рецептъ выпадетъ первымъ, по тому и покупаютъ лѣкарство. Или вмѣсто этого сзываютъ другихъ врачей и слѣчаютъ прописанные ими рецепты. Это есть родъ консилиума о болѣзни, дѣлаемый въ Китаѣ безъ вѣдома врача. Довольно замысловатая уловка! Незвѣство только, до какой степени она полезна той и другой сторонѣ.

Еще не разъ придется говорить о Китайскомъ суевѣрїи и предрасудкахъ, обличающихъ крайнее невѣжество народа, по крайней мѣрѣ въ отношенїи къ степени просвѣщенїя, понимаемаго у насъ, если не въ отношенїи къ самородному Китайскому просвѣщенїю. Здѣсь кстати сказать о суевѣрномъ убѣжденїи въ выборѣ врача. Въ Китаѣ часто не истинное искус-

ство вводитъ врача въ славу, не опытность въ дѣлѣ, приобретаемая съ лѣтами: а случайность, зависящая прямо отъ народныхъ суевѣрій. Не нужно говорить, что въ Китайскомъ обществѣ есть слабость, — судить о человѣкѣ по наружности, и слѣдовательно приглашать чаще тѣхъ врачей, которые щеголяютъ платьемъ, экипажемъ и т. д. Дѣло въ томъ, что суевѣріе, властвующее Китайцамъ на всѣхъ ступеняхъ его образованности и просвѣщенія, свойственное какъ простому, такъ и высшему Китайскому сословію, издавна убѣдило народъ вѣрить болѣе тѣмъ людямъ, которые приобрѣли свое искусство не въ книгахъ, не трудами; а вынѣмъ на нихъ духовъ, неизвѣстными для нихъ самими путями. Много бы можно было насчитать примѣровъ, подобныхъ тому: какъ одинъ горный отшельникъ лечилъ отъ всѣхъ болѣзней давая золу, оставшуюся отъ сжиганія курительныхъ свѣчъ предъ кумирами, для пожеванія на шеѣ, и къ нему стекалось тысячи людей, желавшихъ получить необыкновенное лѣкарство; какъ одна престарѣлая дѣвица избавляла отъ всякаго недуга, давая приготовленную ею самую амулетку (талисманъ) и т. п. Все существовавшее нѣкогда и у другихъ народовъ въ полной силѣ до сихъ поръ еще живетъ въ Китаѣ. Суевѣріе Китайцевъ, кромѣ древнихъ преданій, находитъ много пищи и въ самыхъ религіозныхъ ученіяхъ. Ни одинъ, можетъ

Быть, всычесані истуканъ не пользовался такимъ почетомъ отъ поклонившихся ему, какииъ пользуется теперь баснословное животное, изображающее созвѣдіе называемое *те*, похожее на мула, или на лошадь и находящееся въ кумирнѣ *дунъ-ѳ-мло*, за восточною стѣною Пекина. Толпы народа текутъ на поклоненіе ему (мущины 1 и 15 числа, женщины 2 и 16 числа каждаго мѣсяца), съ полною надеждою получить облегченіе въ разныхъ недугахъ. Истуканъ вылить изъ мѣди и особенно славенъ помощію въ бездѣтствѣ.

Я укажу на другой примѣръ Китайскаго суевѣрія, относящійся собственно къ врачамъ. Въ Неванѣ, между врачами, пользующимися славой и обширною практикою, много такихъ, которые, кромѣ названія нѣсколько гѣнарствъ, не имѣютъ ни какихъ другихъ понятій о медицинѣ и лѣчатъ своихъ больныхъ, какъ говорятъ Китайцы, по внушенію духовъ. Между подобнаго рода врачами особенно извѣстенъ во всѣхъ частяхъ города нѣкто по фамили *Ли*. Прежде онъ занимался астрологіею, воронилъ по *И-цзину* (древняя книга о природѣ и происхожденіи существъ) и объявилъ себя врачомъ по наставленію котораго-то изъ духовъ, научившаго его лѣченію болѣзней. Всѣ знаютъ, что *Ли* недалеко въ медицинѣ; въ аптекарскихъ чашкахъ привыкли даже различать его рецепты, по бессмысленному соедине-

нію въ нихъ лѣкарствъ (у Китайцевъ подъ рецептами не подписывается фамилія врача); но всё между тѣмъ ищутъ пособія *Ли*, и онъ сдѣлался теперь и славнымъ и богатымъ.

ДЕРЕВЕНСКІЕ ВРАЧИ.

Въ деревняхъ еще болѣе можно находить врачей, лѣчащихъ по наученію духовъ и прибѣгающихъ всегда къ ворожбѣ для опредѣленія болѣзни и соответствующихъ оной лѣкарствъ. Замѣчательно, что между Китайскими деревенскими женщинами нѣтъ подобныя нашимъ знахаркамъ лѣкарокъ. Вѣроятно обычай Китайскихъ женщинъ — вести жизнь домосѣдную, причиною того, что искусство врачеванія досталось въ удѣлъ однимъ мужчинамъ. Деревенскіе врачи, достаточно посвященные въ тайны Китайской медицины и лѣчащіе болѣзни по правиламъ искусства, часто вмѣстѣ съ тѣмъ занимаются лѣченіемъ домашняго скота, и всегда уже умѣютъ ворожить о счастливыхъ и несчастливыхъ дняхъ, о благопріятности и несвойственности мѣста, назначаемого для построенія дома, помѣщенія кладбища и т. п. Астрологи въ Китаѣ почитаются необходимыми членами въ обществѣ, и въ городахъ составляютъ особый классъ людей; въ деревняхъ же, гдѣ грамотность не всякому дается, гдѣ

не у многихъ есть досугъ заняться въ молодости изученіемъ астрологическихъ книгъ, часто врачи, какъ люди болѣе знающіе между своей братьи, принимаютъ на себя обязанность мѣстнаго астролога.

Вознагражденіе врача за труды въ деревняхъ опредѣляется иначе, нежели въ городахъ. Тамъ врачъ есть вмѣстѣ и аптекаръ, имѣющій необходимыя лѣкарства, собранныя болѣею частію въ окрестныхъ горахъ; а потому, при лѣченіи болѣзни, берутся деньги собственно за лѣкарства, а не за лѣченіе. Рецептовъ никогда не прописываютъ, а самъ врачъ приготовляетъ лѣкарства и отсылаетъ ихъ на домъ къ больному съ наставленіемъ, какъ употреблять оныя. Большая часть деревенскихъ врачей принадлежитъ къ мѣстнымъ жителямъ той деревни, и вообще рѣдко случалось слышать, чтобы между ними были городскіе, или изъ другихъ деревень врачи.

ПОЛОЖЕНІЕ КИТАЙСКИХЪ ВРАЧЕЙ ВЪ ОБЩЕСТВѢ.

Сословіе врачей въ Китаѣ пользуется въ народѣ достаточнымъ уваженіемъ; что доказываетъ почетное названіе врачей, присвоенное имъ съ самаго древняго времени и употребляемое до сихъ поръ для означенія рода ихъ занятій. Вмѣсто словъ: врачъ, лѣкаръ, Китайцы говорятъ: *Сянь-шань*, что значитъ соб-

ственно преждеродившійся. Слово это дается не только врачамъ. но и ученымъ вообще; а также — слѣпцамъ, псаларямъ, живописцамъ, когда не хотятъ изъ учтивости употребить слова, прямо опредѣляющаго родъ ихъ занятій. Это выраженіе тонкой Китайской вѣжливости въ послѣдствіи обратилось въ обыкновенное названіе, и теперь, въ обыкновенномъ разговорѣ, слово : *слинь-шань* употребляется какъ техническое, когда идетъ рѣчь о человѣкѣ, имѣющемъ особый родъ занятій, выходящихъ изъ круга ремесла, и между прочимъ и о врачѣ. Но когда съ учтивостію хотятъ соединить лесть ; то врачей называютъ : *дай-фу*, что значитъ *великій — мужъ*, употребляя это слово въ смыслѣ нашего *докторъ*, придаваемого иногда всякому, занимающемуся лѣченіемъ болѣзней. Въ простонародіи наконецъ даютъ часто врачамъ особенныя, характеристическія названія, выражающія одну какую нибудь исключительную слабость человѣка. Это суть прозвища, даваемые иногда людямъ, отличающимся чѣмъ нибудь особеннымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, нравѣ и т. п. Такъ, напримѣръ, врачей, пристрастныхъ къ лѣкарствамъ горьчительнымъ, называютъ : *же-ло* такой-то N., приставляя на ковыль настоящую фамилію врача, напримѣръ : *же-ло-ванъ* (*же-ло* горьчительное лѣкарство, *ванъ* фамилія врача); а употребляющихъ часто лѣкарства укряи-

ляюція (бу-ю) называютъ напригнръ : *бу-ю-чэнь* (бу-ю лѣкарство укрѣпляющее, чэнь фамилія) и проч. Подъ такими названіями, данными для означенія особенности способа лѣченія, извѣстны эти врачи у всѣхъ.

По государственнымъ законамъ, все народонаселеніе Китая раздѣляется на два класса : *собственно благородныхъ* (чэнь), куда принадлежатъ всѣ служащіе въ гражданской и военной службѣ, и *народъ* (минь), куда причисляются : земледѣльцы, ремесленники разнаго рода, со включеніемъ врачей, несостоящихъ въ придворной службѣ, купцы и т. д. Изъ класса народа — (*минь*) исключаются рабы, служители въ присутственныхъ мѣстахъ, актеры, цирюльники : составляющіе низкій классъ людей, лишенныхъ нѣкоторыхъ правъ, присвоенныхъ даме и черни. Въ классъ благородныхъ можетъ попасть всякой изъ класса черни (*минь*), народа собственно, получивъ на это право по выдержаніи экзамена въ наукахъ, назначенныхъ для пріобрѣтенія гражданскихъ или военныхъ должностей. Полученная по экзамену степень отырываетъ путь къ дальнѣйшему повышенію въ гражданской или военной службѣ, кому бы то ни было изъ народа (*минь*), будь онъ земледѣлецъ, ремесленникъ, купецъ и т. д. Трудъ и ученье уравниваютъ у Китайцевъ въ этомъ случаѣ различіе происхожденій и даютъ

право вступать въ классъ благородныхъ. Одни только люди низкаго класса, какъ-то : рабы, актеры, цирюльники, служители въ присутственныхъ мѣстахъ исключены изъ этого правила и не могутъ держать экзамена, ни по военной, ни по гражданской части. Врачи, принадлежа ко второму классу, черни (*жиль*), хотя и имѣютъ право поступленія въ классъ благородныхъ (*чэнь*), выдержавъ экзамень; но для этого отъ нихъ требуются не медицинскія познанія, а предметы, изучаемые всѣми на получение извѣстной степени, каковы суть, для *гражданскихъ*, собственно ученыхъ степеней : изученіе шести классическихкихъ книгъ и собственное разсужденіе на заданное предложеніе объ извѣстномъ предметѣ; для *военныхъ* : разнаго рода упражненія показывающія силу, ловкость и т. д. и нѣкоторое знаніе тѣхъ же шести классическихкихъ книгъ. Знаніе медицины по этому не даетъ въ Китаѣ никакихъ особыхъ правъ на полученіе извѣстной степени достоинства, ставящаго врача выше человѣка, принадлежащаго къ сословію черни.

Есть только одно мѣсто, въ которомъ медицинскія познанія открываютъ дорогу къ достоинству, вводящему человѣка въ классъ благородныхъ (*чэнь*). Это упомянутый выше *медицинскій приказъ* (тай-и-юань).

**МЕДИЦИНСКІЙ ПРИКАЗЪ И ОТНОШЕНІЯ ЕГО КЪ СОСЛОВІЮ
ВРАЧЕЙ. ПРИДВОРНЫЕ ВРАЧИ.**

Тай-и-юань (медицинскій приказъ) есть единственное правительственное мѣсто по медицинской части. Распоряженія его, однако, простираются не на все медицинское сословіе въ Китаѣ, а только на врачей, находящихся въ придворной службѣ. До него не касается: ни обученіе медицинскимъ наукамъ; ни разборъ дѣлъ, возникающихъ въ сословіи врачей. Первое предоставлено въ Китаѣ совершенной свободѣ, и за неимѣніемъ общественныхъ, казенныхъ и частныхъ училищъ для образованія по медицинской части, всякій по произволу учится медицинѣ на дому, у отца, учителя и т. д. или, даже, самъ безъ посторонней помощи. Разборъ же дѣлъ сословія врачей, смотря по роду обстоятельствъ, относится къ разнымъ правительственнымъ мѣстамъ государства, какъ и разборъ дѣлъ другаго сословія гражданъ. Только ищущіе права поступленія въ придворную службу врачи имѣютъ прямое отношеніе къ медицинскому приказу, который производитъ имъ экзаменъ и окончательно опредѣляетъ къ должности. Всякій изъ вольно-практикующихъ врачей можетъ быть допущенъ до экзамена въ медицинскомъ приказѣ, не представляя никакихъ свидѣтельствъ о своемъ перво-

начальномъ обученіи медицинѣ. Экзаменъ состоитъ изъ письменнаго и словеснаго вопроса о какой нибудь болѣзни. На письменный вопросъ должно написать нѣчто въ родѣ разсужденія, придерживаясь во всемъ главныххъ правилъ медицины, изложенныхъ въ изданной правительствомъ книгѣ : *И-цзун-цзипи-цзяль*. Удостоившійся хорошей отмѣтки, по экзамену, принимается сначала въ число врачей, состоящихъ при медицинскомъ приказѣ; потомъ, при очистившейся вакансіи при дворѣ, онъ можетъ поступить, на мѣсто вышедшаго, въ число придворныхъ врачей. Такъ следовало бы дѣлать по уставу; но не такъ у Китайцевъ приводится это въ исполненіе : въ число врачей при медицинскомъ приказѣ опредѣляютъ по проискамъ, безъ всякаго экзамена, за деньги; а въ придворную службу Богдохана поступаютъ по просьбамъ, ходатайству, и т. п.

При Пекинскомъ дворѣ положено имѣть по штату врачей, занимающихся лѣченіемъ болѣзней собственно Богдоханской фамиліи, 15 человекъ; для лѣченія же болѣзней служащихъ при тамошнемъ дворѣ, 18 человекъ. Всего же при медицинскомъ приказѣ считается до 40 человекъ врачей, на службѣ состоящихъ, и около 30 человекъ, ожидающихъ вакансіи къ поступленію въ придворную службу. Старшіе изъ нихъ считаются въ чинѣ 5-й степени и носятъ на своей шапкѣ бѣлый

прозрачный шарикъ, а младшіе въ 6-й степени и носятъ на шапкѣ бѣлый непрозрачный шарикъ; самыя же младшіе считаются въ 9-й степени и носятъ мѣдный позолоченный шарикъ. Первые получаютъ жалованья около 180 руб. сереб., вторые 120, а самыя младшіе 90 руб. сереб. въ годъ, съ прибавкою тѣмъ и другимъ извѣстнаго количества сарачинскаго пшена. Числящіеся на вакансіи получаютъ помѣсячно отъ 1 до 2 руб. сереб., съ прибавкою также извѣстнаго количества сарачинскаго пшена, въ видѣ провіанта, наравнѣ съ низшими военными чинами.

Служба при дворѣ и вакантное мѣсто при медицинскомъ приказѣ составляютъ конечную цѣль, къ которой можетъ стремиться честолюбіе Китайскаго врача. Кромѣ этихъ мѣстъ, нѣтъ другихъ, гдѣ бы врачъ могъ опредѣлиться на службу и получать чины. Говорятъ, что во время войны, при каждомъ знамени, соответствующемъ нашему корпусу, опредѣляется врачъ; но въ этомъ случаѣ, кромѣ условенной, опредѣленной за проѣздъ платы, врачъ не приобретаетъ ничего.

Сословіе чиновниковъ, собственно благороднаго класса людей (*чэнь*), послѣ купцовъ, есть самое вѣдущее въ Китаѣ. Особенно славятся богатствомъ занимающіе тамъ гражданскія должности чиновники, имѣющіе болѣе случаевъ къ наживѣ разными сред-

ствами, но врачи, кажется, не слишком стремятся попасть въ сословіе благородныхъ, чрезъ полученіе чина въ придворной службѣ и медицинскомъ приказѣ. Вѣроятно, ничтожное жалованье въ этихъ должностяхъ, и совершенный недостатокъ постороннихъ доходовъ мало обезпечиваютъ ихъ состояніе. Если же что и интересно для нихъ въ званіи придворнаго врача, такъ это не чинъ и жалованье, соединенные съ этимъ званіемъ, а скорѣе приобрѣтеніе права написать надъ входомъ своего дома «придворный врачъ такой-то»: слова, служащія не столько къ утѣшенію самолюбія владѣльца, сколько приманкою къ его дому большаго числа пациентовъ.

Говоря вообще, рѣдкіе изъ Китайскихъ врачей имѣютъ достаточное состояніе. Не знаю, многолюдство ли ихъ сословія, или ничтожная плата за труды, причиною этому? Исключеніе можетъ быть сдѣлано, въ этомъ случаѣ, для врачей, продающихъ секретныя лѣкарства собственнаго изобрѣтенія. Между ними многіе имѣютъ хорошее состояніе; но здѣсь богатство зависитъ прямо отъ торговыхъ оборотовъ и шарлатанства, а не отъ славы, добытой искусствомъ, трудами!

АНАТОМИЧЕСКІЯ ПОНЯТІЯ КИТАЙСКИХЪ ВРАЧЕЙ.

Изъ краткой Исторіи медицины въ Китаѣ видно было, что отъ самаго начала до послѣдняго времени медицинскія познанія терпѣли тамъ мало измѣненій. Это доказалъ намъ отчасти разборъ нѣкоторыхъ медицинскихъ книгъ, изданныхъ въ давнее и послѣднее время, и сравненіе ихъ между собою. Свобода вступленія въ званіе врача, не ограниченная никакими постановленіями, и соединенный съ этимъ произволъ знать ту или другую медицинскую книгу; немнѣніе въ медицинской литтературѣ хорошихъ руководствъ для начинающихъ изученіе медицины, отсутствіе по всему государству, какъ частныхъ, такъ и казенныхъ общественныхъ мѣстъ для лѣченія болѣзней; наконецъ, народныя обычаи, ограничивающіе занятія врача въ частной практикѣ извѣстными условіями и т. д. по-

казываютъ также намъ, что медицина въ Китаѣ какъ не могла никогда измѣняться, такъ и не могла быть лучше той, какую знаютъ теперешніе Китайскіе врачи. Ей все неблагопріятствовало, все мѣшало повѣрить старыя познанія и замѣнить ихъ новыми. И мы видимъ теперь, что въ анатоміи Китайскіе врачи ограничиваются самыми первоначальными или, лучше сказать, самыми несовершенными понятіями; въ описаніи болѣзней — самыми невѣрными, сбивчивыми признаками, въ прописаніи лѣкарствъ — средствами, неточно опредѣленными въ своихъ дѣйствіяхъ на человека. Это иначе и быть не могло. Въ Китаѣ не только не существовало никогда разсѣченій человѣческихъ труповъ, (или объ этомъ только можно судить догадочно); но даже и сравнительно, по трупамъ животныхъ, Китайскіе врачи никогда не пытались судить о строеніи человѣческаго тѣла. Обычай народный, не позволяющій врачу посѣщать своихъ больныхъ по своему усмотрѣнію, безъ вторичнаго приглашенія, всегда препятствовало повѣрять на опытѣ описанные въ книгахъ припадки болѣзней и замѣнять эти описанія болѣе точными. Этотъ же народный обычай всегда мѣшало врачамъ лучше и вѣрнѣе узнавать свойства лѣкарствъ и точнѣе опредѣлять дѣйствіе ихъ на больного. По этому Китайскіе врачи во всемъ, касающемся до анатоміи, распознаванія болѣзней и опредѣленія свойствъ

лѣкарствъ, должны были слѣдовать наставленіямъ древнихъ и вѣрить безусловно всему, что содержится въ книгахъ, отъ древности уцѣлѣвшихъ. Состояніе медицины въ Китаѣ въ настоящее время какъ нельзя лучше подтверждаетъ все это и мы не сдѣлаемъ ошибки, если скажемъ, что теперешніе Китайскіе врачи знаютъ не больше того, что написано въ *Хуань-ди-ной-цзинь*, книгѣ самой древнѣйшей, какъ извѣстно, особенно же по части анатоміи, по отправленію внутренностей и всѣхъ главныхъ, основныхъ положеній медицины. Если же что и можно приписать заслугамъ врачей послѣдующаго времени, такъ это изложеніе способовъ лѣченія нѣкоторыхъ болѣзней; что однако, сдѣлано еще за 200, 300 лѣтъ до сего.

Занятствованныя изъ книги *Хуань-ди-ной-цзинь* анатомическія понятія состоятъ: въ поверхностномъ описаніи наружнаго вида внутренностей, человеческого тѣла, въ перечисленіи костей, безъ описанія формы и положенія оныхъ. Нѣсколько лучше и отчетливѣе описаны: кровеносные сосуды, направленіе ихъ по тѣлу и отношеніе къ внутренностямъ. О мускулахъ нѣтъ и помину, они извѣстны подъ общимъ именемъ — мясо. Головной и спинной мозгъ почитаются за одно съ костнымъ мозгомъ и понятія о нихъ ограничиваются однимъ только этимъ названіемъ. Подъ именемъ *Цзинь* иногда разумѣются нервы; а иногда сухія

жлы, и вся подробность въ описаніи первыхъ состоитъ въ показаніи направленія и хода ихъ по тѣлу; а въ описаніи вторыхъ — въ присвоеніи имъ способности сгибать члены: руки и ноги.

Нѣкоторая правильность, замѣтная въ описаніи внутренностей, заставляетъ предположить, что анатомическія понятія первоначально взяты были съ природы, изъ разсматриванія труповъ человѣческихъ или, по крайней мѣрѣ, труповъ животныхъ. Но въ Китайскихъ медицинскихъ книгахъ нельзя отыскать подтвержденія такой догадки. Ее отвергаетъ также излишняя краткость въ описаніи, по мѣстамъ сбивчивость, постоянно недостаточное описаніе фигуры внутренностей и частое перестановленіе какойнибудь изъ нихъ въ тѣлѣ, несогласное съ природою. Но если предположить еще, что составленная по вскрытіямъ человѣческихъ, или, по крайней мѣрѣ, животныхъ труповъ анатомія, возможно-полная и сходная съ природою, была затеряна, что анатомическія свѣдѣнія, передаваясь изустно, часто неполно, или съ невѣрными прибавленіями, послужили въ послѣдствіи къ составленію тѣхъ ложныхъ анатомическихъ понятій, какія сохранились до позднѣйшаго времени, то и въ такомъ случаѣ мы придемъ къ тому убѣжденію, что и древнія анатомическія понятія Китай-

цевъ были только приблизительно вѣрны, а при сказанныхъ измѣненіяхъ дошли до того жалкаго положенія, въ которомъ находятся въ настоящее время.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ
СНОШЕНІЙ КИТАЯ СЪ ТИБЕТОМЪ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ СНОШЕНІЙ КИТАЯ СЪ ТИБЕТОМЪ (*).

Первоначальныя сношенія Средняго государства съ Тибетомъ начались съ половины VII вѣка по Р. Х. Въ 641 году государь Тай-цзунъ (изъ Танской династїи) вступилъ въ родство съ Тибетскимъ владѣльцемъ Сроицзанъ-Гамбо, выдавъ за него въ замужство царевну Вынь-чэнь: любовь Сроицзанъ-Гамбо къ религіи Будды и благочестіе, выразившіяся построеніемъ въ Тибетѣ Буддійскихъ общежительныхъ убѣжищъ для отшельниковъ и кумиренъ, расположили Китайскаго государя въ его пользу.

Государь Юаньской династїи Ши-цзу (Хубилай) по-

*) Свѣдѣнія, предлагаемыя здѣсь, заимствованы изъ достовѣрныхъ Китайскихъ источниковъ, каковы: записки о войнахъ (Шанъ-у-цзи, Цзюань 8-я) и краткая лѣтопись о сношеніяхъ вышѣ царствующей въ Китаѣ династїи съ Тибетомъ (Си-цзанъ-бу-ло-ля — 17-я Цзюань изъ Хуанъ-чао-фанъ-бу-ло-ля). Краткія свѣдѣнія о Далай-ламахъ и Ваньчанахъ, помѣщенные въ прилѣченіяхъ, частію заимствованы изъ Си-цзанъ-фу (поэма: Тибетъ).

жаловалъ знаменитому Тибетскому отшельнику Пагбъ *) титулъ «государева учителя и князя драгоцѣннаго ученія», давъ ему въ тоже время власть управленія Тибетомъ. Преемники Пагбы наследовали этотъ титулъ и Си-цзанъ (Тибетъ) сталъ съ тѣхъ поръ во главѣ народовъ, слѣдующихъ Буддѣйской религіи.

Въ началѣ Минской династіи, государь Хунъ-у (нач. царст. въ 1368 г.), видя обширность земли Тибетцевъ и силу ея обитателей, вознамѣрился уменьшить ихъ силу. Поэтому-то вѣроятно онъ, по примѣру государей Юаньской династіи, принимавшихъ

*) По сказанію главы о религіи Даосовъ и Буддистовъ, находящейся въ исторіи Минской династіи, Пагба былъ родомъ Тибетецъ. Будучи 7 лѣтъ отъ рожденія онъ читалъ наизусть религіозныя и другія книги и могъ понимать ихъ глубокой смыслъ. Соотечественники прозвали его чуднымъ отшельникомъ. На 18 году онъ говорилъ пріятели Хубилаю, когда сей послѣдній былъ еще простымъ княземъ.

Когда Хубилай сдѣлался императоромъ, то далъ ему титулъ государственнаго учителя и поручилъ изобрѣсть новыя Монгольскія буквы. Пагба изобрѣлъ болѣе 1000 буквъ, изъ коихъ 41 были главныя и составили алфавитъ, введенный въ послѣдствіи во всеобщее употребленіе. Теперь въ Тибетѣ, въ (кумпрій) сѣктѣ Са-цая, есть Лама, потомокъ Пагбы и глава ярснаго ученія. Его сѣктанство состоитъ въ томъ, что онъ сперва вступаетъ въ бракъ и, уже приживши съ женою наследника себя, отказывается отъ брачной жизни и спускается на высшую степень духовнаго ученія. Довольно интересно преданіе о началѣ кумпрій общешительнаго убѣжища, въ которомъ живетъ этотъ Лама. «Первый глава краснаго ученія, во имени Кунъ-гуиъ-цзю-цзябъ, какъ гласитъ преданіе, былъ и ученѣйшій и умнѣйшій человекъ. Увидѣвши, что въ долинѣ Са-цая, лежащей при подошвѣ горы Бэнь-ба, и воздухъ благорастворенный, и земля плодородна, онъ задумалъ построить тутъ общешительное убѣжище. Обратившись къ властѣннымъ этой земли, онъ просилъ ихъ продать се. Властѣнные не дали съ него денегъ. Общешительное убѣжище было построено и посвящено имени Будды Шакьямуни. Находящіяся въ окрестности земли, крестьяне и кумпрій подчинились его власти. Все это случилось за 700 сличкомъ лѣтъ до сего времени.

ко двору людей, посылавныхъ съ дарами отъ князей ученія (фа-ванъ) и государственныхъ учителей (го-ши), а равно и изъ уваженія къ древности этого обычая, позволялъ присылать дары и ихъ преемникамъ, съ тою цѣлю, чтобы смягчить ихъ грубые нравы и заставить уважать Среднее государство.

Государь Юнь-лэ (нач. царств. въ 1403 г.), въ началѣ своего царствованія оказывалъ уваженіе ученію красныхъ. Услышавши о чудесныхъ способностяхъ Тибетскаго отшельника Халимы, котораго соотечественники называли высокимъ учителемъ, государь послалъ за нимъ пословъ. Весною 1407 года Халима прибылъ въ столицу. Здѣсь, въ кумирнѣ Линъ-го-сы, онъ молился о здравіи императрицы и за предсказаніе ей выздоровленія и счастья былъ пожалованъ титуломъ «князя драгоцѣннаго ученія и добродѣтельнѣйшаго и могущественнѣйшаго западнаго Будды». Трое изъ его преемниковъ пожалованы были титуломъ государственныхъ учителей, а преемники сихъ послѣднихъ титулами князей большой телъги *) и великаго милосердія.

Очень естественно, что послѣ такихъ милостей послѣдователи краснаго ученія наперерывъ другъ предъ другомъ являлись ко двору и толпились въ Пекинѣ.

*) Послѣдователи Буддизма дѣлятся на послѣдователей большой (да-чэнь) и малой (сво-чэнь) телъги, т. е. высшаго и низшаго ученія.

Естественно, что и дворъ, замѣчая преданность послѣдователей краснаго ученія, не переставалъ изливать на нихъ свои милости: титулы раздавались щедрою рукою. Пятеро изъ высшихъ лицъ въ красномъ духовенствѣ были пожалованы титулами духовныхъ князей, двое титуломъ Си-тянь-фо-цзы (дѣти западнаго Будды), 9 человекъ титуломъ Гуань-динъ-дагоши (великій государственный учитель) и 18 человекъ титуломъ Гуань-динъ-гоши (утвержденный государственный учитель). Преемники князей ученія, слѣдовавшіе одинъ за другимъ въ преемственномъ порядкѣ, ежегодно посылали ко двору дары.

Таковы были первыя дѣйствія Китайскаго двора въ отношеніи къ красно-шапочному духовенству. Ласка духовныхъ, Пекинскій дворъ достигалъ своей цѣли — тишины и покоя на западныхъ границахъ своего государства. Предоставляя духовнымъ всѣ права свободной торговли во время пріѣздовъ въ Пекинъ, дворъ могъ имѣть важное вліяніе на Тибетъ. Князья ученія, изъ видовъ корысти, иногда сами, иногда въ лицѣ своихъ посольствъ, являлись ко двору съ покорностію: они полюбили чай, говорятъ Шэнъ-у-цзи, и товары.

Между тѣмъ, какъ государи Минской династіи ласкали духовныхъ краснаго ученія, въ Тибетѣ возника-

ло новое учение, учение желтого закона *). Еще въ началѣ Минской династїи оно далеко пересилило учение краснаго закона, уже Тибетъ находился подъ властію перваго Далай-ламы **), соединившаго въ своей

*) Главою и основателемъ секты желтого закона былъ Цау-каба (иначе Лобзанъ Чжакаба). Онъ родился въ 15 г. правленія Юнь-лэ (1417 г.) въ г. Сж-нинь-фу (областной городъ въ губ. Гань-су), духовное воспитаніе получилъ у Хутухты Са-цзасскаго общежительнаго убѣжища, умеръ въ 14 году царствованія Чэнь-хуэ (1478). Сектанты краснаго ученія въ его время обращали преимущественное вниманіе на заклинательныя молитвы. Преступная порча ихъ дошла до того, что они глотали ножи, выпускали изъ рта огонь и обманывали народъ виѣшнимъ благочестіемъ. Ничѣмъ не отличаясь отъ обыкновенныхъ шарлатановъ-гадателей, они совершенно потеряли истинное понятіе о нравственности, Буддѣйскомъ созерцаніи и любомудрїи. Цаукаба первоначально изучилъ ученіе краснаго закона. Углубляясь въ него, онъ со временемъ увидѣлъ необходимость исправить его и воздвигнуть новое ученіе. Для этой цѣли онъ основалъ общество, члены котораго носили желтую одежду и шапку (есть преданіе, что во время принятія обѣтовъ отшельника, Цаукаба окрашивалъ шапку въ различные цвѣта, но ни одинъ цвѣтъ не присталъ къ ней, кромѣ желтаго) и двумъ главнымъ ученикамъ своимъ завѣщалъ преемственно перерождаться и поддерживать и распространять высшее Буддѣйское ученіе. Одна изъ этихъ учениковъ перерождается въ лицѣ Далай-ламы, другой въ лицѣ Баньчань-ламы. Умирая они не теряютъ самосознанія. Каждый изъ нихъ знаетъ, въ какое существо онъ долженъ переродиться, и ученики находятъ ихъ и тотчасъ возводятъ въ соотвѣтствующій имъ санъ: (теперь это дѣло совершается иначе: мы скажемъ объ этомъ въ своемъ мѣстѣ). Въ безпрестанномъ круговоротѣ перерожденій природа Далай-ламы и Баньчана не потемняется; по этому-то съ измѣненіемъ времени они служатъ другъ для друга наставниками. Существенный пунктъ ихъ ученія состоитъ въ томъ, чтобъ созерцать природу, руководствоваться живымъ существомъ ко самоусовершенію и побуждать послѣдователей малой телѣги. По преданію, душа Далай-ламы есть частица Бодисады Гуань-иэ (Авалокитесвары), а Баньчань-лама есть перерожденецъ Ваджры Бодисады. *Лама* — Тибетское слово, составленное изъ двухъ словъ: *Ла* — превосходить, верхъ; и *ма* — не, частица отрицанія, и значитъ: не превосходящій, — человекъ, котораго нѣтъ выше.

**) Имя Далай-ламы перваго поименія Дунь-чэнь-чжубъ (его же еще называютъ Лолунь-цзянцэ). Онъ былъ потомокъ Сромизанъ-Гамбо; родился въ 24 г. царствованія Хунь-ву (1391 г.), 24 лѣтъ принялъ главные обѣты отшельника. Онъ построилъ общежительное убѣжище Чжаси-лунбо (въ западнѣмъ Тибетѣ), гдѣ теперь нѣтъ своего мѣстопробыванія Баньчань-ламы:

особѣ обязанности главы закона в Тибетскаго государя, но Китай еще не зналъ объ этомъ ученіи и глава и послѣдователи его не получали отъ Пекинскаго двора никакихъ достоинствъ. Уже въ правленіе Чжэнь-дэ (1506 — 1521) услышали въ Китаѣ о существованіи живаго Будды *). Государь послалъ чиновника Чжунъ-ши съ 10 офицерами и съ 1000 воиновъ просить Далай-ламу **) въ Пекинѣ. Живой Будда не захотѣлъ ѣхать, да и туземцы не соглашались отпустить его. Посланецъ хотѣлъ было употребить въ дѣло военную силу, но, разбитый Тибетцами въ небольшой стычкѣ, принужденъ былъ возвратиться. Цзя-цзинь, по смерти Чжэнь-дэ восшедшій на престолъ, началъ преслѣдовать Тибетскихъ отшельниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возвысилъ ученіе Даосовъ. Послѣдователи Будды говорили, что Далай-лама не захотѣлъ ѣхать потому, что уже напередъ зналъ объ этихъ гоненіяхъ.

Поднявшійся въ его время въ землѣ сѣговь Ваньчань-Бодунъ, услышавши о славіи его имени, призналъ его своимъ главою. Этотъ Далай-лама жилъ 87 лѣтъ.

*) Живыми Буддами называютъ какъ Далай-ламу, такъ и всѣхъ духовныхъ перерожденцевъ, какъ-то: Ваньчаней и Хутухъ.

**) Это былъ второй Далай-лама Чэнь-дунъ-Цзянко. Онъ родился въ 12 годъ правленія Чэнь-хуа (1476 г.). Онъ учредилъ въ Тибетѣ Дибу и другія свѣтскія власти, которыя вмѣсто него заведывали военною и судебною частію, сборовъ пошлинъ и податей, — и первый раздѣлилъ заботы объ ученіи и просвѣщеніи тварей между своими учениками, которые, подобно Далай-ламу и Ваньчаню, преемственно перерождаются и носятъ названіе Хутухъ. Годъ смерти этого Далай-ламы неизвѣстенъ.

Слѣдствіемъ гоненій на Буддійское ученіе вообще и на Тибетскихъ отшельниковъ въ особенности, было то, что третій Далай-лама *) самъ, хотя и не добровольно, началъ заискивать вниманія Пекинскаго двора; онъ послалъ ко двору письмо, въ которомъ униженно называлъ себя Шахьямуніевымъ Бикшу **). Мы говоримъ не добровольно, потому что онъ сдѣлалъ это по совѣту Вана Шуаньнаньда, въ бытность свою въ Хухэворѣ. Можно думать, что этотъ Ванъ былъ агентомъ Китайской политики. Китайскій дворъ самъ отъ себя, явно не могъ въ это время войти въ какія бы то ни было сношенія съ новымъ Далай-ламою, сколько изъ опасенія отказа Далай-ламы, какъ это сдѣлалъ его предшественникъ, столько же, и даже еще болѣе, потому, что, въ случаѣ отказа и непріятностей со стороны Далай-ламы, Монголы могли возстать на Китай. Монголы въ это время только лишь признали Буддійское, и именно Ламское желтое ученіе и смо-

*) Имя третьяго Далай-ламы — Сономъ-Цзянцо. 22 годъ царствованія Цзя-цанна (1543) годъ его рожденія. Слава его была весьма велика. Хухэворъ, Ордосъ и вся Монголія признали его духовную власть. Онъ самъ путешествовалъ по Монголіи проповѣдывать ученіе желтаго закона. При немъ окончательно пала слава краснаго ученія: большая часть князей краснаго закона преклонились предъ нимъ, признали себя его учениками и замѣнили свое ученіе на желтое. Новообращенныя Монгольскія племена изъ-за нѣсколькихъ десятковъ тысячъ ли стремились въ Тибетъ для принесенія даровъ и поклоненія Далай-ламы, какъ божеству.

**) Содержаніе этого письма неизвѣстно. Вѣроятно все это была просьба за Тибетскихъ отшельниковъ, жившихъ въ Китай. Слово Бикшу означаетъ вообще всякаго Буддійскаго отшельника.

трѣли на Далай-ламу, какъ на божество. Въ случаѣ малѣйшей непріятности со стороны Далай-ламы, одного слова его было бы достаточно для того, чтобы заставить Монголовъ съ ревностію и энтузіасмомъ возстать за живаго Будду.

Шэнь-у-цзи ничего не говорятъ о сношеніяхъ Китая съ Тибетомъ при четвертомъ Далай-ламѣ *); они упоминаютъ только, что послѣ смерти его Ордосъ и Хухэморскіе Монголы, храня завѣты его, не смѣли предаваться грабежамъ, и что на западныхъ границахъ Китая было тихо болѣе 50 лѣтъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что при этомъ Далай-ламѣ сношенія между Тибетомъ и Китаемъ не прерывались, потому что по Си-цзань-фу, государь Ванъ-ли (царств. 1553 — 1620) пожаловалъ ему титулъ Шабда-дорцзи-сангэ.

Вотъ все, что можно сказать о сношеніяхъ Китайскаго двора съ Тибетскимъ во времена до Дай-цинской династіи, на основаніи тѣхъ источниковъ, которые мы взяли въ руководство. Но и изъ тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя мы представили, можно видѣть характеръ Китайской политики — ласками и предоставле-

*) Четвертый Далай-лама Юнь-дань-цзымо род. въ 17 г. правленія Ван-ли (1589 г.) и происходилъ изъ Монгольской фамиліи Цзингэръ-Тугулуу-ханъ. 14 лѣтъ онъ прибылъ въ Тибетъ и возсѣлъ на Далай-ламскомъ престолѣ; на 28 году умеръ. Онъ вступилъ въ отшельники у начальника обширнаго убжища Гаи-дань (Са-цаи) по имени Сангэ-жонг-дингъ, а великіе обряды принималъ отъ Баянчана Лобдзая-цзюй-цзингъ

ніемъ разныхъ привилегій располагать ближайшихъ сосѣдей въ свою пользу и такимъ образомъ обязывать ихъ не только къ миру, но и къ большому или меньшему повиновенію. Государя настоящей (Дай-пинской) династіи еще болѣе своихъ предшественниковъ успѣли въ этомъ отношеніи... Но пойдѣмъ далѣе.

Въ 4-й годъ царствованія Чунъ-дэ (1639), пятый Далай-лама *), Банъ-чанъ, равно какъ и Цзанъ-ба-ханъ, услышавъ о силѣ и возвышеніи на востокъ Маньчжурскаго дома Дай-цинъ, отправили пословъ съ поздравительнымъ адресомъ. Послы уже въ 7-й годъ (1642 г.) прибыли въ Шэнъ-цзинъ (иначе Мукдэнъ — столица прежнихъ Маньчжурскихъ государей) и вмѣстѣ съ поздравительнымъ адресомъ представили государю и произведенія земли. Государь далъ посламъ пиръ, на которомъ они занимали мѣста по достоинству. Судя по дружественнымъ отношеніямъ, говоритъ Шэнъ-у-цзи, и по счастливому расположенію Гуа **), всѣ напередъ уже знали, что два народа должны соединиться.

*) Имя этого Далай-ламы Аванъ Лобцзанъ-цзинго Онъ родился въ 45 году правленія Ванъ-ли (1617 г.) въ Переднемъ Тибетѣ, въ тотъ самый день, въ который вѣкогда родился Будда Шакьямуни. Онъ происходилъ изъ фамиліи Тибетскаго князя Чунъ-цзѣ-сархе; принялъ обѣты отъ Банъчана Лобцзанъ-цзинъ-цзиня.

**) Гуа — таинственныя черты къ Китайской книгѣ И-цзинъ. По расположенію ихъ Китайцы гадаютъ о томъ, счастье или несчастье прелѣщаютъ извѣстныя обстоятельства.

Въ слѣдующемъ году (1643) государь посылалъ справляться о здоровьи Далай-ламы и Бань-чаня и называлъ ихъ учителями великой крѣпости и силы. Таково было начало сношеній настоящей династiи съ Тибетомъ.

Прежде, чѣмъ будемъ говорить о послѣдующихъ событiяхъ, скажемъ нѣсколько словъ о тогдашнемъ управленiи Тибета.

Тибетъ въ это время состоялъ изъ четырехъ областей: Камъ (Переднiй Тибетъ), Вэй или Уй (Среднiй Тибетъ), Цзанъ (Заднiй Тибетъ) и Хухэворъ. Владѣтелей было два: духовный — Далай-лама, и свѣтскiй — Тангутскiй Ханъ Цзанба. Первый правилъ только духовною частiю. Нѣкто Дибба-Сангэ былъ его первымъ министромъ.

Неизвѣстныя обстоятельства поссорили Цзанъ-бахана и Диббу. Дибба, частiю по ненависти къ Цзанбѣ, а еще болѣе изъ честолюбивыхъ замысловъ, рѣшился погубить Цзанбу, чтобы послѣ, пользуясь именовъ Далай-ламы, самому властвовать въ Тибетѣ. Выставляя на видъ жестокость, съ которою Цзанъ-баханъ обращался съ народомъ, и притѣсненiе желтому учению *), Дибба

*) По увѣренiю иезуита д'Андрада, который въ 1624 году находился при дворѣ Цзанба-хана, сей послѣднiй былъ ревностнымъ покровителемъ христіанства и показывалъ большое расположенiе принять его (см. De la Chine. Abb. Grosier. 1818. Том. II., 63 pag.). Нельзя положительно сказать.

убѣдилъ Далай-ламу обратиться къ Хошотскому князю Гуши-хану съ просьбою о присылкѣ войска, чтобъ положить конецъ жестокостямъ Цзанбы и пресѣчь его злоупотребленія. Далай-лама согласился на это тѣмъ болѣе, что по сверженіи Цзанбы, можно было сдѣлать участникомъ въ управленіи Тибетомъ Бань-чаня, который до сихъ поръ не имѣлъ въ Тибетѣ и тѣни власти, несмотря на то, что онъ въ духовномъ отношеніи стоялъ, какъ и теперь, на одной ступени съ Далай-ламою. Въ 8 годъ правленія Чунъ-дэ (1643) Диба, отъ имени Далай-ламы, отправилъ посла къ Гуши-хану. Гуши-ханъ не замедлилъ явиться съ войскомъ на зовъ столь почитаемаго живаго Будды. Цзанъ-ба-ханъ былъ низвергнутъ и убитъ. Диба торжествовалъ. Но онъ жестоко ошибся въ своихъ расчетахъ... Гушиханъ, оказавъ услугу, сумѣлъ не упустить изъ виду своихъ выгодъ. Захвативши Хухэноръ въ свое владѣніе, онъ наложилъ свою власть и на прочія области Тибета. Обложивъ Камъ податью въ свою пользу, въ Уй и Цзанъ, оставленные имъ во владѣніи Далай-ламы и Бань-чаня, назначилъ двухъ протекторовъ, своихъ сыновей Эциръ-хана и Далай-батура. Честолюбіе

сколько достоверно это извѣстіе. Было ли послѣно христіанство въ Тибетѣ? Если было, то гдѣ и когда? Какъ принялись эти сѣмена?.. Вотъ вопросы, возникающіе изъ этого извѣстія. Рѣшеніе ихъ авъ предѣловъ нашей статьи; это дѣло историка Тибета.

Добы страдало, ... но должно было покориться обстоятельствамъ.

Чтобы упрочить свою связь съ Тибетомъ, Гуши-ханъ рѣшился отдаться подъ покровительство Китая, подобно Далай-Ламѣ, сдѣлавшему это, какъ мы уже видѣли, еще въ 1639 году. Въ 1646 году (3 г. Шунь-чжи) онъ, вмѣстѣ съ Далай-ламою и Бань-чанемъ, отправилъ пословъ къ Китайскому императору съ дарами *). Государь одарилъ ихъ воинскою одеждою, луками и стрѣлами, мѣхами и шелковыми матеріями, и чтобы еще болѣе выказать свое благоволеніе къ новому Тибетскому правительству, почти въ слѣдъ за этимъ (1648 г.) отправилъ посла просить Далай-ламу въ Пекинъ. Зимой 1652 года (9 г. Шунь-чжи) Далай-лама прибылъ въ столицу. Государь принялъ его въ Тай-ходянѣ (аудіенцъ-зала, тронная), построилъ на западѣ близъ Пекина кумирню Хуанъ-си и назначилъ ее мѣстомъ его пребыванія, подарилъ ему Нань-юаньскую **) кумирню Дэшоусы и пожаловалъ золотую печать, грамо-

*) О. Икинъ относитъ это событіе къ 1642 году (см. стат. описаніе Кит. Имперіи ч. II. стр. 147—148. Тамъ же и о томъ же стр. 86) Тутъ небольшой анахронизмъ. Правда, Гуши-ханъ послылъ дары къ государю Маньчжурской династіи Чунъ-дэ, ища этимъ его покровительства, и послылъ въ одинъ годъ съ Далай-ламою, но не какъ соправитель Далай-ламы, а какъ отдѣльный князь. Цзавба-ханъ, какъ мы видѣли, былъ въ то время еще живъ и Хухоноръ принадлежалъ еще Тибету.

**) Нань-юань (южный садъ) находится въ нѣсколькихъ ли отъ Пекинской стѣны на югъ.

ту и титулъ добродѣтельнѣйшаго и могущественнѣйшаго западнаго Будды. Когда Далай-лама изготовился въ обратный путь, то государь повелѣлъ Хэ-шо-цинъ-вану-Шосай проводить его съ войскомъ. Милость и вниманіе, неслыханныя въ Китаѣ!

Все шло обычнымъ порядкомъ въ Тибетѣ до 21 года царствованія Канъ-си. Далай-лама съ Баньчанемъ, Гуши-ханъ и его преемники Эцир-ханъ и Далай-ханъ *) ежегодно посылали дары къ Пекинскому двору въ знакъ своей преданности. Тайныя и не совсѣмъ благонамѣренныя сношенія Тибетскаго правительства съ Юнь-наньскимъ княземъ, У-сань-гуемъ, взбунтовавшимся противъ Китайскаго правительства въ 13 г. правленія Канъ-си (1674), не обратили особеннаго вниманія Китайскаго двора: Тибетскій дворъ, по усмиреніи бунта, получилъ только сильную ноту, — замѣчательная терпимость со стороны Китайской политики. Съ наступленіемъ 21 года царствованія Канъ-си (1682) настали для Тибета черные дни. Въ этомъ году умеръ пятый Далай-лама, — событіе, важное по своимъ послѣдствіямъ: изъ него, какъ изъ зародыша, развились всѣ послѣдующія обстоятельства, рѣшившія судьбу Тибета и поставившія его на ту точку поли-

*) Гуши-ханъ умеръ въ 13 годъ царствованія Шунь-чжи (1686 г.), Эцир-ханъ въ 9 годъ Канъ-си (1670 г.).

тического бытія, на которой онъ стоитъ до сего времени.

Дмба, погубившій, какъ мы видѣли, изъ честолюбивыхъ замысловъ Цзанбу-хана, но много ошибшійся въ своихъ расчетахъ, не упустилъ случая воспользоваться смертію Далай-ламы для удовлетворенія своего честолюбія. Желая захватить управленіе государствомъ въ свои руки, онъ утаилъ смерть Далай-ламы, распустивши слухъ, что Далай-лама находится въ состояніи высренняго созерцанія, что онъ для этой цѣли удался въ верхнія комнаты своихъ валавъ и не хочетъ, чтобы кто нибудь его видѣлъ. Между тѣмъ все дѣлалось отъ имени Далай-ламы. Можно судить, куда устремлена была вся эта дѣятельность. Дмба, говоритъ Шэнь-у-цзи, по чрезвычайному честолюбію, допустилъ Чжунгаровъ затѣять ссору съ Халкаскими Монголами, и въ тоже время тѣхъ же Чжунгаровъ понуждалъ къ борьбѣ съ Китаемъ. Кромѣ того, внѣ Тибета, онъ возбудилъ противъ себя Цэванъ-рабтана, *) а внутри нанесъ оскорбленіе Лацзанъ-хану и былъ причиною нападенія Чжунгаровъ на Тибетъ. Однимъ словомъ, онъ положилъ начало беспорядковъ и возмущеній, продолжавшихся на с. з.

*) У А66. Грозье (De la Chine, 1818. Том. II. 68 pag.) онъ названъ Чжунгаромъ. Чжунгаръ не есть собственное имя человека: это названіе одного Элютскаго племени.

Китай нѣсколько десятковъ лѣтъ. Раскроемъ картину этихъ происшествій въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ.

Мы сказали, что Дибя получилъ Чжунгаровъ затѣять ссору съ Халхасскими Монголами. Его правою рукою въ этомъ дѣлѣ былъ Галданъ, ханъ Чжунгаріи. Галданъ, въ молодости жившій при дворѣ Далай-ламы, подружился съ Дибюю. Когда Далай-лама умеръ, Дибя съумѣлъ употребить эту дружбу въ свою пользу. Галданъ, возвратившись изъ Тибета, отнялъ у своего владѣтеля престолъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Далай-лама, пожаловавъ ему титулъ Бошо-кэту, Хана Чжунгаровъ, далъ ему полное право на это. Настроенный Дибюю, онъ прикочевалъ съ своими главными силами къ Алтаю, въ сосѣдствѣ съ Халхою, чтобъ при первомъ удобномъ случаѣ, поссорившись съ Халхасскими Ханами, завладѣть ихъ землями. Случай не замедлилъ представиться. Халхасскіе Ханы: Чэчэнъ-ханъ и Тусэту-Ханъ въ это время были въ раздорѣ и вели междоусобную войну. Китайскій дворъ, узнавъ объ этомъ, отправилъ въ 1683 году посла къ Далай-ламѣ, убѣдительно прося его быть посредникомъ между ссорящимися, такъ какъ Далай-лама, по своему духовному вліянію на нихъ, могъ болѣе имѣть успѣха въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ Богдоханъ. Дибя, отъ имени Далай-ламы, донесъ государю, что для этой цѣли по-

сланъ Гардань-Ширету *), одинъ изъ главныхъ учениковъ Далай-ламы. Чжэ-бизунь-дамба, **) Ургинскому Хутухтѣ, также приказано было принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Сеймъ, котораго цѣлю было разсудить о спорныхъ дѣлахъ Халхасскихъ Хановъ и примирить ихъ, собрался. Туда же прибылъ и тайно посланный Галданомъ для наблюденія за ходомъ дѣла агентъ. Когда началось засѣданіе и Чжэ-бизунь-дамба съядъ наряду съ Гарданемъ-Ширету, то агентъ Галдана сталъ уворять Халхасцевъ за то, что они не по достоинству принимаютъ Далай-ламскаго посланца. Разгнѣванный этимъ Тусэту-Ханъ убилъ его. Галданъ только этого и ждалъ. Подъ предлогомъ отмщенія за убитаго, онъ напалъ на Халхасцевъ. Халхасцы, будучи не въ состояніи бороться съ нимъ, бѣжали на востокъ, ища заступничества у Китайскаго императора. Государь, рассчитывая на духовное вліяніе, какое могъ имѣть Далай-лама на Халхасцевъ и Элютовъ, принадлежавшихъ къ одному и тому же ученію Далай-ламы, вторично послалъ къ Далай-ламѣ, приказавъ ему от-

*) *Ширету* Монгольское слово и означаетъ Ламу, живущаго въ возвышенномъ мѣсто при служеніи въ Буддйскихъ храмахъ.

**) Достоинство Ургинскаго Хутухты учреждено въ началѣ нынѣ царствующей въ Китаѣ династіи. Поводомъ къ этому было то, что Элюты препятствовали (ночевали на дорогѣ къ Тибету) Халхасскимъ Монголамъ идти въ Тибетъ для поклоненія Далай-ламѣ. Ревность къ благочестію заставила Халхасцевъ учредить у себя особаго Хутухту. Упомянутый здѣсь Хутухта былъ братъ Тусэту-хана.

править надежнаго человѣка остановить Чжунгарскія войска. Диба послалъ Хутуху Цзи-луня, приказавъ ему подстрекнуть Чжунгаровъ продолжать начатое.

Наказъ Дибы не остался безъ послѣдствій. Въ 1690 году (29 г. Канъ-си)-войска Галдана вторгнулись на югъ Гоби, но были встрѣчены Китайскими войсками и разбиты при Удун-бутунѣ. Галданъ при посредствѣ Цзи-луня просилъ мира и, поклявшись Буддой, что онъ не будетъ воевать, ушелъ обратно. Мы увидимъ, какъ сдержалъ онъ свою клятву.

Диба, видя несчастный исходъ своихъ плановъ и желая отклонить отъ себя подозрѣніе въ сношеніяхъ съ Галданомъ, подучилъ отъ имени Далай-ламы Хухэнорскихъ и Элютскихъ Тайцзиевъ (*дворянъ*) поднести Богдохану *почетный титулъ*. Канъ-си не принялъ, потому что какъ нельзя вѣрнѣе зналъ, *откуда дуетъ вѣтеръ*. И потому неоднократно посылалъ изъ Пекина въ Тибетъ Ламъ разузнать въ чемъ дѣло. Возвращавшіеся Ламы говорили, что Диба Сан-цзэ заставлялъ ихъ кланяться Далай-ламѣ издали, и что въ верхнихъ палатахъ дѣйствительно сидѣлъ какой-то Лама, но за флеровыми занавѣсками и дымомъ курительныхъ свѣчъ они не могли ясно разглядѣть — точно ли это былъ Далай-лама, или кто нибудь другой. Такимъ образомъ Канъ-си не могъ узнать ничего положительно вѣр-

наго касательно состоянія дѣлъ въ Тибетѣ и поступковъ Дибы.

Между тѣмъ Дибя не переставалъ дѣйствовать въ свою пользу. Въ 1694 году (33 г. Канъ-си) Далай-лама прислалъ по обычаю дары ко двору, и въ своемъ посланіи, между прочимъ, говорилъ, что, по причинѣ преклонности лѣтъ, онъ управленіе дѣлами государства поручилъ Дибѣ, и потому проситъ утвердить сего послѣдняго въ этой должности. Канъ-си не противорѣчилъ и пожаловалъ Дибю титуломъ короля Тибетскаго государства (Ту-бо-тэ-го-Ванъ), и снова отправилъ людей разузнать — какъ и что дѣлается въ Тибетѣ: результаты были тѣже, что и прежде.

Получивъ достоинство короля Тибета, Дибя только въ половину достигъ того, чего хотѣлъ. Мечта самостоятельно, безъ посторонняго вліянія властвовать въ Тибетѣ повлекла его далѣе.

Въ 1695 году (34 г. Канъ-си) императоръ Канъ-си потребовалъ Банъчанъ-ламу въ Пекинъ, чтобъ отъ него вѣрнѣе и положительнѣе узнать о положеніи дѣлъ въ Тибетѣ. Дибя и Галданъ, видамъ коихъ это свиданіе было совершенно противно, тайно воспрепятствовали Банъчаню ѣхать на зовъ императора. Государь узналъ объ этомъ изъ донесенія Далай-хана, наслѣдника Эцирханова, но въ это время ему было не до расправы съ Дибюю. Галданъ, подстрекаемый Дя-

бою, пренебрегнувъ прежде данною клятвою никогда не поднимать оружія противъ Китая, поднялся съ новыми силами. Не будемъ описывать этой борьбы его съ Китаемъ, потому что это уже внѣ предѣловъ нашей статьи, — скажемъ только, что Канъ-си, лично воюя съ Галданомъ (1696 г.), отъ плѣнныхъ Элютовъ и Тибетцевъ подробно узналъ о всѣхъ дѣйствіяхъ Дибы; предположенія Богдохана оправдались: онъ понялъ, что еслибы Далай-лама былъ живъ, то не было бы столько хлопотъ и Китаю и Халхѣ, и принялся за Дибу. Вотъ его рескриптъ на имя Дибы: «Я знаю, что Далай-лама давно уже умеръ, ты же до сихъ поръ скрывалъ это и не доносилъ мнѣ. Пока «Далай-лама былъ живъ, границы нашего государства «были спокойны болѣе 60 лѣтъ; а ты уже не одинъ «разъ подстрекалъ Галдана поднимать оружіе. Откуда «у тебя подобный образъ дѣйствования? Поступки «твой совершенно беззаконны. Далай-лама и Бань-«чань, между которыми раздѣлены заботы объ ученіи «и просвѣщеніи людей, съ древнихъ временъ наслѣ-«дуютъ одинъ другому въ этомъ дѣлѣ (въ случаѣ «смерти одного); по этому-то, когда Далай-лама оста-«вилъ міръ, надобно было бы объявить всѣмъ духов-«нымъ властямъ, что Баньчань съ сихъ поръ возметъ «на себя трудъ наблюдать за чистотою ученія Цзун-«кабы; ты же, напротивъ, приказалъ народу не обра-

«щаться къ Баньчаню, а обращаться къ тебѣ. Но это
«еще не все. Ты воспрепятствовалъ Баньчаню отпра-
«виться въ столицу. Я хотѣлъ примирить двѣ враждую-
«щія области—Халхасскую и Чжунгарскую, ты послалъ
«для этой цѣли вѣроломнаго Цзи-луна, который во
«время Улун-бутунскаго дѣла гадалъ и читалъ Цзины
«(книги ученія) за непріятельское войско, и развѣсивъ
«зонть на горѣ, смотрѣлъ оттуда на сраженіе. Когда
«Галданъ одерживалъ верхъ, Цзи-лунъ подносилъ ему
«хадакъ *)), въ противномъ же случаѣ онъ начинялъ
«увѣрять насъ (т. е. Китайское войско) въ предан-
«ности, для того, чтобы остановить наши преслѣдо-
«ванія. Однимъ словомъ, ты покровительствовалъ Гал-
«дановымъ поступкамъ. Теперь, когда Чжунгары по-
«корены, я отправилъ по обычаю посла извѣстить
«о томъ Тибетъ, вручивъ ему мечъ, отнятый у
«Галдана, кумиръ Будды, принадлежавшій жень его
«А-ну и одну нефритовую привѣску (какъ доказатель-
«ства побѣды) и приказавъ ему увидѣться съ Далай-
«Ламою и привести въ столицу Баньчань-ламу и вв-
«новнаго Цзи-луна. Если мое желаніе не исполнится,
«то я прикажу Юнь-наньскимъ, Сы-чуаньскимъ и Шань-

*) Хадакъ — бѣлый шелковый платокъ. Подносить хадакъ значитъ по-
здравлять съ чѣмъ-либо радостнымъ; также выражалъ свое уваженіе къ из-
вѣстному лицу. Хадаки у Тибетцевъ и Монголовъ употребляются иногда
въ томъ же значеніи, какъ у насъ визитные билеты.

«сискимъ войскамъ отправиться въ Тибетъ и увидѣть-
«ся съ тобою подъ стѣнами города (Хлассы). Ты воз-
«мутилъ Элютовъ, жди за это наказанія.»

Угроза государя имѣла свое дѣйствіе. Устрашен-
ный Дабя, видя, что его хитрости обнаружены, въ
слѣдующемъ году (1697) тайно отправилъ къ госуда-
рю докладъ, въ которомъ говорилъ : «къ несчастію
живыхъ существъ, пятый Далай-лама умеръ въ 21
году и новому перерожденцу его теперь уже 15 лѣтъ.
Я прежде сего времени не объявилъ о смерти Далай-
ламы, опасаясь возмущенія Тибетцевъ. Теперь же
осмѣливаюсь просить великаго государя не обнародо-
вать этого до 10 луны настоящаго года : къ этому
времени новый Далай-лама выйдетъ изъ состоянія со-
зерпанія и возсядетъ на Далай-ламскомъ престолѣ. Что
же касается до Баньчана, то онъ не смѣлъ отправитъ-
ся въ Пекинъ, потому что у него еще не появилась
оспа. Цзи-луна всѣми способами постараюсь предро-
водить въ Пекинъ, но прошу государя пощадить его
жизнь.» Богдоханъ согласился не давать этому дѣлу
гласности до того срока, который назначалъ Дабя.
«Я не желаю, писалъ государь, разглашать чужихъ
тайнъ и увѣренъ, что ты въ послѣдствіи времени из-
мѣнишься къ лучшему, удвоишь свою преданность и
усердіе, и будешь покоренъ моимъ повелѣніямъ». Но снп-
сходительность Богдохана къ Дабю и согласіе на пред-

ставленіе послѣдняго оказались безполезными. Посланецъ Дибы, на возвратномъ пути встрѣтивъ Цэванъ-рабтана *), собирающаго войско для преслѣдованія Галдана, сказалъ ему, что Далай-ламы уже давно нѣтъ въ живыхъ и что слѣдовательно теперь ему уже излишне идти противъ Галдана. Цэванъ возвратился. Очевидно, что посолъ былъ орудіемъ Дибы, желавшаго спасти и безъ того уже находящагося въ большой опасности Галдана. Государь, узнавши, что о смерти Далай-ламы уже разглашено, воротилъ посланца Дибы, созвалъ Монголовъ и объявилъ имъ о смерти Далай-ламы, и тотчасъ же отправилъ посла для свиданія съ новымъ Далай-ламою и съ выговоромъ Дибѣ за его двуличіе и коварство.

Казалось, что съ согласіемъ императора возвести на Далай-ламскій престолъ лице, представленное Дибю, Тибетъ успокоится. Ничуть не бывало: къ тому было важное препятствіе. Лапзанъ-ханъ, наслѣдникъ Далай-хана, зналъ всѣ происки Дибы, зналъ и то, что Лама, котораго хотѣлъ возвести въ достоинство Далай-ламы Дибя, не есть истинный Хубш-

*) Цэванъ-рабтанъ былъ пріемышъ Галдана (усыновленъ) и правилъ почти половиною Чжунгаріи. Будучи въ раздорѣ съ Галданомъ еще прежде связи сего послѣдняго съ Дибю, Цэванъ еще болѣе возненавидѣлъ его, когда узналъ, что онъ затѣялъ борьбу съ Китаемъ вопреки желанію Далай-ламы: очевидно, что Цэванъ не зналъ истинныхъ дѣятелей въ этомъ дѣлѣ.

гань *) умершаго Далай-ламы, потому что былъ изъ краснаго закона **). Увѣренный въ неподлинности Хубилгана, указываемаго Дибою, онъ рѣшился искать новаго настоящаго, нашелъ его и уже готовился представить Китайскому императору докладъ насательно этого обстоятельства, какъ Дибя развѣдалъ объ этомъ важномъ для него дѣлѣ. Мщеніе закипѣло въ груди Дибы и первымъ его желаніемъ стало какимъ бы то ни было образомъ избавиться отъ Лацзанъ-хана, мѣшавшаго его зайысламъ. Когда попытка отравить Лацзанъ-хана не удалась, Дибя прибѣгнулъ къ силѣ и пошелъ на него съ войскомъ. Этотъ походъ стоилъ Дибѣ жизни: Лацзанъ-ханъ, собравъ народъ, напалъ на него и убилъ (1705 г.).

Лацзанъ-ханъ, наказавъ Дибу, оказалъ важную услугу Тибету и признательный покровитель Тибета, Китайскій императоръ, пожаловалъ ему титулъ Хана — покровителя ученія и вѣрнопреданнаго. Избранный Дибю Далай-лама былъ отправленъ въ Пекинъ, но на пути, въ Хухэнорь, заболѣлъ и умеръ. Избранный же на Далай-ламскій престолъ Лацзанъ-ханомъ — Авантъ

*) Хубилганъ — означаетъ перерожденца (по Кат. Хуэ-шэнь).

**) Между Ламаи желтаго и краснаго закона непримиримая вражда: первые презираютъ послѣднихъ. Следовательно красно-шамочные и думать не могутъ, чтобы Далай-лама когда нибудь переродился въ одномъ изъ семействъ, послѣдователей краснаго закона.

иши-цзянцо, въ слѣдствіе соединенной просьбы Лацзанъ-хана и Баньчанъ-ламы, былъ пожалованъ грамотою и печатью и утвержденъ въ достоинствѣ Далай-ламы (1710).

Но вновь утвержденный Далай-лама былъ Далай-ламою не для всѣхъ: Хухэворскіе Монголы не только не признали его настоящимъ, но даже самовластно возвели въ это достоинство Галцзанъ-цзянцо, родомъ Литанца, который, по ихъ словамъ, въ 47 г. Канъ-си (1708 г.) будучи двухъ лѣтъ, показалъ всѣ признаки своего званія *). Теперь ему было 10 лѣтъ. Монголы встрѣтили его, когда онъ прибылъ въ Хухэворь, посадили на Далай-ламскомъ мѣстѣ и просили государя пожаловать ему грамоту и печать (т. е. утвердить его въ этомъ достоинствѣ). Государь, не желая отказомъ возбудить новыя безпокойства въ Тибетѣ, приказалъ ему на время поселиться въ общежительномъ убѣжищѣ Хунъ-шань (Красной горы), что въ г. Си-ни-фу. Хухэворцы сначала было воспротивились этому приказанію, говоря, что у Хубилганя оспа и что онъ не можетъ отправиться въ такую даль, но когда государь издалъ приказъ о заготовленіи войскъ противъ Хухэнора, они безпрекословно исполнили его

*) Лацзанъ-ханъ слышалъ объ этомъ набранномъ Хухэворцами Хубилагнѣ, и желая поддержать своего, послалъ воиновъ убить его. Но малютка былъ спасенъ отцомъ, который вмѣстѣ съ нимъ скрылся.

волю. Изъ общежительнаго убѣжища Хунь-шань Хубилгань былъ чрезъ нѣсколько времени переведенъ въ кумирню Тарсы *), и этимъ кончается дѣло Хухэнорскаго Далай-ламы: Цэванъ-рабтанъ своимъ нашествіемъ на Тибетъ приостановилъ ходъ его.

Цэванъ-рабтанъ давно уже неприязненно смотрѣлъ на связь Хошотскихъ князей съ Тибетомъ, но до сихъ поръ не имѣлъ повода начать съ ними борьбу. Теперь, узнавши о силѣ Лацзанъ-хана въ Тибетѣ, распорядившагося даже избраніемъ Далай-ламы вопреки желанію Хухэнорцевъ, Цэванъ сталъ дѣйствовать рѣшительнѣе: владычество Гуши-хановыхъ потомковъ въ Тибетѣ было противно его политическимъ видамъ. Желая скрыть свои тайныя цѣли, онъ даже вступилъ съ Лацзанъ-ханомъ въ родство, выдавъ свою дочь за старшаго сына его Гардань-дань-чжуна, чтобъ въ родственныхъ сношеніяхъ найти случай затѣять ссору съ Лацзанъ-ханомъ. Такъ и случилось. Сынъ Лацзанъ-хана, отправившись въ Или за своею невѣстою, былъ тамъ задержанъ Цэваномъ, а въ послѣдствіи времени и убитъ **). Канъ-си, узнавъ о вступленіи Лацзанъ-

*) Тарсы находятся въ Но-ли отъ Си-ни-фу на юго-западъ. Тарсы древнѣ всѣхъ общежительныхъ убѣжищъ, принадлежащихъ желтому духовенству. Въ немъ погребено платье Цэун-кабы.

**) Дань-чжунъ, живя въ Или, занимался изученіемъ науки волшебства. Цэванъ, настаивая его въ этомъ дѣлѣ, обманомъ завлекъ его въ котель, поставленный надъ пламенемъ... Дань-чжунъ сгорѣлъ.

лана въ родство съ Цэваномъ и о томъ, что Дашчунъ задержанъ въ Или, приказалъ Цэвану отпустить его въ Тибетъ. Цэванъ не согласился. Не видя въ этомъ родствѣ ничего благопріятнаго и опасаясь замысловъ Цэвана, государь предостерегалъ Лацзанъ-лана не слишкомъ довѣрять находящемуся съ нимъ въ родствѣ Элютокому князю и взять, на всякій случай, мѣры предосторожности. Состарившійся и предавшійся страсти въ пьянству Лацзанъ-ханъ не обратилъ на это особаиаго вниманія. Неосторожность дорого ему стоила.

На с. западъ отъ Будады *) въ 300 ли находится озеро Тэнгриноръ (озеро духовъ), западнымъ своимъ берегомъ примыкающее къ заднему Тибету. Въ окружности оно нѣсколько тысячъ ли. Дорогу изъ Чжунгаріи въ Тибетъ, пролегающую вдаль сѣвернаго его берега**), пересѣкаетъ высочайшая гора. На одномъ изъ переходовъ по сей послѣдней есть мостъ на желѣзныхъ цѣпяхъ, на которомъ одинъ человекъ можетъ остановить тысячи людей, и притомъ ближайшей доро-

*) Будада находится недалеко отъ Классы, столицы Тибета. На ней построены дворецъ, въ которомъ живетъ Далай-лама.

**) Кромѣ этой дороги изъ Чжунгаріи есть еще двѣ — одна западная, ведущая изъ Яркенда въ Нгары, другая, восточная, пролегающая чрезъ рѣку Хара-усу. Обѣ эти дороги не важны въ стратегическомъ отношеніи. Первую, уже близъ границы Тибета, пересѣкаетъ высочайшая и непроходимая для войска гора; вторая — пролегаетъ по Хухунору, следовательно также не опасна для Тибета.

ли нить. Не нужно говорить, какъ важно было заградить входъ въ этомъ мѣстѣ, но Лацзанъ-ханъ, не внявъ предостереженіямъ государя, не поставилъ тамъ охраннаго войска.

Въ 1716 году (55 г. Канъ-си) Цэванъ-рабтанъ неожиданно послалъ Тай-цзи Дацэрэнъ-дуньдоба съ 6 тысячами отборнаго войска. Обошедши Гоби, Цэрэнъ-дунь-добъ перешелъ снѣжныя горы, находящіяся на югъ отъ Хотана. Встрѣчая на своемъ пути различныя препятствія, терпя отъ зловреднаго дѣйствія горныхъ менареній, онъ ночью шелъ, а днемъ отдыхалъ и наконецъ въ половинѣ слѣдующаго года (1717) достигъ Тибетскихъ границъ. Лацзанъ-ханъ и не думалъ о приближеніи грозы. Чжунгары, распустивъ слухъ, что они провожаютъ возвращающихся въ Тибетъ супруговъ Дань-чжунъ, безпрепятственно шли во Тибетъ, направляя путь свой къ Хласъ. Лацзанъ-ханъ узналъ объ этомъ, когда они углубились уже слишкомъ далеко въ страну. Попытка его противопоставить Чжунгарамъ силу не имѣла уснѣха: разбитый Чжунгарами въ сраженіи, Лацзанъ-ханъ бѣжалъ въ Будаду, заперся въ ней и послалъ къ Китайскому императору письмо съ просьбою о помощи. Но было уже поздно. Цэрэнъ-дуньдобъ осадилъ Будаду, хитростію заставилъ отворить себѣ ворота, схватилъ Лацзанъ-хана и убилъ, взялъ въ плѣнъ его жену и дѣтей и, забравши во

всѣхъ кумирныхъ драгоценности, отослалъ все это въ Иля. Новый Далай-лама былъ насильно отвезенъ въ отшельническое убѣжище Чжакэ-буля.

Какъ скоро Богдоханъ узналъ о бѣдственномъ состояніи Тибета, тотчасъ же приказалъ полководцу Э-лунь-тэ идти на помощь Тибетцамъ, а Сэ-лэну объявить Хухэ-норскимъ Монголамъ о приготовленіи войскъ. Въ 7-ю луну (1718) войска переправились черезъ р. Муру-усу, отдѣляющую Хухэ-норъ отъ Тибета. Сэ-лэнь отправился съ своимъ войскомъ на Вуйдулинь, а Э-лунь-тэ вышелъ изъ Ку-сай-лива. Дапзэрэнъ-дуньдобъ, показывая видъ, что не можетъ вступить въ борьбу, быстро отступалъ, а между тѣмъ скрылъ въ засадѣ отборное войско у рѣки Хара-усу, чтобъ выждать непріятеля. Э-лунь-тэ быстро шелъ впередъ, имѣя въ виду, переправившись черезъ Хара-усу прежде непріятелей, захватить опасные переходы на Линъ-ла-линѣ. Приблизившись къ рѣкѣ, онъ сошелся съ непріятелемъ. Цзэрэнъ-дуньдобъ, подкрѣпляемый нѣсколькими десятками тысячъ Тибетцевъ, отдѣлилъ одну половину ихъ для воспрепятствованія Китайскому войску переправиться черезъ рѣку, а другую отправилъ въ обходъ Китайскаго войска, и такимъ образомъ пресѣкъ дорогу для подвоза припасовъ. Оба войска стояли одно въ виду другаго больше мѣсяца. Но наконецъ запасъ провіанта

въ Китайскомъ войскѣ истощился и въ 9 дуну они были разбиты.

Чжунгары возгордились этою побѣдою. Хухэнорскіе Монголы боялись уже ходить въ Тибетъ и въ своемъ докладѣ объ этомъ государю писали: «такъ какъ Далай-лама можетъ быть вездѣ, то не нужно бы тебѣ, государь, предпринимать трудовъ». И сановники Китайскіе, приводя въ примѣръ недавнее пораженіе, претерпѣнное Китайскими войсками, равнымъ образомъ всѣ не совѣтовали государю вторично посылать войско. Не такъ думалъ Кань-си. «Тибетъ, писалъ онъ въ своемъ приказѣ, примыкаетъ къ Хухэнору и къ губерніямъ Юнь-ваньской и Сы-чуаньской. Въ случаѣ грабительствъ Чжунгаровъ на границахъ, не будетъ ни одного дня спокойствія. Притомъ же, если Чжунгары могли переходить снѣга и пренебрегать опасностями, то не тѣмъ ли легче могутъ это сдѣлать наши войска?» И 14-му царевичу Юнь-ти приказано было въ качествѣ главнокомандующаго квартировать въ Хухэнорѣ на Муру-усу для завѣдыванія военнымъ провіантомъ, — полководцамъ Фур-дань и Фу-пинъ-ань выступить со стороны Баркюля и Алтая, чтобъ тѣснить Элютовъ съ сѣвера, а полководцамъ Гар-би и Янь-синю отправиться въ Тибетъ по двумъ дорогамъ; первому изъ губерніи Сы-чуань по южной дорогѣ, а послѣднему, по средней дорогѣ изъ

Хухэнора: *) Гар-би и Янь-синь, какъ мы увидимъ, были счастливѣе Э-лунь-тэ и Сэ-лэна.

Въ это время Тибетцы уже узнали, что истинный Хубилганъ умершаго Далай-ламы не въ Тибетъ, а въ Хухэноръ, и съ общаго согласія просили государя помочь имъ возвести его въ достоинство Далай-ламы. Государь согласился на эту просьбу и пожаловалъ Галцзанъ-цзямцо грамоту и печать. Въ слѣдъ за этимъ Монгольскіе Ханы, Бэйлэ и Тай-цзи, во главѣ своихъ отрядовъ, проводили Далай-ламу въ Тибетъ, слѣдуя за Китайскимъ войскомъ.

Цзэрэнъ-дуньдобъ, узнавши о приближеніи Китайскихъ войскъ, на среднюю дорогу, противъ Янь-синя, выступилъ самъ, а на южную дорогу послалъ Цзай-сава Чунь-пилэ съ 3600 воиновъ. Гар-би, шедшій по южной дорогѣ, успокоивши Батанскихъ и Литанскихъ жителей, дошелъ уже до Чампо **), но здѣсь онъ былъ остановленъ приказомъ главнокомандующаго: подождавши известнаго времени, идти вмѣстѣ съ нимъ. Гар-би, опасаясь, что это время быть можетъ не настанетъ еще долго, а между тѣмъ запасъ провіанта истощится, рѣшился дѣйствовать самостоятельно. Составивши изъ

*) Изъ Китая въ Тибетъ три дороги. Кромѣ указанныхъ двухъ, есть еще дороги изъ губерніи Юнь-нань, чрезъ Чжунъ-лянъ. Проѣздъ по этой дорогѣ чрезвычайно труденъ.

**) Чампо — въ переднемъ Тибетѣ.

инородцевъ, населяющихъ передній Тибетъ, 7000 корпусъ, и раздѣливши его на двѣ половины, изъ коихъ одна заняла опасныя мѣста, а другая отрѣзала путь къ привозу провіанта для непріятельскаго войска, онъ ударилъ на непріятеля. Ударъ былъ мѣтокъ: Цзайсанъ-чуньшиэ былъ разбитъ.

Между тѣмъ какъ Гар-би такъ удачно подвизался противъ непріятеля, Янь-синь, предводительствуя Хухэ-норскими войсками, три раза поразилъ Цзэрэнъ-дунь-доба: у этого послѣдняго было взято въ плѣнъ и убито болѣе 1000 человекъ. Элиты, встрѣчая отсюду отпоръ и не смѣя возвратиться въ Тибетъ, бѣжали на сѣверъ, по той же самой дорогѣ, по которой пришли. Отъ чрезвычайныхъ трудностей пути, отъ холода и голода, едвали и половина изъ нихъ возвратилась къ Или.

Послѣ изгнанія изъ Тибета Чжунгаровъ, совершеннаго Китайскими войсками, Богдоханъ могъ распорядиться судьбою этой страны по своему произволу, потому что, по всей справедливости, имѣлъ на это полное право; но онъ удовольствовался только быть покровителемъ и защитникомъ, предоставивъ Тибетъ до времени самому себѣ, своимъ собственнымъ средствамъ существовать независимо. Новому Далай-ламѣ онъ пожаловалъ титулъ распространителя ученія, просвѣщающаго народъ, и повелѣлъ въ 9 луну (1721 г.) возсѣсть

на Далай-ламскомъ престолѣ, а поставленнаго Лацзанъ-ханомъ Ламу проводить въ Пекинъ. Старому чиновнику Лацзанъ-хана Бэй-цзы (князь 4-й степени) Кань-цзиню было ввѣрено управленіе переднимъ, а Тай-цзи По-лонаю заднимъ Тибетомъ съ правомъ каждому избрать для себя Калуней (министровъ или совѣтниковъ). Въ память водворенія мира въ Тибетъ поставленъ въ кумирнѣ Да-чжао *) каменный памятникъ, на которомъ высѣчена надпись, сочиненная государемъ Канъ-си **).

Преемникъ Канъ-си, Богдоханъ Юнь-чжэнъ, съ восшествіемъ на престолъ подтвердилъ и оставилъ въ Тибетъ въ прежнемъ видѣ все, что было учреждено его предшественникомъ: Тибету оставалось только, поль-

*) Общежительное убжище Да-чжао находится отъ Будалы на востокъ въ 5 ли. Оно построено въ древности Китайскою царевною, выданною замужъ за Тибетскаго государя Сронцзанъ-гамбо во время династїи Танъ.

***) Эту надпись можно видѣть въ «Описанїи Тибета въ выиѣшномъ его состоянїи» (С. П. б. 1828 г. стр. 89). Г. переводчикъ называетъ ее надписью на покоренїе Тибета. По нашему крайнему разумїю это не совсѣмъ справедливо. Тибетъ покоренъ не въ это время, потому что онъ оставленъ въ управленїи туземныхъ властей, хотя эти власти и были назначены Китайскимъ императоромъ, — и не утратилъ ни одной изъ своихъ областей. Мы считаемъ эпохою покоренія (если ужъ набобно считать Тибетъ покореннымъ) Тибета то время, когда назначены были для управленія нѣтъ два Кит. чиновника и когда отъ него было отнято нѣсколько важныхъ округовъ. Нѣсколько не противорѣча г. переводчику, можно сказать, что Тибетъ покоренъ уже давнымъ-давно, еще въ началѣ выиѣшной династїи, или еще в ранѣе, потому что Кит. Государи, какъ мы уже видѣли, издавна покровительствовали этой странѣ.

зуюсь покровительствомъ могущественныхъ государей Китая, наслаждаться миромъ и совершеннымъ покоемъ. Судьба рѣшила иначе.

Мы сказали, что управленіе переднимъ Тибетомъ было возложено на Бэй-цзы Кань-цзиня съ правомъ избрать себѣ Калуней. Калуни были избраны, но не совсѣмъ удачно. Одинъ изъ нихъ, по имени Арбуба, завидовалъ власти Кань-цзиня, обижаясь предпочтеніемъ сего послѣдняго ему, хотя и онъ и въ одно время съ Кань-цзиномъ получалъ достоинство Бэй-цзы; другой, Лунбунай, гордясь своимъ родствомъ съ Далай-ламою *), презиралъ Кань-цзиня и не слушался его приказаній. Небольшаго труда стоило имъ убѣдить и третьяго Калуня, Чжарная, противъ Кань-цзиня; всѣ они твое рѣшились такъ или иначе погубить сего послѣдняго. Государь, узнавъ о ненависти Калуней къ Кань-цзиною и опасаясь, что они поспорятъ его съ Далай-ламою, и слѣдовательно тогда уже гибель его вѣрнаго слуги будетъ неизбежна, отправилъ на время въ Тибетъ двухъ чиновниковъ примирить враждующихъ. Лишь только чиновники прибыли (1727 г.), Арбуба и его товарищи, боясь за себя, стали дѣйствовать рѣшительнѣе. Собравъ войско, они напали на домъ, гдѣ жилъ Кань-цзиня и убили его.

*) Онъ былъ женатъ на сестрѣ Далай-ламы.

Зная, что это не пройдет даромъ со стороны Китая, они пошли на западъ съ цѣлю захватить Нгари ^{*)}, увеличить такимъ образомъ составъ своихъ войскъ и потомъ соединиться съ Чжунгарами. Чего они ждали со стороны Китая, то и послѣдовало. Полководцу Чаланъ-а приказано было съ 15-ти тысячнымъ корпусомъ отправиться въ Тибетъ наказать бунтовщиковъ. Но еще до его прибытія (1728 г.) Тайцзи По-лонай—правитель задняго Тибета, командовавшій здѣсь и въ Нгари 9-ти тысячнымъ корпусомъ войскъ, пресѣкъ дорогу мятежникамъ и схватилъ главныхъ бунтовщиковъ. Когда Чаланъ-а прибылъ въ Тибетъ, то ему оставалось только расправиться съ мятежниками: они были казнены.

По-лоная, такъ много сдѣлавшему при усмирении бунта, пожаловано было достоинство Бэй-цзы, поручено управленіе дѣлами всего Тибета и дано 30,000 ланъ серебра (болѣе 60,000 руб. сер.) на содержаніе войска, но вмѣстѣ съ этимъ, государь, опасаясь новыхъ неурядицъ въ Тибетѣ, приказалъ двумъ чиновникамъ (о которыхъ мы упоминали) остаться въ Тибетѣ для надзора за ходомъ дѣлъ, оставивъ подъ ихъ командою 2000 солдатъ изъ Сы-чуаньскихъ и Шань-сискихъ войскъ. Одинъ изъ нихъ (главный) долженъ былъ жить

^{*)} Нгари — теперь 4-я область въ Тибетѣ.

въ переднемъ, а другой (помощникъ) въ заднемъ Тибетѣ. Смѣнять этихъ чиновниковъ положено чрезъ каждые три года.

Вслѣдъ за этими распоряженіями, по представленію Китайскихъ правителей послѣдовалъ приказъ отдѣлить отъ передняго Тибета Батанъ и Литанъ, присоединить ихъ къ Сы-чуаньской губерніи и подчинить власти туземныхъ чиновниковъ, — а Чжунъ-дянь и Вэй-си приписать къ Юнь-наньской губерніи и учредить для управленія ими двѣ дистанціи. Что же касается до Чамидо и др. остальныхъ округовъ въ переднемъ Тибетѣ, то оставить ихъ на прежнихъ положеніяхъ т. е. въ составѣ Тибета. Чжан-цзя Хутухта *) пытался было во имя Далай-ламы просить государя о возвращеніи переднему Тибету Батана и Литана, смиренно представляя, что это (именно Литанъ) есть мѣсто перерожденія настоящаго Далай-ламы и что туземные чиновники построили тамъ общежительныя убѣжища и кумирни, великолѣпно украсили ихъ и ввели строгій порядокъ. Просьба не была уважена. Государь благоволилъ отдать только торговыя пошлины, собираемыя въ этихъ странахъ, въ пользу Далай-ламы, но землю оставилъ во власти Китая.

*) Одинъ изъ предшественниковъ Пекинскаго Хутухты. Чжан-цзя Хутухты обыкновенно живутъ въ Юнь-дочунѣ, самое многолюднѣйшее изъ Пекинскихъ Ламскихъ общежительныхъ убѣжищъ.

Въ этомъ же году (1728) спокойствіе Тибета, только лишь начинавшаго отдыхать отъ недавняго внутренняго мятежа, въ нѣкоторой степени было нарушено Чжунгарами. Сынь и наслѣдникъ Цэванъ-рабтана Галданъ-цэрэвъ просилъ у государя позволенія отправиться въ Тибетъ для угощенія Ламъ чаемъ^{*)}, объявляя при этомъ, что онъ желаетъ возвратить въ Тибетъ двухъ сыновей Лацзанъ-хана, взятыхъ въ плѣнъ при осадѣ Будады. Государь, подозрѣвая Галданъ-цэрэва въ новомъ покушеніи завладѣть Тибетомъ, не согласился на его просьбу и отправилъ въ Тибетъ повелѣніе усилить охранныя пограничныя войска. Тибетъ встревожился. Далай-лама, чтобъ обезопасить себя, удалился на время въ Литанское общежительное убѣжище Ху-юань. Тибетскія войска каждагодно въ началѣ лѣта посылаемы были на Тэнгринорскую дорогу для прикрытія на ней важныхъ пунктовъ, чтобъ такимъ образомъ обезопасить Тибетъ со стороны Чжунгаровъ, и только зимою, когда горы покрывались снѣгомъ, караулы снимались.

Въ 1734 году (12 г. Юнь-чжэна) Чжунгары просили

*) Выраженіе: угощать Ламъ чаемъ значитъ посылать или подносить дары Далай-ламѣ и прочему духовенству. Этотъ обычай существуетъ у большей части племенъ, призывающихъ Ламскую вѣру. Угощеніе Ламъ чаемъ бываетъ большою частію по случаю какихъ либо важныхъ семейныхъ событий, какъ-то: смерти одного изъ членовъ семейства, брака и т. п.

мира. Далай-лама возвратился въ Тибетъ. Пограничныя войска уменьшены тремя четвертями.

Въ 3-й годъ царствованія Цянь-луна (1738 г.) Галданъ-цэрэнъ снова просилъ позволенія отправить въ Тибетъ дары. На этотъ разъ просьба его была уважена. Но Бэй-зы-По-лонай, живо помня ударъ, нанесенный Тибету вѣроломными Чжунгарами въ 1717 году, и опасаясь со стороны ихъ неваго коварства, принялъ мѣры предосторожности, разставивъ войска по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ изъ Чжунгаріи въ Тибетъ. Галданъ-цэрэнъ, узнавъ объ этомъ, не смотря на позволеніе Китайскаго императора, не посмѣлъ вступить въ Тибетъ, потому что въ противномъ случаѣ онъ рисковалъ бы попасть *въ ловушку*. Тибетъ успокоился. По-лонай за благоразумное приготовленіе къ пріятію Чжунгаровъ получилъ титулъ Цзюнь-Вана (князя 2-й степени).

Но тишина въ Тибетѣ настала не надолго. Въ 15-й годъ Цянь-луна (1750) замыслилъ поднять знамя возмущенія Чжурмотэ-Намчалъ, сынъ и наследникъ По-лоная въ достоинствѣ Цзюнь-Вана и главнаго правителя Тибета. Цѣлю его было освободиться отъ вліянія Китайскаго двора и соединиться съ Чжунгарами. Понимая, что вмѣшательство Китайскихъ чиновниковъ въ дѣла Тибета не позволитъ ему осуществить его планы, онъ прежде всего представилъ

государю докладъ о выводѣ изъ Тибета охранныхъ Китайскихъ войскъ. Цань-лунъ не имѣлъ причины не согласиться на это представленіе, полагая найти въ Чжурмотѣ тѣ же доказательства преданности къ своему дому, какими обладалъ его отецъ. Чжурмотѣ, получивъ желаемое, тайно послалъ къ Чжунгарамъ письмо, которыми просилъ, чтобъ ихъ войска помогли ему въ случаѣ неудачи во время возмущенія. Потомъ, тайно убивъ старшаго своего брата, онъ распустилъ ложный слухъ о приближеніи къ Тибету Чжунгарскихъ войскъ и собралъ войско въ 2000 человекъ, какъ бы намѣреваясь идти противъ Чжунгаровъ. Между тѣмъ, какъ онъ такимъ образомъ приготавлился къ возмущенію, Китайскіе правители Фу-пинъ и Лаб-дунъ проникли въ его намѣренія. Желая предупредить задуманный мятежъ, но не имѣя въ своемъ распоряженіи ни одного солдата, они рѣшились раздѣлаться съ Чжурмотѣ хитростію. Зазвавши его на башню въ одной изъ кумиренъ, они его зарѣзали. Товарищи Чжурмотѣ не медли отплатили имъ тою же монетою. Далай-лама, видя разгорающійся мятежъ, поручилъ на время правленіе дѣлами Тибета Гуну (князь 6-й степени) Бань-дидъ, и сей послѣдній съ успѣхомъ справился съ мятежниками.

За усмиреніемъ мятежа послѣдовалъ новый порядокъ дѣлъ въ Тибетѣ. Тибетцамъ и Чжунгарамъ на

всегда зпирещено вступать въ сношеніи между собою. Власть управленія Тибетомъ поручена четырьмя Калунямъ подъ главнымъ и непосредственнымъ наблюдениемъ Далай-ламы: съ этого времени въ Тибетъ не было уже ни хановъ, ни вановъ, ни другихъ князей. Охранныя войска, недавно выведенныя изъ Тибета, еще усилены 1500 человекъ и снова отданы въ распоряженіе Китайскихъ правителей въ Тибетъ.

Мирно потекли дни Тибета, а съ водвореніемъ мира въ Или (1758), Тибетъ совершенно избавился опасности отъ Чжунгаровъ. Смерть шестаго Далай-ламы (1758) и избраніе на его мѣсто новаго *) совершились безъ малѣйшаго безпокойства. Калуни избирались и смѣнялись по усмотрѣнію Далай-ламы. Обычныя дары или лучше сказать дань **) отправлялась въ Пекинъ ежегодно.

*) Имя Далай-ламы сѣльнаго поколѣнія — Лобзанъ-данъ-бѣй-ванчукъ Цянбаръ-Цянцо. Онъ родился въ 23 г. царствованія Цянъ-луна (1758) въ западнѣй Тибетѣ. Жалованную грамоту и печать отъ Китайскаго двора онъ получилъ въ 1780 году (45 г. Цянъ-луна).

**) Ежегоднаго представленія Далай-ламою и Банъчанемъ провинціи земли къ Пекинскому двору нельзя назвать ни представленіемъ дани, ни присылкою даровъ, принимая эти слова въ собственномъ ихъ значеніи. Нельзя назвать данью: потому что за присылаемое Далай-ламою и Банъчанемъ получаютъ вознагражденіе, даже съ лишкомъ. Нельзя назвать даромъ: потому что слово даръ предполагаетъ произволъ со стороны подносящаго. Не то видимъ здѣсь: если бы случилось, что Далай-лама и Банъчанъ не прислали бы обычнаго посольства, то, вѣроятно, Китайское правительство этихъ бы оскорбилась. Итакъ это есть что-то среднее между данью и даромъ, впрочемъ ближе подходящее къ значенію дани, потому что вынуждается и выражаетъ преданность со стороны посылающихъ.

Этотъ миръ былъ нарушенъ нападениемъ на Тибетъ со стороны Коркинцевъ въ 1790 году (55 г. царств. Цянь-луна). Вотъ обстоятельства этого происшествія.

Шестой Баньчань-лама ^{*)}, еще при жизни своей, сдѣлалъ участникомъ своей власти старшаго брата своего Хутухту-Чжунбу, поручивъ ему завѣдываніе дѣлами торговли въ заднемъ Тибетѣ. Другой же братъ его, Шэмарба, не участвовалъ въ тѣхъ выгодахъ, которыми пользовался Чжунба. Всѣ войска, какъ конныя, такъ и пѣшія, расположенныя въ среднемъ Тибетѣ, находились въ вѣдѣніи Далай-ламы, и хотя у Баньчана были подъ управленіемъ общежительныя убѣжища и кумирни, но всѣ земли; распоряженіе

^{*)} Имя этого Баньчана-Чжэбцаушъ-Валдашъ-и-си. 3-й годъ Цянь-луна (1738) годъ его рожденія. Въ 30 г. (1765) онъ получилъ отъ Цянь-луна жалованную грамоту, въ 45 г. (1780) самъ пріѣзжалъ ко двору съ поздравленіемъ и принятъ былъ съ отличною честью, но умеръ въ Пекинѣ отъ оспы. Кстати скажемъ нѣсколько словъ объ его предшественникахъ и преемникахъ. Первый Баньчанъ Кэчжунима-Чжорцзи-Цялбугэръ родился въ 1445 г. (10 г. Чжэнь-туна изъ Минской династіи). Годъ рожденія 2-го Баньчана Чжубай-ванъ-уюй-сономъ-Чжорцзи-ланъбу неизвѣстенъ. Имя 3-го Баньчана Цзѣчжубай-ванъ-цюй-лобизанъ-душъ-юй-чжубъ. Онъ родился въ 1808 г. (18 г. Хунъ-чжи—Минской династіи). 4-й Баньчанъ Лобизанъ-чжорцзи-галцзанъ родился въ 1867 г. (1-й г. царств. Лушъ-цинь). Это тотъ самый Баньчанъ, который въ 1842 году послалъ вмѣстѣ съ Далай-ламою дары къ первому государю вышѣ царствующей въ Китаѣ династіи, Шуай-чжи. Онъ жилъ 26 лѣтъ. 5-й Баньчанъ Лобизанъ-и-си родился въ 1863 году (2 годъ царств. Канъ-си), въ 52 году (1713) получилъ жадованную грамоту и печать. Это былъ первый Баньчанъ, начавшій жить въ Чжаса-луμπο и управлять общежительными убѣжищами и кумирнями, принадлежавшими этому убѣжищу. Седьмой, теперешній Баньчанъ (имя его неизвѣстно) родился въ 47 г. Цянь-луна (1782). Теперь ему около 70 лѣтъ.

должностями Дэйбуней *) и Дибъ, равно какъ и войска, находящіяся въ заднемъ Тибетѣ, были въ его власти; и слѣдовательно онъ не могъ ничего дать Шэмарбѣ въ управленіе. Шэмарба естественно завидовалъ положенію брата. Когда же, по смерти Баньчана (1780 г.), все имущество сего послѣдняго перешло въ руки Чжунбы, какъ старшаго въ родѣ, зависть Шэмарбы превратилась въ злобу. Страстно желая поживиться хотя чѣмъ либо изъ огромнаго имущества, оставшагося послѣ Баньчана, онъ подстрекнулъ Коркинцевъ произвести набѣгъ на Тибетъ, чтобы въ общемъ смитеніи легче и незамѣтнѣе захватить имѣніе брата. Коркинцы не замедлили явиться. Въ это время седьмой Далай-лама былъ еще молодъ и не умѣя распорядиться войсками, бывшими въ его власти, находился въ большомъ затрудненіи и не зналъ, какъ избавиться отъ нежданныхъ гостей. Китайскіе правители, не умѣя силою отразить враговъ, купили миръ деньгами. Коркинцы, не встрѣтивъ въ Тибетѣ сопротивленія и воспользовавшись добычею, отправились во свояси.

Въ 1791 году Коркинцы, испытавъ легкость добычи въ Тибетѣ, снова ворвались въ него, но на этотъ разъ были встрѣчены прибывшими уже изъ Китая войсками, разбиты и прогнаны. Спокойствіе снова водворено въ

*) Должность Дэйбуна соотвѣтствуетъ въ Европѣ корпусному генералу: ихъ въ Тибетѣ пять.

Тибетъ. На южной границѣ караулы усилены. Шэмарба казненъ.

Происки родственниковъ Баньчана, бывшія причиною нападенія Коркинцевъ на Тибетъ, породили важныя послѣдствія. Прежде этого времени, распоряженіе должностями въ Тибетъ принадлежало Далай-ламѣ и Баньчаню, которые, опредѣливъ извѣстное лице на извѣстную должность, давали только знать Китайскимъ чиновникамъ о сдѣланномъ распоряженіи. Большая часть важныхъ должностей въ Тибетъ занята была родственниками Далай-ламы и Баньчана. Богдоханъ зная, что родственники Далай-ламы и Баньчана старались дѣлаться Хутухтами единственно для обогащенія себя, и не пренебрегали для достиженія этой цѣли самыми неблаговидными средствами, давно хотѣлъ прекратить этотъ вредный обычай, но не имѣлъ къ тому случая. Теперь, пользуясь окончаніемъ войны съ Коркинцами, онъ рѣшился разомъ покончить это дѣло. Съ этою цѣлію онъ приказалъ своимъ чиновникамъ въ Тибетъ, бывшимъ до сего времени не правителями, а чѣмъ-то въ родѣ инспекторовъ: какъ въ дѣлѣ избранія Калуней и старшинъ для Тибетскихъ инородцевъ, такъ и въ остальныхъ статьяхъ государственнаго управленія принимать участіе наравнѣ съ Далай-ламою и Баньчанемъ, строго запретивъ опре-

дѣлать къ исправленію должностей родственниковъ того и другаго.

Въ слѣдъ за этимъ Богдоханъ измѣнилъ и самый образъ избранія Далай-ламы и прочихъ перерожденцевъ *). Избраніе перерожденцевъ по указанію Чуй-

*) Чтобы дать понятіе объ образѣ (прежнемъ) избранія Хубилганей, приведемъ одинъ примѣръ этого избранія, заимствованный нами изъ статьи: объ инородцахъ въ Юнь-наньской губерніи (дянь-си). Хотя этотъ рассказъ гласитъ объ избраніи одного изъ перерожденцевъ, принадлежавшихъ къ красному учевію, но это не мѣшаетъ намъ представить его, потому что образъ избранія Хубилганей, у послѣдователей какъ краснаго такъ и желтаго закона, одинаковъ. Вотъ онъ: «Когда Молагу-лама (одинъ изъ Хутухъ краснаго учевія) умеръ, то ученики его, по гаданію, узнали, что онъ долженъ переродиться въ мѣстечкѣ Ци-цауэнь, что въ Вэй-си. Въ 8 годъ царствованія «Цянъ-лува (1743), толпа Ламъ, захвативши съ собою нѣкоторыя изъ старыхъ вещей умершаго Молагу-ламы, отправилась искать его. Въ день прибытія ихъ въ Ци-цауэнь, семилѣтній сынъ старшины инородцевъ Мо-ся, по имени «Да-цзи, спрашивалъ у своей матери, указывая на цыпленка: наконецъ отстанетъ ли этотъ цыпленокъ отъ своей матери? Конечно — наконецъ совершенно отстанетъ, отвѣчала мать. А я, сказалъ Да-цзи, не такой ли же цыпленокъ? И тотчасъ прибавилъ, обращаясь вѣсть къ отцу и матери, что изъ Тибета пришло къ нимъ нѣсколько десятковъ Ламъ для встрѣчи «(избранія) излолѣтнаго живаго Будды, и что всѣ эти Ламы люди привѣр-ной жизни. Почему бы, говорилъ онъ, вамъ не принять ихъ и не угостить? Это доставитъ величайшее счастье нашему дому. Отецъ и мать не хотѣли и послушать, называя его слова ребяческой болтовней. Да-цзи настаивалъ на своемъ и твердилъ одно и то же. Наконецъ, когда отецъ вышелъ посмотреть, что нѣсколько десятковъ Ламъ, не ожидая приглашенія, вошли въ домъ. Да-цзи привалъ ихъ, сѣлъ на землѣ, поджавши подъ себя ноги, и сталъ говорить съ ними на Гу-цауэньскомъ нарѣчій. Спустя нѣсколько времени Ламы подали ему чашку, четки и собственноручно писанную прежнимъ Молагу-ламою книгу, — вещи, принадлежавшія умершему Молагу-ламу, прибавилъ къ нимъ нѣсколько такихъ же и почти совершенно сходныхъ между собою вещей. Да-цзи узналъ свои старыя вещи: онъ взялъ чашку, надѣлъ на себѣ четки и, развернувъ книгу, обнаружилъ свою радость. Ламы, снявъ съ себя шапки, окружили его, и плакали. Да-цзи, отложивъ въ сторону чашку, сталъ привѣтствовать ихъ по порядку. Вслѣдъ за симъ одинъ изъ Ламъ полнень въ Да-цзи платъ отшельника и шапку. Да-цзи надѣлъ ихъ на себѣ самъ. Потомъ, Ламы, поставивъ на дворѣ въ нѣсколько рядовъ модушки, вышитыя золотомъ и шелками, пришли и, вынеся ихъ на ру-

чжуновъ (гадателей, прорицателей), которые назначали мѣсто перерожденія Хубилганей большею частію въ знаменитыхъ Тибетскихъ или Монгольскихъ фамиліяхъ, кромѣ того, что сопровождалось иногда довольно неблагоприятными обстоятельствами *), ослаблявшими въ послѣдователяхъ желтаго закона вѣру въ Хубилганей, было противно политикѣ Китайскаго двора: Чуй-чжуны могли напримѣръ указать перерожденца Далай-ламы въ фамиліи, враждебной Китаю. Принимая во вниманіе эти неудобства избранія Хубилганей по указанію Чуй-чжуновъ, Цань-лунъ въ 1792 году отправилъ въ Тибетъ золотую урну и приказалъ избирать перерожденцевъ по жребію. Какъ скоро умереть Далай-

скакъ, посадили его на подушки. Старшина, смотря на все происходившее, «не понималъ—что бы все это значило? Ламы поднесли ему 300 ланъ серебра и нѣсколько десятковъ штукъ шелковыхъ, вытканыхъ золотомъ и шерстяныхъ матерій, желая ему долголѣтія и говоря: «омъ (Да-цзи) главный Хосро («живой Будда) нашего общежительнаго убѣжища и мы необходимо должны спроводить его въ Тибетъ». Старшина никакъ не соглашался на это, потому что Да-цзи у него былъ единственный сынъ. Да-цзи на это сказалъ ему: — не печалься! Разгъ у тебя не можетъ еще родиться сынъ для продолженія нашей фамиліи. Я же переродившійся Будда, и потому не могу остаться съ тобою. Старшина и его жена, не видя никакихъ средствъ удержать своего сына, наконецъ согласились отпустить его. Ламы на рукахъ принесли Да-цзи въ Буддійское убѣжище Дамотунъ; и ближніе и дальніе Мостѣицы услышавъ объ этомъ, тысячами стеклись сюда съ куревіями для поклоненія живому Буддѣ. Приношеній не было счету. Пробывши здѣсь три дня, Да-цзи отправился въ Тибетъ.

*) Такъ по случаю смерти, во время царствованія Цань-луна, Ургинскаго Хутухты, гадатели утверждали, что Хубилганъ умершаго непременно долженъ родиться въ фамиліи Тусэту-хана, у котораго жена въ это время была беременна. Время разрѣшенія отъ бремени настало и Тусэту-ханова жена родила дѣвочку...

лама или другой кто либо изъ имѣющихъ право переродиться, въ Тибетское общежительное хубъжище Да-чжао, гдѣ находится золотая урна, присылаются изъ разныхъ мѣстъ имена мальчиковъ, родившихся около времени смерти того Хубилганя, котораго нужно избрать. Имена этихъ мальчиковъ пишутся на небольшихъ листкахъ бумаги и кладутся въ урну; потомъ читаются книги ученія и приступаютъ къ избранію Хубилганя: вынутый жребій рѣшаетъ дѣло. При этой церемоніи непременно присутствуютъ Далай-лама или Багъчанъ и Китайскіе правители дѣлъ въ Тибетѣ. При появленіи Хубилганей въ Монгольскихъ Чжасакахъ, имена ихъ отсылаются въ Китайскій трибуналъ вѣншихъ сношеній (Ди-цань-юань); члены сего послѣдняго, вмѣстѣ съ Пекинскимъ Чжан-цад-Хутухдой, вынимаютъ жребій. Урна находится въ Юнь-хогунѣ. Не подлежитъ этой формѣ избранія только Хухэнорскій правитель и вмѣстѣ Хутухда-чаганъ-но-мынь-ханъ: онъ избирается съ согласія членовъ этого дома. Не подвергнулся также избранію по жребію Хубилгань 7-го Далай-ламы (1808 г. 3 годъ Цзя-цина). Но своимъ дарованіямъ и точнымъ рассказамъ о своихъ прежнихъ перерожденіяхъ, онъ признанъ былъ народомъ за истиннаго Хубилганя. Когда Китайскіе правители донесли объ этомъ государю, и просили утвердить его въ достоинствѣ Далай-

ламы, Цзя-пингъ позволилъ не бросать жребія. Эти два случая суть исключеніе изъ общаго правила.

Здѣсь оканчиваются свѣдѣнія, сообщаемыя намъ въ Шэнъ-у-цзи и Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-лѣ. Но мы не можемъ здѣсь не сказать, въ заключеніе, нѣсколькихъ словъ о происшествіяхъ въ Тибетѣ въ 1844 году.

Въ этомъ году Баньчанъ и Калуни послали съ посольствомъ въ Пекинъ къ покойному императору Даогуану просьбу о низверженіи Си-фана, правителя Далай-ламы, обвиняя его въ отравленіи трехъ Далай-ламъ, предшественниковъ настоящаго *), умершихъ во цвѣтѣ лѣтъ. Государь послалъ чиновника Ци-шаня **) произвести слѣдствіе. Правитель былъ обвиненъ и сосланъ въ Маньчжурію на берега Амура. Ламы общежительнаго убѣжища Сэры ***) , находившагося подъ непосредственнымъ покровительствомъ правителя, покушались было отмстить за униженіе своего благодѣтеля

*) Объ этихъ трехъ (8-мъ, 9-мъ и 10-мъ) Далай-ламахъ мы не знаемъ ничего положительнаго. Китайское правительство еще до сихъ поръ ничего не публиковало объ нихъ. Теперешнему Далай-ламѣ около 15 лѣтъ. По малолѣтству вновь избраннаго правителя, государствомъ правитъ старшій изъ Калуней.

**) Ци-шань извѣстенъ по своимъ сношеніямъ съ Англичанами въ 1839 году. Послѣ трехлѣтняго управленія Тибетомъ онъ былъ сдѣланъ генералъ-губернаторомъ губерній Гань-су и Сы-чуань. Весною, въ этомъ году, онъ, за разные проступки, отданъ нынѣ царствующимъ императоромъ подъ судъ.

***) Общежительное убѣжище Сэра находится въ 10 ли отъ Хлассы, на сѣверѣ. Въ немъ считаютъ болѣе 15,000 ламъ.

и покровителя; но Китайскаго гарнизона, расположеннаго близъ Хлассы, достаточно было для того, чтобы утишить волненіе и водворить спокойствіе въ Тибетъ.

Послѣ этого происшествія все тихо въ Тибетъ до сихъ поръ. Китайское правительство неусыпно бодрствуетъ надъ Тибетомъ въ лицѣ своихъ правителей, не допуская жителей къ какому бы то ни было сношенію съ иностранцами, и особенно съ Европейцами. Такъ въ недавнее время оно выслало изъ Тибета двухъ Французскихъ миссіонеровъ (Габе и Гюка), проникшихъ туда для проповѣдыванія христіанской религіи, не смотря на оказанное покровительство имъ исправляющимъ должность правителя юнаго Далай-ламы и на все желаніе его дозволить имъ свободное проживаниеъ въ Тибетъ. Не допуская иностранцевъ въ Тибетъ, Китайскій дворъ выказываетъ, какъ онъ избѣгаетъ утратить свое вліяніе на Тибетъ и на Далай-ламу и какъ важно для него имѣть это вліяніе. Опасеніе впрочемъ не безъ основанія, потому что только при посредствѣ Далай-ламы Китай держитъ въ повиновеніи Элютскія племена и всѣхъ Монголовъ, между которыми и Далай-ламою существуетъ тѣсная, религіозная связь.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 06696 4033

